

Петр Букейханов

Курская битва. Наступление. Операция «Кутузов». Операция «Полководец Румянцев». Июль-август 1943

© Букейханов П.Е., 2013

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2013

Введение

Согласно советской и российской исторической традиции, основанной на теоретических положениях советской военной науки, Курская битва включает в себя не только операцию «Цитадель», которая служит основным объектом изучения для американской и западноевропейской историографии, но также наступательные операции Красной армии на Орловском и Белгородско-Харьковском направлениях. В этих операциях были задействованы войска пяти фронтов общей численностью около 2,5 млн человек [1 - См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 286–287.], а сражения разворачивались в полосе протяженностью более 900 км от Жиздры на севере до Чугуева на юге. Тем не менее в большинстве военно-исторических исследований данные наступательные операции излагаются как бы «мельком», оставаясь в тени операции «Цитадель», хотя в действительности именно их ход и результаты позволяют оценить истинную значимость как операции «Цитадель», так и всей Курской битвы в целом.

Соответственно, целью данной работы стало восполнить имеющийся пробел в части комплексного изучения и многофакторного военно-аналитического исследования Орловской и Белгородско-Харьковской наступательных операций Красной армии в июле – августе 1943 года. Для этого была предпринята попытка решить следующие задачи: 1) детализировать события и ход боевых действий; 2) рассмотреть альтернативные варианты оперативных и оперативно-тактических решений обеих противоборствующих сторон; 3)

оценить потери сил и средств противников; 4) показать высший командный состав германских и советских войск, ответственный за планирование и проведение операций; 5) определить результативность оборонительных и наступательных действий советских и германских войск в этих операциях.

В таком объеме указанные операции не рассматривались ни в исследовании Генерального штаба Вооруженных сил СССР, подготовленном его Военно-историческим управлением в 1946–1947 годах и наиболее полно отразившем ход сражений за Орел, Белгород и Харьков, ни в последующих трудах отечественных и зарубежных авторов.

Предметом исследования в работе избрана система взаимосвязанных и взаимозависимых оборонительных и наступательных действий оперативно-стратегических, оперативных и оперативно-тактических объединений, оперативно-тактических соединений и частей Красной армии и вермахта на Орловском, Белгородском и Харьковском направлениях в рамках Орловской и Белгородско-Харьковской стратегических наступательных операций советских войск в ходе Курской битвы в июле – августе 1943 года, а также связанная с этим оперативная и организационная управленческая деятельность германского и советского командования. Хронологические границы исследования заключают период с 12 июля 1943 года (начало наступления войск Западного и Брянского фронтов против Орловского плацдарма группы армий «Центр» противника) по 23 августа 1943 года – время окончания Белгородско-Харьковской наступательной операции Воронежского и Степного фронтов, завершившейся взятием Харькова. Временные границы в некоторых случаях расширяются для того, чтобы целостно рассмотреть развитие операций от формирования замысла и оперативной ситуации к началу боевых действий до влияния достигнутых результатов на дальнейшее положение противников. Установленные хронологические рамки исследования позволяют выявить характерные особенности, присущие каждой из операций, что требует сопоставить весь ход боевых действий на каждом из направлений. Географические границы исследования включают значительную часть территории Центрально-Черноземного региона России (Орловская, Курская и Белгородская области) и северо-восточных районов Украины (Сумская и Харьковская области).

Актуальность исследования обусловлена тем, что предшествовавшие ему многочисленные военно-научные и исторические работы и публикации по теме Курской битвы отличались фактографическим подходом к отражению событий, последовавших сразу после неудачного для германских войск наступления по плану операции «Цитадель». При этом во многих исследованиях даже фактографические обзоры наступательных операций Красной армии на Орловском, Белгородском и Харьковском направлениях имели поверхностный характер. В них отсутствовал анализ динамики оперативной обстановки, состава противоборствующих группировок, задействованных в сражении сил и средств, принятых оперативных решений, а также не был детально изложен ход боевых действий. До настоящего времени отсутствует относительно точный сравнительный анализ потерь сил и средств обеих сторон в указанных операциях, поскольку имеющиеся по этому поводу мнения характеризуются субъективизмом оценочных суждений.

Все это свидетельствует о необходимости самостоятельного специального исследования.

Методологической основой исследования являются принципы объективности и историзма, предусматривающие беспристрастный в политическом отношении и по возможности точный с методической стороны анализ собранной информации в контексте конкретной исторической обстановки, с использованием всех доступных исследователю источников и литературы. В процессе исследования использовались системный, ретроспективный, проблемно-хронологический, сравнительно-исторический и математический методы изучения. Источники данных для исследования включают как опубликованные материалы, так и архивные документы, некоторые из которых впервые введены в научный оборот.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем объективно и полно отражены ход и оперативно-стратегические характеристики сражений войск Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Степного фронтов с войсковыми группировками германских групп армий «Центр» и «Юг» в ходе наступательной фазы Курской битвы. Автором предпринята попытка изучения особенностей формирования наступательных замыслов советского командования, планов и намерений германской стороны по организации обороны Орловского и Белгородско-Харьковского плацдармов, построения системы обороны германских войск на плацдармах, соотношения сил и средств противников, схемы организации наступления ударных группировок советских оперативных объединений, действий командования и войск обеих сторон в ходе сражений, а также материальных и людских потерь.

На основе имеющейся информации в исследовании показаны характерные черты оперативного планирования советского и немецкого командования в летней кампании 1943 года; раскрыты причины, итоги и последствия оперативных неудач каждой из сторон; прослеживается взаимосвязь между развитием ситуации на разных участках фронта; анализируются как позитивные, так и негативные стороны боевой работы советских и германских войск и их командования в этот период; охарактеризована совокупность объективных и субъективных факторов, повлиявших на достижение поставленных задач и результативность боевой работы войск противников.

При формулировке выводов по итогам исследования каждого из сражений автор показывает влияние Орловской и Белгородско-Харьковской стратегических наступательных операций на результаты Курской битвы в целом и дальнейшее изменение оперативно-стратегического положения противников на советско-германском фронте.

Часть первая. Операция «Кутузов»

Глава 1. Подготовка операции «Кутузов» (Орловской наступательной операции Красной армии) и оперативная обстановка на фронте ее проведения в начале июля 1943 года

1.1. Замысел и план операции «Кутузов» (Орловской наступательной операции), силы и средства советской стороны и мероприятия по подготовке к наступлению

Наступление войск Западного, Брянского и Центрального фронтов, завершившееся взятием Орла, отступлением Орловской группировки немцев и ликвидацией орловского стратегического плацдарма, проходило в период с 12 июля по 18 августа 1943 года. Бои развернулись на обширной территории, ограниченной с севера линией Жиздра, Белев, Плавск, с юга – Малоархангельск, Севск, с востока – Плавск, Новосиль, Малоархангельск, и с запада – рубежом рек Болва и Десна.

Орловский плацдарм немцев представлял собой огромную дугу, обращенную выпуклостью на восток. Границей, окаймлявшей этот плацдарм с северо-востока, востока и юго-востока, служила линия фронта, проходившая южнее Кирова на Думиничи и далее на Новосиль, Змиевку, Тагино, Дмитровск-Орловский. В общей системе обороны германской армии на Востоке этот плацдарм оставался одним из наиболее укрепленных, поскольку имел крупное оперативное значение. Он мог служить исходным районом как для наступления на Москву, так и для удара на Курск с севера. Одновременно германское командование рассматривало его в качестве «бастиона» обороны на Восточном фронте. Ликвидация Орловского плацдарма немцев устраняла угрозу наступления противника на Москву и на Курский выступ с севера и создавала благоприятные условия для наступления Красной армии на Брянск.

В то время, когда германская армия на Восточном фронте готовилась к наступлению на Курск, советское командование планировало провести схожую операцию, поэтому, укрепляя оборону Курского выступа, одновременно сосредотачивало войска для наступления на Орел с целью окружения и разгрома крупной вражеской группировки и ликвидации занимаемого этой группировкой Орловского стратегического плацдарма. План этой наступательной операции, получившей условное наименование «Кутузов», был разработан Ставкой и утвержден Верховным главнокомандующим еще в мае, а затем несколько раз обсуждался и корректировался. В основу плана была положена идея нанесения концентрических ударов силами Западного, Брянского и Центрального фронтов в общем направлении на Орел с целью окружения орловской группировки противника, рассеяния ее на части и уничтожения.

Согласно замыслу операции, ЗапФ наносил удар на юг силами 11-й гв. А при поддержке 1-й ВА, чтобы совместно с войсками БрФ окружить и уничтожить болховскую группировку противника, а затем, наступая частью сил в южном направлении на Хотынец, основными силами охватить орловскую группировку врага с запада и, взаимодействуя с войсками БрФ, разгромить ее. Для обеспечения наступления 11-й гв. А с запада вспомогательный удар предстояло нанести 50-й А ЗапФ.

БрФ главный удар наносил на своем левом крыле смежными флангами 3-й и 63-й армий. Проведя наступление по расходящимся направлениям, они должны были перерезать железную и шоссейную дороги Орел – Курск, окружить и уничтожить противника, оборонявшегося восточнее Орла, освободить город, а затем наступать на запад. На правом крыле фронта 61-я А должна была во взаимодействии с 11-й гв. А окружить и уничтожить

болховскую группировку немцев, овладеть Болховом, в дальнейшем наступать на Орел с севера, а частью сил совместно с 3-й армией изолировать и разгромить мценскую группировку врага. Наступление войск фронта поддерживала 15-я ВА.

ЦФ должен был армиями правого крыла при поддержке 16-й ВА ликвидировать вклинение противника в полосе его обороны, затем, нанося удар в общем направлении на Кромы и далее на северо-запад, охватить орловскую группировку немцев с юга и юго-запада и содействовать войскам Брянского и Западного фронтов в ее уничтожении. Армиям левого крыла фронта была поставлена задача частными операциями сковывать противника, чтобы воспрепятствовать его маневру силами и средствами, тогда как их части и соединения могли быть использованы для развития наступления на основном направлении.

Вместе с тем следует отметить, что первоначальный замысел был несколько иным: Ставка и Генеральный штаб планировали, что 11-я гв. А нанесет главный удар не на Болхов, а на Хотынец, навстречу удару ЦФ, тогда как все силы БрФ будут направлены на взятие Орла. Это могло бы привести к рассечению и глубокому охвату основных сил 2-й немецкой ТА на Орловском плацдарме, позволив избежать затяжных боев по преодолению ее обороны.

Командующий 11-й гв. А (бывшей 16-й) Маршал Советского Союза (с 1955 года) Иван Баграмян свидетельствует [2 - Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. С. 186–188.], что операцию «Кутузов» разрабатывали в следующей последовательности: командование фронтов, получив от Генерального штаба предварительный замысел наступления и общие указания по его организации, намечало конкретные фронтовые планы, привлекая к этому командующих теми армиями, которым предстояло участвовать в операции. В дальнейшем планы рассматривал ГШ и утверждал Верховный главнокомандующий. Командующие Западным и Брянским фронтами генералы Василий Соколовский и Макс Рейтер выработали согласованное предложение об организации наступления, согласно которому 11-й гв. А, имевшей в своем составе 9 стрелковых дивизий, 2 танковых корпуса и другие средства усиления, предстояло прорвать оборону противника южнее Козельска и развивать удар строго на юг – на Хотынец, с целью выйти во фланг и глубокий тыл орловской группировки немцев. После прорыва вражеской обороны из-за левого фланга 11-й гв. А должны были выдвинуться вперед три дивизии соседней 61-й А БрФ, с задачей «свернуть» оборону противника, обеспечивая наступление с востока. Особенно важная роль в операции отводилась главным силам Брянского и Центрального фронтов. Первому надлежало нанести из района Новосия мощный удар по вершине Орловского выступа и овладеть Орлом. Войска ЦФ должны были наступать из района Понырей на северо-запад, навстречу 11-й гв. А, чтобы в районе Хотынца замкнуть кольцо окружения вокруг орловской группировки противника. Вместе с тем, по мнению Баграмяна и начальника штаба 11-й гв. А генерала Ивана Гришина (Иван Тихонович Гришин), эффектный замысел окружить всю орловскую группировку не учитывал соотношение сил, прочность вражеской обороны, а также вероятное развитие оперативной обстановки в полосе ЦФ. При наступлении на Хотынец, разбросав силы на большом пространстве, 11-я гв. А неизбежно потеряла бы свою наступательную мощь и сама в конечном итоге могла стать объектом сильных фланговых контрударов. Кроме

этого, реальный расчет и анализ сложившейся обстановки показывали, что надеяться на тесное взаимодействие с ударной группировкой ЦФ не приходилось, поскольку его войска неизбежно будут продолжительное время заняты напряженными оборонительными боями и вряд ли смогут после этого быстро преодолеть 120 км, отделяющие их от Хотынца.

Маршал Баграмян отмечает [3 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 188–191.], что первоначальный замысел операции, по-видимому, появился под впечатлением сталинградского наступления, в котором ударные группировки Юго-Западного и Сталинградского фронтов замкнули кольцо окружения в точно назначенном пункте, пройдя навстречу друг другу более 200 км. Однако под Сталинградом удар наносился по слабым флангам противника, а маневр на окружение осуществлялся по его тылам, куда он не мог перебросить резервы: их поглотили бои на улицах огромного города. В районе Орла обстановка сложилась совсем по-другому. Противник подготовил здесь прочную долговременную оборону и сосредоточил мощную группировку, которая сама готовилась наступать. Это в какой-то мере напоминало ситуацию, сложившуюся под Харьковом весной 1942 года, когда армии Юго-Западного фронта планировали удар по немецкой группировке, которая также готовилась к наступлению, и в результате советские войска потерпели крупное поражение (в это время Баграмян был начальником штаба ЮЗФ и Юго-Западного направления. – П. Б.). В связи с этим Баграмян и Гришин пришли к выводу, что в замысел операции следует внести поправки, ограничившись более скромной по масштабу, но реальной задачей: сходящимися ударами 11-й гв. А из района к югу от Козельска, а также 61-й А БрФ с северо-востока, окружить и уничтожить болховскую группировку противника, прикрывавшую с севера германскую 9-ю А. Разгром болховской группировки должен был привести к потере оперативной устойчивости всей орловской группировки и создавал благоприятные условия для дальнейшего продвижения советских войск на юг, во фланг и тыл ее основным силам. Для этого желательно было подчинить командованию 11-й гв. А все соединения, которым предстояло наступать с плацдарма на южном берегу реки Жиздры (захваченном войсками 16-й А в ходе Жиздринской операции ЗапФ в феврале – марте 1943 года. – П. Б.) – двенадцать стрелковых дивизий, а 61-ю А усилить несколькими дивизиями и одним танковым корпусом из резерва Ставки. Эти соображения генерал Баграмян подробно доложил командующему ЗапФ, но они показались генералу Соколовскому недостаточно убедительными. Против них выступил и командующий БрФ генерал Макс Рейтер, поэтому руководство Генерального штаба не сочло возможным изменить что-либо в плане. На совещании в Ставке в конце апреля Баграмян вновь доложил свои предложения, Соколовский и Рейтер вновь высказались против его варианта проведения операции, однако Сталин неожиданно поддержал Баграмяна (как замечает Баграмян, после этого охотников продолжать спор не нашлось, хотя интересно, что генерал Рейтер, который в августе 1941 года занимал всего лишь должность начальника тыла БрФ, в июне 1943 года был снят с командования этим фронтом и назначен командующим Степным военным округом, в начале июля – заместителем командующего войсками ВорФ, а с сентября – командующим войсками Южно-Уральского военного округа. – П. Б.). Таким образом, было принято решение, согласно которому задача 11-й гв. А теперь состояла в том, чтобы, преодолев оборону противника на участке Глинная – Жуково, повернуть главные силы на юго-восток и наступать на Болхов, куда с северо-востока будут стремиться войска 61-й А БрФ. Для решения этой задачи 11-й гв. А передавались все дивизии, которым предстояло прорывать

вражескую оборону южнее Козельска. Только после разгрома болховской группировки противника 11-я А могла двигаться на Хотынец.

Позиция, занятая Сталиным при обсуждении окончательного варианта плана операции «Кутузов», объясняется прежде всего тем, что наступление войск Западного и Брянского фронтов зависело от результатов Курского оборонительного сражения. Советское командование рассчитывало, что Орловская операция либо воспрепятствует успешному наступлению противника против Курского выступа, создав для него кризисную ситуацию на соседнем участке фронта, либо обеспечит полный разгром его орловской группировки, ослабленной в ходе неудачных боев по преодолению обороны ЦФ. Отсюда до последнего момента существовала неясность со сроками начала операции, с характером взаимодействия фронтов, со способами действий ЦФ, с порядком наращивания усилий из глубины. Вплоть до начала операции ни Западный, ни Брянский фронты не имели вторых эшелонов, так как не было заранее известно, смогут ли быть готовы к действиям сосредотачиваемые на этом направлении резервы Ставки, или их придется перебрасывать, чтобы ввести в бой под Курском. Только после 12 июля ЗапФ получил на усиление 11-ю общевойсковую и 4-ю танковую армии, а БрФ – 3-ю гв. ТА, что опять потребовало существенного пересмотра плана операции. Однако за два с половиной месяца до этого, находясь в условиях неопределенности, Сталин предпочел принять более осторожный вариант плана, предложенный Баграмяном, который мог быть реализован без привлечения резервов Ставки Верховного главнокомандования, но, в случае успеха, по-прежнему создавал угрозу разгрома основных сил немецкой 2-й ТА на Орловском плацдарме.

С другой стороны, предложение Баграмяна соответствовало опыту, полученному советским командованием в 1942 году в результате проведения наступательных операций под Ленинградом, Харьковом, в районе Ржева и Вязьмы, когда ударные группировки, нацеленные на глубокий прорыв вражеской обороны, отрезались фланговыми контрударами немцев. Кроме того, при разработке операции «Кутузов» над Сталиным довлел еще и опыт недавнего наступления под Сталинградом, где глубокий прорыв вражеской обороны оказался успешным благодаря тому, что удары наносились на участках, занимаемых гораздо менее боеспособными войсками союзников Германии. В то же время ликвидация сталинградской группировки, основу которой составляли собственно германские войска, потребовала много сил и времени и длилась с конца ноября 1942 до 2–3 февраля 1943 года, причем по ходу боевых действий возникла угроза деблокирования окруженного противника, так же как до этого под Демянском, где немцам в итоге удалось освободить свои войска. По-видимому, именно в связи с этим вместо глубоких ударов под основание Орловского выступа Сталин предпочел решать задачу уничтожения орловской группировки противника поэтапно, проведя несколько фронтовых операций с целью ее разделения и окружения по частям. Такой замысел был оправдан при условии поддержания быстрых темпов наступления, чтобы противник не успел отвести свои войска из-под ударов, иначе операция привела бы только к его постепенному вытеснению с позиций. Вместе с тем удары нескольких группировок на протяженном фронте, направленные против наиболее сильно укрепленных узлов сопротивления немцев, вряд ли позволяли обеспечить такой высокий темп наступления.

Согласно окончательному плану советской Ставки Верховного главнокомандования, для проведения операции «Кутузов» создавались четыре ударные группировки: одна на левом крыле ЗапФ – в районе Глинная – Ожигово (войска 11-й гв. А); две в полосе БрФ – в районе Карагашинка – Городище – Тшлыково на левом крыле 61-й А, а также севернее и юго-западнее Новосилиа на стыке смежных флангов 3-й и 63-й армий; одна на правом крыле ЦФ, что позволило развернуть наступление в полосе протяженностью 400 км [4 - См.: Битва под Курском: Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. Военно-исторический отдел Генерального штаба Красной армии. М.: Военное издательство Народного Комиссариата Обороны, 1945. С. 31–32; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. С. 276; Россия и СССР в войнах XX века. С. 286.]

Войска 11-й гв. А под командованием генерала Ивана Баграмяна получили задачу прорвать оборону противника на участке Глинная – Ожигово и, нанося удар на Крапивну, выйти на рубеж: река Рессета – Крапивна – Сорокино. В дальнейшем они должны были развивать наступление на юго-восток в общем направлении на Болхов, с целью уничтожения болховской группировки немцев во взаимодействии с войсками 61-й А БрФ, наступавшими на Болхов с северо-востока. Одновременно частью сил войска 11-й гв. А должны были двигаться в южном направлении на Узкое, с целью обеспечения правого фланга войск БрФ, наступающих на Орел, а также с целью блокирования коммуникаций, связывающих орловскую группировку противника с Брянском.

На левофланговые части 50-й А ЗапФ, которой командовал генерал Иван Болдин (начальник штаба генерал Никита Брилев), возлагалась задача наступлением в направлении на Зикеево обеспечить правый фланг ударной группировки войск 11-й гв. А.

Войска БрФ прорывали неприятельскую оборону на двух направлениях: на правом крыле фронта силами 61-й А, а на левом крыле смежными флангами 3-й и 63-й армий, чтобы затем, введя в бой на участках прорыва сильные подвижные группы, концентрическими ударами с севера и юга на Орел окружить и уничтожить группировку противника, оборонявшуюся восточнее Орла.

Войска 61-й А БрФ под командованием генерала Павла Белова (начальник штаба полковник Михаил Николаевич Сальников), наступая с рубежа Пальчиково, Средние Ростоки в юго-западном направлении, должны были во взаимодействии с частями 11-й гв. А разгромить болховскую группировку немцев и ликвидировать болховский узел сопротивления, а затем развивать наступление на Орел с севера.

Задача войск 3-й А БрФ под командованием генерала Александра Горбатова (начальник штаба генерал Макар Ивашечкин) по плану состояла в том, чтобы после прорыва неприятельской обороны на участке Измайлово – Вяжи наступать на Старую Отраду (Отраду), в дальнейшем ударом главных сил с северо-востока вдоль западного берега реки Ока овладеть Орлом. Эту задачу войска 3-й А выполняли в тесном взаимодействии с войсками 63-й А под командованием генерала Владимира Колпакчи (Калпакчи, начальник

штаба полковник Николай Владимирович Еремин), которые имели задачей прорвать немецкую оборону на участке Вяжи – Орловка и нанести главный удар на Становой Колодезь, развивая его в дальнейшем в северо-западном направлении с целью охвата Орла с юго-востока и овладения городом во взаимодействии с войсками генерала Горбатова.

По овладении городом Орел войска БрФ должны были немедленно и энергично развивать наступление на запад.

Войска ЦФ своим правым крылом должны были нанести удар на Орел с юга, вдоль реки Ока, совместно с войсками ЗапФ окружить орловскую группировку противника по линии Болхов – Хотынец – Кромы, а совместно с войсками БрФ расцечь ее на части и уничтожить. Для этого войска 48-й А под командованием генерала Прокофия Романенко должны были прорвать неприятельскую оборону своим левым флангом в районе Поздеево и наступать в общем направлении на Змиевку. Войска 13-й А под командованием генерала Николая Пухова имели задачей прорвать оборону противника на рубеже Каменка – Татино и наступать правым крылом на Нестерово, а левым крылом совместно с войсками 70-й А генерала Ивана Галанина – на Кромы.

Для разгрома противника привлекались значительные силы [5 - См.: Гончаров В. Статистика и комментарии. Приложение II // Битва под Курском: От обороны к наступлению. М.: АСТ; Хранитель, 2006. С. 763; Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2. Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3. Соотношение бронетанковых сил под Курском. Приложение 4 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны / Дэвид Гланц, Джонатан Хауз; пер. с англ. Н.П. Григорьева. М.: Астрель; АСТ, 2007. С. 352–353, 362, 367; Огненная дуга. М.: Звонница-МГ, 2003. С. 592–593.]: к 10 июля 1943 года [6 - Для Центрального фронта – на 15 июля 1943 года. (Примеч. авт.)] в войсках левого крыла Западного, Брянского и Центрального фронтов насчитывалось 1286 тыс. человек (из них свыше 927 тыс. солдат и офицеров в боевых частях), 26 379 орудий и минометов (включая реактивную артиллерию, но без учета 50-мм минометов), 3314 танков и САУ. К этому же времени для воздушной поддержки наступательной операции наземных войск имелось 3323 боеготовых боевых самолета в составе частей и соединений авиации дальнего действия (300 самолетов), а также 1-й (1322 самолета), 15-й (995 самолетов), 16-й (706 самолетов) воздушных армий трех указанных выше фронтов [7 - См.: Гончаров В. Статистика и комментарии. Приложение II // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 766; Огненная дуга. С. 594–595.]. Учитывая протяженность полосы, занимаемой войсками левого крыла Западного, Брянского и Центрального фронтов (~530 км), средняя оперативная плотность развернутых советской стороной сил и средств достигала свыше 2,4 тыс. военнослужащих, около 50 орудий и минометов, свыше 6 танков и САУ на километр.

Подготовка к наступлению была начата заблаговременно и проводилась в режиме строгой секретности. Большое внимание при этом было уделено изучению обороны противника, группировке его сил и резервов. Части, находившиеся в непосредственном соприкосновении с противником, непрерывно вели усиленную разведку, уточняя расположение его минных полей, характер инженерных заграждений, систему огня,

группировку артиллерии. Разведывательная авиация проникала в тактическую и тыловую зону расположения германских войск, определяя глубину и характер их обороны, а на участках, намеченных для прорыва, в мае и в июне разведывательная авиация сфотографировала оборонительные позиции противника. Аэрофотосъемка позволила достаточно подробно раскрыть передний край вражеской обороны, систему траншей, расположение позиций артиллерии. Все материалы аэрофотосъемки и войскового наблюдения обобщались топографическими отделами фронтовых штабов и отображались на картах, которые направлялись в армейские, а оттуда в корпусные и дивизионные штабы.

С офицерами штабов и командирами соединений были проведены теоретические занятия по усвоению всех деталей наступательной операции; в мае и в июне весь высший командный состав был привлечен на рекогносцировки, в процессе проведения которых были полностью отработаны вопросы взаимодействия родов войск, связанные с предстоящей операцией. В армиях были проведены специальные штабные учения с начальниками штабов армий и дивизий. Участники этих учений детально отработали вопросы управления войсками в бою, построения боевых порядков в наступлении, организации взаимодействия и связи. Кроме того, штабы проиграли на местности форсирование войсками водных рубежей, прорыв укрепленной полосы и взаимодействие родов войск в наступлении. Учениям на местности обычно предшествовали занятия на ящике с песком с изображением рельефа участка прорыва. Военные игры, штабные учения и занятия с войсками позволили тщательным образом отработать взаимодействие пехоты, артиллерии и танков.

Войска готовились на учебных полях, также специально оборудованных по типу немецкой обороны, где на тактических занятиях были отработаны приемы преодоления препятствий, имеющих в расположении противника; взаимодействие пехоты с танками и артиллерией в звене рота – батальон – полк; наступление за разрывами снарядов своей артиллерии. Для закрепления полученных при подготовке знаний устраивались полковые тактические учения с боевыми стрельбами. На этих учениях основное внимание уделялось отработке темы: «Прорыв укрепленной полосы и развитие успеха в глубине» [8 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 326.].

Каждая часть готовилась к выполнению именно той задачи, которая на нее возлагалась по плану наступления. В стрелковых соединениях подготовка взводов, рот и батальонов проводилась в соответствии с задачами, поставленными им на предстоящую операцию. В частности, отдельные подразделения готовились для прорыва переднего края, для совместных действий с танками в глубине вражеской обороны, для действий ночью, для блокировки опорных пунктов противника, для действий в лесу, для форсирования водных преград, для действий в особых условиях (в лесисто-болотистых районах), для выполнения специальных боевых задач. Усиленную подготовку проходили штурмовые группы и группы разграждения, созданные для уничтожения долговременных сооружений противника. На эти группы ложилась основная тяжесть прорыва обороны противника, поэтому их организации и боевой подготовке уделялось особое внимание. В полках выделялись батальоны и группы, которые готовились к штурмовым действиям. Так, например, к 12 июля в 11-й гв. А были подготовлены 404 штурмовые группы по 8—10

человек в каждой [9 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 326–327.]. При отработке на совместных тактических учениях вопросов взаимодействия пехоты и танков обращалось большое внимание на такие звенья, как танковая рота – стрелковый батальон, танковый взвод – стрелковая рота, отдельный танк – стрелковый взвод. На этих учениях особенно тщательно отработывалось взаимодействие танков со штурмовыми группами и группами разграждения.

Особенности применения артиллерии в операции определялись большим насыщением войск артиллерийскими средствами – на главных направлениях на 1 стрелковый полк приходилось в среднем от 3 до 5 артиллерийских полков [10 - История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 277.]. Для надежного огневого поражения противника предусматривалось проведение в полном объеме артиллерийского наступления. В армиях Западного и Брянского фронтов создавались артиллерийские группы разрушения, дальнего действия, гвардейских минометов, а также зенитно-артиллерийские группы. Артподготовка планировалась продолжительностью до 2 часов 45 минут. Артиллерийскую поддержку намечалось осуществить огневым валом на глубину до 1,5 км. В артиллерийских частях были подготовлены данные для артиллерийского наступления – каждая артиллерийская батарея имела точную схему и панораму целей, а каждый дивизион – фотографическую панораму своего участка прорыва. Форсированно велись работы по оборудованию наблюдательных пунктов и огневых позиций – к началу наступления в армиях были оборудованы артиллерийские наблюдательные пункты (из расчета 4 пункта на 1 км) и открытые огневые позиции (из расчета 10 позиций на 1 км фронта) [11 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 322.]. Подготовка такого большого количества наблюдательных пунктов и огневых позиций не давала противнику возможности заблаговременно определить группировку артиллерии. Размещение материальной части артиллерии в позиционных районах производилось с таким расчетом, чтобы обеспечить наибольшую досягаемость огня всех систем, а также использовать огонь тяжелых гаубиц на наиболее выгодных дальностях для разрушения оборонительных сооружений противника. При этом легкие артбригады предназначались для разрушения траншей первой и второй линий, устройства проходов в проволочных заграждениях неприятеля, стрельбы прямой наводкой по траншеям и амбразурам при сопровождении пехоты и танков; 122-мм гаубицы размещались на таких огневых позициях, с которых они могли обеспечить пристрелку скрытых подступов к переднему краю и разрушить сооружения в глубине обороны противника; 152-мм гаубицы распределялись по фронту в соответствии с характером объектов подавления, причем их позиции приближались на 2–3 км к передовым частям пехоты, чтобы обеспечить наибольшую эффективность и дальность огня. Тяжелые пушечные бригады и полки были предназначены преимущественно для контрбатареинной борьбы. Бригады орудий большой мощности намечалось использовать для разрушения особо прочных сооружений в полосе прорыва. Основная масса артиллерии была выведена на огневые позиции всего за двое суток до начала наступления. Инженерное оборудование огневых позиций к этому времени было закончено. Орудия для стрельбы прямой наводкой выкатывались на огневые позиции ночью накануне наступления.

По сравнению с предыдущими операциями существенные изменения произошли в планировании применения бронетанковых и механизированных войск. Они

обусловливались главным образом возросшими возможностями этого рода войск и наличием глубоко эшелонированной обороны противника. В состав танковых групп непосредственной поддержки пехоты были включены полки самоходной артиллерии. Самоходные установки должны были наступать за танками, поддерживая их действия огнем. Новым было также то, что в некоторых армиях танки непосредственной поддержки пехоты придавались не только дивизиям первого, но и второго эшелона. Танковые армии однородного состава впервые намечалось применить в качестве подвижных групп фронтов для развития тактического успеха в оперативный [12 - История военного искусства: Учебник для военных академий Советских Вооруженных сил / Б. В. Панов, В. Н. Киселев, И. И. Картавцев и др. М.: Воениздат, 1984. С. 205.]. Командование танковых объединений и соединений выбрало пути для выхода танков в выжидательные районы, наметило маршруты перехода через свои боевые порядки, исходные позиции для атаки.

Особое внимание уделялось инженерной подготовке предстоящего наступления. Армии получили на усиление от 3 до 11 инженерно-саперных и понтонных батальонов, так что плотность инженерно-саперных рот на 1 км достигла 4,7–7,6 (в контрнаступлении под Москвой – 1, под Сталинградом – 1,2); в состав 11-й гв. А к 13 июля было дополнительно передано 10 штурмовых инженерно-саперных бригад пятибатальонного состава и понтонно-мостовой батальон; выполнен большой объем работ по маскировке и подготовке исходного положения для атаки, которое было приближено к противнику до 300–400 м, а также проделыванию проходов в минных полях (на участке прорыва 11-й гв. А с этой целью было снято 30 тыс. противотанковых и 12 тыс. противопехотных мин, а также проделано 238 проходов для пехоты и танков в своих минных полях); для обеспечения маневра войск только в полосе БрФ построено 250 км новых дорог, сооружено 75 мостов под грузы 10–60 тонн, отремонтировано и восстановлено 35 мостов и подготовлено 39 бродов, а на участке 11-й гв. А ЗапФ в полосе каждого корпуса подготовлено по шести мостов и бродов через реки Жиздра и Вытебеть [13 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 321, 322; История военного искусства. С. 205.].

К началу операции во всех частях и соединениях была организована надежная телефонная, телеграфная и радиосвязь, были составлены таблицы сигналов, подготовлены обходные линии, созданы запасы средств связи (в 11-й гв. А было сосредоточено до 5 тыс. радиостанций [14 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 325.]) и полностью приведена в готовность материальная часть. Это обеспечило непрерывное продвижение линий связи за войсками и бесперебойность управления. Связь с Генеральным штабом Красной армии к началу наступления осуществлялась по телеграфу, телефону, радио и подвижными средствами; между штабами фронтов связь поддерживалась по телеграфу и по радио, а с пунктами управления штабов – по телеграфу, телефону и подвижными средствами; связь штабов фронтов со штабами армий устанавливалась по телеграфу, телефону, радио и подвижными средствами; по фронту, между армиями, связь организовывалась по телеграфу, радио, подвижными средствами, а на стыках армий между фланговыми дивизиями – по телефону и подвижными средствами. Для артиллерийского обеспечения танковых корпусов при их вводе в прорыв была создана специальная сеть радиосвязи. В нее включались радиостанции командующих армиями, командующих артиллерией, командующих бронетанковыми войсками,

командиров соответствующих артиллерийских частей и соединений, а также корректировщиков огня. Такая организация связи (проводной и радио) не только обеспечивала управление войсками в исходном положении, но и допускала создание новых сетей при перегруппировках войск, производимых в соответствии с новыми задачами, поставленными перед ними.

В подготовительный период значительную работу по снабжению войск материальными средствами провели органы тыла: армейские и войсковые тылы создали в войсках и на складах запасы в таких размерах, которые обеспечивали бесперебойное питание развернувшейся в крупных масштабах наступательной операции. Перед началом наступления войска имели 2–3 комплекта боеприпасов, 3–4 заправки горючего, 15–20 норм суточной дачи продовольствия, что обеспечивало ведение боевых действий на всю глубину операции [15 - См.: История военного искусства. С. 206.]. Таких результатов удалось добиться благодаря тому, что пропускная способность железных дорог намного возросла по сравнению с зимой 1942/43 года и полностью отвечала потребностям войск. Войска ЦФ продолжали базироваться на железную дорогу Курск – Касторное – Елец, их основные базы снабжения размещались в районах Елец, Касторное и Щигры. На ЗапФ 50-я А базировалась на железнодорожные участки Тихонова Пустынь – Сухиничи – Думиничи; 11-я гв. А совместно с 61-й армией БрФ – на железнодорожный участок Горбачево – Манаенки – Белев – Козельск, хотя основные армейские базы снабжения размещались на участке Сухиничи – Козельск, рокадное положение которого давало возможность снабжать войска армии с обоих флангов. Войска БрФ базировались на железнодорожные участки: Тула – Узловая – Волово; Волово – Ефремов; Тула – Горбачево; Волово – Горбачево – Белев, а также Тула – Козельск; распорядительными станциями фронта были Узловая, Тула; грузы подавались составами-«летучками» на станции Лихвин, Козельск, Манаенки – Выползово, откуда автотранспортом доставлялись на дивизионные обменные пункты. Обменные пункты дивизий первого эшелона располагались в 4–8 км от переднего края, армейские склады – в 20–25 км, отделения армейских складов с запасами на грунте – в 25–30 км, фронтовые склады находились на удалении 180–200 км от переднего края [16 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 328.]. Перевозка грузов на склады и к войскам осуществлялась по твердому графику (только войска БрФ ежедневно использовали для этого до тысячи автомашин). С целью облегчения работы автотранспорта и увеличения грузооборота, помимо основных автомобильных и профилированных дорог, к началу операции была подготовлена сеть армейских грунтовых дорог, обеспечивающая широкий маневр материальными средствами. Автотранспорт армейских автомобильных батальонов приходилось использовать преимущественно на коротких участках таких грунтовых дорог.

При всем этом особое внимание уделялось достижению внезапности и, соответственно, маскировке всех подготовительных мероприятий. С этой целью передвижения войск и транспортов в пределах фронтов осуществлялись ночью. Так, по данным штаба 11-й гв. А [17 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 14–16.], в ее полосе в непосредственном соприкосновении с противником вплоть до начала июля находились только три стрелковые дивизии (217, 108 и 16-я гвардейская сд), а остальные силы располагались в лесах в 40–90 км от переднего края обороны. До последнего момента на огневые позиции

не выводилась артиллерия. Для занятия исходных рубежей войска передвигались только в темное время суток, танки, автомашины и тягачи шли с погашенными фарами, шум двигателей заглушался огневыми налетами по вражеским позициям. Учитывая необходимость скрыть от противника направление грузоперевозок, чтобы не обнаружить сосредоточение ударных группировок, грузы также подвозились к войскам только ночью, днем на важнейших магистралях разрешалось движение к линии фронта только одиночными машинами. На армейских и фронтовых дорогах была установлена служба регулирования. С целью замаскировать направления главных ударов и привлечь внимание противника к второстепенным участкам создавалось большое количество ложных и запасных окопов, траншей, огневых позиций артиллерии и других сооружений.

На участках 50, 3 и 63-й армий артиллерия выдвигалась на огневые позиции, пехота и танки сосредоточивались к переднему краю на второстепенных направлениях, но по выходе в исходное положение танки и орудия заменялись макетами и скрытно отводились в тыл. Здесь же на дорогах, идущих к переднему краю, практиковалось усиленное движение автомашин с зажженными фарами, а по радио и телефону передавались новые ложные позывные.

Авиационное наступление складывалось из авиационной подготовки и поддержки. Оно возлагалось на воздушные армии фронтов – 1, 15 и 16-ю, среди которых основную ударную силу к 12 июля 1943 года представляла 1-я ВА под командованием генерала Михаила Громова (начальник штаба генерал Александр Пронин) в составе 6 истребительных, 4 штурмовых и 2 бомбардировочных авиационных дивизий (по две истребительные авиадивизии были объединены под управлением 2-го и 8-го истребительных авиакорпусов, две штурмовые – под управлением 2-го шак), полностью укомплектованных достаточно опытным и подготовленным летно-техническим составом; в 15-й ВА (командующий армией генерал Николай Науменко, начальник штаба полковник Алексей Саковнин) части 4 истребительных, 3 штурмовых и 3 бомбардировочных авиадивизий (из них две истребительные авиадивизии под управлением 1-го гв. иак, две штурмовые – под управлением 3-го шак) во многом формировались за счет плохо обученного пополнения в период создания армии в мае – июне 1943 года (интересно, что известнейший советский летчик-истребитель капитан Алексей Маресьев, восстановивший к 1943 году боевую готовность после ампутации ступней ног, был направлен именно в части 15-й ВА – в 63-й гв. истребительный авиаполк 3-й гв. авиадивизии 1-го гв. авиакорпуса, и в этом полку в августовских боях 1943 года заслужил звание Героя Советского Союза за поражение в одном бою трех самолетов противника типа Fw-190); в 16-й ВА генерала Сергея Руденко (начальник штаба генерал Петр Брайко) части 5 истребительных, 2 штурмовых и 5 бомбардировочных авиадивизий (из них две истребительные авиадивизии под управлением 6-го иак, две бомбардировочные – под управлением 3-го бак, две бомбардировочные и одна штурмовая – под управлением 6-го смешанного авиакорпуса) понесли существенные потери в ходе оборонительной операции на северном фланге Курского выступа [18 - См.: Горбач В. Над огненной дугой. Советская авиация в Курской битве. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 195–199, 455, 457–459.].

Задачи авиационной поддержки состояли в оказании огневого воздействия наземным войскам, прикрытии ударных группировок на этапе прорыва переднего края и

последующих рубежей вражеской обороны, обеспечении ввода в сражение подвижных танковых и механизированных соединений (объединений) и их действий в оперативной глубине, подавлении узлов сопротивления противника, нарушении его системы управления, сопровождении пехоты и танков, борьбе с подходящими вражескими резервами. Командующий 15-й ВА генерал Николай Науменко предусмотрел за полтора-два часа до начала артподготовки нанести бомбо-штурмовые удары по выявленным узлам связи и штабам противника в полосе всех трех общевойсковых армий БрФ, задействовав для этого 24 самолета-штурмовика типа Ил-2. Однако основной авиаудар планировался в конце проведения артподготовки – объектом атак бомбардировщиков и штурмовиков должны были стать крупные опорные пункты, находящиеся на переднем крае обороны противника, а также позиции артиллерии. Всего предполагалось совершить около 240 самолето-вылетов штурмовиков, которые поровну распределялись в районы Новосиля и Болхова, как в интересах 3-й и 63-й, так и 61-й армий соответственно, хотя одновременно готовился массированный удар силами 90 бомбардировщиков типа Ил-4, а также 48 штурмовиков Ил-2 на участке перед фронтом 3-й и 63-й армий [19 - См.: Горбач В. Над огненной дугой. Советская авиация в Курской битве. С. 200.]. В дальнейшем авиация должна была действовать по вызовам с армейских командных пунктов, а также содействовать танковым войскам. Для поддержки наступления 11-й гв. А командование 1-й ВА планировало совершить 120 вылетов силами 70 бомбардировщиков и 420 вылетов силами 150 штурмовиков, причем для ввода в бой 1-го и 5-го танковых корпусов предполагалось затратить 100 вылетов штурмовой и 160 вылетов истребительной авиации (на БрФ для ввода в прорыв 20-го и 1-го гвардейского танковых корпусов 15-я ВА должна была затратить 58 вылетов штурмовой и 54 вылета истребительной авиации) [20 - См.: Горбач В. Над огненной дугой. Советская авиация в Курской битве. С. 200.]. За каждым из танковых корпусов в 1-й ВА закреплялась своя штурмовая авиадивизия, офицеры штаба которой, следуя в боевых порядках наземных войск, должны были наводить самолеты своего соединения на цели на поле боя.

В ходе авиационной подготовки предстоящей операции соединения 1-й и 15-й воздушных армий наносили удары по объектам в оборонительной полосе и в тылу немецких войск. Сильные удары с воздуха были нанесены по железнодорожным узлам и аэродромам в Орле, Карачеве, Брянске, станциям Золотарево и Моховая [21 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 33.]. Кроме того, для авиационной подготовки наступления предусматривалось привлечение частей и соединений авиации дальнего действия. В соответствии с указаниями Ставки командующий авиацией дальнего действия генерал Александр Голованов сосредоточил к Орловскому выступу части и соединения из состава пяти авиакорпусов (1, 2 и 3-й гвардейские бомбардировочные, 5-й и 7-й бомбардировочные авиационные корпуса дальнего действия [22 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 353–354.]), чтобы обеспечить этими силами по 600 самолетовылетов в течение двух ночей перед началом операции, из которых 400 в полосе наступления 3-й и 63-й армий, а 200 перед фронтом 11-й гвардейской и 61-й армий (в действительности в ночь на 11 июля удалось сделать 575 самолето-вылетов, а на 12 июля – 549) [23 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 199–200, 202.]. На участке 11-й гв. А генерал Иван Баграмян и генерал Александр Голованов наметили нанести два массированных бомбовых удара по всей глубине первой

полосы немецкой обороны, в особенности по опорным пунктам, среди которых ключевым являлся пункт в районе села Дудино, занимавший ряд возвышенностей, господствующих над долиной реки Жиздры [24 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 199.]. Для этого было выделено 100 бомбардировщиков 1-го гвардейского и 5-го бомбардировочных авиакорпусов (командующие корпусами генералы Дмитрий Юханов и Иван Георгиев), которые в ночь на 11, а затем 12 июля совершили два воздушных налета, используя при этом бомбы до 2 тонн весом. В полосе 61-й А 7-й авиакорпус дальнего действия под командованием генерала Виктора Нестерцева в ночь на 12 июля произвел около 100 самолетовылетов на бомбардировку Болхова, вызвав в городе многочисленные пожары [25 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 273.]. С другой стороны, генерал Рендулич отмечает [26 - Рендулич Л. Управление войсками / Сокр. пер. с нем. Л. П. Артемова и Ю. А. Сазонова, предисл. д. и. н. проф. И. И. Семиряги. М.: Воениздат, 1974. С. 167.], что в полосе 35-го ак русская авиация не проявляла большой активности, а налеты небольших групп самолетов-штурмовиков существенного воздействия на германские войска не оказывали, поэтому, если не считать использования разведывательных самолетов, подготовка к сражению на участке фронта восточнее Орла проходила так, словно авиации у обеих сторон вовсе не было.

Касаясь действий советской авиации, также следует заметить, что сосредоточение сил 1-й ВА на левом крыле ЗапФ затруднило материально-техническое обеспечение ее воздушных операций, поскольку на каждый батальон аэродромного обслуживания теперь приходилось в среднем 2–3 авиационных полка, а в 15-й ВА имел место большой некомплект автотранспорта и специальной аэродромной техники, составлявший свыше 50 процентов от нормы [27 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 201–202.].

Окончив подготовку, войска трех фронтов ожидали приказа о наступлении. Выбор момента перехода к активным наступательным действиям Ставка связывала с ходом Курской оборонительной операции, причем преждевременный удар мог встретить сильное сопротивление со стороны группировок противника, а затягивание операции позволило бы немцам перейти к обороне и организовать сопротивление. В результате анализа развития обстановки со стороны Ставки и Генерального штаба было признано необходимым начать наступление в тот момент, когда приостановилось наступление ударной группировки 9-й немецкой армии на северном фланге Курского выступа. По воспоминаниям маршала Жукова [28 - Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Издательство агентства печати «Новости», 1971. С. 461.], утром 9 июля 1943 года на командный пункт ЦФ, где он находился в качестве представителя Ставки, позвонил Сталин и спросил мнение Жукова по поводу сроков начала наступательной операции Западного и Брянского фронтов. Жуков ответил, что на участке ЦФ противник уже не располагает силой, способной прорвать оборону советских войск, поэтому теперь необходимо не дать ему времени на организацию противодействия и немедленно переходить в наступление всеми силами БрФ и левым крылом ЗапФ, без которых ЦФ не сможет успешно провести запланированное контр наступление. Сталин согласился с этим, и тогда Жуков предложил начать операцию 12 июля, после чего Сталин приказал ему выехать на БрФ и проконтролировать его ввод в сражение.

Поскольку 9 июля на северном фесе Курского выступа наступило временное снижение активности германских войск, связанное с их перегруппировками, что было отмечено в боевом донесении командующего ЦФ Верховному главнокомандующему [29 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 199.], то это, по-видимому, произвело ошибочное впечатление, что противник здесь уже «выдохся». К аналогичному выводу приводили и завышенные данные о потерях немецких ударных соединений, предоставлявшиеся командованием указанного фронта [30 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 180–203.]. В действительности, как показало дальнейшее развитие событий, ударная группировка 9-й А вермахта еще не была настолько ослаблена боями, чтобы решение о переходе в наступление было обоснованным. В данный момент такое решение, если оно было принято советским командованием по соображениям о состоянии противника, являлось ошибочным, и тогда именно эта крупная ошибка, обусловленная мнением маршала Жукова (исходя из его воспоминаний), повлекла за собой последующие большие потери войск Западного, Брянского, а затем и Центрального фронтов.

С другой стороны, командование ВорФ в своих донесениях сообщало о продолжающемся усилении ударных группировок немцев на южном фесе Курского выступа и наращивании их усилий по прорыву обороны фронта, запрашивая выделение фронту дополнительных сил и средств из состава стратегических резервов Ставки [31 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 75. Л. 364–368.]. В течение 9 июля на Обоянском направлении немцы продвинулись на 6–8 км, достигли реки Псел и на 10-километровом участке вышли к третьей (армейской) полосе обороны ВорФ. В связи с этим, если советская Ставка предполагала переходом в наступление против Орловского плацдарма ГА «Центр» связать и раздробить силы противника, вынудив его тем самым вообще прекратить операцию «Цитадель» (поскольку остановка наступления на северном фесе Курского выступа означала неудачу всей этой операции в целом), тогда принятое решение соответствовало обстановке, оказалось верным и, несмотря на потери, привело к ожидаемому результату. Вероятнее всего, анализируя неудачный ход оборонительной операции в полосе ВорФ, Сталин и руководство Генерального штаба вначале пришли к идее о необходимости воспрепятствовать дальнейшему проведению операции «Цитадель», нанеся контрудар против ГА «Центр», а 9 июля, получив данные о снижении активности противника в полосе ЦФ, советское командование решило, что пришло время немедленно реализовать этот замысел. Следует только заметить, что в этом случае главной целью наступления в действительности являлось не столько поражение противника, ослабленного преодолением советской обороны, сколько гарантированное предотвращение поражения войск ВорФ на Курском плацдарме. По-видимому, Сталин предпочел не выжидать дольше, чтобы затем нанести неотразимый удар, но лучше немедленно обеспечить свои войска от возможных неблагоприятных последствий вражеской операции.

В соответствии с принятыми решениями с 9 июля началась перегруппировка войск Западного и Брянского фронтов к наступлению. В течение короткого времени требовалось переместить огромные массы войск. Так, в полосе 11-й гв. А предстояло за три ночи вывести из тыловых районов (в 40–90 км от переднего края) и развернуть на исходных рубежах в первом эшелоне 6 стрелковых дивизий, 4 танковые бригады, 2 танковых полка,

а также разместить на позициях всю артиллерийскую группу – 3 артиллерийские дивизии [32 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 191, 198.].

В ночь на 10 июля русскими были сделаны проходы в своих заграждениях, в ночь на 11 июля – в заграждениях противника, а в течение 11 июля советские войска заняли исходное положение согласно плану операции. На решающих направлениях удалось достигнуть подавляющего превосходства над противником в силах и средствах. Наибольшая тактическая плотность была создана на участках 11-й гвардейской и 63-й армий, наносивших главные удары с целью охвата основных сил 2-й ТА группы центра «Центр».

1.2. Состояние обороны Орловского плацдарма германской армии, группировка германских войск на плацдарме и планы германского командования по его обороне

С августа 1942 года германское командование принимало все меры, чтобы превратить Орловский плацдарм в мощный укрепленный район с сильно развитой и глубоко эшелонированной обороной, состоявшей из ряда полос, рубежей и отсечных позиций (в полосе центрального и левого крыла Брянского фронта оборонительные рубежи строились с марта 1943 года). Тактическая зона обороны включала две полосы: главная полоса обороны имела глубину 5–7 км и представляла собой систему хорошо укрепленных опорных пунктов и узлов сопротивления, приспособленных к круговой обороне и соединенных между собой большим количеством траншей и ходов сообщения; вторая полоса, примерно такой же глубины, располагалась в 8–9 км от переднего края и также представляла систему опорных пунктов и узлов сопротивления, обеспечивавших ведение фронтального и фланкирующего многослойного огня и взаимную огневую поддержку. Основу каждой полосы составлял ряд опорных пунктов, которые располагались на удобных для обороны естественных рубежах и в населенных пунктах, владение которыми обеспечивало контроль над важнейшими путями сообщений. На главной полосе были подготовлены 3–4 непрерывные линии траншей, в которых на удалении 50—100 м одна от другой располагались открытые площадки для пулеметов, в том числе вынесенные вперед для ведения фланкирующего огня, дерево-земляные укрепления и блиндажи. По свидетельству командования и штаба 11-й гв. А [33 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 165, 195; ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 4 об.—6.], опыт, полученный противником в летних боях 1942 года, когда огонь советской артиллерии разрушал большинство дерево-земляных опорных точек (дзотов), заставил немецкие войска существенно изменить оборонительную тактику. К 1943 году сеть дзотов была заменена широко разветвленной системой траншей, связанных ходами сообщения с множеством открытых пулеметных площадок и огневых точек, защищенных цельнометаллическими бронеколпаками, или «крабами», которые оказались не так заметны на местности, как дзоты, и гораздо менее уязвимы. Это обеспечивало довольно широкую возможность маневра как огневыми средствами, так и живой силой. Другой важной особенностью немецкой обороны стала система выступающих вперед узлов сопротивления, позволявших организовать сильное огневое фланкирование, а местами и создание так называемых «огневых мешков». Вдоль всего переднего края перед траншеями были установлены проволочные заграждения в один-два кола, различные противотанковые препятствия, противотанковые и противопехотные минные поля,

прикрывавшие не только пространство перед проволочными заграждениями, но также и полосу между заграждениями и траншеями, а на танкоопасных направлениях минировались все дороги в ближайшем тылу. Кроме того, в 50–70 м от первой траншеи ставился так называемый «немецкий забор», то есть заграждение, которое поддерживалось вперемежку деревянными и металлическими кольями и было опутано колючей проволокой. Все препятствия находились под сильным перекрестным огнем пулеметов и минометов. Населенные пункты, опушки лесов и рощ, расположенные в пределах тактической зоны, как правило, были хорошо укреплены и превращены в опорные пункты и узлы сопротивления.

В глубине обороны немцы оборудовали промежуточные рубежи, тыловые и отсечные позиции, причем значительная их часть проходила вдоль естественных оборонительных рубежей – рек, протекавших по территории Орловского плацдарма. Серьезным естественным препятствием для наступления советских войск в западном направлении являлись реки, текущие с севера на юг – Болва и Десна, и с юга на север – Ока, Зуша, Неручь, Олешня, Оптуха, Оптушка, Нугрь – Вытебеть – Рессета, тогда как более мелкие речки и ручьи (Фомина, Машок, Крома, Неполодь, Орс, Моховица, Цкань, Орлик – Ревна и др.) пересекали район боевых действий в разных направлениях, облегчая подготовку промежуточных и отсечных позиций [34 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 304; ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 6–6 об.]. Бассейны рек Рессета – Жиздра, Снежедь, Болва и Десна почти сплошь покрыты лесами (Брянские леса) и болотами, которые затрудняют передвижение войск вообще и тем более использование крупных моторизованных и механизированных соединений. Танковые части могли здесь действовать небольшими подразделениями или даже отдельными машинами, и только по дорогам; артиллерия не могла свободно маневрировать колесами и вести прицельный огонь. Передний край главной оборонительной полосы на значительном протяжении проходил по берегам рек Ока, Зуша, Неручь, что требовало форсировать их при начале атаки. Незначительное расстояние между реками Вытебеть и Рессета обеспечивало германским войскам огневое взаимодействие на этих рубежах, а реки Зуша, Ока, Неручь были использованы для устройства сильных оборонительных рубежей.

Поскольку система обороны Орловского плацдарма опиралась на опорные пункты, то в мощные центры сопротивления были превращены все крупные населенные пункты на его территории, в особенности те, где находились узлы коммуникаций или проходили важные железнодорожные и шоссейные пути: Орел, Болхов, Мценск, Карачев, Кромы, Хотынец – Жиздра, Хвастовичи, Зикеево, Дмитровск-Орловский. Особенно густо такие опорные пункты располагались в восточной и юго-восточной части Орловского плацдарма. Напротив, его северо-западная часть представляла лесистый и заболоченный район (восточная часть Брянских лесов), что серьезно затрудняло здесь маневр войск, оснащенных тяжелой боевой техникой. В дополнение к естественным условиям немцы подготовили искусственные препятствия, перекрыв немногие имевшиеся дороги системами различных заграждений, полевыми укреплениями и минными полями.

Таким образом, используя выгодные условия местности и широко привлекая к земляным и строительным работам принудительно мобилизованное местное население,

немцы создали довольно прочную и глубокую оборону. Однако вся система обороны плацдарма имела ряд следующих существенных недостатков.

1. Во-первых, количество полос в тактической зоне обороны составляло две, а не три, как это было в армейской зоне обороны войск Воронежского и Центрального фронтов, удерживавших Курский плацдарм, поэтому глубина тактической зоны оказалась в два раза меньше (12–15 км); общая глубина рубежей германской обороны на Орловском плацдарме максимально достигала 150 км, что было на 40 км меньше, чем наибольшая глубина фронтовой зоны обороны, и на 150 км меньше, чем общая глубина обороны, подготовленной советскими войсками на Курском выступе [35 - См.: История военного искусства. С. 196, 204–205.]. Кроме того, к началу сражения немцы еще не имели оборудованных позиций на берегах рек Вытебеть, Болва и Десна, а тыловой рубеж обороны ГА «Центр», проходящий от Людиново до Навли восточнее Брянска – позиция «Хаген» (нем. Hagen), начал строиться только в июле 1943 года, непосредственно перед началом Курской битвы [36 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 307; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. С. 661–668.]. Основные рубежи, находившиеся в глубине германской обороны, проходили в меридиональном направлении и являлись серьезным препятствием для наступления советских войск с востока на запад, а в случае наступления с севера на юг или с юга на север, направленного на окружение орловской группировки немцев, эти рубежи могли служить только удобными исходными позициями для фланговых контрударов силами резервов.

2. Во-вторых, германскому командованию не удалось создать здесь достаточную оперативную плотность войск. К началу советского наступления по плану операции «Кутузов» две немецкие армии, занимавшие Орловский плацдарм, – 9-я и 2-я танковая армии, в основном включали в себя части и соединения пяти армейских и трех танковых корпусов (28 пехотных, 7 танковых, 2 моторизованные дивизии), имевших следующий состав и группировку [37 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 308–309; Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Изографус; Эксмо, 2002. С. 789–790; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 161–175.].

Перед 50-й и 11-й гвардейской армиями ЗапФ действовали части и соединения 55-го и 53-го армейских корпусов 2-й ТА (с северо-запада на юго-восток – 321, 339, 110, 296, 134-я пехотные дивизии 55-го корпуса, 211-я и 293-я пехотные дивизии 53-го корпуса).

Перед 61-й армией БрФ оборонялись 25-я моторизованная, 112-я и 208-я пехотные дивизии 53-го ак (208-я дивизия на рубеже реки Оки).

Перед войсками 3-й А БрФ на реке Зуша удерживали позиции соединения 35-го ак 2-й ТА (с севера на юг – 34-я и 56-я пехотные дивизии). Перед войсками 63-й А действовали 56-я (частью сил) и 262-я пехотные дивизии, опиравшиеся на рубеж реки Неручь.

Перед войсками 48-й А ЦФ находились соединения 35-го ак 2-й ТА (299-я пехотная дивизия – против стыка Брянского и Центрального фронтов) и 23-го ак 9-й А (далее на юго-запад – 383-я и часть сил 216-й пехотных дивизий).

Перед 13-й армией ЦФ перешли к обороне части и соединения, входившие в германскую ударную группировку 9-й А на северном фазе Курского выступа: часть сил 216-й пехотной и 78-я штурмовая пехотная дивизии из состава 23-го ак; 86-я и 292-я пехотные, 18-я танковая дивизии из состава 41-го тк; 6-я пехотная, 2, 9, 20-я танковые дивизии из состава 47-го тк; 10-я моторизованная, 4-я и 12-я танковые дивизии, часть сил 36-й пехотной дивизии (в распоряжении корпусного командования ударной группировки).

Перед 70-й армией ЦФ с востока на запад до района города Дмитровск-Орловский оборонялись 31, 7, 258, 102-я пехотные дивизии из состава 46-го тк, усиленные группой Мантойфеля (три егерских батальона с приданной им легкой артиллерией).

Далее перед 65-й и 60-й армиями ЦФ оборону до Севска удерживали соединения 20-го ак 9-й А (72, 45, 137, 251-я пехотные дивизии), а южнее уже располагался 13-й ак 2-й А (82, 327, 340, 377-я пехотные дивизии).

Из оперативных резервов противника в лесах западнее Жиздры находилась 5-я танковая дивизия, а в тылу 2-й ТА в районе северо-западнее Брянска до Рековичей дислоцировались части 707-й охранной пехотной дивизии.

Кроме того, во всех крупных населенных пунктах располагались различные вспомогательные и охранные части и подразделения, объединенные под управлением командования 532-го тылового района, начальника инженерных войск 2-й ТА, командиров 203-й и 221-й охранных дивизий, 442-й дивизии специального назначения, начальников местных комендатур [38 - См.: Ньютон С. «Пожарник» Гитлера – фельдмаршал Модель. М.: АСТ; Хранитель, 2007. С. 167, 174–175.].

Также командование ГА «Центр» располагало возможностью использовать в оборонительном сражении на Орловском плацдарме вооруженные силы так называемого Особого Локотского округа – «Бригаду Каминского», достигавшую размера усиленной пехотной дивизии (15–20 тыс. вооруженных бойцов, 36 полевых, 24 противотанковых и 3 зенитных орудия, 40 минометов, 24 единицы бронетехники, в том числе 12 танков [39 - См.: Веревкин С. Вторая мировая война: вырванные страницы. М.: Яуза, 2006. С. 86–87, 146.]), которая находилась в районе северо-западнее Севска, за стыком 9-й и 2-й армий.

Помимо этого, в районе Навля – Локоть – Середина-Буда дислоцировались 3 легкие пехотные дивизии (102, 105, 108-я) из состава 8-го венгерского армейского корпуса под командованием генерала Ласло Дезе (Laszlo Dezso), в котором, по некоторым данным, насчитывалось около 40 тыс. солдат и офицеров [40 - См.: Гончаров В. Статистика и комментарии. Приложение II // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 769.]. Однако, по оценке начальника штаба 2-й венгерской армии генерала Дюлы Ковача (Gyula Kovács), данной на совещании с германским командованием в конце февраля 1943 года, венгерские войска, выведенные в тыл после тяжелых зимних боев, были способны только

на самозащиту от партизан [41 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 148.].

По поводу общей численности орловской группировки, согласно данным российской историографии, в частях и соединениях 2, 9 и 2-й танковой армий группы армий «Центр» к 12 июля 1943 года было около 600 тыс. человек, из которых более 492 тыс. солдат и офицеров боевого состава, свыше 7 тыс. орудий и минометов, около 1,2 тыс. танков и САУ [42 - См.: Огненная дуга. С. 598.]. Вместе с тем 2-я А группы «Центр» участия в боевых действиях в период с 12 июля по 18 августа 1943 года не принимала, поэтому в ходе наступления по плану операции «Кутузов» советским войскам противостояли только основные силы 2-й танковой и 9-й армий. С учетом потерь, понесенных в ходе операции «Цитадель» (см. в кн.: «Курская битва. Перелом», часть 2, глава 3), к исходу 12 июля в составе 9-й А насчитывалось около 244 тыс. человек личного состава, 3,2 тыс. орудий и минометов, приблизительно 900 танков и САУ (из них около 500 боеготовых). Полоса обороны армии достигала около 220 км [43 - См.: Огненная дуга. С. 598–599.]. Средняя оперативная плотность сил и средств в полосе 9-й А составляла 1,1 тыс. солдат и офицеров, около 15 орудий и минометов, 4 танка и САУ на километр фронта.

В целом (без учета частей «Бригады Каминского» и 8-го венгерского армейского корпуса, которые не участвовали в боях за Орловский плацдарм) во 2-й танковой и 9-й армиях насчитывалось 533 тыс. военнослужащих, около 5 тыс. орудий и минометов, приблизительно 1,15 тыс. танков и САУ, развернутых на фронте протяженностью до 460 км (по другим данным, к 1 июля 1943 года обе армии насчитывали 495 тыс. человек, а к началу сражения на Орловском выступе – 475 тыс. солдат и офицеров, 825 танков и САУ [44 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 363; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 518.]). В среднем оперативная плотность сил и средств, сосредоточенных германским командованием на Орловском плацдарме, к 12 июля составляла 1,16 тыс. военнослужащих, 11 орудий и минометов, 2,5 танка и САУ на километр фронта.

Относительно военно-воздушных сил, согласно оценке В. Горбача [45 - Горбач В. Указ. соч. С. 195.], к 12 июля 1-я авиадивизия 6-го ВФ имела в своем распоряжении 630–650 самолетов, поэтому без ее усиления новыми частями и соединениями советская авиация на Орловском направлении могла бы получить подавляющее пятикратное превосходство над противником. Однако к 12 июля 6-й ВФ был пополнен авиацией, переброшенной из состава 4-го ВФ (с южного фаса Курского выступа), а также отдельными частями, действовавшими в районе Ленинграда (две истребительные эскадрильи), за счет чего авиационная группировка, собранная на базе 1-й авиадивизии для поддержки действий наземных войск на Орловском плацдарме, теперь насчитывала 1110 самолетов, в том числе 350 истребителей, 560 бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков, 200 разведывательных самолетов [46 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 224; Огненная дуга. С. 598.].

По информации немецкого военного историка К. Беккера (Cajus Bekker, участник Второй мировой войны, настоящее имя Генрих Берендонк (Heinrich Berendonk). – П. Б.)

[47 - Беккер К. Военные дневники люфтваффе. Хроника боевых действий германских ВВС во Второй мировой войне / Пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. С. 410.], наступление советских войск против Орловского выступа Гитлер планировал отразить с помощью массированного авиационного воздействия на противника. Вместе с тем начальник штаба 6-го ВФ генерал Фридрих Клесс (Friedrich Kless) указывает [48 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 202.], что, хотя такой план и рассматривался ГШ ВВС, но был практически сразу же отклонен в связи с отсутствием ресурсов для постройки и обеспечения снабжением сети аэродромов, которые могли бы принять большое количество дополнительных авиасоединений, предназначенных для действий в составе 6-го ВФ. Напротив, по мнению генерала Клесса [49 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 194.], наступление советских ВВС, готовившееся летом 1943 года, должно было стать одной из мощнейших авиационных операций для того времени, превосходящей по размаху все, что предпринималось до этого на Восточном фронте. Причем такое мнение базировалась на достаточно точных сведениях немецкой разведки – в частности, по ее информации, к началу июля 15-я и 16-я советские воздушные армии имели в своем распоряжении около 1800 боевых самолетов. Действительно, к началу наступательной операции «Кутузов» (к 10 июля) в составе 15-й и 16-й воздушных армий насчитывалось более 1700 только исправных боевых машин [50 - См.: Огненная дуга. С. 594.]. На направлении главных ударов советские воздушные армии, в среднем насчитывавшие около 500 самолетов, могли усиливаться за счет авиационных корпусов резерва Ставки Верховного главнокомандования, доводя свою численность до 1200 самолетов [51 - См.: Огненная дуга. С. 21.]. В целом к летнему наступлению 1943 года было привлечено 60 процентов сил всей советской фронтовой и дальней авиации, действовавшей на Восточном фронте, а также значительная часть истребительной авиации войск ПВО – всего около 5 тыс. самолетов [52 - См.: Попель Н. К. Танки повернули на запад. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001. С. 183.].

Общее соотношение сил, сосредоточенных стороной обороны и стороной нападения для сражения за Орловский выступ, оказалось равным 1:2,4 по личному составу, 1:5,3 – по орудиям и минометам, 1:2,7 – по танкам и САУ, 1:3 – по самолетам, все в пользу Красной армии. Соотношение по средней оперативной плотности сил и средств было приблизительно 1:2 по личному составу, 1:4,5 – по артиллерии, 1:2,4 – по танкам и САУ, также все в пользу советской стороны (по данным ГШ Красной армии [53 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 330–331.], в полосе левого крыла Западного и Брянского фронтов соотношение с противником по общему количеству сил и средств было следующим: 1:3 – по личному составу пехоты, 1:4 – по артиллерии, 1:2,5 – по танкам и САУ, а по плотности боевых средств на километр фронта – 1:3,5 по артиллерии, 1:2,4 по – танкам и САУ). Как видно, за исключением артиллерии количество и плотность советских войск не достигали нормативов, рекомендуемых при организации наступления против заранее подготовленной обороны – соотношение сил и средств 1:3 или 1:4 в пользу наступающего. Поэтому 60–80 процентов сил и средств во всех советских армиях, участвовавших в операции, сосредоточивалось на узких участках прорыва [54 - См.: Огненная дуга. С. 598.], что позволяло достигнуть многократного превосходства над противником в личном составе и технике.

С другой стороны, войска 2-й ТА группы армий «Центр», которая обороняла основную часть Орловского плацдарма (в 1941 году эта армия – 2-я танковая группа, наступала на Москву с южного направления под командованием генерала Гейнца Гудериана (Heinz Guderian), обладали достаточно высокой боевой подготовкой, занимали заранее подготовленные оборонительные позиции и не были ослаблены наступлением в операции «Цитадель» (за исключением передачи ударной группировке 9-й А части своей артиллерии). Вместе с тем в начале июля 2-я ТА силами трех армейских корпусов (35, 53, 55-й) в составе одной моторизованной (25-я моторизованная (панцер-гренадерская) дивизия – организационно должна была иметь один танковый батальон, насчитывавший по штату 45 танков или штурмовых орудий, однако, по некоторым сведениям, танковый батальон в дивизию так и не поступил до осени 1943 года, поэтому танков и штурмовых орудий данное соединение не имело) и тринадцати пехотных дивизий удерживала фронт шириной 240 км; в оперативном резерве танковой армии была 5-я тд (в начале июля 1943 года в танковом полку этой дивизии имелся только один танковый батальон, в котором насчитывалось 93 танка и 9 командирских машин), в резерве в тыловых районах находились 707-я охранная пехотная дивизия (2 пехотных полка, легкая артиллерийская группа и саперная рота, дислоцированные в районе Дятьково – Орджоникидзеград – Жуковка – Клетня), 4 батальона штурмовых орудий (всего около 120 орудий, при наличии в составе батальона трех батарей, укомплектованных по штатам на март 1943 года – по 10 орудий в батарее и командирская машина), 4 артиллерийских и 3 истребительно-противотанковых б-на, 5 дивизионов зенитной артиллерии, 2 бронепоезда, а также большое количество отдельных б-нов, в том числе егерские, саперные, строительные, охранные, так называемые «восточные», 1 азербайджанский и 2 армянских пехотных б-на, кавалерийские и артиллерийские казачьи части, 3 дисциплинарных б-на; среди 15 дивизий на линии фронта восемь считались, по терминологии германского командования, «способными проводить наступление», четыре оценивались как «ограниченно годные для наступления», 1 дивизия была «способной только к обороне», а две оказались «ограниченно способными только к обороне»; в частях и соединениях танковой армии насчитывалось 220–225 танков и САУ [55 - См.: Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2004. С. 366; Германское боевое расписание, 1 июля 1943 г. Приложение 1 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 298; Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 2000. С. 42; Ньютон С. Указ. соч. С. 169–175, 537; Росадо Х., Бишоп К. Танковые дивизии вермахта 1939–1945. Краткий справочник-определитель бронетехники / Пер. С. Дробязко. М.: Эксмо, 2006. С. 54; Россия и СССР в войнах XX века. С. 428.]. По немецким данным, общая численность 15 дивизий 2-й ТА (без учета 707-й охранной пехотной дивизии и других резервов) достигала около 160 тыс. человек, из которых 45–50 тыс. солдат и офицеров боевого состава; в частях полевой артиллерии 2-й ТА на 2 июля насчитывалось 633 орудия, что было не только меньше положенного по штату (838 орудий), но и меньше фактически имевшегося количества, поскольку часть полевых орудий была передана 9-й А для проведения операции «Цитадель» [56 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 182–186, 537.]. По советским данным, с учетом всех резервов, частей усиления и вспомогательных войск в составе 2-й ТА в целом насчитывалось 289 тыс. солдат и офицеров, 2 тыс. орудий и минометов, 500 танков и САУ [57 - См.: Огненная дуга. С. 597.]. Таким образом, средняя оперативная плотность сил и средств, сосредоточенных в

тактической зоне 2-й ТА, составляла до 700 военнослужащих (всего в полосе обороны – до 1200), около 8 орудий и минометов (из них 3 полевых орудия), 1 танк или САУ на километр фронта. Это в 3–4 раза меньше по силам и минимум в 5 раз меньше по средствам, чем было сосредоточено советской стороной для обороны Курского выступа. В связи с недостаточностью сил и средств, на второй полосе обороны размещались только тактические резервы, состоявшие из одного батальона на дивизию, а промежуточные и тыловые рубежи, заранее подготовленные по рекам Ока, Крома, Оптуха, Неручь, Нугрь, Машок – Рессета и Ревна, вообще не были заняты войсками [58 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 307, 309.]. Причем на некоторых участках не только вторая, но даже главная полоса обороны оказалась не достаточно заполненной войсками. Командующий 35-м ак генерал Лотар Рендулич (Lothar Rendulic) вспоминает [59 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 165–166.], что когда в середине июня 35-й корпус посетил командующий ГА «Центр» фельдмаршал Клюге, то он обнаружил, что на каждую пехотную роту приходится полоса протяженностью 1–1,5 км, а на 30–40 км фронта выделено только по одному резервному пехотному батальону.

При этом 2-я ТА практически не имела оперативных резервов, чтобы организовать контрудары в случае глубокого прорыва противника. Начальник оперативного отдела штаба 2-й полевой армии группы армий «Центр» полковник Георг Гребен (Georg-Peter Groeben находился в указанной должности до июля 1943 года, впоследствии начальник оперативного отдела штаба ГА «Центр» в звании генерала. – П. Б.) отмечает [60 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 136–137.], что ширина участков обороны, которые занимали некоторые дивизии 2-й ТА, варьировалась 30 до 35 км, а резервы командования, доступные для поддержки этой армии, состояли только из одной слабой пехотной и одной танковой дивизий (707-я охранная пехотная и 5-я танковая дивизии. – П. Б.).

3. В-третьих, в отличие от условий обороны Курского выступа, Орловский плацдарм немцев имел отчетливо выраженное уязвимое место – систему коммуникаций. Важнейшей железнодорожной магистралью являлась линия Брянск – Орел, от которой отходили ветки Брянск – Зикеево, Брянск – Терebenь, Брянск – Навля, Орел – Мценск, Орел – Курск, Орел – Залегощь, а шоссейные дороги следовали вдоль железнодорожных путей на участках Брянск – Орел и Орел – Мценск, так что самостоятельное оперативное значение имело только рокадное шоссе Болхов – Орел – Кромы [61 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 305.]. Следовательно, главная линия коммуникаций Брянск – Карачев – Орел, за счет которой осуществлялось основное снабжение 2-й танковой и 9-й армий, проходила всего в 60 км от северного фаса Орловского выступа. Соответственно, наибольшую угрозу для 2-й ТА представлял сосредоточенный удар большой массы войск противника с севера с целью быстрого и глубокого прорыва по кратчайшему направлению к основной линии коммуникаций немцев – в район железнодорожной станции Хотынец.

В связи с этим группировка немецких войск на Орловском плацдарме отчетливо показывала, что германское командование сконцентрировало свои основные силы на участке 55-го и 53-го армейских корпусов 2-й ТА, против левого крыла Западного и правого крыла Брянского фронтов, ожидая именно в этом месте наиболее мощного и

опасного удара советских войск. Плотность войск здесь была гораздо выше, чем на участке 35-го ак, удерживавшего силами четырех пехотных дивизий фронт протяженностью 140 км на восточном фесе Орловского выступа [62 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 281.]. Такая резкая диспропорция в построении войск объяснялась как предположениями немцев о замыслах противника, так и тем, что фронтальное наступление на Орел с востока было менее опасным, чем охватывающий удар с севера, причем на участок 35-го ак легче было перебросить резервы из глубины или с фронта 9-й А. В связи с этим полосу обороны 55-го и 53-го корпусов протяженностью 100 км обороняли девять пехотных и одна моторизованная дивизии, а в их ближайшем тылу в районе Жиздры находилась танковая дивизия. Соответственно, плотность войск здесь была приблизительно в два раза выше по сравнению со средней оперативной плотностью на участке 2-й ТА, достигнув 1,4 тыс. солдат и офицеров, 16 орудий и минометов, 2 танков и САУ на километр фронта. Главная полоса обороны 53-го ак 2-й ТА на Болховском направлении состояла из основной позиции, а также позиций полковых и дивизионных резервов, ее общая глубина достигала 5–7 км, передний край проходил по линии Глинная – Дудино – Серая – Жуково; вторая полоса располагалась в 8–9 км от переднего края на рубеже Медынцево – Ульяново и далее по южному берегу реки Вытебеть до Дурнево [63 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 4 об.—6.]. Кроме этого, были подготовлены отсечные позиции по рекам Рессета и Вытебеть, чтобы в случае прорыва главной полосы не позволить советским войскам расширить фронт наступления в сторону флангов. Основой позиций главной полосы обороны на Болховском направлении являлась система опорных пунктов, наиболее сильные из которых были созданы противником в районах населенных пунктов Дудино, Старица – Речица – Перестяж, Медынцево – Ульяново – Пальчиково, Мценск, Сетуха, Березовец, а также в районах Багриново, Мартимьяново – Подмаслово, Архангельское [64 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 30.]. Особое внимание немцы уделили противотанковой обороне, главной составляющей которой были противотанковые и штурмовые орудия, замаскированные на позициях в глубине первой оборонительной полосы, а также специальные команды истребителей танков, прикрывавшие опорные пункты и узлы сопротивления. Танкоопасные направления блокировались минными полями и разнообразными инженерными заграждениями, а берега рек, противоположные вероятному направлению наступления советских войск, эскарпировались.

В связи с изложенным дробление сил Западного и Брянского фронтов на несколько ударных группировок, наступающих не в глубину вражеской обороны, а против ее основных узлов практически вдоль линии фронта, грозило советской стороне затяжными боями, необходимостью преодолевать отсечные позиции и, соответственно, потерей темпа наступления, что позволяло германскому командованию своевременно подтянуть на угрожаемые направления резервы с других участков.

Таким образом, если сравнить операции «Цитадель» и «Кутузов», в каждой из которых планировалось наступление против вражеского плацдарма на выступе линии фронта, то для немцев, учитывая оперативную ситуацию (наличие у неприятеля крупных стратегических резервов), целесообразнее было, вместо глубокого охвата курской группировки противника, последовательно провести ряд согласованных операций на ее

окружение по частям. Напротив, для советского командования в операции «Кутузов» представлялось более оптимальным сосредоточение основных сил с целью мощного удара с севера под основание Орловского выступа. Последующее развитие операции показало, что первое время немцы не располагали достаточными резервами, чтобы отразить удар на Хотынец, в особенности при нанесении этого удара крупными силами (с привлечением одной из находившихся в резерве танковых армий, как это изначально предлагал командующий бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии генерал Яков Федоренко [65 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 249.]), не отвлекаемыми на решение задачи по окружению и уничтожению болховской группировки. Выход к станции Хотынец означал блокирование коммуникаций орловской группировки и серьезное ухудшение положения 2-й ТА, в особенности при одновременном рассекающем ударе основных сил БрФ на Орел, так что германское командование в этих условиях должно было бы преодолеть гораздо более серьезный кризис, чем в действительности.

По мнению маршала Жукова [66 - Жуков Г. К. Указ. соч. С. 479.], в данном случае Ставка допустила ошибку, потому что несколько поторопилась с переходом к контрнаступательным действиям и не создала более сильную группировку в составе левого крыла ЗапФ, которую в ходе сражения нужно было серьезно подкреплять. Войскам БрФ пришлось преодолевать глубокоэшелонированную оборону лобовым ударом, поэтому было бы лучше, чтобы 3-я гв. ТА вводилась в сражение не на БрФ, а вместе с 11-й гв. А.

Однако субъективные оценки оперативной ситуации со стороны первых лиц Верховного командования Германии и СССР предопределили выбор не самых оптимальных, но зато более осторожных вариантов наступательных действий. По свидетельству Жукова [67 - Жуков Г. К. Указ. соч. С. 479–480.], когда он и руководители Генерального штаба маршал Василевский и генерал Антонов докладывали Верховному главнокомандующему о возможности окружить в районе Орла крупную группировку противника, для чего надо было значительно усилить левое крыло ЗапФ, Сталин ответил, что окружать немцев следует в будущем, когда они станут послабее.

Тем не менее, стремясь воспрепятствовать тому, чтобы германское командование, раскрыв подготовку к наступлению против своей 2-й ТА, заблаговременно отступило на заранее подготовленные позиции в глубине Орловского плацдарма, советское командование решило 11 июля провести мощную разведку боем и атаковать крупными силами, способными связать противника. По указанию Ставки Верховного главнокомандования, за сутки до начала общего наступления советские войска произвели силовую разведку на всех участках, намеченных для прорыва. Целью такой разведки ставилось вскрыть огневую систему противника и установить истинный передний край его обороны, а также создать у немцев впечатление перехода в наступление главных сил и тем заставить командование противника развернуть свои силы и огневые средства для ведения обороны.

Глава 2. Начало операции «Кутузов» – прорыв обороны противника и развитие наступления в глубину (ход боевых действий с 12 по 17 июля 1943 года)

Около 3 часов ночи 11 июля, в полосе Западного и Брянского фронтов после десятиминутного артиллерийского налета перешли в наступление выделенные для проведения силовой разведки усиленные батальоны. Их действия были поддержаны огнем части артиллерии с запасных позиций. В результате боев, длившихся весь день, эти батальоны на ряде участков преодолели полосу заграждений и овладели первой линией траншей, которая, как и предполагалось, была занята лишь небольшими силами немцев. Далее разведывательные батальоны подошли ко второй линии, где располагались основные силы противника, и здесь были остановлены контратаками и вновь отброшены к переднему краю. В результате этой разведки советское командование довольно точно установило истинный передний край обороны противника и его огневую систему. Это дало возможность уточнить задачи артиллерии, авиации и танкам. В частности, поправки, внесенные в ранее подготовленные данные для артиллерийского и авиационного наступления, позволили избежать ведения массированного огня по слабо занятой противником первой линии траншей, являвшейся своеобразным ложным передним краем. В докладе представителя Ставки маршала Жукова Верховному главнокомандующему о начале операции «Кутузов» было указано [68 - См.: Огненная дуга. С. 348.], что силовая разведка, проведенная накануне наступления, полностью подтвердила, что передовая траншея занималась только боевым охранением противника. Это дало возможность в последующем избежать напрасного расхода снарядов в период артподготовки.

На участке 11-й гв. А ночью 11 июля авиация дальнего действия нанесла бомбовый удар по основным узлам сопротивления противника, с рассветом был произведен короткий, но мощный артиллерийский налет по переднему краю немецкой обороны, а самолеты-штурмовики поставили дымовую завесу. Под ее прикрытием в 3.30 часов 11 июля в атаку двинулись шесть специально выделенных передовых батальонов, по одному от каждой стрелковой дивизии первого эшелона [69 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 17–19 об.]. Внезапная атака передовых батальонов привела к ряду частных успехов, на некоторых участках их бойцы заняли первую вражескую траншею, захватили пленных. Встревоженное командование немецкого 53-го ак начало проводить контратаки силами ближайших тактических резервов. По свидетельству маршала Баграмяна [70 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 200–201.], из показаний пленных впоследствии стало ясно, что атака действительно была принята за начало наступления главных сил, поэтому немцы открыли мощный заградительный огонь, израсходовали в тот день более 10 тыс. снарядов и практически раскрыли свою огневую систему.

В этот же день 6-й ВФ перевел некоторые авиационные соединения на поддержку сухопутных войск восточнее Жиздры, с задачей максимально задержать наступающего противника до прибытия резервов из состава 9-й А [71 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 220.]. В условиях лесистой местности, предоставлявшей русским прекрасные возможности для маскировки, германская авиация пыталась решить эту задачу ударами по всем значительным коммуникациям, чтобы затруднить движение вражеской бронетехники, механизированных и моторизованных соединений. К исходу 11 июля, пользуясь авиационной поддержкой и проведя ряд сильных контратак, войска 2-й ТА в основном восстановили свое первоначальное положение.

Крупномасштабная разведка боем, проведенная большим числом усиленных разведывательных батальонов, не только позволила советскому командованию раскрыть систему огня противника, но и создала на некоторых направлениях впечатление неудавшегося перехода Красной армии в общее наступление. Это несколько ослабило внимание и готовность немцев к отражению наступления главных вражеских сил, начавшегося на следующий день. В связи с тем, что в целом все атаки были отбиты, командование ГА «Центр» посчитало, что они имели целью сковать находящиеся на Орловском плацдарме немецкие резервы и тем самым воспрепятствовать их участию в операции «Цитадель». Таким образом, вначале командование ГА «Центр» и 2-й ТА придавало неверное значение происшедшему, однако это заблуждение было недолгим.

Наступательная операция «Кутузов» началась на следующий день – 12 июля. В ночь с 11 на 12 июля 1-я и 15-я воздушные армии и соединения дальней авиации нанесли мощные бомбовые удары по обороне противника, на рассвете была проведена более чем двухчасовая артподготовка, а после нее поднялась в атаку пехота.

2.1. Развитие обстановки 12 июля

Наступление Красной армии по плану операции «Кутузов» вначале развивалось на трех главных направлениях – Болховско-Орловском, Орловском и Кромско-Орловском, где войска левого крыла Западного, Брянского и Центрального фронтов провели ряд фронтовых и армейских операций, объединенных общей целью ликвидации Орловского стратегического плацдарма противника и разгрома оборонявшей его вражеской группировки.

Войска 11-й гв. А ЗапФ и 61-й А БрФ начали наступление против орловской группировки противника с проведения Орловско-Болховской фронтовой наступательной операции, которая продлилась с 12 до 30 июля 1943 года. По решению командования войсками ЗапФ (командующий генерал Василий Соколовский, начальник штаба генерал Александр Покровский), основная ударная группировка фронта – 11-я гв. А – прорывала оборону противника на участке Глиная, Ожигово, нанося удар в общем направлении на Крапивну, чтобы на второй день операции выйти на рубеж: река Рессета (севернее Кцынь) – Крапивна – Сорокино. Развивая в дальнейшем удар на юго-восток в общем направлении на Болхов, армия совместно с войсками 61-й А БрФ должна была окружить и уничтожить болховскую группировку немцев. Кроме того, армия получила задачу частью сил наступать на юг – на Узкое, чтобы перехватить в районе Хотынца железную дорогу и шоссе Орел – Брянск, основные коммуникации орловской группировки противника. На 50-ю А, действовавшую справа от 11-й гв. А, возлагались задачи: а) наступлением части сил своего левого крыла на Зикеево отрезать пути отхода немцев на запад и юго-запад; б) обеспечивать правый фланг 11-й гв. А от возможных контрударов противника с запада и северо-запада.

Войска 11-й гв. А заняли исходное положение на рубеже Чернышино (Чернышено) – Ожигово, в полосе шириной 38 км. Учитывая особенности вражеской обороны и условия местности, командование 11-й гв. А решило основные ударные силы сосредоточить на левом фланге в полосе протяженностью 16 км, тогда как на остальном фронте шириной 22

км растянуть только одну стрелковую дивизию [72 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 195.]. К моменту перехода в наступление в состав 11-й гв. А входили: 8, 16 и 36-й гвардейские стрелковые корпуса, насчитывавшие 12 стрелковых дивизий (среди них 9 гвардейских); 1-й и 5-й танковые корпуса (по штатам по 184 танка и САУ в каждом); 4 отдельные танковые бригады, 2 отдельных танковых и 2 самоходно-артиллерийских полка (всего 268 танков и 12 САУ); 8-й акп РГК (3 артдивизии – 11 артиллерийских и 3 минометные бригады); 2 тяжелых гвардейские минбригады и 5 отдельных гвардейских минполков; 3 зенитно-артиллерийские дивизии и 4 отдельных зенитно-артиллерийских полка; 2 отдельных минометных и 18 артиллерийских полков; 7 инженерно-саперных батальонов, так что общая численность армии составляла 170,5 тыс. солдат и офицеров, 615 танков и 33 САУ, свыше 3,5 тыс. орудий и минометов (включая зенитную артиллерию и реактивные установки) [73 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 191–192, 196; Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2. Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3. Соотношение бронетанковых сил под Курском. Приложение 4 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 306–309, 362, 367; Огненная дуга. С. 592; Россия и СССР в войнах XX века. С. 286; ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 16–17.]. Необходимость нанесения сильного первоначального удара предопределила решение командования армии по массированию сил и средств на участке прорыва протяженностью всего 16 км, где было сосредоточено до 90 процента боевой техники и личного состава: 11 стрелковых дивизий, 2 танковых корпуса, 4 танковые бригады, 2 танковых полка прорыва, 5 артиллерийских бригад, 38 артиллерийских полков, 3 минометные бригады и 10 минометных полков [74 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 312–313.]. В результате на левом крыле 11-й гв. А оказалась сосредоточена наиболее мощная из всех четырех группировок, образованных для проведения операции «Кутузов»: в первой линии на 16-километровом фронте находились 6 стрелковых дивизий, 3 танковые бригады, 2 танковых полка прорыва и 2 самоходно-артиллерийских полка; за ними, во втором эшелоне армии, располагались 4 стрелковые дивизии и 1 танковая бригада; в резерве – 2 танковых корпуса и 1 стрелковая дивизия. Оперативная плотность армейской ударной группировки достигла 10 тыс. солдат и офицеров, 220 орудий и минометов, 18 танков и САУ (с учетом оперативных резервов – около 40 единиц бронетехники) на километр фронта прорыва (по данным ГШ Красной армии [75 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 531.], средняя плотность танкового насыщения на участке прорыва 11-й гв. А составляла 44 танка на 1 км, а насыщение артиллерией – 210 стволов), что позволило получить превосходство над противником по личному составу – приблизительно в 7 раз, по артиллерии – в 14 раз, по бронетехнике до ввода в бой оперативных резервов обеих сторон – в 9 раз. По информации оперативного отдела штаба 11-й гв. А, на 16-километровом участке прорыва войска армии имели подавляющее превосходство над противником по артиллерии, трехкратное преимущество по личному составу и шестикратное – по бронетехнике (табл. 1).

[76 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 16 об.]

Силы и средства	Противник, число / на 1 км	11-я гв. ар число / на
Личный состав (боевой)	18 060 / 1130	59 777 / 3
Минометы*	90 / 5,6	1283 / 8
Противотанковые орудия	185 / 11,6	439 / 27

Силы и средства	Противник, число / на 1 км	11-я гв. ар число / на
Полевые орудия	135 / 8,3	1256 / 7
Танки и САУ	100 / 9,3	615 / 38

По данным других советских источников [77 - См.: История военного искусства. С. 204.], на участке прорыва 11-й гв. А было достигнуто превосходство над противником в 5 раз по личному составу, в 13 раз – по артиллерии, по танкам – почти в 3 раза; по информации участника войны и ветерана 1-го тк Петра Кириченко (Петр Ильич Кириченко, с весны 1944 года воевал в составе 159-й тбр 1-го тк) [78 - Кириченко П. Танковый авангард. На Т-34 от Сталинграда до Кенигсберга. М.: Яуза; Эксмо, 2009. С. 123.], общее соотношение сил и средств на направлении главного удара с учетом резервов было в пользу 11-й гв. А в пехоте более чем в 2 раза (60 тыс. активных бойцов против 28 тыс.), в полевой артиллерии в 9 раз (1258 стволов против 135), в минометах, кроме реактивных систем, в 14 раз (1258 стволов против 90), в танках в 4 раза (615 против 150).

Главный удар в направлении Белый Верх – Ульяново – Крапивна предполагалось нанести на левом фланге армии силами 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов на участке шириной всего 7 км, между селами Белый (Светлый) Верх и Ожигово, а вспомогательный удар в центре – силами 16-го гв. ск на участке Глинная – Серая, протяженностью 9 км, обороняясь на остальном фронте (22 км) силами одной правофланговой 217-й сд. Подвижную ударную группу армии образовывали 1-й и 5-й танковые корпуса, в резерве оставалась 108-я сд. Авиационную поддержку обеспечивали 150 самолетов из состава 1-й ВА.

К исходу первого дня наступления 11-я гв. А должна была уничтожить противостоящего противника и овладеть рубежом: 3 км северо-восточнее Озерны – Желябово – Медынцево – Ульяново – Дурнево – Слободка. Передовым отрядам пехоты с танковыми бригадами, предназначенным для развития прорыва, ставилась задача к этому времени выйти на рубеж река Рессета – Дудоровский – Веснины – Крапивна – Красногорье – Сорокино, а главным силам 5-го тк – захватить район Афонасово (Афанасово) – Стреленки – Мелехово. К исходу второго дня наступления войска 11-й гв. А должны были выйти на рубеж реки Рессета (от ее устья до переправы у Кцынь) – Веснины – Крапивна – Сорокино; в дальнейшем, прикрывшись частью сил по реке Рессета, армии требовалось главными силами развивать успех в общем направлении на Болхов с целью совместно с войсками 61-й А БрФ окружить и уничтожить болховскую группировку противника.

Боевой порядок 11-й гв. А строился в три эшелона [79 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 313; ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 16–17.]. В первом эшелоне наступали шесть стрелковых дивизий, три танковые бригады и два танковых полка прорыва при поддержке всей авиации и артиллерии (в том числе артиллерии стрелковых дивизий второго эшелона); во втором эшелоне находились четыре стрелковые дивизии, составлявшие вторые и третьи эшелоны корпусов, и одна гвардейская танковая бригада. Третий эшелон армии состоял из группы развития прорыва – 1-го и 5-го

танковых корпусов и одной стрелковой дивизии, находившихся в резерве командующего армией за центром позиции.

В предстоящей операции 11-й гв. А по-новому определялись боевые задачи объединений и соединений [80 - См.: История военного искусства. С. 204–205.]. Они подразделялись на ближайшую, последующую и задачу дня, что позволяло детальнее организовать по месту, времени и цели взаимодействие в общевойсковом бою. Так, для дивизий, входивших в состав 8-го гв. ск, ближайшей задачей являлся прорыв обороны на участке до 2 км, разгром противника на первой позиции (глубина 2–3 км), а последующей – разгром его на второй позиции и овладение районом основных огневых позиций артиллерии (глубина 7–8 км). Задача дня определялась на глубину 10–12 км. Ближайшая задача корпуса совпадала с последующими задачами дивизий первого эшелона, а последующая – с их задачами на день боя. Задача дня корпуса ставилась на глубину 12–15 км.

Свое решение и задачи войскам командующий 11-й гв. А генерал Баграмян сформулировал следующим образом [81 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 336–339; ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 6 об.—7.]:

1. 8-й гв. ск, действующий на направлении главного удара армии, имел задачу: прорвать оборону противника на участке Серая – Перестряж (исключительно) и, наступая на юг, к исходу дня овладеть рубежом Обухово – Ульяново – Крахмальный Завод; передовыми отрядами пехоты совместно с 5-м тк к этому же времени овладеть рубежом Веснины – Крапивна – Красногорье с целью не допустить подхода резервов противника с юга и юго-запада и обеспечить ввод в бой вторых эшелонов корпусов и армии; в дальнейшем корпус должен был развивать наступление в юго-восточном направлении.

Корпус построил свой боевой порядок в два эшелона: в первом эшелоне 11-я и 83-я гвардейские стрелковые дивизии, 43-я гв. тбр, тпп и сап; во втором эшелоне 26-я гв. сд. Наступление корпуса поддерживали 3-я артдивизия 8-го акп (15-я легкая, 5-я пушечная, 1-я гаубичная, 117-я тяжелая гаубичная, 7-я минометная бригады, командир дивизии полковник Иван Санько. – П. Б.), 116-я гаубичная артбригада большой мощности (39 орудий калибра 152 мм), артиллерийский и гвардейский минометный полки, а также отдельные 12-я и 15-я тяжелые гаубичные артбригады армейской артиллерийской группы (только на период прорыва первой полосы обороны противника) и 17-я зенитная артдивизия. Главный удар корпус наносил правым флангом в направлении Белый Верх – Обухово.

2. 36-й гв. ск, также входивший в ударную группировку армии, наносил главный удар в направлении отметка 162,3 – Марьино – Сорокино с задачей: прорвать оборону противника на фронте отметка 162,3 – Ожигово и к исходу первого дня наступления выйти на реку Вытебеть на участке Крахмальный Завод (исключительно) – Дурнево – Слободка; передовыми отрядами к этому же времени овладеть рубежом Красногорье – Сорокино; обеспечить ввод в бой второго и третьего эшелонов корпуса и группы развития успеха армии.

Боевой порядок корпуса был построен в три эшелона: в первом – 18-я гв. сд и 213-я тбр, во втором и третьем эшелонах по одной гвардейской стрелковой дивизии (5-я и 84-я дивизии). Действия корпуса поддерживали два артиллерийских и гвардейский минометный полки.

3. 16-й гв. ск получил задачу прорвать оборону противника на участке Глинная, Серая, действуя основными силами в составе главной группировки армии. Корпус наносил удар левым флангом в направлении Дудино – Дубна – Пустой и к исходу первого дня должен был выйти на рубеж: 3 км северо-восточнее Озерны – Желябово – Медынцево, а передовыми отрядами занять и удерживать рубеж: устье реки Рессета – мост через Рессету восточнее Кцыни – Любовка. Первоначальной задачей было не допустить подхода резервов противника от Кцыни на правый берег реки Рессета и от Еленска на Дудоровский, обеспечив выход главных сил корпуса на этот рубеж. В дальнейшем корпус должен был обеспечить с запада и юго-запада действия ударной группировки армии на Болховском направлении.

Боевой порядок корпуса строился в два эшелона: в первом эшелоне 169-я стрелковая, а также 16-я и 31-я гв. сд, 29-я гв. тбр, тпп и сап; во втором эшелоне – 1-я гв. сд с 10-й гв. тбр. Наступление корпуса поддерживали 14-я арт-дивизия 8-го акп (54-я легкая, 48-я пушечная, 43-я гаубичная, 9-я минометная бригады, командир дивизии генерал Леонид Кожухов. – П. Б.), 24-я и 25-я гвардейские минбригады, артиллерийский и гвардейский минометный полки.

4. 5-й тк вводился в прорыв на участке 8-го гв. ск после того, как пехота прорвет второй оборонительный рубеж противника на реке Фомина. Задачей корпуса было: уничтожить немецкие войска в районе Старица – Ульяново – Речица и к исходу первого дня выйти в район Афонасово – Стрелочки – Мелехово; передовыми отрядами к тому же времени захватить Харевка – Шванова – Дворики – Клягинский; с утра следующего дня корпусу развивать удар в общем направлении на Волхов.

5. В оперативном резерве командующего армией на направлении главного удара оставались 1-й тк и 108-я сд. 1-й тк по решению командующего предназначался для развития успеха в полосе 8-го гв. ск. Ввод его в прорыв намечался на второй день операции за 5-м тк. Резервную 108-ю сд предполагалось использовать на направлении Белый Верх – Ульяново (в начале операции ее артиллерия поддерживала наступление войск 8-го гв. ск). Кроме того, в противотанковом резерве находился один иптап и один батальон противотанковых ружей, сосредоточенные в лесу южнее Дретово.

Таким образом, 11-я гв. А решала задачу прорыва оборонительной полосы противника основными силами трех гвардейских стрелковых корпусов (6 стрелковых дивизий, действовавших в первом эшелоне), усиленных 3 танковыми бригадами, 2 танковыми полками прорыва, 2 самоходно-артиллерийскими полками и 8 инженерными батальонами. Действия первого эшелона поддерживала основная масса артиллерии (в том числе артиллерия стрелковых дивизий второго эшелона) и гвардейских минометных частей. Развитие успеха прорыва намечалось осуществить основными силами двух гвардейских стрелковых корпусов (8-го и 36-го) в составе шести стрелковых дивизий, с последующим

вводом в их полосу двух танковых корпусов и одной танковой бригады, а также находившейся в армейском резерве стрелковой дивизии. Расширение фронта прорыва и обеспечение главной группировки армии с флангов достигалось, с одной стороны, силами 16-го гв. ск и, с другой стороны, «сматыванием» боевых порядков противника наступлением по вражеским тылам левофланговых частей 36-го гв. ск. Кроме того, фланги 11-й гв. А обеспечивались действиями соседних частей и соединений 50-й и 61-й армий.

Выполнение последующей задачи – удар в общем направлении на Болхов и разгром болховской группировки противника – планировалось осуществить во взаимодействии с главными силами 61-й А БрФ. Для выполнения этой задачи выделялись силы двух гвардейских стрелковых корпусов и всех танковых частей, находившихся в подчинении армии. Одновременно часть сил армии, наступая в общем направлении на Узкое, должна была активными действиями обеспечивать главную группировку с юга.

В этом решении нашла свое практическое воплощение методика наступления против позиционной обороны, разработанная ГШ Красной армии, основной смысл которой заключался в концентрации подавляющей массы сил и средств на основном направлении при обеспечении главного удара активными действиями сравнительно небольших сил на второстепенных участках. Предполагалось, что большая плотность сил и средств, сосредоточенных к началу наступления на участке 11-й гв. А, будет способствовать достижению быстрого успеха, поскольку наличие сильных вторых и третьих эшелонов, имевших в своем составе большое количество танков, а также глубокое построение боевых порядков увеличивало пробивную способность наступавших частей и обеспечивало наращивание ударов из глубины.

В период подготовки к наступлению главное внимание обращалось на отработку вопросов взаимодействия родов войск при прорыве эшелонированной позиционной обороны противника. Для обеспечения прорыва первой позиции главной полосы вражеской обороны предусматривалось использовать штурмовые группы – всего в 11-й гв. А было подготовлено более 400 таких групп, каждая в составе 8—10 специально подготовленных бойцов, вооруженных противотанковыми гранатами, дымовыми боеприпасами, взрывчатыми и термическими веществами, саперным и шанцевым инструментом. На некоторых участках создавались штурмовые отряды, включавшие на полковом уровне стрелковый батальон, саперную роту и огнемётный взвод, а в батальонах – стрелковую роту, саперный взвод и отделение огнеметов, которым придавались станковые пулеметы, огнеметы, минометы, противотанковые и полковые орудия, а также отдельные танки и САУ.

В дальнейшем план операции предусматривал быстрое развитие удара с целью стремительного развертывания прорыва и выхода советских войск в тыл оборонительной полосы противника до подхода его оперативных резервов. Танковые полки прорыва совместно с пехотой прорывали передний край обороны противника. Танковые бригады поддерживали пехоту при прорыве переднего края только отдельными тяжелыми танками, а основными силами вводились в бой после прорыва переднего края с целью стремительного развития успеха прорыва, совместного с передовыми отрядами пехоты, и преодоления промежуточного и тылового рубежа противника до подхода его резервов.

Танковые корпуса по плану операции вводились в бой после преодоления второго оборонительного рубежа на линии Никитское – Старица – Речица; их задачей было развить успех прорыва в общем направлении на Болхов и разгромить подходящие резервы противника. Одновременно фланговые части и соединения армии своим наступлением должны были расширить прорыв путем «сматывания» обороны противника на флангах прорыва.

В течение всей ночи с 11 на 12 июля части и соединения 1-й ВА и авиации дальнего действия бомбардировали расположение противника перед фронтом 11-й гв. А, уничтожая его живую силу и технику (так, авиацией дальнего действия здесь было произведено свыше 200 самолето-вылетов, а с учетом боевой работы 213-й ночной бомбардировочной дивизии генерала Василия Молокова из 1-й ВА – всего 362 самолето-вылета, в ходе которых на немецкие позиции было сброшено 210 тонн бомб) [82 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 202; Огненная дуга. С. 455, 456; Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1968. С. 187–188.]. В 3 часа ночи 12 июля разведывательные батальоны были сменены ударными частями, занявшими исходное положение для наступления, а в 3 часа 20 минут началась артподготовка. Предварительная доразведка целей и тщательная подготовка артиллерийского наступления обеспечили высокую эффективность огня.

Ударная артиллерийская группировка включала в свой состав 6-ю артдивизию прорыва под командованием генерала Алексея Битюцкого (21-я легкая, 10-я пушечная, 18-я гаубичная, 119-я тяжелая гаубичная, 3-я минометная бригады), 12-ю и 15-ю отдельные тяжелые гаубичные бригады, 24-ю и 25-ю минометные бригады полевой реактивной артиллерии, 17-ю зенитную артдивизию и 16 отдельных артиллерийских полков – всего 64 артиллерийских полка РК и 6 артиллерийских полков стрелковых дивизий [83 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 277.]. В полосе наступления 11-й гв. А было сосредоточено около 3 тыс. орудий и минометов и более 400 реактивных установок (в два раза больше, чем в армиях, действовавших на главном направлении в Сталинградской битве, и в три раза больше, чем в битве под Москвой), так что на участке прорыва на километр фронта приходилось в среднем до 200 орудий и минометов (по данным штаба 11-й гв. А – в среднем 209,1), а на участке 8-го гв. ск – до 260 стволов (без учета реактивной артиллерии) [84 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 202; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 277; Огненная дуга. С. 368; ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 20 об.]. Основной удар был нацелен на главную оборонительную полосу, а здесь – на Дудинскую высоту, господствующую над долиной реки Жиздра (высота 226,3, которую советские солдаты называли «Дудина гора»). Кроме этого, часть 120-мм минометов была выделена для ликвидации минных полей на направлении атак танковых соединений. План артподготовки, составленный командующим артиллерией 11-й гв. А генералом Петром Семеновым и командующим 8-го акп РК генералом Николаем Саличко, рассчитывался по продолжительности на 2 часа 40 минут и включал короткий, всего 5 минут, но мощный огневой налет, затем паузу, а после нее – контроль пристрелки. Советское артиллерийское командование предполагало, что после этого солдаты противника выйдут из укрытий и займут места в траншеях, но артиллерия еще около часа будет вести стрельбу на разрушение и подавление, а потом, после залпа 450 реактивных установок, произведет

еще один мощный огневой налет. По окончании налета огневой вал будет постепенно продвигаться в глубину, прикрывая атаку пехоты и танков.

Командование ЗапФ сосредоточило в полосе 11-й гв. А почти 60 процентов реактивной артиллерии фронта – 20 дивизионов, для управления которыми был специально создан штаб армейской оперативной группы гвардейских минометных частей. Организация взаимодействия реактивной артиллерии со стрелковыми соединениями предусматривала разделение группы на три части – по числу стрелковых корпусов, которым они переподчинялись сразу же с развертыванием боев в глубине обороны. 16-му гвардейскому стрелковому корпусу, наносившему главный удар, были приданы два гвардейских минометных полка, а 8-му и 36-му гвардейским стрелковым корпусам – по одному полку, тогда как две тяжелые гвардейские минометные бригады составили армейский резерв. Такая организация частей гвардейских минометов предоставляла командиру корпуса возможность срывать контратаки противника в глубине обороны, создавая достаточно высокую плотность реактивного залпового огня. В случае необходимости командующий корпусом мог выделить каждой стрелковой дивизии по дивизиону реактивных установок. Армейский резерв позволял рассчитывать на успех в преодолении сильных промежуточных рубежей вражеской обороны.

Командующий артиллерией фронта генерал Иван Камера направил в 11-ю гв. А генерала Сергея Ниловского (начальник фронтовой оперативной группы гвардейских минометных частей) с указанием организовать боевое применение реактивной артиллерии, в том числе в ходе артиллерийского наступления, причем так построить график наступления, чтобы переход от артподготовки к артиллерийской поддержке атаки остался незаметным для врага, поскольку ранее залпы реактивных установок традиционно означали окончание подготовки. Соответственно, график, составленный штабом оперативной группы, предусматривал массированный огонь всей реактивной артиллерии в начале артиллерийского наступления, затем нанесение отдельных сосредоточенных ударов по узлам обороны противника и прекращение огня за 10 минут до окончания артподготовки.

По информации штаба 11-й гв. А [85 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 20 об. – 22 об.], первый мощный 5-минутный огневой налет накрыл огневые средства и личный состав противника, выведенные из укрытий в траншеи и на огневые позиции для отражения наступления разведывательных батальонов. После перерыва, который продолжался 15 минут, артиллерия вновь открыла интенсивный огонь. Маневр был рассчитан на то, чтобы создать у противника впечатление начала атаки, а после того как немцы подготовятся к ее отражению, внезапным налетом подавить и уничтожить их. В течение часа советская артиллерия обстреливала основную оборонительную полосу противника, уничтожала и подавляла его огневую систему и живую силу, а затем перешла на разрушение огневых точек, опорных пунктов и заграждений. Период разрушения продолжался 55 минут. В 5 часов 35 минут артиллерия вновь произвела 25-минутный огневой налет на главную оборонительную полосу противника, сосредоточив наиболее мощный огонь на передовой траншее и позициях в ближайшей глубине немецкой обороны. Этим завершалось подавление обороны противника и обеспечение атаки пехоты и танков прорыва. В 6 часов огонь был перенесен на 100 м в глубину неприятельской

обороны. В дальнейшем огневой вал, предваряющий движение пехоты, через каждые 2–3 минуты переносился на 100 м вперед.

По свидетельству участника Курской битвы генерала Глеба Бакланова [86 - Бакланов Г. В. Ветер военных лет. М.: Воениздат, 1977. С. 77–78.], метод огневого вала, который был впервые широко применен артиллерией Красной армии летом 1943 года, заключался в следующем. Сначала почти вся имеющаяся артиллерия с максимальной плотностью ведет огонь по переднему краю обороны противника, то есть по первым трем траншеям. В это время танки и атакующая пехота подходят на предельно близкое расстояние к линии разрывов своих снарядов, приблизительно на 80 или 100 м. Тогда артиллерия по сигналу пехоты или танкистов переносит свой огонь в глубину обороны противника, на одно деление прицела или на 50 м. Танки и пехота неотступно следуют за огневой завесой и опять приближаются к рубежу своего артиллерийского огня, который вновь переносится вперед на 50 м. В это же самое время специально выделенные батареи ведут огонь по артиллерии противника, не давая ей обстреливать пехоту и танки, а орудия,двигающиеся непосредственно в передовых цепях наступающих, и танки непосредственной поддержки пехоты прямой наводкой уничтожают уцелевшие огневые точки противника. Самое главное, что требуется при организации такого огневого вала, – это значительная концентрация артиллерии: примерно 200–250 орудий разного калибра на один километр фронта прорыва. Причем огневой вал может быть и двойным, когда артиллерия одновременно ведет огонь по двум рубежам обороны противника.

По оценке советского командования [87 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 342.], массированный, сильный и точный артогонь, который продолжался 2 часа 40 минут, полностью парализовал оборону немцев на глубину до 6 км. Оборонительные сооружения противника (блиндажи, окопы, огневые позиции, минные поля, проволочные заграждения) оказались разрушенными, его личный состав и артиллерия (в особенности противотанковая) были частично уничтожены, а частично настолько подавлены, что потеряли способность к организованному сопротивлению. Например, по опорному пункту в деревне Дудино, который обстреливали две бригады тяжелых гвардейских минометов вместе со ствольной артиллерией, было выпущено почти 12 тыс. снарядов калибром от 152 мм и выше, из них более 40 процентов реактивных, в результате чего оказалось уничтожено 10 дерево-земляных огневых точек, 66 блиндажей, 13 орудий, убито и ранено более 200 немецких солдат и офицеров. Передний край неприятельской обороны оказался буквально поднят в воздух. Вследствие этого советские войска в первую половину дня имели ничтожные потери.

По свидетельству маршала Баграмяна [88 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 203.], артподготовка оказалась успешной, пехота противника понесла тяжелые потери (впоследствии пленные показали, что части первого эшелона 211-й и 293-й немецких пехотных дивизий 53-го ак потеряли более половины своего личного состава), большинство оборонительных сооружений – дзотов, блиндажей, бронеколпаков, пулеметных площадок – было разрушено, взорваны минные поля, нарушены хода сообщения, полностью уничтожена противотанковая артиллерия на первой позиции, разбиты артиллерийские и минометные батареи (из 25 разведанных артиллерийских батарей, по которым велся огонь, 13 уничтожены полностью, а 12 выведены из строя в

связи с повреждениями орудий и материальной части). По мнению Ивана Баграмяна, столь высокая эффективность огня во многом объяснялась тем, что перед артиллерией были хорошо разведанные цели, заранее распределенные между артиллерийскими частями. С другой стороны, для противодействия артиллерийскому огню такой силы инженерная подготовка оборонительных позиций германских войск оказалась явно недостаточной, что объяснялось недооценкой противника и отсутствием строительного сырья и материалов в необходимом количестве.

Ближе ко времени завершения артподготовки – за 15 минут до начала атаки наземных войск – 65 пикирующих бомбардировщиков типа Пе-2 и 80 штурмовиков Ил-2 из состава 1-й ВА нанесли бомбоштурмовые удары по артиллерийским позициям, огневым точкам и узлам сопротивления главной полосы немецкой обороны, а также сбросили 24 фосфорные бомбы, поставив над передним краем дымовую завесу, которая продержалась около 30 минут [89 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 203; Горбач В. Указ. соч. С. 233.]. Под прикрытием дымовой завесы в 6 часов 5 минут пехота и танки прорыва перешли в атаку, следуя за огненным валом, который, постепенно продвигаясь вперед, прокладывал им путь в глубину обороны противника. При этом впервые в крупных наступательных операциях Красной армии был применен ложный перенос огня в глубину. По совету маршала Жукова атака ударных соединений 11-й гв. А началась не после артподготовки, а по ходу ее проведения, в момент усиления темпа и мощности огня, чтобы противник не смог определить время перехода советских войск в атаку и не успел организовать свои силы для ее отражения [90 - Жуков Г. К. Указ. соч. С. 463.]. Согласно последующим свидетельствам [91 - См.: Огненная дуга. С. 348.], показания пленных подтвердили, что метод проведения артподготовки, принятый в данном наступлении (усиление темпа огня при броске пехоты в атаку и при захвате переднего края обороны), обеспечил полную внезапность. Немецкая пехота, привыкшая к тому, что броску неприятеля в атаку предшествовал наибольший темп огня, а потом перенос его в глубину, вновь ожидала шаблонного переноса огня по глубине, отсиживалась в укрытиях и пропустила начало атаки, благодаря чему советская пехота очень быстро захватила передний край.

В связи с тем, что прорыв обороны противника был организован на узком участке, стрелковые корпуса, действовавшие на направлении главного удара, построили свои боевые порядки двумя и даже тремя эшелонами. Так, 8-й гв. ск, наступавший на фронте около 4,5 км, в первом эшелоне развернул две стрелковые дивизии и во втором – одну, так что на каждую дивизию первого эшелона приходилось немногим более 2 км участка прорыва. 36-й гв. ск, также действовавший на фронте около 4,5 км, построил свой боевой порядок в три эшелона – в каждом по одной стрелковой дивизии.

16-й гв. ск развернул в первом эшелоне три дивизии, но эти три соединения получили фронт около 7 км, поэтому каждая дивизия имела участок шириной всего около 2 км.

Дивизии первого эшелона (кроме фланговых) построили все свои полки в одну линию, а сами полки – в три эшелона. Такое построение войск обеспечивало наращивание усилий по ходу наступления. Все отдельные танковые полки и самоходно-артиллерийский полк, а также небольшие подразделения из состава отдельных танковых бригад были приданы

стрелковым дивизиям для непосредственной поддержки пехоты. Танковые бригады с десантом пехоты на броне следовали в качестве передовых отрядов стрелковых корпусов.

При построении боевого порядка 11-й гв. А предполагалось, что каждый отдельный эшелон будет самостоятельно преодолевать одну линию неприятельских траншей. Однако благодаря непрерывной огневой поддержке артиллерии стрелковые батальоны первого эшелона уже к 7 часам полностью прорвали первую линию траншей, а к 8.30 часам овладели всей первой позицией главной полосы обороны немецкого 53-го ак – тремя линиями траншей противника на фронте Глинная – Жуково [92 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 22 об. – 23.].

После этого командование 11-й гв. А решило ввести в бой вторые и третьи эшелоны стрелковых полков первого эшелона и передовые отряды – танковые бригады, которые получили задачу не позволить противнику закрепиться на промежуточном рубеже по реке Фомина [93 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 23–26.]. С занятого рубежа в бой были введены танки 10, 29, 43 и 213-й отдельных гвардейских танковых бригад. Для наращивания силы удара в 8 часов 30 минут в прорыв была введена 1-я гв. сд, которая развернулась из-за левого фланга 31-й гв. сд. К 10 часам был взят опорный пункт в Дудино, а также основные узлы сопротивления в районах Глинная – Серая – Белый Верх – Перестряж – Жуково и ряд укрепленных высот, господствовавших над местностью, на которые опиралась первая позиция главной полосы обороны немцев (высотой 226,3 овладел 97-й гв. сп 31-й гв. сд под командованием гвардии майора Алексея Анисимовича Булахова). К 12 часам соединения 8-го гвардейского корпуса, которым командовал генерал Петр Малышев, преодолели вторую позицию, а к 15 часам прорвали промежуточный рубеж по реке Фомина и форсировали эту реку, на всю глубину прорвав главную оборонительную полосу противника в центре участка наступления 11-й гв. А. По мере продвижения соединений 11-й гв. А в глубину вражеской обороны бои принимали все более упорный характер. В 15 часов для развития успеха в бой была введена 84-я гв. сд. Одновременно с целью расширения прорыва были введены в бой две фланговые стрелковые дивизии: на правом фланге 217-я, а на левом фланге – 18-я гвардейская дивизии. Ведя сложный бой в лесном массиве, 217-я сд продвигалась на юго-запад, однако на левом фланге противник оказал сильное сопротивление в районе Слободки и не допустил продвижения 18-й гв. сд.

Тогда командующий ЗапФ генерал Соколовский, находившийся на армейском наблюдательном пункте, санкционировал ввод в прорыв 5-го тк, в котором к этому времени насчитывалось 136 исправных и боеготовых танков, из которых 96 типа Т-34 [94 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 206.]. Командующему корпусом генералу Михаилу Сахно была поставлена задача с ходу прорвать вторую полосу обороны и развивать наступление в глубину. Однако танковый корпус задержался с выдвиганием и вводом в бой на время до 20 часов – прорыв осуществлялся на очень узком участке, поэтому, когда ударные части 11-й гв. А преодолели первый оборонительный рубеж противника, за ними тотчас же двинулись войска вторых эшелонов, перекрыв и заблокировав все намеченные маршруты прохождения танков.

Воспользовавшись промедлением советской стороны с вводом в прорыв подвижных войск, к 17 часам части 211-й и 293-й немецких пехотных дивизий – 317-й и 365-й, 511-й и 512-й гренадерские полки, отошли на второй оборонительный рубеж на участке Желябово – Старица – Ульяново – Речица – Слободка, пытаясь закрепиться в районах этих населенных пунктов. Командующий 53-го ак 2-й ТА генерал Эрих Клесснер (Erich-Heinrich Cloessner) решил немедленно подтянуть сюда же имеющиеся резервы. Командование 2-й ТА передало в его распоряжение 5-ю тд, части которой стали выдвигаться от города Жиздра в район Медынцево – Желябово, для нанесения контрудара по прорвавшемуся противнику с запада. 25-я мд 53-го корпуса сосредотачивала боевую группу на рубеже реки Вытебеть, чтобы ударить по восточному флангу участка вклинения. Используя подходящие резервы, на некоторых участках немцы предприняли контратаки отдельными батальонами пехоты, усиленными танками и поддержанными артиллерийским и минометным огнем; однако все эти контратаки были отбиты с большими потерями с обеих сторон.

В первый день советского наступления на Болховском направлении германская авиация здесь фактически бездействовала. По данным штаба ЗапФ [95 - См.: Огненная дуга. С. 456.], авиация противника одиночными самолетами под прикрытием истребителей вела разведку поля боя и тылов до рубежа Издешково – Мятлево – Сухиничи – Белев, а группа самолетов-бомбардировщиков в количестве 10 машин нанесла удары в районе Волконского (15 км юго-западнее Козельска), – всего было учтено 74 самолето-пролета, тогда как 1-я ВА фронта, поддерживая наступление наземных частей действиями бомбардировочной и штурмовой авиации, за время до 18 часов произвела 647 самолето-вылетов (по другим данным [96 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 235.], 12 июля 1-й воздушной армией было произведено 632 дневных самолето-вылета силами 435 самолетов, причем активность авиации была ограничена неблагоприятными метеорологическими условиями). Только к вечеру 12 июля командование 6-го ВФ начало переброску к угрожаемому участку отдельных подразделений истребительной авиации.

В сложившихся условиях наступающим советским войскам необходимо было ускорить темп наступления, чтобы не дать противнику закрепиться и организовать прочную оборону на тыловом рубеже. Около 20.30 12 июля передовые отряды 5-го тк прошли через боевые порядки пехоты и силами 24-й танковой и 5-й мотострелковой бригад с ходу атаковали вторую полосу обороны немцев в районе населенного пункта Старица. Однако эта атака была отбита огнем противотанковых средств. Тогда, стремясь не допустить закрепления противника на втором оборонительном рубеже, генерал Баграмян приказал танковым частям войти в прорыв на левом фланге 8-го гв. ск, совместно с действующими здесь стрелковыми частями нанести удар с рубежа реки Фомина северо-западнее Речицы в общем направлении Ульяново – Афонасово, прорвать немецкую оборону на всю глубину и развивать успех в направлении на Крапивну.

Исполняя приказ, генерал Сахно перенес направление главного удара восточнее, где 41-я и 70-я танковые бригады корпуса быстро продвинулись вперед и к 20 часам подошли с севера к Речице и Ульяново. Наступившая темнота и отсутствие точных данных об организованной здесь немцами противотанковой обороне не благоприятствовали атаке этого рубежа с ходу. Поэтому командующий корпусом решил за ночь тщательно

разведать неприятельскую оборону, подтянуть свои силы и, подготовившись к атаке, с утра во взаимодействии с частями 8-го гв. ск возобновить наступление, чтобы прорвать второй оборонительный рубеж противника на участке Ульяново – Речица.

На правом фланге участка прорыва части 16-го гв. ск, которым командовал генерал Афанасий Лапшов, завязали бои на второй полосе обороны противника за крупный опорный пункт в районе Медынцево. На левом фланге соединения 36-го гв. ск генерала Александра Ксенофонтова к 20 часам полностью прорвали вторую позицию главной полосы вражеской обороны и вышли к реке Фомина.

По приказу генерала Баграмяна 1-й тк под командованием генерала Василия Буткова начал выдвижение к линии фронта и к исходу 12 июля развернулся за стыком 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов, чтобы с рассветом атаковать в направлении на Медынцево.

В результате первого мощного удара и быстрого развития успеха прорыва, особенно в центре ударной группировки 11-й гв. А, к исходу 12 июля создалось следующее положение [97 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 345.]:

1. 16-й гв. ск, прорвав оборону противника на участке Глинная – Серая и развивая успех левым флангом на юго-запад, вышел на рубеж: 3 км северо-восточнее Озерны – Красный Октябрь (2 км западнее Никитское), а левым флангом продвинулся на 1 км севернее Старицы;

2. 8-й гв. ск, прорвав оборону противника на участке Серая (исключительно) – Перестряж и развивая удар левым флангом в южном направлении, вышел на северо-восточные подступы к Старице и к северо-западной окраине Речицы;

3. 5-й тк вышел к северным окраинам опорных пунктов Старица – Ульяново – Речица;

4. 36-й гв. ск, прорвав оборону противника на участке Перестряж (исключительно) – Ожигово и развивая наступление на юго-восток, вышел правым флангом к западной окраине Бродок (4 км юго-восточнее Белого Верха), обошел его с севера, востока и юго-востока, а левым флангом занял Жуково.

Таким образом, за 12 июля войска 11-й гв. А прорвали основную оборонительную полосу 53-го ак 2-й ТА противника на фронте 14 км, продвинулись в глубину на 8—12 км, овладели основными опорными пунктами главной полосы обороны на участке прорыва, преодолели оборонительный рубеж немцев по реке Фомина и основными силами подошли ко второй оборонительной полосе. По боевому донесению штаба ЗапФ начальнику Генерального штаба о прорыве обороны противника 12 июля 1943 года [98 - См.: Огненная дуга. С. 455–456.], к 18.00 войска 11-й гв. А, сломив сопротивление противника, продвинулись от 2 до 4 км на флангах и до 10 км в центре фронта армии, выйдя на рубеж Глинная – Жилковский – Никитское – Речица – Жуково. Окружая и уничтожая отдельные очаги сопротивления противника, войска армии успешно продолжают развивать наступление, в 17.00 в полосе 8-го гв. ск с рубежа реки Фомина в направлении Крапивны

введен в бой 5-й тк. Части 293-й пд, потеряв большую часть живой силы и техники, прикрываясь арьегардами, усиленными большим количеством артиллерии и минометов, отходят в юго-западном и южном направлениях. Согласно с докладом представителя Ставки маршала Жукова Верховному главнокомандующему о начале операции «Кутузов» [99 - См.: Огненная дуга. С. 347.], 12 июля 11-я гв. А прорвала оборону противника на фронте 16 км и глубиной 9 км; к 20 часам стрелковыми соединениями вышла на рубеж высота 221 (3 км западнее Глинная) – Красный Октябрь – Никитское – северная окраина Старицы – Речица – Слободка; для развития прорыва командующий ЗапФ ввел 5-й тк, который к 19 часам прошел рубеж по реке Фомина. Как видно, победные реляции советских военачальников Верховному командованию несколько отличались друг от друга, представляя в более выгодном свете ввод в бой и результаты действий танкового корпуса.

Для того чтобы не позволить противнику реорганизовать оборону и закрепиться на новых рубежах, советские войска не прекращали активных действий и ночью с 12 на 13 июля. Специальные группы и отряды, подготовленные к ночным боям, переходили в атаки, нарушали связь и снабжение частей противника, срывали его оборонительные работы, не давая немцам подготовить новые позиции и занять их резервами, а также вели разведку боем, отыскивая слабые места в обороне. Командующий 5-м тк генерал Сахно сообщил генералу Баграмяну, что он приказал одной из левофланговых танковых бригад продолжать наступление ночью с 12 на 13 июля, чтобы с рассветом атаковать поселок Крапивна [100 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 210–211.]. Передовой отряд 70-й тбр полковника Сергея Коротеева (Сергей Петрович Коротеев) – 263-й танковый батальон под командованием капитана Семена Исааковича Чубукова, усиленный батальоном 250-го гв. сп 83-й дивизии, совершил многокилометровый рывок, занял Белый Верх и Крапивну, а затем двинулся дальше на юго-восток и к полудню 13 июля вышел к мосту через реку Вытебеть в районе деревни Ягодная (за умелое руководство передовым отрядом Семену Чубукову было присвоено звание Героя Советского Союза). С подходом основных сил бригада полковника Коротеева форсировала реку и выбила противника из Ягодной, перерезав один из путей отхода германских войск. Однако, опасаясь подходящих резервов противника, генерал Сахно приказал бригаде отступить к основным силам корпуса, вследствие чего войскам 11-й гв. А затем пришлось еще двое суток – до 15 июля – вновь вести бои за Ягодную.

Одновременно с 11-й гв. А утром 12 июля после сильной артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление три армии БрФ. Главный удар войск БрФ планировалось нанести западнее города Новосиль смежными флангами 3-й и 63-й армий на участке протяженностью 18 км. Войска 3-й А готовились нанести удар своим левым флангом, занимая полосу от Троицкого до Вяжи, а войска 63-й А, сосредоточив главные силы на правом фланге, развернулись на рубеже Вяжи (исключительно) – Ольховец. Одновременно 61-я А должна была наступать на Болхов, взаимодействуя с войсками 11-й гв. А ЗапФ. Войска 61-й А заняли своей ударной группировкой исходное положение для наступления в районе Карагашинка – Средние Ростоки.

Три указанных армии БрФ к 10 июля 1943 года имели в своем составе 24 стрелковые дивизии (при трех управлениях стрелковых корпусов), 2 отдельных танковых корпуса (1-й

Донской гв. тк – 207 танков, 20-й тк – 168 танков и 16 САУ), 2 артиллерийских корпуса (2-й и 7-й корпуса прорыва – 4 артиллерийские и 2 тяжелые гвардейские минометные дивизии, всего 20 артиллерийских и 10 минометных бригад), 1 отдельную артдивизию прорыва РГК, 3 зенитно-артиллерийские дивизии, 1 отдельную танковую бригаду, 5 отдельных артиллерийских бригад (1 артиллерийская, 2 истребительно-противотанковые, 2 минометные), 9 отдельных танковых и 6 самоходно-артиллерийских полков, 16 отдельных артиллерийских, истребительно-противотанковых, минометных, зенитно-артиллерийских полков, где насчитывалось, по разным данным, от 409 до 434 тыс. солдат и офицеров (из них 298 тыс. в боевых войсках), свыше 9,7 тыс. орудий и минометов (включая реактивные установки), 952 танка и 133 САУ (по другим данным – 759 танков и 88 САУ, однако это не отвечает составу 3-й и 63-й армий БрФ по количеству танковых и самоходно-артиллерийских частей и подразделений, учитывая их практически полную штатную укомплектованность) [101 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 316–318, 763; Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2. Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3. Соотношение бронетанковых сил под Курском. Приложение 4 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 310–315, 362, 367; Огненная дуга. С. 590, 592; Россия и СССР в войнах XX века. С. 286.].

61-я А, насчитывавшая около 92 тыс. человек в составе 8 стрелковых дивизий (три из которых под управлением 9-го гв. ск); 20-го тк (218 танков и САУ); 1 отдельной танковой бригады, 1 танкового и 1 самоходно-артиллерийского полков (всего 92 танка и 12 САУ); 2 артиллерийских и 1 гвардейской минометной дивизий в составе 7-го акп РГК; 1 истребительно-противотанковой и 1 минометной бригады; 3 отдельных артиллерийских, 1 минометного и 2 гвардейских минометных полков; 1 отдельного гвардейского минометного дивизиона и 2 дивизионов бронепоездов, должна была нанести главный удар силами 9-го гв. ск и 68-й отдельной тбр на участке Карагашинка – Средние Ростоки (10 км по фронту) в общем направлении Толкачево – Болхов [102 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 314–315; Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2. Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3. Соотношение бронетанковых сил под Курском. Приложение 4 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 311–312, 362, 367; ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 23.]. Наступление трех стрелковых дивизий 9-го гвардейского корпуса (12, 76 и 77-я гвардейские стрелковые дивизии), которым командовал генерал Аркадий Борейко, поддерживалось всей армейской артиллерией и средствами 7-го акп генерала Павла Королькова (16-я и 17-я артдивизии прорыва – 10 артиллерийских и 2 минометные бригады, 2-я гв. тяжелая миндивизия – 3 гвардейские минбригады). К исходу первого дня наступления 9-й корпус должен был овладеть рубежом Раковский – Кишкино – Однопиток – Мартемьяново, а затем, частью сил перерезав шоссе Болхов – Орел, наступать на Болхов и овладеть им. Для развития прорыва и наступления в направлении Новый Синец на участке 9-го гв. ск в районе Сороколетово – Песочное – Кузменки был сосредоточен 20-й тк и 336-я сд. Расширение прорыва в сторону флангов и обеспечение действий ударной группировки с северо-запада и юга возлагалось на две стрелковые дивизии, находившиеся во втором эшелоне (97-я и 110-я дивизии), а также две правофланговые дивизии (356-я и 415-я дивизии). Овладев Болховом и закрепив его за собой, 61-я А наносила удар своей подвижной группой на Орел с севера, с целью выхода

на пути отхода орловской и мценской вражеских группировок, содействуя войскам 3-й и 63-й армий в полном разгроме основных сил немцев, оборонявших Орловский плацдарм.

Таким образом, 61-я А совместно с войсками 11-й гв. А имела задачу окружить и уничтожить болховскую группировку противника, а в дальнейшем развивать удар во фланг и тыл немецким войскам, оборонявшимся в районе Орла. Боевой порядок ударной группы 61-й А, которая оказалась наименее сильной среди групп, наступавших на главных направлениях, строился в два эшелона: в первом эшелоне 12, 76 и 77-я гвардейские стрелковые дивизии, 68-я отдельная танковая бригада и средства усиления; во втором эшелоне 97, 110 и 336-я стрелковые дивизии с танковым полком прорыва, а также 20-й тк, переданный к началу операции в армейское подчинение. Артиллерийские средства распределялись соответственно намеченным ударам, причем 7-й акп составлял армейскую артиллерийскую группу прорыва, так что управление основной массой артиллерийских частей и соединений было централизовано и осуществлялось штабом командующего корпусом генерала Королькова [103 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. С. 363.]. Всего в артиллерийской подготовке наступления 61-й А было задействовано 2586 орудий и минометов с плотностью 164,6 ствола на километр участка прорыва, притом что общее количество орудий и минометов в войсках армии составляло 3510 стволов [104 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 14, 26.].

По оценке оперативного отдела штаба 61-й А [105 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 2.], перед фронтом армии оборонялась часть болховской группировки противника: 112-я пд, прикрывавшая район Морозово, и 208-я пд – район Багриново; управление этими соединениями осуществлял штаб немецкого 53-го ак, располагавшийся в самом Болхове; плотность артиллерии в полосе указанных немецких дивизий достигала 3,5 ствола на километр фронта; главным преимуществом оборонительной позиции противника являлось естественное препятствие – река Ока, достигавшая ширины до 60 и глубины до 3,5 метра, причем берег противника, по характеру обрывистый, господствовал над противоположным, достигая высоты 15–18 м.

11 июля 61-я А провела силовую разведку отдельными батальонами дивизий первого эшелона, а 12 июля, после сильной артподготовки, продолжавшейся с 3.00 до 4.35, и последующих авиационных ударов, в 5 часов 5 минут утра войска армии перешли в наступление на левом фланге, нанося главный удар в направлении на Толкачево – Болхов. Три стрелковые дивизии 9-го гв. ск – 12, 76 и 77-я гвардейские дивизии, сопровождаемые танками 68-й тбр, – атаковали первую позицию немецкой 208-й пд 53-го ак, преодолели три, а местами четыре линии траншей, и к 9 часам 12-я гв. сд под командованием полковника Дмитрия Малькова (Дмитрий Кузьмич Мальков) достигла северо-восточной окраины Пальчиково, а части 76-й гв. сд генерала Александра Кирсанова к 11 часам овладели Толкачево и окружающими высотами. На левом фланге части 77-й гв. сд под командованием генерала Василия Аскалепова захватили Кривцово и Сивково, а затем продолжали развивать наступление на юго-запад. Гарнизоны вражеских опорных пунктов, пытавшиеся оказать сопротивление, принуждались к отступлению обходами и угрозой полного окружения. Таким образом, уже в первой половине дня 12 июля ударная группа 61-й А прорвала неприятельскую оборону на глубину 2,5–4 км, вклинилась в

расположение немецких войск и взяла ряд важных опорных пунктов главной оборонительной полосы противника.

Опасаясь быстрого развития вражеского наступления и стремясь удержаться на рубеже реки Оки, командование 2-й ТА и командующий 53-го корпуса генерал Клесснер во второй половине дня санкционировали задействовать на угрожаемом направлении 270-й отдельный батальон штурмовых орудий, части 112-й пд, а также подчиненный этой дивизии 350-й пехотный полк 221-й охранной дивизии (под командованием полковника Вальтера Панке (Walter Pancke), которые находились в тактическом резерве в районе Толкачево – Шашкино (по советским данным, 40 единиц бронетехники и до двух пехотных полков, в том числе в 350-м полку – около 650 солдат и офицеров боевого состава) [106 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 308, 364; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 171, 173, 179; ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 31.]. Командир 208-й пд полковник Гейнц Пикенброк (Heinz Piekenbrock) получил задачу немедленно организовать контратаки, не позволив русским закрепиться на западном берегу Оки и создать здесь плацдарм для последующего наступления.

Соответственно, во второй половине дня немцы предприняли ряд контратак против вклинившихся в их оборону частей 9-го гв. ск, в частности, около 15.30 силами до роты с 5 единицами бронетехники из района Кривцово; около 17.30 силами до батальона с 10 единицами бронетехники из района Хмелевой [107 - См.: Огненная дуга. С. 458.].

Контратаки поддерживались артогнем и авиационными ударами – германская авиация, которая 12 июля активно действовала только в полосе 61-й А, двумя эшелонами – группами по 32 и 36 самолетов-бомбардировщиков, под прикрытием 22 истребителей, бомбардировала боевые порядки советских войск, их переправы через реку Оку и артиллерийские позиции [108 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 15.]. Этим налетам противодействовали части 1-го гв. иак 1-й ВА под командованием генерала Евгения Белецкого. В результате боев, продолжавшихся весь день, немцам удалось несколько потеснить советские части в районе Кривцово и вновь овладеть этим опорным пунктом, однако на других участках их контратаки были отбиты. Тем не менее быстрым вводом в бой тактических резервов и контратаками противник не позволил реализовать первоначальный замысел командования 61-й А, согласно которому предполагалось немедленно после прорыва главной полосы вражеской обороны направить передовые отряды стрелковых дивизий и 68-ю отдельную танковую бригаду для блокирования дороги Болхов – Орел в районе Черногрязки, а также предпринять попытку стремительно ворваться в Болхов [109 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 9.].

К исходу 12 июля соединения 9-го гв. ск вели бои восточнее Пальчиково, северо-восточнее и восточнее Кривцово и севернее Корнилово. С целью расширения прорыва и обеспечения флангов ударной группировки в бой были введены две стрелковые дивизии второго эшелона: 97-я сд под командованием генерала Петра Давыдова (Петр Михайлович Давыдов) атаковала Пальчиково с севера, а 110-я сд полковника Сергея Артемьева (Сергей Константинович Артемьев) переправилась через Оку вслед за 77-й гв. сд и стала наступать на Чегодаево. Таким образом, в итоге первого дня операции ударная группа 61-й А прорвала первую позицию главного оборонительного рубежа противника на фронте около 12 км и вклинилась в его расположение на глубину от 3 до 7 км; при этом 68-я тбр потеряла за день 13 танков [110 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 15.].

По докладу представителя Ставки маршала Жукова Верховному главнокомандующему [111 - ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 5. Д. 29. Л. 237–240.], 12 июля 61-я А прорвала оборону противника на участке шириной 10 км и глубиной 4 км и к 22 часам вышла на фронт 1 км западнее Карагашинка – овраг юго-восточнее Пальчиково – Кривцово – Фетишево – Лубны, Чегодаево; 20-й тк командованием армии к 20 часам переведен на западный берег реки Ока и 13 июля по овладению районом Хмелевая будет введен для развития прорыва.

В то время, когда на правом крыле БрФ войска 61-й А завязали бои на Болховском направлении, центр и левое крыло фронта – 3-я и 63-я армии – проводили Орловскую фронтную наступательную операцию (с 12 июля по 5 августа 1943 года), выполняя задачу прорвать неприятельскую оборону восточнее Орла, разгромить орловскую и мценскую группировки противника, овладеть городами Мценском и Орлом.

Командующий 3-й армией генерал Александр Горбатов свидетельствует [112 - Горбатов А. В. Годы и войны / Послесл. А. М. Василевского. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. С. 217–218.], что первоначально, в апреле 1943 года, замысел наступательной операции БрФ выглядел следующим образом:

– 63-я А наступает с захваченного за рекой Зуша плацдарма (11 км по фронту и 3–5 км в глубину) с задачей прорвать оборону противника и овладеть городом Орлом; ее наступление обеспечивается арткорпусом и другими средствами усиления; для развития успеха в прорыв намечается ввести вначале 1-й гв. тк, а затем танковую армию;

– 3-я А обороняется тремя дивизиями на переднем крае в полосе протяженностью 61 км, а три дивизии 41-го ск, следуя за 63-й армией уступом справа, должны войти в образовавшийся прорыв и обеспечить ее правый фланг, сворачивая перед собой боевые порядки противника вправо;

– 61-я А наступает на город Болхов и далее в юго-западном направлении.

Горбатов отмечает, что, когда он детально ознакомился с этим планом и побывал на плацдарме, с которого должна наступать 63-я А, то у него возникло сомнение: удастся ли этой армии своими силами прорвать вражескую оборону и выйти с плацдарма, поскольку участок против него противник укрепил особенно сильно. В первых числах июля на БрФ прибыл представитель Ставки маршал Жуков, который собрал всех командиров на командном пункте 63-й А. Докладывая о готовности 3-й А, Горбатов предложил отвести ей самостоятельный участок для прорыва, причем прорывать оборону противника армия будет с форсированием реки Зуша в районе Измайлово – Вяжи, на фронте протяженностью около 9 км. Отвлекая внимание противника, заходя к нему в тыл, войска 3-й А своими активными действиями облегчат выполнение задачи 63-й А. Развивая дальше свою мысль, Горбатов выразил уверенность, что если ударной группировке 3-й А удастся прорыв обороны противника, то 1-й гв. тк и танковую армию лучше будет ввести в ее полосу, поскольку здесь меньше противотанковых препятствий, чем на участке плацдарма.

Вначале Жуков отнесся с недоверием к этим предложениям, но, поскольку командующий БрФ генерал Маркиан Попов поддержал Горбатова, то, подумав немного, маршал согласился и даже передал 3-й А одну из трех артиллерийских дивизий прорыва РГК, отобрав ее у 63-й А (20-я артдивизия прорыва под командованием Героя Советского Союза полковника Николая Васильевича Богданова, погиб 4 октября 1943 года в ходе боев в районе Брянска. – П. Б.). Теперь задача 3-й А заключалась в следующем: нанося главный удар своим левым флангом, ее войска должны были прорвать оборону противника на участке Измайлово – Вяжи и, форсировав здесь реку Зуша, развивать наступление в общем направлении на Трехонетово – Протасово – Старую Отраду, обеспечивая правый фланг 63-й А. С выходом в район Доброводы – Протасово часть ударных сил армии должна была повернуть на север, чтобы, наступая на станцию Думчино, совместно с левым флангом войск 61-й А окружить и уничтожить мценскую группировку противника. Планом предусматривался также удар из района Старая Отрада на юго-запад вдоль реки Ока, с целью оказания содействия войскам 63-й А в овладении Орлом.

Однако основная роль в операции по-прежнему отводилась 63-й А, имевшей несравнимо больше частей усиления. Войска армии под командованием генерала Владимира Колпакчи, выполняя главную задачу, наносили удар правым флангом в общем направлении на Становой Колодезь. Прорвав оборону противника на участке Вяжи (исключительно) – Орловка, ударная группировка армии должна была выйти на железную и шоссейную дороги Орел – Змиевка, а затем, прикрываясь с запада рубежом реки Ока, главными силами наступать на Орел и овладеть им охватывающим ударом с юга. Вспомогательный удар частью сил наносился на Орел с востока, с рубежа реки Оптуха. Для развития успеха 63-й А на ее участке предполагалось использовать 1-й гв. тк.

В итоге Орловская наступательная операция БрФ проводилась по следующему плану [113 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 316–318; Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3. Соотношение бронетанковых сил под Курском. Приложение 4 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 362, 367.]:

1. 3-я А БрФ общей численностью 60 тыс. солдат и офицеров в составе 6 стрелковых дивизий; 2 отдельных танковых полков прорыва и 1 тяжелого самоходно-артиллерийского полка (всего 88 танков и 12 САУ); 1 артдивизии прорыва; 6 отдельных артиллерийских, 1 минометного и 2 гвардейских минометных полков; 2 дивизионов бронепоездов, наносит главный удар своим левым флангом – силами 3 стрелковых дивизий и 2 танковых полков со средствами усиления. Задачей ударной группы армии ставилось: форсировать реку Зуша, прорвать оборону противника на участке Измайлово – Вяжи протяженностью 9 км по фронту и развивать наступление в общем направлении на Старую Отраду; с выходом войск на рубеж реки Лисица повернуть главные силы армии на юго-запад, нанести удар на Орел вдоль реки Ока и во взаимодействии с частями 63-й А овладеть городом. По достижении ударной группой рубежа Доброводы – Протасово часть сил следовало повернуть на север и, наступая на станцию Думчино, совместно с войсками 61-й А окружить и уничтожить мценскую группировку противника. В первый день наступления 3-я А должна была прорвать оборону противника и выйти на рубеж Красный – Желябуг

(на глубину 10–12 км); во второй день – достигнуть рубежа Доброводы, Титово (24–26 км), а в третий – выйти к реке Ока (34–36 км), перерезав шоссе и железную дорогу Мценск – Орел в районе Старая Отрада. В это же время правое крыло 3-й А – три стрелковые дивизии, усиленные двумя дивизионами бронепоездов и одной иптабр, упорной обороной и активными действиями сковывали силы противника в районе Мценска.

2. 63-я А БрФ общей численностью около 70 тыс. солдат и офицеров в составе 7 стрелковых дивизий; 2-го акп (2 артиллерийские и 1 тяжелая гвардейская минометная дивизии); 1 отдельной тяжелой пушечной бригады; 4 отдельных танковых полков прорыва, 2 танковых и 4 самоходно-артиллерийских полков (всего 243 танка и 57 САУ); 2 истребительно-противотанковых, 1 минометного и 2 гвардейских минометных полков; 1 дивизиона бронепоездов, получила задачу: тесно взаимодействуя с левым крылом 3-й А, прорвать оборону противника своим правым флангом на участке Вяжи (исключительно) – Орловка (шириной 9 км по фронту) и, стремительно развивая наступление в общем направлении на Становой Колодезь, выйти на рубеж железной и шоссейной дорог Орел – Змиевка; в дальнейшем, прикрываясь слева рекой Ока, армия должна была повернуть главными силами на север и обойти Орел с юга. Одновременно армия наносила вспомогательный удар на Орел с востока, с рубежа реки Оптуха. Ударная группа 63-й А состояла из 6 стрелковых дивизий, 4 танковых полков прорыва, 1 танкового полка, 4 самоходных артиллерийских, 2 истребительно-противотанковых и 1 минометного полков. Предполагалось, что в первый день наступления 63-я А выйдет на рубеж Желябуг – Калгановка (на глубину 15–16 км), во второй день на рубеж Моховое – Неплюево – Каменка (30–32 км), а в третий – на рубеж Ермолаево – Павлово – Становой Колодезь – Новопетровка (42–44 км).

3. В резерве БрФ в районе Чернь – Пашутино – Спешнево располагался 25-й ск под командованием генерала Петра Перервы (три стрелковые дивизии), а в районе Варваринка – Хохлы – 1-й Донской гв. тк под командованием генерала Михаила Панова (по разным данным, от 200 до 207 танков), предназначенные для развития успеха на участке 3-й и 63-й армий.

Таким образом, войска 3-й и 63-й армий генералов Горбатова и Колпакчи прорывали оборону противника своими смежными флангами на узком участке фронта, а затем, развивая удар по расходящимся направлениям на северо-запад и юго-запад, должны были расчленив силы 35-го ак немцев и отбросить их к флангам; силами правого крыла 3-й А обойти мценскую группировку противника и совместно с частями 61-й А окружить ее и уничтожить; главными силами 3-й и 63-й армий уничтожить немецкие войска, оборонявшиеся восточнее реки Ока, и овладеть Орлом.

На направлении главного удара на смежных флангах 3-й и 63-й армий БрФ была образована вторая по силе ударная группировка из всех участвовавших в операции «Кутузов»: в первой линии находилось 5 стрелковых дивизий и 6 танковых полков прорыва; во втором эшелоне – 4 стрелковые дивизии (без одного полка) и 2 танковых полка. На участке прорыва шириной 18 км было сосредоточено около 170 тыс. человек личного состава, 2720 орудий и минометов, свыше 330 танков и 69 САУ (без учета

оперативных резервов) [114 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 334; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 280; Огненная дуга. С. 411.]. Соответственно, плотность сил и средств здесь составила 9,4 тыс. солдат и офицеров, свыше 150 орудий и минометов [115 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 335; Огненная дуга. С. 369.], около 22 танков и САУ на километр фронта (принимая во внимание оперативные резервы – свыше 33 танков и САУ на километр, хотя, по данным ГШ Красной армии [116 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 334.], при учете оперативных резервов – 25-го стрелкового и 1-го Донского гвардейского танкового корпусов – плотность боевых средств на участке прорыва 3-й и 63-й армий достигала около 208 орудий и минометов, 18,6 танка и САУ на километр фронта).

В то же время на 140-километровом участке обороны немецкого 35-го ак 2-й ТА были развернуты части четырех пехотных дивизий (с севера на юг: 34, 56, 262, 299-я пехотные дивизии), каждая из которых состояла из трех гренадерских пехотных полков (по 2 батальона), артполка (3 легких и 1 тяжелый дивизионы), разведывательного, истребительно-противотанкового и саперного батальонов; всего в корпусе насчитывалось приблизительно 40 тыс. солдат и офицеров, 196 полевых орудий (меньше, чем полагалось по штату, – 296 орудий, в связи с передачей полевой артиллерии в состав ударной группировки 9-й А), около 250 противотанковых орудий и 550 минометов (при штатной укомплектованности соединений), причем бронетехникой корпус не располагал [117 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 280, 281, 287–288; Россия и СССР в войнах XX века. С. 427; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 671.]. Средняя оперативная плотность сил и средств, сосредоточенных в полосе 35-го ак, составляла 286 человек личного состава, 3 артиллерийских орудия и 4 миномета на километр фронта.

Вместе с тем командующий 35-м ак генерал Лотар Рендулич указывает [118 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 166–169.], что, учитывая большую протяженность фронта и малое количество войск, плотность обороны корпуса была далеко не достаточной для удержания сильного противника. Никакими резервами корпус не располагал, только командиры дивизий выделили по одному резервному пехотному батальону. Поэтому требовалось точно знать направление главного удара неприятеля и соответствующим образом перераспределить свои силы. Командование корпуса старалось выяснить численность и состав русских войск, а также направление их главного удара и время наступления с того момента, когда в начале июля было замечено постоянно усиливающееся движение поездов противника по железной дороге от Ельца в направлении фронта. Корпусная разведка работала отлично, и, хотя возможности наблюдения с переднего края были весьма ограниченными, но особенно ценными оказались сведения радиоперехвата, а также прекрасные результаты воздушной разведки с использованием единственного имеющегося в корпусе разведывательного самолета. На аэрофотоснимках хорошо были видны эшелоны с танками, в населенных пунктах по обе стороны Новосилия постепенно сосредотачивалось все больше войск, противник оборудовал новые огневые позиции для своей артиллерии, которая постепенно начинала пристрелку (генерал Рендулич отмечает, что авиация 6-го ВФ могла бы помешать сосредоточению сил противника и его подготовке к наступлению, однако все запросы командования 35-го ак остались без ответа

– авиацию на участок корпуса так и не выделили. – П. Б.). Все это показывало, что развертывание крупных сил неприятеля идет полным ходом, причем аналогичные сведения поступали и от соседа слева – 53-го ак, разведка которого обнаружила севернее Болхова крупные скопления русских войск. К 10 июля в районе Новосиля было отмечено сосредоточение уже как минимум 12 стрелковых дивизий и нескольких отдельных танковых бригад, многочисленные вражеские батареи были сведены в артиллерийские дивизии. В итоге, сопоставив все полученные разведывательные данные, командование корпуса пришло к выводу, что русские нанесут мощный удар именно из района города Новосиля.

В связи с этим решением, учитывая подавляющее превосходство противника, генерал Рендулич избрал оборонительную тактику, основывавшуюся на обобщении предыдущего боевого опыта и соответствующей оценке психологии и типичного стиля действий советских военачальников армейского уровня («предела их способностей») [119 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 280–284, 468; Рендулич Л. Указ. соч. С. 169–171.]. По данным радиоперехвата, главный удар должен был быть направлен против левого фланга 262-й пд – прорыв обороны на этом участке позволял выйти на открытую местность и развернуть танковые соединения. Об этом же свидетельствовало число выявленных здесь новых батарей противника (до 200), их скученность, заранее подготовленные пути подхода для танков, повышенная активность пулеметных огневых точек. По опыту Рендулича, советские полководцы отличались методичностью и предсказуемостью – отсутствием тактической гибкости и жестким следованием плану, поэтому, вероятнее всего, теперь они сосредоточили все силы на одном направлении, наиболее удобном для действий бронетехники, откуда уже не свернут. Соответственно – Рендулич решил пойти на риск и опасно ослабил все второстепенные, на его взгляд, участки фронта обороны 35-го корпуса, чтобы сконцентрировать силы и эшелонировать их на направлении предполагаемого главного удара советских танков. Для формирования тактического резерва каждая из четырех пехотных дивизий корпуса выделила по одному пехотному батальону и одной артиллерийской батарее, которые с 6 июля стали стягиваться на участок 262-й пд, оборонявшей фронт протяженностью 30 км. Основную оборонительную группировку составили шесть пехотных батальонов (около 3300 солдат и офицеров), 18 батарей полевой артиллерии (54 орудия) и 26 противотанковых орудий (две противотанковые роты), сосредоточенные в полосе протяженностью около 10 км на участке обороны левофлангового пехотного полка 262-й дивизии.

Следовательно, на направлении главного удара противника оперативная плотность сил и средств 35-го ак составила 330 человек и 8 полевых и противотанковых орудий на километр фронта. Как видно, существенных изменений удалось добиться только по артиллерии, однако и это тоже являлось немаловажным. К тому времени в результате огромной работы оборонительные позиции корпуса уже были оборудованы должным образом, и сосредоточение артиллерии позволяло существенно повысить эффективность действий пехоты по их обороне.

По сведениям, которые приводит генерал Рендулич [120 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 168–169.], передний край обороны 35-го ак представлял собой сплошную линию окопов глубиной по 1,5–2 м со ступеньками для стрелков. В 200–300 м от переднего края

проходила вторая линия окопов, хотя она не везде была сплошной. За ней находилась сильно эшелонированная в глубину система отдельных опорных пунктов, часть которых была прикрыта проволочными заграждениями. Огневые позиции артиллерийских батарей оборудовались для ведения круговой обороны – с этой целью вокруг них отрывались стрелковые окопы и устраивались проволочные заграждения. В ряде мест устанавливались противотанковые мины. Основная масса батарей готовилась для стрельбы прямой наводкой по танкам на дистанции от 600 до 1000 м. Перед передним краем имелось сплошное проволочное заграждение шириной в три, а местами до 6 м. По обе стороны от него были поставлены противопехотные мины. Кроме того, значительная часть позиций прикрывалась противотанковыми минными полями. Оборону корпуса усиливали реки, по которым проходил его передний край. Левую половину фронта 34-й пд прикрывала Ока – широкая водная преграда с крутыми берегами. Остальная часть фронта 34-й дивизии, а также оборона 56-й и 262-й пехотных дивизий проходила по реке Зуше. Эту реку во многих местах можно было перейти вброд, однако благодаря своим крутым берегам и илистому дну она тоже была серьезным препятствием для танков. С другой стороны, сил для занятия всех подготовленных оборонительных позиций не хватало, поэтому на переднем крае войска распределялись по системе опорных пунктов, а тяжелое оружие, полевые и противотанковые батареи находились в глубине обороны.

В целом, несмотря на предпринятую Рендуличем перегруппировку сил и средств 35-го ак, на направлении главного удара советская сторона достигла порядкового превосходства над противником – более чем в 28 раз по пехоте, в 12–13 раз по артиллерии, абсолютное преимущество по бронетехнике. По данным штаба 3-й А БрФ [121 - ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 109. Л. 6 об.], плотность артиллерии на участке прорыва войск армии составила 168,6 ствола, тогда как у противника этот показатель равнялся 12,4 ствола, что обеспечило превосходство более чем в 14 раз. В связи с этим генерал Рендулич упоминает, что уже после боев на Орловском плацдарме фельдмаршал Клюге сообщил ему о своей точке зрения в то время, что 35-й корпус разлетится в прах и к вечеру первого дня наступления русские уже будут в Орле [122 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 170.].

Наступление войск 3-й и 63-й армий БрФ также началось с разведки боем силами отдельных батальонов. В ночь на 11 июля, в момент последних приготовлений, было получено распоряжение командующего фронтом, в котором 3-й и 63-й армиям указывалось: 11-го числа провести разведывательные действия на участке намеченного прорыва с задачей захватить первую линию траншей противника на переднем крае и, удерживая их за собой, обеспечить атаку главных сил на следующее утро; боем установить, не отнесен ли противником передний край обороны в глубину, и если отнесен, то на какой рубеж [123 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 394.]. Это делалось в соответствии с указаниями Верховного главнокомандующего, которые поступили командующим фронтами в декабре 1942 года в связи с тем, что в условиях массированного артиллерийского обстрела с использованием реактивных снарядов противник изменил свою оборонительную тактику – стал оставлять на переднем крае только боевое охранение, а сам передний край обороны относить в глубину. Новой тактике немцев Сталин требовал противопоставлять контртактику проведения разведки боем отдельными батальонами за два дня до начала операции, с целью вскрытия переднего края обороны, чтобы напрасно не израсходовать боеприпасы.

Для выполнения поставленной задачи от каждой дивизии первого эшелона обеих армий были выделены наиболее подготовленные стрелковые батальоны (по одному от дивизии, с 3–5 танками каждый), которые с наступлением темноты выдвинулись к переднему краю и изготовились к атаке. В 11.50 утра 11 июля, после огневого налета артиллерии и залпа гвардейских минометных частей, эти батальоны атаковали передний край противника. Батальон 3-й А, наступавший южнее Малого Измайлова, понес большие потери от флангового огня противника и отошел в исходное положение. Другой батальон под прикрытием сильного огня артиллерии продвинулся вслед за танками и захватил первую траншею противника западнее Вяжи. Южнее батальоны стрелковых дивизий 63-й А не смогли достигнуть немецких траншей и вынуждены были отойти в исходное положение. В целом разведывательные батальоны обеих армий, несмотря на сильную поддержку, оказанную им огнем артиллерии и минометов, не смогли полностью выполнить поставленной им задачи. Однако проведенная разведка подтвердила, что немецкие войска занимают и прочно обороняют первую траншею и не изменили группировки своих сил, что позволило эффективно использовать огонь артиллерии и авиации для последующей поддержки наступления. Вместе с тем генерал Горбатов заметил, что такой способ разведки он ненавидел «...всеми фибрами души», и не только потому, что батальоны несли при этом большие потери, но и потому, что подобные вылазки настораживали противника, побуждали его заранее принять меры против возможного наступления [124 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 219.].

Боевой порядок ударной группы 3-й А командующий генерал Горбатов построил в два эшелона: в первом эшелоне 235-я и 380-я стрелковые дивизии, а во втором 308-я сд, которую предполагалось ввести в бой утром второго дня наступления. Первый эшелон усиливался двумя тп, иптап и сап. Наступление обеспечивали 20-я артдивизия прорыва РГК и три отдельных артполка.

Боевой порядок ударной группы 63-й А строился в два эшелона: в первом эшелоне три стрелковые дивизии со средствами усиления (129, 287 и 348-я дивизии), во втором – еще три стрелковые дивизии (5, 250 и 397-я дивизии). Действия первого эшелона ударной группы поддерживали соединения 2-го акп РГК под командованием генерала Михаила Бар*~~ensored~~*ва (13-я и 15-я артдивизии прорыва – 10 артиллерийских и 2 минометные бригады, 3-я гв. тяжелая миндивизия – 3 гвардейские минбригады), а также основные силы 15-й ВА, на которую была возложена задача обеспечить прорыв обороны противника смежными флангами 3-й и 63-й армий, надежно подавив узлы сопротивления и опорные пункты противника в районах Евтехов, Ивань, Матвеевский – Прогресс, Малиновец, Хмелек – Сетуха и Казарь. В ночь на 12 июля авиация дальнего действия и бомбардировочные части 15-й ВА совершили более 600 самолето-вылетов, в ходе которых сбросили на объекты главной полосы обороны противника до 550 тонн бомб [125 - См.: Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 190.].

В 4 часа утра 12 июля артиллерийские группы 3-й и 63-й армий начали артиллерийское наступление – свыше 2 тыс. орудий и минометов открыли сильный огонь по расположению первых и вторых траншей противника перед фронтом прорыва. По информации штаба 3-й А [126 - ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 109. Л. 6 об.], система

огня противника была полностью нарушена, его живая сила на переднем крае уничтожена, а высокая плотность орудий, выделенных для стрельбы прямой наводкой, – 95 стволов на километр фронта прорыва, обеспечила разрушение большей части инженерных сооружений первой позиции главного рубежа вражеской обороны. Прикрываясь огнем артиллерии и бомбо-штурмовыми ударами авиационных соединений 15-й ВА (в ходе авиационной подготовки 89 самолетов-штурмовиков 3-го шак генерала Михаила Горлаченко сбросили на вражеские позиции 500 фугасных и свыше 3 тыс. осколочных бомб [127 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 203; Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 190.]), а также выставленной самолетами дымовой завесой (для введения противника в заблуждение дымовые завесы были подняты и в полосе тех дивизий 3-й А, которые оставались в обороне, – 269, 283, 342-я стрелковые дивизии [128 - ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 109. Л. 7 об.]), передовые стрелковые части 3-й А перешли вброд реку Зуша и к 5.30 приблизились к немецким траншеям. В 5.40 последовал огневой налет гвардейских минометных частей, служивший одновременно сигналом для атаки, после которого двинулись в наступление первые эшелоны ударных группировок 3-й и 63-й армий – по две стрелковые дивизии (287-ю сд из первого эшелона генерал Колпакчи решил ввести в бой позднее, в зависимости от развития атаки) с приданным каждой дивизии отдельным танковым полком штатной численностью 32 танка типа Т-34 и 9 танков типа Т-70 (согласно немецким данным, в первом эшелоне действовали пять советских стрелковых дивизий при поддержке 150–200 танков) [129 - См.: Огненная дуга. С. 430.].

На правом фланге участка наступления 3-й А части 235-й сд полковника Филиппа Ромашина прорвали вражескую оборону на рубеже Малое Измайлово – Вяжи, на стыке позиций 56-й и 262-й немецких пехотных дивизий, и к 11 часам овладели высотой 246,7 (1 км севернее села Ивань). Однако 114-й тп задержался с переправой через реку Зуша в районе одного километра западнее Малого Измайлова, так как после прохода 5 танков по заранее укрепленному броду он был разрушен и полк в течение шести часов выходил к другой переправе у села Вяжи, потеряв при этом 2 танка на собственных минных полях, подготовленных войсками 3-й А [130 - ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 109. Л. 7 об.—8.]. Поэтому пехота здесь атаковала практически без поддержки танков. Используя достигнутый успех, действовавшая южнее 380-я сд под командованием полковника Алексея Кустова (Алексей Федорович Кустов) быстро продвинулась вперед правым флангом и, овладев селом Ивань, завязала бои за Грачевку.

В полосе наступления 63-й А противник использовал для обороны большое количество выгодно расположенных высот, сильно укрепив их, поэтому наступлению здесь было оказано наиболее упорное сопротивление. Несмотря на мощную артиллерийскую поддержку и немедленный ввод в бой двух танковых полков, стрелковые части армии в течение четырех часов не могли преодолеть передний край обороны противника. Только тогда, когда генерал Колпакчи указал генералу Михаилу Бар*~~sensored~~*ву сосредоточить огонь артиллерийской группировки по району опорного пункта в поселке Большой Малиновец (который до этого две ночи подряд усиленно бомбардировался советской авиацией дальнего действия [131 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 204.]), а также высотам 244,9 и 254,9, пехота и танки прорвали немецкую оборону. Развивая наступление на запад, части 129-й сд под командованием полковника Ивана Панчука (Иван Владимирович

Панчук) к 12 часам овладели опорным пунктом противника Большой Малиновец и завязали бои за рошу западнее поселка. В то же время немцы удержали высоту 254,9, остановив части 348-й сд полковника Ивана Григорьевского на ее восточных скатах. На этом участке войска 63-й А не продвинулись дальше первой траншеи противника.

По информации Рендулича [132 - Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 283; Рендулич Л. Указ. соч. С. 173–174.], после артподготовки, в которой было задействовано 120–150 батарей, около 6 часов утра 12 июля пять советских стрелковых дивизий атаковали один немецкий пехотный полк на левом фланге 262-й пд (462-й гп. – П. Б.). Используя свое подавляющее превосходство, советские войска выбили австрийцев, которыми в основном была укомплектована 262-я дивизия, из первой и второй линии траншей, и к 11–12 часам овладели сильными опорными пунктами: Измайлово, высота 246,7, Ивань, Большой Малиновец, высота 244,9, прорвав в центре главную оборонительную полосу противника. Тогда командир 262-й дивизии генерал Фридрих Карст (Friedrich Karst) ввел в бой резервный батальон, контратаками потеснивший вражеские части, поэтому русская пехота задержалась, чтобы закрепить за собой захваченные позиции, а немцы получили время для занятия отступающими частями следующих опорных пунктов, которые находились за прорванным участком обороны. В то же время инженерные части 3-й А стали наводить мосты через реку Зушу, чтобы перевести на вражеский берег танки из приданных стрелковым частям отдельных танковых полков. С немецких позиций река уже не просматривалась, поэтому воспрепятствовать наведению мостов не удалось. Во второй половине дня ударные части 3-й и 63-й армий при поддержке 150 танков атаковали вторую линию германской обороны, прорвали ее и стали продвигаться вглубь, где натолкнулись на минные поля и хорошо замаскированные позиции противотанковой артиллерии. При этом советская пехота, сгущенная на узком пространстве, попала под огонь немецкой полевой артиллерии и отошла на ранее захваченные позиции, оставив свои танки без прикрытия. В результате за два часа боя 60 танков были повреждены или уничтожены (по немецким данным [133 - См.: Рендулич Л. Указ. соч. С. 173.]), а остальные отступили. Контратаками резервных частей пехоты, поддержанных артогнем, 35-му корпусу удалось задержать наступление обеих советских армий восточнее рубежа Евтехово – Грачевка – Прогресс, где немцы сразу же стали оборудовать новые позиции, опирающиеся на опорные пункты во второй полосе обороны. Советская авиация зафиксировала сосредоточение войск противника в районе Кочеты, а также в лесах южнее Грачевки.

По советским данным [134 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 396; Горбач В. Указ. соч. С. 204–205; Огненная дуга. С. 458.], опасаясь быстрого развития прорыва в полосе 35-го ак, германское командование с 10 утра задействовало на Орловском направлении крупные силы авиации, которая осуществляла истребительное прикрытие, а также группами от 9 до 32 самолетов наносила бомбовые удары по боевым порядкам наступающих советских войск в районе Измайлово – Вяжи, переправам через реку Зуша и огневым позициям артиллерии – всего отмечено 538 самолето-пролетов (согласно другим источникам, до 12 часов было совершено 600 самолето-налетов группами по 40–50 машин). В соответствии с докладом представителя Ставки маршала Жукова Верховному главнокомандующему, 12 июля авиация противника действовала по боевым порядкам главным образом наступающих частей 3-й и 63-й армий БрФ, где с ее

стороны было зафиксировано 504 самолето-пролета, тогда как советская авиация на БрФ сделала 598 самолето-вылетов (по другим данным, 15-я ВА произвела 686 дневных самолето-вылетов, а германская авиация – 1111) [135 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 207; Огненная дуга. С. 348–349.].

При этом советская авиация, как истребительная, так и штурмовая, в течение 12 июля действовала мелкими группами численностью от 2 до 6 самолетов, что не позволяло ей эффективно вести борьбу за господство в воздухе над полем боя и наносить мощные удары по вражеской обороне. Части 3-го шак генерала Горлаченко совершили за день 147 самолето-вылетов и заявили об уничтожении 5 танков и 5 автомобилей, тогда как германские пикирующие бомбардировщики совершили 419 самолето-вылетов, уничтожив 35 танков и 14 артиллерийских орудий (согласно сводке 6-го ВФ) [136 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 206.].

По боевому донесению командующего войсками БрФ Верховному главнокомандующему за 12 июля 1943 года [137 - См.: Огненная дуга. С. 457–458.], в 5.40 ударные группы 61, 3 и 63-й армий перешли в наступление после мощной авиационной и артиллерийской обработки укрепленной оборонительной полосы противника, прорвали передний край вражеской обороны при поддержке танков и авиации, и к исходу дня с боями овладели: 61-я А – отбив контратаки противника, овладела рубежом Пальчиково (исключительно) – овраг юго-восточнее Пальчиково – высота 203,5 (500 м восточнее Кривцово) – Сивково; 3-я и 63-я армии – лес в 1,5 км северо-восточнее Евтехово – высота 246,7 – Ивань – Ускань – Затишье – Большой Малиновец – высота 254,9, отметка 243,7 (1 км восточнее Прогресс) – высота 248,0 – река Неручь – Репьевка. В результате боев нанесены большие потери в живой силе и технике частям 208, 56, 262-й пехотных дивизий противника, полностью уничтожен гарнизон в Толкачево. Авиация 15-й ВА в течение ночи и дня 12 июля штурмовыми и бомбардировочными действиями уничтожала живую силу и технику противника на переднем крае и в глубине его обороны, взаимодействуя с наземными войсками, всего сделано 1335 самолето-вылетов.

Как видно, несмотря на сильную поддержку, оказанную авиацией и артиллерией, в первый день наступления ни одной из армий БрФ не удалось прорвать первую полосу обороны противника на всю глубину. Ударные группы каждой из трех армий вынуждены были вести тяжелую борьбу по уничтожению опорных пунктов, оборудованных в большом количестве в тактической зоне германской обороны. Наибольшего продвижения 12 июля добились войска 3-й А, в особенности те части, которые наступали на стыке 3-й и 63-й армий и вышли к рубежу Евтехово – Грачевка – Затишье, вклинившись в расположение противника на 5–7 км [138 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 396.]. Согласно с докладом представителя Ставки маршала Жукова Верховному главнокомандующему о начале операции «Кутузов» [139 - См.: Огненная дуга. С. 348.], 12 июля армии генералов Горбатова и Колпакчи прорвали фронт обороны противника на участке шириной 15 км и глубиной 5 км и к 20 часам вышли на рубеж Измайлово – полкилометра восточнее Евтехов – Затишье – восточная окраина Лиски – юго-западная опушка роши (2,5 км западнее Орловка) – Репьевка.

Генерал Горбатов указывает [140 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 219.], что, согласно показаниям пленных, противник ждал наступления, но считал, что оно будет организовано только с плацдарма, и никак не предполагал, что советские войска станут форсировать реку Зушу. Поэтому удар 3-й А оказался для командования 35-го ак в некоторой степени внезапным, а генерал Рендулич отметил [141 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 168.], что полностью раскрыть замыслы наступления противника не удалось. Однако, поскольку 3-я и 63-я армии наступали смежными флангами, фактически на одном направлении, то атакованным все равно оказался узкий участок фронта 262-й пд, за которым генерал Рендулич расположил основные корпусные резервы. В том случае, если бы главный удар 3-й А наносился на другом участке, значительно удаленном от ранее намеченного по расстоянию, наступление 3-й А представляло для 35-го ак значительно большую опасность.

В связи с этим Лотар Рендулич констатирует [142 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 170–172.], что дополнительные силы, сосредоточенные в полосе 262-й пд, составляли основные резервы корпуса, но могли быть использованы лишь на одном направлении – на участке предполагаемого главного удара противника на Орел. Соответственно, если бы противник нанес второй удар в каком-нибудь другом месте, обеспечение этого второго направления усилий оказалось делом безнадежным и все мероприятия по перегруппировке сил были бы расценены как неоправданные. Несмотря на это, командование корпуса готовилось к возможности, что противник нанесет один или несколько ударов в стороне от главного направления, продумав соответствующие изменения тактики боя. В данной ситуации проведенное сосредоточение сил на основном направлении теряло всякий смысл, поскольку эти силы никакого влияния на ход боевых действий на других участках обороны оказать уже не могли. Поэтому корпусу пришлось бы отказаться от удержания своих позиций и отходить к реке Оке, ее притоку Оптухе и в район южнее этих рек, стремясь прежде всего сохранить целостность фронта. Учитывая изложенное, проблема сохранения или смещения направления основных усилий корпуса сохранялась в течение всего времени боев, однако в итоге противник своей задачи не достиг, и основой этого успеха стали именно крайние меры по обеспечению главного направления обороны. Поскольку советское командование не предприняло никаких значительных демонстративных или отвлекающих действий на других направлениях, сосредоточение основных сил 3-й и 63-й армий на крайне узком участке наступления стало его грубой ошибкой и «хорошим подарком» для немцев.

Вместе с тем, оценивая решения советского командования, необходимо принимать во внимание, что к тому моменту, когда генерал Горбатов внес свои предложения по изменению плана наступления БрФ, у него уже не оставалось времени для организации переброски и сосредоточения ударной группировки 3-й А в новом районе. Соответственно, предложения Горбатова были ограничены реально имевшимися возможностями, что не позволило существенно улучшить примитивный план наступления на Орловском направлении, подготовленный армейским и фронтовым командованием, а затем одобренный Генеральным штабом и утвержденный Ставкой, исходя из прошлого боевого опыта (генерал Горбатов отметил [143 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 215.], что до его назначения, а до июня 1943 года 3-й армией командовал генерал Павел Корзун, армия провела несколько неудачных наступательных операций, врылась в землю и засиделась в

обороне; по поводу командования БрФ, маршал Жуков высоко оценивает оперативную грамотность начальника штаба фронта генерала Леонида Сандалова, который, по его мнению, являлся одним из наиболее способных начальников штабов, глубоко разбиравшимся в оперативно-стратегических вопросах [144 - Жуков Г. К. Указ. соч. С. 462.]; с другой стороны, маршал Василевский отмечает, что генерал Маркиан Попов, который вступил в командование войсками БрФ вместо генерала Рейтера с июня 1943 года, за время войны то снижался, то повышался в должности и звании – начал войну командующим Ленинградским фронтом в чине генерал-лейтенанта, в 1944 году стал генералом армии, а завершил начальником штаба этого же фронта в звании генерал-полковника, все из-за пристрастия к алкоголю, что делало его совершенно бесконтрольным [145 - Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: Воениздат, 1984. С. 276.]).

По свидетельству маршала Баграмяна [146 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 210.], войска 61-й А БрФ, наступавшие на Болхов с северо-востока, за 12 июля вклинились в оборону противника на глубину от 3 до 7 км; на столько же продвинулись и главные силы БрФ – 3-я и 63-я армии, наступавшие на Орел с востока. Это означало, что войска фронта не смогли прорвать главную полосу обороны противника и вынуждены были вести ожесточенные бои в ее глубине, поэтому двинуть в прорыв танковые части им в первый день операции не удалось. С другой стороны, генерал Рендулич отмечает [147 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 174–175.], что для него оставалась большой загадкой русская тактика – в сражение вступили еще далеко не все силы противника и было необъяснимым, почему после форсирования водной преграды советское командование не ввело в бой на участке своей 3-й А главные силы пехоты и танков с целью глубокого прорыва на Орел.

В действительности командующий БрФ решил незамедлительно развить прорыв, наметившийся на стыке 3-й и 63-й армий, поэтому в 21.15 12 июля отдал 1-му Донскому гв. тк приказ, в котором поставил задачу в ночь на 13 июля перейти на западный берег реки Зуши и сосредоточиться в районе Ивань – Затишье – Вяжи; утром, как только пехота займет рубеж Евтехово – Грачевка, немедленно войти в прорыв на этом участке и, развивая успех, овладеть к исходу дня районом Моховое [148 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 396–397.]. В состав 1-го гв. тк входили три танковые и одна мотострелковая бригады, танковый полк, истребительно-противотанковый, минометный и зенитно-артиллерийский полки, а также мотоциклетный батальон (около 13 тыс. солдат и офицеров, свыше 200 танков); ввод корпуса в прорыв обеспечивался основными силами 15-й ВА и 2-го акп 63-й А (в начале операции танковый корпус был передан под управление командования 63-й А) [149 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 319, 397, 756; Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3. Соотношение бронетанковых сил под Курском. Приложение 4 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 362, 367.]

Обеспечение Орловской операции с юго-запада возлагалось на войска правого крыла ЦФ, которые 15 июля должны были перейти в наступление на Кромы. Несмотря на то что в полосе ЦФ не прекращались бои, войска правого крыла фронта, согласно указанию Верховного главнокомандования, усиленно готовились к переходу в контрнаступление, имея своей ближайшей задачей уничтожить вклинившегося в оборону противника и

восстановить свое прежнее положение, а в дальнейшем развивать наступление на северо-запад, в общем направлении на Кромы. 12 июля командующий ЦФ поставил перед войсками задачу перейти в наступление 15 июля, так что на подготовку операции предоставлялось 3 дня. Части производили перегруппировку сил, сосредоточивалась артиллерия, танки, пополнялись боеприпасы, усилила свои действия бомбардировочная авиация. Для перехода в наступление выделялись 48, 13, 70, 2-я танковая и 16-я воздушная армии. Командующий фронтом поставил им общую задачу уничтожить ударную группировку противника в районе Нижнее Тагино – Пробуждение – Поныри – Протасово – Гремячево, чтобы к исходу 17 июля главными силами выйти на рубеж Нагорный – Шамшин – Новополево – Каменка – Лебедиха – Морозиха – Катомки. В дальнейшем предполагалось развивать удар на север в общем направлении на Орел, войдя во взаимодействие с войсками Западного и Брянского фронтов.

Выполняя приказ генерала Рокоссовского, отданный войскам 12 июля, армии правого крыла ЦФ в тот же день приступили к перегруппировке сил для наступления, так что к 15 июля в районе Поныри и Ольховатка была образована ударная группа в составе 18-го стрелкового и 16-го танкового корпусов [150 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 400.].

В то же время противник активности не проявлял, ограничиваясь разведывательными действиями. Основное внимание германского командования было привлечено к наступлению Западного и Брянского фронтов на Орел, поэтому немцы начали снимать часть войск с участка против правого крыла ЦФ и спешно перебрасывать их на север. В течение 13 июля советская авиация зафиксировала движение на север железнодорожных эшелонов с материальной частью артиллерии и танками к станциям Глазуновка и Змиевка. В этом же направлении по грунтовым дорогам шли колонны автомашин и пехоты.

По свидетельству генерала Гребена [151 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 145–146.], первоначально командование ГА «Центр» (командующий генерал-фельдмаршал Ханс Клюге, начальник штаба генерал Ханс Кребс. – П. Б.) обратило особое внимание на то, чтобы удержать Орел, иначе, в связи с потерей этого ключевого транспортного узла, а также блокированием выходящих из города железных дорог и шоссе, возникала угроза снабжению 9-й и 2-й танковой армий. Поэтому 12 июля фельдмаршал Ханс Клюге (Hans-Guenther Kluge) приказал направить в полосу 2-й ТА 2-ю, 18-ю и 20-ю танковые, 36-ю пехотную дивизии, а также танкоистребительные подразделения «Фердинандов» и тяжелую артиллерию. Фельдмаршал надеялся, что критическая обстановка на фронте этой армии может улучшиться в результате молниеносного вмешательства выделенных подкреплений. Одновременно по указанию Гитлера была произведена смена командования войсками орловской группировки. В самом начале советского наступления (по некоторым данным [152 - Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 257.], во второй половине дня 12 июля. – П. Б.) командующий 2-й танковой армией генерал Рудольф Шмидт (Rudolf Schmidt) был снят с должности (мотивом для такого решения послужило то, что брата Шмидта арестовали за измену, а на его квартире обнаружили письма, где генерал критиковал Гитлера [153 - Примечательно, что писателя Александра Солженицына, который во время Второй мировой войны служил в Красной армии на

советско-германском фронте офицером артиллерии и был награжден орденами Отечественной войны 2-й степени и Красной Звезды, за высказанные в письмах критические замечания в адрес политического руководства Советского государства не просто сняли с должности, а предали суду военного трибунала и осудили к 8 годам лишения свободы. Причем это произошло не в критический период войны, а в победном для Красной армии 1945 году. Генерал Рудольф Шмидт, избежавший серьезных репрессий со стороны Гитлера, уже после войны также был арестован советскими властями и до начала 50-х годов находился в заключении, побывав в Бутырской, Лефортовской и Владимирской тюрьмах. (Примеч. авт.)), и на этот пост назначен генерал Вальтер Модель (Walter Model, в 17.45 12 июля начальник штаба 2-й ТА полковник Август Винтер (August Winter) получил распоряжение передать командование генералу Моделю [154 - См.: Ньютон С. «Пожарник» Гитлера – фельдмаршал Модель. М.: АСТ; Хранитель, 2007. С. 295.] (фактически Модель принял командование 13 июля, официально вступил в должность 15 июля. – П. Б.), который, таким образом, объединил под своим управлением все германские войска на Орловском плацдарме (обязанности Моделя по управлению войсками 9-й А временно взял на себя начальник штаба армии полковник Харальд Эльверфельдт (Harald Elverfeldt). – П. Б.) При этом штабы обеих армий оставались там, где они и были, так что эта мера только обеспечивала объединенное оперативное командование войсками на Орловском выступе.

2.2. Развитие обстановки 13 июля

На Болховском направлении все усилия войск 11-й гв. А в течение 13 июля были направлены на ликвидацию вражеских опорных пунктов и узлов сопротивления и на прорыв тылового оборонительного рубежа противника. Для этого на второй день операции командование 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов ввело в сражение две стрелковые дивизии второго эшелона. В свою очередь, немцы, цепляясь за хорошо укрепленные населенные пункты (Медынцево, Ульяново, Старица, Речица, Дурнево, Слободка и др.), оказывали упорное сопротивление, стремясь не допустить развития прорыва, подтянуть резервы из глубины и с их помощью восстановить положение. 13 июля наиболее упорные бои завязались в районе Медынцево – Ульяново – Старица. Отошедшие сюда части 211-й и 293-й немецких пехотных дивизий опирались на сильные укрепления этих узловых пунктов второй оборонительной полосы, а также получили поддержку танков 5-й тд, поэтому сильным огнем и неоднократными контратаками стремились удержать тыловой рубеж до подхода более крупных резервов.

В течение ночи с 12 на 13 июля и следующим днем авиация 1-й ВА ЗапФ наносила бомбоштурмовые удары по войскам и позициям противника в районах Хатьково, Моилово, Кцынь – Сорокино (всего за сутки было совершено 652 самолето-вылета) [155 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 324.]. Утром 13 июля 8-й гв. ск возобновил наступление. Перед ним была поставлена задача: прорвать тыловой оборонительный рубеж немцев на участке Старица – Речица; обеспечить ввод в прорыв 5-го тк; во взаимодействии с ним наступать в направлении Ульяново – Крапивна. На рассвете 13 июля, после 30-минутной артподготовки, части 8-го гвардейского и 5-го танкового корпусов 11-й гв. А продолжили движение вперед, стремясь овладеть крупным опорным пунктом второй полосы обороны противника в селе Старица, но были встречены

контратакой 13-го и 14-го панцер-гренадерских полков 5-й тд, которая получила задачу создать рубеж обороны западнее Речицы. Используя заранее подготовленные укрепления и складки местности, немцы встречали атакующих сильным перекрестным огнем и контратаковали во фланги силами до двух-трех батальонов пехоты с 15–30 танками [156 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 211; Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 346; Огненная дуга. С. 348.]. Одновременно по боевым порядкам наступающих советских войск пыталась нанести удары германская штурмовая авиация, действовавшая небольшими группами от 4 до 8 самолетов (всего в полосе ЗапФ за 13 июля было учтено 80 самолето-пролетов германской авиации [157 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 324.]). Однако контратаки не только не принесли немцам успеха, но при этом был частично отеснен со своих позиций, а частью окружен 13-й пгп 5-й тд под командованием полковника Генриха Бронзарта-Шеллендорфа (Heinrich Bronsart-Schellendorff) [158 - См.: Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 258–259.]. После отражения контратак генерал Малышев приказал корпусной артиллерийской группе произвести десятиминутный огневой налет, для которого на двухкилометровом фронте было сосредоточено более 250 орудий и минометов [159 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 211.]. Огневой налет был дополнен ударом 224-й штурмовой авиадивизии полковника Михаила Котельникова (Михаил Васильевич Котельников), закрепленной за 5-м тк, по артиллерийским позициям и скоплениям техники в районе опорного пункта в Старице. После этого части 11-й гв. сд 8-го корпуса, которой командовал генерал Иван Федюнькин, действовавшие при поддержке 43-й гв. тбр полковника Михаила Лукашева (Михаил Павлович Лукашев), охватили Старицу с востока, скрытно продвигаясь по оврагам и лощинам мелкими группами пехоты и танков и одновременно отвлекая внимание противника огнем и демонстрацией наступления с севера. Завершив охват к 13 часам, части дивизии внезапно атаковали опорный пункт с юго-востока, завязали бои на окраинах, а затем прорвались в село. После уличного боя остатки разгромленного немецкого гарнизона пытались отойти на Медынцево, но были рассеяны ударом левофланговой 1-й гв. сд 16-го гв. ск под командованием генерала Николая Кропотина и 10-й гв. тбр полковника Андрея Бурлыги, выдвинувшихся для блокирования дороги Старица – Ульяново, которые обошли Старицу с запада и юга-запада.

Таким образом, к середине второго дня операции на этом участке оказалась преодолена и вторая полоса обороны немецкого 53-го ак. Наступающие советские войска открыли себе путь на юг и юго-восток, тогда как немецкие части спешно закреплялись на рубеже Желябово – Пустой – Медынцево.

Штурмовая авиация 1-й ВА ЗапФ начала наносить удары вдоль дороги Старица – Дудоровский – Кцынь и уничтожила мост через реку Рессету у Кцыни, полностью блокировав движение автотранспорта на этом участке и воспретив подход к месту прорыва неприятельских резервов. Теперь для развития успеха и глубокого расчленения обороны противника командование 11-й гв. А решило ввести в прорыв крупную группу танков из состава 5-го тк с задачей преследовать противника в направлении Крапивна – Афонасово. Танковая группа вошла в прорыв с 14 часов 30 минут и во взаимодействии с передовыми отрядами пехоты, преследуя противника на юго-восток, с ходу овладела селениями Веснины, Крапивна, отдельными отрядами продолжая развивать наступление

на Ягодную. К исходу дня соединения 8-го гвардейского и 5-го танкового корпусов вышли на рубеж Белый Верх – Старица – Веснины – Крапивна.

Вместе с тем, как отмечает маршал Баграмян [160 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 213–214.], ударная группировка 11-й гв. А рассекла немецкую оборону узким клином и, хотя успешно продвигалась в глубину, но ее фланги были прикрыты слабо. Противник подготавливал контрудар с запада, из района Медынцева, чтобы отрезать выдвинувшиеся далеко вперед части 5-го тк. Одновременно главные силы немецкой 25-й мд при содействии частей 293-й пд и поддержке авиации готовились нанести контрудар по левому флангу 36-го гвардейского корпуса, выдвинув разведывательный отряд мд в населенный пункт Меховое. Данные авиационной разведки и показания пленных свидетельствовали о том, что с юго-востока, из района Орла, подходят крупные колонны танковых и моторизованных войск противника. С полудня 13 июля резко возросла активность вражеской авиации: группы по 20–30 пикирующих бомбардировщиков наносили удары по боевым порядкам танковых и стрелковых корпусов. В сложившихся условиях, чтобы добиться развития тактического прорыва в оперативный, требовалось прежде всего использовать боевые возможности приданных армии танковых корпусов.

Соответственно, учитывая угрозу фланговых контрударов, Баграмян приказал генералу Сахно закрепиться основными силами 5-го тк на достигнутом рубеже и оттянуть назад танковые бригады, оторвавшиеся от других частей. В частности, командующий армией счел, что оставлять 70-ю тбр в Ягодной при отрыве ее от остальных частей корпуса более чем на 15 км нецелесообразно и опасно, поскольку это давало противнику возможность сравнительно легко отрезать ее от главных сил армии. Исходя из этого, Баграмян приказал бригаде отойти в район Крапивны [161 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 347.]. Оставление Ягодной потребовало в дальнейшем двух дней упорных боев с подошедшими сюда резервами противника, что снизило темп продвижения советских войск и увеличило их потери. С другой стороны, командование 11-й гв. А решило нарастить усилия на Медынцевском направлении с целью разгромить части 5-й тд немцев до подхода их резервов, выдвигавшихся из района Орла.

Во второй половине дня 13 июля в сражение на Медынцевском направлении вступили соединения 1-го тк генерала Василия Буткова. В 14.30 часов командующий 11-й гв. А ввел 1-й тк вслед за 5-м тк в прорыв на участке Старица – Ульяново, поставив задачу ударом на Медынцево, во взаимодействии с левофланговыми частями 16-го гв. ск, уничтожить 5-ю тд немцев. Наступление корпуса генерала Буткова поддерживала 231-я штурмовая авиадивизия 1-й ВА под командованием полковника Леонида Чижикова, части которой 13 июля нанесли ряд ударов по опорным пунктам неприятеля в Медынцево и Дудорово (Дударово, 6 км юго-западнее Ульяново). По утверждению Баграмяна [162 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 214; Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». С. 259.], в результате состоявшегося боя 5-й тд противника был нанесен громадный урон, она потеряла большое количество танков и оказалась обескровленной (согласно немецким источникам, фронтальные контратаки, которые 13 июля предпринимала 5-я тд, стали причиной потери 45 танков, тогда как у противника было подбито 40 боевых машин).

К 19 часам две бригады 1-го тк во взаимодействии со стрелковыми частями 1-й гв. сд генерала Кропотина овладели Медынцево и Дудорово. В итоге боев 13 июля частям 1-го тк удалось продвинуться на 12–15 км и овладеть тремя крупными опорными пунктами противника, который потерял подбитыми и уничтоженными 47 танков, 7 самоходных орудий, 2 бронемашин, 43 орудия разных калибров, 6 минометных батарей, 800 военнослужащих убитыми и взятыми в плен, а кроме этого, оставил три крупных склада. Потери 1-го тк составили 350 военнослужащих убитыми и ранеными, 10 танков было уничтожено и 13 машин получили боевые повреждения.

К 21 часу все танковые и мотострелковая бригады 1-го тк сосредоточились в районе Медынцево, Дудорово и в роще восточнее Дудорово, а подошедшие к реке Черепеть передовые отряды 16-го гв. ск начали преследование подразделений 5-й танковой и 293-й пехотной дивизий противника, отходящих в юго-западном направлении на Холмищи – Дудоровский. При этом в связи с тем, что 211-я пехотная и 5-я танковая дивизии оказались к северу и северо-западу от участка прорыва, потеряв контакт с 293-й пд, оперативная группа Мюллера перешла в подчинение командующего 55-го ак генерала Эриха Яшке (Йашке, Erich Jaschke).

Одновременно соединения 16-го гв. ск, наступая на юго-запад, продолжали расширять прорыв в сторону правого фланга 11-й гв. А и к исходу 13 июля с боями вышли на рубеж Чернышино – Дудорово, овладев несколькими опорными пунктами в полосе обороны немецкой 211-й пд. Вместе с тем вечером того же дня погиб командующий 16-го корпусом Герой Советского Союза генерал Афанасий Лапшов, а исполняющий обязанности начальника артиллерийской группы корпуса генерал Лавр Мазанов был взят немцами в плен (Лапшов и Мазанов поехали в район Медынцево осмотреть подбитые немецкие танки, среди которых якобы были «Тигры», и по дороге натолкнулись на одну из отходящих групп противника). В конце июля командующим 16-го гв. ск был назначен генерал Иван Федюнькин.

На левом фланге армии, в полосе наступления 36-го гв. ск генерала Ксенофонтова, 13 июля продолжались ожесточенные бои за опорные пункты Долгая, Дурнево, Дебри, Слободка. Войска 36-го гв. ск, продолжая наступление на юго-запад, вели бои с 293-й пд генерала Карла Арндта (Karl Arndt), а также с частями 25-й мд под командованием генерала Антона Грассера (Anton Grasser), переброшенными командованием 53-го ак на рубеж реки Вытебеть. Используя подготовленные позиции, немцы стремились удержать плацдарм на левом берегу реки в качестве исходной позиции для подготовки флангового контрудара. Сильный огонь, неоднократные контратаки и пересеченная рядом оврагов местность затрудняли продвижение и маневр наступающих, но к исходу 13 июля части 36-го гвардейского корпуса овладели ключевыми опорными пунктами противника Долгая (2 км западнее Дурнево), Дурнево, Дебри (2 км севернее Дурнево), Слободка и вышли на рубеж реки Вытебеть. Передовые отряды корпуса овладели переправами через реку южнее Долгой и восточнее Дурнево и переправились на восточный берег, однако их попытки развить успех в направлении Сорокино оказались безуспешны. В ночь на 14 июля корпусная разведка обнаружила подход танков и пехоты противника, захваченные пленные показали, что в Сорокино и Уколицы прибывают части 18-й и 20-й танковых дивизий (из состава 41-го и 47-го танковых корпусов 9-й А. – П. Б.), которые будут

действовать совместно с 25-й мд [163 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 216.]. Разведка отметила также подход артиллерии, в том числе крупных калибров. Командование корпуса доложило в штаб армии, что готовится контрудар по левому флангу. В качестве ответной меры командование 11-й гв. А выдвинуло на угрожаемый участок противотанковый резерв – иптап.

К исходу дня 13 июля войска 11-й гв. А вышли на рубеж Чернышино – Медынцево – Веснины – Крапивна и далее по реке Вытебеть до Жуково. За 12 и 13 июля 11-я гв. А прорвала тактическую зону обороны противника и вклинилась в его расположение на глубину до 25 км, расширив прорыв по фронту до 23 км и нанеся серьезные потери 5-й танковой, 211-й и 293-й пехотным дивизиям [164 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 348–349.]. Пути для развития наступления как на Болхов, так и на Хотынец, к железной дороге и шоссе Орел – Брянск были открыты. Наступление войск 11-й гв. А уже на второй день операции создало серьезную угрозу охвата Болхова с северо-запада и запада и выхода на тылы и коммуникации всей орловской группировки немцев.

Одновременно 13 июля перешла в наступление и 50-я А ЗапФ под командованием генерала Ивана Болдина, которая выполняла задачу прикрыть правый фланг 11-й гв. А с помощью вспомогательного удара в направлении на Зикеево. Перед фронтом армии оборонялись 110, 296, 134-я и частью сил 211-я пехотные дивизии противника: перед правым флангом и центром 50-й А, на участке Запрудное – Пузановка, протяженностью 21 км, располагались 110-я и 296-я дивизии, а далее, в полосе шириной свыше 26 км, занимали позиции 134-я и 211-я дивизии; в тактической глубине, в районе Жиздра – Людиново, оставалась в резерве 5-я тд [165 - ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 161. Л. 1–1 об.]. С другой стороны, сосредоточенные здесь для наступления силы и средства ЗапФ были примерно в два-три раза меньше ударной группировки 11-й гв. А. Так, 50-я А в составе 7 стрелковых дивизий (3 из которых под управлением 38-го ск); 3 артиллерийских пушечных, 3 зенитно-артиллерийских, 3 минометных, 1 истребительно-противотанкового артиллерийского полков; 2 инженерных б-нов; 2 дивизионов бронепоездов насчитывала «всего лишь» около 63 тыс. человек, свыше 530 орудий (236 орудий калибра 76 мм и выше, 241 противотанковое орудие, 50 зенитных пушек) и 594 миномета калибром 82 и 120 мм, а на усиление получила отдельную 196-ю тбр, а также танковый полк и тяжелый самоходный артполк – всего 75 танков и 12 САУ [166 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2. Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 305–306, 362; Огненная дуга. С. 592; Панков Ф. Д. Огненные рубежи: боевой путь 50-й армии в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1984. С. 128–143; Россия и СССР в войнах XX века. С. 286.].

По данным оперативного отдела штаба 50-й А, к началу операции в ее полосе сложилось следующее соотношение сил, не вполне благоприятное для наступления на заранее подготовленную оборону противника (табл. 2).

[167 - ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 161. Л. 1 об.—2.]

Силы и средства	Противник	50-я А
Личный состав (боевой)	26 450	43 647
Ручные пулеметы	888	1 189
Станковые пулеметы	236	552
Минометы	229	552
Противотанковые орудия	189	241
Полевые орудия	212	302
Реактивные системы / метательные аппараты	6	23
Танки и САУ	132	46*

Согласно первоначальному решению командующего армией, которое соответствовало положениям Боевого устава пехоты, главный удар должны были наносить две левофланговые пехотные дивизии на фронте Колпино – отметка 199,9, с целью прорыва в направлении на Хромыли – Марьинский, а вспомогательный удар – один стрелковый полк 64-й сд в направлении на Кремищное; 38-й ск под командованием генерала Алексея Терешкова, развернутый на правом фланге 50-й А (17-я, 326-я и 413-я стрелковые дивизии), получил задачу удерживать оборону и обеспечивать соединения армии от возможного контрудара противника, а также быть готовым наступать на Марьинку [168 - ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 161. Л. 2–5.]. Здесь же, на правом фланге армии, в районе Загоричи – Букань – Усты, была проведена маскировочная операция, а 12 июля – разведка боем. Для исполнения решения командования на прорыв обороны противника 50-я А произвела перегруппировку и нанесла главный удар левым флангом из района Колпино в направлении на Будские Выселки – Марьинский – Хромыли. На участке прорыва протяженностью 6 км по фронту были сосредоточены 212-я и 324-я стрелковые дивизии, действовавшие при поддержке 196-й тбр, двух артиллерийских и двух минометных полков, а также одного артиллерийского и одного минометного дивизионов. В результате этого удара, осуществляемого при содействии 440-го сп 64-й сд, который атаковал на Кремищное, предполагалось окружить и уничтожить в районе Палики – Речица – Дубровка части 134-й немецкой пд генерала Ганса Шлеммера (Hans Schlemmer), а в , используя 49-ю сд и танковый полк, остававшиеся в резерве командующего армией в районе села Маклаки. Для артиллерийского обеспечения прорыва была сосредоточена артиллерийская группа, ~~включавшая артиллерийские полки (64, 212 и 324-й дивизий), 39-й и 188-й пушечные артполки РК, 54-й и 307-й минометные полки, артиллерийский и минометный дивизионы: 113 орудий калибра 45 мм, 88 орудий полковой и дивизионной артиллерии калибра 76 мм, 48 орудий калибра 122 и 152 мм, 182 миномета калибра 82 мм и 68 минометов калибра 120 мм, 40 реактивных установок М-13 [169 - ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 161. Л. 3.].~~ Как видно, всего в группе насчитывалось 539 орудий и минометов, то есть 90 стволов на один километр 6-километрового участка прорыва, хотя штаб 50-й А указывает иную артиллерийскую плотность – 56 стволов на километр [170 - ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 161. Л. 3.].

Около 5 часов 15 минут 13 июля, после 50-минутной артподготовки, левофланговые 212-я и 324-я стрелковые дивизии (под командованием полковников Андрея Мальцева

(Андрей Прокопьевич Мальцев) и Эрнеста Седулина. – П. Б.) перешли в наступление и к 7 часам форсировали реку Жиздру (в ночь с 12 на 13 июля армейскими инженерно-саперными подразделениями было построено три моста через Жиздру под грузы весом 60 тонн три моста – под грузы весом 35 тонн, и два моста для батальонной и полковой артиллерии), а к 18 часам преодолели три ряда проволочных заграждений и частью сил заняли первую немецкую траншею в одном километре севернее Речицы (подразделениями 669-го сп 212-й сд, которые были введены в бой из резерва около 15 часов, после повторного артиллерийского налета) [171 - ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 161. Л. 3, 8–8 об.]. Одновременно подразделения 440-го сп 64-й сд, которым командовал полковник Андрей Петрович Разуев, форсировали Жиздру на участке Ленинский – брод 2 км северо-восточнее Кремишное, атаковали противника и продвинулись на 100–200 метров вглубь от южного берега реки. Однако немцы подготовили организованный встречный огонь группы из 19 артиллерийских и минометных батарей, расположенных в районах опорных пунктов Речица – Марьинский – Будские Выселки, и, опираясь на развитую систему проволочных заграждений и минных полей, в целом остановили наступление русских на всех участках. В связи с недостаточным перевесом в силах и небольшой величиной ударной артиллерийской группы (плотность полевой артиллерии составила 21–22 ствола на 1 км фронта), войскам 50-й А не только не удалось прорвать оборону противника, но даже не получилось активными действиями связать соединения 55-го ак 2-й ТА, три пехотные дивизии которого в это же время перебрасывались на Болховское направление (110, 321 и 339-я пехотные дивизии). После безуспешных повторных атак генерал Болдин прекратил дальнейшее наступление и решил, вопреки положениям Боевого устава пехоты, сузить участок прорыва, не меняя направления главного удара (такое сужение участка прорыва облегчало противнику сосредоточение сил для ведения обороны). Командованием армии было решено произвести перегруппировку частей 212-й и 324-й стрелковых дивизий с целью прорыва фронта противника на участке шириной 2–2,5 км, где сосредоточить основную массу артиллерии армии, добившись здесь артиллерийской плотности 132 ствола на километр [172 - ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 161. Л. 3, 8–8 об.].

В полосе 61-й А БрФ противник стремился задержать ударную группу армии, опираясь на сильные опорные пункты и укрепленные позиции промежуточного оборонительного рубежа, чтобы успеть подтянуть к участку прорыва оперативные резервы – части 12-й тд генерала Эрпо Боденхаузена (Erpo Bodenhausen). Быстрое прибытие танковых частей позволило бы немцам на некоторое время запереть ударную группу 61-й А на захваченном ею плацдарме на западном берегу Оки. В результате усилившегося сопротивления германских войск темп наступления 61-й А в первой половине дня 13 июля серьезно замедлился. В связи с этим, чтобы предотвратить остановку наступления на промежуточном оборонительном рубеже неприятеля, командующий армией генерал Павел Белов решил ввести в бой 20-й тк, не дожидаясь, когда пехота завершит прорыв обороны противника на всю ее тактическую глубину. К началу операции в 20-м танковом корпусе насчитывалось 139 танков типа Т-34, 63 танка Т-70, 16 САУ СУ-122, так что каждая из трех танковых бригад корпуса была полностью укомплектована и имела 53 боевые машины [173 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 23.]. Командующий корпусом генерал Иван Лазарев получил задачу: нанести удар на участке между Кривцово и Корнилово; выйти к тыловому рубежу противника и преодолеть его, полностью прорвав

здесь главную полосу обороны 53-го ак немцев; развивая успех на юго-запад в общем направлении на Новолутовинский – Бекетово, охватить Болхов с юга и перерезать шоссе Болхов – Орел.

Главный удар двух армий БрФ был нанесен по левому флангу 262-й и смежному участку 56-й пехотных дивизий 35-го ак. На участке 3-й А генерал Горбатов на второй день операции ввел в бой еще две стрелковые дивизии (269-ю и 308-ю дивизии), чтобы развивать наступление по двум расходящимся направлениям – на запад и северо-запад. На правом фланге части 235-й сд, действовавшие при поддержке приданной бронетехники (по немецким данным [174 - См.: Рендулич Л. Указ. соч. С. 175.], 13 июля позиции 35-го ак атаковало до 100 танков, из которых около 40 были повреждены или уничтожены), с двух сторон охватили сильный опорный пункт в селе Евтехово и в результате короткого боя овладели им, выбив подразделения 171-го гп 56-й пд под командованием кавалера Рыцарского креста полковника Герберта Шимпфа (Herbert Schimpff). Командир 235-й дивизии полковник Ромашин был ранен (до конца июля дивизией временно командовал полковник Алексей Кубасов, а затем полковник Лука Басанец), но овладение Евтехово позволило частям 308-й сд занять деревню Веселая и к 12 часам выйти на рубеж Красный (исключительно) – Образцовка (исключительно). На левом фланге участка вклинения войска 3-й А продвигались на Желябуг, выбили части 262-й пд из опорного пункта в селе Грачевка, и, преследуя отходящего противника, к исходу дня вышли на рубеж Кочеты – Колбаевка.

Южнее, где наступала ударная группировка 63-й А, на правом фланге ей удалось овладеть опорным пунктом Сетуха (силами 518-го сп подполковника Якова Романенко из состава 129-й сд полковника Панчука), полностью разгромив 482-й гп немецкой 262-й дивизии, которым командовал полковник*иберт Статер (Heribert Stather); одновременно на левом фланге частями 250-й сд полковника Ивана Мохина (Иван Васильевич Мохин) был взят Березовец. Используя этот успех, 287-я и 348-я стрелковые дивизии в центре прорвались в юго-западном направлении и завязали бои на подступах к Архангельскому, охватывая его с северо-востока и юга.

После того как стрелковые части овладели не только опорными пунктами противника Евтехово и Грачевка на направлении главного удара, но и опорными пунктами Сетуха и Березовец, находившимися на фланге прорыва, были созданы все необходимые условия для ввода в бой 1-го гв. тк.

В ночь на 13 июля 1-й Донской гв. тк, которым командовал генерал Михаил Панов, перешел на западный берег реки Зуши, чтобы войти в прорыв на участке Евтехово – Грачевка, с ближайшей задачей овладения районом Моховое. Однако решению этой задачи воспрепятствовали активные действия авиации 6-го ВФ противника, хотя для прикрытия танкового объединения были выделены самолеты-истребители 1-го гв. иак 15-й ВА, возглавляемого генералом Белецким, насчитывавшего около 300 самолетов-истребителей [175 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 27.]. Переправившись через реку Зушу, около 5 часов утра 13 июля 1-й гв. тк вышел в район сосредоточения восточнее Евтехово, где подвергся сильной бомбардировке противника с воздуха и понес большие потери, поскольку его походные порядки были недостаточно хорошо замаскированы,

тогда как германская авиация оперативно сосредоточила усилия для ударов группами по 40–50 самолетов по вражеским войскам, скопившимся на переправах через Зушу [176 - Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 190.].

По информации генерала Горбатова [177 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 220.], 1-й гв. тк генерала Панова переправился через реку Зушу у деревни Измайлово и сосредоточился в районе Евтехово, но задержался здесь дольше, чем было необходимо, и из-за этого подвергся ожесточенной бомбардировке с воздуха, понеся большие потери. Основной урон был нанесен легкой боевой технике, автотранспорту и вспомогательной материальной части, однако массированные авиаудары (около 500 самолето-налетов за день) деморализовали личный состав и вызвали панику – в корпусе распространились слухи о подготавливаемой авиацией мощной атаке немецких танков «Тигр» (за «Тигры» были приняты немецкие самоходные орудия) [178 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 208–209.]. Только к 14 часам генералу Панову и штабу корпуса удалось развернуть 15, 16 и 17-ю гвардейские танковые бригады в предбоевом порядке, после чего они тремя колоннами начали наступление, прикрываемые с флангов 1-й гв. мсбр и отдельным танковым полком. Несмотря на усиленное прикрытие истребительной авиацией, танковый корпус непрерывно находился под воздействием авиации противника, поэтому был вынужден продвигаться очень медленно и только около 16 часов обогнал свою пехоту на рубеже Воскресенск – совхоз «Ржавец». С этого рубежа корпус повел наступление в двух направлениях: правофланговой колонной в общем направлении на Суворово, центральной и левофланговой – на Желябуг. Правофланговая колонна, достигнув Образцовки, уничтожила опорный пункт противника в этой деревне и к исходу дня подошла к Трехонетово (2 км западнее Образцовки). Колонна в центре встретила сильную противотанковую оборону противника в районе Кочеты, понесла потери и отошла в расположение своей пехоты. Также не достигла успеха и танковая колонна на левом фланге, завязавшая бои на подступах к Колбаевке. В результате, хотя для 1-го гв. тк и были созданы необходимые условия ввода в бой, но он не смог развить успех пехоты и своими основными силами оставался за ее боевыми порядками.

Причиной этого во многом послужили ошибки в организации истребительного прикрытия танкового корпуса, а также неудовлетворительная тактика боевых действий советских летчиков-истребителей [179 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 209–212.]: небольшие патрулирующие над корпусом истребительные группы (8–16 самолетов) оказались не в состоянии воспрепятствовать массированным ударам немецких штурмовиков и бомбардировщиков (группами до 36 самолетов); командование 1-го иак распределило силы для патрулирования в течение всего светлого времени суток, не предпринимая попыток наращивать усилия авиации по месту и времени, что позволило немецким истребителям надежно блокировать ключевые районы поля боя за счет локального численного превосходства (в связи с этим безвозвратные потери корпуса, укомплектованного опытным летным составом, за 13 и 14 июля составили 29 легчиков и 45 самолетов); пилоты советских истребителей отвлекались от выполнения боевой задачи, атакуя второстепенные цели (самолеты-разведчики) либо связывая себя боем с истребителями противника. Кроме того, собственные средства противовоздушной обороны 1-го гв. тк оказались недостаточными для решения задач по прикрытию его

частей от ударов вражеской авиации – всего 32 зенитных орудия и 95 зенитных пулеметов (по отзывам штаба корпуса, эффективное прикрытие обеспечивал только оружейный огонь средствами 80-го гвардейского зенитного артполка), поэтому 14 июля командование 63-й А предоставило в распоряжение генерала Панова 1359-й и 1371-й зенитные артполки из состава 28-й зенитной артдивизии [180 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 229.].

Таким образом, 1-й гв. тк не выполнил задачу по развитию прорыва на Орловском направлении, но стрелковые дивизии 3-й и 63-й армий, широко используя в наступлении приданные им отдельные танковые полки, к исходу 13 июля вышли на рубеж Красный – Кочеты – Колбаевка, продвинувшись на 14–15 км и прорвав оборону немецкого 35-го ак на всю тактическую глубину.

Войска ЦФ 13 июля укрепляли занимаемые рубежи, вели подготовку к наступлению, а частью сил 70-й А отражали отвлекающие атаки противника, предпринятые в районе Самодуровка – Теплое силами до полка пехоты при поддержке около 30–40 единиц бронетехники. Авиация 16-й ВА фронта, задействовав 136 самолетов, в течение суток произвела 243 самолето-вылета для нанесения бомбоштурмовых ударов по войскам, колоннам и железнодорожным эшелонам противника в районе станции Куракино, Глазуновки, Тросны – Сновы – Саборовки – Подсоборовки [181 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 222.].

2.3. Развитие обстановки 14–17 июля

Утром 14 июля передовые отряды 8-го гв. ск, вышедшие на рубеж населенных пунктов Долгий, Фурсово, попали под удар моторизованных частей противника. Для отражения неприятельских контратак была задействована реактивная артиллерия – штаб армейской оперативной группы гвардейских минометных частей перебросил к рубежу Долгий – Фурсово 2 дивизиона с участка 36-го гв. ск. Гвардии подполковник Григорий Фрич, командир 59-го отдельного гвардейского минполка, поддерживавшего 8-й гв. ск, организовал залповый огонь пяти дивизионов реактивной артиллерии, что позволило передовым отрядам корпуса отбить все контратаки и обеспечить рубеж для развертывания ударной группы. 26-я и 83-я гвардейские стрелковые дивизии 8-го корпуса под командованием генералов Николая Корженевского и Якова Воробьева, во взаимодействии с частями 1-го и 5-го танковых корпусов нанесли сильный удар и к полудню 14 июля выбили немецкие гарнизоны (инженерно-строительный и охранный б-ны) из населенных пунктов Афонасово, Мелехово, Шванова, Сопово, захватив переправы через реку Вытебеть восточнее Мелехово. Части 18-й и 20-й танковых дивизий, а также корпусные резервы немцев перешли к обороне на заранее подготовленных позициях по реке Вытебеть в районе Ягодной.

Благодаря такому успешному продвижению в глубину обороны 2-й ТА, первоначальный замысел нанесения удара непосредственно на Хотынец, чтобы перерезать основные коммуникации Орловской группировки противника – железную и шоссейную дороги Орел – Брянск, становился все более реализуемым. К исходу 14 июля глубина вклинения передовых отрядов 16-го гв. ск на Хотынецком направлении достигла 45 км [182 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 336.]. Поэтому 14 июля генерал Баграмян приказал

командующему 8-го гвардейского корпуса генералу Малышеву, продолжая движение главными силами на Болховском направлении, выдвинуть на Хотынец 11-ю гвардейскую дивизию генерала Федюнькина, усилив ее артиллерией и придав инженерный батальон. Части генерала Федюнькина получили задачу наступать по лесному, бедному дорогами району между реками Рессета и Вытебеть в общем направлении на Теребень, прикрывая 8-й гвардейский корпус от контрударов противника с запада; выйти на рубеж Долина – Еленск – Тросна и обеспечить действия главной группировки 11-й гв. А с юго-запада; облегчить продвижение правого крыла 16-го гв. ск, наступавшего вдоль реки Рессета. На этом направлении немцы не располагали достаточными силами и средствами для создания сплошного фронта обороны, поэтому ограничились блокированием удобных для движения путей с помощью опорных пунктов в узлах дорог и на переправах через водные рубежи, компенсировав недостаток войск устройством ряда прочных оборонительных позиций и широко развитой системы заграждений. Для наступления генерал Федюнькин развернул 11-ю гвардейскую дивизию в один эшелон на фронте протяженностью 18 км, приказав частям действовать вне дорог, обходить опорные пункты противника и, изолируя их один от другого, внезапными ударами с флангов и тыла уничтожать вражеские гарнизоны или же, выходя на их фланги и тылы, вынуждать немцев спасаться от окружения. Благодаря этой тактике к утру 15 июля советские войска овладели узлами сопротивления в населенных пунктах Долина, Еленск, Тросна и Клен, предварительно разобшив их выходом на связующие дороги. К исходу следующего дня упорных боев в тяжелых условиях лесистой местности части 11-й гвардейской дивизии продвинулись к югу на 25 км, доведя общую глубину прорыва до 50 км.

В центре полосы наступления 8-го гв. ск дальнейшему продвижению советских войск препятствовал опорный пункт немцев в селе Ягодная. В ночь на 15 июля в районе Ягодной сосредоточились части 18-й и 20-й танковых дивизий (под командованием генералов Карла Шлибена и Мортимера Кесселя (Mortimer Kessel). – П. Б.), инженерный батальон и некоторые другие подразделения [183 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 31.]. Командующий 8-м гв. ск генерал Малышев, располагавший сведениями, что Ягодная и рубеж реки Вытебеть сильно укреплены и подготовлены к обороне, отказался от удара непосредственно по узлу сопротивления Ягодная, приказав войскам перейти через реку Вытебеть южнее Шванова и восточнее Мелехово, в обход укрепленных позиций противника с юга и с севера. Таким образом Малышев намеревался овладеть сильным узлом сопротивления с помощью уже проверенного метода, охватив Ягодную с флангов. Для выполнения его решения 83-я гв. сд генерала Воробьева и основные силы 5-го тк сосредоточивались в районе Шванова – Сопово с задачей обхода Ягодной с юга, а 26-я гв. сд генерала Корженевича с 41-й тбр (из состава 5-го тк) должны были охватить Ягодную с севера, наступая от Мелехово на Ногая.

Утром 15 июля части 8-го гв. ск возобновили наступление. На правом фланге 83-я гв. сд, поддержанная массированным артогнем, форсировала реку Вытебеть в районе Шванова и Сопово, а сразу же за пехотой на правый берег реки переправились и основные силы 5-го тк, которые стали наступать на Ягодную, охватывая ее с юга и юго-запада. На левом фланге корпуса 26-я гв. сд переправилась через реку Вытебеть в районе Мелехово и, наступая далее на Ногая, при поддержке 41-й тбр полковника Семена Алаева, частью сил подошла к узлу сопротивления в Ягодной с севера. Одновременно 5-й тк передовыми

отрядами начал глубокий обход этого пункта с юго-востока в направлении на Городок, чтобы заблокировать там единственный путь отхода противника. К исходу 15 июля советские войска глубоко охватили Ягодную с юга и севера. Немецкий гарнизон опорного пункта в Ягодной вначале оказывал упорное сопротивление, стремясь удержать село и дорогу из него на Болхов. Однако, оказавшись под угрозой полного окружения, немцы начали поспешное отступление, советские войска овладели Ягодной и, продолжая преследование противника, к 16 июля вышли на рубеж Жуевка – Новоигинский – Машок. К исходу 17 июля основные силы 8-го гвардейского стрелкового и 5-го танкового корпусов, отбрасывая арьергарды отходящего противника, вышли на рубеж Реутово – Вязовая – Верхняя Радомка. Здесь они были приостановлены, поскольку немцы успели развернуть на этом рубеже части 18-й и 20-й танковых дивизий, полк 390-й полевой учебной дивизии (из резерва ГА «Центр»), разведывательный батальон и панцер-гренадерский полк 25-й мд, отдельные подразделения 293-й пд, охранный и инженерно-строительный б-ны [184 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 354; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 789.]. В последующие три дня на Болховское направление прибыли 9-я танковая и 10-я моторизованная дивизии, а также части 4-й тд, переброшенные с участка 9-й А. На западных и юго-западных подступах к Болхову и дороге Болхов – Хотынец завязались упорные бои.

В то же время, следуя плану операции, командование 11-й гв. А быстро ввело в сражение всю свою подвижную группировку – 14 июля 1-й тк был выдвинут в район Шванова, а 15 июля он переправился через реку Вытебеть вслед за 5-м тк. Командующему 1-го тк генералу Буткову была поставлена задача наступать в направлении на Узкое – Гнездилово с целью перерезать дорогу Болхов – Хотынец на фланге болховской группировки противника. Действуя согласно полученному приказу, 1-й тк, усиленный 250-м гв. сп 83-й сд, резко повернул на юг и скрытно двинулся по лесам в глубину вражеской обороны. Противник не располагал резервами, чтобы воспрепятствовать этому маневру, поэтому уже к исходу 15 июля корпус главными силами вышел в район Каменка, а передовыми отрядами внезапной атакой захватил Пешкова и Узкое. На следующий день советские танки подошли к рубежу Студенка – Гнездилово – Селихово и перерезали дорогу Болхов – Хотынец. Быстрое продвижение 1-го тк привело к глубокому охвату левого фланга болховской группировки немцев с юга и юго-запада и блокировало ее сообщения на Хотынец. Тогда командование немецкой 2-й ТА направило против 1-го тк русских крупные силы авиации и спешно стало сосредоточивать в этом районе подвижную группировку – танки, моторизованную пехоту и самоходную артиллерию, для организации контрудара и освобождения коммуникаций.

Таким образом, главные силы 11-й гв. А глубоко продвинулись в расположение противника и нависли с севера над тыловыми коммуникациями, связывавшими всю орловскую группировку немцев с ее тыловой базой, расположенной в районе Брянска. Угроза выхода советских войск во фланг и тыл орловской группировки вынудила генерала Моделя срочно изъять из состава 9-й А, действовавшей против ЦФ, три танковые дивизии (12, 18, 20-я), чтобы направить их в район Болхова. 16 июля в подчинение 2-й ТА поступил штаб 41-го тк, на базе которого 17 июля была создана временная армейская оперативная группа «Гарпе» под общим командованием генерала Йозефа Гарпе (Josef Nagre), объединившая управление войсками 53-го ак и группой генерала Эзебека на

Болховском направлении [185 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 794. Л. 7.]. Кроме того, 2-я танковая и 36-я пехотная дивизии со средствами усиления были переброшены в полосу 35-го ак на Орловское направление. При этом войска ЦФ все еще продолжали вести бои севернее Курска и не имели возможности выйти навстречу ударной группировке ЗапФ, окружив, таким образом, основные силы 2-й ТА и часть сил 9-й полевой армии группы армий «Центр». Для того чтобы затруднить противнику переброску резервов и маневр силами и средствами, бомбардировочные и штурмовые соединения советских 1-й и 15-й воздушных армий (204-я и 285-я бомбардировочные и 233-я штурмовая авиадивизии) получили задачу с 17 июля нанести серию бомбоштурмовых ударов по железнодорожным станциям на участке дороги Орел – Карачев [186 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 227.]. Однако, поскольку основные переброски германских частей и соединений в это время производились по рокадным грунтовым, шоссейным и железнодорожным линиям коммуникаций, то запланированные авиаудары своей цели не достигли.

Войска 50-й А ЗапФ после неудачной попытки 13 июля прорвать оборону противника произвели перегруппировку – главные силы двух ударных стрелковых дивизий были сосредоточены на участке протяженностью 2,5 км на левом фланге армии, где их действия обеспечивались основной массой армейской артиллерии. В 14 часов 14 июля, после 30-минутной артподготовки и при поддержке вспомогательного удара 64-й сд на Кремишное, части 212-й и 324-й стрелковых дивизий – по два стрелковых полка от каждой дивизии, выстроенные в двухэшелонном боевом порядке, – прорвали неприятельскую оборону на узком фронте восточнее Речицы и к исходу дня продвинулись по лесному массиву на 4 км в юго-западном направлении, завязав бои за опорные пункты Речица, Марьинский, Шубник [187 - ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 161. Л. 10–10 об.]. Части 324-й сд при этом овладели опорным пунктом противника в селе Будские Выселки, взяв пленных из состава 365-го гп немецкой 211-й пд. Обнадеженный этими частными тактическими результатами, командующий 50-й А генерал Болдин решил не прекращать активных действий и ночью, действуя отдельными отрядами. Для развития успеха из армейского резерва выдвигалась 49-я сд, а в оперативное распоряжение командира 324-й сд полковника Эрнеста Жановича Седулина был передан 233-й отдельный тп.

Преодолевая оборону противника и отбивая его контратаки, войска 50-й А в трудных условиях лесисто-болотистой местности к 18 июля левым флангом вышли на рубеж Волеватка (3 км западнее Палики) – Немецкий – Полюдово – река Песочня. Дальнейшие атаки успеха не имели, немецкие войска – 439-й и 445-й гренадерские полки 134-й пд, 306, 317 и 365-й полки 211-й пд, 330-й и 351-й полки 183-й дивизии – удержались на этом рубеже, где немцам удалось развернуть 16 артиллерийских и минометных батарей. По оценке штаба 50-й А [188 - ЦАМО РФ. Ф. 405. Оп. 9769. Д. 161. Л. 10–10 об.], основными причинами неуспеха в ее наступлении в период с 13 по 19 июля 1943 года являлись следующие: 1) постоянное усиление группировки противника перед фронтом армии; 2) отставание группировки 11-й гв. А – к исходу 19 июля 169-я сд указанной армии вела бой в районе Брусны, что позволяло противнику воздействовать контратаками на левый фланг ударной группировки 50-й А; 3) лесисто-болотистая бездорожная местность; 4) незначительное усиление 50-й А танками и САУ.

В полосе 61-й А БрФ ее ударная группа с утра 14 июля возобновила наступление. Получив подкрепления с соседних участков, немцы силами 208-й и 112-й пехотных, 25-й моторизованной и 12-й танковой дивизий, а также ряда отдельных частей удерживали промежуточный оборонительный рубеж, заранее подготовленный на линии Хомяково – Хмелевая – Фатнево – Дубровский. После артиллерийской и авиационной подготовки соединения 9-го гв. ск во взаимодействии с 20-м тк нанесли удар в общем направлении на Кишкино, после ожесточенного боя взяли Багриново и разгромили находившийся в этом районе штаб 110-го гп 112-й пд [189 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 368.], при этом погиб командир 110-го полка кавалер Рыцарского креста полковник Гельмут Вольфарт (Helmut Wohlfarth) [190 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 17.], вследствие чего общее управление частями дивизии на данном участке было передано командиру 258-го гп полковнику Гансу Вибигу (Hans Viebig). Бои носили исключительно напряженный характер, отдельные опорные пункты и господствующие высоты неоднократно переходили из рук в руки, и советские части также несли тяжелые потери – за 14 и 15 июля в 20-м танковом корпусе было повреждено и уничтожено 42 танка, выбыли из строя командиры 80-й и 8-й гвардейской танковых бригад полковники Василий Никитович Буслаев и Иван Митрофанович Морус (их сменили полковники Владимир Иосифович Евсюков и Василий Федорович Орлов), а в 68-й тбр, которая к началу операции насчитывала 56 танков, в том числе 6 тяжелых танков типа КВ-1С-1, к исходу 14 июля оставалось 9 боеготовых машин [191 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 17.]. При этом из распоряжения 61-й А была изъята 16-я артдивизия прорыва, перебрасывавшаяся на другой участок фронта. Тем не менее, отражая контратаки немцев, советские части продвигались вперед и к исходу 16 июля полностью прорвали тыловой оборонительный рубеж противника, овладев опорными пунктами Кишкино, Мартемьяново, Городище. Продолжая развивать наступление на Болхов, 17 июля войска 61-й А вышли на рубеж: 97-я сд – Мельщино – роща восточнее Морозово – 9-й гв. ск – Морозово – Колычево – Однопиток – Азарово (исключительно); на левом фланге корпуса 110-я и 336-я стрелковые дивизии, развивая прорыв и обеспечивая ударную группу от контрударов с юго-восточного направления, вели бои на рубеже Азарово – Слободка – Городище. В целом к 18 июля войскам 9-го гв. ск 61-й А совместно с 20-м тк удалось продвинуться на 12–20 км и обойти Болхов с северо-востока и востока. При этом потери 61-й А в боях с 12 по 17 июля составили 13 870 солдат и офицеров убитыми и ранеными, а также 76 уничтоженных танков и САУ [192 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 19.].

В связи с успешными действиями левого фланга 11-й гв. А ЗапФ и продвижением ударной группы 61-й А 16 июля генерал Белов отдал приказ перейти в наступление и правофланговым частям своей армии – 46-му ск под командованием генерала Константина Эрастова (до 9 июля командовал 12-й гв. сд). Используя успех 36-го гв. ск 11-й гв. А, занявшего к этому времени Уколицы и «сматывавшего» боевые порядки противника перед их фронтом, 356-я и 415-я стрелковые дивизии 46-го корпуса присоединились к преследованию отходивших частей 25-й моторизованной и 112-й пехотной дивизий немцев, 17 июля вышли на реку Машок на участке Рагозино – Щербово, а на следующий день переправились через реку в районе Щербово.

Таким образом, к исходу 17 июля наступающие войска 11-й гвардейской и 61-й армий соединились в районе севернее Рагозино, в результате чего прорыв немецкой обороны на

северном фазе Орловского выступа был расширен почти до 110 км – от Речицы до Городища. К 17 июля болховская группировка немцев оказалась охваченной с трех сторон: с запада и северо-запада на Болхов наступали левофланговые части и соединения 11-й гв. А, угрожая перерезать дорогу Болхов – Хотынец, а также железную дорогу и шоссе Орел – Брянск; с севера над Болховом навис 46-й ск; с северо-востока и востока к городу подходили части 9-го гвардейского стрелкового и 20-го танкового корпусов. Создалась непосредственная угроза блокирования основных коммуникаций болховской группировки и ее последующего окружения, причем на подступах к Болхову не осталось заранее подготовленных оборонительных рубежей, кроме позиций по реке Нугрь, прикрывающих район города от ударов с юга и юго-востока.

На Орловском направлении войска 3-й и 63-й армий к 14 июля прорвали своими смежными флангами оборону противника на 36 км по фронту, вклинились в глубину его расположения до 12–14 км и создали угрозу глубокого рассечения боевых порядков немецкого 35-го ак. Стремясь остановить их наступление и локализовать прорыв, германское командование стало быстро перебрасывать на этот участок фронта резервы – до 14 июля прибыла самоходная артиллерия – рота истребительно-противотанковых установок и штурмовые орудия. В связи с этим генерал Рендулич отмечает [193 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 176–177.], что, согласно германским уставам, при обороне резервы должны вводиться в бой, как правило, для проведения контратак. Однако при том превосходстве в силах, которое противник имел под Орлом, и при столь слабых резервах, какими тогда располагал 35-й ак, контратаки небольшими силами для удержания позиций не имели шанса на успех. В сложившихся условиях наступательное применение резервных сил в обороне оказалось невозможным, поэтому они использовались для ведения исключительно оборонительных действий.

14 июля войска 3-й А, развивавшие наступление на прежнем направлении на участке Желябуг – Трехонетово, выбили части 56-й немецкой пд из опорных пунктов в хуторе Желябуг и селе Победное.

По свидетельству Рендулича [194 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 176–178.], на третий день боев противник применял те же методы, что и прежде, пехотные части 35-го ак с трудом, но все еще сдерживали натиск русских войск на главном направлении. Вовремя подошедшие штурмовые орудия и самоходные установки вместе с противотанковыми орудиями и несколькими артиллерийскими батареями вступили в борьбу с танками противника (из первоначально введенных в бой 150 танков к этому времени было подбито 120 машин). Советским войскам удалось захватить основные опорные пункты, но выбитые из них гарнизоны снова окопались вблизи потерянных позиций. Для их поддержки командование корпуса задействовало последний резервный батальон. К исходу 14 июля резервы у 35-го ак отсутствовали, а пехота была измотана до предела. Учитывая ситуацию, Рендулич уже начал продумывать новую тактику действий, когда в ночь на 15 июля пришло хорошее известие – генерал Модель сообщил о прибытии значительного подкрепления. В полосу 35-го ак перебрасывалась 36-я пд, одно из немногих соединений, незначительно ослабленное в ходе операции «Цитадель». Кроме того, корпусу передавалось еще 19 штурмовых орудий и рота самоходных истребительно-противотанковых установок «Фердинанд» (9 машин). Хотя перечисленные силы не

смогли полностью прибыть и развернуться даже к вечеру 15 июля, но в этот день русские внезапно приостановили свое наступление. Воздушная разведка докладывала, что противник закрепляется перед фронтом корпуса, его новые окопы переполнены войсками, в глубине боевых порядков появилась целая система блиндажей и траншей, в настоящий момент занятых отдыхающими солдатами. Значительных передвижений неприятеля на восточном берегу реки Зуша не отмечалось, движение по железной дороге тоже оставалось прежним. Проанализировав все данные, командование корпуса сделало вывод, что после трех дней боев советское командование решило предоставить своим войскам временную передышку перед мощным наступлением с участием больших сил.

К 16 июля войска 3-й А вышли на рубеж реки Олешня, на участке Ленинский – севернее Подмаслово, а частью сил, преследуя отходящие из района Желябуга группы 56-й пд противника, форсировали реку Олешня и захватили небольшой плацдарм на ее западном берегу в районе Александровки. Войска 63-й А, которые наступали значительно медленнее, в эти же дни вышли к рубежу восточная окраина Подмаслово – Паниковец – Архангельское, где встретились с сопротивлением противника на заранее подготовленных позициях и перешли к обороне. 1-й Донской гв. тк, вновь введенный в бой 15 июля с задачей овладеть Моховым, не смог прорвать оборону противника в районе Подмаслово, где располагался немецкий аэродром, защищаемый зенитной артиллерией, а также самоходными противотанковыми орудиями (командующий БрФ доносил Верховному главнокомандующему, что в районе Подмаслово развернута танковая часть противника неустановленной нумерации), понес большие потери и после этого распоряжением командующего 63-й армией был отведен в район хутора Желябуг, за боевые порядки стрелковых частей [195 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 399, 735, 737.]. 16 июля танковый корпус генерала Панова был передан в подчинение 3-й А, причем командование 63-й А изъяло приданные корпусу в начале операции два зенитных артиллерийских полка ПВО, а командованием 3-й А никаких зенитно-артиллерийских частей для усиления корпуса предоставлено не было, вплоть до окончания его действий в составе армии [196 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 229.].

Оборонительный рубеж 35-го ак немцев на реке Олешня был подготовлен заблаговременно и являлся промежуточной позицией между главной оборонительной полосой, проходившей по реке Зуша, и тыловым рубежом, выстроенным по западному берегу рек Ока и Оптуха. На этот промежуточный рубеж отходили пехотные части, понесшие тяжелые потери в ходе боев за главную полосу обороны, и здесь же развертывались новые силы, перебрасываемые с других участков фронта. В особенности прочно был укреплен участок Головинка – Заброды – Подмаслово, где все переправы через реку Олешня уничтожались или минировались, а подступы блокировались минными полями. С другой стороны, германское командование понимало, что благодаря успешному сопротивлению 35-го ак удерживается весь фронт 2-й ТА группы армий «Центр», однако корпус необходимо срочно усиливать дополнительными частями и соединениями. Поэтому уже с 15 июля в район Архангельского стали прибывать части 36-й пд генерала Ганса Голлника (Hans Gollnick).

По мнению генерала Рендулича [197 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 178–179.], нанеся контрудар силами этого соединения, можно было бы вернуть значительную часть

утраченных позиций, но удержание их даже в этом случае оставалось под вопросом. Соответственно, Рендулич решил развернуть 36-ю пд для обороны на направлении главного удара русских, на стыке 56-й и 262-й дивизий, направив сюда два из трех ее пехотных полков. На случай возможного расширения неприятелем фронта наступления командование корпуса предусматривало оставить в резерве хотя бы часть выделяемых ему подкреплений, поэтому последний пехотный полк 36-й дивизии отводился в тыл корпуса, чтобы использовать его побатальонно в качестве резерва.

К исходу дня 16 июля части 3-й и 63-й армий широким фронтом вышли к реке Олешня и, не очистив еще полностью восточный берег от противника, в течение ночи готовились к преодолению вражеского оборонительного рубежа: река Олешня – Подмаслово – Архангельское, производили перегруппировку и разведку.

В итоге пяти дней наступления войска 3-й и 63-й армий БрФ прорвали оборону противника на глубину от 17 до 22 км, расширили фронт прорыва до 36 км и вышли главными силами на рубеж реки Олешня [198 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 400–401.]. Этим была выполнена задача первого этапа операции и созданы условия для развития наступления как на северо-запад – в обход Мценска, так и на юго-запад – в направлении Становой Колодезь. Брешь в обороне немецкого 35-го ак, образованная наступлением двух советских армий по расходящимся направлениям, обеспечивала ввод подвижных танковых и механизированных соединений с целью ускорения полного разгрома немецких войск, оборонявшихся восточнее Орла, а также последующего охвата орловской группировки противника с севера и юга.

В связи с тем, что темп наступления на Орловском направлении с самого начала операции «Кутузов» оказался значительно ниже, чем на Болховском, для советского командования крайне важно было нарастить силу удара войск БрФ, наступавших на Орел. К исходу 13 июля развитие оперативной обстановки под Курском показало, что ввод в сражение советских стратегических резервов – 5-й и 5-й гвардейской танковой армий – в целом позволил остановить наступление ГА «Юг» по плану «Цитадель». Поэтому в 24 часа 13 июля Ставка передала из своего резерва в состав БрФ 3-ю гв. ТА под командованием генерала Павла Рыбалко (начальник штаба генерал Василий Андреевич Митрофанов). Танковой армии в составе 12-го и 15-го танковых корпусов и 91-й отдельной танковой бригады было приказано к исходу 15 июля 1943 года сосредоточиться в районе Новосиль (60 км восточнее Орла), совершив 150-километровый марш своим ходом, и вступить в сражение. Одновременно с этим с 14 июля 1943 года Ставка включила в боевой состав 3-й гв. ТА 2-й мк, дислоцировавшийся в районе Калуги. Следуя полученному приказу, 3-я гв. ТА совершила марш по четырем маршрутам и к исходу 15 июля сосредоточилась в указанном районе. Однако 2-й мк, находившийся под командованием генерала Ивана Корчагина, совершив комбинированный марш из района Калуги, сосредоточился в районе города Новосиль лишь к исходу 17 июля.

Начало наступления намечалось на 18 июля. При этом предполагалось, что 3-ю гв. ТА будут поддерживать авиационные соединения 15-й ВА БрФ, – командующий армией генерал Науменко выделил для этого основные силы – 120 самолетов-штурмовиков, 112 бомбардировщиков и 200 истребителей [199 - См.: Советские военно-воздушные силы в

Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 191.]. За счет резервов фронта танковая армия была усилена 24-й зенитно-артиллерийской дивизией (включавшей полк тяжелых 85-мм зенитных орудий), гвардейским минполком (реактивных минометов), двумя инженерными и понтонно-мостовым батальонами.

17 июля ударные группировки 3-й и 63-й армий продолжили наступление силами десяти стрелковых дивизий при поддержке до 400 танков (по немецким данным [200 - См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 686.]). С воздуха наступление должны были обеспечить 72 самолета-штурмовика 15-й ВА, которым ставилась задача нанести удар в районе восточнее опорного пункта вражеской обороны в поселке Моховое [201 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 227.]. В 11.30, после 10-минутного артиллерийского налета, войска 3-й и 63-й армий перешли в наступление при сильной поддержке авиации 15-й ВА, которая непрерывными вылетами бомбардировала и штурмовала боевые порядки и позиции неприятеля на фронте от Арсеньево до Подмаслово (за сутки было произведено 755 самолето-вылетов [202 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 147.]). Наибольшую угрозу для 35-го ак немцев представляли неприятельские атаки на фронте 36-й пд, где 16 июля в результате ударов противника была серьезно ослаблена оборона обоих флангов этого соединения на стыках с соседними 56-й (с севера) и 262-й (с юга) пехотными дивизиями. В связи с этим две дивизии 25-го ск, усиленные самоходно-артиллерийским и двумя танковыми полками, быстро прорвали оборону 118-го гп 36-й пд под командованием полковника Александра Конради (Alexander Conrady), спешно закрепившегося на участке Панама – Алексеевка, и к 15 часам овладели поселком Панама, восточной окраиной Арсеньево, а также взял под свой контроль развилку грунтовых дорог в одном километре восточнее Кобяково. Затем 1-й Донской гв. тк генерала Панова переправился на западный берег реки Олешня и вошел в прорыв на левом фланге 25-го ск в районе Алексеевки. В то же время части 235-й и 269-й стрелковых дивизий 3-й А, наносившие вспомогательный удар, дважды пытались прорвать оборону противника, но каждый раз отходили в исходное положение.

В итоге боевых действий в первой половине дня смежные фланги немецких 56-й и 36-й пехотных дивизий оказались отброшены с рубежа по берегу реки Олешня, на стыке между этими соединениями образовалась брешь шириной 10 км, через которую в тыл 35-го корпуса проникли отдельные группы советских танков. Как сообщает генерал Рендулич [203 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 182.], возвращаясь с командного пункта 36-й пд, расположенного в двух часах езды от штаба корпуса, он неожиданно встретился с танками противника, от огня которых пришлось укрыться в ложине, где стояли обозы.

Как сообщает генерал Горбатов [204 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 220.], 17 июля дивизии 3-й А во всей полосе наступления вышли на реку Олешня и повели бои за опорные пункты противника на ее восточном берегу. В результате ожесточенных боев, длившихся весь день, советские части, отбив ряд контратак, форсировали реку Олешня и расширили плацдарм на ее западном берегу на участке Арсеньево – Александровка. При этом левый фланг ударной группировки 3-й А оказался открыт, поскольку части 63-й А продвигались вперед крайне медленно.

В полосе 63-й А БрФ, начавшей наступление одновременно с 3-й армией, советские войска в этот день также не смогли прорвать неприятельской обороны и продолжали вести бои на прежних рубежах. Во второй половине дня 17 июля в штаб 35-го ак немцев поступили данные воздушной разведки, которые подтверждались наземными службами, что на стыке участков 36-й и 262-й пехотных дивизий, за которым находилась железнодорожная станция Архангельское, обнаружено скопление бронетехники противника – примерно 100 танков. Поскольку командующий корпусом генерал Рендулич в это время организовывал восстановление обороны 36-й пд, где проходили особенно тяжелые бои, начальник штаба 35-го ак полковник Гельмут Штедке (Helmut Staedke, ранее – начальник штаба 20-й тд) самостоятельно принял решение срочно снять с других позиций четыре мобильных подразделения противотанковой обороны и направить их в район станции Архангельское для обеспечения противотанковой поддержки [205 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 183.].

Утром 17 июля Рендуличу сообщили, что в его подчинение передается 2-я тд 47-го тк 9-й А (по утверждению Рендулича [206 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 181.], после боев на Курском направлении в дивизии генерала Воллрата Люббе насчитывалось не более 20 боеготовых танков). Передовые части дивизии начали прибывать уже 17 июля, и полковник Штедке немедленно направил ее танковый батальон под командованием капитана Вилли Дитте (Willy Ditte) на угрожаемый участок на стыке 36-й и 262-й пехотных дивизий. Генерал Рендулич одобрил это решение, но поскольку управление собранной здесь разнородной по составу боевой группой было слишком трудным для не знакомого с обстановкой командира, то эту задачу также пришлось поручить начальнику штаба корпуса. Основная часть сил 2-й тд прибыла уже в ночь на 18 июля и получила приказ занять полосу обороны за правым флангом 56-й пд. В свою очередь, 56-я дивизия, сократив свой фронт, высвободила резервы для предстоящих боев.

В конце дня 17 июля Рендулич получил еще одно сообщение – наступление 61-й А БрФ в обход Болхова с юга привело к тому, что командование 53-го ак оттянуло назад свои правофланговые части, примыкавшие к 34-й пд на левом фланге 35-го ак (16–17 июля войска 61-й А прорвали тыловой оборонительный рубеж 53-го ак на Болховском направлении. – П. Б.). В связи с этим Рендулич приказал командиру 34-й пд генералу Фридриху Хохбауму (Friedrich Hochbaum, был взят в плен советскими войсками в мае 1945 года под Данцигом и умер в лагере для военнопленных в январе 1955 года) отвести левый фланг соединения на рубеж, расположенный примерно в 5 км за Окой, а правый фланг в течение ближайших двух суток оттянуть на восточный берег Оки. В итоге пришлось на несколько километров отвести и левый фланг 56-й дивизии, примыкавший к стоящей на Оке 34-й дивизии. Это было сделано из-за того, что в постоянно ухудшающейся обстановке командование 35-го корпуса ожидало мощного наступления противника на Мценск, а 56-я пд была сильно ослаблена и не имела резервов, соответственно, требовалось предотвратить угрозу ее окружения в районе Мценска. Преследование отступающих немецких соединений со стороны противника велось только небольшими подразделениями, однако фактически германские войска без боя уступили русским сильный укрепленный район вокруг Мценска.

Войска ЦФ, закончив подготовку, 15 июля силами армий правого крыла фронта начали Орловско-Кромскую фронтовую наступательную операцию и перешли в наступление на Кромском направлении, продолжая оборонять прежние позиции на остальных участках.

Войска ЦФ, занимавшие полосу протяженностью около 320 км (с учетом вклинения противника), включали в себя пять общевойсковых (60, 65, 70, 13, 48-я) и одну танковую (2-я) армии со средствами усиления и имели в своем составе 39 стрелковых дивизий (при 11 управлениях стрелковых корпусов), 2 отдельных танковых корпуса (9-й, 19-й), 1 арткорпус (4-й акп – 3 артиллерийские и 1 гвардейская минометная дивизии), 5 зенитных артиллерийских дивизий, 2 отдельные стрелковые бригады, 2 отдельные танковые бригады, 5 отдельных артиллерийских бригад (1 артиллерийская, 3 истребительно-противотанковых, 1 минометная), 15 отдельных танковых и 4 самоходно-артиллерийских полка, 33 отдельных артиллерийских, истребительно-противотанковых, минометных, зенитно-артиллерийских полков, которые к 15 июля насчитывали свыше 640 тыс. солдат и офицеров (из них 440 тыс. в боевых войсках), около 11,4 тыс. орудий и минометов (включая реактивные установки), почти 1,5 тыс. танков и САУ [207 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 362; Огненная дуга. С. 590, 592–593; Россия и СССР в войнах XX века. С. 286.]. Средняя оперативная плотность сил и средств ЦФ составила 2 тыс. человек личного состава, около 36 орудий и минометов, до 5 танков и САУ на километр. Таким образом, к моменту начала наступления ЦФ не имел значительного преимущества над противником по средней оперативной плотности сосредоточенных в его полосе сил и средств: войска фронта превосходили немецкую 9-ю А по плотности сосредоточения личного состава – в 2 раза, артиллерии – в 2,5 раза, бронетехники – в 2 раза (с учетом переброски к 15 июля 2, 12, 18, 20-й танковых дивизий, а также ряда артиллерийских подразделений и отдельных частей штурмовых орудий с участка 9-й А на угрожаемые направления в полосу 2-й ТА).

Предпринятая Рокоссовским перегруппировка фактически представляла незначительное перемещение войск в полосу 13-й А, следовательно, до 60–70 процентов стрелковых частей и средств артиллерии и около 90 процентов бронетехники ЦФ по-прежнему оставались сосредоточенными на участке протяженностью 95 км, занимаемом 70, 13 и 48-й армиями. Соответственно, здесь оперативная плотность советских войск была значительно выше средней по фронту: 2,8 тыс. человек личного состава (в боевых частях), около 84 орудий и минометов, до 14 танков и САУ на километр. Однако ударные силы фронта оказались сосредоточены именно на том направлении, где противник также сохранял наиболее сильную собственную группировку. Например, на участке протяженностью около 22 км от Кутырок до Рудово перешли к обороне одна танковая и три пехотные дивизии немцев со средствами усиления: 4-я тд на участке Кутырки – Погореловцы – Теплое (исключительно) – Красавка; 31-я пд – восточнее Красавки – высота 236,7 (1 км юго-западнее Гнильца); 7-я пд – высота 236,7 (исключительно) – Дегтярный (северо-западнее); 258-я пд – Дегтярный (северо-западнее) – Рудово.

Учитывая потери немецкой 9-й полевой армии в ходе операции «Цитадель», а также убытие ряда ее частей и соединений в районы Болхова и Орла, к 15 июля оперативная плотность сил и средств этой армии на направлении планируемых главных ударов ЦФ,

по-видимому, достигала около 1 тыс. человек личного состава (в боевых частях [208 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 515–516.]), 50–60 орудий и минометов, 10 танков и САУ на километр.

Следовательно, на участке готовящегося наступления для советской стороны сложилось несколько лучшее соотношение сил по личному составу боевых войск, но преимущество в артиллерии и бронетехнике оставалось незначительным. Командованию ЦФ не удалось добиться существенного оперативного превосходства за счет перегруппировки и сосредоточения ударных групп на тех направлениях, где противник не располагал соизмеримыми силами. Так, например, штаб ГА «Центр» опасался переброски бронетанковых и стрелковых соединений войск ЦФ в полосу 65-й А, для наступления на Карачев через Дмитровск-Орловский, на участке 20-го ак немецкой 9-й А, не имевшего достаточно сил и средств для отражения мощного удара противника. Вместе с тем, по всей вероятности, командование ЦФ и не располагало реальными возможностями значительно переместить силы и средства за то короткое время, которое было выделено Ставкой на подготовку к операции, тем более что в полосе 13-й А в ходе оборонительных боев оказались сосредоточены основные средства усиления фронта, которые только здесь могли быть подготовлены к наступлению в требуемый срок. Не случайно в своих воспоминаниях Рокоссовский подчеркивает [209 - Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968. С. 227.], что Орловская стратегическая наступательная операция была проведена Ставкой с излишней поспешностью, не отвечающей сложившейся обстановке. Поскольку войска Западного и Брянского фронтов готовились к этой операции с апреля, то замечание Рокоссовского относится именно к ЦФ, где под давлением Ставки и Генерального штаба фронтовое командование вынуждено было начать крупное наступление практически без перерыва после оборонительных действий.

В исследовании ГШ Красной армии, посвященном Курской битве, указывалось [210 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 176, 177.], что командующий ЦФ отказался от сложных маневров и перегруппировок, потому что фронту требовалось в кратчайшие сроки перейти от обороны в решительное контрнаступление для восстановления первоначального положения, чтобы не дать противнику времени для закрепления на достигнутом рубеже и приведения своих частей в порядок.

В связи с этим маршал Жуков констатирует [211 - Жуков Г. К. Указ. соч. С. 479.], что ЦФ двигался широким фронтом в лоб основной группировке противника, хотя его главный удар следовало бы сместить несколько западнее, в обход Кром. Однако этого не было сделано, поскольку помешала торопливость – все считали, что надо скорее бить противника, пока он еще не укрепился в обороне, но это было ошибочное решение.

С другой стороны, результаты наступления ЦФ имели очень важное значение для развития всей операции «Кутузов», причем не только из-за участия войск фронта в решении задачи по окружению орловской группировки противника. Активные действия ЦФ должны были связать части и соединения 9-й А, лишив германское командование возможности маневрировать силами и средствами по внутренним операционным линиям – перебрасывать войска на угрожаемые участки на Орловском, Болховском и Хотынецком направлениях. Согласно мнению генерала Рендулича [212 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 181–

182.], все зависело от ситуации севернее Курска. В случае прибытия оттуда крупных подкреплений у командования 35-го ак имелась возможность создать резервы, и тогда ряда трудностей можно было бы вообще избежать. Однако переброска подкреплений была связана с обстановкой в полосе 9-й А. Переход к обороне в этом районе требовал некоторого времени для укрепления фронта, поэтому нельзя было даже точно знать, когда придут новые подкрепления, и придут ли они вообще. Отсутствие подкреплений означало бы, что 35-й ак не сможет обороняться против превосходящих сил противника.

Согласно решению на наступление, которое приняло командование ЦФ, правофланговые 48, 13 и 70-я армии фронта, действующие при поддержке 2-й танковой и 16-й воздушной армий, должны были первоначально ликвидировать противника, прорвавшегося в расположение их обороны, – уничтожить ударную группировку противника в районе Нижнее Тагино – Пробуждение – Поньры – Протасово – Гремячево и к исходу 17 июля главными силами выйти на рубеж Нагорный – Шамшин – Новополево – Каменка – Лебедиха – Морозиха – Катомки. В дальнейшем, развивая удар в общем направлении на Кромы и далее на северо-запад, охватить орловскую группировку немцев с юга и юго-запада и содействовать войскам Брянского и левого крыла Западного фронтов в ее уничтожении и ликвидации Орловского стратегического плацдарма противника. Для исполнения этого решения армии получили соответствующие задачи [213 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 177–179, 318–319, 756–757.].

Таким образом, командование ЦФ, в отличие от Западного и Брянского фронтов, полностью отказалось от применения маневра – войска переходили от обороны к наступлению непосредственно с занимаемых ими позиций, а главный удар наносился силами 13-й и 2-й танковой армий при содействии 16-й ВА, с целью фронтальными атаками рассеять основную группировку противника и затем развивать успех по кратчайшему направлению к Орлу.

Утром 15 июля, после 15-минутного огневого налета артиллерии, войска ЦФ атаковали противника и к 8 часам части 13-й А прорвались в его расположение на 2–3 км, так что к полудню уже овладели населенными пунктами Снова, Подсоборовка (6 км северо-восточнее Самодуровки) и Саборовка. Успеху во многом способствовала авиационная поддержка наступления, поскольку командование 16-й ВА решило нанести массированный первый удар по переднему краю вражеской обороны, сосредоточив для этого основные силы объединения – 412 самолетов, в том числе 136 бомбардировщиков и 148 штурмовиков, которые были нацелены на районы Бузулук – Снова – Подсоборовка – Саборовка [214 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 289–290.]. Однако на достигнутом рубеже наступление ударной группы фронта было остановлено, а 48-я и 70-я армии за 15 июля имели незначительное продвижение.

На следующее утро войска ЦФ возобновили наступление. Метеорологические условия в районе боев позволили 16-й ВА трижды в течение девяти часов атаковать позиции противника силами около 400 самолетов, совершив за день 1713 самолето-вылетов: в первом ударе участвовала группа численностью 410 самолетов (155 бомбардировщиков, 101 штурмовик, 154 истребитель); во втором – 444 самолета (140 бомбардировщиков, 123 штурмовика, 181 истребитель); в состав третьей группы было включено 460 самолетов

(146 бомбардировщиков, 126 штурмовиков, 188 истребителей) [215 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 289–290.]. Действия этих трех авиационных эшелонов каждый раз предваряли очередную атаку наземных войск, которые перешли в наступление около 12 часов 16 июля. Однако, несмотря на все усилия авиации, ударная группа фронта достигла ограниченного успеха – за весь день частям 13-й А, усиленным 3-м и 9-м танковыми корпусами, удалось всего на 2–4 километра продвинуться на участке, обороняемом 10-й мд противника. Выполняя приказ командующего фронтом, на участке 13-й А в сражение была введена 2-я ТА. 3-й тк армии наносил удар по противнику в направлении 1-е Поныри – Очки – Сокольники – западная окраина Архангельского, имея задачей разгромить части 9-й тд противника, чтобы в дальнейшем продвигаться через Каменку на Кромы вместе с 16-м тк, наступавшим слева на Ржавец – Веселый Бережок. Четыре танковые бригады двух корпусов, усиленные мотопехотой и артиллерией, нанесли удар в общем направлении на Сеньково, но были задержаны немецкими пехотными частями, успевшими подготовить там промежуточный оборонительный рубеж, используя захваченные позиции и укрепления 13-й А. Учитывая, что к 15 июля в составе 2-й ТА насчитывалось 358 танков [216 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 361.], плотность бронетехники на участке ее наступления была вполне достаточной для самостоятельного прорыва позиционной обороны, занятой пехотными частями неприятеля. Однако командованию танковой армии эту задачу в ходе операции решить так и не удалось.

На флангах ударной группировки части правого крыла 70-й А вышли в район Гнилец; 48-я А продвижения не имела. Штаб ГА «Центр» отметил 16 июля в разведывательной сводке, что перед 9-й армией противник нерешительно следовал за отступающими немецкими войсками [217 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 794. Л. 1–2.]. Только во второй половине дня он перешел в наступление при сильной поддержке авиационных штурмовых соединений. Основные усилия его были направлены против правого фланга 47-го, а также 41-го танковых корпусов и 23-го ак. В районе станции Поныри по обе стороны железной дороги на позициях сосредоточено 190 танков, что свидетельствует о возможном наступлении противника крупными силами на широком фронте. Результаты фронтовой разведки говорят о том, что в бой вступили танковые соединения, находившиеся до сих пор в резерве 48, 65 и 70-й русских армий (40, 43, 240 и 255-й танковые полки). В ходе этих боев впервые выявлен 9-й тк с 23-й танковой бригадой, а также вновь сформированный 183-й тп.

Утром 17 июля части 2-й ТА вышли в район Архангельское – Озерки, к бывшему переднему краю противника, проходившему здесь до начала операции «Цитадель», а соединения 13-й и 70-й армий к исходу дня также в основном восстановили прежнее положение. В течение 17 июля наступление Центрального фронта вновь продолжалось при массовой поддержке авиации, но теперь командир 12-й моторизованной зенитной артдивизии 6-го ВФ генерал Эрнст Буффа (Ernst Buffa) оперативно произвел маневр зенитными средствами, которые сосредоточились на путях полета советских самолетов. В частности, основной маршрут бомбардировщиков 16-й ВА 15 и 16 июля проходил по линии Поныри – Александровка – Широкое Болото – Верхнее Тагино, поэтому 17 июля районы этих опорных пунктов были значительно усилены немецкой

зенитной артиллерией, что привело к росту потерь советской бомбардировочной авиации. Кроме того, 17 июля в полосе действий 16-й ВА активизировалась вражеская истребительная авиация, так что потери советской стороны за день составили 35 самолетов [218 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 291.].

Глава 3. Замедление темпов наступления советских войск в операции «Кутузов» и ввод в сражение стратегических резервов ставки верховного главнокомандования (ход боевых действий с 18 по 25 июля 1943 года)

3.1. Развитие обстановки 18 и 19 июля

К 18 июля 1943 года войска 11-й гв. А вклинились в оборону противника на расстояние до 70 км, однако из-за первоначально принятого плана, предложенного генералом Баграмяном, а также в соответствии с обычной практикой советского командования, соединения ударной группировки стали наступать «веером», по расходящимся направлениям, чтобы решить несколько задач одновременно. В связи с этим полоса наступления расширилась до 120 км, и на некоторых участках фронта между наступающими соединениями образовались большие разрывы, которые нечем было закрыть, поскольку все армейские резервы уже использовались в операции. При этом, по данным оперативного отдела штаба 11-й гв. А [219 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 34 об.], к 19 июля на фронте наступления армии протяженностью 107 км было задействовано 33 240 активных штыков, 543 полевых и 378 противотанковых орудий, 1012 минометов, 350 танков; противником перед фронтом армии в полосе обороны шириной 105 км было сосредоточено 34 700 активных штыков, 322 полевых и 192 противотанковых орудия, 355 минометов, 310 танков. На подступах к Болхову ударная группировка 11-й гв. А встретила с прочной обороной, занятой силами немецкой 253-й пд (из резерва 4-й А группы «Центр»), а также вновь подошедшими из глубины резервами, в том числе частями 4-й и 9-й танковых дивизий, перебрасываемых из района Кром (части 9-й тд начали прибывать в район деревни Ягодная к исходу 17 июля [220 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 31.]).

В соответствии с хорошо известными по опыту закономерностями военной практики и основными принципами военного искусства (постепенное «скольжение» ударной группировки с заходящего фланга к центру в связи с подходом резервов противника), главное операционное направление 11-й гв. А постепенно сместилось с левого фланга к центру, в направлении на Гнездилово – Хотынец, показав ошибочность плана проведения операции, предложенного Баграмяном. Теперь, чтобы преодолеть все усиливающуюся оборону немцев, выстраиваемую командованием 2-й ТА на подступах к Болхову, командованию 11-й гв. А требовалось изменить направление главного удара для более глубокого охвата противника и соответствующим образом перегруппировать войска. С учетом сложившейся обстановки генерал Баграмян начал спешно сосредотачивать силы в центре оперативного построения армии – на фланге болховской группировки противника, чтобы нанести здесь основной удар с целью выйти на важнейшие коммуникации германских войск, обороняющих Орловский плацдарм, и одновременно глубоко охватить болховскую группировку немцев. В приказе от 18 июля командующий армией указал, что 11-я гв. А, сосредоточив основную группировку в центре, наносит главный удар на

фронте Пешкова – Васильевское в общем направлении на юг и юго-восток, чтобы во взаимодействии с армиями БрФ окружить и уничтожить орловско-болховскую группировку противника [221 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 358–359.]. Вместе с тем предпринятая Баграмяном перегруппировка опаздывала в сравнении с развертыванием резервов противником, а перебрасываемые силы вводились в сражение разновременно, что в итоге так и не позволило добиться желаемых результатов.

Особенность ситуации в тот период заключалась в том, что все возможности перемещения войск полностью определялись уже сложившейся обстановкой. Прежде всего, в связи с переходом в наступление правого крыла 61-й А и приближением 8-го гв. ск к Болхову, существенно сократилась протяженность левого фланга 11-й гв. А, поэтому 36-й гв. ск было решено перебросить к центру ударной группировки, в район лесов севернее Каменки. В ночь на 18 июля 36-й гв. ск был выведен из боя и, передав правофланговую 5-ю гв. сд полковника Солдатова вместе с корпусным участком 8-му гвардейскому стрелковому корпусу, после ночного марша сосредоточился в лесах южнее Шванова, за правым флангом 8-го гвардейского корпуса (сюда же в дальнейшем перебазировался штаб 11-й гв. А). В состав 36-го гв. ск была передана 217-я сд под командованием полковника Ефима Рыжикова, переброшенная с правого крыла армии, хотя на данный участок впоследствии предполагалось дополнительно перебросить еще и некоторые соединения 16-го гвардейского корпуса. Командующий корпусом генерал Ксенофонтов получил задачу утром 19 июля начать наступление из района села Каменка, прорвать оборону противника ударом в направлении Гнездилово – Богородицкое, затем продвинуться на Узкое – Знаменское и перерезать железную дорогу и шоссе Орел – Брянск, выйдя на фланг и в тыл орловской группировки немцев, а также обеспечив с запада и юго-запада наступление 8-го гвардейского стрелкового и 5-го танкового корпусов на Болхов. Для решения данной задачи 36-й гв. ск должен был действовать совместно с 1-м тк, а также 25-м тк, переданным 11-й гв. А из резерва ЗапФ (25-й тк под командованием генерала Федора Аникушкина в составе 3 танковых и 1 мотострелковой бригад, 2 самоходных артиллерийских, 1 зенитного артиллерийского, 1 минометного и 1 истребительно-противотанкового полков – всего 196 танков и САУ, выдвинулся от Мосальска и сосредоточился в районе Каменки к 17 июля с опозданием на сутки, причем штаб корпуса не был ориентирован в ходе операции и даже не имел карты района предстоящих боевых действий [222 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 352–353; Горбач В. Указ. соч. С. 245.]).

В то же время командованию 8-го гвардейского стрелкового и 5-го танкового корпусов было приказано нанести главный удар на правом фланге с целью окружения и уничтожения болховской группировки немцев во взаимодействии с войсками 61-й А БрФ.

18 июля 11-я гв. А возобновила наступление. 8-й гвардейский стрелковый и 5-й танковый корпуса наступали на юго-восток в направлении на Борилово, нанося главный удар своим правым флангом, где была введена в бой 108-я сд под командованием полковника Петра Теремова, переданная 8-му корпусу из армейского резерва. Благодаря усилению резервами танковые и стрелковые части прорвали неприятельскую оборону и к исходу 19 июля вышли на рубеж Шамякино – Руднево – Васильевское, перерезав дорогу

Болхов – Хотынец в районе Руднево – Долбилово – Сурьянино. При этом, однако, в 5-м тк осталось всего 10 боеготовых танков [223 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 252.], а противник непрерывно контратаковал.

С другой стороны, на Хотынецком направлении 18 июля перешли в наступление советские 1-й и 25-й танковые корпуса: первый – на Узкое, второй – на Знаменское, которые вступили в бой с переброшенными на это направление частями 253-й и 707-й (из резерва 2-й ТА группы армий «Центр») немецких пехотных дивизий. Хотя 1-й тк был уже существенно ослаблен потерями (в частях корпуса 18 июля оставалось только 33 боеготовых танка [224 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 249.]), к исходу 19 июля советские танки прорвали оборону противника на фронте Пешкова – Шамякино и вышли на рубеж Мыврино – Букино – Высокая – Пролетарский. 36-й гв. ск утром 19 июля также перешел в наступление совместно с танковыми частями и к исходу дня вышел на рубеж Пешкова – Красниково (Красиково). Немецкие войска оборонялись, по-прежнему опираясь на поддержку крупных сил авиации. По советским данным [225 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 45.], только за вторую половину дня 19 июля немецкая авиация произвела до 1500 самолето-вылетов в район Болхов – Хотынец. При этом командование советской 1-й ВА не располагало информацией, где находятся танковые корпуса, а высланная 18 июля на разведку группа из пяти самолетов-штурмовиков, получивших задачу установить положение своих войск и противника в районе Знаменское – Льгов, осталась без прикрытия своих истребителей и была полностью уничтожена (20 истребителей группы прикрытия частью ушли в другую зону, а частью ввязались в бой в районе Болотово) [226 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 248–249.].

Подвергаясь непрерывным массированным ударам бомбардировочной и штурмовой авиации (согласно немецким источникам [227 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 248.], за период с 16 по 18 июля германская авиация уничтожила 63 советских танка), танковые объединения ЗапФ так и не прорвались на Хотынец своими главными силами, хотя до станции оставалось около 20 км. Это удалось сделать только одной из танковых бригад 25-го тк, которой командовал полковник Игнатий Волюнец. По советским данным [228 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 228; Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 44.], 162-я тбр в ночь на 18 июля прорвалась через разрыв в обороне противника и вышла в район деревни Красная Новь (7 км юго-восточнее Хотынца), опередив главные силы корпуса на 20 км. Здесь она разрушила железную дорогу, прервав тем самым железнодорожное сообщение между Орлом и Брянском.

19 июля части бригады внезапно ворвались на станцию Хотынец, где уничтожили бронепоезд и железнодорожный эшелон, частично груженный немецкими танками (по другим данным [229 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 269.], атаку на станцию Хотынец удалось отразить силами немецкого зенитно-артиллерийского батальона, подошедшего из Карачева). Затем, атакованная противником с нескольких направлений, бригада с боями отошла на соединение с главными силами к Сорокино, по пути разгромив штаб 76-й немецкой пд в районе Локни и захватив в плен или убив какого-то немецкого генерала (по имеющимся данным [230 - См.: Залесский К. Вермахт. М.: Эксмо; Яуза, 2005. С. 557; Залесский К. Железный крест. Самая известная военная награда Второй мировой войны. М.: Яуза-пресс, 2007. С. 330–331; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ.

соч. С. 791.], 76-я пд, которой командовал генерал Эрих Абрахам (Erich Abraham), в июле – августе 1943 года находилась на переформировании на Западе, в составе 7-й А, а на Восточный фронт прибыла только в декабре того же года, поэтому И. Маркин указывает [231 - Маркин И. И. Курская битва. Оперативно-тактический очерк. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958. С. 208.], что 162-я тбр, захватив исправными и использовав в бою 7 вражеских танков, разгромила штаб немецкой 707-й пд в Ильинском. – П. Б.). В ходе рейда полковник Волынец 19 июля был тяжело ранен, и командование бригадой принял его заместитель по политической части подполковник Николай Сыропятов (Николай Иванович Сыропятов погиб в январе 1944 года, а 162-й танковой бригадой с 15 августа 1943 года командовал полковник Исай Петрович Михайлов).

По информации Петра Кириченко [232 - Кириченко П. Указ. соч. С. 141–143.], наступление 1-го тк в южном направлении было возобновлено уже в ночь с 17 на 18 июля. К 4 часам утра 18 июля, преодолевая сопротивление танков и мотопехоты противника, 89-я и 159-я танковые и 44-я мотострелковая бригады овладели опорными пунктами Пешково, Ивановский. Встретив сильное огневое сопротивление противника, они не смогли продвинуться дальше и закрепились на достигнутом рубеже, тогда как 117-я тбр с 1437-м сап, пробиваясь через засады, в 3 часа ночи 18 июля с боем овладела опорными пунктами Коробецкая – Волобеевка и Ракитинский. Однако, оказавшись в глубине боевых порядков противника, эти части подверглись обстрелу противотанковыми орудиями и были атакованы с разных направлений танками и мотопехотой. В течение дня 18 июля, находясь фактически в окружении и подвергаясь непрерывному воздействию артиллерии и бомбардировочной авиации противника, они отбили три мощные атаки с трех разных направлений. Авиация противника группами до 30 самолетов непрерывно бомбила боевые порядки частей корпуса. Для того чтобы преодолеть возросшее сопротивление противника, 18 июля в полосе 11-й гв. А командованием фронта был введен 25-й тк с задачей двигаться на Хотынец, но путь ему преградили переброшенные из-под Брянска 253-я и 707-я немецкие пехотные дивизии. Наткнувшись на организованный огонь и подвергаясь непрерывным массированным ударам вражеской авиации, корпус своими главными силами прорваться на Хотынец не смог. Удалось это одной только 162-й тбр, которая взаимодействовала с выдвинутым вперед разведывательным отрядом 1-го тк. В то же время, воспользовавшись выдвижением 25-го тк в район Ягодного, в ночь на 19 июля все части 1-го тк, кроме 117-й тбр и 1437-го сап, возобновили наступление в южном направлении. После короткого боя 89-я тбр овладела населенным пунктом Шумовский и завязала ожесточенный бой за опорный пункт Букино. В этой тяжелой схватке погиб начальник штаба бригады гвардии майор Иван Дубовик (Иван Афанасьевич Дубовик убит и сгорел в боевой машине в районе деревни Букино), но к утру 19 июля опорный пункт все-таки был взят. 159-я тбр с 3-м батальоном 44-й мсбр, овладев населенными пунктами Кашеевка и Зуевка, продолжали продвижение в южном направлении.

К утру 19 июля передовые батальоны 159-й тбр овладели Мыврином – Стрыковом, Дерловом. Встречая сильное сопротивление и контратакуемые противником из района Брежневского, они продолжали вести бой на достигнутом рубеже. 44-я мсбр, соединившись с передовыми отрядами 16-го гв. ск, заняла рубеж Льгово – Булатово – Низина. Однако противник, атаковав с фланга из района Узкого, вновь овладел Кашеевкой

и Зуевкой, отрезав часть сил и тылы 159-й танковой и 44-й мотострелковой бригад. Лишь к 20 часам 19 июля, оборудовав переправы через реку Вытебеть в районе Бутырки, тылы были отведены в район Низины. 117-я тбр и 1437-й сап в течение ночи и дня 19 июля продолжали стойко отражать атаки противника в занимаемом ими районе.

Таким образом, план советского командования силами двух танковых корпусов неожиданным ударом с ходу перерезать основные вражеские коммуникации и захватить станцию Хотынец оказался не выполнен. По мнению командующего 1-го тк генерала Василия Буткова [233 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 248.], главной причиной этого стало полное отсутствие прикрытия танковых частей со стороны советской истребительной авиации, а также недостаточность имевшихся в их распоряжении зенитных средств, что привело к задержке продвижения танков массированными налетами вражеской авиации. По оценке штаба ГА «Центр» на 20 июля [234 - ЦАМО РФ. Ф 500. Оп. 12462. Д. 794. Л. 71–72.], хотя предполагаемое направление удара 25-го и 1-го танковых корпусов противника в сторону железной дороги Хотынец – Карачев подтверждается показаниями военнопленных из этих двух корпусов, но ударная сила этих корпусов в результате значительных потерь танков и недостатка горюче-смазочных материалов ослаблена, что требует переброски подкреплений и восстановления снабжения.

Вместе с тем Ставка Верховного главнокомандования еще 12 июля передала для усиления левого крыла ЗапФ 11-ю общевойсковую армию, а 18 июля решением Ставки в состав фронта были включены 4-я ТА, следовавшая в это время из района Наро-Фоминска в район Козельска (армия прибыла к месту назначения 23 июля), и 2-й гв. кк, находившийся в районе Медыни.

С целью оперативного наращивания усилий на Хотынецком направлении 14 июля командующий ЗапФ генерал Соколовский приказал 11-й А перейти из района Калуги в район Козельска, а 18 июля, приняв решение на ввод ее в стык между 50-й и 11-й гвардейской армиями, поставил задачу 20 июля с фронта Шубник – Хатьково – Холмищи – Дудоровский перейти в наступление на Хвастовичи, чтобы сократить растянувшийся фронт 11-й гв. А и, захватив Хвастовичский узел дорог, обеспечить действия на Болховском и Карачевском направлениях с запада и северо-запада. 4-я ТА, взаимодействуя с левым крылом 11-й гв. А, должна была прорвать оборону противника юго-западнее Болхова и, развивая удар на юг в общем направлении на Нарышкино, перерезать железную дорогу и шоссе Орел – Брянск. Этим создавались условия не только для завершения разгрома Болховской группировки врага, но и для удара во фланг и тыл немецким войскам, оборонявшимся в районе Орла. 2-й гв. кк предназначался для действий на Карачевском направлении и блокирования в этом районе железной дороги и шоссе, соединяющих Орел и Брянск.

11-я общевойсковая армия, которой командовал генерал Иван Федюнинский, была сформирована в апреле – мае 1943 года под Тулой и состояла из 8 стрелковых дивизий (без корпусных управлений), 1 зенитно-артиллерийской дивизии, 1 отдельного танкового полка, 2 истребительно-противотанковых артиллерийских и 2 минометных полков (из них 1 полк реактивных минометов), 2 отдельных инженерных б-нов: всего около 65 тыс. солдат и офицеров, более 1,5 тыс. орудий и минометов, 30 танков [235 - См.: Боевое

расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 349–350.]. 14 июля заместитель командующего БрФ генерал Иван Федюнинский, находившийся тогда на командном пункте 61-й А, получил приказ, предписывавший ему немедленно выехать в район Калуги и вступить в командование 11-й армией. Федюнинский вспоминает [236 - Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1961. С. 151–152.], что к его приезду соединения армии находились на марше в районе Козельска, поскольку командующий ЗапФ решил ввести армию в бой на стыке между 50-й и 11-й гвардейской армиями. Для этого дивизиям предстояло пешим порядком совершить 160-километровый марш, причем время на марш и сосредоточение отводилось очень ограниченное. Посоветовавшись с начальником штаба армии генералом Николаем Корнеевым (Николай Васильевич Корнеев), Федюнинский доложил командующему фронтом генералу Соколовскому, что к назначенному времени все дивизии в указанный район прибыть не смогут, следовательно, если придерживаться старого плана, то армия будет вводиться в бой по частям. В ночь на 18 июля только 135-я и 369-я стрелковые дивизии 11-й А находились примерно в 30 км от фронта, тогда как остальные еще дальше. Кроме того, в армии ощущалась нехватка боеприпасов для стрелкового оружия и артиллерии. На это Соколовский ответил, что, по мнению командования фронта, на участке Лешево – Кцынь, где намечается ввод в бой 11-й А, оборона противника является слабой, поэтому поставленную задачу необходимо решить даже в том случае, если придется ввести в бой первоначально только одну дивизию. Выехав на рубеж развертывания армии, Федюнинский встретился с командирами занимавшего этот участок 16-го гв. ск 11-й гв. А, которые ознакомили его с оперативной обстановкой. Оказалось, что соединения корпуса уже неделю не могут продвинуться вперед, поскольку противник хорошо организовал здесь систему огня, прикрыв позиции рубежом реки Рессета.

После выхода на реку Рессета и захвата плацдармов на ее западном берегу за время с 17 по 19 июля соединения 16-го гв. ск овладели Хатьково, деревней Брусны и блокировали Моилово. К исходу 19 июля корпус вышел на рубеж Брусны – северная окраина Моилово, захватив переправы через Рессету восточнее Кцынь, а небольшими силами переправился на правый берег между Кцынь и Долина. Однако немцам удалось удержаться в Моилово и Кцынь, откуда они продолжали угрожать правому флангу 11-й гв. А. С 18 июля 11-я А начала прибывать на участок 16-го корпуса 11-й гв. А, что позволило генералу Баграмяну немедленно высвободить оттуда три стрелковые дивизии (1-я и 31-я гвардейские и 169-я стрелковые дивизии), две из которых сразу же были задействованы в наступлении на Хотынец – 1-я гвардейская и 169-я стрелковые дивизии под командованием генералов Николая Кропотина и Якова Еременко (Яков Филиппович Еременко).

В это же время в полосе 61-й А БрФ болховская группировка немецких войск отошла на тыловые рубежи и, используя сильные позиции на подступах к Болхову, продолжала упорные бои, прикрывая силы 2-й ТА, оборонявшиеся в районе Орла. Германское командование, придавая большое значение Болховскому плацдарму, обеспечивавшему с севера фланг и тыл всей орловской группировки, принимало экстренные меры к стабилизации положения – в район Бол хова была дополнительно переброшена 26-я пд из состава 7-го ак 2-й А группы армий «Центр» (первые эшелоны убыли к Болхову в ночь с 16 на 17 июля [237 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 794. Л. 3–7.]), концентрировались

крупные силы немецкой авиации. Благодаря ведению активной обороны немцы задержали наступление левого крыла 11-й гв. А к дороге Болхов – Хотынец. Следуя этой же тактике, на участке 61-й А командование 53-го ак немцев планировало отбросить советские войска к берегу реки Ока. С этой целью против левого фланга армии была сосредоточена оперативная группа под командованием генерала Вутмана, включавшая части 208, 112 и 26-й пехотных, 12-й танковой дивизий, а также отдельные артиллерийские подразделения и 270-й батальон штурмовых орудий.

С другой стороны, 61-я А с 12 июля понесла большие потери в бронетехнике [238 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 19, 23.]: на 17 июля в 20-м танковом корпусе оставалось в строю 66 танков и САУ из 218 машин, в 68-й тбр – 17 танков из 56, в 36-м танковом полку – 13 танков из 35, в 1539-м сап – 9 САУ типа СУ-152 и 1 танк KB-1С-1 из 13 машин. Не добившись решительного успеха в наступлении на Багриновском направлении, которое было отражено сильной противотанковой обороной противника, командующий 20-го тк генерал Лазарев решил прекратить здесь атаки и нанести главный удар юго-западнее, в общем направлении Дубровский – Анчаково. 18 июля 20-й корпус начал наступление на новом направлении и к исходу дня во взаимодействии с частями 9-го гв. ск овладел опорными пунктами противника Однопиток и Новомосковский. Однако дальнейшие попытки развить наступление на Макеево успеха не имели, на подступах к этому пункту атаки советских танков были остановлены группой Вутмана, которая при сильной поддержке авиации нанесла контрудар из района Новый Синец – 1-я Королевка – Черногрязка в общем направлении Анчаково – Карагашинка.

В ходе двухдневных боев немцам удалось остановить противника и добиться незначительных местных успехов – вытеснить советские войска из района Однопиток – Новомосковский. Части ударной группы 61-й А отразили контрудар противника и одновременно укрепили свое положение на южном фланге участка вклинения, овладев Новолутовинским, Азарово и Слободкой, что, в свою очередь, создало угрозу глубокого удара вдоль западного берега Оки в район Мценска, по левому флангу и тылу немецкого 35-го ак. 20 июля 20-й тк генерала Лазарева, понесший в прошедших боях значительные потери, был выведен в резерв и сосредоточился в районе Хвощево, откуда он готовился 23 июля начать наступление на Тельчье (Тельче), в тыл мценской группировки немцев. Однако командование 35-го ак, не располагавшее дополнительными силами для укрепления обороны левого фланга, еще до 20 июля отвело на запад за Оку свою левофланговую 34-ю пд, без боя оставив противнику Мценский укрепленный район.

Таким образом, после восьми дней операции общее положение войск 11-й гвардейской и 61-й армий предоставляло выгодные условия как для наступления на юго-восток с целью совместного окружения и уничтожения болховской группировки немцев, так и для удара на юг с целью блокирования железной дороги и шоссе Орел – Брянск на участке Хотынец – Карачев и последующего развития наступления на юго-запад для глубокого охвата и выхода на тылы основных сил ГА «Центр», оборонявшихся на Орловском плацдарме.

В то же время в результате быстрого продвижения 11-й гв. А ее коммуникации растянулись до 150–180 км, а фронт превышал 150 км, тогда как в резерве оставалась

только одна 84-я гв. сд [239 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 363, 370–371.]

. При таком растяжении фронта и коммуникаций от советского командования требовался ввод новых крупных резервов, чтобы нанести решительный удар во фланг и тыл основным силам германских войск в районе Орла.

В свою очередь, немцы, отходя на свои коммуникации, спешно подтягивали к угрожаемому участку фронта все новые и новые части и соединения, постепенно изменяя соотношение сил в свою пользу. Большую часть переброшенных сюда резервов командование 2-й ТА предназначало для того, чтобы удержать в своих руках дорогу Болхов – Хотынец и прикрыть с севера железную дорогу Орел – Брянск. Германское командование централизовало управление войсками на Болховском и Хотынецком направлениях, чтобы повысить уровень организации оборонительных мероприятий на важнейших участках боевых действий на Орловском плацдарме. Временные корпусные оперативные объединения, которыми командовали генералы Эзбек и Грассер, были 18–19 июля расформированы, а вместо них создана армейская оперативная группа генерала Гарпе, в состав которой вошел 53-й ак, а также резервы, прибывавшие с других участков и направлений – 253-я пехотная, 10-я и 25-я моторизованные, 4, 9, 18, 20-я танковые дивизии. По данным ГШ Красной армии [240 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 371.], после произведенных перегруппировок на участке фронта в районе Болхов – Хотынец противнику удалось добиться равенства в силах по пехоте и танкам, а в артиллерии и минометах превосходство советских войск уменьшилось до 1:2 в пользу русских.

На Орловском направлении соединения 35-го ак 2-й ТА стремились удержать заблаговременно подготовленный промежуточный оборонительный рубеж на реке Олешня, который представлял серьезное препятствие для развития наступления 3-й и 63-й армий БрФ на Орел. Здесь были созданы сильные оборонительные позиции, прикрытые зоной заграждений. К 18 июля германское командование развернуло на этом рубеже 36-ю пехотную, 2-ю и 8-ю танковые дивизии, ряд артиллерийских и противотанковых частей усиления, а также 56-ю и 262-ю пехотные дивизии, фактически разгромленные при прорыве главной оборонительной полосы 35-го корпуса.

С другой стороны, обстановка, сложившаяся к 18 июля в районе Орла, требовала от 3-й и 63-й армий БрФ ускорить их выход к рубежу реки Ока, чтобы совместно с войсками 11-й гв. А ЗапФ, подошедшими к Хотынцу, завершить разгром орловской группировки

противника, одновременно содействуя перешедшим в наступление 15 июля войскам ЦФ в уничтожении орловско-кромской группировки немцев.

В связи с этим в течение 18 июля наиболее ожесточенные бои проходили в полосе 3-й А генерала Горбатова, продолжавшей наступление с целью отбросить противника с укрепленных позиций на западном берегу реки Олешня. Основные усилия армии были сосредоточены для прорыва фронта, удерживаемого 36-й и 56-й пехотными, 2-й и 8-й танковыми дивизиями противника. С целью разрушения немецких укреплений и подавления вражеской артиллерии наиболее сильный артиллерийский и минометный огонь был сконцентрирован перед фронтом 25-го ск генерала Перервы, который совместно с 1-м гв. тк должен был атаковать с рубежа, занятого 17 июля. Однако немцы также проявляли большую активность на всем фронте 3-й А, немецкая пехота и танки неоднократно переходили в контратаки, артиллерия и минометы систематически вели сильный огонь по восточному берегу реки Олешня, а германская авиация группами от 5 до 15 и 30 самолетов бомбардировала боевые порядки советских войск (вместе с тем за сутки в полосе БрФ было отмечено около 180 самолето-пролетов [241 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 143.], что свидетельствует о перенесении основных усилий 6-го ВФ на другие участки). В 5 часов утра 18 июля два батальона пехоты, поддержанные 20 танками, контратаковали части 25-го ск из района поселка Новая Жизнь; затем около 10.20 батальон пехоты перешел в контратаку из района Бортное. Соответственно, авиация 15-й ВА систематически наносила бомбовые удары по скоплениям пехоты и танков противника – сильным ударом с воздуха подверглись районы Арсеньево – Сычи, Новая Жизнь, леса южнее Бортное, а также район Протасово, где была обнаружена только что подошедшая колонна немецких танков (всего за сутки армией произведено 635 самолето-вылетов) [242 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 406, 739.].

Генерал Горбатов вспоминает [243 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 220.], что 1-й гв. тк 18 июля вновь был введен в прорыв с плацдарма на западном берегу реки Олешня, снова подвергся авиационной бомбардировке и отошел на восточный берег реки. Только 19 июля его отдельные танки опередили стрелковые части 3-й А и овладели селом Олешня. По оценке генерала Горбатова, этим исчерпывался весь успех, которого добился корпус, после чего он был выведен в резерв БрФ. Вместе с тем армейская разведка сообщила о подходе новых сил противника и о том, что в районе деревень Подмаслово и Моховое сосредоточились две вражеские дивизии, готовясь к контрудару. Поэтому, чтобы обеспечить свой левый открытый фланг, командование 3-й А было вынуждено поставить в оборону левофланговую 380-ю сд полковника Алексея Кустова, усилив ее двенадцатью батареями противотанковых орудий. К исходу 18 июля войска 3-й А полностью овладели позициями противника на восточном берегу Олешни и готовились к форсированию ее во всей полосе.

В целом развитие обстановки за день показало, что стрелковые дивизии и отдельные танковые полки, входившие в состав 3-й и 63-й армий, ослаблены потерями в наступательных боях с 12 по 18 июля, поэтому решить задачу по прорыву заблаговременно подготовленного оборонительного рубежа на реке Олешня своими силами уже не способны. Для того чтобы нарастить силу удара 3-й и 63-й общевойсковых армий, командование БрФ сосредотачивало за левым флангом 3-й А 3-ю гв. ТА. В ночь на

17 июля корпуса 3-й гв. ТА начали выдвижение в выжидательные районы, находившиеся в 8—10 км к востоку от реки Олешня. В течение 17 июля продолжалась подготовка армии к боевым действиям. В связи с тем, что войска ударной группировки ЗапФ успешно продвигались на Хотынец, в тыл Орловской группировки противника, однако начавшееся 15 июля контрнаступление войск ЦФ с юга на Кромы развивалось очень медленно, днем 18 июля командующий войсками БрФ по указанию Ставки (переданному заместителем начальника Генерального штаба генералом Антоновым) приказал 3-й гв. ТА с утра 19 июля перейти в наступление по второму варианту (используя успех наступления 3-й и 63-й армий, с утра 19 июля наступать в направлении Бортное – Становая – Становой Колодезь – Кромы в тыл группировки противника, действовавшей против войск ЦФ, с ближайшей задачей перерезать железную дорогу Орел – Курск и захватить переправы на реке Рыбница на участке Любаново – Змиево) [244 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 406.]. Кроме того, как отмечает генерал Горбатов [245 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 220.], удар в юго-западном направлении был необходим, чтобы помочь 63-й А, которая продвигалась вперед очень медленно.

В связи с этим войскам левого крыла БрФ было приказано с утра 19 июля после авиационной и артподготовки перейти в решительное наступление. Нанося главный удар смежными флангами 3-й и 63-й армий, они должны были обеспечить ввод в прорыв 3-й гв. ТА и к исходу дня выйти на рубеж Доброводы – Протасово – Олешня – Моховое – Архангельское.

В 8 часов 20 минут 19 июля 1943 года, после артиллерийского огневого налета продолжительностью 10 минут и авиационных ударов штурмовых и бомбардировочных соединений 15-й ВА (около 8 часов утра 45 самолетов-штурмовиков и 63 бомбардировщика нанесли удары по скоплениям живой силы и техники, а также артиллерийским батареям противника в районах Бортное, Титово, Сычи, Садовое, Казинка [246 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 262–263; Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 191.]), войска 3-й и 63-й армий возобновили наступление. На направлении главного удара 3-й А 362-я и 186-я стрелковые дивизии 25-го корпуса за два часа боя продвинулись на глубину до 1–1,5 км, выбив немцев из опорных пунктов Кобяково, Новая Жизнь, Бортное, и пытались развить успех, обойдя опорный пункт в селе Сычи с юга, но были контратакованы 28-м танкер-гренадерским полком 8-й тд полковника Радовица. Учитывая развитие обстановки, в 10.40 19 июля по приказу командующего фронтом, переданному по радио, 12-й и 15-й гвардейские танковые корпуса 3-й гв. ТА вышли с исходных рубежей и начали движение к рубежу ввода в прорыв. Воздушное пространство на пути движения танковых корпусов было заблаговременно прикрыто большим количеством патрулирующих здесь истребителей 15-й ВА, части и соединения которой в течение 19 июля обеспечили 1218 самолетовылетов, почти в два раза больше, чем в среднем за предыдущие дни операции [247 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 154 об.].

В течение 19 июля два танковых корпуса 3-й гв. ТА, в которых вместе с частями усиления насчитывалось 409 боеготовых танков и 32 САУ [248 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 350–351.], завершили прорыв промежуточного

оборонительного рубежа 35-го ак по реке Олешня и продвинулись на глубину 5–6 км. К исходу 19 июля части 25-го ск 3-й А вместе с 3-й гв. ТА вклинились в неприятельское расположение на 3–5 км и вышли главными силами в район Протасово. Одновременно части 3-й гв. ТА продвинулись к югу и хотя и не выполнили полностью поставленной им задачи, но заняли выгодное фланговое положение по отношению к немецким войскам, обороняющимся перед фронтом 63-й А, которая также перешла в наступление 19 июля, но успеха не добилась, за исключением взятия сильного опорного пункта противника в селе Подмаслово (селом овладел 142-й сп 5-й сд под командованием подполковника Ивана Даниловича Фомина).

Георг Гребен указывает [249 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 148–149.], что 19 июля обстановка в полосе 2-й ТА достигла стратегической кульминации. Вновь прибывшая советская 3-я ТА с огромной силой ударила по 35-му ак генерала Лотара Рендулича, и соединения этого корпуса (34, 56, 262 и 299-я пехотные дивизии), до того самостоятельно сдерживавшие мощный советский натиск, теперь не могли устоять против советских войск. Поэтому генерал Модель собрал все, что было можно, чтобы обеспечить подкрепления и пережить кризис у Рендулича.

Командование ГА «Центр» использовало для отражения наступления 3-й гв. ТА почти всю авиацию, которая действовала на Орловском направлении, – в частности, по советским данным, до 800 самолето-налетов немецких бомбардировщиков было совершено только в полосе 12-го тк, а всего 19 июля в этот день 6-й ВФ обеспечил 1452 самолето-вылета – на 322 больше, чем в предыдущий день [250 - См.: Документы. Приложение I // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 741; Горбач В. Указ. соч. С. 264.]. Кроме этого, с 19 по 23 июля германская истребительная авиация выполнила большой объем работы по борьбе с вражескими истребителями за господство в воздухе на наиболее важных участках поля боя. В результате 19 июля потери 15-й ВА составили 1 бомбардировщик, 10–12 штурмовиков и 22 истребителя, а немецкие потери – 7 самолетов, из которых 1 истребитель; к исходу 23 июля в составе 234-й истребительной авиадивизии полковника Евстафия Татанашвили, занятой для прикрытия боевых порядков 3-й гв. ТА, оставалось всего 37 боеготовых самолетов [251 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 263, 265–266.] (дивизия была переброшена с ЦФ в состав 15-й ВА к 14 июля 1943 года. – П. Б.).

Генерал Рендулич свидетельствует [252 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 185.], что 19 июля русские перешли в наступление по всему фронту – от правого фланга 262-й дивизии до Оки, вновь нанося главный удар в полосе 36-й пд и явно бросив в бой все свои наличные силы. Противник наступал при поддержке большого количества танков, 200 из которых были подбиты или уничтожены в тот же день, в основном в полосе 36-й пд. Однако на нескольких участках русским удалось совершить значительные прорывы. Семь дивизий 35-го ак, растянутые на широком фронте, не имели сколько-нибудь значительных резервов, были измотаны боями до предела и ощущали острую нехватку пехоты. Поэтому, чтобы отразить новые атаки противника и предотвратить его прорыв на Орел, требовалось принять срочные меры. Командование корпуса решило отвести соединения на несколько километров к западу (в действительности в среднем на 20 км. – П. Б.), на новые позиции, защищенные естественными препятствиями. В соответствии с планом отхода, который уже был продуман заранее, части 56-й пехотной, 2-й и 8-й танковых дивизий во второй

половине дня 19 июля получили приказ в ближайшую ночь отойти на западный берег Оки. Оборону позиций на восточном берегу реки до подхода подкреплений должна была взять на себя 8-я тд, а новые части и соединения предполагалось использовать для занятия оборонительного рубежа на реке Оптуха. Соответственно, генерал Эрпо Боденхаузен, командир перебрасываемой из-под Болхова 12-й тд [253 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 149.], передовой отряд которой уже находился в Орле, получил задачу организовать оборону на Оптухе. К югу от участка 12-й тд занимала позиции 36-я пд, а 262-я дивизия примыкала к 36-й дивизии справа.

Таким образом, решение советского командования на ввод в бой 3-й гв. ТА значительно ускорило прорыв промежуточной оборонительной полосы 35-го ак 2-й ТА противника. К исходу 19 июля войска 3-й А БрФ, используя успехи танковых частей 3-й гв. ТА, вышли на рубеж Горбунцово – Сычи – Подмаслово и завязали бой за опорные пункты Доброводы, Протасово. Клин, вбитый в расположение немецких войск, создавал угрозу фланговых ударов по частям и соединениям противника, оборонявшимся против войск 63-й А генерала Колпакчи, однако командование БрФ вначале решило направить 3-ю гв. ТА в обход Мценска.

В полосе ЦФ германские войска к исходу 18 июля отошли на рубеж, с которого они 5 июля начинали операцию «Цитадель»: Красная Слободка – Кривцово – Архангельское – Верхнее Тагино – Тросна (Троена), заняв его силами восьми пехотных дивизий (с запада на восток – 258, 7, 31, 6, 292, 86, 78-я штурмовая, 216-я) и трех отдельных егерских батальонов группы Мантойфеля, объединенных под управлением 46-го и 47-го танковых и 23-го армейского корпусов. 18 июля на этом участке еще находились некоторые части 4-й танковой и 10-й моторизованной дивизий, однако главные силы указанных соединений уже перебрасывались на Хотынецкое направление в распоряжение командования оперативной группы «Гарпе» и 2-й ТА, так что пехоту 9-й А теперь поддерживали только отдельные подразделения штурмовых орудий, а также подбитые танки, оставленные в качестве бронированных огневых точек.

По информации штаба ГА «Центр» [254 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 794. Л. 18–22.], после планового отвода дивизий 9-й А на вторую линию обороны первую половину дня 18 июля противник использовал для подготовки пехоты и крупных танковых сил. Противник предпринимал атаки на широком фронте, но его основные усилия были направлены на участок 46-го тк, в стык между правым флангом 6-й и левым флангом 86-й пехотных дивизий, и, прежде всего, на позиции 10-й панцер-гренадерской дивизии. После того как в первой половине дня была отражена массированная атака противника перед 86-й пд, после обеда он более не наступал. По поступившим до сих пор донесениям, уничтожено 130 танков противника. С 18.00 штабу 47-го тк были подчинены 46-й и 41-й танковые и 23-й армейский корпуса. Таким образом, создана оперативная группа «Орел – Юг» (нем. Orel-Süd, командный пункт оперативной группы в роще в 2 км южнее Никольского), при этом 46-му тк подчинены 6-я пд и группа «Мантойфель», а 23-му ак – 292-я и 86-я пехотные дивизии, из которых 292-я дивизия приняла участок 10-й панцер-гренадерской дивизии.

Помимо изъятия всех танковых и моторизованных соединений, войска 9-й А были временно оставлены командованием практически без поддержки своих ВВС – по данным советского командования [255 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 276, 284.], 18 и 19 июля авиация противника вела разведку с попутным бомбометанием одиночными самолетами, парами и группами до 20 машин, совершив за каждые сутки всего по 117 самолето-пролетов, тогда как 16-я ВА ЦФ произвела 535 и 1189 самолето-вылетов соответственно.

Учитывая медленный темп продвижения (12–14 км за четыре дня операции), а также выгодное положение, создавшееся на Болховском и Хотынецком направлениях, предоставлявшее возможность полностью окружить противника в районе Орла, командующий ЦФ генерал Рокоссовский отдал войскам приказ 19 июля продолжить наступление с рубежа Похвальное – Тагино, прорвать оборону неприятеля и в дальнейшем продвигаться вдоль реки Ока. Согласно донесению Рокоссовского Верховному главнокомандующему [256 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 104. Л. 284–287.], в 7 часов утра 19 июля после короткого артиллерийского налета 13-я и 70-я армии ЦФ перешли в наступление в общем направлении на Кромы, продвинулись вдоль Курско-Орловского шоссе до 6 км и заняли ряд вражеских укрепленных опорных пунктов, в том числе населенный пункт Тросна. Противник, оказывая сильное огневое сопротивление, с боями отходил на Курско-Кромском направлении, а во второй половине дня предпринял ряд контратак силами до полка пехоты при поддержке до 35 единиц бронетехники. Встретив сильное огневое сопротивление и не достигнув решительного успеха, наступающие части 28-го и 19-го стрелковых корпусов 70-й А и левого фланга 13-й А к исходу дня продолжали вести бой на южных окраинах Воронца и Верхнего Тагина. 48-я, 65-я и 60-я армии обороняли прежние рубежи, вели разведку и огневыми средствами уничтожали противника.

Как отмечает Георг Гребен [257 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 150–151.], 18 июля на участке 9-й А подтвердилось подозрение, что в районе Орловского выступа русские применяли согласованные действия против обеих немецких армий и что генерал Модель ведет одно большое сражение по фронту, длина которого составляла почти 400 км. Поскольку до этого советским войскам, наступавшим с Курского выступа, не удавалось фронтальными атаками прорвать оборону 9-й А, они быстро перегруппировали свои силы и передислоцировали их в район западнее дороги Тросна – Фатеж и изгиба реки Чернь, чтобы нанести удар по растянутому южному флангу этой армии. Подразделения немецкой разведки обнаружили этот маневр, и в тот же день, 18 июля, для предотвращения угрозы удалось выделить две пехотные дивизии (по-видимому, 7-ю и 258-ю пехотные дивизии из состава 46-го тк 9-й А под командованием генералов Фрица Раппарда (Fritz-Georg Rappard) и Ганса Хокера. – П. Б.) и некоторое количество частей армейского подчинения. Поэтому, когда 19 июля три советские стрелковые дивизии перешли в наступление при поддержке 60 танков по обе стороны дороги Тросна – Фатеж, они встретили не только подготовленную, но и усиленную оборону. Соответственно, наступление не привело ни к чему, кроме локальных тактических прорывов (здесь следует заметить, что за время с 5 по 19 июля общие потери 7-й пд генерала Раппарда уже составили около 2300 человек [258 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 540.]. – П. Б.). Однако одновременно с этим русские танки

прорвались в полосу 2-й ТА, которая вновь отвела свои войска, что, в свою очередь, вынудило 9-ю А также отойти на другие позиции. Все передвижения пришлось осуществлять при самых неблагоприятных погодных условиях и ужасном состоянии дорог, а когда проходил этот маневр, атака советских танков в направлении Змиевки рассекала позиции на стыке двух армий. Генерал Модель использовал последние резервы, которым только к 24 июля удалось частично закрыть эту брешь (на северном фланге 383-й пд в районе Змиевки усиленная полковая группа 86-й пд с 17.00 24 июля перешла в наступление из района Цуканы через высоту 239,1 и установила тактическую связь с 299-й пд в районе Кулики, подбив 8 вражеских танков, после чего группа была временно подчинена 383-й пд [259 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 793. Л. 114.]).

3.2. Развитие обстановки 20–25 июля

В 20-х числах июля ожесточенные сражения на Орловском плацдарме проходили на фронте протяженностью свыше 400 км, однако наиболее угрожающее положение для германских войск создано на северном крыле 2-й ТА группы армий «Центр» – в полосе наступления 50, 11, 11-й гвардейской и 4-й танковой армий ЗапФ и 61-й армии БрФ.

С другой стороны, перед войсками левого крыла ЗапФ стояли две задачи: первая – перерезать железную дорогу и шоссе в районе Хотынец – Карачев, лишив противника основной линии коммуникаций, связывающей его орловскую группировку с Брянском; вторая – ударом на юго-восток, в обход Болхова с запада и юга, совместно с 61-й А БрФ завершить разгром болховской группировки немецких войск. Развитие оперативной ситуации показывало, что наиболее уязвимым направлением для всей орловской группировки немцев стало именно Хотынецкое, поскольку прорыв советских войск на Хотынец вел к перехвату главных путей снабжения немецкой 2-й ТА. Соответственно, обе стороны стремились как можно быстрее нарастить здесь усилия. Однако в связи с изменениями, внесенными в план операции «Кутузов» по предложению генерала Баграмяна, советское командование в решающей фазе наступления не располагало на Хотынецком направлении оперативными резервами, достаточными для развития и закрепления успеха. Соответственно, Ставка Верховного главнокомандования наращивала силы за счет своих стратегических резервов, спешно перебрасывая сюда 11-ю общевойсковую и 4-ю танковую армии, а также 2-й гв. кавалерийский корпус. С другой стороны, германское командование, уже израсходовавшее оперативные резервы, вынуждено было направлять в полосу 2-й ТА силы с других участков и направлений, в том числе из состава войск, которые ранее участвовали в операции «Цитадель». Понимая угрозу окружения болховской группировки, генерал Модель в первую очередь принимал срочные меры для надежного удержания дороги Болхов – Хотынец и дополнительного усиления действовавших здесь германских войск.

К 19 июля против 11-й гвардейской и 61-й армий в этом районе уже были развернуты корпусное управление и четыре танковых соединения (управление 41-го тк, 9, 12, 18, 20-я танковые дивизии), прибывала 4-я тд, а также разворачивались части 10-й мд – все переброшены из состава 9-й А группы «Центр» [260 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 44.]. Кроме этого, с 18 июля в район Карачева перебрасывалась мотодивизия «Великая Германия» из состава 48-го тк ГА

«Юг». Поэтому к 20 июля против войск левого крыла ЗапФ находились следующие немецкие части и соединения [261 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 372.]:

1) на рубеже Волеватка – река Песочня – Брусны – Моилово – Кцынь – Ловатянка – 296, 134, 211, 183-я пехотные и 5-я танковая дивизии, 57-й отдельный охранный полк, 190-й отдельный батальон штурмовых орудий, разведывательный отряд, 2 саперных и 2 инженерно-строительных б-на;

2) на рубеже Ловатянка – Терebenь – Палькевичи – Алехино – отдельные части 707-й пд, 1 егерский и 2 строительных б-на;

3) на рубеже Алехино (исключительно) – Студенка – 253-я пд и автопарковый б-н;

4) на рубеже Дерлово – Волобеева – Узкое – Кареньяево – Шемякино (Шамякино) – Отрада – 293-я пехотная, 4, 9, 20 и 18-я танковые, 25-я и 10-я мотодивизии.

Как видно, для прикрытия северного крыла 2-й ТА германское командование задействовало все имеющиеся силы, вплоть до личного состава автопаркового хозяйства, которые были сконцентрированы с усилением на наиболее угрожаемых направлениях, хотя на Хвастовичском и Карачевском направлениях плотность войск явно была низкой. Вместе с тем продолжать борьбу за Орловский плацдарм после прекращения операции «Цитадель» было для германских войск не просто стратегически бесперспективно, но и опасно в связи с постоянной угрозой окружения основной части их сил на плацдарме. Поэтому в 20-х числах июля начальник штаба ГА «Центр» генерал Ханс Кребс (Hans Krebs) стал подготавливать оперативное решение об эвакуации войск с Орловского плацдарма, распорядившись ускорить подготовку тыловой оборонительной позиции «Хаген» и промежуточных рубежей отхода. Командующий 6-м воздушным флотом фельдмаршал Роберт Грейм (Robert Greim) уже 12 июля перенес свой штаб в Супонево (к югу от Брянска), а 18 июля отдал негласное указание начать эвакуацию техники и оборудования авиационных частей и соединений 6-го флота, базирующихся на Орловском плацдарме, за реку Десна, постепенно уничтожая все важные объекты и аэродромы [262 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 223, 224.].

По свидетельству Георга Гребена [263 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 152.], в конце июля сражение сосредоточилось в основном вокруг Болховского выступа, где русские раз за разом пытались прорваться на различных участках северо-восточнее и юго-западнее Болхова, хотя все эти атаки отражались огнем обороняющихся. Фронт здесь удерживала армейская оперативная группа генерала Гарпе (группа была создана на основе выведенного из состава 9-й А управления 41-го тк, имела переменный состав и командование и с 16 июля по 10 августа находилась в распоряжении 2-й ТА [264 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 176–177.]), объединившая 53-й ак (части корпусного подчинения. – П. Б.), 253-ю пехотную, 25-ю и 10-ю моторизованные, 4, 9, 18 и 20-ю танковые дивизии. Эти соединения уничтожали около 200 русских танков за каждые сутки сражения.

По оценке штаба ГА «Центр» на 20 июля 1943 года [265 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 794. Л. 62–63.], по обе стороны дороги Орел – Курск противник продолжал свои напрасные попытки прорваться в северном направлении, а наступая на восток, продвинувшись до района южнее Воронца (14 км восточнее Тросны). Ввод в бой танков говорил о направлении основных усилий противника по обе стороны Тросны и севернее Турейки. Перед 2-й ТА подтвердилось сосредоточение основных усилий противника восточнее Орла. По не подтвержденным пока показаниям военнопленных, в этом районе наступает только недавно прибывшая 3-я гв. ТА в составе 12, 13 и 15-го танковых корпусов. Перед Болховским фронтом противник вел себя в основном спокойно – видимо, из-за понесенных до сих пор серьезных потерь и из-за ожидания развития событий восточнее, южнее и западнее Орла. Юго-западнее Болхова части 108-й и 217-й стрелковых дивизий, а также 5-го тк противника находятся под угрозой окружения. Прорвавшиеся к железной дороге Брянск – Орел части принадлежат 1-му и 25-му танковым корпусам. Западнее реки Вытебеть противник также пытается мотопехотой прорваться к железной и шоссейной дорогам Брянск – Орел. Перед 55-м ак противник вел себя относительно спокойно, за исключением расположения перед самым правым флангом корпуса, где выявленная здесь 1-я гв. сд пытается расширить брешь в линии фронта. Далее следует ожидать наступления значительных пехотных сил по обе стороны железной дороги Брянск – Сухиничи. Воздушная разведка вновь подтвердила интенсивное движение войск в направлении на Козельск, так что, как и ранее, следует ожидать подтягивания новых сил в район вклинения Ульяново.

В действительности войска советской 11-й гв. А планировали 20 июля продолжить наступление с задачей нанести удар своим левым крылом на юг в общем направлении на Знаменское – Богородицкое с целью перерезать железную дорогу и шоссе Орел – Брянск, а частью сил наступать на юго-восток, чтобы совместно с 61-й А завершить окружение и уничтожить болховскую группировку противника, а в дальнейшем во взаимодействии с войсками БрФ разгромить орловскую группировку немцев. Для этого на левом фланге армии соединения 8-го гвардейского и 5-го танкового корпусов обходили Болхов с запада, стремясь перерезать единственную шоссейную дорогу, связывавшую болховскую группировку немцев с тыловыми районами. Одновременно войска 61-й А наступали с рубежа Рагозино (исключительно) – Мельщино, окружая Болхов с севера и с востока, создав угрозу блокирования дороги Болхов – Орел. В центре, силами 1-го и 25-го танковых, 36-го стрелкового корпусов и группы генерала Федюнькина советские войска продолжали развивать наступление на юг, на Хотынец, до которого оставалось 15–20 км. Передовые отряды группы генерала Федюнькина даже прорвались к шоссейной дороге Карачев – Орел западнее Хотынца и временно блокировали ее на узком участке в районе села Малое Юрьево, однако не удержались и отступили под ударами подошедших в этот район резервов противника. На правом фланге, передав участок до селения Дудоровский войскам 11-й А, введенной из резерва фронта, 11-я гв. А сократила полосу наступления примерно на одну треть, что позволило перегруппировать управление 16-го гв. ск на Хотынецкое направление, вывести 31-ю гв. сд в армейский резерв, 169-ю сд передать в 36-й гв. ск, а 1-ю гвардейскую дивизию сосредоточить на направлении главного удара вместе с 11-й и 16-й гвардейскими дивизиями. Вместе с тем германское командование не собиралось пассивно ожидать разгрома своих войск. Поскольку дальнейшее продвижение противника на Хотынецком и Болховском направлениях означало блокирование основных

сообщений 2-й ТА и окружение болховской группировки, генерал Модель отдал генералу Гарпе приказ предпринять все меры по удержанию линий коммуникаций Орел – Карачев, Болхов – Хотынец, Болхов – Орел. В соответствии с этим приказом командующий группы «Гарпе» собрал в районах Чупахино – Шемякино – Войново крупные силы пехоты и танков из состава двух моторизованных (25-я, 10-я) и четырех танковых (4, 9, 18, 20-я) дивизий. С утра 20 июля эти соединения при сильной артиллерийской и авиационной поддержке нанесли контрудары юго-западнее Болхова на участке Волобеева – Войново, обеспечивая фланг и тыл болховской группировки и дорогу Болхов – Хотынец.

В ночь на 20 июля генерал Гарпе сосредоточил 4-ю танковую и 10-ю моторизованную дивизии генералов Дитриха Заукена и Августа Шмидта на участке 9-й тд генерала Вальтера Шеллера юго-восточнее Красниково (по советским данным, здесь насчитывалось около 160 танков), а в районе Войново, где действовали части 18-й и 20-й танковых дивизий генералов Шлибена и Кесселя, – боевую группу в количестве более полка пехоты (здесь было 45 танков) [266 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 374, 720.]. Утром 20 июля немцы после часовой артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление, чтобы концентрическими ударами окружить и уничтожить противостоящие части 8-го гвардейского стрелкового и 5-го танкового корпусов 11-й гв. А. Достигнув на этом направлении двойного превосходства в танках, с помощью массированных ударов авиации им удалось установить полный контроль над дорогой Болхов – Хотынец, а также овладеть несколькими узлами сопротивления юго-восточнее Столбее, которые накануне были взяты русскими. Части 108-й сд полковника Теремова были выбиты с позиций на участке Болховского шоссе Руднево – Долбилово, в борьбе за который дивизия 18 и 19 июля потеряла более половины своего боевого состава. Однако окружить и уничтожить стрелковые части 83-й гвардейской, 108-й и 217-й стрелковых дивизий, а также бригады 5-го тк не получилось, – они отошли и закрепились в районе Кареньяево – Столбее.

По информации штаба 11-й гв. А [267 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 35 об. – 36 об.], 20 июля противник, сосредоточив на узком участке части 4, 18 и 20-й танковых и 10-й моторизованной дивизий, насчитывавшие вместе до 200 танков и САУ и около четырех полков пехоты, этими силами провел успешную контратаку против частей 108-й сд и 5-го тк, оттеснив их от большака Болхов – Карачев; при этом потери немцев составили до 3 тыс. военнослужащих убитыми и ранеными, 64 танка и 13 САУ, 20 бронемашин.

21 и 22 июля германские войска продолжали наносить частные контрудары на фронте шириной до 40 км с целью отбросить противника в леса севернее и северо-западнее дороги Болхов – Хотынец: из района Студенка на Ильинское, на участке 16-го гвардейского стрелкового и 1-го танкового корпусов – силами 253-й пд; из района Узкое на Сенки, на участке 36-го гвардейского стрелкового и 25-го танкового корпусов – силами 9-й и 4-й танковых дивизий; из района Шемякино и Ветрово на Кареньяево и Столбее, на участке 8-го гвардейского стрелкового и 5-го танкового корпусов – силами 10-й моторизованной, 20-й и 18-й танковых дивизий. Контрудары поддерживались авиацией 6-го ВФ, которая 21–23 июля прикрывала район боевых действий на фронте Жиздра – Зикеево – Карачев – Болхов, вела разведку и наносила бомбардировочные удары по

вражеским войскам (однако, если 21 июля с ее стороны было отмечено 120 самолето-пролетов, то 23 июля уже только 60, в то время как 1-я ВА совершила за эти сутки свыше 518 и 373 самолето-вылетов соответственно, в том числе более половины ночных, для ударов по коммуникациям и транспортным узлам противника в районах Зикеево и Хвастовичей) [268 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 35 об. – 36 об.]. В результате к исходу 22 июля части 11-й гв. А местами вынуждены были отступить к границе лесного района западнее Болхова, но этот успех достался немцам ценой больших потерь – так, по советским данным [269 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 48.], в районе Ветрово, Долбилово, Руднево за 20 июля противник потерял 64 танка, 18 самоходных орудий и 20 бронемашин. В бою 22 июля погиб командир 1-го батальона 35-го тп 4-й тд майор Ганс Коссель (Hans-Detloff Cossel, командование батальоном принял капитан Фриц Шульц (Fritz-Rudolf Schultz). В связи с потерями 18-я и 20-я танковые дивизии объединили свои силы в общую боевую группу на базе 21-го танкового батальона 20-й дивизии под командованием капитана Вольфганга Дариуса (Wolfgang Darius), которая насчитывала 30 боеготовых танков и по 40–45 человек в панцер-гренадерских ротах [270 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 253.].

Кроме того, немцы наносили контрудары на узких участках в полосе вражеского наступления, развивавшегося на широком фронте, что привело к встречным боям и прорывам рубежей с обеих сторон. В связи с этим, например, 10-я моторизованная (панцер-гренадерская) дивизия, которая была переброшена на Болховское направление с фронта 9-й А и к 20 июля развернула свои основные силы на правом фланге 9-й тд, не столько участвовала в контрударе, сколько отражала атаки русских. Командир дивизии генерал Август Шмидт (August Schmidt) свидетельствует [271 - См.: Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». С. 264–266.], что 21 июля его части должны были контратаковать в направлении Столбчее и Кареньяево, однако на рассвете этого дня советские войска крупными силами прорвались на стыке 9-й танковой и 10-й моторизованной дивизий, выйдя к наблюдательным и командным пунктам 20-го панцер-гренадерского полка полковника Зигфрида Вальтера (Siegfried Walther). Прорыв был ликвидирован только за счет привлечения танкового батальона 9-й тд. По этой причине, а также из-за недостатка артиллерийских боеприпасов намеченная контратака не состоялась, и дивизия перешла к обороне на занимаемых позициях. Утром 22 июля противник вновь атаковал в направлении на село Большая Чернь крупными силами пехоты при поддержке более 20 танков и авиации. Панцер-гренадеры 41-го панцер-гренадерского полка под командованием полковника Герхарда Вебера (Gerhard Weber) пропустили танки в тыл, где они были встречены штурмовыми и самоходными противотанковыми орудиями, а также огнем тяжелой зенитной артиллерии. В течение дня русские трижды повторяли атаки, но дивизия удержала позиции, организовав контратаки и уничтожив 16 танков советского 4-го тяжелого танкового полка (4-й гв. отдельный тпп из состава 11-й гв. А, вооруженный тяжелыми танками КВ-1С-1. – П. Б.).

Потери 10-й мд с 1 по 22 июля составили более 2260 солдат и офицеров убитыми и ранеными [272 - См.: Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». С. 266.]. По-видимому, 21 июля контратака 10-й мд не состоялась еще и потому, что наступательные действия соединения не были поддержаны со стороны соседней 9-й тд, командир которой, генерал Вальтер Шеллер (Walter Scheller), отказался «бессмысленно» растрачивать силы и

средства в контратаках на Красниково [273 - См.: Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны // Дэвид Гланц, Джонатан Хауз; пер. с англ. Н. П. Григорьева. М.: Астрель; АСТ, 2007. С. 251.]. Вальтер Модель немедленно отстранил Шеллера от командования дивизией (в октябре 1943 года генерал Шеллер стал командиром пехотной дивизии, а ровно через год после боев под Красниково и через три года и один месяц после начала войны на Восточном фронте, 22 июля 1944 года, он погиб, командуя гарнизоном города Брест-Литовска, по существу являясь комендантом Брестской крепости), а на его место был назначен полковник Эрвин Йолласе (Erwin Jollasse).

В целом благодаря сосредоточению крупных сил на Болховском направлении немцам удалось временно остановить здесь наступление противника и ликвидировать угрозу окружения своей болховской группировки, причем советский 5-й тк понес в боях такие потери, что был выведен в армейский резерв и сосредоточен в районе Подлесная Слобода – Городок – Ягодная (в частности, уже к исходу 20 июля в корпусе оставалось только 10 боеготовых танков [274 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 382.]). Однако 23 июля части 36-го гвардейского стрелкового и 25-го танкового корпусов вновь перешли в наступление и 25 июля достигли утраченных рубежей, которые представляли им удобное исходное положение для удара с целью ликвидации болховской группировки противника, – заняли рубеж Дерлово – Кареньятево, а 8-й гв. ск, перегруппировав свои силы, закрепился на рубеже Столбчее – Кривчее.

В то же время германскому командованию срочно потребовались дополнительные силы для укрепления обороны северозападнее и западнее Хотынца, где со стороны неприятеля ранее действовали только две гвардейские стрелковые дивизии группы генерала Федюнькина, растянутые на широком фронте. Соответственно, германские войска здесь также были крайне малочисленны, ограничиваясь в основном заслонами и отрядами прикрытия, тем более этому способствовали естественные условия – лесисто-болотистая пересеченная местность. Однако, во-первых, к исходу 20 июля стрелковые части группы Федюнькина заняли населенные пункты Букинский Завод, Буки, Кудрявец, вышли на рубеж Коссы – Алехино – Юрьево – Умрихино и завязали бои за овладение Терebenь, Алехино, Юрьево, Малое Юрьево, Умрихино, фактически перерезав железнодорожное сообщение между Хотынцом и Карачевом, поскольку линии коммуникаций оказались в зоне артиллерийского обстрела. Во-вторых, 11-я общевойсковая армия генерала Федюнинского 20 июля заняла исходное положение для наступления на Хвостовичском направлении. В-третьих, в этот же день 16-й гв. ск сдал свою полосу частям 11-й А, передал 31-ю гв. сд в армейский резерв, 169-ю сд – в 36-й гв. ск, а 1-я и 16-я гвардейские стрелковые дивизии к 21 июля перегруппировались к югу, получив задачу частью сил удерживать рубеж Долина – Кудрявец, а главными силами наступать на юг, выйти в район станции Хотынец и надежно блокировать железную дорогу и шоссе Брянск – Орел. С 21 июля группа генерала Федюнькина с вошедшими в ее состав 1, 11 и 16-й гвардейскими стрелковыми дивизиями была передана под управление штаба 16-го гв. ск под командованием того же Федюнькина. С выходом частей этого корпуса в район западнее Хотынца и к участку шоссе Карачев – Орел в районе Малое Юрьево, вследствие чего шоссе оказалось под наблюдением и артобстрелом со стороны советских войск [275 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 403.], возникла реальная угроза блокирования

орловской группировки немцев и прекращения ее связи с Брянском. Соответственно, на данном направлении немцам необходимо было срочно усиливать оборону и организовывать еще один частный контрудар, позволяющий отбросить неприятеля и обеспечить основную линию коммуникаций 2-й танковой и 9-й полевой армий. Германское командование предполагало возможность такого развития ситуации, поэтому еще в середине июля начало стягивать силы, чтобы прикрыть железную дорогу и шоссе Брянск – Орел с севера. К 20 июля на участке Ловатянка – Студенка были сосредоточены части 707-й и 253-й пехотных дивизий, 1 егерский, 1 автопарковый и 2 отдельных б-на. Однако этих сил явно не хватало для того, чтобы отбросить русских, поэтому до 23 июля сюда дополнительно прибыли 45-й охранный полк 221-й охранной дивизии (под командованием подполковника Йоханнеса Виманна (Johannes Wiemann), еще 2 автопарковых и 1 строительный батальоны (по данным штаба 11-й гв. А – всего до 1,5 тыс. солдат и офицеров [276 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 34 об.]), а с 23 по 25 июля развернулись части мд «Великая Германия» (переброшенные из района Белгорода), а также части 95-й пд (передана из состава 39-го тк 4-й А группы армий «Центр»).

С 20 июля немцы начали местные контратаки на всем фронте 16-го гв. ск, в результате которых им удалось вклиниться в его расположение на правом фланге и захватить населенные пункты Кудрявец и Буки, создав угрозу для фланга и тыла передовых 11-й и 16-й гвардейских стрелковых дивизий, которые были вынуждены перейти к обороне на участке Харитоновка – Юрьево – Сорокино протяженностью около 65 км [277 - См.: Документы. Приложение I // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 721.]. Основной целью контратак немцев на этом участке стало вытеснить неприятеля из района Юрьево и Малое Юрьево, поэтому здесь были задействованы более крупные силы пехоты и штурмовые орудия. Приближение советских войск к железной дороге позволило командованию 2-й ТА также ввести в бой отряд бронепоездов, которые поддерживали контратаки своих частей артогнем (по некоторым данным [278 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 256.], один из бронепоездов при этом был уничтожен советской штурмовой авиацией на линии дороги Терebenь – Буки, а два повреждены).

Командующий 11-й гв. А немедленно передал командующему корпусом генералу Федюнькину 31-ю гв. сд гвардии полковника Ивана Щербины (Иван Кузьмич Щербина, его ординарцем и связным при штабе служил тринадцатилетний сын Щербины [279 - На огненной дуге. М.: Воениздат, 1963. С. 222.]), находившуюся в армейском резерве, а командующий 36-го гв. ск генерал Ксенофонтов направил стрелковый полк 169-й сд генерала Еременко против частей противника, контратакующих левый фланг 16-го корпуса в районе Сорокино. Одновременно генерал Баграмян приказал 4-й сд полковника Дмитрия Воробьева (Дмитрий Демьянович Воробьев), переданной ему во временное подчинение из состава 11-й А, наступать от Еленска на Терebenь, чтобы совместно с действовавшими здесь частями разгромить немецкую группировку в районе Терebenь – Букинский завод – Кудрявец, обеспечив правый фланг 16-го гв. ск и наступление его левофланговых частей на юг. В ходе завязавшихся боев части корпуса к исходу 24 июля удержали позиции на левом фланге, где оборонялись совместно с 1-м тк, улучшили свое положение на правом фланге, отбросив немцев за реку Ресета, заняли рубеж: переправа у Красное – разъезд Буки – Коссы, но вынуждены были отступить в центре, оставив Малое Юрьево.

По свидетельству Петра Кириченко [280 - Кириченко П. Указ. соч. С. 144–151.], для изменения соотношения сил на Хотынецком направлении командующий ЗапФ 20 июля принял решение прямо с марша ввести в сражение 11-ю А генерала Федюнинского на стыке 50-й и 11-й гвардейской армий с задачей наступать в направлении Хвастовичей. К сожалению, эта помощь оказалась запоздалой для 1-го тк, так что ночь и день 20 июля стали для него особенно неудачными, можно сказать, роковыми. Накануне корпусная разведка выявила на пути наступления сильный опорный пункт противника в районе сильно изрезанного оврагами села Ильинское, насыщенный большим количеством противотанковой артиллерии и обороняемый батальоном немцев и батальоном власовцев. С наступлением темноты 159-я тбр атаковала Ильинское и к полуночи неожиданно легко прорвалась через него, но это оказалось подстроеной противником ловушкой. Встреченная с фронта сильным огнем артиллерии из населенного пункта Студеновка, бригада попыталась отойти обратно в Ильинское, однако была обстреляна с коротких дистанций из огневых точек во дворах, садах и огородах Ильинского. Малочисленный десант автоматчиков бригады, неся большие потери, не мог обеспечить действия танков. В результате этого при прохождении бригады через Ильинское в северном направлении она понесла большие потери. В бою за Ильинское погиб командир 351-го танкового батальона майор Иван Дмитриевич Немов. Выйдя в район в полукилометре северо-восточнее Ильинского, бригада оставшимися силами продолжала вести огневой бой. В течение дня противник крупными силами танков и мотопехоты контратаковал части корпуса, вернул себе Коробецкую, Волобеевку, Букино. Противотанковая и бомбардировочная авиация группами по 20–30 самолетов вновь непрерывно штурмовала боевые порядки частей корпуса. В результате корпус за ночь и день боя 20 июля потерял 53 танка и 2 САУ, в том числе 48 танков и одна СУ-122 сгорели от вражеских авиабомб. Эти потери оказались критическими и в значительной степени повлияли на дальнейшую судьбу корпуса. Понятно, что в таком ослабленном составе он уже не мог выполнять функции оперативного наступательного соединения. По всем канонам, установленным приказом Народного комиссариата обороны № 325 от 16 октября 1942 года, танковый корпус как фронтовое или армейское средство подлежал доукомплектованию до штатной численности и последующему использованию в полном составе по прямому назначению в качестве эшелона развития успеха на главном направлении. Решиться на иное использование корпуса целиком или по частям, в том числе в качестве тактического средства для непосредственной поддержки пехоты, было для армейского командования большим риском, так как означало фактическое нарушение приказа, подписанного «самим» Сталиным. Тем не менее в течение последующего периода пребывания 1-го тк в подчинении ЗапФ, вплоть до его передачи 29 июля в распоряжение БрФ, корпус неоднократно использовался в качестве некоего нештатного подвижного танкового резерва для придачи целиком или по частям тем общевойсковым соединениям, у которых по той или иной причине дела шли плохо. Вопрос о том, можно ли априори, без конкретного анализа обстановки, однозначно упрекать в этом фронтовых и армейских начальников, достаточно сложен. Но то, что такие решения ставили части корпуса в крайне тяжелое, порой критическое, а иногда и безвыходное положение, было вполне очевидным. Так, своей шифрограммой № 324/Ш от 20 июля генерал Мостовенко приказал корпусу выделить одну танковую бригаду для совместных действий с частями 18-й гв. сд по уничтожению опорного пункта противника в районе Узкое. Несмотря на тяжелейшее положение 1-го тк в связи с понесенными потерями, командиру корпуса пришлось

выделить остатки ослабленной 159-й тбр в составе пяти средних танков Т-34 и пяти легких танков Т-70 в распоряжение пехоты. Совершив марш из района Ильинское по маршруту Льгово – Булатово – Низина – Михайловка – Нижняя Шкава, бригада к 17 часам 20 июля сосредоточилась в лесу в одном километре юго-западнее Нижней Шкавы, где в течение ночи постаралась привести себя в порядок. К 12 часам 21 июля по указанию командира 18-й гв. сд генерала Михаила Завадовского бригада заняла исходные позиции в одном километре северо-западнее Сизенского для совместных действий с 51-м гв. сп гвардии полковника Константина Карнова. Этот полк также был ослаблен в результате ранее понесенных потерь и к тому времени насчитывал всего 60 активных штыков. Несмотря на более чем скромные наличные силы танкистов и пехотинцев, командование 18-й гв. сд решило предпринять этими силами немедленное наступление в направлении на Узкое с целью ликвидации опорного пункта противника. В 17 часов 21 июля танки атаковали противника в направлении на Шумовский – Пискулинку – Узкое. Решительность танкистов дала кратковременный тактический эффект. В результате стремительной атаки они овладели Шумовским и к 17.30 достигли оврага в полукилометре северо-западнее Пискулинки. Но здесь они были встречены ураганным огнем из района Пискулинки и понесли большие потери. Противником были сожжены все 5 танков Т-34 и 1 танк Т-70, подбиты еще 2 танка Т-70. Погибли 9 танкистов, 11 человек были ранены. После подхода к злосчастному оврагу отставшей пехоты 51-го гв. сп танкисты 159-й тбр с уцелевшими двумя танками Т-70 вернулись в район исходных позиций. Ничего, кроме бессмысленных потерь, такое использование танковой бригады не принесло. Чтобы сберечь людей и оставшуюся технику корпуса, генерал Бутков решил отвести 117-ю и 89-ю танковые бригады и 1437-й сап в лес северо-западнее населенного пункта Низина, который обороняла 44-я мсбр. Сюда комкор приказал эвакуировать подбитые и застрявшие машины, принять меры к их восстановлению и к эвакуации раненых. В 00 часов 25 минут 23 июля от генерала Мостовенко был получен приказ: 1-му тк совместно с частями 36-го гв. ск (126-й и 18-й стрелковыми дивизиями) атаковать противника в южном направлении на Шестаково – Узкое и уничтожить его силы в районе Кобыльское – Узкое – Сорокино. Начало наступления стрелковых дивизий было указано в 4 часа 15 минут. Во исполнение этого приказа генерал Бутков принял решение из числа всех боеспособных танков 89, 117 и 159-й танковых бригад сформировать две полноценные танковые роты под командованием командира танкового батальона 117-й тбр и совместно с 44-й мсбр в течение ночи провести подготовку к выполнению поставленной задачи. В 7 часов 30 минут 23 июля после 10-минутного огневого налета артиллерии и минометов 44-я мсбр силами двух мотострелковых батальонов во взаимодействии с двумя вновь сформированными танковыми ротами перешла в наступление в направлении Шестаково. Преодолевая жесткое сопротивление противника, танкисты и мотострелки к 9 часам овладели Сорокино, к 12 часам – населенными пунктами Кобыльское и Коробецкая, к 17 часам после упорного боя выбили противника из Шестаково, к 22 часам овладели Киреево. За день боя корпус потерял 17 человек убитыми, 88 человек получили ранения, 3 танка Т-34 сгорели, 1 танк подорвался на mine, еще один получил боевое повреждение. В то же время противник потерял около 200 солдат и офицеров, 5 танков, 2 самоходных орудия, 7 противотанковых орудий, 8 пулеметов. В ночь на 24 июля наступление 44-й мсбр с двумя танковыми ротами было возобновлено. Противник упорно удерживал рубеж Ильинское – Брежневский – Волобеевка – Ракитинский – Плеханово – Пазники – Первомайский – Узкое. При этом в

районе Брежневского, по данным разведки, находилось до полка пехоты и 14 танков противника, в районе Волобеевка – Ракитинский – до батальона пехоты с артиллерией и танками, в районе Лазников – батальон пехоты и до 20 танков.

Как видно, тех сил, которые советское командование спешно сосредоточило на участке 16-го ск с целью дальнейшего наступления на Карачевском и Хотынецком направлениях, а это были стрелковые соединения и ослабленные боями части 1-го тк, оказалось недостаточно для развития операции. 25 июля противник окончил сосредоточение резервов и нанес на участке корпуса контрудар, поддержанный сильным артогнем и авиацией. По советским данным [281 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 376.], одна группа силами до пехотной дивизии с 50 танками при поддержке двух бронепоездов наступала от Башмаково и Аболмасово, а другая – до двух полков пехоты с 10 танками, атаковала в районе Алехино. После упорных боев, длившихся целый день, советские войска под давлением противника вынуждены были отойти в этом районе на север. В то же время правофланговые части 16-го гвардейского корпуса совместно с 4-й сд 11-й А овладели Теребень и Кудрявец. К исходу 25 июля 16-й ск вел бои на рубеже Шишков – переправа у Красное – разъезд Буки – Коссы – Алисово – Ильинское – Льгово.

Таким образом, переходя в контратаки по мере прибытия резервов, немцы обеспечили линию сообщений Карачев – Орел, но им не удалось далеко отбросить советские войска, по-прежнему нависавшие с севера на участке Карачев – Хотынец над главной линией коммуникаций 2-й танковой и 9-й армий.

Кроме того, немцы не стабилизировали положение на правом фланге 11-й гв. А, тогда как советское командование именно здесь планировало ввести в сражение крупные резервы. К 11 часам 20 июля на стыке 50-й и 11-й гвардейской армий развернулась 11-я общевойсковая армия, которая совершила за шесть дней 160-километровый марш и заняла исходное положение для наступления на рубеже Чище – северная окраина Моилово (исключительно, поскольку этот пункт еще удерживался немцами), и далее на юго-восток по реке Ресета до переправы у Кцынь. Однако, к счастью для немцев, эта армия вводилась в бой с ходу, не закончив сосредоточения и подготовки к наступлению, поскольку командование ЗапФ решило, что обстановка требует немедленного сокращения фронта 11-й гв. А и обеспечения ее правого фланга. В связи с этим только четыре стрелковые дивизии вышли в назначенные им районы, в то время как остальные были еще на марше и сосредоточивались на местах до 22 июля. Пехота была утомлена длительным маршем по плохим дорогам, размытым дождями. По причине недостатка транспорта артиллерия растянулась, тылы отстали, а пехотинцам пришлось тащить на себе почти все тяжелое оружие и боеприпасы. На проведение разведки, организацию взаимодействия на местности, пристрелку артиллерии, приведение частей в порядок и подтягивание отставших времени не было. Несмотря на все это, выполняя приказ командования ЗапФ, генерал Федюнинский решил нанести главный удар в направлении на Хвастовичи, развернув в первом эшелоне в полосе протяженностью 25 км четыре стрелковые дивизии (135, 260, 273, 369-я дивизии), во втором эшелоне – три стрелковые дивизии (4, 96, 197-я дивизии), и одну дивизию (323-я) вместе с танковым полком оставив в резерве (по некоторым данным [282 - См.: Огненная дуга. С. 413.], 20 июля в бой были введены

только две стрелковые дивизии 11-й А – 135-я и 369-я дивизии под командованием полковников Александра Никитича Соснова и Ивана Васильевича Хазова, причем к этому времени в составе армии было три танковых полка, два из которых поддерживали наступление первого эшелона, а третий оставался в резерве) [283 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 386; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 281.]. Со стороны противника на участке 11-й А оборонялись 211-я и 183-я пехотные дивизии, 57-й отдельный охранный полк, а также основные силы 5-й тд (за исключением некоторых моторизованных пехотных, артиллерийских, истребительно-противотанковых и саперных подразделений, переданных на усиление 95-й и 707-й пехотных дивизий [284 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 178–179.]).

Германская разведка не обнаружила прибытия управления 11-й А – согласно обобщенной оценке обстановки разведывательным отделом штаба ГА «Центр» на 20 июля и сводке штаба на 21 июля [285 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 793. Л. 2–3, 169–170.], противник намеревается силами 1-го тк прорываться в направлении Хотынец с целью перекрыть шоссе и железную дорогу Брянск – Орел и потом захватить Карачев, наступая с востока. Одновременно его 16-й гв. ск должен будет, переправившись через реку Рессета, прорываться в направлении на Хвастовичи и оттуда выйти к Карачеву с севера. Может случиться так, что противник последует этому плану, поскольку 16-й гв. ск пытался прорвать оборону у Моилово. Немецкая 5-я тд ведет тяжелые оборонительные бои с противником, который усилился еще на три дивизии.

В 12.30 20 июля после получасовой артподготовки войска 11-й А перешли в наступление. При этом сразу же сказалось отсутствие тщательной подготовки наступательных действий, из-за чего командиры не получили времени для рекогносцировки и уточнения вопросов взаимодействия, а сведения о противнике оказались неточными. Плотность артиллерийских средств, сосредоточенных для поддержки наступления, составила около 63 стволов на 1 км фронта, поскольку значительная часть артиллерийских частей еще находилась на марше [286 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 386.]. Отсутствие точных данных об обороне противника и его огневой системе, неполная готовность артиллерии, которая вела огонь по площадям, не успев организовать артиллерийскую разведку и наблюдение, недостаточная обеспеченность ее боеприпасами – все это не позволило подавить огневую систему противника в ходе артподготовки. Наступающие стрелковые и танковые части 11-й А были встречены организованным огнем. Кроме того, в составе армии было много бойцов из Средней Азии: казахов, таджиков, узбеков, туркмен, которые все еще плохо понимали русский язык, что затрудняло управление отдельными частями и подразделениями [287 - Федюнинский И. И. Указ. соч. С. 156.]. Соответственно, первый день операции решительного успеха не принес, а бои приняли затяжной характер. Только правофланговая 260-я сд полковника Григория Мирошниченко (Григорий Кузьмич Мирошниченко), действовавшая в лесисто-болотистом районе южнее Лошево (Лешево), к 14 часам продвинулась на 3 км в юго-западном направлении, встречая незначительное сопротивление противника (со стороны немцев этот участок прикрывал только разведывательный отряд), однако сюда было затруднительно подтянуть тяжелую боевую технику, чтобы развить прорыв. Восточнее, на рубеже Брусны – Моилово – Кцынь,

завязались бои по прорыву вражеских позиций и овладению опорными пунктами – 273-я сд полковника Алексея Валюгина (Алексей Иванович Валюгин, Балюгин) в центре стремилась при поддержке танков прорваться из района Брусны, а также окружить Моилово (опорный пункт оборонялся группой 351-го гп 183-й немецкой пд), а 369-я дивизия полковника Хазова на левом фланге форсировала реку Рессета на участке Моилово – Кцынь, перерезала дорогу между этими пунктами и вышла на восточную окраину Кцыни (район этого опорного пункта удерживали 1 строительный и 2 саперных батальона противника).

Одновременно с войсками 11-й А, в 16 часов 20 июля возобновила наступление ударная группа, сосредоточенная на левом фланге 50-й А ЗапФ, которой была поставлена задача прорвать оборону противника на рубеже Палики – Немецкий – Полюдово – Алексеевский и выйти в район Зикеево – Щигры. На этом участке фронта оборонялись части 134-й и 211-й немецких пехотных дивизий, которые хорошо организованным огнем сопротивлением тринадцати артиллерийских и минометных батарей полностью блокировали наступательные действия пяти советских стрелковых дивизий (49-я, 64-я, 212-я, 324-я, 413-я дивизии).

В последующие дни продвижение советских войск по-прежнему шло медленными темпами – им приходилось преодолевать хорошо организованную вражескую оборону, причем немцы неоднократно предпринимали контратаки силами от роты до батальона пехоты при поддержке 5–6 единиц бронетехники, стремясь удержать подходы к опорным пунктам в Зикеево и Хвастовичи, где находились узлы рокадных дорог, обеспечивавшие возможность маневрировать силами вдоль фронта. Так, 21 июля части 11-й А заняли Моилово, а на следующий день Кцынь, однако в результате ряда сильных контратак противник снова овладел этими пунктами. Из Моилово немцев удалось выбить в тот же день, но вот в опорном пункте Кцынь они сумели закрепиться, поэтому его взяли только через двое с лишним суток, опять создав угрозу полного окружения вражеского гарнизона (советские части обошли Кцынь с юга и юго-запада).

23 июля командующий 11-й А сосредоточил за своим левым флангом 197-ю и 323-ю стрелковые дивизии второго эшелона и резерва, подошедшие в район боев. Используя эти соединения, армия прорвала оборону противника ударом на Колодязцы, заставив немцев отойти от Моилово и Кцыни. В течение 24 июля части 11-й А продвинулись от 2 до 5 км и вели бои по восстановлению положения в районе Кцынь. К исходу 25 июля 11-я А продвинулась на глубину около 15 км и вышла на рубеж: севернее Гранки – Меховая – Катунь – Харитоновка, где ее дальнейшее наступление приостановилось, поскольку вражеская оборона на этом рубеже была усилена частями немецкой 95-й пд генерала Эдгара Рерихта (Edgar Röhricht), переброшенной из состава 4-й А группы армий «Центр». Войска 50-й А ЗапФ в это же время не добились практически никаких успехов, так что оставались на прежнем рубеже вплоть до начала августа, а командованию ЗапФ изо дня в день приходилось доносить начальнику Генерального штаба, что армия генерала Болдина уничтожает противника огневыми средствами, производит перегруппировку, готовится к продолжению наступления, укрепляет занимаемые позиции [288 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 402–463.].

В итоге основная задача 11-й А – развить успех наступления 11-й гв. А и овладеть населенным пунктом Хвастовичи – осталась невыполненной (интересно, что архивные материалы об операциях 11-й А, проведенных в течение 1943 года, остаются засекреченными [289 - ЦАМО РФ. Ф. 357. Оп. 5971. Д. 164.]). Причинами этого явились недостаточная обученность войск, которые долгое время находились на оборонительных работах и не имели времени для боевой подготовки; вступление армии в бой с ходу, после 160-километрового марша, в результате чего люди были сильно утомлены, а стрелковые соединения, артиллерия и тылы растянуты на походе; отсутствие времени для того, чтобы организовать разведку и управление, наладить взаимодействие родов войск, произвести пристрелку артиллерии, подтянуть тылы; недостаточное материально-техническое обеспечение операции, поскольку армия имела большой некомплект транспорта и была вынуждена оставить основную массу грузов в районе Калуги [290 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 387.].

В специальной телеграмме от 23 июля 1943 года заместитель начальника ГШ Красной армии генерал Антонов указывал [291 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 387–388, 536.], что было бы целесообразнее использовать 11-ю А для удара южнее Кцыни с целью овладения Хвастовичами и наступления по кратчайшему направлению на Карачев. Ввод 11-й А на этом направлении мог привести к большему успеху из-за слабости здесь вражеской обороны, а также благодаря более тесному взаимодействию с частями 16-го гв. ск, а в дальнейшем и со 2-м гв. кк. Вместе с тем, отмечая недочеты в наступлении левого крыла ЗапФ, Антонов обратил внимание, что на направление главного удара 11-й гв. А было выделено недостаточное количество стрелковых дивизий; слабо прикрыто направление на Хвастовичи со стороны реки Рессета, поэтому противник захватил населенные пункты Терebenь и Кудрявец; танковые корпуса в районе Мыврино – Гнездилово с 17 июля вели тяжелые бои, не имея достаточной поддержки со стороны общевойсковых соединений, из-за чего понесли потери и были вынуждены перейти к обороне. Следовательно, хотя и с опозданием, но ввод в бой 11-й А позволил сократить фронт 11-й гв. А и освободить часть сил для действий на Болховском и Хотынецком направлениях, а также обеспечил эти действия с запада. Кроме того, одна из стрелковых дивизий 11-й А была временно передана в оперативное подчинение командования 11-й гв. А.

В целом, по мнению маршала Жукова [292 - Жуков Г. К. Указ. соч. С. 479.], с вводом резервов Ставка Верховного главнокомандования запоздала – 4-я ТА и 2-й гв. кк были переданы Ставкой в состав ЗапФ 18 июля, а к району боевых действий в полосе 11-й гв. А они подошли только 25–26 июля. 4-я ТА в составе 11-го и 30-го танковых, а также 6-го гвардейского механизированного корпусов (армия формировалась по директиве Ставки Верховного главнокомандования от 26 июня 1943 года в Московской области – в районах Солнечногорска, Загорска и Кубинки, на базе 19-го кк и 3-й гв. Краснознаменной мотострелковой дивизии (бывшей 82-й сд); по разным данным [293 - Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 352; Шишкин Н. Наступала грозная броня // Красная Звезда. 2003. 26 июня.], армия насчитывала свыше 37 тыс. человек личного состава, 308 орудий и 312 минометов, от 652 до 712 танков и САУ), сосредоточилась в районе Наро-Фоминска, откуда в период с 19 до 24 июля совершила комбинированный марш в район

Козельска. Гвардейский 2-й кк сосредоточился в районе Тросна – Клен, совершив 250-километровый марш из района Медыни по размытым непрерывными дождями проселочным дорогам. В состав корпуса входили 3-я и 4-я гвардейские и 20-я кавалерийские дивизии со средствами усиления: по три кавалерийских полка, танковый полк – 32 танка типа Т-34, артиллерийско-минометный полк – 8 орудий калибра 76 мм и 18 минометов калибра 120 мм в каждой дивизии, а также корпусные части: сап – 20 САУ типа СУ-76, гв. минполк – 8 реактивных установок типа М-8, иптап – 20 противотанковых пушек, зенитный арtpолк и минометный дивизион – 18 минометов калибра 120 мм [294 - См.: Севрюгов С. Н. Так это было... Записки кавалериста (1941–1945). М.: Воениздат, 1957. С. 173–174; ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 41.]. Таким образом, корпус имел на вооружении 44 полевых и противотанковых орудия, 72 крупнокалиберных миномета, 8 реактивных установок, 96 танков и 20 САУ. Поскольку конский состав корпуса был переутомлен маршем, командование предоставило кавалерийскому объединению два дня для подготовки к боевым действиям. По оценке ГШ Красной армии [295 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 378.], задержка с подходом 4-й ТА и 2-го гв. кк, а также неудачное наступление 11-й общевойсковой армии позволили противнику сосредоточить к участку прорыва 11-й гв. А крупные силы и восстановить линию обороны.

К 25 июля германское командование сумело развернуть на Зикеевском, Хвастовичском и Карачевском направлениях основные силы 296, 134, 183, 211, 95, 707-й охранной, 253-й пехотных дивизий, 5-й тд и мд «Великая Германия», а также ряд отдельных частей и подразделений. На Хотынецком и Болховском направлениях части 10-й и 25-й моторизованных, 4, 9, 18 и 20-й танковых немецких дивизий, ведя активные оборонительные бои, закрепились на рубеже Волобеева – Высокая – Кареньяево – Лучки, северо-западная окраина Болхова и с 23 июля начали производить оборонительные работы. Создав на этих направлениях линию полевой обороны, усиленной танками, немцы прикрыли левый фланг и тыл болховской группировки. Далее на восток и юго-восток оборонялись части 208, 112, 26-й пехотных и 12-й танковой дивизий, прикрывавшие подступы к Болхову и шоссе Болхов – Орел. Вместе с тем в целом положение на северном фланге 2-й ТА оставалось нестабильным, поскольку новая линия обороны была неустойчивой и могла не выдержать следующих ударов противника – вновь прибывшим из резерва крупным объединениям советских войск также следовало противопоставить какие-то дополнительные силы и средства.

Соответственно, германскому командованию требовалось создать собственные резервы для усиления угрожаемых участков, что было возможно только путем отвода войск из выступов линии фронта и сокращения общей протяженности полосы обороны. Одним из наиболее крупных выступов являлся укрепленный район вокруг города Болхова, где оборонялись части 26, 112 и 208-й пехотных, а также 12-й танковой дивизий, постепенный отход которых был начат уже 18–19 июля. В связи с этим, когда войска левого крыла 11-й гв. А отражали вражеский контрудар юго-западнее Болхова, войска 61-й А БрФ продвигались на юг и юго-запад и к 22 июля вышли на подступы к Лутовиново, приблизились к Болхову с севера и северо-востока и завязали бои на окраинах города.

Командование немецкой 2-й ТА изначально придавало Болхову большое значение, поскольку он являлся крупным узлом коммуникаций и важным центром снабжения войск армии. В связи с этим город был заблаговременно укреплен и сделан одним из наиболее мощных узлов сопротивления, на которые опиралась оборона северного фаса Орловского выступа. Сам Болхов, его пригороды и окружающие населенные пункты с помощью системы укреплений были объединены в один общий оборонительный район. С высот, окружающих Болхов, немцы могли наблюдать и простреливать все подступы к городу. Овраги с крутыми берегами, а также оборонительные сооружения и полосы инженерных заграждений усиливали оборону и затрудняли действия наступающих. Река Нугрь, прикрывавшая Болхов с востока и юга, стала оборонительным рубежом, препятствующим штурму города с этих направлений.

Учитывая, что подступы к городу и сам Болхов были так сильно укреплены, фронтальная атака с ходу не могла обеспечить успеха. Поэтому командующий 61-й А генерал Белов решил взять город сходящимися ударами, охватив его с трех сторон во взаимодействии с войсками 11-й гв. А. Согласно этому решению, 356, 97 и 415-я стрелковые дивизии 46-го ск генерала Эрастова, подошедшие к Болхову с севера и востока, получили задачу наступать на город от Скупшинино, от Морозово, с рубежа Новолутовинский – Бекетово. Для завершения окружения болховской группировки немцев и ее полной изоляции от войск противника, действовавших в районе Орла, на левом крыле 61-й А была создана группа в составе 76-й гвардейской, 110-й и 336-й стрелковых дивизий, усиленных 37-й отдельной легкой артбригадой и гвардейским минполком. Эта группа, возглавляемая заместителем командующего 61-й А генералом Григорием Халюзиным (бывший командующий 48-й А, снятый с должности в феврале 1943 года за неудачное наступление на Орел), должна была наступать с рубежа Анчаково – Тельче в общем направлении Петрищево – Самарка, выйти в тыл противнику южнее Болхова, перерезать сообщение Болхов – Орел, а затем уничтожить болховскую группировку противника совместно с войсками 46-го ск и левого крыла 11-й гв. А. С выходом группы на шоссе Болхов – Орел в ее состав включался 20-й тк (к началу боев за Болхов в корпусе осталось 13 боеготовых танков, сведенных вместе в составе 155-й тбр под командованием полковника Белочкина [296 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 283.]). После уничтожения противника в районе Болхова группу генерала Халюзина предполагалось использовать с целью охвата орловской группировки немецких войск с северо-запада, для чего повернуть ее на юг и развивать удар в общем направлении на Щербачево. Гвардейскому 9-му стрелковому корпусу 61-й А, ослабленному длительными напряженными боями, было приказано передать 76-ю гв. сд в группу генерала Халюзина, а остальными силами закрепиться на занимаемых рубежах.

С другой стороны, командование немецкого 53-го ак 2-й ТА готовилось к отводу своих сил из Болховского укрепленного района, рассчитывая задержать наступление противника действиями арьергардных отрядов на подступах к Болхову и сопротивлением гарнизона внутри городских укреплений. Для обороны укрепленного обвода города, западных и северозападных подступов к нему, а также удержания проходящего здесь участка дороги Болхов – Хотынец – основной коммуникации и главного пути отхода болховской группировки немецких войск, была создана корпусная оперативная группа из частей 208-й пехотной, 25-й моторизованной и 18-й танковой дивизий, возглавляемая командиром 18-й

тд генералом Карлом Шлибеном (Karl-Wilhelm Schlieben). Для обороны восточных и юго-восточных подступов к Болхову и прикрытия шоссе Болхов – Орел командование 53-го ак образовало еще одну оперативную группу, в которую вошли части 112-й и 26-й пехотных дивизий под общим управлением командира 26-й пд генерала Фридриха Визе (Friedrich Wiese). В самом городе оборонялись 511-й гп 208-й пд, 253-й гп 34-й пд и 350-й охранный полк, усиленные батареями 270-го батальона штурмовых орудий [297 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 21.].

22 июля войска 61-й А после сильной артиллерийской и авиационной подготовки начали штурм Болхова. Для этого были задействованы три стрелковые дивизии и одна стрелковая бригада (68-я) 46-го ск, 7-й акп РК (17-я артдивизия прорыва под командованием генерала Сергея Волкенштейна и 2-я тяжелая гв. миндивизия генерала Александра Тверецкого), 2-я штурмовая инженерно-саперная бригада, отдельные 36-й тп и 1539-й тяжелый сап [298 - См.: Огненная дуга. С. 615.]. Преодолевая упорное сопротивление хорошо закрепившихся немецких частей, 356-я дивизия полковника Михаила Григорьевича Макарова подошла к северной окраине города, 97-я дивизия генерала Петра Михайловича Давыдова ворвалась на его северо-восточную окраину, 415-я дивизия полковника Николая Кузьмича Масленникова завязала бои на юго-востоке Болхова. Противник, используя хорошо подготовленные для обороны здания и укрепления, везде оказывал сильное сопротивление, неоднократно переходя в контратаки, завязались уличные бои, во время которых отдельные кварталы города и его пригороды по несколько раз переходили из рук в руки. Особенно ожесточенное сопротивление немцы оказывали в центре и на юго-восточной окраине города, отдельные кварталы многократно переходили из рук в руки. 23 июля немцам удалось сильной контратакой выбить советские части из юго-восточного предместья Болхова – Зарецкой, однако под непрерывно усиливающимся натиском они вновь оставили Зарецкую и отступили в черту города.

Вместе с тем под прикрытием упорных боев за Болхов германские войска постепенно отходили из этого укрепленного района, используя линии сообщений Болхов – Орел (12-я тд) и Болхов – Хотынец (пехотные части и соединения). Теперь, чтобы не упустить возможность окружения и разгрома болховской группировки немцев и не позволить им создать резервы и перебросить силы на угрожаемые участки, советскому командованию требовалось оперативно организовать еще один сильный удар по противнику, используя поступившие в его распоряжение большие резервы – 4-ю танковую армию и 2-й гв. кк.

24 июля на командном пункте 11-й гв. А состоялось обсуждение ввода в бой 4-й ТА. По утверждению Баграмяна [299 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 235–236.], генерал Соколовский решил, что танковая армия, в составе которой насчитывалось около 500 боевых машин (по другим, более достоверным данным [300 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3. Соотношение бронетанковых сил под Курском. Приложение 4 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 362, 367.], 624 танка и 28 САУ), должна быть использована для наступления на Болхов, хотя сам Баграмян предлагал ввести армию на Хотынецком направлении, которое стало решающим и где имелись лучшие условия для действия танков. Кроме того, в своих воспоминаниях Баграмян отмечает, что он сомневался, разумно ли вводить в сражение

такую массу танков без соответствующей подготовки и обеспечения прорыва, поскольку они могут быть задержаны обороной противника и понесут неоправданные потери. Поэтому командование 11-й гв. А запросило несколько дней на подготовку ввода 4-й ТА в полосе 8-го гв. ск. Однако теперь уже командующий 4-й ТА генерал Василий Баданов стал горячо доказывать, что танковая армия может самостоятельно прорвать оборону и разгромить противника. Поскольку его мнение соответствовало замыслу командующего ЗапФ, окончательно было решено вводить танковую армию на Болховском направлении с ходу (с задачей продвинуться за первый день на 60 км, чтобы соединиться с частями 61-й А БрФ и окружить Болхов [301 - См.: Огненная дуга. С. 373.]).

Как видно, следуя примеру многих мемуаристов, всю ответственность за организацию наступления 4-й ТА Баграмян предпочел возложить на командующего армией генерала Баданова и командующего ЗапФ генерала Соколовского. Свое изложение событий Баграмян даже подкрепил ссылкой на авторитет маршала Жукова, который впоследствии якобы обсуждал с ним причины не совсем удачных действий 4-й ТА и выразил мнение, что решение на ее ввод в бой могло быть и получше [302 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 240.].

На Орловском направлении германские пехотные и танковые соединения 35-го ак 2-й ТА в ночь на 20 июля начали отход в западном направлении на рубеж рек Ока и Оптуха, и в юго-западном – на рубеж реки Оптушка. Генерал Рендулич отмечает [303 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 185.], что в ночь с 19 на 20 июля все намеченные передвижения войск корпуса проводились планомерно, без серьезных помех со стороны противника. Однако, по другим данным [304 - См.: Огненная дуга. С. 443; Якубовский И. И. Указ. соч. С. 133.], в течение этой ночи бригады 12-го тк 3-й гв. ТА, преследовавшие вражеские арьергарды, продвинулись еще на 10–15 км, причем 30-я тбр под командованием подполковника Михаила Новохатько перерезала железную дорогу Орел – Елец и овладела поселком Золотарево, а 97-я тбр полковника Потапова завязала бой за населенный пункт Степь; бригады 15-го тк в ночь на 20 июля вели бои на рубеже Майский – Казинка – Огурчики, но из-за сильного сопротивления частей 8-й тд противника продвижения не имели. Авиация 15-й ВА наносила сильные удары по путям отхода противника и его переправам через реку Ока.

К утру 20 июля войска 3-й гв. ТА полностью преодолели оборонительный рубеж противника по реке Олешня, оттеснили занимавшие его части трех пехотных и двух танковых дивизий и продвинулись в западном направлении на 10–12 км, а в юго-западном – до 20 км, способствуя наступлению 3-й и 63-й армий. В связи с этим, учитывая, что наступление 3-й гв. ТА на Становой Колодезь, а войск ЦФ на Кромы не получило необходимого развития, Ставка Верховного главнокомандования решила в первую очередь разгромить отступающую на Орел мценскую группировку. Действуя по указаниям Ставки, командующий БрФ приказал командующему 3-й гв. ТА развернуть войска почти под прямым углом и с утра 20 июля наступать в северо-западном направлении с задачей к исходу дня выйти в район Отрада (Старая Отрада), где перерезать шоссейную и железную дороги Орел – Мценск, а 21 июля ударом на Мценск завершить уничтожение мценской группировки и овладеть городом Мценском.

В действительности никакой мценской группировки противника не существовало, и в районе этого города находились только арьергардные отряды и заслоны 56-й пд 35-го ак, уже двое суток прикрывавшие отступление дивизии к реке Оке, вслед за 34-й дивизией. Однако командование БрФ предпочло следовать тому решению, которое было принято еще до ввода в сражение 3-й гв. ТА, но зато соответствовало планам самого Верховного главнокомандующего.

Так, маршал бронетанковых войск Советского Союза Иван Якубовский, который в ходе Орловской операции командовал 91-й отдельной тбр 3-й гв. ТА, указывает [305 - Якубовский И. И. Указ. соч. С. 133–134.], что танковая армия имела реальную возможность развить удар в юго-западном направлении, оказав весьма существенное влияние на дальнейший ход операции, и особенно на бои за Орел, но, к сожалению, этого не произошло. Командование БрФ, располагая данными о начале отхода мценской группировки противника на Орел, доложило об этом в Ставку, одновременно сообщив, что якобы из-за сильного сопротивления противника путь 3-й гв. ТА на запад закрыт. В результате Ставка, видя к тому же, что и наступление ЦФ на Кромы не получило развития, решила в первую очередь разгромить отходящую мценскую группировку. Она приказала командующему БрФ использовать для этой цели не только 3-ю А генерал-лейтенанта Горбатова, но и 3-ю гв. ТА, которая получила задачу наступать на северо-запад, в районе Отрадное перерезать шоссейную и железную дороги Орел – Мценск, с тем чтобы в дальнейшем завершить уничтожение мценской группировки противника и овладеть Мценском.

С другой стороны, генерал Сергей Штеменко, один из руководителей Оперативного управления ГШ Красной армии, сообщает [306 - Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 222–225.], что при подготовке операции «Кутузов» решался вопрос о дополнительном усилении БрФ танками и самоходными орудиями, поскольку оборона противника была здесь очень сильной, с большим количеством долговременных огневых точек, и пехота никак не могла преодолеть ее без непосредственной поддержки средствами бронетехники. Кроме того, танки были необходимы и для развития успеха. Маршал Жуков доложил об этом Сталину, и фронт получил два танковых корпуса, однако для развития успеха танков все-таки не хватало. Тогда в Ставке изучили возможность передачи в распоряжение фронта 3-й гв. ТА, которая формировалась в полосе фронта в районе Плавска в составе двух танковых и одного механизированного корпусов и отдельной танковой бригады. С учетом общей обстановки и перспектив развития оперативной ситуации, Ставка оставила эту армию в своем резерве, однако из полосы фронта ее не передислоцировали.

Наступление БрФ началось 12 июля, и здесь быстро проявилась относительно слабая насыщенность войск танками непосредственной поддержки пехоты. Прорыв развивался низкими темпами, а через пять дней, 17 июля, на глубине в 22 км у тылового рубежа по реке Олешня продвижение совсем остановилось. На этом рубеже оборонялись войска так называемой мценской группировки противника, образовавшей вклинение между главными силами Западного и Брянского фронтов, что серьезно осложняло межфронтное взаимодействие.

Особенные сложности испытывал БрФ, являвшийся связующим звеном во всей системе Орловской операции. Наступая на Орел с востока, он должен был своим правым флангом взаимодействовать с войсками ЗапФ на Болховском направлении и в то же время главными силами содействовать ЦФ, который с 15 июля начал наступление на Кромы. В результате силы БрФ разделились и постепенно убывали, создалась реальная угроза нарушения общего плана разгрома противника под Орлом. Для поддержания высоких темпов решения задачи, быстрого преодоления обороны врага и развития дальнейшего успеха БрФ срочно требовалась помощь силами и средствами. В ходе очередного анализа обстановки за истекшие сутки в Генеральном штабе пришли к выводу, что наступил момент передать БрФ 3-ю гв. ТА. Были изучены ее возможные задачи и способы их выполнения, в том числе при ударе на Орел, причем непосредственное овладение городом с помощью танковой армии расценивалось как весьма невыгодное. Сталин согласился передать БрФ 3-ю гв. ТА, одобрил предложения Генерального штаба по части ее задач и сам сообщил об этом командующему фронтом генералу Попову. В разговоре с Поповым Верховный главнокомандующий, помимо прочего, дал краткую оценку положения под Орлом и изложил задачи войск. Согласно его оценке, важнейшей задачей БрФ является разгром мценской группировки противника и выход 3-й общевойсковой армии на рубеж реки Ока. При этом 3-я гв. ТА должна нарушить устойчивость обороны противника вначале в полосе наступления 3-й, а затем и 63-й армий БрФ. Генерал Попов высказал опасения, что можно погубить танки, если двинуть их на штурм Орла, и Сталин согласился с ним, посоветовав в уличные бои в таком крупном городе в невыгодной обстановке не ввязываться, а после того, как будет обеспечено продвижение главных сил БрФ, направить армию на Кромы, в интересах левого соседа – ЦФ. Командующий БрФ принял эти указания к немедленному исполнению. За точным их выполнением следил представитель Ставки генерал Николай Воронов, который в последующем доложил, что 3-я гв. ТА совершила марш и сосредоточение в тылах БрФ скрытно от противника и к 19 июля была готова для ввода в прорыв на заранее намеченном участке наспех организованной обороны противника. Прорыву предшествовала ночная авиаподготовка силами авиации дальнего действия. 19 июля ввод в прорыв танковой армии был обеспечен бомбардировочной и штурмовой авиацией, а также сильной артиллерийско-минометной подготовкой. После этого пехота и танки прорыва, действующие в боевых порядках пехоты, под прикрытием артиллерийского огня прорвали вражескую оборону и вышли на условленный рубеж, с которого начали действовать передовые части 3-й гв. ТА, а затем и ее главные силы.

В полосе наступательных действий 3-й гв. ТА оборонялись части двух танковых и двух пехотных дивизий противника, которые оказали ожесточенное сопротивление. Несмотря на это, к исходу дня 19 июля войска танковой армии форсировали реку Олешня и, продвинувшись на 10–20 км, успешно преодолели оборонительный рубеж немцев. Создались выгодные условия для удара в тыл мценской группировки. После этого отход немцев из района Мценска и по всему рубежу реки Олешня, в ее нижнем течении, был уже предрешен. В ночь на 20 июля германские войска оставили город Мценск, прикрывая свой отход массированными авиационными ударами по наступающим частям 3-й и 3-й гвардейской танковой армий.

В ночь на 20 июля сотрудники Генерального штаба докладывали Ставке, что первоочередными задачами 3-й гв. ТА теперь становится дезорганизовать врага, не дать ему уйти из-под удара и уничтожить его основные силы. Ставка сочла необходимым немедленно подтвердить эти задачи, направив на БрФ срочную директиву, адресованную представителю Ставки генералу Воронову и командующему БрФ генералу Попову, где было приказано:

1. Ближайшей задачей БрФ иметь разгром мценской группировки противника и выход 3-й А на реку Ока. Для этого 3-й гв. ТА с утра 20 июля нанести удар в направлении Протасово – Отрада, к исходу дня перерезать шоссейную и железную дороги Мценск – Орел и, развивая в течение 21 июля наступление на Мценск с юга, совместно с 3-й общевойсковой армией завершить уничтожение мценской группировки противника и освободить город Мценск.

2. После выполнения этой задачи 3-ю танковую армию направить на юг с целью перерезать железную дорогу Моховое – Орел и содействовать 63-й А в выходе на реку Ока.

3. В дальнейшем 3-й ТА перерезать железную дорогу Орел – Курск в районе по решению командующего фронтом и при благоприятных условиях овладеть городом Орлом. В том случае, если овладение городом Орлом не будет соответствовать обстановке, 3-й ТА двигаться дальше на запад в направлении Кромы [307 - См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 225.].

Основная часть директивы точно воспроизводила указания Сталина, отданные в телефонном разговоре с генералом Поповым еще 17 июля.

Стремясь быстрее перейти в наступление на новом направлении, генерал Рыбалко решил ввести в сражение второй эшелон армии – 2-й мк генерала Ивана Корчагина, которому было приказано с утра 20 июля наступать в направлении Богородицкое – Отрада и к исходу дня перерезать дорогу Мценск – Орел, а силами мотострелковых частей корпуса форсировать Оку и захватить плацдарм на западном берегу реки, овладев районом Жуково – Новая Слободка – Каменево. Командующий 15-м тк генерал Филипп Рудкин получил задачу наступать из района Олешня в направлении Клиновое – Высокое и также к исходу дня перерезать дорогу Мценск – Орел, форсировать Оку и захватить плацдарм, овладев районом Паслово – Оптуха – Мозалевка. Командующему 12-м тк генералу Митрофану Зиньковичу было приказано продвигаться из района Золотарево за 15-м тк и к исходу дня выйти в район Протасово в готовности к наступлению на Мценск.

В 9 часов 20 минут 20 июля 2-й механизированный и 15-й танковый корпуса возобновили наступление. По советским данным [308 - См.: Огненная дуга. С. 444–445.], корпусам пришлось действовать под сильным воздействием вражеской авиации, которая производила налеты группами 40–50 самолетов и в течение дня совершила в полосе армии до 2 тыс. самолето-пролетов. Несмотря на это, войска танковой армии преодолели сопротивление заслонов противника на промежуточных рубежах и к 17–19 часам вышли к шоссе Мценск – Орел. 2-й мк перерезал шоссе в районе Каменево, а 15-й тк – в районе

Высокое. В связи с прорывом обороны на рубеже реки Олешня 20 июля войска немецкого 35-го ак начали отход не только от Мценска, но и перед фронтом левого крыла 3-й А. Оказывая упорное сопротивление арьергардами из состава 2-й и 8-й танковых дивизий, немцы стремились отвести основные силы 36-й и 56-й пехотных, 2-й и 8-й танковых дивизий за реки Ока и Оптуха. Колонны пехоты и автомашин двигались по дорогам к переправам в районе населенных пунктов Отрада, Высокое, Оптуха, переправлялись через реки и немедленно занимали оборону по их западному берегу. Отходя на запад, немецкие войска сжигали населенные пункты, минировали дороги, устанавливали в оставшихся постройках мины замедленного действия и фугасы, взрывали все мосты и переправы.

Обнаружив отход противника, командование БрФ немедленно направило к рубежу реки Ока основные силы бомбардировочной авиации 15-й ВА. Отходившие по дорогам колонны противника систематически подвергались атакам советских бомбардировщиков, которые задерживали их продвижение и наносили потери в живой силе и технике.

Танковые соединения 3-й гв. ТА выходили на пути отхода противника и уничтожали его опорные пункты, где удерживались арьергардные отряды и группы прикрытия. В частности, 33-я тбр 2-го мк во взаимодействии с частями 283-й сд 3-й А и 1-го гв. тк окружила и уничтожила крупный опорный пункт в селе Доброводы, который удерживал гарнизон из состава подразделений 2-й тд противника, усиленный батареей штурмовых орудий. К исходу дня 2-й механизированный и 15-й танковый корпуса вышли к восточному берегу реки Ока на рубеже Отрада – Оптуха. Передовые отряды 33-й тбр подполковника Ивана Павловича Силова (Силаева) и 43-й мбр генерала Давида Марковича Барина, наступавших в первом эшелоне 2-го мк, форсировали Оку и захватили плацдарм на ее западном берегу в районе Жуково. Мотострелковая 52-я бригада 15-го тк под командованием полковника Александра Головачева также форсировала Оку и захватила плацдарм в районе Новая Слободка.

В результате наступательных боев 20 июля войска 3-й гв. ТА разгромили арьергардные части, заслоны и отряды прикрытия 2-й танковой и 56-й пехотной дивизий 35-го ак противника (по советским данным [309 - См.: Огненная дуга. С. 446.], было уничтожено до 1 тыс. человек личного состава, около 40 единиц бронетехники и 50 орудий) и продвинулись на 25 км в северо-западном направлении, выполнив поставленную на этот день задачу, чем открыли 3-й А БрФ путь для обхода Орла с севера.

Однако при этом никаких крупных сил немцев в районе Мценска не было уже с 18 июля, так что командование БрФ по указанию Ставки фактически нанесло мощный удар по пустому месту, неоправданно подставив 3-ю гв. ТА под удары германской авиации. Как уже было отмечено, в связи с наступлением войск 61-й А в обход Болхова с юга командованию немецкого 35-го ак пришлось заблаговременно оставить Мценский укрепленный район и без боя отвести части 34-й и 56-й пехотных дивизий к тыловому оборонительному рубежу, проходящему по рекам Ока и Оптуха. Оставив небольшое прикрытия по западному берегу реки Зуша, немецкие войска ночью 18 июля вышли со своих позиций под Мценском и стали быстро отходить на запад и юго-запад. При этом советские части 342-й сд 3-й А, занимавшие позиции на правом фланге армии севернее Мценска, обнаружили отход противника только в ночь с 19 на 20 июля, после чего

немедленно перешли в преследование. Командир дивизии полковник Логвин Червоний (Червоний, Червонный) оставил на 30-километровом фронте по реке Зуша один полк, сосредоточив остальные силы против Мценска. Как только разведка обнаружила отход противника, дивизия форсировала Зушу севернее Сомово и повела преследование, в ходе которого 20 июля практически без боя овладела Мценском и вышла на рубеж Волобуево – Фарафоново. Основные силы 3-й А в это время продолжали развивать успех прорыва танковых частей, развернувшись для наступления на северо-запад, и весь день 20 июля преследовали отходившего противника. В 4 часа утра 21 июля они перерезали шоссе Мценск – Орел, блокировав неприятелю пути отхода из района Мценска на юго-запад. По дороге в это время двигались небольшие группы потерявших управление немецких солдат, отдельные машины и обозы. Оставив здесь сильный заслон фронтом на север на рубеже Ильково – Головлево, правофланговые стрелковые части 3-й А продолжили наступление на Нарышкино, которым овладели во второй половине дня 21 июля, завязав бой с противником, занявшим оборону на западном берегу Оки. К исходу 21 июля войска 3-й А на широком фронте вышли на восточный берег реки Ока на фронте Старая Отрада – Оптуха и на рубеж реки Оптуха от устья до Дерюжкино, сменили на Оке танковые части 3-й гв. ТА и завязали бои за овладение переправами. Две правофланговые стрелковые дивизии 3-й А – 235-я и 342-я дивизии полковников Кубасова и Червония – в течение 21 и 22 июля вели бои по очищению района Мценска от противника, в ходе которых, по советским данным, немцы потеряли около 2 тыс. солдат и офицеров [310 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 411.]. Как видно, потери германских войск не свидетельствуют об уничтожении крупной группировки, а для преследования отступающих к Оке арьергардных отрядов двух немецких пехотных дивизий не требовалось разворачивать на Мценское направление 3-ю гв. ТА – с данной задачей легко справились и стрелковые соединения 3-й общевойсковой армии. Это же косвенно подтверждает и генерал Горбатов, отметив, что полковник Червоний излишне задержался в поспешно оставленных немцами комфортабельных землянках [311 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 221.].

В свою очередь, генерал Рендулич свидетельствует [312 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 186.], 20 июля противник проводил разведку боем по всему фронту, причем вскоре стало ясно, что он изменит направление главного удара. Русские решили отклониться от кратчайшего направления на Орел и наступать южнее, чтобы обойти реку Оптуха, являющуюся серьезной преградой наступлению, а также избежать воздействия флангового огня с противоположного берега Оки. Таким образом, главный удар противника снова пришелся на участок 36-й пд, которая и так уже была измотана до предела ^{что} днем

Как видно, наступление БрФ на Мценск и «уничтожение» Мценской группировки немецких войск вообще ускользнуло от внимания командования 35-го ак, поскольку в действительности основная часть находившихся в этом районе сил корпуса уже отступила за Оку. По мнению генерала Гребена [313 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 151.], после неудачи к востоку от Орла, приблизительно 22 июля советская Ставка перенесла направление главного удара – теперь советская 3-я ТА двигалась на юг, в район стыка немецких 2-й танковой и 9-й армий, в то время как дополнительные танковые силы сосредоточивались севернее, что указывало на возобновление попытки

взять Орел в клещи. Германское командование истолковало маневр 3-й гв. ТА в обход Мценска как стремление противника осуществить двусторонний охват Орла.

Однако, выполняя очередную директиву Ставки, командующий БрФ в 3 часа ночи 21 июля вновь поставил 3-й гв. ТА первоначальную задачу: повернуть в юго-западном направлении, сосредоточиться в полосе 63-й А и, наступая на Золотарево – Становой Колодезь, выйти на реку Рыбница и к исходу 21 июля овладеть районом Ивановка – Хотетово – Становой Колодезь; в дальнейшем быть в готовности наступать в северо-западном направлении на Нарышкино или в юго-западном направлении на Кромы, в тыл группировке противника, действующей южнее и юго-западнее Орла. Для выполнения этой задачи танковой армии предстояло вначале прорвать сильную, заблаговременно подготовленную оборону противника на реке Оптушка, а затем на реке Оптуха, куда отступили танковые и пехотные дивизии противника, удерживавшие позиции на реке Олешня, а затем продвинуться на расстояние до 25 км в глубину.

К этому времени на пути наступления 3-й гвардейской танковой, 3-й и 63-й общевойсковых армий БрФ на Орловском направлении оставался последний крупный оборонительный рубеж немцев, подготовленный по берегам рек Ока и Оптуха, форсирование которых без предварительной подготовки и при отсутствии необходимых для этого переправочных средств было затруднительно. Данный рубеж представлял тыловую полосу обороны 35-го ак 2-й ТА, так что после его потери дальнейшая борьба за Орел становилась практически бесперспективной, с учетом возможности окружения города. Соответственно, немцы готовились оказать здесь серьезное сопротивление, используя все выгоды обороны естественной водной преграды на заранее укрепленных позициях. Германское командование перебрасывало в полосу 35-го ак новые резервы – в первой половине дня 20 июля в распоряжение командования корпуса начали прибывать части отдельного зенитно-артиллерийского полка и 78-й штурмовой пд, а 23–24 июля началась переброска 20-й мд из состава 43-го ак 3-й ТА группы армий «Центр». Генерал Рендулич отмечает [314 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 186.], что 78-я штурмовая дивизия была полностью моторизована и располагала мощными средствами противотанковой обороны, в ее состав входили батареи самоходно-артиллерийских установок; в отдельном зенитно-артиллерийском полку было четыре батареи 88-мм зенитных орудий, которые могли использоваться для борьбы с танками. Командир 78-й дивизии генерал Ханс Траут (Hans Traut) получил приказ сосредоточить прибывшие части на новом направлении наступления противника и быть готовым к их немедленному вводу в бой. В ночь на 21 июля 78-я штурмовая дивизия заняла оборону между 36-й и 262-й пехотными дивизиями, что дало возможность значительно сократить фронт 36-й дивизии (с 23 июля части 36-й, 78-й и 262-й дивизий были объединены в корпусную оперативную группу под командованием генерала Траута, находившуюся в распоряжении 35-го ак [315 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 179.]). Батареи зенитно-артиллерийского полка заняли огневые позиции в полосе 12-й тд, на берегу реки Оптуха. Таким образом, к 21 июля тыловую полосу обороны по берегам рек Ока и Оптуха удерживали 34, 36, 56, 262, 299-я пехотные, 78-я штурмовая пехотная, 2, 8 и 12-я танковые дивизии, а также ряд других частей и подразделений, подтянутых германским командованием из тыла или переброшенных с соседних участков фронта.

С другой стороны, стремясь не допустить закрепления противника на новых рубежах обороны, генерал Рыбалко решил не ожидать передачи 2-м механизированным и 15-м танковым корпусами захваченных ими плацдармов на Оке стрелковым соединениям 3-й А, но использовать для нового наступления второй эшелон – 12-й тк, находившийся в районе Протасово, а также 91-ю отдельную тбр, сосредоточенную в районе Казинки. После полудня 21 июля корпус и бригада перешли в наступление под сильным воздействием вражеской авиации. К этому времени танковая армия действовала в отрыве от войск 3-й и 63-й армий БрФ, поэтому наступавшие соединения не получили требуемой артиллерийской и авиационной поддержки. По южному берегу реки Оптушка оборонялись части немецких 36-й и 262-й пехотных, а также 78-й штурмовой пехотной дивизий, отразившие все атаки танковых войск противника, так что 21 июля форсировать Оптушку 3-й ТА не удалось. К исходу дня в район боев подошел 15-й тк. С утра следующего дня оба танковых корпуса и 91-я отдельная танковая бригада вновь приступили к форсированию реки. Затем в сражение был введен и второй эшелон армии – 2-й мк. Таким образом, против ослабленных боями трех пехотных дивизий немцев действовала целиком советская гвардейская танковая армия – три корпуса и отдельная танковая бригада. Передовые бригады 12-го и 15-го танковых корпусов – 106-я тбр полковника Григория Кузнецова (Григорий Гаврилович Кузнецов) и 88-я тбр полковника Сергеева были задержаны боями в районе населенных пунктов Субботинский и Неплюево. В бою за хутор Субботинский погиб командир танкового батальона 106-й бригады Герой Советского Союза майор Николай Брацюк, который со своим подразделением получил задачу обойти хутор и отрезать вражеский гарнизон, а командир бригады полковник Кузнецов был тяжело ранен. В боях на рубеже Оптушки 22 июля погиб и командир 195-й тбр 15-го тк полковник Василий Ломакин – его заменил подполковник Трофим Малик. Только к исходу 23 июля войска 3-й ТА форсировали реку в районе Золотарево и Собакино и вышли на рубеж Красная Звезда – Светлый Путь, полностью овладев плацдармом в излучине рек Оптуха и Оптушка. С падением важного узла сопротивления в районе Собакино, которым овладела 91-я отдельная танковая бригада (при этом погиб заместитель командира бригады подполковник Григорий Никифорович Ильчук), и продвижением бригады в глубину немецкие войска были вынуждены оставить Протопопово, Юдино, Мишково и отходить на юг. В течение трех дней боев армия продвинулась вперед на 15 км.

Войска 3-й А БрФ к исходу 21 июля силами семи стрелковых дивизий прочно заняли рубеж по восточному берегу рек Ока и Оптуха на участке Дробышево – Дерюжкино. Со стороны противника здесь продолжали обороняться части 56-й пехотной, 2-й и 8-й танковых дивизий, а также развернутая по южному берегу реки Оптуха 12-я тд. Для централизации управления германскими войсками на этом направлении 21 июля была создана корпусная группа, объединяющая части 56-й пехотной, 2-й и 8-й танковых дивизий, которую возглавил командир 2-й тд генерал Воллрат Люббе (Vollrath Luebbe) [316 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 177–178.].

Командующий 3-й армией генерал Горбатов решил использовать обстановку отступления вражеских войск и с ходу форсировать Оку на плечах отходящего противника, чтобы, не теряя темпа, обойти Орел с севера и овладеть городом. Соответственно, вечером 20 июля три стрелковые дивизии армейского подчинения (283,

308, 380-я дивизии с двумя танковыми полками), а также две дивизии 25-го ск (362-я и 186-я дивизии с двумя танковыми полками) получили приказ форсировать реку Ока на разных участках и наступать на Орел с востока и северо-востока.

Выполняя приказ командующего, утром 22 июля войска 3-й А перешли в наступление, однако неоднократные попытки расширить ранее захваченные или овладеть новыми плацдармами успеха практически не имели, за исключением двух маленьких плацдармов, взятых на правом фланге армии дивизией полковника Червония. Немцы блокировали переправившиеся на западный берег стрелковые части противника и непрерывными контратаками нанесли им большие потери, а в некоторых местах вынудили отойти обратно за реку. В частности, контратакой выбили части 283-й сд полковника Василия Андреевича Коновалова из опорного пункта Ломовец и ликвидировали плацдарм западнее Новой Слободки. Полковник Коновалов 21 июля был временно отстранен от должности командира соединения, но после него в дивизии за две недели сменилось еще три командира (первый из них, подполковник Сергей Федорович Базанов, погиб 30 июля 1943 года, когда его лошадь наступила на мину, а полковник Спиридон Константинович Резниченко был ранен и умер 5 августа). Помимо контратак, в течение всего дня 20 июля германские войска обстреливали ударные группы дивизий 3-й А, сосредотачивающиеся на восточном берегу Оки, сильным огнем артиллерии и минометов, а германская авиация непрерывно подвергала бомбардировке узлы дорог в ближнем тылу неприятеля и позиции вражеской артиллерии.

Разведка, организованная штабами дивизий 3-й А, выявила наличие у противника заблаговременно подготовленных позиций по западному берегу Оки, а также подход новых частей и соединений, переброшенных сюда с других участков фронта. Все это ясно свидетельствовало, что замысел генерала Горбатова с ходу преодолеть германскую оборону на реке Ока потерпел неудачу, и дальнейшие наступательные действия 3-й А требуют предварительной подготовки. Учитывая сложившуюся оперативную ситуацию, командующий 3-й армией решил временно закрепить на достигнутом рубеже, сосредоточить артиллерию, раскрыть по возможности группировку вражеских сил, привести в порядок и пополнить стрелковые части армии, подготовить переправочные средства, а затем атаковать противника.

Войска 63-й А генерала Колпакчи, которые возобновили наступление одновременно с 3-й и 3-й гвардейской танковой армиями, в ночь на 20 июля выдвинули вперед разведывательные отряды, которые обнаружили отход противника по всему фронту армии и заняли оставленный немцами опорный пункт Прилепы. Части правого крыла 63-й А немедленно перешли к преследованию противника и 20 июля выбили арьергардный отряд немцев из сильного узла сопротивления Моховое, а 23 июля армия главными силами вышла к восточному берегу реки Оптуха на участке Дерюжкино – Никольское, где тогда же полностью сосредоточилась и 3-я гв. ТА. На этом рубеже 63-я А стала готовиться к прорыву последней (тыловой) оборонительной полосы противника на подступах к Орлу.

Таким образом, к 23 июля войска левого крыла и центра БрФ завершили второй этап Орловской фронтовой наступательной операции, прорвали промежуточный оборонительный рубеж противника на реке Олешня и подошли к последнему тыловому

рубежу немцев, прикрывавшему Орел. Оборонявшимся восточнее Орла германским , причем ввод крупных стратегических резервов позволил советскому командованию удерживать в своих руках оперативную инициативу. Вместе с тем благодаря шаблонности и предсказуемости схемы наступления немцы успевали адекватно реагировать на действия противника, выигрывая время на перегруппировку своих сил и организацию сопротивления, продолжая по частям перебрасывать резервы в район Орла. Теперь перед войсками левого крыла БрФ стояли задачи в кратчайший срок произвести перегруппировку, чтобы немцы не успели частям были нанесены серьезные потери существенно усилить свою оборону; сходящимися ударами быстро прорваться к Орлу, лишив неприятеля возможности отступить с рубежа рек Ока и Оптуха; во взаимодействии с войсками левого крыла ЗапФ завершить разгром орловской группировки противника.

В связи с этим в ночь на 24 июля командующий БрФ генерал Попов отдал 3-й и 63-й армиям приказ о перегруппировке их сил в кратчайшие сроки и овладении Орлом концентрическими ударами с севера и юга. 3-я А должна была нанести сильный удар в направлении на Орел с севера и северо-запада, а 63-я А – с юга и юго-востока. Обе армии, глубоко охватив орловскую группировку немецких войск, должны были ее уничтожить; начало наступления было назначено на 25 июля. Между армиями устанавливалась новая разграничительная линия (Лукьянчиково – Орел и далее по реке Орлик), причем город Орел вошел в полосу 63-й А [317 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 416.]. 3-я гв. ТА и 1-й Донской гв. тк отводились в тыл, в район города Новосиль, в резерв командующего фронтом. Для усиления 3-й и 63-й армий в их состав были переданы 17-я гвардейская и 87-я танковые бригады, по одной бригаде в каждую армию (17-я гв. тбр из состава 1-го гв. тк).

С другой стороны, генерал Горбатов указывает [318 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 220–221.], что полоса наступления 3-й А при выходе на рубеж рек Ока и Оптуха увеличилась на 10 км. Однако если раньше овладение городом Орел было задачей 63-й А, то теперь эта задача, по существу, целиком возлагалась на 3-ю А, которой требовалось создать группировку для овладения Орлом. На совещании командного состава 3-й А высказывалось мнение, что надо создать сильную группировку на левом фланге; однако неясно было, где взять для этого силы и средства, так как полоса наступления армии превышала 60 км, и еще свыше дивизии было занято для обороны на остальном фронте протяженностью 40 км. Горбатов обратил внимание присутствующих на то, что Орел делится рекой Ока на две равные части – восточную и западную, и это затрудняет бой в городе. К тому же ожесточенные уличные бои всегда ведут к большим потерям и разрушениям. В результате поисков и размышлений, как избежать всего этого, было решено наступать на Орел обходом с севера и северо-запада, создав ударную группировку на правом фланге армии, и форсировать Оку в 20–30 км севернее города. Тем самым будет создана угроза окружением не только гарнизону Орла, но и вражеским войскам, обороняющимся севернее. Левое крыло армии не будет усиливаться, а наоборот, участок 41-го ск возрастет дополнительно на 10 км, и здесь с востока станет наступать всего одна дивизия, тогда как остальные две дивизии корпуса форсируют Оку севернее Орла.

Завершив 23 июля выход на рубеж рек Ока и Оптуха, войска генералов Горбатова и Колпакчи приступили к непосредственной подготовке удара с целью овладения Орлом.

При этом основное внимание было уделено разведке противника и подготовке войск к форсированию Оки. Советские части вели разведывательные поиски, проделывали проходы в оставленных неприятелем минных полях, готовились к форсированию укрепленных водных рубежей, одновременно перегруппировывая силы для наступления. В течение трех дней с 22 по 24 июля на участке 3-й А саперные части сняли 13 127 противотанковых и противопехотных мин, а также полностью подготовили к наведению несколько переправ через Оку: одну южнее Пахомово, другую возле Нарышкино, третью в районе Кикино [319 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 419.]. В это же время артиллерия и авиация разрушали оборонительные сооружения немцев, подавляли их артиллерию и совершали налеты на опорные пункты, узлы сопротивления и коммуникации. 24 июля авиация 15-й ВА БрФ произвела массированные налеты на позиции германских войск в районе населенных пунктов Каменка, Волобуево, Цурикова и в городе Орел.

В свою очередь, стремясь сорвать подготовку наступления БрФ, немецкая авиация и артиллерия подвергали неоднократным налетам районы расположения войск 3-й и 63-й армий, узлы дорог и огневые позиции артиллерии. В ходе ожесточенных воздушных боев с 19 по 23 июля германскому 6-му воздушному флоту удалось серьезно подорвать боевую мощь 15-й ВА БрФ – потери советской армии составили 126 самолетов, тогда как противник потерял всего около 40 машин, поэтому активность советской авиации в полосе БрФ резко снизилась, составив в период с 20 по 23 июля около 300–400 самолетов-вылетов в день [320 - Горбач В. Указ. соч. С. 267, 270–271.].

Георг Гребен отмечает [321 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 149–150.], что к 23 июля генерал Модель справился с критическим положением, проведя быстрый маневр и перегруппировки соединений, используя выдающиеся достижения подвижных противотанковых средств (штурмовых орудий и самоходной артиллерии). Вместе с тем эти маневры привели к образованию выступа, который занимали дивизии 35-го ак. Русские больше не атаковали его с севера, но ему угрожало окружение с запада, поэтому, до того как противник успел осуществить данный замысел, генерал Рендулич сократил свои оборонительные линии, отойдя на рубежи, проходившие южнее Болхова. Для того чтобы помешать наступающим советским войскам окружить Болхов с юга, прибывшие из 9-й А танковые и моторизованные соединения нанесли контрудар в районе Красниково. Надежная оборона и колющие ответные удары заметно уменьшили ярость русского наступления, которое было приостановлено перед подготовленными оборонительными линиями у Орла.

Стремясь задержать продвижение советских войск на запад и стабилизировать фронт на рубеже реки Ока, командование 2-й ТА использовало предоставленную противником оперативную паузу и также произвело перегруппировку сил с концентрацией их главным образом на участке Ломовец – Становой Колодезь. Здесь заняли оборону (с севера на юг) пополненная 56-я пд, 12, 2, 8-я танковые, 36-я пехотная и 78-я штурмовая пехотная дивизии, а также боевая группа 262-й пд и некоторые другие отдельные части и подразделения. В тыловых районах были собраны и отправлены на фронт в качестве пополнения солдаты тыловых учреждений и полицейских частей, а из Орла поступили зенитные орудия и пулеметы, переданные подразделениями ПВО (по некоторым

сведениям [322 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 272; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 200, 214.], противовоздушную оборону Орла обеспечивали два смешанных батальона 12-й зенитной артдивизии, в составе которых могло быть от 7 до 16 батарей тяжелых 88-мм зенитных орудий). Кроме этого, с целью создания промежуточных рубежей, препятствующих обходу Орла, были организованы оборонительные работы на рубеже реки Неполодь и по западному берегу Оки южнее города. Одновременно с укреплением фронта началась эвакуация Орла и прилегающих к городу районов, откуда вывозились все военные предприятия, тыловые учреждения и госпитали.

В короткие сроки – за два дня, завершив подготовку, – 25 июля 3-я и 63-я армии БрФ перешли в наступление, нанося главные удары своими заходящими флангами с целью двойного охвата Орла. Генерал Горбатов, как и предполагалось на совещании командного состава 3-й А, решил активной обороной сковать противника на фронте Кикино – Новая Слободка – Лукьянчиково (силами 308-й и 380-й стрелковых дивизий, получивших задачу не допускать переправы противника на восточный берег Оки), а главный удар нанести правым заходящим флангом в общем направлении на Андрианово – Распоповские Дворики и далее на юго-запад и юг, глубоко обходя Орел с севера и северо-запада. С этой целью на правом фланге 3-й А («заходящем») была создана сильная ударная группа, включающая шесть стрелковых дивизий и танковую бригаду. Боевой порядок группы строился в три эшелона [323 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 416–417.]:

– в первом эшелоне должны были наступать 269-я и 342-я стрелковые дивизии (342-я на крайнем правом фланге армии), усиленные одним иптап, тремя тп и двумя сап, с задачей форсировать Оку на участке Пахомово – Кикино и, прорвав неприятельскую оборону, наступать на запад и юго-запад;

– во втором эшелоне – 283-я сд, усиленная тп и сап, которой ставилась задача войти в прорыв на стыке между дивизиями первого эшелона по достижении ими рубежа Хватнево – Андрианово, чтобы к исходу 25 июля овладеть рубежом Холодковский – Хутор и в дальнейшем наступать на Дубовую Рощу, а также стрелковый полк 235-й сд с задачей поддержать наступление на левом фланге 269-й дивизии;

– в третьем эшелоне – 186-я и 362-я стрелковые дивизии 25-го ск, поддерживаемые 17-й гв. тбр, получившие задачу сосредоточиться в районе станция Думчино – Головлево – Ильково в готовности развить успех в полосе дивизий первого эшелона.

Такое построение боевого порядка обеспечивало 3-й А необходимые условия для форсирования реки Ока и последующего непрерывного наращивания усилий при развитии успеха в глубине неприятельской обороны.

Генерал Колпакчи, координируя свои действия с командованием 3-й А, чтобы обеспечить полное окружение противника в районе Орла, решил нанести главный удар на левом фланге, на участке Новая Деревня – Никольское, с задачей овладеть районом Станового Колодезя, а затем нанести удар на Орел с юго-востока вдоль реки Рыбница. С этой целью была создана ударная группа в составе 41, 250 и 287-й стрелковых дивизий,

усиленных 87-й отдельной тбр и двумя танковыми полками, общее управление которой было поручено командующему 35-го ск генералу Виктору Жолудеву [324 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 418.]. Три другие стрелковые дивизии 63-й А (5, 129 и 348-я дивизии) получили задачу удерживать рубеж Дерюжкино – Семендяево – Новая Деревня, а 397-я сд была выведена в резерв командующего армией. В отличие от 3-й А, на направлении главного удара 63-й А боевой порядок ударной группы был построен в один эшелон на узком участке фронта, что объяснялось отсутствием в распоряжении командующего армией каких-либо резервов, поскольку силы были израсходованы при прорыве главного и промежуточного оборонительного рубежа немцев.

В 8 часов 25 июля стрелковые части ударной группы 3-й А перешли в наступление и, действуя под прикрытием огня артиллерии и авиации, с помощью подручных средств в течение 20–30 минут переправились на западный берег реки Ока, а затем атаковали неприятельскую оборону. Одними из первых Оку в районе Савенково (Савинково – Савинки) форсировали подразделения 1018-го сп полковника Михаила Петровича Макарова из состава 269-й сд. Стремясь не подставлять свои силы под огонь советской артиллерии в хорошо изученной противником и пристрелянной полосе, прилегающей к берегу Оки, немецкие войска заняли берег только отрядами передового охранения, которые оказали незначительное сопротивление. Поэтому уже около 9.30 саперы 3-й А подготовили две переправы в районе Пахомово и Нарышкино, по которым через Оку стали переходить танки и артиллерия (при переходе 258-го тп через Оку по мостовой переправе, наведенной в районе села Таркуновка, после прохода 5 танков механик-водитель следующей машины ошибся при включении передачи и разрушил мост, выведя переправу из строя на 5 часов [325 - ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 109. Л. 7 об.—8.]). Стрелковые части, усиленные танками и орудиями сопровождения, стали развивать наступление, однако в глубине обороны противника сопротивление германских войск резко возросло. На направлении главного удара 3-й А командование 35-го немецкого армейского корпуса сосредоточило в лесу юго-восточнее Гостьино части вновь прибывшей 20-й моторизованной (панцер-гренадерской) дивизии под командованием генерала Георга Яуэра (Яуер, Georg Jauer), которые около 23.30 внезапно контратаковали и выбили 1018-й сп полковника Макарова из только что захваченного опорного пункта в Савенково.

Одновременно с 3-й армией перешла в наступление и 63-я А, ударная группа которой встретила сильную оборону противника на западном берегу реки Оптуха и, форсировав реку, точно так же лишь незначительно вклинилась в глубину неприятельских позиций. К исходу 25 июля три стрелковые дивизии ударной группы 63-й А овладели рубежом, проходящим через высоты в районе 1,5 км западнее села Дадурово. Командующий армией генерал Колпакчи решил, что наступательные действия окажутся удачнее, если атаковать ночью, однако, продолжив наступление в ночь на 26 июля, войска 63-й А решительных результатов по-прежнему не добились.

В то же время командующий БрФ генерал Попов решил изменить направление наступления 3-й гв. ТА и нанести удар на Становой Колодезь с юго-востока, в полосе 63-й А, где боевые действия с самого начала операции приобрели затяжной характер. В ночь на 24 июля танковая армия по его приказу совершила фланговый марш и к утру

сосредоточилась в районе Ново-Петровцы с задачей к исходу 25 июля овладеть опорным пунктом противника в селе Становой Колодезь и выйти на рубеж реки Стишь. Сосредоточив в первом эшелоне 12-й танковый и 2-й механизированный корпуса, армия в 14 часов 25 июля перешла в наступление и к исходу следующего дня овладела районом Еропкино, перерезала железную дорогу Орел – Курск и вышла на подступы к Становому Колодезю. На этом боевые действия 3-й гв. ТА в составе БрФ закончились. В период с 19 по 26 июля она нанесла определенный урон пяти пехотным и двум танковым дивизиям (56, 36, 262 и 299-я пехотные, 78-я штурмовая пехотная, 2-я и 8-я танковые дивизии), а также отдельным частям противника, оказав помощь общевойсковым армиям фронта в наступлении на Орел. С другой стороны, по некоторым данным [326 - См.: Приложение II. Глазами противника. Курск // Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 692.], общее число танков, поврежденных и уничтоженных за период с 12 июля до конца месяца в полосе 35-го ак 2-й ТА группы армий «Центр» (где действовали только два крупных танковых объединения БрФ – 1-й гв. тк и 3-я гв. ТА. – П. Б.), составило 978 боевых машин. Тем не менее Ставка Верховного главнокомандования высоко оценила действия 3-й гв. ТА в ходе Орловской операции БрФ, поэтому 26 июля приказом Народного комиссариата обороны все ее корпуса и их бригады были преобразованы в гвардейские: 12-й и 15-й танковые корпуса – в 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса, а 2-й мк – 7-й гв. механизированный корпус.

В полосе ЦФ 13-я и 70-я армии 21–22 июля прорвали оборону противника на речке Очка и развивали успех на Каменец – Кромы.

3-й тк 2-й ТА, передав свой участок 307-й сд 13-й А, был перегруппирован в полосу 70-й А для наступления во фланг орловской группировке противника в направлении Гостомль – Кромы во взаимодействии со 140-й и 81-й стрелковыми дивизиями. Содействуя войскам 13-й и 70-й армий в решении задачи по прорыву заранее подготовленной обороны противника, соединения 2-й ТА 22 июля понесли самые большие суточные потери во всей операции – 452 убитых и раненых солдата и офицера (при среднесуточных потерях в количестве 160 военнослужащих) [327 - См.: Радзиевский А. И. Указ. соч. С. 242.].

Войска 48-й А, используя продвижение 63-й А БрФ, 22 июля перешли в наступление своим правым флангом, также прорвали оборону противника и передовыми частями форсировали реку Неручь; части левого фланга и центра армии к 24 июля вышли на рубеж Глазуновка – Гремячево, развивая наступление на Змиевку (приблизительно в 30 км юго-восточнее Орла).

Согласно сводке штаба ГА «Центр» [328 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 793. Л. 224.], в полосе 46-го тк 9-й А в 9.00 22 июля противник перешел в наступление из района Чернь силами двух стрелковых дивизий и двух танковых бригад со 120–130 танками, вклинившись в оборону корпуса на широком фронте. Контратакой с юга, севера и востока при поддержке «Тигров» и самоходных артиллерийских установок в результате тяжелых боев к вечеру удалось отеснить противника на линию: Похвиснево (юг) – Ново-Рыжковский (юг) – севернее отметки 265,4 – отметка 240,6 – западная окраина Ломовец – отметка 254,9. Наступление противника при поддержке танков на позиции 258-й пд к

концу дня было отражено. На участке 31-й пд противник силами до роты несколько раз безуспешно атаковал высоту 257,3.

Продолжаются передвижения противника перед левым флангом корпуса в западном направлении. Вражеская авиация поддерживала с воздуха наступающие вражеские наземные войска и бомбила артиллерийские позиции. Немецкие штурмовики и пикирующие бомбардировщики неоднократно совершали успешные налеты на скопления вражеских танков в окрестностях Черни. В течение дня боев на участке 46-го тк подбито 105 вражеских танков. На участке 86-й пд 47-го тк противник несколько раз проводил разведку боем. На левом стыке 9-й А отражены несколько атак противника при поддержке танков на Васильевку, при этом 1 танк подбит. Вечером противник занял Степановку. Контратака еще продолжается. В 17.00 22 июля штаб 47-го тк принял участок 23-го ак при сохранении своих задач в качестве группы «Орел – Юг». 216-я пд приняла участок 78-й штурмовой дивизии. Группе «Гарпе» подчинены 53-й ак в существующем боевом составе и приданные 41-му тк части под командованием генерала Фрисснера – командира 23-го ак. На рубеже реки Неручь на участке немецкой 299-й пд (подчиненной 35-му ак генерала Рендулича. – П. Б.) противнику удалось прорвать оборону дивизии. Дивизия сумела организовать отсечную позицию на линии Фроловка – лес западнее отметки 244,7.

При форсировании реки Неручь 23 июля в районе села Степановское части 299-й немецкой пд, которой командовал генерал Ральф Ориола (Ralph Oriola), контратаковали 137-ю сд 48-й А ЦФ под командованием полковника Михаила Воловича. На одном из участков советские подразделения начали отходить от реки. В этот критический момент боя адъютант командира 409-го сп лейтенант Моисей Спивак встал во главе батальона второго эшелона полка, обошел контратакующего противника и нанес ему удар с тыла. Немцы начали отходить к реке Неручь, а батальон на их плечах форсировал реку и захватил плацдарм, ворвавшись в траншеи противника. Плацдарм был удержан до переправы главных сил дивизии, но лейтенант Спивак при этом погиб. (Сам полковник Михаил Волович 27 июля получил новое назначение на должность командира 188-й сд 34-й А Северо-Западного фронта, где также погиб еще до завершения Курской битвы в ходе наступления на Старую Руссу, когда дивизия продвигалась в направлении населенного пункта Пенно. 20 августа 1943 года Волович выехал в боевые порядки, чтобы на месте исправить ошибки в управлении частями дивизии, оказался под артиллерийско-минометным огнем и был убит вместе с адъютантом. Его могила была обнаружена только в 1967 году в лесу в районе железнодорожной станции Пола.)

К 25 июля 13-я и 48-я армии правого крыла ЦФ продвинулись вперед на Кромском направлении до 30 км, но, будучи сильно ослаблены в оборонительных сражениях, наступали с чрезвычайными трудностями и очень медленно. Как отмечает Константин Рокоссовский [329 - Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 227–228.], войска трех армий правого крыла ЦФ – 70-й, 13-й и 48-й, многие части и соединения которых были значительно ослаблены в тяжелых оборонительных боях, продвигались вперед, медленно преодолевая упорное сопротивление противника, умело использовавшего свои укрепленные рубежи, так что в буквальном смысле приходилось прогрызать одну позицию за другой. При этом противник применял подвижную оборону, прикрывая

контратаками отход на следующий рубеж, отстоящий на 5–8 км от предыдущего, а также широко маневрируя силами и средствами вдоль оборонительных линий.

Глава 4. Отступление германских войск и их преследование к Брянску (ход боевых действий с 26 июля по 18 августа 1943 года)

4.1. Развитие обстановки 26–31 июля

Генерал Гребен констатирует [330 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 151.], что, учитывая общую напряженную обстановку на Восточном фронте и огромное, постоянно нарастающее численное превосходство советских войск, нельзя было в дальнейшем рассчитывать удержать оборону, если некоторые соединения не будут сняты с линии фронта и собраны в качестве дополнительных резервов. Кроме того, в конце июля серьезно изменилась политическая обстановка.

На совещании в ставке вермахта 26 июля 1943 года Гитлер объявил фельдмаршалу Клюге о том, что в связи с арестом Бенито Муссолини (Benito Amilcare Andrea Mussolini) и возможностью выхода Италии из войны (25 июля в результате заговора итальянского генералитета Муссолини был смещен с поста премьер-министра и арестован во дворце Квиринал в Риме. – П. Б.) он принял решение срочно высвободить несколько дивизий для отправки в Италию, для чего ГА «Центр» необходимо оставить Орловский выступ и отойти на создаваемый восточнее Брянска оборонительный рубеж Хаген [331 - См.: Приложение II. Глазами противника. Курск // Штеменко С. М. Указ. соч. С. 661–668.]. Однако фактическая подготовка этого рубежа началась только 16 июля по приказу генерала Моделя [332 - См.: Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 251.], позиции находились в стадии строительства, местное население было занято на уборке урожая (жатве ржи), а строительные батальоны приходилось бросать в бой или на приведение в порядок дорог, поэтому фельдмаршал Клюге попросил у Гитлера разрешение организовать постепенный отвод войск, вначале сократив линию фронта, а затем уже начав общее отступление с Орловского плацдарма. Прежде всего Клюге хотел отойти от Болхова, обеспечив этот маневр арьергардными действиями разведывательных отрядов мд «Великая Германия», а затем фельдмаршал планировал оставить Орел и опереться на рубеж в районе Карачева. Позиции линии Хаген Клюге рассчитывал занять к началу сентября, высвободив после этого несколько соединений. Кроме того, Клюге предупредил Гитлера, что в сложившейся обстановке войска при отступлении не смогут вывезти все материальные ценности и гарантировать эвакуацию большей части местного населения. Гитлер в категорической форме потребовал ускорить отступление, и тогда Клюге обещал выйти на линию Хаген через 3–4 недели – в период с 17 по 23 августа.

По результатам совещания были немедленно приняты соответствующие решения [333 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 151, 264.]. 26 июля Генеральный штаб сухопутных войск направил 9-й и 2-й танковым армиям группы армий «Центр» приказы готовиться к отходу с Орловского выступа, ожидая, что благодаря данному маневру будут высвобождены 20 дивизий для применения на других участках Восточного фронта. Отход предусматривал вывод войск обеих армий на укрепленные позиции вдоль основания

выступа, так называемую линию Хаген на восточном берегу реки Десна. 28 июля ГШ издал приказ на проведение операции «Осенняя поездка» (нем. Herbstlich Reise) об отступлении из района Орла. Отвод основных сил планировалось осуществить в четыре этапа, в период с 31 июля по 17–20 августа, чтобы успеть собрать как можно больше зерна, угнать скот, эвакуировать население, разрушить все важные сооружения (мосты, железнодорожные станции, промышленные объекты) и населенные пункты. С целью обеспечения планомерного отхода войск с плацдарма и выравнивания линии фронта при отступлении предусматривалось занятие промежуточных рубежей обороны. Некоторое время на этих рубежах шли усиленные строительные работы.

По свидетельству Георга Гребена [334 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 152–153.], приказ о подготовке операции «Хаген», который был отдан 26 июля, в самый напряженный момент крупных оборонительных сражений, проводившихся 2-й танковой и 9-й армиями, потребовал от штабов обеих армий взять на себя дополнительные тактические и организационные задачи грандиозных масштабов, поскольку за три недели следовало вывести войска из района глубиной 100 километров, сражаясь по пути за каждую пядь земли. Командно-штабные органы поспешно рекогносцировали запасные линии обороны, готовя их по крайней мере к нескольким дням оборонительных боев. На работах предстояло задействовать все доступные строительные и саперные войска (включая боевые саперные батальоны, снятые с передовой), солдат тыловых служб, военнопленных и гражданское население. Причем вся система обеспечения, особенно в 9-й полевой армии, в этот момент продолжала оставаться связанной потребностями стремительного наступления по плану «Цитадель». Соответственно, продовольствие и снаряжение находились на складах очень близко к фронту, так что в мгновение ока всю распределительную систему требовалось преобразовать для обеспечения операции по отходу. Аналогичные трудности возникли и с коммуникациями, поскольку в первые дни требовалось эвакуировать большие склады имущества к востоку от Кром.

Советское командование в это же время подготавливало новые удары на Болховском и Хотынецком направлениях, используя подвижные объединения, переданные из резерва Ставки Верховного главнокомандования. Войскам левого крыла 11-й гв. А и 4-й ТА была поставлена задача: совместными действиями прорвать фронт противника и, развивая наступление на юг, перерезать железную дорогу и шоссе Орел – Брянск на участке Нарышкино – Хотынец; одновременно частью сил во взаимодействии с 61-й армией БрФ окружить и уничтожить болховскую группировку немецких войск.

С этой целью 11-я гв. А должна была главными силами 36-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов с утра 26 июля прорвать оборону противника на участке Перьково – Лучки, обеспечить здесь ввод в прорыв 4-й ТА, а затем совместно с ней нанести главный удар в южном направлении, в обход Хотынца с востока – во фланг орловской группировки немецких войск. Удар на юг и юго-запад обеспечивал в то же время полное окружение и разгром болховской группировки немцев. Часть сил 11-й гв. А после прорыва немецкой обороны и ввода в прорыв 4-й ТА должна была повернуть на восток в общем направлении на Борилово и совместно с войсками 61-й А окружить и уничтожить

болховскую группировку противника. Как видно, войскам 11-й гв. А вновь предстояло наступать по расходящимся направлениям.

4-я ТА, войдя в прорыв на участке Перьково, Лучки, должна была нанести удар на юго-запад, в общем направлении на Нарышкино, и к исходу 26 июля перерезать основные коммуникации орловской группировки немецких войск – железную дорогу и шоссе Орел – Брянск в районе Хотынец – Нарышкино, одновременно частью сил создав внешний фронт окружения немецких частей, удерживавших Болховский плацдарм.

На 61-ю А возлагалась задача нанести основной удар своим левым крылом, перерезать шоссе Болхов – Орел и совместно с частями левого крыла 11-й гв. А окружить и уничтожить болховскую группировку немцев.

2-й гв. кк, действуя совместно с 16-м гв. ск, должен был захватить Карачев, перерезать коммуникации орловской группировки противника и в дальнейшем наступать на запад, чтобы овладеть Брянским железнодорожным узлом.

Выполняя приказ командующего ЗапФ, 4-я ТА совершила еще один 60-километровый марш от мест прибытия в районе Козельска, и к исходу 25 июля ее части сосредоточились в районе Городок – Середичи – Передель – Ягодная. В оперативное распоряжение командования танковой армии (командующий армией генерал Василий Баданов, начальник штаба генерал Павел Другов) был передан находившийся в этом же районе 5-й тк из состава 11-й гв. А. Командующий танковой армией генерал Баданов решил нанести главный удар своим левым флангом и, войдя в прорыв на участке 8-го гв. ск, наступать в общем направлении на Знаменское – Саморядово, свертывая боевые порядки противника перед 36-м гв. ск, чтобы к исходу дня выйти в район Нарышкино – Хотынец и перерезать здесь железную дорогу и шоссе на линии Орел – Карачев.

Согласно этому решению, командующий 11-м тк генерал Николай Радкевич получил задачу во взаимодействии с 8-м гв. ск генерала Малышева наступать в направлении на Красниково – Знаменское и выйти в район села Коневка. 5-му тк генерала Сахно было приказано наступать за 11-м тк, в готовности действовать из-за его правого фланга и к исходу дня выйти в район Красная Поляна – Хотынец. На 6-й гв. мк, которым командовал генерал Александр Акимов, возлагалась задача наступать в направлении Боровое – Сурьянино – Большая Чернь с задачей выйти в район Нарышкино. 30-й Уральский добровольческий тк под командованием генерала Георгия Родина должен был двигаться во втором эшелоне за 6-м гв. мк, чтобы к исходу дня выйти в район Большие Рябинки – Красные Рябинки, в готовности развивать успех в направлении станции Шахово.

Основной оборонительный рубеж противника на направлении главного удара 4-й ТА проходил по линии Волобеево – Боровое – северо-западная окраина Болхова. В тылу были подготовлены еще три промежуточные позиции, опиравшиеся на выгодные естественные рубежи по берегам рек Орс, Цкань, Нугрь, Моховица, а также на командующие над местностью высоты и удобные для обороны опорные пункты.

С утра 26 июля после сильной артподготовки войска левого крыла 11-й гв. А (36-й и 8-й гвардейские стрелковые корпуса) перешли в наступление. Отсутствие точных данных о расположении огневых точек противника привело к тому, что часовая артподготовка, предшествовавшая атаке, велась в основном по площадям и не подавила огневые средства неприятеля. В результате части и соединения 36-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов только местами незначительно вклинились в оборонительную полосу немцев. Задержка в продвижении пехоты стала сигналом командованию, чтобы в целях ускорения прорыва немедленно ввести в бой 4-ю ТА: 11-й тк получил приказ нанести удар в направлении на Красниково – Знаменское, а 6-й гв. мк – на Боровое – Сурьянино (в составе 11-го тк насчитывалось 204 танка, а в 6-м гв. мк – 216 танков и САУ [335 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 351–352.]).

В соответствии с замыслом генерала Баданова, в 12 часов 26 июля танковые и механизированные части прошли через боевые порядки стрелковых соединений 36-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов, развернулись и с ходу атаковали противника на фронте Кареньяево – Коноплянский. Однако на рубеже Прилепы – Лунево – Малая Чернь – Шумово оба корпуса встретили мощную противотанковую оборону и понесли серьезные потери в боевых машинах, главным образом от огня замаскированных немецких противотанковых и штурмовых орудий. Сильно пересеченная местность затрудняла маневр и передвижение танков, благоприятствуя успешной обороне противника. Продвижение 4-й ТА в этот день оказалось незначительным, в районе Войново танковые и стрелковые части вклинились на глубину до 3 км, тогда как на других участках в течение всего дня продолжались упорные бои на переднем крае, не принесшие советским войскам решающего успеха. Согласно боевому донесению штаба ЗапФ начальнику Генерального штаба, к исходу 26 июля 11-й тк выбил немцев из Булгаково и передовая 65-й тбр (под командованием полковника Александра Иосифовича Шевченко. – П. Б.) вышла на дорогу Шемякино – Долбилово; 6-й гв. мк овладел опорными пунктами Войново, Боровое и Лунево; 5-й и 30-й танковые корпуса так и не были введены в бой, оставаясь во втором эшелоне танковой армии [336 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 439.].

В то же время мощный удар советских танков поторопил германское командование с принятием решения на отступление с Болховского выступа – уже вечером 26 июля генерал Модель отдал приказ об эвакуации войск из района Болхова. Одновременно группа войск генерала Гарпе должна была продолжать сдерживать наступление 11-й гвардейской и 4-й танковой армий, обеспечивая для болховской группировки отступление по дороге Болхов – Хотынец.

Утром 27 июля два стрелковых корпуса 11-й гв. А, а также 11-й танковый и 6-й гв. механизированный корпуса 4-й ТА продолжали вести бои на первом оборонительном рубеже противника. По данным советских источников, на ряде участков немцы предпринимали контратаки танками при поддержке пехоты (до 20–30 машин), а германская авиация крупными группами в количестве до 70 самолетов усиленно бомбардировала наступающие войска [337 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 380.]. Около 18 часов 27 июля командующий 4-й ТА принял решение

вести в бой 30-й Уральский добровольческий тк (в составе двух танковых и механизированной бригад корпуса насчитывалось 216 танков и САУ [338 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 352.]), который выдвинулся из-за левого фланга 6-го гв. мк и, действуя совместно с частями 8-го гв. ск, прорвал первую позицию обороны противника. Развивая прорыв с задачей форсировать реку Орс, перерезать линию коммуникаций противника Болхов – Хотынец и выйти в район села Злынь, к исходу 27 июля танковые и мотострелковые части 30-го тк вышли на рубеж Ветрово – Войново – Лучки, где были остановлены обороной немцев, созданной по берегам рек Цкань и Орс (западнее и юго-западнее Болхова), а также на северо-западных окраинах Болхова.<

> По некоторым данным [339 - См.: Добровольцы Урала: очерки, воспоминания. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1980. С. 18.], непосредственно перед фронтом 30-го тк противник сосредоточил не менее 100 орудий, 75 танков, до 20 самоходных установок, подразделения реактивных шестиствольных минометов и до 5 тыс. солдат пехоты из состава 25-й моторизованной и 18-й танковой дивизий, а также панцер-гренадерского полка мд «Великая Германия». Следовательно, советский танковый корпус имел примерно двукратное превосходство над противником по личному составу, артиллерии и бронетехнике. Действовавшая в первом эшелоне 30-го тк 197-я Свердловская тбр под командованием полковника Якова Троценко (Яков Иванович Троценко, погиб в 1944 году) вышла к реке Орс около 16.00 27 июля, выдвинув вперед танковый и мотострелковый батальоны с автоматчиками на броне танков, но здесь выяснилось, что близлежащие мосты уже уничтожены. При подходе к деревням Бессоновка и Дулебино батальоны оказались под сильным артогнем противника. В связи с этим автоматчики и танкисты закрепились на северном берегу реки Орс только с наступлением темноты, а преодолеть водную преграду с ходу танкисты не смогли, так как этому помешали крутой берег и илистое дно реки. Тогда командование бригады поставило задачу командиру батальона автоматчиков капитану Василию Фирсову: форсировать реку Орс, захватить деревню Бессоновка и навести переправу для танков. В ночь с 27 на 28 июля, после артиллерийской и авиационной подготовки, окончившейся залпом реактивных минометов, отдельные группы автоматчиков форсировали реку и закрепились на северо-западной окраине Бессоновки. Утром 28 июля, после вторичной артподготовки, бойцы 197-й Свердловской тбр, поддержанные огнем самоходных установок и частями 30-й мсбр, которой командовал полковник Михаил Смирнов (Михаил Семенович Смирнов), форсировали реку и выбили противника из Дулебино. Саперы навели переправы, и к исходу 28 июля 197-я танковая и 30-я мотострелковая бригады полностью вышли на южный берег Орс, овладев населенными пунктами Бессоновка, Дулебино – Струково и Орсовский.

В это же время на правом фланге корпуса 243-я Пермская тбр подполковника Василия Приходько (Василий Ильич Приходько) при поддержке одного сап форсировала реку Орс в районе деревень Рылово и Коноплянка.

Преодолевая упорное сопротивление противника, 197-я Свердловская тбр во взаимодействии с 243-й Пермской тбр и 30-й Унечской мсбр к 8.00 29 июля овладели районом Колонтаево – Сухачево – Однощекино и вышли ко второй полосе вражеской

обороны по реке Нугрь на участке Вознесенский – Кулихи, где закрепились подразделения панцергренадерского полка мд «Великая Германия» под командованием подполковника Карла Лоренца (Karl Lorenz).

В течение 28 и 29 июля войска 11-й гвардейской и 4-й танковой армий продолжали вести бои за овладение рубежом рек Цкань и Орс, а в полосе 36-го гв. ск вновь был введен в бой 25-й тк с задачей наступать на Знаменское.

Согласно боевому донесению штаба ЗапФ начальнику Генерального штаба об обстановке и итогах наступления по состоянию на 29 июля 1943 года [340 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 461–463.], 8-й гв. ск, взаимодействуя с 4-й танковой армией, за 29 июля продвинулся до 10 км в южном направлении и вышел на фронт Цымбулово – Цкань и далее к реке Нугрь. Продолжая наступление, корпус совместно с войсками танковой армии завязал бои за Большую Чернь, Борилово. Соединения 36-го гв. ск вели бой на фронте: Новая Жизнь – Успенский – Дремовский, где противник оказывал упорное сопротивление, поддерживая боевые порядки пехоты огнем окопанных танков и одновременно проводя контратаки из района Красный Октябрь в направлении Богдановки. 1-я ВА ночью и днем 29 июля уничтожила живую силу и технику противника на левом крыле фронта, произведя за сутки 227 самолето-вылетов, тогда как авиация противника одиночными самолетами вела разведку поля боя и армейских тылов, группами истребителей прикрывала свои войска в районах Знаменское, Локны, Борилово и противодействовала работе советской авиации (29 июля было учтено до 80 самолето-пролетов).

К исходу 30 июля 36-й гв. ск 11-й гв. А во взаимодействии с 25-м тк вели бои на рубеже Брежневский (исключительно) – Плеханово – Пролетарский (исключительно); 8-й гв. ск, тесно взаимодействуя с частями 4-й ТА, к тому же времени вышел на рубеж Пролетарский – Большая Чернь – Кривчевский (исключительно). Войска 4-й ТА к 30 июля заняли рубеж Брежневский – Букино – Борилово.

29 июля командующему 30-го тк 4-й ТА генералу Георгию Родину (уроженцу Орловской области) была поставлена задача: силами 197-й и 243-й танковых бригад при поддержке 30-й мсбр форсировать реку Нугрь, овладеть деревней Борилово и далее наступать в направлении населенного пункта Вишнево. Село Борилово размещалось на высоком берегу и господствовало над окружающей местностью, которая просматривалась на несколько километров с колокольни сельской церкви. Это облегчало противнику ведение обороны и затрудняло действия наступающих частей танкового корпуса. В 20.00 29 июля, после 30-минутной артподготовки и залпа реактивных минометов, две танковые бригады приступили к форсированию реки Нугрь. Под прикрытием танкового огня мотострелковые роты батальона капитана Фирсова первыми форсировали реку Нугрь, захватив южную окраину села Борилово. После этого бойцы прощупали дно реки и обозначили брод, по которому прошли три танка, поддерживавшие автоматчиков в бою. Несмотря на упорное сопротивление противника, к утру 30 июля батальон при поддержке танков овладел селом Борилово.

Немедленно после этого, в 10.30 30 июля, по приказу командующего корпусом бригады начали наступление на высоту 212,2 южнее Борилово, с целью овладеть затем поселком Вишнево-Восточный. Захват Борилово угрожал прорывом второй полосы обороны немецких войск на Хотынецком направлении, поэтому генерал Гарпе усилил действующую здесь 253-ю пд генерала Карла Беккера (Carl Becker) противотанковой артиллерией и штурмовыми орудиями. Танки Свердловской бригады с десантом на броне были встречены сильным артогнем, а фланговый минометный обстрел отрезал основные силы мотопехоты от танков. Командир 197-й тбр полковник Троценко доложил о создавшейся обстановке командующему корпусом генералу Родину и просил направить на помощь 244-ю Челябинскую тбр из второго эшелона корпуса, которая находилась в это время в Борилово. Однако оказалось, что она составляла резерв командующего 4-й ТА генерала Баданова, и командующий корпусом не мог распоряжаться бригадой без его ведома. Поэтому приказ наступать в направлении высоты 212,2 Челябинская бригада получила позже, когда 197-я и 243-я танковые бригады уже понесли большие потери в людях и боевой технике и были вынуждены отойти на исходные позиции. В течение 31 июля и 1 августа обе бригады находились во втором эшелоне корпуса и участия в боевых действиях не принимали.

Между тем с 30 июля 4-я ТА была решением Ставки Верховного главнокомандования передана в состав БрФ с сохранением прежней задачи и направления наступления. Челябинская тбр 2 августа овладела селом Злынь и вышла к оборонительному рубежу неприятеля в районе деревни Массальская, а 3 августа основные силы 4-й ТА форсировали реку Нугрь и сосредоточились для развития наступления в обход орловской группировки противника с северо-запада.

Как отмечает ветеран боев в составе 197-й Свердловской тбр генерал Василий Зайцев [341 - Зайцев В. И. Гвардейская танковая. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. С. 23–24.], когда в штабе бригады подводились итоги первых четырех дней боев – с 27 по 30 июля, – то многим офицерам командования и штаба показалось, что понесенные потери слишком велики по сравнению с достигнутыми результатами. Объясняли это тем, что бригаде пришлось вести бой на труднодоступной для техники лесистой и заболоченной местности, которая стала к тому же малопроезжимой в результате дождей. Танкисты таранили оборону противника, преодолевая глубокие овраги, заболоченные низины, крутые берега рек, и нередко боевые машины буксовали или застревали в грязи, становясь хорошими мишенями для противотанковых средств врага. Однако давали о себе знать и недостатки в управлении подразделениями на отдельных этапах боя, неполнота сведений о противнике, его опорных пунктах и узлах сопротивления, которыми располагал штаб бригады в начале наступления. Приходилось также учитывать, что для многих воинов это был первый бой, и тут, конечно, сказались отсутствие опыта. Из всего этого следовало извлекать уроки, чтобы научиться воевать более уверенно.

26 июля, одновременно с началом наступления танковой армии генерала Баданова, возобновили наступление и войска 61-й А, продолжавшие штурмовать Болхов с севера, востока и юго-востока. 28 июля они овладели Лутовиново – важным узлом сопротивления, прикрывавшим подступы к Болхову с юго-востока, и вышли на шоссе Болхов – Орел. Болховский гарнизон оказался под угрозой полного окружения, однако

продолжал сопротивление, которое было по-прежнему особенно сильным в центре и на южной окраине города. 27 июля немцы предприняли ряд сильных контратак с целью выбить советские части с восточной и южной окраин Болхова, однако эти контратаки были отбиты. 28 июля соединения 46-го ск 61-й А овладели центром города, а 29 июля окончательно выбили немецкий гарнизон из Болхова. Преследуя отступающие части болховской группировки, к исходу 30 июля войска 46-го ск и группы генерала Халюзина вышли на рубеж Борилово – Луневка – Павловский – Подчернево.

Одновременно на Хвастовичском и Зикеевском направлениях продолжали вести бои 11-я и 50-я армии ЗапФ. Существенных успехов эти объединения не имели, поскольку германскому командованию удалось укрепить здесь оборону благодаря своевременному прибытию 95-й пд (часть сил дивизии была переброшена средствами воздушного транспорта), занявшей позиции на крайнем правом фланге 55-го ак на стыке с группой «Гарпе» [342 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 246; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 152.]. На основе 95-й дивизии была создана корпусная оперативная группа во главе с командиром дивизии генералом Эдгаром Рерихтом, в состав которой включили и части 5-й тд [343 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 178–179.].

Согласно боевым донесениям штаба ЗапФ начальнику Генерального штаба [344 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 419–463.], в период с 23 по 28 июля войска 50-й А продвижения не имели, укрепляли позиции на прежнем рубеже, производили перегруппировку и разведку, готовясь к возобновлению наступления. Противник перед фронтом армии продолжал оказывать упорное сопротивление, предпринимал контратаки, на фронте армии постоянно велась ружейно-пулеметная и на отдельных участках артиллерийско-минометная перестрелка.

На фронте 11-й А был организован бой отдельными подразделениями с целью улучшения тактического положения. Одновременно проходила подготовка к общему наступлению. С 26 июля 197, 323 и 369-я стрелковые дивизии на левом фланге были объединены под управлением 53-го ск, командующим которым был назначен генерал Иван Гарцев. Однако, как вспоминает генерал Федюнинский [345 - Федюнинский И. И. Указ. соч. С. 153.], 28 июля на наблюдательный пункт командующего 11-й армией прибыл командующий ЗапФ генерал Соколовский. Ознакомившись с обстановкой, он остался недоволен результатами наступления – за неделю боев войска армии продвинулись всего на 12–15 километров, и спросил у Федюнинского о причинах неудачных действий армии, располагающей только что сформированными и полностью укомплектованными соединениями. Когда Федюнинский повторил, что уже докладывал о нецелесообразности поспешного ввода в бой войск по частям и без предварительной подготовки, Соколовский потребовал, чтобы он направил соответствующее объяснение в Ставку. Через день после этого, 30 июля, 11-я армия, как и 4-я танковая, была решением Ставки передана в подчинение БрФ.

В итоге Болховско-Орловской фронтовой наступательной операции, продолжавшейся с 12 по 30 июля, левое крыло 11-й гв. А ЗапФ и войска 61-й А БрФ, при содействии со стороны частей 11-й и 50-й армий, действовавших западнее, расширили прорыв вражеской обороны по фронту до 90 км, продвинувшись в юго-западном направлении до

80 км [346 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 462–463.], ликвидировали болховский плацдарм противника, отбросили оборонявшую его крупную группировку немецких войск и вышли во фланг и тыл основным силам немцев, оборонявшимся в районе Орла, угрожая им глубоким обходом с северо-запада и блокированием основных коммуникаций и путей отхода, соединяющих Орел с Карачевом. Прорвав оборону противника на глубину до 85 км, ударные группировки этих двух армий поставили под угрозу окружения все действующие на Орловском плацдарме неприятельские войска и заставили немецкое командование сперва сосредоточить крупные силы на прикрытии железной дороги и шоссе Орел – Брянск с севера, а затем ускорить отвод своих войск с Орловского плацдарма. В результате операции существенные потери понесли 6 пехотных, 6 танковых и 2 моторизованные дивизии ГА «Центр» (26, 112, 208, 211, 253, 293-я пехотные, 4, 5, 9, 12, 18 и 20-я танковые, 10-я и 25-я моторизованные), а также ряд других частей. Согласно данным советских источников [347 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 236–237; Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 50.], болховская группировка немцев в ходе боев потеряла свыше 55 тыс. солдат и офицеров, 976 орудий, 100 танков, около 900 автомашин. Своими действиями войска Западного и Брянского фронтов вынудили германское командование перебросить в район Болхова крупные силы – восемь дивизий (одна моторизованная – 10-я, две пехотные – 26-я и 253-я, пять танковых – 4, 9, 12, 18, 20-я), а также ряд отдельных частей и соединений (общей силой до трех дивизий, по оценкам ГШ Красной армии [348 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 384.]), что значительно ограничило оборонительные возможности немцев на других направлениях.

Вместе с тем окружить болховскую группировку германских войск, как намечалось планом операции «Кутузов», не удалось, а наступление на Болхов проходило низкими темпами и длилось 18 дней. При этом было допущено еще одно ошибочное решение, связанное с развитием операции на Хотынецком направлении, – 4-я ТА была направлена не на юг, на Хотынец, а на Болхов, против более укрепленного фронта противника. Как видно, советское командование всех уровней, от главного до фронтового и армейского, предпочитало действовать вопреки общепризнанным поучениям немецкого военного теоретика Альфреда Шлиффена (Alfred Schlieffen), так что даже возможность ввода в сражение крупных резервов была использована не для удара по глубокому тылу противника, а для атаки его ближнего фланга (с точки зрения советского военного руководства, идеи Шлиффена больше не отвечали условиям времени). В результате в ходе боев на Болховском направлении 4-я ТА потеряла 84 процента имевшихся у нее танков типа Т-34 и 46 процентов легких танков Т-70 [349 - См.: Огненная дуга. С. 374.].

В то время, когда главные силы 11-й гвардейской, 4-й танковой и 61-й армий развивали операцию по разгрому болховской группировки немцев, чрезвычайно ожесточенные бои продолжались на Хотынецком и Карачевском направлениях. Здесь дальнейшее продвижение советских войск с севера угрожало немцам завершением окружения основных сил орловской группировки. Учитывая положительный опыт применения подвижных конно-механизированных групп, одновременно с продвижением на Хотынец, где немцы продолжали оказывать упорное сопротивление, советское командование решило нанести глубокий удар западнее, в направлении Карачева. С этой целью в состав ЗапФ был передан 2-й гв. кк, объединенный вместе с 16-м гвардейским стрелковым и 1-м

танковым корпусами в оперативную группу, которую возглавил командующий кавалерийским корпусом генерал Владимир Крюков. Командование ЗапФ поставило группе задачу прорвать оборону противника, частью сил овладеть городом Карачев и закрепить его за собой (блокировав тем самым железнодорожное сообщение по линии Орел – Брянск), а главными силами стремительно наступать на запад с целью захватить и удержать Брянский железнодорожный узел. Этот удар должен был послужить глубокому обходу всей орловской группировки германских войск.

По решению командующего ЗапФ, на оперативную группу генерала Крюкова была возложена задача прорвать оборону противника на участке Палькевичи – Обельна; частью сил 2-го гв. кк овладеть городом Карачев и закрепить его за собой до подхода стрелковых соединений; основными силами группы стремительно наступать на запад с целью захватить и удержать за собой Брянский железнодорожный узел, а отдельными отрядами действовать по тылам противника в северо-восточном направлении. Вместе с тем данное решение генерала Соколовского было принято еще 20 июля [350 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 388.], когда противник не успел усилить Карачевское направление и ввод здесь кавалерийского корпуса мог привести к значительным результатам – блокировать железнодорожное сообщение Орел – Брянск и способствовать глубокому обходу всей орловской группировки немецких войск. Однако командованию фронта и 11-й гв. А удалось сосредоточить 1-й танковый и 2-й гв. кавалерийский корпуса, а также три стрелковые дивизии 16-го гв. ск в районе Буки – Жудре – Кудрявец – Тросна только к вечеру 26 июля. Причем кавалерийский корпус был утомлен 250-километровым переходом по размытым дождями дорогам, а остальные части ослаблены боями, в которых они принимали участие с самого начала операции (например, в 16-м гвардейском стрелковом корпусе в ротах оставалось в среднем всего по 10–20 человек [351 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 389.]). С другой стороны, сократившиеся при отходе коммуникации (грунтовые дороги) и близость к основной линии железнодорожных сообщений Брянск – Орел позволяли противнику выигрывать в темпе развертывания резервов и оперативно перебрасывать дополнительные силы для прикрытия подступов к Карачеву с северо-востока.

Стремясь удержать в своих руках железную дорогу, отбросить вражеские части к северу и ликвидировать угрозу, созданную для основной линии коммуникаций орловской группировки, германское командование сосредоточивало в районе Карачев – Хотынец крупные силы, перебрасывая все части и подразделения, которые удалось собрать в тылу, вплоть до охранных, саперных и транспортных рот (из-за такого способа действий 203-я и 221-я охранные дивизии под командованием генералов Рудольфа Пильца (Rudolf Pilz) и Хуберта Лендла (Hubert Lendle) – всего 3 пехотных полка, 2 батальона и 2 артиллерийских дивизиона [352 - Залесский К. Вермахт. С. 617.], были по частям использованы на различных участках фронта и фактически утратили возможность эффективно вести борьбу с партизанами). На этот же участок фронта генерал Модель был вынужден направить мд «Великая Германия», переданную из ГА «Юг» и вошедшую в состав оперативной группы «Гарпе». Под управление командира дивизии «Великая Германия» генерала Вальтера*~~censored~~*нлейна (Walter Hoernlein) дополнительно поступили 45-й охранный полк, добровольческий кавалерийский полк «Центр», танковый батальон, 2 разведывательных батальона из состава 4-й и 9-й танковых дивизий, 2 пехотных

батальона и саперная рота из состава 707-й охранной пд, а также егерский и саперный батальоны [353 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 179–181.]. Впоследствии в оперативное распоряжение*~~сensored~~*нлейна были переданы также 256-й гп 112-й пд и 28-й пгп 8-й тд [354 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 27.]. Эти силы, а также прибывающие части мд «Великая Германия», в число которых входил 51-й танковый б-н, укомплектованный танками «Пантера», послужили основой для формирования оперативно-тактической группы под общим командованием*~~сensored~~*нлейна. По некоторым данным [355 - См.: Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М.: Эксмо; Яуза, 2006. С. 174.], потери, понесенные дивизией «Великая Германия» в ходе операции «Цитадель», были в значительной степени восполнены новой боевой техникой: танковый полк дивизии имел 99 боевых машин, из них 15 типа «Тигр», а в составе 51-го танкового батальона было 96 танков «Пантера». Сосредоточив на Карачевском направлении мд «Великая Германия» с приданными частями, немцы упредили группу генерала Крюкова в переходе в наступление. Как отметил при анализе операции штаб 11-й гв. А [356 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 41.], противник своими действиями предупредил и, по существу, сорвал готовившийся удар группы Крюкова.

Выполняя приказ командующего фронтом Василия Соколовского, генерал Крюков решил 3-й и 4-й гвардейскими кавалерийскими дивизиями первого эшелона корпуса перерезать Жиздринский большак и захватить Брянский железнодорожный узел, расположенный на восточном берегу Десны, а затем вводом из-за левого фланга корпуса резервной 20-й кд овладеть городом Карачев [357 - См.: Севрюгов С. Н. Указ. соч. С. 175–178.].

Главный удар генерал Крюков решил нанести с рубежа Алехино – Алисово, но утром 26 июля, когда 1-й тк еще не полностью закончил подготовку к наступлению, 2-й гв. кк только выходил в район сосредоточения, а части 16-го гв. ск завязали бои на правом фланге – западнее Буки и на западном берегу реки Рессета в направлении Красное, немцы внезапно атаковали силами до полка пехоты и более 100 единиц бронетехники в центре и по левому краю полосы обороны 16-го гв. ск. К исходу 25 июля части дивизии «Великая Германия» завершили сосредоточение в исходном районе вокруг населенных пунктов Прогресс, Умрихино, получив задачу отбросить советские войска в лесисто-болотистую местность к северу от Жудре и надежно прикрыть дорогу Орел – Брянск [358 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 41 об.]. Утром 26 июля сильными ударами из районов Большое Нарышкино – Юрьево – Аболмасово группа генерала*~~сensored~~*нлейна потеснила противника, так что к исходу этого дня немцы заняли Изморознь и Алисово (3 км западнее села Изморознь). Утром 27 июля до полка пехоты с 45 танками возобновили атаку из района села Мертвое, еще до батальона пехоты с 10 танками атаковали из поселка Прогресс, и к 7 часам двум этим боевым группам удалось взять Алехино. Однако части 31-й гв. сд не позволили противнику выйти здесь к Жудре. Атака противника из района Алисово на Жудре была отражена частями 11-й гв. сд при поддержке 1-го тк.

Тем не менее в результате активных действий германских войск 16-й гв. ск не смог организовать наступление и обеспечить ввод в прорыв обороны противника частей 2-го гв. кк. Войска 16-го гв. ск уступили удобный исходный район для развития наступления

на Карачев – населенные пункты Алехино, Алисово, Изморознь. Три стрелковые дивизии 16-го корпуса оказались втянуты в напряженные бои, что уже не позволило полностью задействовать их в предстоящей операции. Учитывая обстановку, в первой половине дня 27 июля генерал Крюков приказал главным силам 16-го гвардейского стрелкового и 1-го танкового корпусов отражать контратаки противника в центре и на левом фланге стрелкового корпуса, а прорыв германской обороны решил произвести на правом фланге почти исключительно кавалерийскими войсками. Согласно оперативному решению генерала Крюкова, 1-я гв. сд получила задачу овладеть опорным пунктом противника Гутовский Лесозавод, 11-я и 31-я гвардейские стрелковые дивизии должны были вернуть Алехино и Алисово, а 3-я и 4-я гвардейские кавалерийские дивизии – войти в бой с рубежа Большие Коссы – севернее Алехино, прорвать оборону противника и развивать прорыв в глубину [359 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 41 об.]. При этом часть дивизионной артиллерии кавалерийского корпуса была еще на подходе, а 1-й тк не мог эффективно поддерживать действия кавалерии на заболоченном участке, намеченном для прорыва.

Действуя по новому плану, во второй половине дня 27 июля оперативная группа в составе двух кавалерийских дивизий 2-го гв. кк и 1-й гв. сд 16-го гв. ск начала наступление в юго-западном направлении на Пасеку, Семеновку. Гвардейские 3-я и 4-я кавалерийские дивизии, которыми командовали генералы Михаил Данилович Ягодин и Григорий Иванович Панкратов, сильным ударом прорвали оборону 296-й немецкой пд генерала Артура Куллмера (Arthur Kullmer) на участке Палькевичи – Обельна. Тактика советской кавалерии заключалась в том, что спешенные эскадроны полков первого эшелона, действуя при поддержке полковой, дивизионной и корпусной полевой, противотанковой и самоходной артиллерии, прорывали вражеские позиции на узком 2—3-километровом участке фронта, после чего полки второго эшелона в конном строю входили в прорыв и вместе с приданными танковыми частями развивали прорыв в глубину. Соответственно, две кавалерийские дивизии прорвали оборону противника на узком участке между его опорными пунктами в Палькевичах и Обельне и, развивая успех прорыва, двинулись на запад и юго-запад, отбрасывая спешно выдвигавшиеся против них отдельные тыловые батальоны, сводные отряды из подразделений 707-й пд и группы прикрытия дивизии «Великая Германия» (в советских источниках обозначается как группа «Верзе», насчитывавшая до полка пехоты [360 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 37 об.]). На правом фланге участка прорыва 11-й гвардейский кавалерийский полк 4-й гв. Ставропольской кд овладел селом Палькевичи и вышел к речке Обельна. Вслед за ним был направлен и 16-й гвардейский кавалерийский полк. Здесь кавалеристы встретили тыловой оборонительный рубеж, прикрывавший подступы к Жиздринскому большаку (дорога Жиздра – Карачев). Рубеж представлял оборону очагового характера, поэтому части 3-й гв. Кубанской кд нашли возможность беспрепятственно переправиться на южный берег Обельны, после чего 10-й гвардейский кавалерийский полк сбил вражеское боевое охранение, продвинулся вперед на 2 км и был остановлен огнем на подступах к деревне Пырятинка. 9-й гвардейский кавалерийский полк выбил противника из Трубечины, но был задержан перед Большим Нарышкином, откуда противник предпринял контратаку силами пехоты. Батальон 2-го панцер-гренадерского полка «Великая Германия» отошел из деревни Ключ-Колодец (Ключ-Колодезь, 1 км восточнее Большого Нарышкина). К исходу 27 июля обе кавалерийские дивизии вышли на рубеж Вертушка –

Варки – Малое Нарышкино – Ключ-Колодезь, продвинувшись на запад и юго-запад на 2–4 км [361 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 41 об.]. Авиация противника с 12 часов группами по 40–60 самолетов бомбардировала боевые порядки 3-й и 4-й гвардейских кавалерийских дивизий, нанеся им значительные потери [362 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 42 об.].

На правом фланге 2-го гв. кк, где наступала 1-я гв. сд генерала Кропотина, обеспечивавшая действия кавалерии с севера, противник силами пехотного полка 707-й охранной пд и группы «Верзе» оказал наступлению дивизии эффективное огневое противодействие, используя местные условия, благоприятствовавшие обороне. Немцы блокировали опорными пунктами и перекрыли заграждениями все дороги, пригодные для движения в этом труднопроходимом лесисто-болотистом районе, и минировали гати через болота. К исходу 27 июля дивизия генерала Кропотина продвинулась на 3–4 км, но поставленную задачу так и не выполнила.

Части 31-й гв. сд полковника Щербины, усиленные танками 43-й отдельной гв. тбр полковника Лукашева, окружили Алехино с трех сторон и внезапным ударом около 14 часов выбили противника из села. В то же время 11-я и 16-я гвардейские стрелковые дивизии, усиленные 29-й отдельной гв. тбр и 117-й тбр 1-го тк, перешли в наступление из района Жудре и из леса северо-западнее Изморознь и овладели Алисово. Тогда противник, не успевший закрепить достигнутые утром успехи, немедленно предпринял контратаку из района Мертвое и вновь овладел Алехино. Однако его контратаки на Алисово из района Прогресс успеха не имели – 33-й и 46-й гвардейские стрелковые полки 11-й и 31-й гвардейских стрелковых дивизий удержали занятые ими позиции.

Вечером 27 июля генерал Крюков поставил соединениям оперативной группы задачи на следующий день [363 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 42–42 об.]:

– 11-й и 31-й гвардейским стрелковым дивизиям уничтожить противника в районе Алехино и наступать на Мертвое, Одринское, перерезать железнодорожную линию Орел – Карачев;

– 1-й гв. сд овладеть Гутовским Лесозаводом и перерезать дорогу из Хвостовичей на Карачев;

– 3-й гв. кд ударить в направлении на Мертвое, окружить и уничтожить противника в районе Алехино, далее совместно с 20-й кд наступать в направлении Одрино – Масловка;

– 20-й кд (без одного полка) к 18 часам занять исходное положение в лесу северо-восточнее Варки и с выходом 3-й гв. кд в район Красная Звезда перейти в решительное наступление в направлении Большая Семеновка – Карачев;

– 4-й гв. кд наступать на Карачев совместно с 20-й кд, выслав заслон в район Жиркины Дворы, перерезать шоссе и железнодорожную линию Карачев – Брянск.

В то же время, полностью сосредоточив северо-восточнее Карачева мд «Великая Германия» и части для ее усиления, германское командование решило не только прикрыть

дорогу Орел – Брянск, но и контрударом разгромить группу генерала Крюкова, создавшую серьезную угрозу коммуникациям 2-й ТА и всей орловской группировки немцев.

С 10 часов утра 28 июля соединения оперативной группы генерала Крюкова приступили к выполнению поставленных им задач, но успеха не добились, за исключением 3-й гв. кд, которой удалось овладеть населенными пунктами Варки – Пырятинка, Большое Нарышкино. 171-й гв. сп 1-й гв. сд временно блокировал дорогу Карачев – Хвастовичи.

С другой стороны, около 15 часов 28 июля крупная боевая группа мотопехоты и танков противника (по советским данным, до двух полков пехоты и 65 танков) перешла в наступление в районе Алехино – Изморознь, стремясь прорваться с юга на Жудре и Пырятинку, что создавало угрозу флангу и тылу 2-го гв. кк [364 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 389, 390.]. Это атаковали основные силы дивизии «Великая Германия» под командованием генерала*~~сensored~~*нлейна. Германская авиация группами от 20 до 60 самолетов-бомбардировщиков под прикрытием 10–30 истребителей поддерживала атаки своей пехоты и танков. Поступили донесения, что автоматчики с танками обходят лесом фланг 3-й гв. кд в направлении деревни Жудре, где был сосредоточен резервный 12-й гвардейский кавалерийский полк. 9-й гвардейский кавалерийский полк, понеся серьезные потери, был вынужден оставить Трубечину. В ходе завязавшихся боев населенные пункты Большое Нарышкино – Пырятинка, Ключ-Колодезь неоднократно переходили из рук в руки. Так, произведя ночью перегруппировку, около 7 часов утра 29 июля, после сильной артиллерийской и авиационной обработки рубежа 3-й гв. кд, боевая группа немцев в составе до одного полка пехоты при поддержке 40 танков атаковала позиции дивизии и овладела населенными пунктами Варки, Пырятинка, Большое Нарышкино – Ключ-Колодезь [365 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 43.].

По информации Петра Кириченко [366 - Кириченко П. Указ. соч. С. 152–153.], с 10 часов 25 июля 1-й тк по приказанию генерала Мостовенко прекратил активные действия с целью подготовки к действиям в направлении Хотынца с утра 26 июля. Сосредоточив все танки и САУ в районе полукилометра восточнее Низины, корпус занялся ремонтом и обслуживанием машин. Неожиданно обстановка обострилась. В полосе действия 16-го гв. ск генерала Федюнькина перед фронтом 11-й гв. сд, вышедшей на рубеж Шишкино – Умрихино, внезапно появились передовые части дивизии «Великая Германия», переброшенной сюда из-под Белгорода. Сбив части 11-й гв. сд с занимаемого рубежа, противник вынудил их отойти на рубеж Алисово, где они заняли оборону. Чтобы восстановить прежнее положение, фронтовое командование приняло решение усилить 16-й гв. ск. Новым приказом генерала Мостовенко в его оперативное подчинение в 15 часов 50 минут 25 июля был передан 1-й тк, поэтому генералу Буткову было приказано поднять части по тревоге и выступить в направлении Жудре. Во исполнение полученного приказа корпус, совершив ночной марш по труднопроходимой болотистой лесной дороге, к 3 часам ночи 26 июля сосредоточился в лесах западнее и юго-западнее Радовищей и Жудре. К этому моменту корпус имел в своем составе 25 боеспособных танков Т-34, 8 танков Т-70, 3 танка Т-60 и 6 единиц СУ-122 (следовательно, общие потери корпуса за 8 суток боев, прошедших с вечера 17 июля, составили 62 боевые машины, то есть примерно 8 танков и

САУ ежесуточно. – П. Б.). Тем временем противник продолжал теснить 11-ю гв. сд. Начав в 11 часов 30 минут 26 июля новое наступление, он атаковал Алисово и к 12 часам им овладел. По прибытии 1-го тк командир 11-й гв. сд (полковник Александр Иванович Максимов, который сменил генерала Федюнькина. – П. Б.), как и следовало ожидать, тут же распределил части корпуса по стрелковым полкам. 117-я и 89-я танковые бригады были закреплены соответственно за 40-м и 33-м гвардейскими стрелковыми полками, тогда как 159-ю танковую и 44-ю мотострелковую бригады, а также 1437-й сап комдив оставил в своем резерве. Таким образом, 1-й тк приказом командующего 16-го гв. ск и распоряжением командира 11-й гв. сд произвольно превращался из армейского оперативного средства в тактическое средство дивизионного подчинения для непосредственной поддержки пехоты. В течение последующих четырех суток части корпуса совместно с частями 11-й гв. сд вели тяжелые бои в районе Алисово – Изморознь – Радовици, то отражая атаки превосходящих сил противника, то предпринимая по приказу командования дивизии попытки контратак в направлении Мертвое – Прогресс – Кузьменково. В течение всего времени авиация противника массированными налетами воздействовала на боевые порядки частей, управление стрелковыми полками и их взаимодействие с частями танкового корпуса были нарушены. 28 июля во время одной из атак боевые порядки 44-й мсбр, вместо поддержки их пехотой, были атакованы с тыла заблудившимся 27-м гв. сп 11-й гв. сд (под командованием гвардии подполковника Николая Васильевича Харченко, бывшего инженера-зоотехника, который, по воспоминаниям маршала Баграмяна [367 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 231.], был одним из лучших полковых командиров в 11-й гв. А. – П. Б.). В результате таких действий корпус понес неоправданные потери.

Тем не менее благодаря упорной обороне двух левофланговых гвардейских стрелковых дивизий 16-го гв. ск (11-я и 31-я гвардейские стрелковые дивизии полковников Максимова и Щербины), действовавших совместно с тремя танковыми бригадами 1-го тк, немцам, несмотря на достигнутые ими тактические успехи, не удалось добиться сколько-нибудь значительных оперативных результатов, причем они утратили контроль над дорогой Хвастовичи – Карачев. С другой стороны, кавалерийские соединения группы генерала Крюкова и 1-я гв. сд 16-го корпуса, которые вначале продвинулись на 10–11 км, были надежно остановлены контрударом дивизии «Великая Германия» и контратаками частей, входивших в боевую полковую группу под управлением командира кавалерийского полка «Центр» подполковника Георга Безельэгера (Безелагер, Georg Boeselager) [368 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 179.]. Основу этой полковой группы составлял 15-эскадронный кавалерийский полк численностью свыше 6 тыс. солдат и офицеров (имевший на вооружении 8 броневедомостей, 27 орудий (12 полевых, 12 зенитных, 3 противотанковых) и 36 минометов, 230 пулеметов), усиленный двумя батальонами 707-й пд, егерским батальоном и ротой мостостроительного батальона [369 - Кавалерия вермахта. 1939–1945 // Новый солдат. № 120. С. 16; ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 794. Л. 38.]. Как видно, полк Безельэгера по своим силам и средствам был примерно эквивалентен одной кавалерийской дивизии советского 2-го кк, не учитывая наличия в их распоряжении отдельных танковых полков. Однако за четыре дня наступления группе Крюкова удалось только временно перерезать дорогу Хвастовичи – Карачев и, нависая над Карачевом с севера, к исходу 30 июля выйти на рубеж Гутовский Лесозавод (исключительно) – Московский – изгиб дороги между селами Желтоводье и

Жиркины Дворы – Пырятинка – Хотимль – северо-западная окраина Ильинского и далее на северо-восток до дороги Гнездилово – Льгово. После чего, не располагая силами для дальнейшего развития наступления, оперативная группа была вынуждена перейти к обороне и, ведя частные наступательные бои с ограниченными целями, оставалась в дальнейшем на занимаемом рубеже.

Таким образом, в результате контрудара группы генерала*~~sensored~~*нлейна немцы задержали противника на Карачевском направлении, но отбросить советские войска в Кудрявецкий и Еленский леса им не удалось. По информации генерала Гребена [370 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 152.], мд «Великая Германия» (переведенная из 4-й ТА), 293-я пд (из состава 53-го ак) и 129-я пд (из состава 4-й А группы «Центр») нанесли контрудар прямо по районам сосредоточения русских, ограничив возможности противника начать наступление в направлении железной и шоссейной дорог Хотынец – Карачев, жизненно важных транспортных артерий всего Орловского выступа. Советские войска также попытались пробиться к Брянску вдоль железной дороги Терebenь – Брянск, однако были надежно остановлены благодаря жесткой обороне тактических групп подполковника Георга Безельэгера (основу этой группы составлял добровольческий кавалерийский полк «Центр») и части 707-й охранной пд генерала Рудольфа Бузиха (Rudolf Busich), которые были переброшены в данный район в период с 15 по 17 июля.

Согласно боевому донесению штаба ЗапФ начальнику Генерального штаба об обстановке и итогах наступления по состоянию на 29 июля 1943 года [371 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 461–462.], к 17.00 29 июля группа генерала Крюкова на правом фланге продвинулась в западном и юго-западном направлениях от 2 до 4 км, перерезав одну из местных дорог на Карачев; на правом фланге 2-го гв. кк части 4-й гв. кд ведут бой на фронте 2 км восточнее Желтоводье – Красовский – Малая Семеновка; на левом фланге части 3-й гв. кд продолжали отбивать контратаки пехоты и танков противника на фронте 300–400 м севернее Варки – Пырятинка – Большое Нарышкино – Ключ-Колодезь.

По оценке штаба 11-й гв. А [372 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 43.], за три дня упорных боев оперативная группа генерала Крюкова свою задачу по овладению и удержанию района города Карачева не выполнила по причине опоздания с вводом в бой 2-го гв. кк и изменению обстановки на Карачевском и Хотынецком направлениях. В сложившейся ситуации командующий фронтом Соколовский изменил задачу коннице, приказав генералу Крюкову вместе с частями генерала Федюнькина разгромить алексинскую группировку противника в районе северо-восточнее Карачева, а частью сил разрушить железную дорогу между Карачевом и Брянском. В набег были выделены 11-й и 16-й гвардейские кавалерийские полки 4-й гв. кд, получившие задачу перерезать железную дорогу Карачев – Брянск на участке Философский Завод – Слава и нарушить железнодорожное сообщение в тылу противника. В 4 часа утра 31 июля оба полка внезапно атаковали позиции немецкой 296-й пд вдоль Жиздринского большака. Благодаря превосходству в артиллерии система огня противника была быстро подавлена, после чего кавалерийские эскадроны вышли на опушку леса, повели наступление и осуществили прорыв в районе села Жиркины Дворы (южнее Желтоводье), на участке 519-го гп, которым командовал подполковник Альфред Друффнер (Alfred Druffner). В связи с

большими потерями этого полка оборону вокруг села удерживали не регулярные части, а два немецких автопарковых батальона. Тем не менее в ходе боя осколком мины был убит командир 16-го гвардейского кавалерийского полка и руководитель первой рейдовой группы полковник Яков Прокофьевич Агеев. Командир другого полка, полковник Сергей Васильевич Аристов, объединил командование и полками и группами и принял решение уходить в глубь Брянских лесов двумя отдельными отрядами по назначенным маршрутам. Двигаясь без дорог, полки прошли по лесам около 50 км, вышли к железной дороге, разрушили железнодорожную линию на нескольких участках и, вернувшись из рейда, 3 августа присоединились к своим основным силам.

С другой стороны, 3 августа 1943 года два гренадерских полка с 12 единицами бронетехники из состава немецкой 129-й пд под командованием генерала Альберта Прауна (Albert Praun) атаковали из района села Рессета и, пользуясь поддержкой авиации – 70–80 самолетов – оттеснили части 171-го гв. сп советской 1-й гв. сд генерала Кропотина от дороги Карачев – Хвостовичи и вышли на окраины населенных пунктов Московский и Тихеевский, которые обороняли 167-й и 169-й гвардейские полки дивизии [373 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 43 об.; Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 12.]. В то же время усиленный панцер-гренадерский полк дивизии «Великая Германия» и 256-й гп 112-й пд, действовавшие при поддержке авиации и 70 танков, в том числе 14 «Тигров», после часовой артподготовки атаковали позиции 11-й гв. сд в направлении Алисово – Жудре, полностью окружили дивизию генерала Максимова и к исходу дня овладели Алисово и лесом севернее села Изморознь (по советским данным, потери немцев составили до батальона пехоты, 43 танка, 10 САУ и 2 бронемшины) [374 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 43 об.; Д. 336. Л. 20–21.]. Части 11-й гв. сд прорывались из окружения в течение ночи с 3 на 4 августа.

Как видно, за неделю встречных боев в труднопроходимой лесисто-болотистой местности ни одной из сторон в целом не удалось достичь решительного успеха, и к началу августа линия фронта в полосе 11-й гв. А стабилизировалась на рубеже, проходящем в 15 км и более к северу от железной дороги Орел – Брянск. К 3 августа соединения 16-го гв. ск прочно удерживали рубеж Гутовский Лесозавод (исключительно) – Московский – Жиркины Дворы (исключительно) – Малая Семеновка – Алехино (исключительно) – Изморознь; 36-й гв. ск занял рубеж река Вытебеть – 2 км севернее села Изморознь – Ильинское – Кашеево; 8-й гв. ск вышел на рубеж Егорьевская – Знаменское – Лебединский – Красное Знамя [375 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 43 об.; Д. 336. Л. 44.]. Следовательно, в итоге наступление оперативной группы генерала Крюкова окончилось вклиниванием в оборону немецкой 2-й ТА на глубину до 16 км на участке от Большого Нарышкино до Букинского завода. По мнению маршала Баграмяна [376 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 237, 240.], назначение командующего кавалерийским корпусом генерала Крюкова командующим крупной и разнородной по своему составу оперативной группой войск оказалось неудачным решением, поскольку Крюков был слишком привержен к своему роду войск. Он действовал как командир кавалерийского корпуса, поэтому единого войскового организма из группы не получилось: стрелковые, танковые и кавалерийские части, фактически, действовали сами по себе. Однако, как прозрачно намекает Баграмян, Крюкову покровительствовал сам маршал Жуков.

В конце июля Ставка приказала командующим войсками Западного и Калининского фронтов начать подготовку к наступательной операции на Смоленском и Рославльском направлениях под условным наименованием «Суворов», с задачей нанести здесь поражение войскам 3-й танковой и 4-й армий группы армий «Центр». В соответствии с замыслом Ставки главный удар наносили войска ЗапФ на Рославльском направлении. Одновременно войскам правого крыла ЗапФ ставилась задача во взаимодействии с соединениями левого крыла Калининского фронта разгромить противника в районе Ярцева, Дорогобужа и в дальнейшем наступать в общем направлении на Смоленск. Предпринимая данную операцию, Ставка прежде всего преследовала цель не допустить перегруппировку сил противника отсюда на другие участки фронта. Кроме того, в связи с успешным продвижением советских войск на Брянск создавалась возможность расширить общий фронт наступления на всем западном стратегическом направлении. Переход в наступление намечался на 5–7 августа 1943 года. В связи с подготовкой Смоленской наступательной операции Ставка приняла решение передать 11-ю общевойсковую, 11-ю гвардейскую, 4-ю танковую армии, 1-й танковый и 2-й гв. кавалерийский корпуса, входившие в левое крыло ЗапФ, в состав БрФ. С этого момента завершение операции «Кутузов» целиком возлагалось на Брянский и Центральный фронты, а Западный и Калининский фронты должны были сосредоточить все свои усилия на подготовке к проведению предстоящей операции «Суворов» с целью освобождения Смоленска. Соответственно, в состав 15-й ВА БрФ были переданы 2-й истребительный (52 самолета-истребителя) и 11-й смешанный (108 истребителей и 60 штурмовиков) авиационные корпуса, а также 244-я штурмовая авиадивизия (65 штурмовиков) 1-й ВА ЗапФ, тогда как остальные соединения этой армии перебазировались на Ельнинское направление для участия в Смоленской операции [377 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 260, 308–309.].

29 июля на командном пункте 11-й гв. А проходила передача ее войск от Западного к Брянскому фронту в присутствии командующих этими фронтами генералов Соколовского и Попова. При докладе об этом Сталину генерал Баграмян попросил у Верховного главнокомандующего пополнений для успешного завершения Орловской операции, на что Сталин, как официант в ресторане, только спросил, сколько людей нужно и куда их «подать», а Баграмян ответил, что ему требуется 24 тыс. человек, которых надо «подать» на станцию Козельск (даже профессионально-жаргонная терминология, принятая в среде советского командования, показывала, что военачальники Красной армии считали своих солдат «пушечным мясом», которое им «подают» для употребления на фронте. – П. Б.) [378 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 239.]. Вечером 29 июля один из руководителей Народного комиссариата обороны – Ефим Щаденко, ведавший вопросами комплектования войск и формированием резервов, – сообщил Баграмяну, что к утру 30 июля в штаб 11-й гв. А прибудет его представитель, который доставит план перевозки по железным дорогам в Козельск 24 тыс. человек отличного пополнения из состава курсантских бригад резерва Ставки. Как видно, вместо полноценной военной подготовки курсантов, советское военное руководство решило использовать недоучившихся офицеров с целью внесения перелома в оперативную ситуацию, когда выделенных сил и средств для достижения успеха уже не хватило, хотя перед началом операции было обеспечено подавляющее превосходство над противником. По данным немецкой агентурной разведки [379 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 798. Л. 1–2.], к 12 августа 1943 года в полосу боевых действий на фронте 2-й танковой и 9-й полевой армий группы

армий «Центр» советским командованием было переброшено до 41 тыс. человек пополнения.

На Орловском направлении командующий 3-й А решил нарастить силу удара, задействовав 25-й ск, поэтому приказал первому эшелону ударной группы 26 июля овладеть рубежом Апальково – Чупахино, закрепиться здесь и обеспечить ввод в бой стрелкового корпуса из третьего эшелона. Соответственно, 25-й ск получил задачу утром 26 июля переправиться через Оку и с рубежа Горка – Городище наступать в направлении Поляны. Стрелковая 283-я дивизия второго эшелона и 17-я гв. тбр, которые в течение 25 июля сосредоточились в лесах в районе Чижовки, должны были находиться в готовности перейти в наступление с рубежа Хватнево – Волобуево на Чупахино – Жилиевский.

26 июля ударная группа 3-й А возобновила наступление, но соединения ее первого эшелона были сразу же контратакованы частями 34-й пехотной и 20-й моторизованной дивизий немцев и понесли большие потери. В результате этого они не выполнили поставленной задачи и оказались вынуждены закрепиться на рубеже Шумово – Хватнево, овладев только сильным опорным пунктом противника в Шумово (благодаря удачным действиям частей 342-й сд полковника Червония). В то же время 186-я и 362-я стрелковые дивизии 25-го ск, переправившись на рассвете через Оку, развернулись на ее западном берегу и под прикрытием сильного огня артиллерии и авиации стали наступать на Каменку. Однако германское командование обнаружило развертывание соединений вражеского корпуса в районе Горки и направило на этот участок около 100 пикирующих бомбардировщиков, которые в течение 3 часов бомбардировали боевые порядки советских стрелковых частей [380 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 422; Горбач В. Указ. соч. С. 282.]. Около 14 часов правофланговая 362-я сд генерала Далматова была контратакована 76-м панцер-гренадерским полком 20-й мд противника (под командованием майора Эрвина Купманна (Erwin Koormann) и перешла к обороне в районе Савенково, а 186-я дивизия полковника Григория Ревуненкова на левом фланге к исходу дня овладела Каменкой, но дальше не продвинулась. Командующий 3-й А генерал Горбатов ввел в бой 283-ю сд второго эшелона и 17-ю гв. тбр гвардии полковника Бориса Шульгина (Борис Владимирович Шульгин), которым к исходу дня удалось завязать бои за вражеский опорный пункт в Чупахино. 27 июля ударная группа 3-й А возобновила наступление, однако вновь не смогла прорвать оборону 35-го ак противника. В итоге за два дня наступательных боев на западном берегу Оки 3-я А достигла лишь того, что вклинилась своим правым флангом во вражескую оборону и несколько оттеснила противника, выйдя на рубеж Шумово – Савенково. При этом, стремясь одним мощным ударом прорвать оборону немцев и как можно скорее выйти к Орлу, командующий армией генерал Горбатов уже в первые два дня ввел в бой все оперативные резервы – второй и третий эшелоны. Не добившись быстрого успеха, командующий армией приказал с 28 июля закрепляться на достигнутом рубеже и подготовиться к новому наступлению с утра 30 июля. Перегруппировав дополнительные силы к правому флангу, 3-я А 30 июля возобновила наступление в общем направлении на Полозовские Дворы, но ее войскам не удалось преодолеть неприятельскую оборону на рубеже Шумово – Чупахино. Опираясь на тыловую оборонительную полосу, занятую частями 34-й и 56-й пехотных, 2, 8 и 12-й танковых, 20-й моторизованной дивизий, противник оказывал ожесточенное сопротивление. Германская авиация интенсивно бомбардировала

наступающие советские части, а пехота и танки, поддержанные огнем артиллерии, неоднократно переходили в контратаки.

Одновременно с 3-й армией 26 июля возобновила наступление и 63-я А БрФ. После сильного артиллерийского налета по обороне противника войскам ударной группы армии удалось взять опорный пункт Наумово. Однако, не располагая необходимыми для развития успеха резервами, командующий армией генерал Колпакчи приказал соединениям армии 26 июля временно закрепиться на достигнутом рубеже, чтобы подготовиться к возобновлению наступления с утра 28 июля. В этот день 63-я А силами своего левого фланга (41, 250 и 287-я стрелковые дивизии) вновь перешла в наступление, и ей удалось отбросить части 36-й пд противника на северо-запад и овладеть опорным пунктом Оловянново, а также выйти в район Становой Колодезь. Однако на следующий день противник, используя заблаговременно подготовленные позиции на рубеже Гремячий – Козиновка, вновь оказал упорное сопротивление. Все попытки трех указанных дивизий прорваться к Орлу успеха не имели. На рубеже Становой Колодезь – Змиево (7 км юго-западнее Оловянново) немцы построили сильную промежуточную отсечную позицию, для прорыва которой требовалось вновь перегруппировывать силы 63-й А и готовить их к дальнейшему наступлению.

В ночь на 31 июля, как это и было запланировано германским командованием, началось общее отступление основных сил 2-й ТА к Орлу и далее на запад, на рубеж Хаген. С наступлением темноты 30 июля огонь германских войск ненадолго усилился, на отдельных участках небольшие боевые группы неоднократно переходили в контратаки, местность на переднем крае усиленно освещалась ракетами. Повышенная активность противника встревожила командира 362-й сд 25-го ск генерала Василия Далматова (Василий Никитич Далматов в начале войны командовал 31-й армией в составе Резервного и Западного фронтов, полностью разгромленной осенью 1941 года в районе Ржева), решившего усилить разведку перед своим фронтом, выслав вперед разведывательный батальон дивизии. В 2 часа ночи 31 июля разведка обнаружила отход противника и донесла об этом командованию. Получив сообщение об отходе немцев, командующий 3-й армией немедленно направил главные силы армии в общее преследование, которое встретило незначительное сопротивление немецких арьергардов. Серьезные бои завязались только за опорные пункты, прикрывавшие отход соединений 35-го немецкого ак.

Особенно ожесточенные бои 31 июля произошли в районе деревни Апальково. Этот опорный пункт прикрывал подступы к Орлу с севера. Выбить отсюда немецкий гарнизон удалось лишь после того, как 308-я и 380-я стрелковые дивизии 3-й А обошли деревню с севера, а с наступлением темноты штурмовой батальон 342-й сд при поддержке танков неожиданно атаковал с фронта. По утверждению генерала Горбатова [381 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 221–222.], в районе Апальково было захвачено 18 танков, 5 самоходных орудий, 28 орудий, 4 тяжелых метательных аппарата, 23 пулемета и 20 пленных, убито до 200 немецких солдат и офицеров. Эти данные показывают, насколько незначительными были те силы, которые германское командование могло выделить для удержания ключевых опорных пунктов, обеспечивающих отход немецких войск с Орловского плацдарма.

Левифланговые части 63-й А генерала Колпакчи к 31 июля овладели рубежом Гремячий – южная окраина Становой Колодезь – Оловянниково.

Таким образом, в конце июля войска левого крыла БрФ вышли на ближние подступы к Орлу. В это же время войска 11-й гвардейской и 61-й армий, разгромив болховскую группировку противника и овладев городом Болховом, к 30 июля вышли на рубеж Ильинское – Борилово – Павловский – Подчернево, угрожая флангу и тылу немецких войск, оборонявшихся в районе Орла.

Генерал Рендулич указывает [382 - Рендулич Л. Указ. соч. С. 186–187.], что к 31 июля ширина фронта обороны 35-го ак оставалась прежней – 140 км, и хотя в его составе было уже десять соединений (6 пехотных, 3 танковые и 1 моторизованная дивизии), но потери оказались очень большими. Особенно высок был процент раненых, а три основные дивизии, участвовавшие в сражении (по-видимому, 36, 56, 262-я пехотные дивизии. – П. Б.), потеряли половину своих орудий. В связи с этим силы корпуса соответствовали: по пехоте – четырем, по артиллерии – шести, а по тяжелым противотанковым средствам – двенадцати пехотным дивизиям.

На Орловско-Кромском направлении, в целях усиления ЦФ, Ставка решила 26 июля 1943 года передать в его распоряжение 3-ю гв. ТА. Командованию танковой армии была поставлена задача действовать совместно с 48-й армией, прорвать заблаговременно подготовленную оборону противника на реке Малая Рыбница, затем форсировать Оку и к исходу дня продвинуться вперед на глубину 30 км. В 13.40 27 июля генерал Рокоссовский приказал 3-й гв. ТА с утра 28 июля нанести удар в общем направлении на Никольское – Малое Рыжково, в дальнейшем форсировать вброд реку Ока в районе устья реки Крома, а затем быть в готовности развивать наступление в направлениях Орел – Нарышкино – Шаблыкино – Сосково [383 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 329. Д. 23. Л. 189–190.]. При этом танковая армия генерала Рыбалко была серьезно ослаблена в результате тяжелых боев на БрФ, где она понесла большие потери (по некоторым данным [384 - См.: Шеин Д. В. Танки ведет Рыбалко. Боевой путь 3-й Гвардейской танковой армии. М.: Яуза; Эксмо, 2007. С. 114–115.], в ходе восьмидневных боев к утру 28 июля войска армии потеряли 2484 человек убитыми, 5241 человек ранеными, обожженными, контужеными, 912 человек пропало без вести, было потеряно 218 танков типа Т-34 и 106 танков Т-70; в результате к этому же времени боевой состав 3-й гв. ТА насчитывал 243 танка Т-34, 114 танков Т-70, 27 самоходных установок СУ-122, 76 орудий калибра 76,2 мм и 88 противотанковых 45-мм пушек, 118 тяжелых 120-мм и 166 средних 82-мм минометов). Маршал Рокоссовский свидетельствует [385 - Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 228.], что личный состав гвардейской танковой армии был деморализован неудачами, в чем ему лично пришлось убедиться в первый же день участия армии в боях на ЦФ.

Выйдя из боя в районе Становой Колодезь, к утру 28 июля 3-я гв. ТА сосредоточилась в районе Аленовка – Куракино. По решению генерала Рыбалко в первый эшелон армии были выдвинуты 6-й и 7-й гвардейские танковые корпуса и 91-я отдельная танковая бригада. В 15 часов 30 минут 28 июля они совместно с войсками 48-й А перешли в наступление с рубежа железной дороги Змиевка – Поныри на северо-запад. Противник упорно оборонялся, сосредоточив для защиты рубежа по речке Малая Рыбница до 15

артиллерийских батарей, а также истребительно-противотанковый дивизион из состава 216-й пд генерала Фридриха Шака (Friedrich-August Schack). Артиллерийское и авиационное воздействие со стороны наступающих советских войск было слабым, взаимодействие стрелковых соединений 48-й А с танковыми частями из-за недостатка времени организовать не удалось, хотя Рокоссовский в приказе поставил перед 48-й армией задачу всеми огневыми средствами стрелковых частей и огнем артиллерии содействовать удару танков, а командованию 16-й ВА указал обеспечить с воздуха их наступление и действия в тылу противника, в особенности при переправе через реку Ока [386 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 329. Д. 23. Л. 189–190.]. В результате наступление 28 июля успеха не имело, причем не принесли существенного результата и ночные атаки. В своем исследовании, посвященном действиям 3-й гв. ТА в ходе основных операций на советско-германском фронте, Д. Шеин отмечает [387 - Шеин Д. В. Указ. соч. С. 126–128, 130–131.], что в Орловской операции особенно негативно зарекомендовала себя практика взаимодействия между танковой армией и общевойсковыми объединениями на основе так называемых «договоренностей». Поскольку собственная артиллерия танковой армии была изначально слабой, то недостатки данного способа организации взаимодействия сказались прежде всего на поддержке армии со стороны артиллерийских частей и соединений, которая в течение всей Орловской операции была крайне недостаточной или вообще не оказывалась (например, в одном случае 19-й артполк 13-й А поддержал танкистов тем, что произвел по противнику всего 20 выстрелов, ссылаясь на отсутствие боеприпасов [388 - См. там же. С. 126–128, 130–131.]).

29 июля 3-я гвардейская танковая и 48-я общевойсковая армии возобновили наступление. Форсировав реку Малая Рыбница, войска армий к исходу дня вышли на рубеж Реутово – Философово – Никольское. С утра 30 июля возобновились бои, которые с переменным успехом продолжались до исхода следующего дня. В течение 31 июля 6-й гв. тк генерала Зиньковича прорывался на Ржавец, охватывая опорный пункт врага в Реутово с северо-востока и северо-запада, 91-я отдельная тбр полковника Якубовского овладела рощей северо-западнее Философово и развивала наступление на Кресты, а 7-й гв. тк генерала Рудкина овладел Никольским и продолжал наступление на Плоты.

Согласно сводке оперативного отдела штаба немецкой 9-й А [389 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 792. Л. 90.], долгожданная крупная наступательная операция противника на участке Никольское – Философово, проводимая 3-й гв. ТА при поддержке двух стрелковых дивизий, началась лишь 31 июля 1943 года. В ходе ожесточенных боев, продолжавшихся целый день, немецким войскам, и в частности 292-й пд, удалось достигнуть полного успеха в обороне, танковая армия противника понесла значительные потери.

Как свидетельствует маршал Якубовский [390 - Якубовский И. И. Указ. соч. С. 140.], в конце июля и первых числах августа бригаде пришлось вести тяжелые бои южнее Орла, в районе Философово, где противник оказал особенно яростное сопротивление. Гитлеровцы использовали свое выгодное положение на господствующем, западном берегу реки Малая Рыбница, которая рассекала село на две части, причем мост через реку под Философово был взорван, подступы к переправе заминированы и непрерывно простреливались, а вражеская авиация действовала активно, часто наносила бомбовые удары по

наступающим. Поэтому танкисты во взаимодействии с частями 170-й сд 48-й А под командованием полковника Абрама Черяка шесть дней выбивали гитлеровцев из этого села, которое было ключевым во вражеской обороне (Абрам Михайлович Черяк, ранее – офицер старшего командного состава органов государственной безопасности).

Используя продвижение 3-й гвардейской танковой и 48-й армий, войска 13-й и 70-й армий, преодолевая упорное сопротивление противника, продолжали развивать наступление на Кромы.

К 31 июля армии правого крыла Центрального фронта продвинулись на глубину свыше 40 км [391 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 282.], но при этом понесли большие потери, особенно в танках. Во 2-й ТА были выведены из строя почти 60 процентов танков, а 3-я гв. ТА за время боев с 19 по 31 июля потеряла, по разным данным, от 400 до 500 боевых машин [392 - См.: Огненная дуга. С. 374; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 692.]. По личному составу войска ЦФ за операцию потеряли солдат и офицеров больше, чем на БрФ, хотя вступили в сражение на три дня позже. При этом потери частей и соединений 9-й А вермахта, напротив, после перехода к обороне резко сократились: свыше 20 тыс. военнослужащих с 1 по 10 июля; около 8,3 тыс. – с 11 по 20 июля; 8,9 тыс. – с 21 по 31 июля [393 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 518.]. К 31 июля командование 9-й А смогло вывести с фронта и перебросить на другие участки все свои танковые и моторизованные соединения – 10-ю моторизованную, 2, 4, 9, 12, 18, 20-ю танковые дивизии, 36-ю пехотную (моторизованную) и 78-ю штурмовую пехотную дивизии, а также часть средств усиления, в том числе 656-й тяжелый танкоистребительный полк. В полосе армии остались обороняться только пехотные соединения, которые успешно противодействовали наступлению двух советских танковых армий и двух отдельных танковых корпусов. За первые 17 дней операции войска ЦФ не только не решили задачу по глубокому прорыву в тыл 9-й А, создающему угрозу окружения орловской группировки противника, но даже не смогли активными действиями связать вражеские части в полосе своего наступления, чтобы воспрепятствовать германскому командованию маневр силами и средствами из состава 9-й А. Все это говорит о невысоком уровне подготовки и организации наступления со стороны командования ЦФ, которое не располагало значительным материальным превосходством над противником, как это было на Западном и Брянском фронтах, и при этом не смогло произвести собственный маневр силами и средствами, чтобы сосредоточить превосходящие ударные группировки на тех направлениях, где оборона противника являлась наиболее уязвимой. Вместо этого генерал Рокоссовский проводил фронтальное наступление против только что перешедшей к обороне ударной группировки 9-й А немцев, которая опиралась как на собственные, так и на захваченные у его же войск заранее подготовленные укрепленные позиции. При таком решении вряд ли следовало рассчитывать на что-то большее, чем медленное вытеснение противника за счет общего превосходства в людях и боевой технике, но ценой больших потерь. Впрочем, как уже говорилось выше, сам Рокоссовский объяснял неудачные действия ЦФ тем, что Ставка Верховного главнокомандования не предоставила ему достаточно времени, чтобы подготовиться к операции.

Отход главных сил 9-й и 2-й танковой армий группы армий «Центр» с Орловского плацдарма начался, как и планировалось, в ночь на 31 июля. Тем не менее на всех участках линии фронта вдоль Орловского выступа, протянувшейся более чем на 400 км, продолжались тяжелые бои, так как Красная армия продолжала наступать, а генерал Модель должен был организовать прикрытие отхода, чтобы не допустить преждевременного отступления на неподготовленные позиции.

4.2. Развитие обстановки 1–5 августа. Взятие Орла

Начало августа ознаменовалось ожесточенной борьбой на подступах к Орлу. Войска БрФ упорно продвигались к городу с востока и севера, а с юга подходили части и соединения правого крыла ЦФ. С большим трудом противник удерживал коммуникации западнее Орла, над которыми с севера и северо-запада нависла ударная группировка 11-й гвардейской и 4-й танковой армий, переданных из состава ЗапФ.

Германское командование оказалось перед проблемой срочного отвода оборонявшихся в районе Орла дивизий 53-го и 35-го армейских корпусов 2-й ТА, для которых возникла непосредственная угроза окружения. Сосредоточивая силы, чтобы сдержать наступление во фланг и тыл этой группировки, в ночь на 31 июля немцы начали по возможности скрытно выводить свои части из Орловского мешка, прикрывая отход сильными арьергардами, – специально выделенные отряды продолжали ожесточенное сопротивление на подступах к Орлу, стремясь обеспечить эвакуацию города. Широко развитая сеть заграждений, в особенности минные поля, затрудняла продвижение русских, а германская авиация интенсивными атаками с воздуха поддерживала свои наземные войска, хотя главной задачей, которую решала авиация немцев при отступлении на линию Хаген, стало прикрытие основного маршрута движения Орел – Брянск. Западнее Орла в направлении на Карачев и Брянск растянулись длинные колонны немецких войск: 4 августа советская разведывательная авиация зафиксировала здесь до 2500 машин и 58 железнодорожных эшелонов; 5 августа – 2360 автомашин и 62 эшелона [394 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 285.].

Соответственно, накануне штурма Орла советская Ставка Верховного главнокомандования потребовала усилить авиаудары по колоннам отходившего противника, узлам дорог и переправам. В течение первых пяти дней августа 15-я и 16-я воздушные армии совершили около 9800 самолето-вылетов, значительная часть из которых для ударов по путям отхода немецких войск из района Орла [395 - См.: Огненная дуга. С. 375.]. С целью полностью парализовать основную линию движения неприятеля части дальней авиации с 22 июля по 17 августа совершили шесть бомбардировок (всего 380 самолето-вылетов) Брянского железнодорожного узла, использовав 400 тонн бомб [396 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 279.]. Несмотря на это, генерал Клесс отмечает, что критических ситуаций при отходе практически не возникало, опасность со стороны советской авиации была минимальной; в целом, по оценке Клесса, советские военно-воздушные силы не использовали стратегически важную возможность нанести крупное поражение отступающим германским войскам [397 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 225.]. В. Горбач указывает [398 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 285–287.], что ответственность за срыв перевозок противника была возложена на

командующего 3-го шак 15-й ВА генерала Михаила Горлаченко, но сил корпуса для решения этой задачи явно не хватало (например, 1 августа удалось выполнить всего 75 самолето-вылетов), причем вражеская авиация оказывала сильное противодействие – с 1 по 5 августа был сбит 31 штурмовик из состава корпуса, тогда как общие потери 15-й ВА за время с 1 по 4 августа составили 123 самолета, в том числе 66 штурмовиков и 50 истребителей (немецкий 6-й ВФ в период с 31 июля по 5 августа потерял около 13 пикирующих бомбардировщиков и 17 самолетов-истребителей). В целом в начале августа авиация 6-го ВФ существенно превзошла противника по интенсивности боевой работы, обеспечивая с 31 июля по 5 августа ежедневно от 1250 до 1650 самолето-вылетов, тогда как пилоты и экипажи 15-й ВА 3 августа сделали 979 самолето-вылетов, 7 августа – 952, 9 августа – 402 самолето-вылета [399 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 287; ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 134, 214 об., 224 об.].

При этом 2 августа 1943 года около 17.30 самолет командующего ГА «Центр» фельдмаршала Клюге был атакован советскими истребителями юго-восточнее Карачева, совершил вынужденную посадку и перевернулся, из-за чего фельдмаршал получил разрыв связок левого плеча, но потребовал амбулаторного лечения и оставил за собой руководство войсками [400 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 19.].

В течение 1 августа 1943 года 3-я и 63-я армии БрФ продолжали преследование отходящих германских войск, в результате которого части 3-й А за день 1 августа продвинулись на 12–14 км на юг и юго-запад и глубоко охватили Орел с северо-запада. В первой половине дня 2 августа 3-я А силами пяти стрелковых дивизий вышла к реке Неполодь, но форсировать реку с ходу русским не удалось. Немцы спешно подготовили промежуточный оборонительный рубеж на южном берегу реки, где закрепились части 34-й пехотной, 20-й моторизованной и 12-й танковой дивизий, которые сильным огнем не позволили противнику осуществить переправу.

С выходом к реке Неполодь войска 3-й А завязали бои на ближних подступах к Орлу, однако 63-я А все еще продолжала преодолевать промежуточную оборонительную позицию немцев на рубеже Становой Колодезь – Оловянноково. В создавшихся условиях, чтобы захватить Орел и полностью окружить отошедшие сюда неприятельские части, командованию БрФ и 3-й А требовалось оперативно использовать выход главных сил 3-й А к Орлу с севера. В связи с этим командующий 3-й армией решил перейти в наступление силами 308-й сд под командованием генерала Леонтия Гуртьева, завершавшей сосредоточение в районе Оптуха – Парахино. Прорыв оборонительного рубежа противника по реке Неполодь предполагалось обеспечить сильным ударом этой дивизии с востока, вдоль правого берега Оки.<

> В 12 часов 2 августа части 308-й сд после короткого артиллерийского налета форсировали в нескольких местах реку Оптуха и стали наступать вдоль железной дороги на Орел, но встретили здесь упорное сопротивление заградительных отрядов 56-й пехотной и 2-й танковой дивизий немцев, поэтому продвинулись всего на 400 м от берега. Одновременно 380-я сд полковника Алексея Кустова также форсировала реку Оптуха, сильным ударом отбросила части прикрытия немецкой 8-й тд с западного берега и продвинулась в район села Большое Булгаково, выбив неприятеля из этого опорного

пункта. В течение ночи на 3 августа немцы отступили с рубежа по западному берегу реки Оптуха на высоты в 4–5 км западнее, где утром и в первой половине дня вновь заняли оборону и подготовили огневое сопротивление. В 5 часов утра 3 августа 308-я сд возобновила наступление и, отбросив отряды прикрытия, к 10 часам овладела крупным населенным пунктом Вязки на южном берегу Оки, но затем встретила сильный организованный артиллерийский и минометный огонь и дальнейшего продвижения не имела.

Генерал Горбатов вспоминает [401 - Горбатов А. В. Указ. соч. С. 222–223.], что когда 2 августа 308-я сд захватила за рекой Оптуха две деревни, а 380-я сд – большой плацдарм рядом населенных пунктов, то вечером он упрекнул командира 308-й сд генерала Леонтия Гуртьева за недостаточное использование успеха соседней дивизии. На следующий же день генерал Гуртьев погиб под артиллерийско-минометным огнем в ходе боя за Крольчатник – основной опорный пункт противника на пути к Орлу (в 3 км западнее деревни Новая Калиновка, командование дивизией принял полковник Николай Кузьмич Масленников. – П. Б.). При этом главные силы 3-й А продолжали оставаться связанными борьбой с немецкими войсками, оборонявшимися на рубеже реки Неполодь.

3 августа на рассвете перешла в наступление и 63-я А, перед фронтом которой противник стал быстро отходить к Орлу, благодаря чему войскам армии удалось выйти к реке Рыбница и даже начать наступление вдоль ее восточного берега, охватывая Орел с юга. Продвижение 63-й А замедлило только упорное сопротивление арьергардных отрядов 78-й штурмовой пд, укрепившихся на высотах в районе Михайловки.

Таким образом, к исходу 3 августа Орел и орловская группировка противника были охвачены полукольцом войск левого крыла БрФ, которые оттеснили противника с оборонительных позиций на реке Оптуха и вышли на рубеж Заря Свободы – Вязки – Крутая Гора – Михайловка – Журавка [402 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 217.]. Авиация 15-й ВА 3 августа зафиксировала в районе Орла большое скопление немецких войск, проходивших через город с востока на запад; севернее и южнее города немецкие части переправлялись на левый берег Оки по нескольким мостам. Учитывая тяжелое положение, создавшееся в районе Орла, немецкие войска продолжали обороняться, удерживая только крупные населенные пункты и отдельные высоты на подступах к городу. Авиация 15-й ВА наносила удары по колоннам автомашин, танков и пехоты противника,двигающимся из района Орла по дорогам на Кромы и на Карачев – через Хотынец и Нарышкино, а также по переправам через реки Рыбница и Ока (всего было сделано 979 самолето-вылетов, из которых 671 на штурмовку и бомбардировку) [403 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 218.].

Командующий 3-й А поставил пяти стрелковым дивизиям задачу окружить Орел с юго-запада, запада, севера и востока, а 25-му ск к исходу 3 августа перерезать шоссе и железную дорогу Орел – Брянск, выдвинув передовой отряд в сторону Нарышкино. Командующий 63-й А по-прежнему нацеливал войска армии на окружение Орла с юга и юго-востока. Для штурма Орла была сосредоточена мощная группировка, включавшая части и соединения 40-го ск 63-й А под командованием генерала Владимира Кузнецова в составе 5, 129 и 348-й стрелковых дивизий, усиленных 8-й штурмовой инженерно-

саперной бригадой, 44-й пушечной арт-бригадой и отдельным танковым полком; 41-го ск 3-й А под командованием генерала Виктора Урбановича в составе 235, 308 и 380-й стрелковых дивизий, усиленных 17-й гв. тбр и отдельным гвардейским танковым полком прорыва; с воздуха эту группировку поддерживали 1-й и 2-й гвардейские и 5-й авиационные корпуса авиации дальнего действия [404 - См.: Огненная дуга. С. 617.].

Со стороны немцев Орел защищали части 12-й тд и гарнизон города – сводная полковая группа под командованием коменданта Орла генерала Адольфа Хаманна (Adolf Hamann, в марте 1943 года в качестве коменданта города Орел постановил выплачивать алименты женщинам, родившим детей от военнослужащих германских войск, – 30 марок в месяц при получении подтверждения от отца ребенка [405 - Аргументы и факты. 2011. № 29. С. 11.], в июле 1944 года стал комендантом Бобруйска, был взят в плен советскими войсками и впоследствии казнен. – П. Б.), основу которой составлял батальон пехотного полка «Бранденбург» [406 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 179–180.] (нем. Brandenburg), 800-й полк особого назначения, предназначался для специальных диверсионно-террористических операций, с апреля 1943 года начал развертываться в одноименную дивизию особого назначения под командованием генерала Александра Пфульштейна (Alexander Pfuhlstein). Несмотря на угрозу окружения, командование ГА «Центр» приказало вывезти из города основные материальные ценности, эвакуировать горожан и жителей окрестных районов, а затем полностью разрушить Орел. 3 августа немцы спешно эвакуировали город, вывозя оттуда имущество и угоняя в тыл население, а к вечеру начали взрывать здания, промышленные предприятия и склады.

В то же время в 23 часа 3 августа войска 63-й А продолжили наступление по всему фронту, соединились с частями 380-й сд 3-й А и в ночь с 3 на 4 августа ворвались в город с юга, юго-востока и востока. На рассвете 4 августа 457-й сп 129-й сд 63-й А под командованием подполковника Ивана Васильевича Фролова ворвался на станцию Семинарская, а 518-й сп подполковника Якова Артемьевича Романенко овладел деревней Грачевка. Около 5 часов утра части 5-й сд 63-й А под командованием полковника Михалицына и 380-й дивизии полковника Кустова из 3-й А, действовавшие при поддержке 17-й гв. тбр полковника Шульгина и 253-го отдельного тп, завязали бои на восточной окраине города – улицах Московской и Пушкинской. К 6 часам утра 4 августа группа танков 17-й гв. тбр, наступавшая от деревни Большое Рябцево совместно с 1260-м сп 380-й сд, которым командовал подполковник Павел Михайлович Плотников, завязала бой за железнодорожный вокзал. Северо-западнее части 308-й сд под командованием полковника Масленникова форсировали Оку в районе деревни Щекотихино и ворвались в северную часть города, взяв под контроль улицы Пионерскую и Горького (Садовую). К 16.30 передовой отряд 129-й сд полковника Панчука также продвинулся до восточных окраин Орла в район Пятницкой слободы.

Весь день 4 августа в восточной части города шли уличные бои с подразделениями немецкой 12-й тд, которые к 19 часам отошли за Оку, разрушив за собой мосты. Немецкие саперы, отходя из центра города, взрывали здания, устанавливали в них мины замедленного действия. Советские саперы для наведения переправ и ремонта мостов использовали местное население – 300 жителей города [407 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 283.], а штурмовые отряды,

неотступно преследуя неприятеля, форсировали Оку в нескольких местах и в ночь на 5 августа ворвались в западную часть Орла.

По утверждению штаба ГА «Центр» [408 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 26 об.], после боевого соприкосновения на правом и левом флангах 12-й тд в полосе 35-го ак 2-й ТА противник перешел в наступление значительными силами и при поддержке около 50 танков вклинился в главную полосу обороны в центре участка дивизии (восточная окраина города Орел). Наступление его было остановлено у железной дороги, подбито 30 танков. Таким образом, намерение противника еще до планомерного отхода немецких войск захватить Орел провалилось, несмотря на кризис на восточной окраине города. В 21.00 был взорван последний дорожный мост через реку Ока, и в 1.00 5 августа арьергарды 35-го ак покинули Орел.

В ночь с 4 на 5 августа подразделения 142-го сп 5-й сд под командованием подполковника Ивана Даниловича Фомина с танками армейского 231-го отдельного тп вышли к Оке и форсировали реку. В полосе 129-й сд около 4.30 утра 518-й сп подполковника Якова Романенко также вышел к берегу Оки в районе железнодорожного моста, тогда как основные силы дивизии к 5.30 продвинулись до устья реки Орлик. Одновременно 1262-й сп 380-й сд под командованием майора Николая Андреевича Малашина форсировал Оку и занял улицу Сталина (Московскую).

К этому моменту бои были значительно облегчены благодаря тому, что к городу с севера и северо-востока подошли 269-я и 342-я стрелковые дивизии 3-й А, которые к 16 часам вели бой с арьергардами немецкой 20-й мд на рубеже совхоз «Плещеево» – Рабочий Поселок. Пока шли уличные бои, войска ударной группы 3-й А прорвали промежуточную оборонительную полосу противника по реке Неполодь и продвинулись на юг, глубоко обойдя Орел с запада, вышли к реке Орлик, своими передовыми отрядами форсировали Орлик и перерезали шоссе Орел – Брянск. Части 63-й А, наступавшие южнее Орла, форсировали реку Цон и овладели железнодорожным поселком Саханский (4 км севернее Лопухино), соединившись здесь с частями 342-й сд полковника Червония, продвигавшейся с севера. Однако практически окруженный гарнизон противника продолжал упорно сопротивляться в пригородах и на окраинах Орла, которые были превращены в сильные оборонительные районы. Две ночи и один день продолжались бои за город, и только утром 5 августа Орел был полностью оставлен немцами. К исходу этого дня войска 3-й и 63-й армий, овладевшие городом и прилегающими районами, вышли на рубеж Бакланово – Крестьянин – Саханский – Большая Быстрая, после чего командующие армиями приступили к перегруппировке сил, чтобы организовать преследование отходящего противника.

Приказом Верховного главнокомандующего от 5 августа 1943 года трем стрелковым дивизиям – 5, 129 и 380-й – было присвоено почетное наименование Орловских (несколько позже это наименование получили еще семь дивизий), а ряд объединений и соединений, отличившихся в операции, стали гвардейскими.

По сведениям генерала Гребена [409 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 155.], отступая из Орла, 2-я ТА уничтожила все мосты и другие важные с военной

точки зрения сооружения, эвакуировав 53 тыс. тонн имущества и 20 тыс. раненых. По данным штаба 9-й немецкой армии, при отходе с Орловского плацдарма войсками 2-й танковой и 9-й армий было угнано 180 тыс. местных жителей, более 30 тыс. голов крупного рогатого скота, разрушено 100 мостов, 420 км железнодорожных путей, 40 станций и вокзалов [410 - См.: Огненная дуга. С. 376.]. Вместе с тем полковник Герман Теске констатирует [411 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 275.], что создание специального комиссариата по делам эвакуации Орла не принесло ожидаемых результатов в связи с незнанием его сотрудниками условий работы; отсутствием времени для выработки четкого плана проведения эвакуации и организации взаимодействия между интендантской и транспортной службами (здесь в некоторых случаях требовалось вмешательство командования армий); помехами со стороны маневрирующих боевых частей.

Кроме того, проведению эвакуации препятствовал недостаток железнодорожного транспорта. В конце июля и начале августа, во время напряженных оборонительных боев за Орловский плацдарм и подготовки к его эвакуации, германское командование усиленно перебрасывало на угрожаемые направления резервы с других участков, спешно организовывало отвод соединений в тыл и постоянно маневрировало силами вдоль линии фронта. При этом основные переброски войск осуществлялись по железным дорогам. Так, маневрирование силами по рокадным коммуникациям было реализовано за счет организации «маятниковых» железнодорожных перевозок войск, техники и предметов снабжения (871 состав в июле и 835 составов в августе) [412 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 269, 272–273.].

В то же время советское командование заблаговременно планировало затруднить перегруппировки и снабжение отступающих войск противника, нарушив систему железнодорожных сообщений в его тылу, и реализация этого плана началась именно в момент битвы за Орел. Для того чтобы облегчить советским войскам развитие общего наступления и затруднить противнику оборону, еще 14 июля 1943 года Ставка Верховного главнокомандования и Центральный штаб партизанского движения отдали приказ «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага», предусматривавший с 3 августа начать операцию под кодовым наименованием «Рельсовая война» – штабы диверсионных партизанских соединений, действовавших в тылу германских войск в районе протяженностью около 1000 км и глубиной 750 км на территории России, Белоруссии и части Украины (всего 167 бригад и отрядов, около 100 тыс. партизан), начали подготовку к террористическим актам на железнодорожном транспорте [413 - Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов; редколлегия: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам. гл. ред.), В. И. Канатов (отв. секретарь) и др. М.: Советская энциклопедия, 1985. С. 608.]. Целью операции было одновременным массовым ударом привести в негодность сотни тысяч железнодорожных рельсов (по плану – более 200 тыс. рельсов) и тем самым сделать невозможным быстрое восстановление противником железнодорожных путей. Все это должно было сопровождаться крушениями поездов, взрывами мостов и уничтожением путевой инфраструктуры – разрушениями станционных построек, сооружений и оборудования.

По данным советских источников [414 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 467.], в первую же ночь проведения операции было повреждено более 42 тыс. рельсов, а к середине августа в полосе ГА «Центр» общее число подрывов превысило 122 тыс. рельсов, что составляло около 740 км одноколейного железнодорожного пути. На территории Орловской области операция началась еще раньше с целью содействия наступлению войск Центрального и Брянского фронтов – в ночь на 21 июля силами 10 партизанских бригад и нескольких отрядов, действовавших на территории области, было уничтожено около 6 тыс. рельсов, а всего до 3 августа удалось подорвать свыше 10 тыс. рельсов [415 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 282.]. В дальнейшем партизаны систематически разрушали железнодорожные пути, взрывали мосты на железных и грунтовых дорогах, производили непрерывные нападения на эшелоны с войсками и воинскими грузами, транспортные колонны и тыловые учреждения. Соответственно, с начала августа в группах армий «Центр» и «Юг» оказались затруднены связь, снабжение и переброска войск и техники – сократилось число перевозок, увеличились сроки прохождения эшелонов.

Особенно негативно диверсионные акты отразились на транспортных возможностях ГА «Центр». Полковник Теске указывает [416 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 269, 270, 274, 276.], что общее число партизанских нападений в полосе группы армий возросло от 393–404 в феврале – марте 1943 года до 1392 в августе. 22 июля партизаны применили мины нового типа, из-за чего движение на участке Хутор-Михайловский – Брянск прерывалось 430 раз и составы затем стояли по двое суток. В результате взрыва мины, прикрепленной к автоцистерне на станции Осиповичи, были полностью уничтожены состав с топливом, два состава со снаряжением и поврежден состав с танками «Тигр», принадлежавшими к роте танкового полка мд «Великая Германия», перебрасывавшейся на Орловский плацдарм с южного фаса Курского выступа (из одиннадцати танков роты четыре «Тигра» были потеряны безвозвратно [417 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 542.]). В ночь с 2 на 3 августа партизаны произвели крупномасштабное нападение, установив за ночь около 11 тыс. мин, и в дальнейшем ежедневно приходилось отбивать до 45 партизанских атак. В связи с этим командованию тыловых районов 9-й и 2-й танковой армий пришлось выделить для охраны коммуникаций значительное количество вспомогательных войск (кроме постоянных охранных постов на расстоянии в 1–2 км друг от друга, дополнительно выставлялись полевые посты на дистанции 200–300 м или ближе, чтобы часовые находились в зрительной связи между собой, а по сторонам дорог расчищались широкие полосы с целью затруднить внезапное нападение на эшелоны и колонны [418 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 468.]). Однако части, выделяемые для охраны коммуникаций, действовали плохо и показали низкую боеспособность, так называемые «восточные войска» (нем. Osttruppen) во многих случаях просто дезертировали. Вместе с тем партизаны так и не смогли серьезно повлиять на ход и результаты оборонительных операций 2-й танковой и 9-й армий благодаря специальным мерам, принятым транспортной службой ГА «Центр»: изменение маршрутов, передвижение группами в дневное время, изменение скорости движения на определенных участках, использование пуленепробиваемых вагонов.

С другой стороны, советская армия, нуждавшаяся в железнодорожных сообщениях не меньше германской, в ходе наступления вынуждена была подвозить рельсы из тыла, чтобы восстанавливать пути, поскольку в занимаемых районах все запасы рельс были исчерпаны, а железнодорожная колея уничтожена партизанами или противником (для ремонта поврежденных участков немцы сначала разобрали все запасные колеи и ветки, а затем стали доставлять рельсы из Польши, Германии и даже из Франции [419 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 468.]). Так «рельсовая война» обернулась против ее разработчиков – советской Ставки, Генерального штаба и высшего командования, задерживая развитие наступательных операций Красной армии (об этом заранее предупреждал один из главных организаторов диверсионно-террористических операций Павел Судоплатов).

В начале августа общая обстановка в районе орловского выступа характеризовалась тем, что войска БрФ овладели городом Орлом, но войска ЦФ к 4 августа еще находились на подступах к Кромам – 13-я и 2-я танковая армии вели бои на рубеже реки Крома. Командование ГА «Центр» оценивало обстановку таким образом, что намерение при отходе нанести противнику возможно больше ударов уже невыполнимо из-за переутомления и снижения боеспособности войск, следовательно, теперь требуется только как можно быстрее оставить Орловскую дугу [420 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 285.]. Соответственно, генерал Модель пытался решить основную задачу по обеспечению коммуникаций войск 2-й танковой и 9-й армий, поддерживая беспрепятственное движение по железной и шоссейным дорогам, идущим из Орла на запад, поэтому усиливал войска, действующие в районах Хотынец и Кромы за счет сокращения линии фронта на второстепенных по значимости участках. В связи с этим после отступления немцев от Орла боевые действия на Кромском и Хотынецком направлениях приобрели главенствующее значение и стали в особенности упорными и ожесточенными.

В последних числах июля 2-я ТА и 9-й тк ЦФ сосредоточились в полосе наступления 70-й А в районе Чернь, получив от командования фронта задачу прорваться к реке Крома, форсировать ее с ходу и не допустить закрепления на этом рубеже отступающих войск противника. Для поддержки этого удара привлекались основные силы 16-й ВА. Однако германское командование обнаружило сосредоточение ударной группировки русских, угрожающей рассеять фронт 9-й немецкой армии, и задействовало против нее крупные силы авиации – 2 августа в районы южнее Кром и Орла было сделано 193 вылета бомбардировщиков 6-го ВФ (из 344) и 500 вылетов пикирующих бомбардировщиков (из 587) [421 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 297.]. Части 9-го тк генерала Григория Рудченко (Григорий Сергеевич Рудченко вступил в командование корпусом 2 августа вместо генерала Семена Богданова, погиб 2 сентября 1943 года под городом Глуховом, после чего командование корпусом принял генерал Борис Бахаров, который погиб в 1944 году) в течение 2 августа подвергались неоднократным ударам (до 600 самолето-налетов) больших групп германских бомбардировщиков численностью 50–60 машин, в результате которых было повреждено или уничтожено 39 танков, прервана связь со штабом фронта (в связи с отсутствием надежной связи 3 и 4 августа боевые порядки 9-го тк несколько раз атаковали самолеты 16-й ВА ЦФ), на командном пункте ранено несколько командиров частей и соединений, в том числе заместитель командующего корпусом генерал Борис

Бахаров (переведенный на эту должность с понижением из 5-й гв. ТА генерала Ротмистрова. – П. Б.) [422 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 297–298.].

Поскольку 1 и 2 августа 16-я ВА также резко увеличила интенсивность боевой работы (31 июля – 294 самолето-вылета, а 1 и 2 августа 808 и 1312 самолето-вылетов соответственно), то в районе Кром завязалась ожесточенная борьба за господство в воздухе, окончившаяся большими потерями советской стороны – в период с 1 по 5 августа был сбит 121 самолет [423 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 299.]. Для того чтобы наиболее эффективно противодействовать ударам германской авиации по советским наземным войскам, командование 6-го иак 16-й ВА (командующий генерал Евгений Ерлыкин) разработало график дежурств истребителей в зависимости от установленного по опыту времени налетов германских бомбардировщиков и продолжительности интервалов между налетами [424 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 299.]. В период вероятного прилета авиации противника осуществлялось усиленное патрулирование, а в интервалах в воздухе работали небольшие группы истребителей. Практика показала эффективность принятой системы.

По оценке генерала Гребена [425 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 153–154.], когда вечером 31 июля началась операция «Хаген», то первый из запланированных отходов сразу привел к ослаблению напряжения в обстановке вдоль всей линии фронта на Орловском выступе, даже несмотря на то, что Красная армия продолжала преследование с востока и постоянно пыталась обойти с фланга отступающие армии. На начальном этапе это сделало отступление намного более опасным, по крайней мере до тех пор, пока оба растянутых немецких фланга естественным образом не сократились в результате отхода. Соответственно, в момент начала отхода русские усилили натиск на южный фланг 9-й А, стремясь прорваться через ее позиции и отрезать отступающие немецкие войска, прежде чем оборона будет организована на следующей линии. Так, 1 августа мощные удары силами по крайней мере четырех стрелковых дивизий и 120 танков, действовавших при поддержке авиации, были нанесены по 7, 31 и 258-й пехотным дивизиям 46-го тк на рубеже Шепелево – Гомень. Героическое сопротивление со стороны почти полностью изнуренных солдат остановило атаки русских, потери которых составили 77 танков, а 4 августа 9-я А достигла района города Кром (2 августа 1943 года в районе Красной Роши, в 17 км юго-западнее Кром, в результате налета советской штурмовой авиации погиб командующий 46-го тк генерал Ганс Цорн (Hans Zorn), обязанности которого с 8 августа стал исполнять командир 36-й пд генерал Ганс Голлник. – П. Б.). Поскольку советские войска продолжали оказывать мощный натиск, особенно в излучине реки Чернь, генерал Модель был вынужден отдать приказ о временном переносе основной поддержки авиации от 2-й танковой к 9-й полевой армии.

Согласно сводкам штаба ГА «Центр» [426 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 2–3, 11.], с 14.00 1 августа 1943 года противник перешел в наступление в полосе 46-го тк 9-й полевой армии при поддержке многочисленных танков на участке 7-й пд, против правого фланга 258-й пд и на участке 34-й пд. При поддержке по меньшей мере 100 танков противник вклинился на стыке 7-й и 258-й пехотных дивизий, но это вклинение было локализовано в ходе яростных боев и вводом резервов 31-й пд. Бои еще продолжаются, до

сих пор подбито 77 вражеских танков. Вражеская авиация активно поддерживала свои наземные войска. С раннего утра 2 августа противник вновь перешел в наступление крупными силами пехоты и танков (не менее 150 танков) на участке 7-й пд и перед правым флангом 258-й пд. Ему удалось из прежнего района вклинения продвинуться в северном направлении еще на 2 км. С напряжением всех сил и при героическом поведении личного состава после кровопролитных боев к вечеру удалось остановить противника, подбито около 60 танков. Штаб 46-го тк развернут в 19 км юго-западнее Шаблыкино, а командный пункт 47-го тк передислоцируется в населенный пункт в 20 км юго-восточнее Шаблыкино.

Как видно, 13-я и 2-я танковая армии ЦФ не располагали реальными возможностями осуществить решительный прорыв обороны противника на рубеже реки Крома. Командование 2-й ТА со 2 августа принял генерал Семен Богданов (генерал Алексей Родин убит по болезни). Генерал Богданов и начальник штаба 2-й ТА Григорий Прейсман, который 16 июля 1943 года тоже стал генералом, задумали использовать для прорыва на Кромском направлении 11-ю гв. тбр. В тот же день, 2 августа танковая колонна бригады вышла на рубеж атаки в районе деревни Ржава, где была обнаружена противником и немедленно подвергнута сильному артиллерийско-минометному обстрелу. Несмотря на неоднократные попытки овладеть Ржавой, продвижение танков останавливалось сильным противотанковым огнем неприятеля, так что поставленную бригаде боевую задачу выполнить не удалось. В момент развертывания в боевые порядки командир бригады полковник Николай Бубнов оставил укрытие, чтобы наблюдать за боем, и был убит осколком снаряда. Командование бригадой принял полковник Петр Бормотов.

В такой обстановке советская Ставка, обращавшая особое внимание на медленный темп продвижения войск ЦФ на Кромском направлении, решила перебросить сюда 3-ю гв. ТА. В 1 час 30 минут ночи 31 июля командующий ЦФ генерал Рокоссовский передал генералу Рыбалко приказ вывести танковую армию в тыл фронта (в район 24–25 км юго-западнее Рыбницы) по причине ее неуспешных действий на участке Реутово – Никольское [427 - См.: Документы. Приложение I // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 695.]. В 2 часа 15 минут 1 августа 1943 года Ставка направила командующему ЦФ директиву, согласно которой 3-я гв. ТА должна была к 4–5 августа закончить сосредоточение в районе Короськово с задачей развить успех 13-й А и ударом в общем направлении на Кромы прорвать оборону противника по левому берегу реки Ока, содействовав тем самым продвижению 48-й А.

Однако перед началом наступления на новом участке танковую армию пришлось отвести в тыл в связи с большими потерями – в период с 19 июля, когда армия была введена в сражение на БрФ, и до 30 июля ее общие потери по бронетехнике составили 669 танков и САУ, из которых свыше 600 машин вышло из строя из-за боевых повреждений [428 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 361.]. Соответственно, Ставка предоставила армии пополнение – 3 и 4 августа на доукомплектование было получено 200 танков, за счет чего 3-я гв. ТА стала насчитывать 417 танков и САУ [429 - См.: Огненная дуга. С. 450.]. Вместе с тем новые танковые экипажи прибыли из резерва и были слабо

подготовлены к предстоящим боям, в частях ощущался некомплект офицерского состава в звене батальон – рота – взвод, а также в штабных подразделениях, инженерных войск в армии было недостаточно.

Совершив марш на 50 км к югу от прежнего района боевых действий, армия к утру 4 августа сосредоточилась в указанном районе и получила задачу: в 13 часов 4 августа перейти в наступление, переправиться через реку Крома на участке Колки – Красная Роща и овладеть районом Апальково – Гнездилово – Лешня; в дальнейшем развить удар на Хотьково и отрезать пути отхода противнику на запад из района Кромы – Орел – Нарышкино. Армия должна была прорвать сильную оборону противника на реке Крома, а затем преодолеть ряд промежуточных рубежей на общую глубину до 20–25 км. Артиллерийского усиления армия не получила, поэтому огневое обеспечение ее наступления было возложено на артиллерию 13-й А, однако она оказала действенную помощь только в ходе борьбы на рубеже реки Крома. В дальнейшем этой дополнительной артиллерийской поддержки не было, так как полосы наступления армий не совпадали. Трудности усугублялись еще и тем, что сильные дожди размыли дороги.

В этих условиях 3-я гв. ТА в 14 часов 4 августа перешла в наступление, расположив все корпуса в первом эшелоне, а 91-ю отдельную тбр и мотоциклетный полк в резерве. Справа наступал 7-й гвардейский механизированный, в центре – 6-й гвардейский и слева – 7-й гвардейский танковые корпуса. При подходе к реке Крома войска армии подверглись сильному огневому удару артиллерии и авиации противника, форсировать реку с ходу не удалось, поэтому пришлось оборудовать переправы под огнем противника. В течение ночи на 5 августа саперы разминировали подступы к реке и восстановили разрушенные вражеской авиацией переправы. С рассветом по всему фронту вновь развернулись упорные бои, и, несмотря на сложность обстановки, все три корпуса к 10–11 часам 5 августа форсировали реку Крома. Здесь они подверглись массированным ударам германской авиации (5 августа пилоты и экипажи 6-го ВФ совершили 1266 самолетовылетов, из которых 330 пикирующими бомбардировщиками и 477 бомбардировщиками), так что некоторые соединения 6-го гв. тк, который атаковала группа около 40 самолетов, оказались деморализованы и отошли обратно на южный берег Кромы [430 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 304.].

По свидетельству генерала Гребена [431 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 154.], хотя местность в районе Кром была труднодоступной для танков, но к 5 августа войскам Красной армии удалось глубоко продвинуться в этом районе, поскольку они нанесли мощный удар юго-западнее Кром. В этом наступлении участвовали 200 танков и крупные силы пехоты при поддержке большого количества авиации, задействовав которые русские планировали прорвать линию обороны отступавших немцев и как можно скорее захватить транспортный центр Кромы.

По оценке штаба ГА «Центр» [432 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 32.], к исходу 5 августа 7, 31 и 258-я пехотные дивизии приблизились к грани потери своей боеспособности, поскольку понесенные ими крупные потери даже приблизительно не могут быть восполнены.

На Хотынецком направлении в начале августа оперативная группа генерала Крюкова продолжала отражать контратаки противника, направленные против левого фланга 16-го гв. ск 11-й гв. А. Согласно донесению командующего войсками БрФ Верховному главнокомандующему [433 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 217–218.], 3 августа до двух полков мотопехоты и 70 танков из состава дивизии «Великая Германия» атаковали из района Хотимля на участке Алисово – Изморознь, к 20 часам овладели Алисово и вклинились в лес северо-западнее Алисово и севернее Изморозни. При этом потери немцев составили свыше батальона пехоты и 32 танка, среди которых четыре «Тигра». Как видно, генерал Модель придерживался своего характерного образа действий, который отмечает американский военный историк С. Ньютон (Steven H. Newton) [434 - Ньютон С. «Пожарник» Гитлера – фельдмаршал Модель. С. 240–241.], – по возможности максимально расходовать приданные силы, чтобы решить наиболее важные оперативные задачи и нанести противнику максимальный ущерб, в данном случае как можно дальше отбросить русских от линии коммуникаций Хотынец – Карачев. Модель уже поступал так с частями дивизии «Великая Германия» в 1942 году, при обороне Ржевско-Вяземского выступа, когда в сентябре – октябре он приказал дивизии провести ряд контратак с целью истощить наступающего противника, вследствие чего потери элитного соединения составили более 4,5 тыс. солдат и офицеров, включая командира 2-го панцер-гренадерского полка полковника Ойгена Гарски (Eugen Garski).

Соответственно, по имеющимся данным [435 - См.: Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М.: Эксмо; Яуза, 2006. С. 174.], оперативно-тактическая группа генерала*~~сensored~~*нлейна понесла в боях на Хотынецком направлении тяжелые потери: на вечер 2 августа в танковом полку дивизии «Великая Германия» оставался 31 боеготовый танк (из них 5 «Тигров»), тогда как общие потери 51-го танкового батальона оцениваются в размере около 65–70 процентов первоначальной численности боевых машин, причем невозвратные потери составили до 20 процентов. С другой стороны, оперативная группа генерала Крюкова также утратила боеспособность. В связи с большими потерями соединения 2-го гв. кк с 4 августа приступили к сдаче оборонительной полосы стрелковым частям и к утру 7 августа, выйдя во фронтовой резерв, сосредоточились в исходном районе Тросна – Бутырки – Клен, где все это время так и оставались тылы корпуса.

Как стало известно по данным авиационной разведки, на Хотынецком направлении противник соорудил три оборонительных рубежа. Первый проходил в 18–20 км к северу от Хотынца, где оборонялись части 253-й пд генерала Беккера, занимавшие позиции вокруг населенного пункта Ильинское и прилегающие высоты. В качестве резерва во втором эшелоне в районе южнее поселков Ефремовского и Брежневского была сосредоточена боевая группа 4-й тд генерала Дитриха Заукена (Dietrich Saucken), насчитывавшая в своем составе до 40 танков. Второй оборонительный рубеж проходил по южному берегу реки Мощенка в 10–12 км от станции Хотынец, а третий рубеж – по высотам, непосредственно окружавшим станцию Хотынец, а также вдоль линии железной дороги Орел – Карачев. На втором и третьем рубежах оборону занимали части мд «Великая Германия», 9, 18 и 20-й танковых дивизий. Кроме того, противник на этом участке все время усиливался за счет войск, отходивших от Орла.

Согласно решению командующего БрФ, 11-я гв. А должна была прорвать оборону противника на участке Ильинское – Гнездилово, обеспечить ввод в прорыв 4-й ТА и, развивая совместно с ней успех на юго-восток, овладеть городом Хотынец, а в дальнейшем наступать на Карачев.

С другой стороны, 4-я ТА генерала Василия Баданова в составе 6-го гв. механизированного, 11-го и 30-го танковых корпусов, к 5 августа сосредоточилась в районе Пешкова – Гнездилово – Ильинское, получив задачи: 1) войти в прорыв обороны противника, созданный частями 11-й гв. А на участке Ильинское – Гнездилово; 2) занять район Яхонтово – Шахово – Дуброво и перерезать железную дорогу и шоссе Орел – Карачев юго-восточнее Хотынца; 3) во взаимодействии с 11-й гв. А окружить и уничтожить Хотынецкую группировку немцев; 4) продвинувшись к юго-востоку от Хотынца, отрезать пути отхода на запад остаткам болховской и орловской группировок немцев. При этом 30-й тк генерала Родина должен был вводиться в бой в полосе 11-й гв. А для содействия ее наступлению на Хотынец.

Для поддержки операции с воздуха командование 15-й ВА запланировало в первые сутки операции провести 600 самолето-вылетов ночных бомбардировщиков, 160 – дневных бомбардировщиков, а также 36 групповых вылетов штурмовой авиации (по утверждению маршала Баграмяна, в начале Хотынецкой операции наступление 11-й гв. А продолжала поддерживать 1-я ВА) [436 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 243; Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 432.].

4.3. Развитие обстановки 6—11 августа

Войска 2-й танковой и 9-й армий группы армий «Центр», уплотнив свои боевые порядки и оказывая упорное сопротивление, продолжали отступать к оборонительному рубежу Хаген. Соответственно, в период с 6 августа 1943 года и вплоть до окончания сражения за Орловский плацдарм армии Брянского и Центрального фронтов вели преследование противника, в ходе которого на БрФ были проведены Хотынецкая и Карачевская фронтовые операции.

В это же время 7 августа севернее Орловского плацдарма в районе Спас-Деменска началось наступление войск ЗапФ по плану операции «Суворов», ставящее под угрозу те силы ГА «Центр», которые отступали в район Брянска (с 7 по 28 августа 1943 года проходил первый этап данной операции, получивший условное наименование «Суворов I»). Действовавшие на центральном направлении Калининский фронт (командующий генерал Алексей Еременко) и Западный фронт (командующий генерал Василий Соколовский) получили задачу разгромить левое крыло ГА «Центр» (3-ю танковую и 4-ю армии под командованием генералов Георга Рейнгардта (Georg-Hans Reinhardt) и Готтгарда Хейнрици (Gotthard Heinrici), чтобы освободить Смоленск, а также не допустить переброски части сил группы армий на юго-западное направление, на помощь группе армий «Юг». По советским данным [437 - См.: Великая Отечественная война 1941–1945. С. 658.], для осуществления этих задач в составе войск фронтов насчитывалось 1253 тыс. человек личного состава, 20 640 орудий и минометов, 1436 танков и САУ, 1100 боевых самолетов, тогда как командование ГА «Центр» сосредоточило на угрожаемом

направлении силы 3-й танковой и 4-й армий, а также некоторые соединения 9-й А – всего 44 дивизии, насчитывавшие 850 тыс. человек личного состава, около 8800 орудий и минометов, приблизительно 500 танков и САУ, до 700 боевых самолетов. Германские войска занимали рубеж, входивший в центральную часть так называемого Восточного вала, который составляли 5–6 укрепленных оборонительных полос общей глубиной 110–130 км. Города и крупные населенные пункты были превращены в мощные узлы сопротивления.

Войска ЗапФ начали наступление 7 августа 1943 года, прорвали позиции противника в районе Спас-Деменска, захватили этот город и продвинулись на глубину до 30–40 км, где после ожесточенных боев были остановлены. По данным штаба ГА «Центр» [438 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 798. Л. 3.], на шестой день крупной наступательной операции противника в полосе 4-й А, в результате трудных боев, особенно северо-западнее Спас-Деменска, сильно уставшие, большей частью истощенные боями соединения 12-го ак предотвратили исключительным напряжением сил угрозу прорыва врага. В ходе этих боев уничтожен 321 вражеский танк, тогда как 12-й ак до 11 августа потерял 134 офицера и 3092 солдата. Войска левого крыла Калининского фронта 13 августа начали наступление на Духовщинском направлении, однако за пять дней боев продвинулись только на 6–7 км, так что не смогли прорвать даже тактическую зону обороны противника. После этого Ставка Верховного главнокомандования приняла решение временно прекратить наступление, чтобы перегруппировать силы и перенести направление главного удара с Рославльского направления на Ельнинское, а далее на Смоленск. 28 августа войска ЗапФ перешли в новое наступление в направлении Ельни и взяли этот город 30 августа, а 1 сентября выбили противника из Дорогобужа. Однако, вновь продвинувшись на 35–40 км, советские войска опять были остановлены 6 сентября на рубеже рек Устрома и Десна подошедшими немецкими резервами, прорвать оборону которых с ходу не удалось. Продуманные и заранее подготовленные оборонительные мероприятия ГА «Центр», своевременный вывод резервов на промежуточные позиции не позволили советским войскам добиться решающего успеха. До 2 октября наступление Западного и Калининского фронтов продолжалось отдельными местными операциями по вытеснению противника на запад, в ходе которых войскам фронтов удалось овладеть городами Духовщина, Ярцево, Смоленск – Рославль.

Вместе с тем, несмотря на достаточно ограниченные успехи Красной армии сравнительно с задействованными силами и средствами, отражение этого наступления Калининского и Западного фронтов вынудило германское Главное командование в период с 1 по 18 августа перебросить с Брянского на Смоленское и Рославльское направления тринадцать дивизий (в полосу Западного – одиннадцать, а в полосу Калининского фронта – две дивизии) [439 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Т. 3. С. 365.], что заметно ослабило сопротивление 9-й и 2-й танковой немецких армий, отходивших с Орловского выступа.

Соответственно, обнаружив перегруппировку противника, войска БрФ попытались организовать безостановочное преследование неприятеля, стремящегося быстрее оставить Орловский плацдарм и перебросить силы на другие участки фронта. Согласно донесению командующего фронтом Верховному главнокомандующему [440 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп.

5. Д. 1276. Л. 214 об.], 7 августа войска фронта на отдельных участках продвинулись до 16 км в южном и западном направлениях. Однако германское командование задерживало преследование действиями арьергардов и специальных отрядов прикрытия, которые последовательно занимали выгодные оборонительные рубежи и оказывали на них упорное сопротивление передовым советским частям. Кроме того, немцы, отходя на запад, сжигали населенные пункты, взрывали мосты и приводили в негодность дороги, а саперные команды, выделенные для прикрытия отхода, минировали дороги, объезды у взорванных мостов, устанавливали мины замедленного действия на всех важных объектах. Также наступление войск БрФ замедляли опорные пункты – так, 8 августа части 63-й А вынуждены были предпринять обходной маневр для окружения крупного вражеского гарнизона в Нарышкино. 9 августа продвижение до 9 км имели только войска левого крыла БрФ. Преодолевая сопротивление арьергардов противника и обходя его заграждения, 3-я и 63-я армии к 11 августа вышли на рубеж Дроново (исключительно) – Кремль – Шаховцы.

В результате этого наступления линия фронта существенно сократилась, поэтому 9 августа 61-я А сдала свой участок войскам 3-й А и была выведена в резерв Ставки Верховного главнокомандования. По данным штаба 61-й армии [441 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 54–57.], в период с 11 июля по 8 августа войска армии понесли следующие потери: общие потери по личному составу – 40 099 солдат и офицеров убитыми и ранеными, безвозвратные потери по бронетехнике – 206 танков и САУ, по артиллерии – 75 орудий и 100 минометов. При этом к 8 августа 1943 года в частях и соединениях 61-й А оставалось 27 193 военнослужащих, 460 орудий и 783 миномета, 50 танков и САУ (без учета 20-го тк), тогда как немецкие войска перед фронтом армии насчитывали 23 570 солдат и офицеров, 268 полевых и 178 противотанковых орудий, 414 минометов, 80 танков.

Как видно, к началу августа 1943 года соотношение сил противников в полосе немецкой 2-й ТА несколько выровнялось прежде всего в связи с высокими потерями советских войск, а также благодаря перегруппировке германских соединений с Орловско-Курского направления.

На Хотынецком направлении 11-я гв. А, прорвав оборону немцев, с 6 августа продвигалась вначале на юг, а затем на запад. Наступление на Хотынец началось в 6 часов утра 6 августа с разведки боем, в которой было задействовано по одной роте от каждого стрелкового полка первого эшелона, атаковавших противника вплоть до 12 часов дня [442 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 46 об. – 47.]. За это время на участке, намеченном для прорыва, был окончательно установлен передний край обороны противника, раскрыта его огневая система и произведена пристрелка выявленных огневых точек. В 12 часов без всякой паузы началась часовая артиллерийская и авиаподготовка, рассчитанная на то, что основная масса неприятельских частей уже задействована при отражении наступления разведывательных рот и заняла передовые траншеи. В 13 часов артподготовка закончилась, а части первого эшелона 36-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов с танками прорыва перешли в атаку и быстро преодолели первую позицию главного оборонительного рубежа немцев, обходя опорные пункты и узлы сопротивления. В частности, гарнизон опорного пункта в селе Ильинское пытался задержать наступление,

но части 169-й и 18-й гвардейской стрелковых дивизий начали охватывать Ильинское с обоих флангов, поэтому, спасаясь от окружения, немцы оставили его и присоединились к другим группам, отступающим на промежуточный оборонительный рубеж, подготовленный на линии Студенка – Гнездилово. Маршал Баграмян отмечает [443 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 243–244.], что ряд населенных пунктов, превращенных противником в опорные пункты и узлы сопротивления, был захвачен с помощью обходных маневров, поскольку немцы поспешно оставляли их при угрозе окружения, так что потеряли всю свою артиллерию (в частности, в Ильинском были оставлены 16 орудий и 40 пулеметов [444 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 47.]).

В 15.00–15.30, после вклинения пехоты в расположение противника на глубину до 3 км, в бой на участках прорыва 36-го и 8-го гвардейского стрелковых корпусов были введены 1-й и 30-й танковые корпуса, а в 17 часов – 25-й тк. Танковые корпуса завершили прорыв всей первой полосы обороны противника, но оказались остановлены сильным огнем противотанковых орудий и окопанных в землю танков перед второй полосой на рубеже Студенка – Волосатово – Глотова – Гнездилово.

7 августа в полосе наступления 11-й гв. А были введены в бой 6-й гв. механизированный и 11-й танковый корпуса 4-й ТА. Под натиском четырех советских танковых и механизированных корпусов германские войска оставили промежуточный оборонительный рубеж, прикрывавший район Хотынца, и стали постепенно отходить на запад, используя для задержки противника пересеченную местность и большое количество узлов сопротивления, а также широко применяя минирование и разрушение дорог. К 20 часам ударная группа 11-й гв. А овладела рубежом Телегино – Дмитриевский – Ивановский – Андросовский – Ольшанец, а 4-я ТА вела бой в районе Дмитриевский – Андросовский. Авиация 15-й ВА наносила бомбоштурмовые удары перед наступающими частями 11-й гвардейской и 4-й танковой армий, а также по вражеским колоннам на участке дорог Нарышкино – Карачев – Брянск и в районе севернее Нарышкино (всего 7 августа было сделано 952 самолето-вылета) [445 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 214 об.].

На рассвете 8 августа 30-й тк 4-й ТА начал наступление на станцию Шахово (34 км западнее Орла) и утром 9 августа 234-я Пермская и 244-я Челябинская танковые бригады заняли станцию. Действовавшая на этом участке 253-я пд генерала Беккера в связи с большими потерями уже не оказала им серьезного сопротивления. В районе Шахово был захвачен сборный пункт аварийной немецкой техники, где находились десятки подбитых немецких танков [446 - Добровольцы Урала. С. 27.]. 197-я тбр к вечеру 9 августа вышла к реке Лубна и силами батальона автоматчиков захватила плацдарм на южном берегу.

В полосе наступления 1-го тк при увязке планов дальнейших действий корпуса и 16-й гв. сд было решено, что в наступлении на Хотынец сводный танковый батальон 117-й тбр подполковника Воронкова будет взаимодействовать с 43-м гв. сп (под командованием гвардии майора Геннадия Ивановича Худякова. – П. Б.) [447 - Кириченко П. Указ. соч. С. 165–166.]. После того как этот полк овладеет северной частью населенного пункта Красная Поляна и обеспечит своей пехотой переправы для танков через реку Мощенка, сводный танковый батальон вводится в бой и наступает совместно со стрелковым полком

с задачей овладеть железнодорожной станцией и узлом обороны Хотынец. В 16 часов 8 августа сводный танковый батальон выступил в направлении Красной Поляны и к 18 часам вышел на северный берег реки Мощенка. Поскольку к этому времени переправа через реку еще не была обеспечена пехотой, сводный танковый батальон вел огневой бой с противником с места. В 4 часа утра 9 августа танки сводного батальона начали переправу через реку Мощенка в районе Красной Поляны. Первая группа в количестве десяти танков Т-34 под прикрытием огня остальных танков переправилась из северной в южную часть Красной Поляны. При этом четыре танка подорвались на минах. Разминирование проходов заняло несколько часов, поскольку было извлечено свыше двухсот мин. К 14 часам сводный танковый батальон полностью переправился на южный берег реки Мощенка и перешел в наступление, а к 16 часам танки с боем вышли на северную окраину Хотынца. В ходе боя сводный батальон уничтожил около 200 солдат противника, 2 танка, 9 пушек, 3 пулемета, 2 автомашины. Потери сводного батальона составили 16 человек, 8 бойцов были ранены, 5 танков Т-34 были подбиты, из них 2 танка сгорели.

К исходу 8 августа соединения 8-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов вышли на ближние подступы к станции Хотынец, так что 9 августа уже начались бои непосредственно в районе станции, причем отдельные опорные пункты, как, например, Аболмасово, Воейково, Хохловка, Образцово и северо-восточная окраина Хотынца, неоднократно переходили из рук в руки. В 14 часов генерал Малышев доложил генералу Баграмяну, что части 8-го гв. ск перерезали железную дорогу Карачев – Хотынец; одновременно поступило сообщение от генерала Ксенофонтова, что части 36-го гв. ск находятся уже на западной окраине Хотынца [448 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 244.]. К исходу дня части 36-го гвардейского стрелкового и 1-го танкового корпусов заняли северные окраины Хотимля и вели бои с противником на окраинах Аболмасово, Воейково, поселка Хотынец (1 км северо-западнее Хохловки), Хохловка. В это же время части 8-го гвардейского стрелкового и 25-го танкового корпусов, охватывая Хотынец с юга, находились в 1 км восточнее станции Хотынец, а также достигли рубежа восточная окраина Образцово – Копытец – Коневка. Немцы контратаковали мелкими группами пехоты при поддержке 15–20 танков, причем во второй половине дня им удалось выбить русских из Воейково и Образцово. 4-я ТА, взаимодействуя с 8-м гв. ск и правым флангом 3-й А, к этому времени вышла 6-м гв. мк на рубеж Копытец – Коневка – Меловое (исключительно); 30-й тк достиг рубежа Меловое – Чалищево; 11-й тк вышел на фронт Чалищево (исключительно) – Теляково. Таким образом, к исходу 9 августа Хотынецкий узел сопротивления был охвачен с трех сторон. Авиация 15-й ВА бомбардировала германские войска на поле боя и по дорогам на линии Хотынец – Карачев – Брянск (всего за 9 августа было сделано 402 самолето-вылета, из которых 254 – бомбардировщиков, 31 – штурмовиков [449 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 224 об.]).

Под угрозой полного окружения немцы стали отступать на Карачев, и в 7 часов утра 10 августа (на тридцатый день операции) Хотынец был взят войсками 11-й гв. А. По советским данным [450 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 436.], в результате Хотынецкой операции группировка германских войск, действовавшая на Хотынецком направлении, потеряла свыше 7500 солдат и офицеров, 70 танков, 176 орудий и минометов. С другой стороны, в боях 6 и 7 августа северо-восточнее Хотынца

частям советской 4-й ТА пришлось вновь, как и под Болховом, «допрорывать» оборонительные рубежи хотынецкой группировки немцев, которые не смогли самостоятельно преодолеть стрелковые войска, поэтому танковая армия опять понесла большие потери. По некоторым сведениям [451 - См.: Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск: Родиола-плюс, 2000. С. 419.], в частях 4-й ТА, которая вступила в бой 26 июля, насчитывая 652 танка и САУ, за 10 дней боевых действий потери составили 415 танков, поэтому в середине августа армию пришлось выводить в тыл, на переформирование. Также и 25-й тк 9 августа сдал оставшуюся материальную часть 1-му тк и был отведен в тыл [452 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 50 об.].

В итоге шести дней боев войска 11-й гвардейской и 4-й танковой армий, прорвав оборону противника, продвинулись на 40 км и создали условия для наступления на Карачев. Преследуя отходящих на запад немцев, 16-й гв. ск к 11 августа вел бой на рубеже восточная окраина Алехино – Шишкино; 36-й гв. ск подошел к восточной окраине Юрьево, блокировав шоссе Хотынец – Карачев юго-восточнее Яковлево; 8-й гв. ск вышел на рубеж южная окраина Яковлево (исключительно) – Дроново. 4-я ТА, взаимодействуя с левым крылом 11-й гвардейской и правым крылом 3-й армий, вышла на рубеж Дунаевский – Кривошеево.

Войска ЦФ, форсировав своим правым крылом реки Ока и Крома, продолжали наступление на Кромском направлении. Операции фронта облегчались тем, что германская авиация к 8 августа существенно ограничила объем боевой работы на этом направлении и только периодически активизировала свои действия для преодоления возникавших здесь кризисных ситуаций (по данным командования ЦФ [453 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 77, 131, 156, 239.], если 6 августа авиация противника совершила за сутки 383 самолето-пролета, то 10 августа – 256, 12 августа – 83, 18 августа – 26).

Согласно боевому донесению командующего войсками ЦФ Верховному главнокомандующему [454 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 77–82.], в течение 6 августа в результате упорного боя наступающие части овладели городом Кромой и рядом населенных пунктов, продвинувшись за день от 4 до 8 км.

В связи со взятием Орла и успешным продвижением войск БрФ к западу от города Ставка Верховного главнокомандования в 14.45 6 августа 1943 года приказала командующему ЦФ использовать 2-ю и 3-ю гвардейскую танковые армии для удара в направлении Шаблыкино, с задачей во взаимодействии с правым крылом БрФ, наступающим на Карачев, уничтожить противника, отходящего от Орла на запад [455 - См.: Огненная дуга. С. 451.]. Выполнению этой задачи следовало содействовать всеми силами фронтовой авиации.

В свою очередь, в 23.50 6 августа командование ЦФ отдало приказ командующим 3-й гвардейской и 2-й танковыми, 16-й воздушной армиями на развитие наступления в направлении Шаблыкино с целью прорвать фронт обороны частей прикрытия противника, цепляющихся за случайные и неподготовленные рубежи, и отрезать пути отхода его орловской группировки на запад [456 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 329. Д. 23. Л. 234–236.].

Этим приказом 3-й гв. ТА была поставлена задача с утра 7 августа развивать удар на Сосково, а 2-й ТА – на Гнездилово; 16-я ВА должна была всеми силами содействовать наступлению 3-й гв. ТА. В приказе отмечалось, что командиры танковых войск не использовали благоприятно сложившуюся обстановку, проявляют нерешительность, не умеют заставить подчиненных выполнить задачи и плохо управляют боем своих частей, соединений и армий. Поэтому приказ обязывал командующих обеими танковыми армиями не допускать наступления разрозненными группами, требуя наступления всей массой танков и моторизованной пехоты, а командиров частей и соединений, не выполняющих задач, привлекать к суровой ответственности вплоть до предания суду военного трибунала.

Командование 3-й гв. ТА, по-видимому, было заранее уведомлено о недовольстве вышестоящего военного руководства действиями армии, поэтому немедленно отреагировало поиском и наказанием виновных. 6 августа по ходатайству Военного совета 3-й гв. ТА командующий 7-го гв. тк генерал Филипп Рудкин, до войны являвшийся одним из руководящих сотрудников Народного комиссариата внутренних дел (в 1918 году – комиссар отряда войск Всероссийской чрезвычайной комиссии (ВЧК), был освобожден от должности как не справляющийся с работой и не умеющий управлять боем корпуса и получил назначение в тыл – командиром Тамбовского танкового военного лагеря.

Командующим 7-го гв. тк вместо Рудкина был назначен заместитель командующего 3-й гв. ТА генерал Кирилл Сулейков, однако, как показало дальнейшее развитие событий, танковый корпус не стал лучше воевать после смены руководства.

Во 2-й ТА, по воспоминаниям полковника Петра Дмитриевича Казакова [457 - Казаков П. Д. Глубокий след. М.: Воениздат, 1982. С. 160.], новый командующий генерал Семен Богданов вечером 6 августа вызвал на Военный совет армии командование 11-й гв. тбр – командира Петра Бормотова, его заместителя по политической части Григория Калустова и начальника штаба Николая Кошаева – и заявил, что после гибели полковника Бубнова ими так и не было обеспечено полное выполнение поставленных перед бригадой боевых задач. В результате всю ночь с 6 на 7 августа командир и штаб бригады занимались перегруппировкой сил и организацией артиллерийской поддержки предстоящего наступления.

В течение 7 августа войска ЦФ продолжали наступать своим правым крылом и продвинулись до 10 км. 48-я А и действовавшие совместно 70-я и 2-я танковая армии существенного продвижения не имели, причем 2-я ТА была уже настолько ослаблена потерями, что 8 августа ее части под артогнем с фронта и флангов отступили на ряде участков. 11-я гв. тбр, использовавшаяся командованием танковой армии на направлении главного удара, утром 7 августа прорвала оборону противника в районе деревни Ржава и к 8 августа основными силами достигла небольшой речки Неживка – притока реки Крома. Части 258-й пд генерала Ганса Хокера (Hans-Kurt Hoescker) организовали новую линию обороны по западному берегу Неживки. Утром 8 августа здесь развернулся сильный огневой бой между советскими танками и немецкой противотанковой артиллерией. В связи с потерями в бою вынужден был принять участие танк командира бригады, где находились гвардии полковники Бормотов и Калустов. Командирский танк был подбит,

радист и механик-водитель попытались эвакуировать раненых Бормотова и Калустова с поля боя, но оказались под артиллерийско-минометным обстрелом и не нашли укрытия. В итоге Григорий Калустов погиб на поле боя (впоследствии он был награжден званием Героя Советского Союза), а Петр Бормотов умер в тылу от полученных ранений. В этот же день также был ранен один из лучших офицеров бригады Герой Советского Союза гвардии старший лейтенант Александр Луганский. Командование бригадой принял подполковник Николай Кошаев.

9 августа ослабленные потерями 16-й тк и 11-я гв. тбр 2-й ТА были выведены из боя и начали перегруппировку, передав 15-ю мсбр и материальную часть 3-му тк, оставшемуся в оперативном подчинении 70-й А [458 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 121.].

В это же время части 13-й и 3-й гвардейской танковой армий завершили прорыв кромской оборонительной позиции противника, выйдя на рубеж Апальково (7-й гв. мк) – Новый Путь (6-й гв. тк) – Ивановский (7-й гв. тк).

В ночь на 8 августа немцы начали отход на новый промежуточный рубеж, благодаря чему 3-я гв. ТА совместно с частями 48-й и 13-й армий, преодолевая сопротивление вражеских частей прикрытия, к исходу 8 августа продвинулась вперед еще на 10 км и 9 августа завязала бои в районе Сосково (ближайшая задача на выход в этот район была поставлена командующим ЦФ еще 27 июля). Действовавшие на данном направлении немецкие 383, 216 и 6-я пехотные дивизии, а также переброшенные сюда части 4-й и 12-й танковых дивизий заняли рубеж Гнилое Болото – Ивановка – Сосково – Еньшино, опиравшийся на ряд господствовавших высот, где были подготовлены прочные опорные пункты и узлы сопротивления, характеризовавшиеся усиленной противотанковой обороной.

3-й гв. ТА вновь предстоял прорыв заблаговременно подготовленных вражеских позиций в полосе 47-го тк 9-й А группы «Центр». Ударная сила танковой армии из-за потерь в предыдущих боях оказалась значительно ослаблена (в ходе преодоления кромского оборонительного рубежа противника было потеряно 104 танка [459 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 304.]), поэтому для выполнения новой боевой задачи генерал Рыбалко в ночь на 10 августа произвел перегруппировку. На направлении главного удара была создана танковая группа в составе 91-й отдельной тбр полковника Ивана Якубовского, 57-й гв. тбр 7-го гв. мк под командованием гвардии полковника Ивана Силова, отдельных танковых подразделений 6-го гв. тк, а также танковой роты армейского 50-го мотоциклетного полка – всего 110 танков [460 - См.: Огненная дуга. С. 452; Якубовский И. И. Указ. соч. С. 143.]. Группа получила задачу прорвать оборону противника на узком участке Ивановка (исключительно) – высота 271,5 в обход Сосково с севера и в дальнейшем наступать в направлении на Мыцкое. Во втором эшелоне за танковой группой было приказано наступать 26-й гвардейской механизированной, 22-й и 23-й гвардейским мотострелковым бригадам из состава механизированного и обоих танковых корпусов танковой армии с задачей развить и закрепить достигнутый успех. Одновременно остальные части 7-го гв. мк должны были наступать севернее, через Ивановку, в направлении на Владимирский Бук, а 7-го гв. тк южнее, в обход Сосково, с

севера через высоту 264,6. Танковая армия была усилена 2-й иптабр и двумя полками гвардейских минометов.

Утром 10 августа, после 10-минутного артиллерийского огневого налета, войска 3-й гв. ТА возобновили наступление. В течение дня продолжались ожесточенные бои, в особенности за высоту 271,5 (2 км северо-восточнее Сосково), где наступали 91-я отдельная тбр полковника Якубовского и 22-я гв. мсбр 6-го гв. тк под командованием гвардии полковника Николая Михайлова (Николай Лаврентьевич Михайлов, погиб в июле 1944 года). Здесь немцы неоднократно проводили контратаки силами частей 4-й и 12-й танковых дивизий, в которых участвовало до 40 боевых машин, а также умело применяли оборонительную тактику танковых засад с использованием условий местности и минных заграждений. Высота 271,5 несколько раз переходила из рук в руки, затем в результате фланговых ударов она была взята, и германские войска начали отход в западном направлении, к рубежу реки Водоча. В то же время 24-я и 25-я гвардейские мехбригады 7-го гв. мк, которыми командовали гвардии полковники Владимир Константинович Максимов и Федор Владимирович Артамонов, были задержаны минными полями, поэтому обошли Ивановку с юга и севера, а затем стали развивать наступление на Владимирский Бук и около 18 часов завязали бои за этот населенный пункт. Части 7-го гв. тк вели бой за овладение Сосково. В результате к исходу дня наиболее важные опорные пункты и узлы сопротивления противника были им оставлены, соединения 13-й А перешли к преследованию отходящих соединений 47-го тк немцев.

В этих последних боях личный состав 3-й гв. ТА оказался окончательно деморализован новыми тяжелыми потерями, понесенными за очень непродолжительное время, – 10 августа 1943 года в бою за высоты 271,5 и 264,6 в районе селения Сосково было уничтожено около 100 танков из состава 6-го и 7-го гвардейских танковых корпусов, тогда как невозвратные потери противника составили около 20 боевых машин (после этого местные жители стали называть высоту 271,5 «высотой советских танкистов»)

. Выполняя приказ командования ЦФ от 6 августа, генерал Рыбалко массировал силы и средства армии на узком участке, однако противник раскрыл перегруппировку и сосредоточение армии и успел подготовить противотанковую оборону. В результате танковая группа армии столкнулась с сосредоточенными на узком участке частями противотанковой артиллерии, танками и штурмовыми орудиями четырех германских дивизий (383-я и 6-я пехотные дивизии генералов Эдмунда Хоффмейстера (Хоффмайстер, Edmund Hoffmeister) и Хорста Гроссмманна (Horst Grossmann), 4-я и 12-я танковые дивизии генералов Дитриха Заукена и Эрпо Боденхаузена, занявшими выгодные позиции на господствующих высотах, прикрытых минными полями. Однако, даже установив наличие

сильной обороны, командование танковой армии не изменило направление удара танковой группы и не попыталось вывести свои войска из боя, чтобы организовать маневр и атаковать на другом участке. Танки и мотопехота группы наступали в заданном направлении до практически полного израсходования боевой техники, так что только 12-я немецкая тд заявила об уничтожении 57 вражеских танков, а в 7-м гв. тк осталось всего 11 боеготовых машин [461 - См.: Документы. Приложение I // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 707; Горбач В. Указ. соч. С. 307.].

В связи с этим командующий ЦФ генерал Рокоссовский предложил Ставке Верховного главнокомандования вывести армию генерала Рыбалко в тыл на переформирование и в 19 часов 10 августа отдал приказ сосредоточить ее войска в районе Апальково, чтобы использовать день 11 августа для приведения в порядок частей, пополнения запасов и отдыха личного состава [462 - См.: Документы. Приложение I // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 704; Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 228.]. 13 августа 1943 года ГШ Красной армии специальной директивой потребовал от командования ЦФ провести расследование по факту практически полного уничтожения в одном бою танковой группы 3-й гв. ТА, что произошло в условиях общего отступления противника и отсутствия у него заранее подготовленной обороны [463 - См.: Документы. Приложение I // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 706–707.]. Генерал Антонов особо отметил в директиве, что танковая группа проникла в оборону противника всего на 2–3 км, поэтому ей могла быть оказана помощь со стороны 13-й А, но гибель такого большого количества танков в течение нескольких часов показала полное отсутствие взаимодействия между 3-й гвардейской танковой и 13-й армиями, а также бездействие их командующих, бросивших танки на произвол судьбы без всякой поддержки. Однако никаких серьезных последствий для командования фронта и двух указанных армий эта директива не имела.

В то же время благодаря наступлению войск правого крыла ЦФ, которые к 11 августа вышли на рубеж Мыцкое – Дмитровск-Орловский (исключительно), произошло выравнивание линии фронта, и к активным действиям перешла 65-я армия (командующий генерал Павел Батов, начальник штаба генерал Иван Семенович Глебов). В состав 65-й А в начале августа 1943 года входили 3 стрелковые дивизии армейского подчинения (181, 194 и 354-я дивизии), а также 2 стрелковых корпуса: 27-й ск под командованием генерала Филиппа Черокманова, объединявший под своим управлением 60-ю и 193-ю стрелковые дивизии и 115-ю стрелковую бригаду, а также отдельный танковый полк, занимавшие позиции по восточному берегу реки Сев; 18-й ск, располагавшийся на правом фланге армии и насчитывавший четыре стрелковые дивизии (37-я гвардейская, 69, 149 и 246-я дивизии), также усиленные отдельным танковым полком [464 - Батов П. И. В походах и боях. М.: Воениздат, 1974. С. 300–305.]. По некоторым данным [465 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 355.], 65-я А насчитывала более 100 тыс. солдат и офицеров личного состава, 1837 орудий и минометов, 124 танка.

Как только армии центра и правого фланга ЦФ продвинулись вперед, 65-я А в порядке подготовки своих войск и штабов к решительному удару провела с разрешения командующего ЦФ частную операцию на Дмитровск-Орловском направлении силами 18-

го ск под командованием генерала Ивана Иванова (Иван Иванович Иванов). Корпус получил ограниченную задачу – овладеть городом Дмитровск-Орловский, чтобы лишить противника шоссейной дороги, по которой могли выдвигаться резервы для контрударов против группировки войск на правом крыле фронта. В то же время наступление на этом участке дезориентировало германское командование, скрывая подготовку главного удара 65-й А на Севск. Район Дмитровск-Орловского оборонялся 72-й пд 20-го ак группы армий «Центр» под командованием генерала Филиппа Мюллер-Геххарда (Philipp Müller-Gebhard), а направление на Севск прикрывали 251-я пд генерала Максимилиана Фельцманна (Maximilian Felzmann) и 102-я пд генерала Отто Хитцфельда (Otto Hitzfeld). Немецкие части занимали широко развернутую сеть траншей с пулеметными гнездами и дзотами, прикрытыми проволочными заграждениями и сплошными минными полями. На дорогах были оборудованы завалы и противотанковые рвы.

7 августа генерал Иванов нанес последовательно наращиваемый удар 149-й и 37-й гвардейской стрелковыми дивизиями, первая из которых, под командованием полковника Андрея Орлова (Андрей Архипович Орлов), начала бой на правом фланге. Под прикрытием артподготовки и дымовой завесы ее бойцы ворвались в первую траншею, оттеснив 266-й гп под командованием подполковника Карла Вааске (Karl Waacke). Тогда командующий корпусом немедленно выдвинул слева 37-ю гв. сд гвардии полковника Евгения Ушакова (Евгений Григорьевич Ушаков), поддерживаемую отдельным танковым полком, которая прорвала оборону 105-го гп полковника Германа Хона (Hermann Hohn), продвинулась на глубину 5–6 км и закрепились на господствующих высотах, отбивая до темноты вражеские контратаки. Ночью был произведен маневр силами – с левого фланга корпусного участка обороны командующий корпусом снял еще одну дивизию – 246-ю сд подполковника Михаила Федосенко (Федосеенко, Михаил Георгиевич), так что на 12-километровом фронте здесь осталось по батальону от каждого полка. Остальные части ускоренным маршем сосредоточились в новом районе и направились в обход Дмитровск-Орловского узла сопротивления, отрезая немцам пути отступления на Комаричи. С севера Дмитровск-Орловский обходила 102-я сд 70-й А под командованием генерала Андрея Андреева. Для того чтобы спасти от окружения части, защищавшие опорный пункт в Дмитровск-Орловском – 124-й гп 72-й дивизии под командованием подполковника Курта Хуммеля (Kurt Hummel), командующий 20-м ак генерал артиллерии Рудольф Роман (Rudolf Roman) приказал контратаковать обходящего противника тактическими резервами из глубины. Завязались упорные трехдневные бои, которые завершились отступлением частей 72-й пд, выдерживавшей атаки трех советских дивизий со средствами усиления. К 21 часу 10 августа 149-я и 37-я гвардейская стрелковые дивизии 18-го ск завязали бои на восточной и юго-восточной окраинах Дмитровск-Орловского, в то время как 246-я дивизия продолжала обход города. Стремясь развить достигнутый здесь частный успех, генерал Рокоссовский в 22 часа 10 августа отдал приказ, противоречивший его предыдущим указаниям, согласно которому обе уже выводившиеся в тыл танковые армии фронта – 2-я и 3-я гвардейская армии – с утра 11 августа должны были всеми силами продолжать наступление, не давая противнику возможности организовать на новых рубежах и отходить из района Дмитровска в северном и северо-западном направлениях [466 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 329. Д. 23. Л. 255–256.]. Однако этот приказ так и остался невыполненным – 11 августа 3-я гв. ТА сосредоточилась в районе Апальково, а 2-я ТА находилась в районе Пролетарский – Высокое, где обе армии восстанавливали

материальную часть (за исключением 3-го тк 2-й ТА, усиленного 15-й мсбр 16-го тк и его материальной частью, который 9 августа поступил в оперативное подчинение 70-й А и готовился к дальнейшему наступлению). К утру 12 августа Дмитровск-Орловский был взят русскими, войска 65-й А продвинулись на 15 км.

По мнению генерала Гребена [467 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 156.], отход из района Кром предоставил 9-й А большую степень маневренности, прежде всего потому, что следующий ряд промежуточных линий обороны резко менял направление на север, лишая русские удары той эффективности, которой они обладали раньше. С другой стороны, такое начертание оборонительных линий определенно приглашало врага ударить по южному флангу в районе Дмитровска, который теперь оказался открытым. Уже 1 августа немецкая разведка выявила здесь сосредоточение советских войск, которые перешли в наступление 8 августа. Крупные силы противника нанесли удар из района Брянцево в направлении Дмитровска, который удерживался 72-й пд, и глубоко вклинились в слабую линию обороны этой дивизии. Однако, хотя 9—10 августа русские ввели в бой три стрелковые дивизии и большое количество танков, им не удалось завершить прорыв – 72-я пд упорно удерживала свою полосу. В качестве частного резерва Модель расположил в эшелоне за 72-й дивизией 31-ю пд генерала Фридриха Госсбаха (Хоссбах, Friedrich Hoßbach), смененную 20-й мд генерала Яуэра, прибывшей с участка 2-й ТА. Запланированный отход обеих армий продолжался 9—10 августа, обстановка стала менее напряженной, в основном потому, что генерал Модель настаивал, чтобы Дмитровск удерживался максимально долго. Он понимал, что преждевременная потеря этого города поставит под угрозу операцию «Хаген» и сохранение связи между обеими армиями. 10 августа советская танковая армия, используя пехоту и 60 танков, сосредоточившихся на узком участке, предприняла последнюю попытку пробиться в город, и провал этого штурма завершил историю сражения за Дмитровск. Немецкие войска вышли из города ночью 11 августа, согласно расписанию, составленному генералом Моделем, а не врагом.

4.4. Развитие обстановки 11–18 августа

Проведение Хотынецкой операции создало благоприятные условия для наступления войск правого крыла и центра БрФ (11-й, 11-й гвардейской и 4-й танковой армий) в направлении Карачев – Брянск с целью овладения Брянским железнодорожным узлом и расчленения фронта ГА «Центр» противника. В связи с этим командующий фронтом генерал Попов уже 8 августа принял решение: развивая наступление силами 11-й гв. А на Карачев с востока, левым крылом 11-й А нанести удар с северо-востока, чтобы охватить карачевскую группировку немецких войск и сходящимися ударами смежных флангов двух армий овладеть Карачевским узлом сопротивления, прикрывающим подступы к Брянску.

Замысел привлечь к действиям на Карачевском направлении соединения 11-й А возник в Генеральном штабе, и генерал Антонов еще 23 июля довел его в своей телеграмме до командования ЗапФ, в состав которого тогда входила эта армия. В последующем при встрече командующего армией генерала Федюнинского с генералом Поповым, состоявшейся 30 июля, после передачи 11-й А в состав БрФ Федюнинский доложил

Попову свои соображения, что армию целесообразно использовать на правом фланге фронта для нанесения удара на Карачев, а в последующем на Брянск [468 - Федюнинский И. И. Указ. соч. С. 153–154.]. Попов согласился с этим и предоставил на подготовку 12 суток, которые были использованы для новой организации системы командования и перегруппировки войск в связи с включением в состав 11-й А 25-го и 46-го стрелковых корпусов и управления 53-го ск, а также расширения полосы за счет передачи участка фронта от 11-й гв. А (до Пасеки). К 11 августа в состав армии была возвращена 197-я сд, а также переданы из 11-й гв. А 108-я стрелковая и 6-я артиллерийская дивизии [469 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 50 об.].

Выполняя решение командующего фронтом на наступление, в период с 9 по 11 августа войска 11-й А провели перегруппировку к своему левому флангу, так что к утру 12 августа занимали следующее положение: 53-й ск – 4, 96, 135 и 260-я стрелковые дивизии, развернувшись на рубеже Гранки, Меховая, Катунь; соединения 25-го ск – 108, 197, 323-я стрелковые дивизии, заняли исходное положение на рубеже Суханка – лес восточнее Малой Семеновки; 46-й ск – 110, 238, 369-я стрелковые дивизии, сосредоточились на рубеже лесного массива западнее Большое Нарышкино (исключительно) и севернее Алехино.

Перед войсками 11-й А действовали 707-я охранный, 183, 95, 129, 293-я пехотные и 8-я танковая дивизии (с севера на юг), отдельные части 211-й пехотной и 5-й танковой дивизий, 45-й охранный полк, саперный, егерский и ремонтно-восстановительный батальоны.

Войска 11-й гв. А, заняв район станции Хотынец, продолжали наступление на запад и к исходу 11 августа вышли на рубежи: 16-й гв. ск – к восточной окраине Алехино, Мертвое (исключительно) – Шишкино; 36-й гв. ск – Юрьево – Яковлево; 8-й гв. ск – Яковлево (исключительно) – Дроново; две стрелковые дивизии, составлявшие армейский резерв, сосредоточились в районах сел Мощеное и Воротынцево.

Перед фронтом 11-й гв. А с боями отходили на запад немецкие части из состава 10-й моторизованной, 253-й пехотной, 18-й танковой, 26-й и 34-й пехотных дивизий (с севера на юг).

Корпуса 4-й ТА вышли на рубеж Дунаевский – Кривошеево, сосредоточившись против немецкой 299-й пд.

В свою очередь, германское командование к 11 августа восстановило фронт обороны на рубеже Суханка – Большое Нарышкино – Алехино – Дроново – Хотьково, северная часть которого образовывала выступ, вдававшийся в расположение советских войск и удобный для организации контрудара. Для удержания этого выступа 129-я и 293-я пехотные, а также 8-я танковая и 10-я моторизованная дивизии были объединены в корпусную оперативную группу во главе с командиром 129-й дивизии генералом Альбертом Прауном, которая с 19 часов 13 августа была вместе со штабом 53-го ак подчинена группе «Гарпе» [470 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 178; Хаупт В. Указ. соч. С. 266; ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 798. Л. 17.]. На участке Шишкино –

Яковлево – Дроново позиции немцев прикрывали железную и шоссейную дороги Орел – Брянск. Оборону здесь занимали отступившие из-под Болхова и Орла части 253-й пехотной, 18-й танковой, 34-й и 26-й пехотных дивизий 2-й ТА. С 12 августа 1943 года действовавшие на Карачевском направлении 95-я, 183-я, 211-я, 134-я и 707-я охранная пехотные дивизии были подчинены 23-му ак, 253-я пд стала по частям выводиться с фронта и отходить на позиции линии Хаген, а 26-я пд начала перебрасываться в район Брянска в распоряжение командования ГА «Центр» [471 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 798. Л. 3–4.].

В общей системе обороны германских войск на Орловском плацдарме город Карачев, так же как и Хотынец, являлся важным узлом коммуникаций и опорным пунктом, который прикрывал подходы к Брянску. Этот город, расположенный на железнодорожной линии и шоссе Орел – Брянск в 46 км восточнее Брянска, был окружен холмами и высотами, которые в сочетании с близлежащими населенными пунктами составляли естественную основу оборонительного рубежа, оборудованного хорошо развитой системой траншей. В распоряжении коменданта города майора Отто Вюстманна (Otto Wustmann) находилась боевая группа в составе танкового учебного батальона, роты бронетранспортеров и батареи полевой артиллерии 4-й тд [472 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 180.], а также два бронепоезда.

В соответствии с директивой командования БрФ на овладение Карачевом, направленной 11-й и 11-й гвардейской армиям [473 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 50 об.], командование 11-й гв. А в ночь с 10 на 11 августа 1943 года перегруппировало силы и подготовило прорыв оборонительного рубежа, пролежавшего восточнее Карачева. Для этого все три стрелковых корпуса армии наступали в одном эшелоне: на правом фланге 16-й, в центре – 36-й, на левом фланге – 8-й гвардейские корпуса [474 - См.: Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 245.]. Оперативный резерв армии, предназначенный для развития успеха, составляли 1-й тк, 10-я и 29-я отдельные гвардейские танковые бригады, 2-й тп прорыва [475 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 51.].

Командование 11-й А решило наносить главный удар левофланговым 46-м ск в направлении на Карачев. Одновременно планировался вспомогательный удар дивизий 25-го ск в центре при активной обороне 53-го корпуса на правом фланге. Соответственно, с 8 августа командующие 46-м и 25-м стрелковыми корпусами генералы Константин Эрастов и Петр Перерва произвели рекогносцировку, уточнили вопросы взаимодействия, организовали разведку противника. Однако основное внимание при подготовке операции командование армии уделило соединениям 46-го ск. В его полосе была создана система наблюдательных пунктов, на которых постоянно дежурили офицеры штабов, что позволило точно определить передний край обороны противника и выявить много важных целей, поэтому только для стрельбы прямой наводкой в артиллерийскую корпусную группу было выделено по 10–11 орудий на километр фронта [476 - См.: Огненная дуга. С. 415.].

К исходу 11 августа подготовка к наступлению была завершена, от каждой дивизии первого эшелона 46-го и 25-го стрелковых корпусов было выделено по одному батальону для ведения разведки боем. Силовая разведка началась в 2 часа ночи 12 августа и прошла

удачно, атакующие подразделения вклинились в немецкие позиции, заняли несколько населенных пунктов и раскрыли систему обороны противника. В 12 часов артиллерия 11-й А открыла сильный огонь по оборонительной полосе неприятеля, уничтожая и подавляя выявленные цели. Артподготовка продолжалась полчаса, а в 12.30 главные силы 25-го и 46-го стрелковых корпусов перешли в наступление на Карачев с севера и северо-востока, однако быстрого продвижения не имели, поскольку борьба велась за каждый населенный пункт и за каждый позиционный рубеж, где немецкие части оказывали упорное огневое сопротивление. К исходу 12 августа 46-й ск овладел опорными пунктами неприятеля в Теребилово, Большое Нарышкино, Алехино и продвинулся на подступы к Одрино, а 25-й ск выбил врага из Малой Семеновки и вышел на рубеж Желтоводье – Большая Семеновка.

В то же время войска 16-го и 36-го гвардейских стрелковых корпусов 11-й гв. А, наступавшие на Карачев с востока, в 4.30 утра 12 августа после короткой артподготовки прорвали оборону противника на участке Мертвое – Кочержинка, овладели опорными пунктами в селах Мертвое, Юрьево, Яковлево и железнодорожной станцией Одринская (в 4 км южнее Одрино), но быстрого развития их наступление также не получило. Немцы непрерывно контратаковали, вводя в бой тактические резервы. При этом части немецких 10-й моторизованной и 8-й танковой дивизий продолжали удерживать позиции в районе Алехино, угрожая ударом во фланг 31-й гв. сд. Командир дивизии полковник Щербина вынужден был оставить для прикрытия правого фланга 95-й и 97-й гвардейские стрелковые полки [477 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 51.].

По свидетельству Петра Кириченко [478 - Кириченко П. Указ. соч. С. 167–169.], 11 августа 1-й тк получил задачу: совместно с 36-м гв. ск всеми боеспособными танками наступать в общем направлении на Карачев. По решению командира 1-го тк все боеспособные танки были переданы в распоряжение командира 159-й тбр полковника Хайдукова. В ночь на 12 августа бригада совершила марш и к 7 часам сосредоточилась в лесу в полукилометре южнее поселка Раннее Утро. В 13 часов от командующего бронетанковыми и механизированными войсками 11-й гв. А генерал-майора танковых войск Константина Скорнякова поступило распоряжение: 159-й тбр к 14.30 12 августа выйти в район Алымова и с этого рубежа вести наступление в направлении Карачева во взаимодействии с 84-й гв. сд полковника Петерса. Выйдя в район Алымова, бригада в 18 часов 30 минут заняла исходные позиции в лощине в 1 км северо-западнее Долгого, имея 27 боеспособных танков Т-34, 7 Т-70 и 1 Т-60. Стало известно, что противник обороняется на подступах к Карачеву на рубеже Аксиньино, господствующая высота с отметкой 246,1 южнее Аксиньино. Эта высота надолго запомнилась всем участникам боев. Здесь были сосредоточены все артиллерийские средства 26, 34, 253-й пехотных и 18-й танковой дивизий противника. В засадах находились 20 танков и 4 самоходных орудия «Фердинанд». Северные скаты высоты 246,1 и дороги севернее ее представляли собой сплошные многослойные минные поля. Командир 159-й тбр получил задачу: 1) бригаде во взаимодействии с 84-й гв. сд 36-го гв. ск наступать в направлении Грибовы Дворы – северная окраина Карачева – Козловский; 2) ближайшая задача – овладеть Карачевом; 3) далее наступать на Козловский. В течение ночи на 13 августа бригада готовилась к выполнению поставленной задачи. В 12 часов 40 минут 13 августа бригада атаковала противника в направлении Грибовы Дворы – Масловка – Карачев. Разрушив два дзота и продвигаясь с боями вперед, бригада уничтожила около двух рот гитлеровцев и к 14 часам

вышла на рубеж 300 метров западнее Аксиньино – восточные скаты высоты 246,1. Противник потерял 5 танков, 9 артиллерийских орудий, 3 миномета, 12 пулеметов. Дальнейшее продвижение бригады было приостановлено из-за шквального артиллерийского огня из района Грибовых Дворов и западных скатов высоты 246,1. Противнику удалось подбить 10 танков Т-34, из которых пять сгорели, три танкиста погибли, 3 были ранены.

3-я и 63-я армии БрФ за 12 августа продвинулись от 6 до 12 км, при этом войска 63-й А завязали бои за хорошо укрепленный узел обороны немцев в Шаблыкино, однако 13 и 14 августа части этих двух армий успеха и дальнейшего продвижения также не имели.

4-я ТА в начале наступления взаимодействовала с 3-й и 11-й гвардейской армиями – в течение 12 и 13 августа основные силы армии наступали в направлении Шаблыкино – Навля и вышли на рубеж Карачев – Шаблыкино. Однако в связи с потерями уже 13 августа было принято решение вывести танковую армию во второй эшелон фронта. Для продолжения операции вместе с общевойсковыми соединениями была оставлена только 30-я мсбр, которая в дальнейшем длительное время действовала в отрыве от основных сил танковой армии.

Наступление войск БрФ поддерживалось массированными ударами авиации 15-й ВА, которая 12 августа обеспечила 808 самолето-вылетов, в том числе для воспрепятствования отходу противника по дорогам Карачев – Брянск и Карачев – Желтоводье [479 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 237 об.]. Германская авиация почти не препятствовала этим налетам, поскольку с 10 августа значительная часть авиационных соединений 6-го ВФ начала передислоцироваться в полосу ГА «Юг» для действий в составе 4-го ВФ.

Таким образом, за первые два дня наступления – 12 и 13 августа – советским войскам не удалось полностью преодолеть вражескую оборону и овладеть господствующими высотами на направлении главных ударов 11-й и 11-й гвардейской армий БрФ. Немцы удачно вели сдерживающие бои, опираясь на систему опорных пунктов и узлов сопротивления, а в ночь на 13 августа генерал Модель усилил карачевскую группировку частями 78-й штурмовой пд, которая сосредоточилась в районе села Грибовые Дворы [480 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 52 об.]. Однако командование двух советских армий распространило тактику взятия опорных пунктов противника на способ ведения всей фронтовой операции и осуществило глубокий обход города с севера и юга. Воспользовавшись тем, что танковые и моторизованные соединения противника (18-я и 8-я танковые, 10-я моторизованная дивизии) оказались связаны в обороне восточнее Карачева, части 5, 26 и 83-й гвардейских стрелковых дивизий 8-го гв. ск, действовавшие при поддержке 2-го тяжелого танкового полка прорыва, в течение 14 августа отбросили ослабленные предыдущими боями 26-ю и 34-ю пехотные дивизии немцев, обошли Карачев с юго-востока и тремя батальонами форсировали реку Снежеть в районе Ныпяхино (в 5–6 км юго-восточнее Карачева). Одновременно соединения 46-го ск овладели районным центром Одрино, бои за который продолжались с 13 августа, поскольку немцы подготовили здесь сильный опорный пункт, защищавшийся боевой группой в составе около 8 пехотных рот и до 20 единиц бронетехники [481 - См.: Огненная дуга. С. 415.]. Перед началом атаки по районам Одрино и Песочня был нанесен

авиаудар силами 78 бомбардировщиков и 200 штурмовиков 15-й ВА, сбросивших на вражеские позиции до 82 тонн бомб [482 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 316.]. Это настолько дезорганизовало оборону 8-й тд немцев, что командующему 46-го ск генералу Эростову удалось быстро продвинуть вперед 238-ю и 369-ю стрелковые дивизии полковников Ивана Красноштанова и Ивана Хазова, форсировавшие реку Песочня и вышедшие к шоссе Орел – Брянск в 3 км северо-восточнее Карачева. Успешное наступление 8-го гвардейского и 46-го стрелковых корпусов создало угрозу полного окружения немецких войск в районе восточнее Карачева.

Обнаружив угрозу окружения, немцы немедленно начали отводить свои войска с позиций, прикрываясь арьергардами. Раскрыв отход противника, части 323-й сд 25-го ск выбили группу 293-й пд немцев из опорного пункта в селе Большая Семеновка; части 31-й гв. сд 16-го гв. ск, применив обход, овладели важным опорным пунктом вражеской обороны на высоте 209,2; части 84-й гв. сд 36-го гв. ск продвинулись до села Грибовые Дворы. К исходу дня 14 августа войска 11-й и 11-й гвардейской армий полностью преодолели главную оборонительную полосу немцев и вышли на подступы к Карачеву с севера, востока и юго-востока.

По свидетельству Петра Кириченко [483 - Кириченко П. Указ. соч. С. 169–171.], в 12 часов 30 минут 14 августа 159-я тбр вновь атаковала противника в направлении Грибовые Дворы – Масловка совместно с подошедшими частями 84-й гв. сд. На этот раз, наряду со встречным огнем из района Грибовых Дворов и со стороны западных скатов высоты 246,1, противник открыл сильный фланговый огонь из района Глыбочки. Из-за чувствительных потерь бригада вынуждена была отойти в исходное положение, хотя все понимали, что овладение высотой 246,1 открывало путь на Карачев. Поэтому в 17 часов 20 минут атака возобновилась. В этой смертельной схватке погибли 2 танкиста, 4 получили ранения, сгорели 3 танка Т-34, были подбиты 4 танка Т-34 и 1 Т-70, а еще 1 Т-70 подорвался на mine. В то же время потери, нанесенные противнику в ходе боев, и овладение советскими войсками рубежом Аксиньино – высота 246,1 лишили врага возможности дальнейшего сопротивления. Прикрываясь беглым артиллерийским и минометным огнем, его части начали отход с оставленного рубежа в направлении Карачева.

На правом фланге 11-й А БрФ, в полосе 53-го ск генерала Гарцева, разведывательные группы в ночь с 13 на 14 августа также обнаружили отход противника. С рассветом войска корпуса начали преследование, в ходе которого продвинулись на 10–14 км и заняли крупные населенные пункты Щигры и Хвостовичи.

Авиация 15-й ВА в течение 14 августа наносила бомбо-штурмовые удары по огневым позициям артиллерии неприятеля в районе Карачева (повредив здесь один бронепоезд), по дорогам Карачев – Брянск и в районе Хвостовичей (за 14 августа было сделано 668 самолето-вылетов, из которых 517 штурмовиками и бомбардировщиками) [484 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 247.].

Георг Гребен указывает [485 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 156–157.], что в связи с дальнейшим развертыванием наступления Красной армии – на севере

был нанесен удар по 4-й А группы армий «Центр», а на юге против ГА «Юг» фельдмаршала Манштейна, ГШ сухопутных войск потребовал от 2-й танковой и 9-й армий ускорить операцию «Хаген», чтобы освободить необходимые дивизии для использования их в качестве резервов вдоль всего Восточного фронта. В связи с этим с 12 часов 13 августа штаб 9-й А принял управление всеми войсками, что ознаменовало завершающую фазу отступления по плану «Хаген» (управление 2-й ГА 15 августа убыло с фронта в резерв ГА «Центр», а 21 августа – в распоряжение командования сухопутных войск для использования на другом театре военных действий [486 - См.: Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». С. 267–268.]). Этот отрезок операции приобрел особый характер из-за жестокости оборонительных сражений, которые вела 9-я А на фронте под Карачевом. Огромные массы советских войск, сохраняя натиск и группируясь все более и более плотно, поскольку фронт сужался, объединились, чтобы нанести мощный удар в районе Карачева. Стало очевидным, что русские готовятся к прямому фронтальному штурму, и, предвидя этот маневр, генерал Модель сосредоточил свои резервы на острие их наступления, прежде всего все имевшиеся инженерные войска. Данные меры с самого начала лишили концентрический удар русских необходимого импульса. Враг атаковал 13 августа на широком фронте по обе стороны от Карачева, используя пехоту, танки, артиллерию, реактивные пусковые установки и авиационные эскадрильи, число которых росло все больше. Оборонявшиеся немцы, особенно 8-я и 18-я танковые дивизии, упорно сопротивлялись, ограничив успехи русских 13–14 августа тактическими прорывами. В этих боях вновь особенно результативно действовала германская авиация.

По данным штаба ГА «Центр» [487 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 798. Л. 16.], перед группой «Гарпе» противник концентрировал свои пехотные и танковые силы для перехода в наступление на Карачев, в основном на участке 18-й тд. Противник здесь перешел в наступление с 11.00 13 августа после сильной артподготовки. Наступления, проводимые силами от батальона до полка при поддержке танков, провалились под огнем всех видов орудий и перешедших в контратаку штурмовых орудий и танков. Противник понес крупные потери. Подбито 28 вражеских танков, 2 разведывательные бронемашин.

Стремясь сломить сопротивление немцев, для взятия Карачева и прилегающих к городу районов советское командование задействовало многократно превосходящие противника силы, включавшие 3 стрелковые дивизии 46-го ск 11-й А (110, 238 и 369-я дивизии), поддерживаемые 20-й артдивизией прорыва (34-я легкая, 53-я пушечная и 93-я тяжелая гаубичная артбригады) и отдельным танковым полком; 4 стрелковые дивизии 8, 16 и 36-го гвардейских стрелковых корпусов 11-й гв. А (16, 31, 83 и 84-я гвардейские дивизии) с 3-й и 6-й артиллерийскими дивизиями прорыва (по 4 артиллерийских и 1 минбригаде в каждой дивизии), 10-й отдельной гвардейской и 159-й танковыми бригадами, двумя сап и отдельным тяжелым тпп; с воздуха действия этих частей и соединений обеспечивали четыре авиационных корпуса 15-й ВА (1-й гвардейский и 2-й истребительные, 3-й штурмовой и 11-й смешанный корпуса) [488 - См.: Огненная дуга. С. 619–620.]. Германское командование для удержания города сосредоточило в этот район части 8-й и 18-й танковых, 253-й и 34-й пехотных, 78-й штурмовой пехотной дивизий, а также артиллерию и бронепоезда. Германские войска удерживали все командующие высоты вокруг города.

В ночь на 15 августа войска 11-й и 11-й гвардейской армий начали совместное концентрическое наступление с нескольких направлений и к 3 часам завязали бои за Карачев. 238-я и 369-я стрелковые дивизии 11-й А охватили город с северо-востока и севера, а 16-я и 84-я гвардейские стрелковые дивизии 11-й гв. А нанесли сильный удар по Карачеву с востока и юго-востока, ворвались в город и к 8.30 15 августа полностью заняли его.

По свидетельству Петра Кириченко [489 - Кириченко П. Указ. соч. С. 171–172, 174–175.], 159-я тбр совместно с частями 84-й гв. сд полковника Петерса вступила в огневой бой с противником, оборонявшимся в районе Грибовых Дворов. Ценой немалых усилий и неизбежных жертв противнику был нанесен значительный урон, и в ночь на 15 августа он начал отход из занимаемого района. В 6 часов 20 минут утра 15 августа вслед за взводом бронетранспортеров 10-го отдельного разведывательного батальона 1-го тк в горящий Карачев вошли танки 159-й бригады. Опередив пехоту 84-й гв. сд при подходе к городу, танки ворвались в Карачев первыми. С другой стороны в город входили бойцы 1223-го сп 369-й сд полковника Хазова 46-го ск 11-й А (полк под командованием гвардии подполковника Петра Арефьевича Юзефовича, который погиб 27 июня 1944 года в районе Быхова под Могилевом, уже в звании полковника, командуя 1210-м сп 362-й сд. – П. Б.). Встреча с ними произошла на центральной площади города.

В результате продвижения советских войск на Карачевском направлении и успешного наступления левого крыла ЗапФ в районе Спас-Деменска возникла угроза окружения для немецких частей 55-го ак 2-й ТА – жиздринской группировки, оборонявшихся восточнее реки Болва, на стыке Западного и Брянского фронтов. Здесь на прежнем рубеже продолжала действовать 50-я А ЗапФ, готовившаяся с 16 августа перейти в наступление совместно с правым крылом 11-й А. Однако, опасаясь блокирования основных путей отхода и окружения, противник в ночь на 14 августа начал отвод жиздринской группировки на запад. Обнаружив отход противника, утром 14 августа войска 50-й и правого крыла 11-й армий начали преследование. Для лучшей организации наступления этих двух объединений 50-я А с 17 августа была передана в состав БрФ.

15 августа на стыке 50-й и 11-й армий был введен в бой 2-й гв. кк, подчиненный командованию 50-й А и получивший задачу прорваться в глубину вражеской обороны, чтобы перерезать железную дорогу Брянск – Сухиничи. Командующий фронтом генерал Попов приказал 2-му гв. кк нанести удар в направлении Хвастовичи – Любохна, форсировать реку Болву и развивать наступление на Бежицу и Брянск с северо-востока. Ночью кавалерия переправилась через болотистую речку Рессета и начала преследовать отступающего противника. 16 августа авангарды 3-й и 4-й гвардейских кавалерийских дивизий с ходу овладели железнодорожными станциями Озерская и Судимир, вышли к шоссе Жиздра – Бежица и вошли в соприкосновение с частями немецкой 134-й пд генерала Шлеммера, успевшими подготовить и занять очаговую оборону – батальонные узлы сопротивления, имевшие по две-три линии траншей полного профиля. После этого наступление кавалерийского корпуса протекало крайне медленно. Противник упорно оборонялся, а танки не могли маневрировать по заболоченным низинам и отстали, артиллерия тоже продвигалась вперед с трудом. Однако разведкой боем удалось обнаружить стык между опорными пунктами Кресты и Стайки. Командующий корпусом

генерал Крюков решил объединить все отдельные танковые полки корпуса, подчинить их командиру 4-й гв. кд генералу Панкратову и прорвать вражескую оборону на этом участке. Действия танков обеспечивались 10-минутным артогнем. Командиру 3-й гв. кд генералу Ягодину было приказано наступать правее, в направлении Орля – Улемль. С утра 17 августа части 3-й гв. кд овладели узлами сопротивления Яровщина и Орля и разгромили два батальона 445-го гп 134-й дивизии. Однако дальнейшее продвижение спешенных полков было остановлено огнем с главной полосы обороны противника. Артиллерия отстала от боевых порядков, эскадроны залегли и начали окапываться. Вследствие того что подготовка к наступлению в полосе 4-й гв. кд проводилась ночью, там не удалось засечь цели, и огневые точки противника после артиллерийского налета оказались не подавленными. Когда танковые полки двумя эшелонами атаковали вражескую оборону, то на открытой местности они попали под сильный огонь артиллерии противника и удар крупных сил авиации, понесли большие потери на минных полях и укрылись в лесу. В то же время спешенные кавалерийские полки окружили батальон 439-го гп 134-й дивизии (полк полковника Гельмута Лилиенхоф-Звоитски), но противник перешел в контратаку двумя батальонами, и кавалерия отошла на исходные позиции. На следующее утро все части кавалерийского корпуса продолжили наступление в 7-километровой полосе от Крестов до Калинино, но прорвать главную полосу вражеской обороны им так и не удалось. Только на левом фланге корпуса части 20-й кд генерала Павла Курсакова овладели узлами сопротивления Стайки и Калинино и удержали их, отбив несколько контратак противника.

Таким образом, преследуя отходящие немецкие части и преодолевая сопротивление арьергардных отрядов, войска правого крыла БрФ 15 августа овладели важным узлом шоссейных дорог городом Хвостовичи, 16 августа – городом Жиздра, а к 18 августа вышли на рубежи: 50-я А – Ясенок – Иночка – Орля; 2-й гв. кк – Орля – Калинино (исключительно); правое крыло 11-й А – Красное – Журиновичи (исключительно).

В полосе ЦФ 3-я гв. ТА 11 августа завершила наступательные действия в Орловской операции и была выведена в резерв фронта. В соответствии с приказом Народного комиссариата обороны 13 августа она была выведена из подчинения командующего ЦФ в резерв Ставки (без 7-го гв. мк) и к утру 17 августа 1943 года сосредоточена в районе Маслово – Журавлино – Николаевка – Панин – Петрик – Цветово (южнее Курска); 7-й гв. мк, доукомплектованный до штатного состава за счет сил и средств армии, перешел в резерв командующего ЦФ [490 - См.: Огненная дуга. С. 453.].

С одной стороны, войска 3-й гв. ТА, действуя в составе Брянского, а затем Центрального фронта, сыграли решающую роль в разгроме мценской и кромской группировок противника. На протяжении всей Орловской операции 3-я гв. ТА являлась ударной силой, которая вела за собой общевойсковые армии этих фронтов и обеспечивала им успех наступления. С 19 июля по 10 августа ей пришлось семь раз прорывать заранее подготовленную оборону противника, причем два раза с форсированием водных преград, и шесть раз менять направления наступления в интересах продвижения общевойсковых армий.

С другой стороны, генерал Штеменко отмечает [491 - Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 223.], что в исторической литературе говорится о якобы ненужных перегруппировках 3-й гв. ТА в ходе Орловской операции. Действительно, поворот армии для обхода Мценска, чтобы уже на следующий день вернуть ее на прежнее направление, представляется неоправданным решением Ставки и командования БрФ, если только не предположить, что продвижение общевойсковых армий фронта в тот момент могло быть обеспечено только вводом в сражение танковых корпусов. Поэтому танковую армию бросали то на северо-запад, в обход Мценска, то на юго-запад, на Становой Колодезь.

Несмотря на вывод в тыл 3-й гв. ТА, войска ЦФ продолжали наступление. В течение 11 и 12 августа 48-я и 13-я армии на правом крыле фронта, а также части 70-й и 65-й армий в районе Дмитровска преодолевали сопротивление арьергардов противника и продвинулись до 20 км (согласно донесениям командования фронта [492 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 144–147, 156–159.]). Немцы отходили с рубежа на рубеж, отступая по ночам, чтобы в первой половине следующего дня организовать оборону на новых позициях силами специальных отрядов прикрытия, которые во второй половине дня задерживали противника огневым сопротивлением, а в местах расположения опорных пунктов даже контратаковали оттуда мелкими боевыми группами, состоящими из 2–3 рот пехоты при поддержке 4–5 штурмовых орудий. При этом авиация фронта слабо поддерживала свои войска – 11 и 12 августа 16-я ВА произвела всего 353 и 402 самолето-вылета соответственно, из которых более половины ночных, для ударов по отходящим на запад транспортным и войсковым колоннам главных сил неприятеля [493 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 147, 159.]. 12 августа правофланговые соединения 65-й А, действуя совместно с одной стрелковой дивизией 70-й А, полностью овладели городом Дмитровск-Орловский и преследовали отходящего противника; 13-я А была остановлена вражеским сопротивлением на рубеже рек Водоча и Локна; 48-я А производила перегруппировку. Как видно, германское командование успешно решило задачу по прикрытию отвода своих сил и задержке наступающего противника.

13 и 14 августа войска правого крыла ЦФ закреплялись на достигнутых рубежах и производили перегруппировку, готовясь к продолжению наступления, при этом части 13-й А захватили плацдармы на западном берегу реки Водоча.

Генерал Гребен указывает [494 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 154–155.], что к 15 августа боевые действия достигли новой кульминации – в тот день советская пехота в сопровождении бесчисленных танков пятнадцать раз атаковала 258-ю пд 46-го тк. Телефонные линии связи между дивизионными и полковыми штабами и подчиняющимися им подразделениями постоянно обрывались бомбардировками русских, а партизаны активизировали деятельность против железнодорожных сообщений, что приводило к нехватке боеприпасов и горючего. Отсюда генерал Модель ясно понял, что направление сосредоточения основных усилий в обороне на Орловском выступе почти полностью опять переместилось к правому флангу 9-й А. Поэтому он приказал сосредоточить противотанковое вооружение и боеприпасы к нему только на направлении главного удара, расширить использование минных заграждений и зенитной артиллерии, а также перевести 12-ю тд в район восточнее Шаблыкино, хотя эта дивизия только что

сменила потрепанные 292-ю и 383-ю пехотные дивизии. Авиация также получила приказ сосредоточить свои действия в полосе 9-й А. Таким способом удалось отразить этот натиск, удерживая, как и планировалось, район западнее Кром в течение двух дней.

В течение 15 и 16 августа войска правого крыла ЦФ продвинулись только на 4–6 км [495 - См.: Документы. Приложение I // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 710–711.].

Преследуя противника, отходящего из-под Карачева и Кром, войска Брянского и правого крыла Центрального фронтов 17–18 августа подошли к заранее подготовленному немцами рубежу обороны Хаген, проходившему восточнее Брянска, где и были временно остановлены. Ставка Верховного главнокомандования планировала безостановочно развивать наступление и далее, но большие потери и сильная оборона противника помешали осуществить задуманное. Германские войска закрепились на оборудованных позициях, состоявших из 3–4 линий траншей полного профиля с развитой системой заграждений.

После овладения Карачевом командование 11-й гв. А приказало 5, 16, 26 и 84-й гвардейским стрелковым дивизиям перейти к безостановочному преследованию противника, но к исходу 15 августа эти соединения уже были задержаны организованным сопротивлением немцев, умело использовавших особенности местности.

Как отметил в отчете оперативный отдел штаба 11-й гв. А [496 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 54–60.], противник, не испытывая большого давления, успел заминировать подходы к занятым им новым позициям, взорвать мосты и развернуть артиллерийские и минометные батареи. В течение 16 августа германские войска отошли на новый оборонительный рубеж по западному берегу реки Величья, где перед 11-й гв. А заняли оборону 26, 34, 78-я штурмовая, 216-я и 299-я пехотные дивизии немецкой 9-й А, имея в резерве 183-ю пд. Данный рубеж характеризовался глубоко-эшелонированной системой оборонительных позиций, точные сведения о которых были получены только после овладения рубежом. Соответственно, наступление на вражеский рубеж по реке Величья, первоначально намеченное на 19 августа, не состоялось из-за незнания системы обороны противника, недостатка боеприпасов и необходимости пополнить части. После разведки боем наступление было отложено до 26 августа, но в этот день было потеряно 53 танка из 63 введенных в бой машин трех танковых бригад – 10-й отдельной гвардейской, 89-й и 159-й бригад (21 машина получила повреждения на минах, 15 танков сгорели, 15 были подбиты артиллерией, 2 вышли из строя в связи с техническими неисправностями). Наступление окончилось полной неудачей.

Маршал Баграмян отмечает [497 - Баграмян И. Х. Указ. соч. С. 247.], что за Карачевом советские войска столкнулись с новым мощным оборонительным рубежом, прикрывавшим подступы к Брянску, который не удалось прорвать с ходу, поэтому пришлось остановить наступление и подготавливать следующий удар. Соответственно, армии БрФ временно закрепились на рубеже Улемец – Журиновичи – Ревны – Лески, чтобы привести свои части в порядок, подтянуть тылы, артиллерию и подготовиться к

осуществлению новой крупной операции – овладению важным железнодорожным узлом и сильным узлом сопротивления немцев, городом Брянском.

Как отмечает генерал Гребен [498 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 157–158.], советское наступление полностью провалилось, поскольку 9-я А все-таки отступила на линию Хаген, причем ее передовые части заняли позиции вечером 14 августа, а аррьергарды прибыли к вечеру 18 августа. 17 августа операция «Хаген» и эвакуация Орловского выступа завершились, но советское командование не сразу поняло, что линия Хаген представляет теперь главную немецкую оборонительную позицию. С 16 августа русские бездумно бились о заранее подготовленную мощную систему обороны, неся тяжелые потери. Советы перегруппировали свои войска для главных ударов в следующих районах: юго-западнее Шаблыкино – юго-западнее Карачева – северо-западнее Кирова. В это же время 9-я А как можно быстрее и тщательнее усиливала линию обороны, следя за тем, чтобы распределение войск (особенно противотанкового вооружения) соответствовало сосредоточению войск врага на направлениях его главных ударов. Саперы и строительные войска лихорадочно работали над тем, чтобы завершить строительство дорог и троп сразу за линией Хаген, обеспечивая рокадные передвижения резервов. Были выбраны и подготовлены дополнительные огневые позиции для артиллерии, запасные и отсечные позиции. Вместе с тем, хотя в ходе сражения за Орловский выступ 9-я А понесла большие потери, ГШ сухопутных войск отдал приказы о выведении из ее состава 102, 112, 183, 258 и 293-й пехотных дивизий; 4, 9 и 12-й танковых дивизий, а также большого количества частей армейского подчинения. То обстоятельство, что 9-я А также получила приказ включить в свою полосу участки фронта 56-го танкового и 12-го армейского корпусов (оба из 4-й А), привело к дополнительной и, безусловно, серьезной нагрузке. Все это негативно сказалось на положении 9-й А, когда 19 августа Красная армия начала наступление против 23-го ак, расширив его фронт 26 августа в полосу обороны 46-го тк. Это возвестило о новом этапе в боевой истории 9-й А: битве за линию Хаген, с началом которой армия снова оказалась втянутой в большое оборонительное сражение, бушевавшее с июля почти по всему Восточному фронту, от плацдарма на Кубани до Ладожского озера. В итоге этого сражения отступление ГА «Центр», начавшееся 12 июля с фронта восточнее Орла, окончилось 1 октября на так называемой позиции «Пантера», проходившей по Днепру.

Орловская наступательная операция Красной армии «Кутузов» завершилась 18 августа, и в данном случае условная дата окончания операции действительно совпала с завершением важного этапа боевых действий на Восточном фронте – сражения за Орловский выступ. Хотя германские войска оставили Орловский плацдарм, однако Красная армия не достигла всех поставленных целей наступления, поэтому оценки результатов сражения, даваемые каждой из сторон, сильно разнятся.

Глава 5. Итоги операции «Кутузов»

Согласно советской и российской историографии [499 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 61; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 285; Огненная дуга. С. 376; Россия и СССР в войнах XX века. С. 286.], в целом операция «Кутузов» являлась

исключительно важной, хотя в ходе ее организации и проведения не были до конца использованы все имевшиеся возможности. В течение 38 дней Орловской стратегической наступательной операции (с 12 июля по 18 августа 1943 года), развивавшейся на фронте протяженностью до 400 км, советские войска продвинулись в западном направлении на 150 км и с боем взяли более 2500 населенных пунктов, в том числе такие города, как Орел, Болхов, Мценск, Карачев – Жиздра. К 18 августа в результате ожесточенных наступательных боев войска БрФ при содействии войск Западного и Центрального фронтов принудили к отступлению две мощные немецкие армии, сосредоточенные германским командованием в районе Болхов – Орел – Кромы – Карачев, и полностью ликвидировали Орловский стратегический плацдарм противника. Ликвидация этого плацдарма коренным образом изменила всю обстановку в центре советско-германского фронта, открыв широкие возможности для дальнейшего развития наступления Красной армии на западном направлении.

С другой стороны, по оценке штаба 9-й полевой армии вермахта [500 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 792. Л. 88–99.], решение немецкого командования отступить из района Орловской дуги поставило русских в новое положение. Командование противника попыталось помешать плановому отходу немецких войск, сильно тесня их и стремительно действуя крупными танковыми силами, нанося двусторонний охватывающий удар во фланг, чтобы осуществить окружение значительных немецких сил западнее Орла. Создалась напряженная ситуация, справиться с которой можно было, предъявляя к войскам повышенные требования на грани возможного и расплачиваясь за это большими жертвами. Русскому командованию так и не удалось осуществить свой план, реализованный с участием значительных сил, и подготовить для немецких войск в районе Орловской дуги «второй Сталинград». Несмотря на огромное напряжение сил, им даже не удалось существенно помешать плановому отведению линии фронта в районе Орловской дуги, только на отдельных участках им удалось незначительно ускорить темпы отхода немецких войск. Таким образом, оперативные планы противника были сорваны. При этом предшествовавшее наступление немецких войск на позиции противника на Южном фронте так сильно истощило находящиеся там части противника, что они не имели больше необходимой ударной мощи, чтобы участвовать в операциях на других участках Орловской дуги. Ввод в бой значительных танковых сил также не принес русским успеха. Снова выяснилось, что основная роль в сражении отводится пехоте, но недостаточная боевая мощь советской пехоты лишила противника шансов на успех. Гибкость и решительность немецкого командования, а также превосходство сноровки немецкого солдата решили исход этого самого тяжелого из всех прежних сражений.

По мнению генерала Георга Гребена [501 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 159.], операция «Хаген», осуществленная двумя армиями под общим командованием генерала Моделя, послужила причиной изматывания значительной части стратегического резерва русских и освободила большое число немецких дивизий и частей армейского подчинения для использования в других местах.

Как видно, с точки зрения советской и российской историографии, основным стратегическим результатом Орловской наступательной операции является ликвидация Орловского плацдарма противника. Вместе с тем, по мнению немецкой стороны,

отступление германских войск с Орловского выступа было решено, подготовлено и осуществлено самим германским командованием непосредственно в ходе развернувшегося сражения, а его причиной стала не только сложная обстановка, но еще и необходимость сокращения линии фронта и высвобождения части сил ГА «Центр» для образования резервов. При этом советским войскам не удалось воспрепятствовать отходу противника, они понесли большие потери, а некоторые из предварительно запланированных ударов Красной армии оказались нанесены по пустому месту. Учитывая логику германской стороны, отсюда следует, что результаты операции «Кутузов» в целом не представляют того стратегического значения, которое было придано им еще во время войны советским военно-политическим руководством, в основном в силу пропагандистских соображений, в связи с желанием особо отметить факт овладения таким крупным городом, как Орел. В итоге операции «Кутузов» всего лишь сложилась новая оперативная ситуация, предоставляющая определенные оперативные возможности как тому, так и другому из противников. Как видно, диаметрально противоположные оценки результатов сражения за Орловский плацдарм требуют отдельной аналитической интерпретации.

Теоретически, наличие Орловского плацдарма позволяло германскому командованию если и не наступать на Москву (фактических возможностей для этого в 1943 году уже не было), то наносить контрудары по внутренним операционным линиям против советских войск, группирующихся на Смоленском и Курском направлениях. Однако к началу летнего наступления Красной армии в 1943 году германское командование практически не располагало ресурсами (ни по времени, ни по располагаемым силам и средствам) для формирования на Орловском плацдарме такой группировки, которая была бы способна нанести контрудар, позволяющий добиться результатов стратегического значения. С другой стороны, основная линия коммуникаций Брянск – Карачев – Орел, за счет которой осуществлялось снабжение 2-й танковой и 9-й армий, проходила всего в 60 км от северного фаса Орловского выступа. Соответственно, продолжать борьбу за Орловский плацдарм после прекращения операции «Цитадель» для германских войск было не просто стратегически бесперспективно, но и опасно – это постоянно грозило окружением части сил на плацдарме в результате удара противника с севера по кратчайшему направлению к линии коммуникаций. Удерживать на Орловском плацдарме недостаточные силы, которым постоянно угрожало окружение, являлось целесообразным только для привлечения к ним гораздо более превосходящих сил противника. Однако в условиях неприятельского давления по всему Восточному фронту, когда постоянно требовались новые резервы для стабилизации положения на других угрожаемых участках, высшее германское командование заблаговременно приняло решение оставить Орловский выступ.

Исходя из этого стратегическое значение операция «Кутузов» могла приобрести в том случае, когда ее проведение позволило бы не просто ликвидировать Орловский выступ, но окружить и уничтожить основные силы орловской группировки противника. При удачном развитии наступления против немецкой 2-й ТА советские войска Западного и Брянского фронтов имели возможность нанести удар по левому флангу и тылу 9-й полевой А, скованной боевыми действиями против ЦФ, а затем двигаться к Днепру, еще долго не встречая серьезного сопротивления противника. Однако 9-я А сразу же перешла к обороне на Курском направлении, а главное, ее командование оказалось способным оперативно

вывести из боя и своевременно перебросить в полосу 2-й ТА ряд моторизованных, танковых и пехотных соединений своей ударной группировки, предотвратив этим глубокий прорыв советских войск с выходом на тыловые коммуникации Орловского плацдарма.

По мнению С. Ньютона [502 - Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 279.], фельдмаршал Клюге и генерал Модель немедленно определили масштаб вражеской операции, поэтому адекватно реагировали на развитие обстановки, так что перегруппировка значительной части сил 9-й полевой армии в полосу 2-й ТА происходила гораздо быстрее, чем это могло предположить советское командование, а заблаговременный перевод авиационных соединений с южного фаса Курского выступа обеспечил немцам необходимое усиление воздушной поддержки в районе Орла.

По нашему мнению, во-первых, это несколько преувеличенная оценка прозорливости германских военачальников. Командование ГА «Центр» и 9-й А ожидало наступления противника на фронте 2-й ТА задолго до начала операции «Цитадель» и заранее планировало варианты оборонительных действий. Клюге и Моделю требовалась только достоверная информация, свидетельствующая, что войска двух советских фронтов действительно перешли в наступление, а не проводят разведку боем или отвлекающие атаки. Данную информацию германскому командованию предоставила как собственная авиационная разведка, так и дальнейшее развертывание наступления противника после предпринятой им 11 июля разведки боем, причем на тех же направлениях, где и предполагалось нанесение его главных ударов. В связи с этим основной заслугой командования ГА «Центр» в оперативном отношении является своевременная постановка вопроса об отступлении с Орловского плацдарма, который положительно решили Гитлер и ГШ сухопутных войск, а генерал Модель осуществил это отступление, приняв ряд верных решений по поводу маневрирования силами и средствами по внутренним коммуникационным линиям. Однако в сложившихся условиях все эти решения были вполне естественны и не содержали в себе ничего нового.

Соответственно, во-вторых, немцам удалось избежать окружения и разгрома основных сил 9-й и 2-й танковой армий на Орловском плацдарме не столько благодаря оперативному искусству германского командования, но главным образом в связи с общим оперативно-тактическим и тактическим превосходством германских войск на корпусном и дивизионном уровне и ниже, при невысоком уровне боевого мастерства солдатского и офицерского состава Красной армии, а также по причине ряда ошибочных решений высшего советского командования.

Так, на Орловском и Орловско-Кромском направлениях командование Брянского и Центрального фронтов вело фронтальное наступление, нанося удары в одних и тех же местах. Причем ударная группа войск ЦФ наступала против основной группировки противника, успевшей закрепиться на хорошо подготовленных позициях, однако командование фронта не сосредоточило силы и средства для организации прорыва на заранее выбранных участках. Мощные танковые объединения, действовавшие в составе двух этих фронтов, – 2-я и 3-я гвардейская танковые армии, – использовались для самостоятельного прорыва сильных оборонительных рубежей. В период с 15 июля по 2

августа 2-я ТА привлекалась для прорыва неприятельских укрепленных позиций восемь раз, а 3-я гв. ТА – шесть раз, хотя, по оценке ГШ Красной армии, это не давало ожидаемого эффекта и только приводило к большим и неоправданным потерям, лишая войска обоих фронтов мощного средства для развития успеха в оперативной глубине вражеской обороны [503 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 539–540.]. Кроме того, в ходе операций Брянского и Центрального фронтов было допущено частое и не оправданное обстановкой изменение направления ударов 3-й гв. ТА, которая с 19 июля по 4 августа шесть раз меняла направление удара и получала новые задачи, не выполнив прежних. Необходимость постоянно маневрировать в связи с частыми и резкими изменениями направлений ударов привела к тому, что танковая армия вынуждена была пройти свыше 500 км и, как правило, не имела достаточного времени для подготовки наступления на новом направлении [504 - См. там же. С. 540.].

По мнению маршала Ивана Якубовского [505 - Якубовский И. И. Указ. соч. С. 147, 149.], своеобразие обстановки в ходе Курской битвы, а также отсутствие боевого опыта применения танковой армии новой организации не могло не повлиять на характер боевых действий танковых армий и создало, естественно, определенные трудности. Разумеется, были недостатки и в использовании 3-й гв. ТА. Так, на результатах наступления 3-й гв. ТА сказались частые и резкие изменения ее задач, значительные перегруппировки на большие расстояния и другие обстоятельства. Причем частые и резкие изменения направлений наступления танковой армии, которые нельзя признать вполне обоснованными, ставили ее в трудные условия. Соединения и части не имели достаточно времени на организацию взаимодействия, управления, боевого обеспечения. Имелись упущения в подготовке войск и их материально-техническом снабжении. При прорыве обороны противника армия не имела достаточного артиллерийского усиления и авиационного обеспечения.

Соответственно, генерал Алексей Радзиевский указывает [506 - Радзиевский А. И. Указ. соч. С. 113, 114.], что задача 3-й гв. ТА неоднократно менялась, поэтому, непрерывно совершая перегруппировки, она самостоятельно или во взаимодействии с общевойсковыми армиями последовательно прорывала оборону противника на целом ряде участков. При этом армия не располагала необходимым количеством артиллерии для надежного подавления подготовленной обороны, так что вся тяжесть борьбы ложилась на мотопехоту и танки. Отсюда, хотя армия сыграла важную роль в Орловской операции, получить свободу маневра она не смогла и за время операции потеряла 60,3 процента танков типа Т-34 и 72,9 процента танков Т-70. В то же время 2-я ТА в ходе Орловской операции потеряла более 300 танков, имея к концу операции в строю 36 машин, и понесла самые большие за всю войну безвозвратные потери в личном составе (по относительному уровню) – каждый третий от общего числа убитых и раненых.

В действительности общие потери бронетехники в указанных танковых армиях в 2–3 раза превышали их первоначальную численность – так, например, в 3-й гв. ТА в период с 19 июля по 12 августа 1943 года было отремонтировано 1093 танка [507 - Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. С. К. Куркоткина. М.: Воениздат, 1977. С. 297.].

С другой стороны, командование ЗапФ и 11-й гв. А с одобрения Верховного главнокомандующего еще на этапе планирования отказалось направить главный удар против глубокого тыла противника, стремясь наступать «веером» вдоль фронта его обороны. По-видимому, летом 1943 года у советских военачальников еще очень силен был страх перед фланговыми контрударами германских танковых соединений, грозящими последующим окружением. В связи с этим для успешного развития операции командованию ЗапФ в дальнейшем пришлось использовать 11-ю гв. А для наступления одновременно по двум расходящимся направлениям – Болховскому и Хотынецкому. С начала операции 11-я гв. А выполняла поставленную ей по плану задачу действовать совместно с 61-й А БрФ с целью окружения и ликвидации болховской группировки немцев, поэтому до 18 июля главный удар наносился на Болховском направлении. В то же время после глубокого прорыва обороны противника, когда наметился успех на Хотынецком направлении, где сначала наступала только одна, а затем две гвардейские стрелковые дивизии 16-го и 8-го гвардейских стрелковых корпусов, командование фронта и армии стало спешно усиливать это направление за счет основной ударной группировки с целью как можно быстрее блокировать железную дорогу Орел – Брянск. Первым с Болховского направления был перегруппирован 1-й тк, затем с правого фланга армии постепенно переброшены основные силы 16-го гв. ск. Кроме этого, 36-й гв. ск, действовавший на левом фланге ударной группировки армии на Болховском направлении, 18 июля был направлен из района Середичи в район Каменки с целью наступления на Гнездилово и далее в обход Хотынца с востока. 25-й тк, переданный в состав 11-й гв. А из резерва Ставки Верховного главнокомандования, 18 июля также был использован совместно с 36-м гв. ск на Гнездиловском направлении для удара на Хотынец. Таким образом, с 18 июля армия наносила главные удары на двух направлениях, однако ни на одном из них не смогла развить достигнутые вначале успехи, поскольку, стремясь наступать сразу на двух операционных направлениях, командующий армией вынужден был растянуть фронт армии более чем на 150 км и рассредоточить имеющиеся силы и средства. Только после 26 июля, с вводом 4-й ТА, главные усилия левого крыла ЗапФ вновь сосредоточились на одном Хотынецком направлении с целью перерезать железную и шоссейную дороги Орел – Брянск и выйти на фланги и тыл орловской группировки немцев. Одновременно частью сил (8-й гвардейский стрелковый и 5-й танковый корпуса) 11-я гв. А нанесла вспомогательный удар на Борилово, чтобы содействовать войскам 61-й А в завершении разгрома болховской группировки противника, тогда как 16-му стрелковому и 2-му кавалерийскому гвардейским корпусам была поставлена задача наступать в направлении на Карачев. Соответственно, с 18 до 26 июля германское командование получило время для организации обороны, причем в этот период ему удалось еще и упредить противника в маневре силами и средствами и развертывании резервов на угрожаемых участках.

Непосредственно в ходе операции Ставка Верховного главнокомандования и ГШ Красной армии, так же как фронтовое и армейское командование, уступали командованию противника в оценке развития оперативной ситуации и, соответственно, скорости развертывания резервов на главных направлениях. По мнению маршала Жукова [508 - Жуков Г. К. Указ. соч. С. 479.], с вводом в сражение 11-й и 4-й танковой армий Ставка запоздала. Ввод 11-й общевойсковой армии в направлении на Хвастовичи не оказал значительного влияния на ход операции, поскольку ее силы вводились в бой по частям,

так что армия смогла только несколько потеснить неприятеля. Согласно оценке ГШ Красной армии [509 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 392.], подвижные объединения, переданные ЗапФ из резерва Ставки – 4-я ТА и 2-й гв. кк, могли и должны были развить успех 11-й гв. А, прорвавшей за два дня оборону противника на всю ее глубину; стремительным наступлением на юго-восток, юг и юго-запад вызвать крушение немецкой обороны на всем Орловском плацдарме и совместно с войсками Брянского и Центрального фронтов завершить окружение действовавшей здесь крупной группировки немцев. Однако противнику удалось воспрепятствовать окружению и уничтожению как болховской, так и орловской группировок своих войск. Основной причиной этого явилось запаздывание с подходом оперативных резервов – большое удаление от фронта 4-й ТА и 2-го гв. кк (120–250 км) при малом количестве дорог, испорченных длительными и непрерывными дождями (как видно, погодные условия мешали не только немцам. – П. Б.), потребовало слишком много времени для их переброски к фронту, а своевременно подтянуть резервы ближе к району боевых действий командование ЗапФ не успело. Условия для ввода сильных оперативных резервов на участке 11-й гв. А в направлении на Хотынец были наиболее благоприятными в период между 15 и 20 июля, а в направлении на Карачев до 23 июля, когда советские войска уже прорвали неприятельскую оборону на всю глубину, а противник еще не имел достаточных сил для организации сопротивления, поскольку перебрасываемые с других участков резервы или прибывали в район Карачева, или только начали разворачиваться в районе Хотынца и Болхова. Однако 11-я гв. А, растянувшая свой фронт более чем на 100 км (в результате быстрого продвижения и расширения прорыва), вынуждена была значительную часть сил использовать для обеспечивающих действий на второстепенных направлениях и в этот период также не имела достаточных сил для удара на Хотынец. К 26 июля, когда подошли 4-я ТА и 2-й гв. кк, противник уже успел подтянуть к участку 11-й гв. А дополнительные силы и закрепиться. К тому же при вводе в бой резервов фронтовое и армейское командование вновь направило главные силы против ближнего фланга противника – 4-я ТА наступала на пути отхода болховской группировки немцев, где они уже успели подготовить достаточно прочную оборону, так что до конца июля армия была вынуждена трижды самостоятельно прорывать вражеские оборонительные рубежи.

В итоге хотя командование ЗапФ поставило 4-й ТА задачу с утра 26 июля войти в прорыв в полосе 11-й гв. А, развить удар в юго-западном направлении и к исходу дня продвинуться на глубину около 60 км, но в реальности вместо ввода в прорыв ей пришлось совместно с 11-й гв. А прорывать четыре заранее подготовленные рубежа обороны противника, плотно насыщенные огневыми средствами, живой силой и заграждениями [510 - Радзиевский А. И. Указ. соч. С. 113–114.]. В результате за 9 дней наступления 4-я ТА вклинилась в оборону противника на 25–30 км, так что среднесуточный темп ее наступления составлял всего лишь 3,3 км.

В исследовании ГШ Красной армии указано [511 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 535.], что гораздо целесообразнее было после прорыва всей глубины неприятельской обороны сосредоточить основные усилия 11-й гв. А на Хотынецком направлении, чтобы массированным ударом трех танковых и двух стрелковых корпусов при поддержке всей авиации кратчайшим путем выйти на коммуникации орловской

группировки немцев в районе станции Хотынец. Это привело бы к развалу немецкой обороны в районе Болхова, а также ускорило разгром всей вражеской группировки, оборонявшей Орловский плацдарм. Такой вывод позволяет обоснованно заключить, что своими решениями при подготовке Орловской операции полководец Баграмян и Верховный главнокомандующий Сталин создали противнику те возможности ведения обороны, которые впоследствии германское командование успешно использовало, чтобы избежать полного поражения своих войск на Орловском плацдарме.

Благодаря ошибкам советского командования на общих результатах боев под Орлом сказались прежде всего оперативно-тактическое и тактическое превосходство германской армии на корпусном уровне и ниже, заключавшееся в более высоком профессионализме как рядового, так и командного состава. Этот профессионализм позволил немцам с максимальной выгодой использовать все преимущества заранее подготовленной обороны. Генерал Модель установил жесткий контроль за оперативно-тактическими решениями командующих корпусами и командиров дивизий, навязав им свои методы ведения оборонительного сражения – упорная защита эшелонированных в глубину позиций, чередующаяся на кризисных участках с контратаками боевых групп танковых и моторизованных частей и соединений и частными контрударами сводных оперативных групп [512 - См.: Ньютон С. «Пожарник» Гитлера – фельдмаршал Модель. С. 210, 236–237, 324.]. В итоге развитие Орловской наступательной операции Красной армии в большей степени определялось планами германского командования, чем волей советских военачальников. Соответственно, войска 9-й и 2-й танковой армий группы «Центр» отступили на рубеж Хаген точно в соответствии с теми сроками (17–23 августа), которые были определены для этого фельдмаршалом Клюге на совещании в ставке вермахта еще 26 июля 1943 года [513 - См.: Приложение II. Глазами противника. Курск // Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 666.].

В целом следует согласиться с мнением маршала Рокоссовского [514 - Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 226–227.], что Орловская наступательная операция была подготовлена Ставкой Верховного командования с излишней поспешностью, не вызванной сложившейся обстановкой, поэтому войска на решающих направлениях выступили без достаточной подготовки (последнее относится только к войскам ЦФ. – П. Б.). Основной замысел операции состоял в раздроблении орловской группировки противника и уничтожении ее по частям, но при этом не было учтено, что такие действия приведут к чрезмерному рассредоточению сил. Проще и вернее было нанести два главных удара под основание Орловского выступа, сходящихся с севера и юга на Брянск, однако войскам Западного и Центрального фронтов требовалось предоставить время перегруппироваться для нанесения таких ударов и окружения противника на Орловском выступе. Вместо этого происходило фронтальное выталкивание немцев с их позиций, и вся операция приняла затяжной характер, поскольку с самого начала не была учтена сила позиционной обороны противника.

Кроме этого, по оценке маршала бронетанковых войск Советского Союза Амазаспа Бабаджаняна [515 - Бабаджанян А. Х. Дороги победы. М.: Молодая гвардия, 1975. С. 127.], 4-я и 3-я гвардейская танковые армии, в составе которых было почти 1,5 тыс. боевых машин, сыграли немаловажную роль в ликвидации Орловского плацдарма немцев, но,

вместо того чтобы глубоко вклиниться в расположение противника, рассеять его группировку и затем дать возможность стрелковым войскам окружить разрозненные вражеские части и уничтожить их, обе армии выполняли роль, так сказать, бронированного молота, причем если 4-я танковая еще наносила удар в одном направлении, то 3-й гвардейской танковой пришлось наносить ряд ударов, совершая в ходе операции несколько перегруппировок вдоль фронта.

По мнению генерала Радзиевского [516 - Радзиевский А. И. Указ. соч. С. 114.], в Орловской операции все три танковые армии (2-я, 3-я гвардейская, 4-я танковые армии. – П. Б.) вводились не для развития успеха после прорыва обороны общевойсковыми армиями, а фактически для прорыва подготовленной обороны. Это определялось, главным образом, условиями перехода в контрнаступление, а также несколько запоздалым вводом Ставкой в действие 3-й гвардейской и 4-й танковых армий. Опыт данной операции показал, что без надежного огневого поражения противника такое использование танковых армий приводило к большим потерям, вследствие чего войска фронта лишались мощного средства развития успеха.

В связи с изложенным особое значение для оценки операции имеет соотношение потерь сторон, позволяющее определить соответствие понесенных затрат и полученных результатов. Однако данные о потерях, понесенных немцами и русскими в ходе сражения за Орловский плацдарм, также противоречивы.

Немецкий историк Вернер Хаупт (Werner Haupt, участник войны, офицер-артиллерист) приводит сведения о потерях ГА «Центр» за время с начала оборонительного сражения на Орловском плацдарме (12 июля) до окончания отступления с этого плацдарма на линию Хаген (17–18 августа) [517 - Хаупт В. Сражение группы армий «Центр». С. 267.]. Вместе с тем начиная с 7 августа войска ГА «Центр» одновременно вели бои как на Орловском, так и на Смоленском и Рославльском направлениях, поэтому данные Хаупта следует корректировать с привлечением других источников информации.

В частности, общие потери личного состава ГА «Центр» за указанный период времени Вернер Хаупт указывает в размере 120 тыс. человек. По другим сведениям, в результате проведения Орловской наступательной операции Красной армии потери немцев достигли 88,9 тыс. человек [518 - См.: Огненная дуга. С. 376.]. Последние данные согласуются с другими, согласно которым потери 2-й танковой и 9-й армий с 11 по 31 июля равняются 62 тыс. солдат и офицеров, следовательно, около 2952 человек ежедневно [519 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 518.]. Исходя из этого, с 1 по 18 августа потери должны были составить еще 53 тыс. человек, а всего – около 115 тыс. Учитывая, что с 1 по 18 августа немецкие войска отступали с плацдарма, ограничиваясь ведением сдерживающих и арьергардных действий, и одновременно перебрасывали части и соединения на другие участки фронта (тринадцать дивизий), то потери за это время, вероятно, должны быть меньше, чем в период самых ожесточенных боев в июле. Соответственно, их оценка в размере 88,9 тыс. представляется вполне достоверной, позволяя сделать дополнительный вывод, что с 7 по 18 августа ГА «Центр» потеряла еще свыше 31 тыс. человек, отражая наступление советских войск по плану операции «Суворов» на Смоленском и Рославльском направлениях.

По информации В. Хаупта о потерях артиллерии, ГА «Центр» с 12 июля по 18 августа безвозвратно утратила 850 противотанковых орудий (сюда могут входить и потери противотанковых САУ, однако их число невелико – за июль и август на всех фронтах было уничтожено всего 219 боевых машин такого типа, включая тяжелые истребительно-противотанковые самоходные установки типа «Фердинанд» и «Насхорн» [520 - См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 728–729.]). Учитывая данные генерала Буркхарта Мюллер-Гиллебранда (Burkhardt Müller-Hillebrand) о соотношении потерь немецкой противотанковой и полевой артиллерии, которое в ходе войны изменялось незначительно (от 1:0,6 до 1:1) и в среднем составляло 1:0,8 [521 - См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 461.], на 850 уничтоженных противотанковых орудий должно приходиться 680–700 утраченных полевых орудий. Однако часть этих потерь опять-таки относится к боевым действиям на Смоленском и Рославльском направлениях. Исходя из указанных выше данных по личному составу, потери на Смоленском и Рославльском направлениях составили около 26 процентов общих потерь ГА «Центр» в указанный период времени. Следуя предположению, что такое же распределение потерь действительно и для германской артиллерии, ее потери в боях на Орловском выступе можно оценить в размере около 1150 противотанковых и полевых орудий. Согласно данным С. Ньютона [522 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 473.], количество средних и тяжелых минометов, которыми располагали войска 9-й А, приблизительно соответствовало общему числу имевшихся в армии противотанковых и полевых орудий – 1588 против 1780 (1:1,1). Поскольку уровень вооруженности минометами 2-й ТА, по-видимому, ненамного отличался от 9-й А, а потери минометов в оборонительный период войны у немецких войск были практически равны суммарным потерям противотанковой и полевой артиллерии (по крайней мере, об этом свидетельствуют данные Мюллер-Гиллебранда, отражающие период с октября по декабрь 1944 года [523 - См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 461.]), то можно заключить, что потери 2-й танковой и 9-й армий группы армий «Центр» в артиллерии с 12 июля по 18 августа составили около 2,2 тыс. орудий и минометов – 44 процента от их количества в начале сражения. Это минимальная оценка – вероятное завышение числа утраченных средних и тяжелых минометов (наличие и потери этих минометов постепенно возрастали в ходе войны, поэтому в середине 1943 года они должны были быть меньше, чем в конце 1944 года) компенсируется отсутствием учета как легких 50-мм минометов (хотя они и были сняты с вооружения германской армии в 1943 году, но во время Курской битвы некоторое количество еще продолжало оставаться в войсках), так и весьма значительного урона в боевой технике, понесенного частями зенитной артиллерии 6-го ВФ. Вместе с тем полученные данные согласуются со сведениями немецкого историка А. Бухнера (Alex Buchner) [524 - Бухнер А. 1944. Крах на Восточном фронте / Пер. с нем. С. Липатова. М.: Эксмо, 2006. С. 146.], согласно которым при беспорядочном отступлении в район Севастополя весной 1944 года 17-я немецкая армия утратила 75 процентов противотанковой и 70 процентов полевой артиллерии, так что в 1,5 раза меньшая относительная величина потерь артиллерийских средств на Орловском плацдарме вполне реально отражает ущерб, понесенный в ходе более или менее планомерного отхода (хотя фельдмаршал Эрих Манштейн указывает [525 - Манштейн Э. Утерянные победы / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. С. 561.], что при отходе с Орловской дуги все равно было потеряно много техники). Как видно, за 38 дней оборонительных боев части и соединения 2-й и 9-й армий утратили почти в 7 раз больше артиллерийских средств, чем ударная группировка 9-й А за

8 дней наступления по плану операции «Цитадель», так что ежесуточные потери орудий и минометов при ведении обороны оказались приблизительно в 1,5 раза больше, чем при наступлении.

Относительно бронетехники, по данным В. Хаупта, ГА «Центр» с 12 июля по 18 августа потеряла 350 танков. Эти данные количественно согласуются как с размерами потерь группы армий в ходе операции «Цитадель» (200 танков и САУ, см. в книге Пб Бунейханова «Курская битва. Перелом», часть вторая, глава 3), так и с общими безвозвратными потерями бронетехники, понесенными немцами за июль и август 1943 года, – всего 1217 танков (645 – в июле, 572 – в августе [526 - См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 728–729.]). Вместе с тем потери ГА «Центр» по САУ за указанный период времени можно установить только гипотетически, расчетным путем, выдвинув предположение, что они соотносятся между собой так же, как и общие потери данных видов бронетехники в эти же месяцы. Соответственно, располагая сведениями по поводу общего количества САУ основных типов, утраченных немцами в июле и августе 1943 года (287 – в июле, 237 – в августе [527 - См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 728–729.]), можно установить соотношение между потерянными танками и САУ, которое равняется 2,3–2,4, а на основе этого рассчитать, что потери САУ, понесенные ГА «Центр» с 12 июля по 18 августа, составляют приблизительно 150 машин. Следовательно, в общем, невозвратные потери бронетехники за этот период достигают 500 танков и САУ. Предполагая, что 26 процентов из них приходится на Смоленское и Рославльское направления, потери в танках и САУ, понесенные 9-й и 2-й танковой армиями при обороне Орловского плацдарма, можно оценить в количестве 370 боевых машин. Следовательно, ежесуточные потери орловской группировки немцев в бронетехнике оказались приблизительно в 2 раза меньше при ведении обороны, чем при наступлении.

Относительно потерь германской авиации, по оценке В. Горбача, в ходе боев за Орловский выступ 6-й ВФ немцев безвозвратно утратил всего 300–310 самолетов [528 - Горбач В. Указ. соч. С. 321]. Эту оценку подтверждает соотношение между количеством уничтоженных германских самолетов и общей численностью вовлеченной в боевые действия авиационной группировки 6-го ВФ, которое оказывается практически равным как для операции по обороне Орловского плацдарма (310 против 1110 самолетов, соотношение 1:3,6), так и для наступления на Курск (170 против 730 самолетов, соотношение 1:4,3). Применительно к объединениям военно-воздушных сил, действующим в сходных условиях, потери оказываются пропорциональны интенсивности боевой работы, поэтому величина группировки, сосредоточенной для проведения той или иной операции, определяет и наличие боеготовой техники, и интенсивность боевой работы авиации в активный период, и, соответственно, размер понесенных потерь. Этот вывод подтверждается тем, что аналогичное соотношение наблюдается и для советских военно-воздушных сил, участвовавших в сражениях к северу от Курска и в районе Орла: в Орловской наступательной операции авиационная группировка Западного, Брянского и Центрального фронтов насчитывала 3023 самолета, а безвозвратные потери составили 996 боевых машин (соотношение 1:3); в Курской оборонительной операции 16-я ВА, насчитывавшая 1034 самолета, утратила 390 боевых машин (соотношение 1:2,7) [529 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 321; Огненная дуга. С. 589, 594–595; Россия и СССР в войнах XX века. С. 485.].

Таким образом, потери германских войск в сражении за Орловский выступ (в ходе Орловской стратегической наступательной операции Красной армии) составляют: общие потери личного состава – 88,9 тыс. солдат и офицеров, безвозвратные потери боевой техники – 2200 орудий и минометов, 370 танков и САУ, 310 боевых самолетов.

Для сравнения, согласно донесению штаба ЗапФ начальнику Генерального штаба [530 - ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 2424. Л. 461–463.], в результате наступательных боев в период с 11 по 28 июля 1943 года потери противника, действовавшего против войск фронта, составляют более 56 тыс. убитыми, ранеными и пленными, уничтожено и захвачено 2211 пулеметов, 517 минометов, 665 орудий разных калибров, 5 самоходных орудий, 702 танка, 70 бронемашин, 1200 автомашин, 36 тягачей, 363 мотоцикла, сбит 361 вражеский самолет. Согласно донесению генерала Рокоссовского Верховному главнокомандующему [531 - ЦАМО РФ. Ф. 62. Оп. 321. Д. 105. Л. 77–82.], в результате наступательных боев в период с 15 июля по 6 августа 1943 года войсками ЦФ были нанесены следующие потери противнику: уничтожено 108 тыс. солдат и офицеров, 1200 пулеметов, 670 минометов, 920 орудий разных калибров, 48 самоходных орудий, 420 танков, 3000 автомашин, сбито 233 вражеских самолета; захвачено 806 пленных, 528 пулеметов, 512 минометов, 123 орудия, 31 самоходное орудие, 328 танков, 90 автомашин и 17 тягачей, 4 мотоцикла, 118 велосипедов, 100 лошадей. Согласно донесению генерала Попова Верховному главнокомандующему [532 - ЦАМО РФ. Ф. 202. Оп. 5. Д. 1276. Л. 255.], за время с 12 июля по 15 августа 1943 года войсками БрФ уничтожено или взято в плен около 187 тыс. солдат и офицеров противника, сбит 281 самолет, а также уничтожено и захвачено: 6403 пулемета, 2559 орудий и 2035 минометов, 51 реактивный миномет и 12 метательных аппаратов, 1666 танков и 195 САУ, 245 бронированных машин, 3061 автомашина, 386 тягачей и тракторов, 316 мотоциклов, 2041 велосипед, 3968 лошадей. Как видно, самым нескромным оказалось командование БрФ. Тем не менее впоследствии эти ирреальные донесения позволили советским и российским историкам подготовить множество оценок потерь германской армии, которые совершенно не соответствовали действительности (например, безвозвратные потери немецкой авиации, постепенно преувеличиваясь, возросли до абсурдной величины – 1400 самолетов, из которых 1320 были якобы уничтожены в воздушных боях, а 80 – на аэродромах [533 - См.: Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 194.]).

С другой стороны, советская Ставка Верховного главнокомандования и Генеральный штаб при оценке оперативной обстановки не придавали серьезного значения вымышленным донесениям фронтов о вражеском уроне. В частности, по данным исследования ГШ Красной армии [534 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 61.], в результате Орловской стратегической наступательной операции противник понес невозместимые потери – были полностью разгромлены восемь немецких дивизий (34, 56, 112, 208, 211, 262 и 299-я пехотные, 25-я моторизованная дивизии), уничтожено несколько десятков тысяч солдат и офицеров противника (при условии укомплектованности, близкой к штатным нормам, полный разгром указанных соединений должен был повлечь потери в размере около 80–90 тыс. солдат и офицеров, что очень близко к приведенной выше величине 88,9 тыс. – П. Б.), 1500 танков, свыше 3000 орудий и минометов, 2300 автомашин, сбит 281 самолет. По

другим источникам [535 - См.: Шишкин Н. Наступала грозная броня // Красная Звезда. 2003. 26 июня.], в ходе Орловской операции советские войска 11-й гвардейской, 3-й и 63-й общевойсковых и 4-й танковой армий уничтожили и захватили 310 танков, 55 бронетранспортеров, 530 орудий, около 370 минометов, огнем зенитной артиллерии был сбит 51 самолет, противник потерял убитыми более 23 тыс. солдат и офицеров. Как видно, за исключением бронетехники, все оценки являются более или менее достоверными.

Согласно официальной российской военной историографии [536 - См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 286, 485.], потери советских войск в Орловской стратегической наступательной операции «Кутузов» составляют: общие потери личного состава – около 430 тыс. солдат и офицеров (из них более 112 тыс. человек – безвозвратные, а свыше 317 тыс. – санитарные); безвозвратные потери боевой техники – 892 орудия и миномета, 2586 танков и САУ, 1014 боевых самолетов; наибольшие людские потери понесли войска ЦФ (всего более 165 тыс. человек), а среди армейских объединений – 11-я гв. А генерала Ивана Баграмяна (свыше 51 тыс. человек).

Следовательно, соотношение потерь германской и советской сторон, понесенных ими в ходе борьбы за Орловский плацдарм, составляет: 1:4,8 по личному составу, 2,5:1 по артиллерии, 1:7 по бронетехнике, 1:3,3 по самолетам – все, за исключением артиллерии, в пользу германской стороны.

Как следует из приведенных данных, по относительному и абсолютному уровню понесенных затрат операция Красной армии «Кутузов» никак не может быть отнесена к числу успешных. Причем по соотношению потерь можно заключить, что немцы удерживали оборону, жертвуя своей артиллерией, а русские наступали в основном за счет расходования личного состава и бронетанковых сил – стороны фактически разменивали людей и танки на артиллерию. По абсолютному количеству и относительной стоимости боевых средств это представляло выгоду для германской стороны, однако ее возможности восполнить потери материальной части артиллерии, по-видимому, были меньшими, чем возможности противника по восстановлению своих бронетанковых сил и доукомплектованию войск личным составом. Кроме того, утрата артиллерии обычно влекла значительные потери личного состава и транспорта артиллерийских частей и подразделений, что немцам было особенно трудно восполнить, учитывая общую нехватку обученных военнослужащих (особенно квалифицированных артиллеристов) и транспортных средств.

Соотношение потерь советской и германской авиации близко к отношению сил в воздухе, следовательно, советские ВВС теряли приблизительно во столько же больше самолетов, во сколько большим числом машин располагали.

Дополнительные выводы позволяют сделать расчет критериев результативности оборонительных и наступательных действий германских и советских войск в сражении за Орловский плацдарм в ходе проведения Красной армией операции «Кутузов» / Орловской стратегической наступательной операции (табл. 3, 4). При этом для того, чтобы относительно объективно оценить показанное в сражении боевое мастерство сторон,

необходимо установить хотя бы основные изменения боевого и численного состава советских и германских войск, задействовавшихся в операциях на плацдарме.

С советской стороны в ходе операции «Кутузов» были дополнительно введены в сражение 11-я общевойсковая, 4-я и 3-я гвардейская танковые армии, 25-й танковый и 2-й гвардейский кавалерийский корпуса: всего около 175 тыс. солдат и офицеров, свыше 3,5 тыс. орудий и минометов, более 1,6 тыс. танков и САУ (см. выше) [537 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 349–353; Огненная дуга. С. 597; Россия и СССР в войнах XX века. С. 286.].

С германской стороны для усиления орловской группировки в ходе сражения было дополнительно введено в бой несколько соединений и отдельные части усиления, которые приняли активное участие в борьбе за Орловский плацдарм: с участка против правого крыла и центра советского ЗапФ были переброшены 183, 95, 253 и 129-я пехотные дивизии (из состава 39-го тк и резерва 4-й А группы армий «Центр»); с участка против Калининского фронта – 20-я мд (из состава 43-го ак 3-й ТА группы армий «Центр»); с участка против ВорФ – 26-я пд (из состава 7-го ак 2-й А группы армий «Центр»), мд «Великая Германия» и 51-й танковый батальон (из состава 4-й ТА ГА «Юг»); из резерва ГШ сухопутных войск – 8-я тд [538 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 39; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 788–791; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 173.]. Всего, таким образом, было дополнительно переброшено 5 пехотных, 2 моторизованные и 1 танковая дивизии, а также ряд отдельных танковых, артиллерийских и пехотных частей и подразделений: приблизительно 100 тыс. солдат и офицеров, 1,3 тыс. орудий и минометов, до 400 танков и САУ (с учетом реальной и штатной укомплектованности, см. выше).

Принимая во внимание имеющиеся сведения о восполнении сил и средств, изложенное выше позволяет произвести следующие расчеты (табл. 3, 4) [539 - С учетом сил и средств, дополнительно привлеченных в ходе операции, а также восполнения войск личным составом и боевой техникой (см.: Огненная дуга. С. 596–597). При расчетах предполагалось равномерное распределение восполнения сил и средств между группами армий «Центр» и «Юг», а также между советскими фронтами, участвовавшими в проведении Орловской и Белгородско-Харьковской стратегических наступательных операций Курской битвы. (Примеч. авт.)].

Как показывает соответствующий индикатор, результативность наступательных действий советских войск в ходе операции «Кутузов» в целом оказалась приблизительно в 3 раза ниже, чем у германских войск в ходе операции «Цитадель» (1,54 против 4,26), причем в сравнении с ударной группировкой 9-й полевой армии вермахта, потерпевшей явную тактическую неудачу на северном фазе Курского выступа (см. в книге П. Букейханова «Курская битва. Перелом», часть вторая, глава 3). Напротив, результативность ведения обороны германскими войсками более чем в 4 раза превысила аналогичный показатель войск ЦФ в Курской оборонительной операции (28,78 против 6,68). Оба этих вывода отнюдь не являются очевидными без специальных расчетов и свидетельствуют, что оперативные результаты, достигнутые Красной армией за счет

овладения территорией Орловского плацдарма, в целом не оправдывают высокие потери в операции при изначально крайне выгодном для наступающей стороны соотношении сил и средств.

ОПЕРАЦИЯ	Параметры и коэффициенты	Оборона			
Операция «Кутузов» / Орловская стратегическая наступательная операция		Германия и союзники			
	Геометрия операции, км	глубина обороны, L_0	протяженность фронта обороны, S_0		
		150	460		
		средняя глубина тактической зоны обороны $L_{то}$			
		15			
	Кнфо				
	Кнго				
	Кпто				
	Кго				
	Период времени, суток	время преодоления обороны, T_0			
		38			
	Кв				
	Привлечено сил и средств, тыс.	ЛСо 633	ОМо 6,3	ТСо 1,55	Со 2,11
	Ксс				
Потери сил и средств, тыс.	ПЛСо 88,9	ПОМо 2,2	ПТСо 0,37	ПСо 0,31	
Кпсс					
КРД(Н)					

ОПЕРАЦИЯ	Параметры и коэффициенты	Оборона			
Операция «Кутузов» / Орловская стратегическая наступательная операция		Германия и союзники			
	Геометрия операции, км	глубина обороны, L_o	протяженность фронта обороны, S_o		
		150	460		
		средняя глубина тактической зоны обороны $L_{то}$			
		15			
	Кнфо				
	Кнго				
	Кпто				
	Кго				
	Период времени, суток	время преодоления обороны, T_o			
		38			
	Кв				
	Привлечено сил и средств, тыс.	ЛСо	ОМо	ТСо	Со
		633	6,3	1,55	2,11
	Ксс				
Потери сил и средств, тыс.	ПЛСо	ПОМо	ПТСо	ПСо	
	88,9	2,2	0,37	0,31	
Кпсс					
КРД(О)					

По утверждению ГШ Красной армии (подтверждаемому приведенными выше сведениями. – П. Б.), данные о соотношении сил сторон перед началом операции «Кутузов» свидетельствовали о том, что советское командование создало на направлениях главных ударов левого крыла Западного и Брянского фронтов подавляющее превосходство над противником в силах и средствах, которое вполне обеспечивало успех прорыва обороны противника и его быстрое развитие в глубине, а равно и выполнение задачи ликвидации орловской группировки немецких войск [540 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 335.]. Тем не менее 3-я и 63-я армии БрФ достигли Орла только к 4 августа, продвинувшись в среднем на 60 км за 24 дня операции, следовательно, среднесуточный темп их наступления составлял около 2,5 км, что вполне сопоставимо с темпом наступления ударной группировки 9-й немецкой армии в ходе операции «Цитадель» – около 2 км. При этом оперативная плотность германских войск, сражавшихся против двух этих армий на Орловском направлении в составе 35-го ак, была меньше, чем плотность советских войск в полосе обороны 13-й А ЦФ (см. в книге П. Букейханова «Курская битва. Оборона», часть вторая, глава 2), по личному составу – приблизительно в 6–7 раз, по артиллерии – в 5–6 раз, по бронетехнике – в 12–13 раз (с учетом того, что к 31 июля ширина фронта обороны 35-го корпуса не изменилась, но его силы соответствовали: по пехоте – четырем, по артиллерии – шести, по тяжелым противотанковым средствам – двенадцати пехотным дивизиям [541 - См.: Приложение II. Глазами противника. Курск // Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 692.], а в распоряжение командования корпуса поступили три танковые дивизии). Эти данные наглядно характеризуют уровень тактического превосходства германской армии.

Наступление 11-й гв. А ЗапФ развивалось успешнее, чем 3-й и 63-й армий, но для того, чтобы продвинуться в оборону противника на глубину 80–85 км, в полосе армии пришлось ввести в бой шесть отдельных танковых полков и бригад, три отдельных танковых корпуса и танковую армию – всего свыше тысячи танков и САУ. Причем такое значительное массирование бронетехники позволило всего лишь в 2,5 раза повысить темп наступления по сравнению с 3-й и 63-й армиями – по данным штаба 11-й гв. А [542 - ЦАМО РФ. Ф. 358. Оп. 5916. Д. 336. Л. 69 об.], ее среднесуточный темп наступления без учета «оперативных пауз» составил 5,5–6 км в сутки за операцию. Германские войска, хорошо используя выгоды местности, сильными ударами с воздуха, огнем, контратаками и контрударами подвижных танковых и моторизованных частей сумели задержать наступление 11-й гв. А и даже вынудили ее ударную группировку (в том числе три танковых корпуса) временно перейти к обороне. По признанию ГШ Красной армии [543 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 392.], в этом немцам способствовало то обстоятельство, что взаимодействие пехоты, танков, артиллерии и авиации, организованное советским командованием в начале наступления, по ходу операции в известной мере расстроилось: танки действовали без достаточной поддержки со стороны общевойсковых соединений и авиации.

Штаб 3-й А отметил в итоговой сводке обобщения боевого опыта войск армии за период Орловской операции следующие недостатки, которые вызвали большие потери личного состава и боевой техники [544 - ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 109. Л. 3 об. – 6 об.]:

1. Действия пехоты характеризовались:

- скученностью и невниманием к маскировке;
- отставанием от танков и огня артиллерии;
- стремлением к «лобовым» атакам;
- недостаточным использованием в бою огня 50-мм и 82-мм минометов;
- медленными темпами преследования противника;
- незакреплением захваченных рубежей, что приводило к их утрате и излишним потерям при повторном овладении;
- отсутствием сильных резервов.

2. Боевая работа артиллерии отличалась:

- большими потерями артиллерийских частей из-за действий бомбардировочной авиации противника;
- отставанием 45-мм и 76-мм орудий полковой и дивизионной артиллерии, выделенных для действий в боевых порядках пехоты;
- большим расходом снарядов в связи с неточностями при подготовке данных для стрельбы;
- ограниченной маневренностью артиллерийских частей и подразделений из-за недостатка средств механической и конной тяги;
- оставлением огнеприпасов в кучах на пути продвижения артиллерии, при их недостатке на огневых позициях.

3. Работа командиров и штабов:

- командиры в сложной динамике наступательного боя очень часто неверно выбирали место расположения своих наблюдательных пунктов, из-за чего нередко в течение нескольких часов не знали точного положения частей и получали не соответствующую действительности информацию, что вело к ошибочным решениям;
- штабы не всегда располагали сведениями об оперативной обстановке и не использовали всех средств для получения точных данных о противнике;

- плохо велся учет людей и конского состава, потеря и трофеев;
- практически не использовался накопленный боевой опыт;
- не проявлялось должного внимания к работе разведывательных органов, что приводило к наступлению «вслепую», без знания противника и его положения.

4. Ведение войсковой разведки:

- не было непрерывным, как того требует Боевой устав пехоты, что позволяло противнику свободно маневрировать;
- нарушалось из-за частых случаев резервирования разведки для охраны штабов или в качестве резерва пехотных подразделений;
- было ограничено по причине полного отсутствия попыток использования взводов конной разведки и редкостью случаев преследования противника разведкой на автомашинах и конных подводах.

Согласно пометкам на полях архивного дела, принадлежащим, по-видимому, сотрудникам Генерального штаба Вооруженных сил СССР, итоговая сводка свидетельствует о слабой подготовке офицеров 3-й А и плохой организации оперативного управления [545 - ЦАМО РФ. Ф. 310. Оп. 4376. Д. 109. Л. 6.]. Вместе с тем изложенное выше показывает, что эти недостатки являлись типичными для армейских и корпусных объединений Красной армии в 1943 году.

Относительно действий бронетанковых объединений Красной армии в ходе Орловской наступательной операции, типичным примером, помимо танковых армий, является участие в сражении 20-го тк, приданного войскам 61-й А БрФ. Согласно отчету оперативного отдела штаба 61-й А, в период с 13 по 27 июля, в течение 8 дней активных боевых действий (с 18 по 25 июля корпус в боях не участвовал), 20-й тк потерял уничтоженными 152 боевые машины, в том числе 99 танков типа Т-34 и 10 САУ типа СУ-122. При этом корпус не решил поставленные перед ним боевые задачи, по причине, во-первых, плохой работы корпусного штаба, плохо организовавшего управление частями и соединениями; во-вторых, из-за отсутствия разведки; в-третьих, в связи с ограниченным маневром силами и средствами и стремлением к «лобовым» атакам; в-четвертых, из-за боязни командования корпуса оторваться от пехоты и самостоятельно продвинуться в глубину обороны противника [546 - ЦАМО РФ. Ф. 418. Оп. 10695. Д. 117. Л. 25.].

Изложенное выше позволяет утверждать, что указанные недостатки были в той или иной мере присущи всем советским танковым корпусам, участвовавшим в операции.

По мнению германского командования, сформулированному в сводке штаба ГА «Центр» от 16 августа 1943 г. [547 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 792. Л. 97–99.], тактическая оценка родов войск противника не выявила ничего нового. Пехота противника, как и ожидалось, оборонялась стойко и ожесточенно, а в наступлении, за исключением отдельных случаев, была очень плоха. Она могла действовать только при

мощной поддержке артиллерии, авиации и танков. Потери пехоты пока не смогло компенсировать даже прибывающее пополнение. Все пехотные подразделения противника сильно измотаны боями. Танковые войска, как и прежде, показали хорошую боеспособность и зачастую непреклонную решимость. Однако, несмотря на это, тактического управления в целом было недостаточно, и ввод в бой крупных сил привел к очень большим потерям, тем более если не было пехоты. Основную роль в наступлении играл танк Т-34, остальные типы танков, в частности американские танки, играли лишь второстепенную роль. Неоднократно отмечалось появление на поле боя новых, только что поступивших с завода танков. Артиллерия – самый опасный противник в обороне – в наступлении также показала себя хорошо, быстро приспосабливаясь к местности и маневрам. Батареи легких орудий на механической тяге вначале очень быстро преследовали немецкие отходящие войска; они часто вели огонь с открытых огневых позиций, расположенных вблизи линии фронта. Батареи тяжелых орудий вели огонь, используя дальность стрельбы, со старых огневых позиций до тех пор, пока большая часть батарей легких орудий не заканчивала менять позиции. Позднее возникли заметные задержки. Серьезной проблемой была проблема подвоза боеприпасов. Нехватка боеприпасов, причина которой была в создании запасов в других районах, неоднократно приводила к тому, что артиллерия не могла себя проявить. Однако дефицит боеприпасов был устранен. Особенно маневренными показали себя гвардейские минометные полки, которые внезапно перестраивались, меняя направления главного удара и доказывая свой боевой дух. Они приобрели особое значение и вследствие массированного применения должны считаться основными боевыми средствами. Устранения или значительного ослабления подразделений артиллерийских орудий и многоствольных минометов достигнуть не удалось. Введение в бой авиации, более обдуманное, чем раньше, неоднократно наносило в результате массированных ударов по переднему краю обороны и тыловым районам ощутимый урон и приводило к полному успеху при отсутствии обороны истребительной авиации и нехватки тяжелых зенитных пушек.

Как видно, германское командование особо отметило артиллерию противника, а также констатировало успехи советской авиации. Вместе с тем если принимать во внимание не только массированные удары, но и другие результаты оперативного и тактического применения советских ВВС в ходе операции «Кутузов», то факты свидетельствуют, что авиации не удалось обеспечить прикрытие своих наземных войск даже в начале наступления – ввод в бой 1-го, 1-го гвардейского и 25-го танковых корпусов не принес существенных результатов по причине эффективных ударов германской штурмовой и бомбардировочной авиации, не встретившей необходимого противодействия истребительной авиации Западного и Брянского фронтов. Хотя существует и противоположное мнение, что многие недостатки в организации боевого применения танковых объединений, связанные с повсеместной некомпетентностью и непрофессионализмом их рядового и командного состава, советское командование всех уровней впоследствии маскировало успехами авиации противника, которой якобы удалось своими ударами так задержать и ослабить танковые части, что впоследствии они потерпели неудачу при решении поставленной боевой задачи. Данная точка зрения подтверждается незначительным числом советских танков, которые были уничтожены авиацией противника в ходе Орловской наступательной операции. Так, например, за период с 12–13 по 23–24 июля в результате 3816 вражеских самолето-налетов части 1-го

гв. Донского тк потеряли от 13 до 26 танков; в 1-м тк примерно в этот же период германская авиация уничтожила 25 танков; 6-й гв. тк 3-й гв. ТА в ходе операции «Кутузов» безвозвратно потерял 122 танка, из которых 108 было уничтожено артиллерией, 2 – минами, 12 – авиацией [548 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 229, 248, 307.]. С другой стороны, по этому поводу можно заметить, что авиаудары германских ВВС имели целью не только вражескую бронетехнику, но и тылы бронетанковых и механизированных частей и соединений, прежде всего их колесный и гусеничный транспорт и запасы предметов снабжения, повреждение и уничтожение которых ограничивало подвижность войск и задерживало развитие операции.

Касаясь оперативного руководства авиацией, командование военно-воздушных сил Красной армии допустило серьезный просчет, не использовав возможность нанесения ударов по рокадным линиям коммуникаций, по которым немцы осуществляли маневр силами и средствами для прикрытия угрожаемых участков фронта обороны 2-й танковой и 9-й армий. В связи с этим в ходе Орловской наступательной операции советская авиация ограничилась борьбой с тактическими подкреплениями противника, подтягиваемыми к полю боя из ближайшей глубины, но не смогла задержать подход его оперативных резервов и их ввод в сражение. Причем советская сторона располагала для решения указанной задачи таким мощным средством воздействия, как собранные в районе Орловского выступа части и соединения шести авиационных корпусов авиации дальнего действия. Однако командование авиации дальнего действия до середины июля прилагало основные усилия с целью нанесения ударов непосредственно по боевым порядкам войск противника (более 80 процентов самолето-вылетов за время Курской оборонительной операции [549 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 272.]), его опорным пунктам и узлам сопротивления в тактической зоне обороны (в начале Орловской наступательной операции), а затем стало подвергать бомбардировкам крупные железнодорожные узлы главной магистральной линии коммуникаций неприятеля – Орел, Хотынец, Карачев, Брянск, а также узлы грунтовых и шоссейных дорог и центры снабжения германских войск – Болхов, Кромы, Нарышкино. Данные объекты были хорошо защищены немецкой противовоздушной обороной – тяжелой зенитной артиллерией, частями ночной истребительной авиации, средствами радиолокации, аэростатными заграждениями, а вот протяженные линии коммуникаций оставались вообще без прикрытия, поскольку немецкий 6-й ВФ не располагал для этого ни требуемым количеством зенитных средств, ни достаточным числом самолетов-истребителей (в отличие от советской стороны, выделившей большие силы и средства для прикрытия коммуникаций на Курском выступе).

Напротив, германская авиация действовала и тактически, и оперативно грамотно, в зависимости от развития обстановки сосредотачивала усилия на главных направлениях и добивалась там высокой результативности боевой работы. Командование 6-го ВФ умело использовало преимущества центрального расположения аэродромов Орловского аэродромного узла, попеременно сосредотачивая основные усилия на наиболее угрожаемых участках; организовало интенсивное применение авиации в сочетании с маневром силами и средствами флота, достигнув этого за счет гибкой системы аэродромного обеспечения с использованием сети импровизированных взлетно-посадочных площадок и аэродромов «подскока», а также эксплуатации основных

аэродромов даже тогда, когда они находились в непосредственной близости от линии фронта. В частях были заблаговременно созданы резервы боевых машин, позволяя пилотам и экипажам сократить время между вылетами за счет одновременного послеполетного технического обслуживания и предполетной подготовки самолетов. Все машины использовались с максимальной отдачей по интенсивности работы (6-й ВФ обеспечивал в среднем 1,5 вылета каждого самолета в сутки, тогда как, например, 15-я ВА БрФ – 0,7 вылета), выполняемым задачам (ночные истребители ПВО прикрывали не только населенные пункты, узлы транспортных коммуникаций и аэродромы, но также и войска на линии фронта), боевому снаряжению (даже германские самолеты-разведчики часть вылетов совершали с бомбовой нагрузкой) [550 - См.: Документы. Приложение I // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 738; Горбач В. Указ. соч. С. 207, 277.].

По отзывам советского командования [551 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 246, 247.], основными особенностями применения германской авиации в этот период были широкий маневр аэродромами и радиусом действий и за счет этого массирование сил на наиболее ответственных участках – так, в течение 16 июля 1943 года немцы совершили более 1 тыс. самолето-вылетов на узком участке ввода в прорыв танковых корпусов 11-й гв. А ЗапФ. Там, где обозначался успех советских войск или создавалась возможность выхода их подвижных соединений на оперативный простор, противник немедленно сосредотачивал большую массу бомбардировочной авиации. При этом основную роль в сдерживании советских танковых соединений сыграли части пикирующих бомбардировщиков, которые, по свидетельству советских авиационных командиров, активно и в большом количестве действовали над полем боя, представляя наиболее реальную угрозу для наступающих войск.

В общем, результативность оборонительных действий германской армии по защите Орловского плацдарма позволяет утверждать, что генерал Модель, солдаты и офицеры 6-го воздушного флота, 2-й танковой и 9-й армий, их штабы, а также корпусное и дивизионное командование действительно показали себя «львами обороны», умело организовав и осуществив оборонительную деятельность и отступление с Орловского плацдарма, что, как известно, является одним из наиболее сложных видов боевых действий.

Как отмечают американские военные историки Д. Гланц и Дж. Хауз (David M. Glantz, Jonathan M. House) [552 - Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 253.], искусная оборона немцев против намного превосходящих вражеских сил лишила советских полководцев лавров быстрого и эффектного успеха в наступлении, которого они страстно добивались. Германские войска доказали свое порядковое превосходство над противником по уровню тактического боевого мастерства, что отразилось на соотношении потерь и общих итогах сражения – орловская группировка немцев не была ни окружена, ни разгромлена, ее соединения сохранили боеспособность и заняли оборону на новом рубеже. В особенности замечательным успехом германского оружия стало предотвращение глубоких прорывов советских бронетанковых объединений (семь отдельных танковых корпусов и три танковые армии), так и не получивших возможности выйти на оперативный простор благодаря согласованным действиям германской авиации и наземных войск. Две советские танковые армии – 4-я и 3-я

гвардейская, полностью укомплектованные и оснащенные новой боевой техникой, «сгорели» за три недели боев и были выведены на переформирование.

Отдельным выдающимся достижением следует считать логистику и организацию практической работы тыловых и транспортных служб ГА «Центр», 9-й полевой и 2-й танковой армий, которым в условиях отступления своих войск, ограниченных транспортных возможностей, недостатка пригодных и доступных коммуникаций, постоянно подвергавшихся нападениям партизан, удалось обеспечить переброску войск и техники, а также доставку предметов снабжения, топлива и боеприпасов в объемах, необходимых для ведения интенсивных оборонительных боев.

Согласно отчету командования 2-й танковой и 9-й армий вермахта о боях за период с 5 июля по 18 августа 1943 года [553 - См.: Курская битва. Хроника, факты, люди: В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Кн. 2. С. 336.], огромны были задачи, выпавшие на долю служб тыла обеих армий. Основные трудности испытывала 9-я А, которая неожиданно, в силу обстановки, перестраивалась от наступления к обороне и наоборот. Для 2-й ТА трудности заключались в неожиданно быстром расходе горючего, что обуславливалось большим масштабом боев и увеличением количества войск в самой армии. Затруднения с боеприпасами и горючим, вызванные перегруженностью или выведением из строя железнодорожной сети, не были в той и другой армии непреодолимым препятствием, ибо всегда в таких случаях находили выход из создавшегося положения. Битва поглотила всего около 120 тыс. тонн боеприпасов (из них почти 2 млн снарядов для легких полевых гаубиц) и 40 тыс. кубометров горючего, что зачастую должно было доставляться на направление главного удара по очень плохим дорогам. В этих боях служба снабжения добилась выдающихся успехов. Еще труднее были задачи, связанные с вопросами эвакуации, причем благодаря высокой организации в короткие сроки удалось эвакуировать 180 тыс. гражданских лиц и 30 тыс. голов скота.

По мнению С. Ньютона [554 - Ньютон С. «Пожарник» Гитлера – фельдмаршал Модель. С. 298.], оборона Орловского выступа является замечательным стратегическим достижением в военной карьере фельдмаршала Вальтера Моделя.

Вместе с тем общие потери орловской группировки германских войск по личному составу и безвозвратный урон в технике оказались эквивалентны численности сил и средств целой армии в составе пяти-шести пехотных и двух-трех танковых дивизий. Потери соединений 9-й и 2-й танковой армий, постепенно накапливающиеся и не компенсируемые пополнениями, достигли критического уровня (например, когда в конце августа 1943 года 7-я пд вступила в оборонительные бои в районе Севска в составе 20-го ак, ее боевые части были преобразованы в три группы, каждая из которых достигала численности всего лишь пехотного батальона [555 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 293–294, 540.]). При общих потерях 9-й и 2-й танковой армий за июль в размере более 83 тыс. человек пополнение составило всего около 29 тыс., включая выздоравливающих раненых [556 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 284; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 518.]. Это ставило под вопрос возможность дальнейшего успешного ведения крупных оборонительных сражений. Кроме того, развертывание наступательных операций Красной армии на широком фронте вынудило германское

Верховное главнокомандование допустить серьезную ошибку с распределением резервов, образовавшихся после отступления с Орловского выступа. Согласно отчету командования 2-й танковой и 9-й армий вермахта о боях за период с 5 июля по 18 августа 1943 года [557 - См.: Курская битва. Хроника, факты, люди: Кн. 2. С. 335.], в результате операции «Хаген» было высвобождено 19 дивизий, которые могли быть использованы на других участках фронта: 5 танковых дивизий, 3 моторизованные дивизии, 11 пехотных дивизий, а также значительное количество частей армейского подчинения и резерва Верховного главнокомандования. По утверждению участника войны генерала Курта Типпельскирха (Kurt Tippelskirch) [558 - Типпельскирх К. фон. История Второй мировой войны: 1939–1945 / Пер. с нем. Полигон, 2001. С. 426.], благодаря сокращению линии фронта и переходу к обороне были высвобождены 8 пехотных, 3 моторизованные, 6 танковых дивизий. Однако, как уже было отмечено, три четверти этих частей и соединений оказались переброшены на другие участки в полосе ГА «Центр», вместо того чтобы усилить южное крыло Восточного фронта, где началось сражение за Белгород и Харьков, решившее судьбу обороны Донбасса и Левобережной Украины.

Часть вторая. Операция «Полководец Румянцев» (Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция)

Глава 1. Подготовка операции «Полководец Румянцев» (Белгородско-Харьковской наступательной операции Красной Армии) и оперативная обстановка на фронте ее проведения к началу августа 1943 года

Несмотря на первоначальные замыслы советского командования и масштаб сражения за Орловский выступ, гораздо большее стратегическое значение для хода войны на Восточном фронте имели события на Белгородско-Харьковском направлении, где проводилась наступательная операция с кодовым наименованием «Полководец Румянцев».

Наступление войск Воронежского и Степного фронтов, завершившееся взятием Белгорода и Харькова и отступлением белгородско-харьковской группировки немцев, проходило в период с 3 по 23 августа 1943 года. Бои развернулись на обширной территории Украины и юга России, ограниченной с севера линией Сумы – Белгород, с юга – Зеньков – Харьков, с востока – рекой Северский Донец и с запада – рубежом реки Псел. Здесь проживало большое количество населения, было сосредоточено много промышленных предприятий и центров сельскохозяйственного производства. На территории Белгородско-Харьковского плацдарма располагался важнейший экономический и политический центр СССР, стратегический узел железных и шоссейных дорог, вторая столица Украины – город Харьков. В свою очередь, оборона Харьковского района имела ключевое значение для удержания Донбасса.

1.1. Оборона германских войск на южном фланге Курского выступа и оценка германским командованием оперативной обстановки, сложившейся на фронте группы армий «Юг» вермахта в начале августа 1943 года

К началу августа 1943 года группировка германских войск, собранная на северном фланге ГА «Юг» для проведения операции «Цитадель», уменьшилась на пять дивизий. Командованию вермахта пришлось перебросить на Орловский плацдарм и на реку Миус лучшие подвижные соединения ГА «Юг» – дивизии «Великая Германия», «Рейх», «Мертвая голова», 3-ю тд, а дивизия «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» была отправлена на Европейский театр военных действий, в Италию. В результате перегруппировки сил одиннадцати танковым и механизированным корпусам и семи отдельным танковым бригадам, которые были сосредоточены к наступательной операции в составе Воронежского и Степного фронтов [559 - См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 287.], остались противостоять только четыре танковые дивизии, объединенные под управлением 48-го тк 4-й ТА.

К 23 июля 1943 года германские войска отошли на рубеж Солдатское – Бутово – Драгунское – Вислое – Дальняя и Ближняя Игуменка и далее на юг по западным берегам рек Разумная и Северский Донец, в основном на те позиции, которые они занимали до перехода в наступление по плану операции «Цитадель», и закрепились на этих позициях, удерживая их вплоть до начала августа. В целом силы 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф», прикрывавших Белгородско-Харьковское направление, включали одиннадцать пехотных (57, 255, 332, 167, 168, 198, 106, 320, 282, 39, 161-я) и четыре танковые дивизии (6, 7, 11, 19-я) в составе 52, 11, 42-го пехотных и 48-го танкового корпусов.

Три пехотные дивизии 52-го ак (57, 255, 332-я) и пять дивизий 48-го тк (167-я пехотная, 6, 7, 11, 19-я танковые) 4-й ТА были дислоцированы на участке от Краснополье до Вислое (15 км севернее Белгорода), в полосе протяженностью около 90–95 км; четыре пехотные дивизии 11-го ак (106, 168, 198, 320-я) и три пехотные дивизии 42-го ак (39, 161, 282-я) оперативной группы «Кемпф» удерживали участок шириной более 130 км на рубеже Вислое (исключительно) – Ближняя Игуменка – устье реки Разумная и далее к югу по реке Северский Донец до пункта юго-западнее Чугуева; кроме этого, с 8 августа в боевые действия против войск 38-й А ВорФ оказались вовлечены соединения 7-го ак 2-й А группы «Центр», в состав которого к началу Курской битвы входили 26, 88, 75, 68-я пехотные дивизии, а также дивизионная боевая группа, сформированная из частей ослабленной в предыдущих боях 323-й пд [560 - 323-я пд, находившаяся на отдыхе, была выведена в резерв 7-го ак, в район севернее г. Сумы (см.: Залесский К. Вермахт. С. 383).], оборонявшие участок шириной около 55–60 км от Самотоевки (западнее Краснополья) до Комаровки (западнее Снагость, однако 26-я пд, занимавшая полосу обороны в районе Снагость, на стыке Воронежского и Центрального фронтов – основной протяженностью против 60-й А ЦФ, еще в середине июля 1943 года была перебросена под Болхов, в распоряжение 2-й ТА группы «Центр») [561 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 452, 464–466.].

Все одиннадцать пехотных дивизий 4-й ТА и группы «Кемпф» были развернуты в первом эшелоне обороны на фронте около 220–225 км, так что в среднем на каждую дивизию приходился участок шириной приблизительно 20 км. Однако германское командование неравномерно распределило свои силы, сосредоточив пять соединений (255, 332, 167, 168, 198-я пехотные дивизии) на наиболее угрожаемом 75-километровом рубеже: Солдатское – Бутово – Вислое – Дальняя Игуменка, поэтому здесь полоса каждой

из дивизий первого эшелона составляла в среднем около 15 км – в 1,3 раза меньше. Три танковые дивизии 48-го тк были сгруппированы в тактической зоне обороны в пределах этого же рубежа, в районах Грайворон – Борисовка – Белгород, в частности, 11-я тд находилась в районе Грайворон – Головчино, 19-я – северо-восточнее Борисовки, 6-я – в районе Казацкое – Стрелецкое – западнее Белгорода. Вместе с тем 7-ю тд немцы расположили в оперативном резерве за левым флангом 4-й ТА, в районе города Боромля, поскольку германское командование также ожидало вражеских ударов на Сумском и Ахтырском направлениях. Сосредоточение танковых дивизий вокруг опорных пунктов в тактической и оперативной зоне обороны показывало, что командование 4-й ТА предполагает использовать эти соединения для оказания непосредственной поддержки пехотным дивизиям, проведения контратак и борьбы за оборонительные рубежи, а также с целью нанесения контрударов из оперативной глубины. Кроме того, в Томаровке, Борисовке и Белгороде находились ремонтные мастерские, где восстанавливались танки и САУ, поврежденные в ходе операции «Цитадель». Расположение дивизий позволяло быстро и удобно пополнять их части отремонтированной боевой техникой. Штаб 4-й ТА был развернут в Богодухове, оперативной группы «Кемпф» – на станции Долбино.

По данным советской историографии [562 - См.: Великая Отечественная война 1941–1945. С. 81; История военного искусства. С. 208; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 274.], части и соединения 4-й ТА, оперативной группы «Кемпф» и 7-го ак, находившиеся на фронте проведения операции «Полководец Румянцев» и задействованные в сражении с момента начала операции (14 пехотных и 4 танковые дивизии, а также дивизионная боевая группа), насчитывали до 300 тыс. человек личного состава (из них около 200 тыс. боевого состава), свыше 3 тыс. орудий и минометов, до 600 танков и штурмовых орудий, а с воздуха эту группировку поддерживало около 1 тыс. самолетов 8-го авиакорпуса 4-го ВФ (в том числе 326 истребителей, 486 бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков, 188 самолетов-разведчиков).

В действительности, если по личному составу и артиллерии указанные данные в целом достоверны, с учетом потерь ГА «Юг» в операции «Цитадель», последующей перегруппировки ее войск и участия в сражении соединений 7-го ак (хотя, согласно сведениям Д. Гланца и Дж. Хауза, в составе частей и соединений 4-й ТА к началу августа насчитывалось 120 тыс. военнослужащих, а в оперативной группе «Кемпф» – 90 тыс.; по оценке командующего 40-й армией генерала Кирилла Москаленко, к 1 августа 1943 года в составе немецких 14 пехотных и 4 танковых дивизий, которые действовали в районе Харькова и Белгорода, насчитывалось всего 200 тыс. солдат и офицеров [563 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 259, 365; Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Книга II. М.: Наука, 1973. С. 78.]), то количество бронетехники существенно преувеличено, а поддержка германских войск авиацией в первые дни советского наступления осуществлялась гораздо меньшими силами.

По завершении операции «Цитадель» командование ГА «Юг» оставило на Курском и Белгородском направлениях очень слабые по боевому составу танковые части и соединения. Так, в 7-й тд к исходу 14 июля оставался 21 боеготовый танк; в 19-й тд – 28

машин; в 6-й тд – 15 танков; в 503-м отдельном тяжелотанковом б-не – 6 «Тигров» (всего 70 танков) [564 - См.: Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо; Яуза, 2005. С. 426.]. К 18 июля в 6-й и 19-й танковых дивизиях по-прежнему оставалось всего 43 боеготовых танка (из них в 19-й тд теперь уже было только 17 машин), в 503-м б-не – 14 «Тигров» [565 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 21; Кросс Р. Операция «Цитадель» / Пер. с англ. А. Марченко. Смоленск: Русич, 2006. С. 270; Лопуховский Л. Указ. соч. С. 450.]. К 23 июля в 11-й тд имелось около 20 боеготовых танков [566 - Росадо Х., Бишоп К. Указ. соч. С. 108.]. Причем если к 17 июля в 3-й тд насчитывалось 30 боеготовых танков, то к 29 июля – 37, следовательно, число боевых машин, которые вернулись в строй танковых дивизий с момента завершения операции «Цитадель» до конца июля, оказалось невелико, возможно, из-за того, что основные усилия ремонтных служб были направлены на восстановление боевой техники дивизий СС: к 27 июля дивизии «Рейх» и «Мертвая голова» имели на вооружении 203 боеготовых танка (по другим сведениям, по состоянию на 29 июля – 174 танка, из которых 15 танков «Тигр») и 75 штурмовых орудий [567 - См.: Кросс Р. Указ. соч. С. 261; Лопуховский Л. Указ. соч. С. 458; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 422.]. По данным шведских военных историков Н. Цеттерлинга (Niklas Zetterling) и А. Франксона (Anders Frankson), к 1 августа 1943 года в частях и соединениях 48-го и 3-го танковых корпусов, а также двух дивизиях 2-го тк СС в строю было 511 танков и штурмовых орудий, а еще 421 боевая машина находилась в ремонтных подразделениях (без учета 905-го отдельного батальона штурмовых орудий 11-го ак, 503-го и 52-го отдельных танковых батальонов – по информации А. Томзова, к началу августа 52-й танковый батальон насчитывал 105 танков «Пантера», в том числе более 30 боеготовых); по другим сведениям, на 1 августа 1943 года войска ГА «Юг» имели в своем распоряжении 586 боеготовых танков и САУ, а еще 495 танков и САУ находились в ремонте [568 - См.: Томзов А. Потери бронетехники группы армий «Юг» в Курской битве. Немецкая бронетехника на Курской дуге. Приложение III // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 821, 822; Лопуховский Л. Указ. соч. С. 499.]. Следовательно, за вычетом двух танковых дивизий СС и 3-й тд, а также танковых и моторизованных частей и соединений, находившихся в распоряжении 1-й танковой и 6-й армий (16-я мд, 23-я и 17-я танковые дивизии, тд СС «Викинг», четыре отдельных батальона штурмовых орудий), количество исправной и боеготовой бронетехники в частях и соединениях 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» к началу августа 1943 года можно оценить в 300 танков и штурмовых орудий, в том числе около 50–60 танков в двух отдельных танковых б-нах, 120–130 танков в четырех танковых дивизиях, менее 120 боевых машин в четырех отдельных дивизионах/б-нах истребителей танков и штурмовых орудий (по оценке Д. Гланца и Дж. Хауза [569 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 259, 365.], в составе 4-й ТА к этому времени было 150 танков и штурмовых орудий, а в составе группы «Кемпф» – 100). Кроме этого, значительное количество поврежденной бронетехники было сосредоточено в ремонтных мастерских в тыловой зоне 4-й ТА. Поскольку указываемая советскими источниками численность бронетанковой группировки немцев – 600 танков и САУ – включает как исправные, так и неисправные машины, находившиеся в распоряжении 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф», то количество ремонтируемых боевых машин, по-видимому, составляло около 300 единиц. Также 7-му ак были приданы три отдельных б-на/дивизиона САУ, которые понесли потери в ходе боевых действий в

начале 1943 года и были выведены в район города Сумы на доукомплектование (202-й батальон штурмовых орудий, 559-й и 615-й дивизионы истребителей танков) [570 - См.: Гончаров В. Статистика и комментарии. Приложение II // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 769; Куровски Ф. «Штурмгешютце» в бою. Штурмовые орудия Третьего рейха / Пер. с англ. А. Ши-пилова. М.: Язуа; Эксмо, 2007. С. 178.]. Учитывая штатный состав таких подразделений (31 боевая машина – штурмовые орудия или самоходные истребительно-противотанковые установки [571 - См.: Куровски Ф. Указ. соч. С. 20.]), в их распоряжении имелось менее 100 САУ. Следовательно, к началу августа группировка войск 4-й ТА, оперативной группы «Кемпф» и 7-го ак насчитывала в своем составе не более 400 боеготовых танков и САУ (с учетом неисправной техники, общее количество немецких танков и САУ достигало приблизительно 700 машин).

Соответственно, средняя оперативная плотность сил и средств, сосредоточенных германским командованием на участке протяженностью приблизительно 300 км, от места стыка 13-го и 7-го армейских корпусов до Чугуева, против войск Воронежского и Степного фронтов, а также левого крыла Центрального и правого крыла Юго-Западного фронтов, составляла приблизительно 1 тыс. человек личного состава, 10 орудий и минометов и 1 боеготовый танк или САУ на километр. В сравнительно узкой полосе от Белгорода до Солдатское, где немцы в первом эшелоне развернули пять пехотных дивизий, плотность личного состава и артиллерии этих войск оказалась выше, чем средняя, приблизительно в 1,3 раза – 1,3 тыс. солдат и офицеров и 13–14 орудий и минометов на километр фронта. Основная часть бронетанковых сил белгородско-харьковской группировки немцев, за исключением истребительно-противотанковых самоходных орудий, приданных 42-му ак группы «Кемпф», также была сосредоточена в секторе 4-й ТА, вследствие чего плотность бронетехники в полосе от Белгорода до Краснополя достигала 2 танка и САУ на километр, за счет «оголения» остального фронта. Аналогичной плотностью САУ характеризовался участок 7-го ак. В то же время три танковые дивизии из четырех танковых соединений 48-го тк находились на участке от Белгорода до Головчино, поэтому здесь плотность бронетехники была несколько выше, приблизительно 3–4 танка и САУ на километр фронта.

По данным ГШ Красной армии [572 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 465.], на участке Бутово – Журавлиный, где планировалось нанесение главного удара 5-й и 6-й гвардейских армий ВорФ, оперативная плотность сил и средств немцев составила 634 военнослужащих боевых частей, 12 орудий и 9 минометов, 6 танков на километр; на участке Теробрено – Ново-Березовка, на направлении ударов 27-й и 40-й армий, насыщение германской обороны личным составом, артиллерией и бронетехникой равнялось 1033 военнослужащих боевых частей, 13 орудий и 6 минометов, 5 танков на километр; на участке Журавлиный – Вислое, против 53-й А СтепФ, было сосредоточено 360 солдат и офицеров боевых частей, 6 орудий и 5 минометов, 2 танка на километр.

Касаясь авиационной группировки, которая могла быть использована германским командованием для поддержки 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф», необходимо учитывать, что она достигла указанной выше величины (1 тыс. самолетов) уже в ходе сражения. В связи с переброской значительной части сил 8-го авиакорпуса на поддержку 2-й танковой и 9-й армий на Орловском плацдарме (до 17 июля на аэродромы в районе

Орла перебазировалось пять авиационных групп), а также 1-й танковой и 6-й армий на Донце и Миусе (16–17 июля на аэродромы в районе Сталино, Барвенково и Краматорской перебазировалось десять авиационных групп, включая всю истребительную авиацию, причем часть истребителей в начале августа убыла с Восточного фронта для использования в системе ПВО Германии из-за постоянно усиливавшихся воздушных налетов англо-американских ВВС в рамках начатой в июне операции англо-американского командования «Пойнтбланк», англ. Pointblank), к началу советского наступления на Белгородско-Харьковском направлении могло быть задействовано от 515 до 593 самолетов из состава пяти немецких воздушных эскадр и нескольких отдельных авиационных групп, а также венгерской 2-й авиационной бригады, которые базировались на аэродромах в Полтаве, Миргороде, Конотопе, Лебедине и Харькове [573 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 330–333, 338, 495; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 255–258.]. В первых числах августа командование немецкого 4-го ВФ ограничивало свои действия на северном крыле ГА «Юг» в основном ведением разведки.

Как видно, накануне вражеского наступления на Белгород и Харьков положение здесь не привлекало особого внимания германского военного руководства, которое не опасалось противника и даже ослабило войска на этом участке фронта, по-видимому рассчитывая, что, если русские все-таки нанесут внезапный удар, он будет отбит благодаря хорошо подготовленной обороне. В течение более трех месяцев – с апреля по июль – немецкие войска заранее готовили оборонительные рубежи на южном фесе Курского выступа (от Сум до Белгорода) и на западном берегу реки Северский Донец, причем на Донце они могли использовать для этого свои старые позиции, оборудованные еще осенью 1941 года.

Тактическая зона германской обороны имела глубину от 15 до 18–20 км и включала, во-первых, главную (первую) полосу глубиной 6–8 км, образованную двумя, а местами тремя позициями по три-четыре сплошные линии траншей полного профиля, которые на участке от Сум до Белгорода соединяли в единую систему ряд сильно укрепленных опорных пунктов в Комаровке, Алексеевке (севернее Сум), Краснополье, Солдатском, Зыбино, Бутово, Драгунском, Вислом, Белгороде, а затем проходили по западному берегу Северского Донца; во-вторых, промежуточный рубеж на линии Стрелецкое – Шопино, прикрывавший Белгородское направление; в-третьих, вспомогательную (вторую) полосу, состоявшую из одной позиции глубиной 2–3 км, подготовленной на рубеже населенных пунктов Большой Бобрик, Дорогощ, Хотмыжск, Борисовка, Томаровка, также превращенных в опорные пункты; глубже тактической зоны находились сначала три промежуточных рубежа оперативной зоны обороны, преграждавшие подступы к Харькову, а затем тыловой оперативный рубеж, подготовленный на глубине 85–90 км на линии Ахтырка – Богодухов – Казачья Лопань – Журавлевка – Красный – Веселое – Непокрытая – Большая Бабка – Ново-Покровское [574 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 449–450; Катукон М. Е. Указ. соч. С. 290; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 275; Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943–1945. М.: Воениздат, 1981. С. 27; Москаленко К. С. Указ. соч. С. 78–79.]. Помимо этого, имелся еще ряд отсечных рубежей, опиравшихся на речные преграды (немцы заблаговременно подготовились к обороне на реках Ворсклица, Ворскла, Мерла и Мерчик), а также

крупный промежуточный рубеж на линии Безруковка – Русское Лозовое (Русское-Лозовое) – Русские Тишки и далее на юг по западному берегу реки Роганка.

В районе от Белгорода до Харькова (на глубину около 80–85 км) ведение обороны облегчала всхолмленная местность с многочисленными командующими высотами, пересеченная большим количеством оврагов и балок. С другой стороны, такой характер местности затруднял подготовку сплошной траншейной обороны. Поэтому тыловая оборонительная полоса, а также отсечные и промежуточные рубежи, расположенные за пределами тактической зоны обороны ГА «Юг» на Белгородско-Харьковском направлении, не были сплошными, а представляли систему укрепленных опорных пунктов, блокировавших наиболее доступные пути для ведения наступления. Пространство между опорными пунктами прикрывалось отдельными позициями и узлами сопротивления, подготовленными с учетом местных условий.

Передний край главной оборонительной полосы по возможности проходил по гребням высот и окраинам населенных пунктов, что обеспечивало достаточный обзор предполя и организацию системы огня всех видов. На наиболее важных участках переднего края немцы установили проволочные заграждения в три-четыре ряда и усилили их малозаметными препятствиями и минными полями. На отдельных участках они дополнительно оборудовали позицию боевого охранения, представлявшую собой передовую траншею с врезными ячейками, в тылу которой обычно устраивались минные поля и проволочный забор усиленного типа. На удалении 25 м от передовой траншеи проходила первая боевая траншея переднего края обороны, от которой вперед были вынесены ячейки и открытые площадки для пулеметов, а в 20–25 м за первой траншеей находились блиндажи, землянки и укрытия для гарнизона, соединявшиеся с ней ходами сообщения. Вторая боевая траншея готовилась обычно на обратных скатах высот на удалении 100–120 м от первой боевой траншеи, причем обе линии траншей соединялись ходами сообщения. Подходы к позициям были прикрыты минными полями, каменные постройки использовались для оборудования долговременных огневых точек, траншеи усиливались дерево-земляными огневыми точками и блиндажами.

Основные шоссейные и железные дороги в полосе обороны 4-й ГА и оперативной группы «Кемпф» шли с севера на юг, обеспечивая возможность рокадных перегруппировок и маневра силами и средствами. Среди важнейших коммуникаций, для прикрытия которых было организовано много отдельных опорных пунктов, наибольшее оперативное значение имели линии железнодорожного сообщения Харьков – Полтава – Харьков – Днепропетровск – Харьков – Лозовая – Харьков – Сумы. Опираясь на эти пути, войска ГА «Юг» сохраняли хорошую связь с тылом и широкие возможности для оперативного маневра резервами как из глубины, так и вдоль фронта. Центром системы коммуникаций являлся город Харьков, поэтому наиболее важное оперативное значение в общей системе обороны получил Харьковский укрепленный район, опоясанный двумя кольцевыми оборонительными обводами, соединенными между собой рядом отсечных позиций. Крупные населенные пункты, находившиеся в глубине оперативной зоны обороны, – Чугуев, Люботин, Богодухов, Ахтырка, Котельва, Лебедин, – которые представляли большое оперативное значение как узлы железных, шоссейных и грунтовых дорог, в то же время были тактически выгодны для обороны, поскольку располагались на

командных высотах и в местах речных переправ. Поэтому вокруг них строились отдельные крупные опорные пункты и узлы обороны. Меловые горы и карьеры в районе Белгорода немцы приспособили для укрытия и маскировки войск и боевой техники.

Как видно, по глубине и эшелонированию оборона ГА «Юг» заметно уступала не только обороне Красной армии на южном фланге Курского выступа, но даже обороне ГА «Центр» на Орловском плацдарме. Пехотные и танковые дивизии 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» не получили практически никаких подкреплений для восполнения потерь, понесенных в ходе операции «Цитадель». Манштейн отмечает [575 - Манштейн Э. Утерянные победы. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastika, 1999. С. 545, 558.], что с начала операции «Цитадель» почти все дивизии в районе действий ГА «Юг» непрерывно находились в боях, редко складывалась возможность отводить на отдых ослабленные соединения, а прибывающее пополнение личного состава и техники даже приблизительно не покрывало потерь – так, за июль – август 1943 года всей ГА «Юг» для пополнения было выделено только 33 тыс. человек.

Соответственно, показанная выше оперативная плотность сил и средств была явно недостаточной для организации прочной и насыщенной обороны: на участке наибольшего оперативного усиления на километр фронта приходилось всего 1,3 тыс. человек личного состава, 13 орудий и минометов и максимум 4 боеготовых танка или САУ. С одной стороны, эти данные свидетельствуют, что по оперативной плотности сосредоточенных сил и средств оборона северного крыла ГА «Юг» не уступала обороне 2-й ТА на Орловском плацдарме, а по числу танковых дивизий в эшелоне и оперативном резерве даже превосходила – четыре против одной. Точно так же, как на Орловском и Болховском направлениях, вторая полоса в тактической зоне обороны белгородско-харьковской группировки немцев оказалась почти не занята войсками, а на тыловой полосе и промежуточных рубежах в оперативной зоне их практически вообще не было. Следовательно, как там, так и здесь, если бы немцам не удалось удержаться на главной оборонительной полосе и противник при этом не позволил им организованно отступить с нее, то следующие заранее подготовленные рубежи обороны оказывались бесполезны – их можно было использовать только перебросив дополнительные силы или резервы. Однако, в отличие от ситуации на Орловском плацдарме, командование ГА «Юг» не располагало силами, которые можно было снять с ближайших участков фронта или из тыла и быстро выдвинуть на угрожаемые направления, чтобы блокировать развитие вражеского наступления.

По оценке советских военных историков и участников Курской битвы Г. Колтунова и Б. Соловьева (Григорий Автономович Колтунов – в период Курской битвы офицер войск связи в штабе ВорФ, Борис Георгиевич Соловьев – корпусной инженер в войсках 52-го ск 40-й А ВорФ) [576 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 274.], в середине июля перешедшим в наступление советским войскам противостояли на Орловском плацдарме вдвое большие силы противника, чем в начале августа на Белгородско-Харьковском направлении, поскольку на плацдарме было сосредоточено 37 дивизий: 27 пехотных, 8 танковых, 2 моторизованные, причем почти две трети пехотных и несколько танковых дивизий этой группировки не участвовали в наступлении на Курск и сохраняли полную боеспособность.

Напротив, бронетанковая группировка, сосредоточенная в полосе 4-й ТА, состояла из четырех ослабленных танковых дивизий, в которых насчитывалось всего 120–130 танков, что по количеству бронетехники было почти эквивалентно танковому резерву 2-й ТА, так как 5-я тд имела более 100 боевых машин. Хотя по суммарной боевой мощи четыре танковые дивизии конечно же превосходили одну, но сила главных ударов Красной армии в начале проведения операции «Полководец Румянцев» оказалась существенно выше, чем в начале операции «Кутузов», поскольку оборонительная операция под Курском уже закончилась, и почти все оставшиеся у советского командования стратегические резервы и пополнения были использованы для крупномасштабного наступления на Белгородско-Харьковском направлении.

Фельдмаршал Эрих Манштейн (Erich Manstein) констатирует [577 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 550.], что после окончания операции «Цитадель» ГА «Юг» перешла к оборонительным боям, основной смысл которых состоял в том, чтобы «удержаться на поле боя» и заставить противника израсходовать в возможно большей степени свою ударную силу. Вместе с тем группа армий не располагала силами и средствами, достаточными для ведения пассивных оборонительных боев со значительно превосходящим противником на всем растянутом фронте своей обороны. Поэтому, несмотря на опасность вражеского наступления на менее угрожаемых участках, от командования группы требовалось своевременно сосредотачивать силы там, где необходимо было предотвратить вражеский прорыв или где представлялась возможность нанести противнику удар. Отсюда предстоящее оборонительное сражение следовало организовать таким образом, чтобы вести бои в соответствии с требованиями оперативной обстановки с целью истощить ударную силу противника, но не удерживать какие-либо области любой ценой.

Тем не менее по политическим и военно-экономическим соображениям Гитлер стремился не отдавать Донбасс (причем Манштейн признает, что с точки зрения общего плана ведения войны, может быть, это было правильно. – П. Б.), поэтому ГА «Юг» с ее позициями на реках Миус и Северский Донец оказалась прикована к району, удержание которого, на взгляд Манштейна, было ошибкой [578 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 547–548.]. Этот район вклинивался далеко на восток во вражеский фронт и давал противнику возможность провести наступление с двух сторон, а протяженность участка группы армий была такова, что для его обороны требовалось использовать силы, без которых нельзя было обойтись на северном фланге группы. Однако именно там, а не в районе Донца и Миуса, по мнению Манштейна, находился ключ к решению оперативной задачи, поскольку, если бы русским удалось разгромить северный фланг группы армий, используя свое подавляющее превосходство в силах, то этим была бы достигнута их главная цель – окружение войск группы армий «Юг». Этот разгром был бы тем сильнее, чем больше сил по военно-экономическим или политическим соображениям оказалось сосредоточено на южном фланге группы армий «Юг», в оперативном отношении не являвшемся решающим. Учитывая изложенное, командование группы армий «Юг» уже 21 июля и неоднократно в дальнейшем запрашивало ГШ сухопутных войск о ясных оперативных указаниях на более длительный срок, чтобы точно узнать, должна ли группа при всех обстоятельствах удерживать Донбасс, даже если возникнет угроза окружения в результате

вражеского прорыва в направлении на Днепр, или при необходимости, возможно, шаг за шагом отступать в Донбассе, чтобы высвободить достаточно сил для северного фланга.

С точки зрения Манштейна, в связи с тем, что Гитлер и Генеральный штаб продолжали настаивать на удержании Донбасса, они должны были заранее усилить северный фланг группы армий «Юг» за счет других театров военных действий или участков групп армий «Север» и «Центр» [579 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 548.]. Поскольку этого сделано не было, Манштейн в своих мемуарах утверждает, что командование ГА «Юг» находилось в худших условиях, чем противник: оно было ограничено в своей оперативной свободе и, с одной стороны, приковано к Донбассу, а с другой – не имело достаточно сил для развертывания важного в оперативном отношении северного фланга и было вынуждено использовать значительную часть своих соединений на участке, неправильно выбранном с оперативной точки зрения, чтобы сохранить Донбасс [580 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 549.].

По мнению Гитлера, ресурсы Донецкого бассейна имели решающее значение для ведения войны как немцами, так и русскими, поэтому германское руководство обращало особое внимание на сохранение и восстановление здесь промышленной инфраструктуры [581 - См.: Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала / Пер. с англ. И. А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С. 311–312.]. На индустриальный район Донбасса был возложен обширный производственный план. Вместе с тем фактически проблема удержания Донбасса касалась только этого планирования. Реальной экономической пользы из Донбасса извлечь так и не удалось, поскольку разрушения промышленных объектов были очень серьезны, а восстановление шло необычайно трудно и медленно, так что только в области добычи каменного угля обозначились некоторые успехи, тогда как добыча руды и выплавка металла не налаживались [582 - См.: Приложение II. Глазами противника. Сталинград // Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 594.].

В частности, по советским данным [583 - См.: Великая Отечественная война 1941–1945. С. 816.], если довоенная добыча угля в Донбассе составляла около 90 млн тонн в год, то немцы за все время добыли только 4 млн тонн (в 1942 году сюда даже приходилось завозить уголь из Верхней Силезии – 308 тыс. тонн за 7 месяцев); производство стали оказалось еще меньше – 50–70 тыс. тонн в год вместо 9 млн тонн, которые производились до войны.

С другой стороны, предоставление советской стороне возможности занять Донбасс неминуемо привело бы к тому, что, учитывая мобилизационные возможности советской экономики, в ближайшее время там вновь будет налажено промышленное производство, которое составляло 60 процентов от общей добычи угля в СССР, 30 процентов выплавляемого чугуна, 20 процентов стали, не считая развития сопутствующих отраслей по выжиганию кокса, разработке залежей гипса, мела и графита [584 - См.: Лелюшенко Д. Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага (записки командарма). М.: Наука, 1975. С. 216.]. Следовательно, потеря Донбасса означала для германской армии скорое и существенное усиление противника.

18 января 1943 года начальник Генерального штаба сухопутных войск Германии генерал Курт Цейтцлер (Kurt Zeitzler) впервые поставил перед Гитлером вопрос по поводу возможного оставления Донбасса. Тогда противник воспользовался разгромом 2-й венгерской армии и быстро продвигался через брешь в линии фронта между Воронежем и Ворошиловградом, окружая ГА «Дон». Однако германскому командованию удалось изыскать резервы, и фельдмаршал Манштейн предотвратил отступление из восточной части Донбасса, своевременно организовав контрудар и контрнаступление на Харьковском направлении.

Стремясь связать противника борьбой за Донбасс, советское командование в июле 1943 года организовало Изюм-Барвенковскую и Миусскую операции Юго-Западного и Южного фронтов. Советские войска 17 июля 1943 года крупными силами начали наступление в среднем течении реки Северский Донец (в полосе обороны 1-й ТА группы армий «Юг» наступали 1-я и 8-я гвардейские армии, 23-й танковый и 1-й гв. механизированный корпуса ЮЗФ), а также на реке Миус (в полосе обороны 6-й полевой армии группы армий «Юг» наступали 2-я гвардейская, 5-я ударная и 28-я армии, 2-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса ЮФ), нанося сходящиеся удары в направлении Сталино с целью окружения донбасской группировки противника. На обоих участках советские ударные группировки глубоко вклинились в германскую оборону, но ее полный прорыв им осуществить не удалось. На участке 1-й ТА советские войска форсировали Северский Донец в полосе до 30 км юго-восточнее города Изюм, но благодаря введению в бой двух дивизий 24-го тк (17-я тд и дивизия СС «Викинг»), подошедших от Харькова, дальнейшее продвижение ударной группировки ЮЗФ было приостановлено. 6-я А, введя в бой подвижные соединения, находившиеся в качестве резерва группы армий в районе Донца (16-ю моторизованную и 23-ю танковую дивизии), также смогла остановить наступление ЮФ, локализовав вражеские силы на плацдарме протяженностью около 20 и глубиной до 15 км, на западном берегу Миуса, севернее Куйбышево. Существенную поддержку своим наземным силам в отражении советских ударов оказала немецкая штурмовая авиация.

Хотя 1-й танковой и 6-й армиям в конце июля удалось временно задержать наступление противника, Манштейн свидетельствует, что обстановка в Донбассе оставалась весьма неустойчивой [585 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 550, 552.]. Поэтому, после того как 17 июля ГА «Юг» окончательно прекратила проведение операции «Цитадель», командование группы решило временно снять с северного фланга крупные танковые силы, чтобы с их помощью восстановить положение в Донбассе. Манштейн подчеркивает, что временное ослабление северного фланга, вызванное этим решением, практически ограничилось лишь снятием с фронта управления 3-го тк и 3-й тд, поскольку, хотя Гитлер вновь вернул в распоряжение группы танковый корпус СС, который он предназначал для Италии, но вернул его только для контрудара в Донбассе.

Таким образом, для стабилизации положения на фронте 1-й танковой и 6-й армий были использованы управления трех танковых корпусов (3, 24, 2-й тк СС) и семь из одиннадцати подвижных соединений ГА «Юг»: одна моторизованная (16-я) и шесть танковых дивизий (3, 17, 23-я, дивизии СС «Викинг», «Мертвая голова», «Рейх»). На 200-

километровом фронте 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» Манштейн оставил только четыре ослабленные танковые дивизии под управлением 48-го тк.

Вместе с тем, учитывая сложившуюся оперативную ситуацию, передача управления 3-го тк в распоряжение 1-й ТА и перегруппировка 3-й тд на Макеевское направление выглядят нецелесообразными (хотя фактически танковая дивизия возвращалась обратно войскам южного фланга группы армий «Юг», поскольку была изъята из состава 1-й ТА для проведения операции «Цитадель» [586 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 97.]). Это можно объяснить только стремлением Манштейна прочно стабилизировать фронт на Донце, удержать под своим контролем эсэсовский танковый корпус и одновременно одержать как можно более крупную победу на Миусе. В период с 27 июля по 1 августа 1943 года танковые соединения 2-го тк СС, подошедшие с северного фланга ГА «Юг», действуя совместно с 16-й моторизованной и 23-й танковой дивизиями, переданными под управление 24-го тк, нанесли контрудар на участке 6-й А в районе Мариновка, Успенская, против закрепившихся на плацдарме советских войск 2-й гвардейской и 28-й армий ЮФ. Манштейн с удовлетворением отмечает [587 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 553.], что контрудар привел к полному восстановлению положения на рубеже Миуса, причем соотношение сил в этом бою было характерным для тогдашней обстановки, что еще раз показало превосходство немецкой армии: противник имел на плацдарме не менее 16 стрелковых дивизий, 2 механизированных корпусов, 1 танковой бригады и 2 противотанковых истребительных бригад, тогда как с немецкой стороны в контрударе участвовали только 4 танковые дивизии (23-я и 3-я танковые дивизии, дивизии СС «Рейх» и «Мертвая голова»), 1 моторизованная (16-я) и 2 пехотные дивизии (111-я и 336-я). По немецким данным [588 - См.: Манштейн Э. Указ. соч. С. 553; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 432.], в ходе боев на реке Миус в период с 17 июля по 2 августа противник потерял около 18 тыс. человек пленными, 700 танков, 200 орудий и 400 противотанковых орудий (по уточненным сведениям, 732 танка, 724 полевых, противотанковых и зенитных орудия, 438 минометов). По данным российских военных историков [589 - См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 313.], общие потери ЮФ в личном составе в ходе Миусской операции с 17 июля по 2 августа 1943 года не превысили 62 тыс. солдат и офицеров (из них безвозвратные потери – около 15 тыс.); ЮЗФ в ходе Изюм-Барвенковской операции с 17 по 27 июля 1943 года потерял около 39 тыс. человек, захватив и удержав при этом плацдарм протяженностью около 30 и глубиной до 8 км на западном берегу Донца.

С другой стороны, хотя переброска 3-й тд и управления 3-го тк не представляла определяющего значения для дальнейшего развития военных действий, однако это решение обнаруживает замыслы и реальную оценку обстановки со стороны германского командования. Изложенные выше доводы Манштейна приводят к однозначному выводу – в случае крупномасштабного советского наступления любое ослабление обороны на Белгородско-Харьковском направлении грозило германским войскам не только потерей Донбасса, но и окружением и полным разгромом основных сил ГА «Юг» или, по крайней мере, их крупным поражением, как это и произошло в действительности. В то же время ослабление фронта на среднем Донце и Миусе, при условии адекватного управления войсками 1-й танковой и 6-й полевой армий, могло привести только к их постепенному вытеснению из Донбасса, к чему, со слов Манштейна, он и стремился [590 - Манштейн Э.

Указ. соч. С. 544–559.]. Следовательно, если Манштейн приводит в мемуарах актуальную оценку ситуации на время июля – августа 1943 года, а не результаты своего более позднего анализа уже свершившихся фактов, то командование ГА «Юг» должно было всеми силами укреплять северный фланг, не только не снимая с него подвижных соединений ради стабилизации положения на Донце и Миусе, но, по возможности, дополнительно усиливая теми танковыми и моторизованными дивизиями, которые находились в его свободном распоряжении. Поскольку Гитлер требовал перегруппировать соединения СС для упрочения обороны в Донбассе – на южном фланге группы, то именно эти дивизии совместно с дивизией СС «Викинг» и 17-й тд следовало использовать исключительно в оборонительных целях, для локализации прорывов крупных масс советской бронетехники, чтобы не допустить окружения пехотных дивизий 1-й танковой и 6-й армий. При этом по мере прибытия частей 2-го тк СС 16-ю моторизованную и 23-ю танковую дивизии целесообразнее было перебросить на северный фланг группы, усилив 4-ю танковую армию и оперативную группу «Кемпф» на Белгородско-Харьковском направлении. В дальнейшем в силу неизбежного ослабления 1-й танковой и 6-й армий Гитлер вскоре оказался бы перед фактом потери стратегически важного района (Донбасса), но это неоднократно происходило как до, так и после на других участках Восточного фронта. Однако вся ГА «Юг» при этом могла избежать тяжелого поражения и понести гораздо меньшие потери.

Кроме того, оперативный успех в полосе 6-й А достался ГА «Юг» дорогой ценой – за все время сражения, с 17 июля по 2 августа, общие потери в личном составе превысили здесь 21 тыс. человек, а потери в бронетехнике соединений основной ударной группировки – 2-го тк СС, только за два дня боев, 30 и 31 июля, составили 105 танков, из которых 24 были уничтожены безвозвратно (около 23 процентов) [591 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 427, 433.]. Таким образом, наиболее боеспособные танковые дивизии ГА «Юг» оказались вновь (сразу же после операции «Цитадель») серьезно ослаблены накануне мощного наступления противника.

По-видимому, Манштейн был еще не готов полностью разочаровать Гитлера, а также не способен отказаться от своего оперативного почерка – маневренной обороны с чередованием отступлений и контрударов. Причем существовал еще один фактор влияния, о котором Манштейн умалчивает, – командование ГА «Юг» оказалось совершенно не подготовлено к наступлению противника на Белгородско-Харьковском направлении, не ожидало его и даже не пыталось заранее дополнительно усилить оборону на данном участке фронта, который сам Манштейн называет «ключом к решению оперативной задачи». Однако это объяснялось не ошибками Гитлера, а заблуждениями самого фельдмаршала Манштейна, которые вновь были связаны с влиянием генерала Германа Гота (Hermann Hoth).

Так, Манштейн отмечает [592 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 552.], что командование ГА «Юг» надеялось в ходе операции «Цитадель» разбить противника настолько, чтобы рассчитывать на этом фронте на определенную передышку, однако эта надежда оказалась роковой для развития обстановки на северном фланге группы, так как противник начал наступление раньше, чем его ожидали: «Если это было, следовательно, ошибкой, то она была обусловлена позицией Гитлера, утверждавшего, что абсолютно необходимо

удерживать Донбасс». Как видно, Манштейн винит Гитлера в ослаблении обороны Белгородско-Харьковского направления, хотя ранее утверждает (см. выше), что временное ослабление северного фланга, вызванное указанным решением (перегруппировать силы для удержания Донбасса), практически ограничилось лишь снятием с фронта управления 3-го тк и 3-й тд. Такая перегруппировка не могла кардинальным образом повлиять на последующее развитие обстановки, поэтому решающим обстоятельством стало не перемещение этих небольших сил, а то, что генерал Герман Гот был уверен в достижении фактических целей операции «Цитадель». Он считал, что благодаря проведению операции «Цитадель» согласно его плану войска ВорФ настолько ослаблены, что в ближайшее время не смогут организовать крупное наступление на фронте 4-й ТА. По воспоминаниям начальника штаба 4-й ТА генерала Фридриха Фангора (Friedrich Fangohr) [593 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 115, 118.], после сражения под Прохоровкой в штабе 4-й ТА господствовали заслуженное удовлетворение и понимание, что с победами 4-й ТА в ходе наступательной и оборонительной фазы операции германские войска почти окончательно решили вопрос с советскими стратегическими резервами.

Соответственно, вполне рассчитывая на то, что фронт 4-й ТА временно стабилизирован, а соединения оперативной группы «Кемпф» занимают сильные позиции в Белгородском укрепленном районе и под прикрытием Северского Донца, Манштейн не только не принял никаких мер к усилению обороны северного крыла ГА «Юг», но даже, напротив, сверх необходимости ослабил его, стремясь одержать как можно более значительную победу в Донбассе. По некоторым данным [594 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 327.], фельдмаршал даже предлагал Гитлеру нанести еще один контрудар против плацдарма советского ЮЗФ на западном берегу Северского Донца, но из-за резкого изменения оперативной обстановки дальнейшее обсуждение этого вопроса не потребовалось.

Здесь вновь роковым для германской армии образом сказалась некая психологическая зависимость Манштейна от мнений и оценок Гота, бывшего когда-то его непосредственным начальником (примерно такая же ситуация имела место во время Первой мировой войны в русской царской армии, поскольку, по мнению командующего Юго-Западным фронтом Алексея Брусилова, начальник Генерального штаба Алексеев всемерно старался прикрывать ошибочные решения и бездействие командующих Северным и Западным фронтами Алексея Куропаткина и Николая Эверта, так как был их подчиненным в ходе Русско-японской войны [595 - Брусилов А. А. Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2002. С. 237.]). Интересно, что результаты важнейших для Восточного фронта и германской армии операций, в которых связка Манштейн – Гот играла ведущую роль, характеризуются явным преобладанием неудач: неудачная операция по деблокированию сталинградской группировки «Зимняя гроза», неудачная наступательная операция «Цитадель», неудачная оборона Белгорода и Харькова, неудачная оборона Киева. Победой окончилось только контрнаступление в феврале – марте 1943 года. Учитывая критическое промедление войск 4-й ТА генерала Гота при решении боевых задач в ходе летнего наступления 1942 года на Воронежском направлении, неудивительно, что Гитлер назвал участие Германа Гота «неблагоприятным предзнаменованием» для исхода военных действий и в ноябре 1943 года отстранил его от командования 4-й ТА, переводя в резерв [596 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий

взгляд. С. 93.]. Манштейн возражал против решения об отстранении Гота от командования 4-й ТА, а когда его возражения не были приняты, добился обещания, что Гота назначат командующим армией на Западе [597 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 590.] (это обещание было выполнено только в конце войны – в апреле 1945 года, когда Гота назначили командующим оборонительным районом в Арденнах. – П. Б.).

В то же время Манштейн указывает [598 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 553.], что радиоразведка и воздушная разведка в конце июля показали, что противник сосредоточил крупные танковые силы в районе Курского выступа, очевидно подтягивая свежие силы с центрального участка. Подготовка к наступлению была отмечена также и в излучине Донца юго-восточнее Харькова. Поэтому 2 августа командование группы доложило в ГШ сухопутных войск, что оно ожидает в скором времени начала наступления противника против северного участка ее фронта западнее Белгорода, которое, видимо, будет дополнено наступлением юго-восточнее Харькова, преследующим цель взять в клещи немецкие войска в районе Харькова и освободить путь к Днепру (к утру 2 августа уже заняла огневые позиции армейская и приданная артиллерия Воронежского и Степного фронтов, а на исходе этого дня начали выдвижение в исходные районы для наступления советские бронетанковые объединения и соединения. – П. Б.). В связи с этим командование группы просило вернуть ему дивизии, отданные группе армий «Центр», оставить танковый корпус СС для использования на северном фланге, а также распорядилось вернуть 3-й тк с 3-й тд из Донбасса в Харьков.

Штаб ГА «Центр» в сводке от 1 августа 1943 года зафиксировал [599 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 1 об.], что усиление вражеской авиации в районе города Обоянь, выявленное воздушной разведкой в ночь с 31 июля на 1 августа, передвижения войск противника в районе Курск – Суджа – Тим, а также установление связи между его 38-й и 5-й гвардейской танковой армиями, наряду с агентурными данными, указывают на подготовку операции против левого крыла ГА «Юг». Такого масштаба операция затронула бы также и правое крыло ГА «Центр» до города Сумы включительно. Вывод двух советских стрелковых дивизий (240-й и 340-й) на отдых и пополнение перед правым флангом 2-й полевой А можно толковать так, что противник свои позиционные дивизии готовит к предстоящим наступательным действиям. В разведывательной сводке штаба от 2 августа было указано [600 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 12 об.], что, по показаниям военнопленных, командир 232-й сд 38-й А ВорФ генерал Иван Улитин в конце июля ходил по позициям и говорил бойцам, что в ближайшие дни начнется наступление с целью перехвата железной и шоссейной дорог восточнее города Сумы, а вышестоящее командование обещало танковую поддержку и, кроме того, прибыли еще три свежие стрелковые дивизии.

Хотя последняя информация распространялась советским командованием намеренно, в рамках маскировочного маневра на правом крыле ВорФ, но это все равно обнаруживало подготовку войск фронта к наступлению и район наступления – северное крыло ГА «Юг» на стыке с ГА «Центр».

Как видно, германская разведка и командование групп армий достаточно верно раскрыли общий замысел противника, но ошиблись во времени его осуществления. Так, в

разведывательной оценке действий и намерений противника перед фронтом групп армий «Центр», «Юг» и «Север», подготовленной штабом ГА «Центр» 2 августа 1943 года [601 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 15–16 об.], указывается, что разведывательные данные ГА «Юг» за последние дни говорят о начале выдвижения крупных сил противника в район южнее и юго-западнее Курска. Это наступление, начало которого ожидается приблизительно через две недели, правым флангом нацелено на 7-й ак 2-й А, а левым флангом – севернее Харькова, с целью нанести сильный удар по глубокому северному флангу ГА «Юг».

Следовательно, немцами была допущена критическая ошибка в определении вероятных сроков начала наступательных операций Красной армии на Белгородско-Харьковском направлении, основной причиной которой стал самообман Гота и Манштейна по поводу ослабления войск ВорФ в результате проведения операции «Цитадель» и, соответственно, продолжительности восстановления их ударной силы. Допущенная ошибка не позволила немцам эффективно использовать небольшую оперативную паузу, возникшую после прекращения операции «Цитадель», для того чтобы максимально укрепить оборону на Белгородско-Харьковском направлении, так что все меры, принятые в связи с предполагаемым вражеским наступлением, слишком запоздали.

Вместе с тем следует также заметить, что иллюзия частного оперативного успеха, достигнутого в результате операции «Цитадель», овладела не только Готом и Манштейном, но и высшим германским командованием. Так, 25 июля 1943 года, во время очередного совещания, Гитлер высказал генералу Вальтеру Варлимонту (Walter Warlimont) свое ощущение, что доклад Сталина, посвященный провалу операции «Цитадель», свидетельствует о намерении русских отказаться от собственного широкомасштабного наступления [602 - См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 228.].

Советская военная пропаганда верно отметила и такой фактор, что необходимость политической работы с войсками потребовала от германского командования лгать своим солдатам, преувеличивая результаты операции «Цитадель», которая якобы на долгое время парализовала активность русских на Белгородском направлении, и эта ложь естественным образом привела к снижению боеготовности в войсках немецкой 4-й ТА.

1.2. Замысел операции «Полководец Румянцев»

С другой стороны, высшее военно-политическое руководство СССР летом 1943 года по-прежнему стремилось нанести противнику решительный удар именно на южном крыле советско-германского фронта, не позволив ему привести в порядок войска, ослабленные потерями после наступления по плану «Цитадель». Согласно последующей оценке событий Манштейном [603 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 544.], советское командование во второй половине 1943 года поставило своей целью достичь того, что ему не удалось осуществить зимой 1942/43 года, – уничтожения ГА «Юг» и одновременно ГА «А» на берегах Азовского и Черного морей, поскольку этот успех мог повлиять решающим образом на положение на всем Восточном фронте и открыть Красной армии путь на Балканы. Соответственно, помешать этому стало целью тех боевых действий, которые

вела ГА «Юг» с момента прекращения операции «Цитадель» вплоть до наступления периода распутицы весной 1944 года.

Прежде всего, советское Верховное главнокомандование поставило перед собой задачу в самые короткие сроки организовать уничтожение крупной группировки немецких войск в районе Белгорода и Харькова. Однако операция по разгрому белгородско-харьковской группировки немцев замыслилась и планировалась в совершенно иной обстановке, чем наступление против Орловского плацдарма германских войск, – в условиях крайне ограниченного времени на завершающем этапе оборонительного сражения на южном фланге Курского выступа. В 20-х числах июля, после возвращения к обороне на исходных рубежах, германское командование стало перебрасывать танковые и моторизованные соединения из состава своей южной ударной группировки в районы Донбасса и Орла, чтобы отразить начавшееся там наступление Красной армии. В то же время те немецкие войска, которые отошли на свои прежние оборонительные позиции, немедленно приступили к их инженерному усилению, подготовке новых промежуточных рубежей в глубине и выделению тактических и оперативных резервов.

В связи с этим советская Ставка Верховного главнокомандования и Генеральный штаб срочно прорабатывали оперативные решения по поводу немедленного перехода в наступление войск Воронежского и Степного фронтов. При разработке возможных решений следовало учитывать, что конфигурация линии фронта на Белгородско-Харьковском направлении представляла широкую дугу, охватывавшую все расположение 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» противника, основная масса сил и средств которых была сосредоточена в районе Томаровка – Головчино – Белгород. Это диктовало решение на охват всей белгородско-харьковской группировки немцев путем концентрических ударов из района Мирополье – Угрюмы на Валки и из района Мартовья – Печенеги на Мерефу. Вместе с тем организация такой операции требовала создать на внешних заходящих флангах обоих фронтов сильные группировки, способные без снижения темпа завершить операции глубиной до 250 км. Это могло быть достигнуто лишь в результате сложной переброски войск к правому флангу Воронежского и левому флангу Степного фронтов, что требовало много времени и не соответствовало сложившейся обстановке. Во-первых, ко времени завершения Курской оборонительной операции основная группировка войск Воронежского и Степного фронтов образовалась в районе Обоянь – Черкасское – Гостищево, где сосредоточились две танковые армии (1-я и 5-я гвардейская), три общевойсковые армии (53, 6 и 5-я гвардейские), а также большая часть сил 69-й армии. Во-вторых, Ставка Верховного главнокомандования считала, что оперативная ситуация требует от Воронежского и Степного фронтов перехода в наступление в кратчайшие сроки, пока немцы не успели организовать оборону, пополнить свои части после неудачного наступления и создать резервы за счет переброски войск из глубины или с других участков фронта.

Кроме этого, район наступательных операций Воронежского и Степного фронтов представлял собой местность, пересеченную значительным количеством тактических водоразделов – рек и ручьев с оврагами и промоинами. Такая местность сильно затрудняла наступательные действия советских войск и облегчала противнику организацию обороны: большая часть более или менее крупных рек, таких как Ворсклица,

Ворскла, Мерла, Уды, Лопань, течет в основном в юго-западном направлении, что создавало естественные препятствия для наступления в южном направлении; при наступлении же в юго-западном направлении эти реки ограничивали маневр в сторону флангов и создавали выгодные отсечные позиции для неприятельских резервов; одновременно река Северский Донец образовывала естественный оборонительный рубеж немцев, прикрывавший с востока всю их белгородско-харьковскую группировку. Поэтому наиболее выгодным направлением для использования танковых и механизированных соединений являлся участок между реками Ворскла и Лопань, тогда как характер местности перед правым флангом ВорФ затруднял здесь действия больших масс бронетехники.

Генерал Сергей Штеменко отмечает [604 - Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 228–230.], что вопрос о необходимости разгрома врага в контрнаступлении уже рассматривался в самом общем виде, поскольку лишь результаты оборонительного сражения под Курском могли дать полную основу для разработки окончательного плана наступательных операций фронтов. В апреле – мае 1943 года Ставка и Генеральный штаб критически подходили к предложениям о возможных способах разгрома крупных группировок противника, особенно в тех случаях, когда это планировалось осуществить путем окружения. Опыт показывал, что по срокам, сложности маневра, соотношению сил и другим условиям конкретной обстановки не каждую группировку противника было выгодно окружать. В частности, это прямо относилось к силам немецких войск, оборонявшимся в районе Белгорода и Харькова. В пользу окружения белгородско-харьковской группировки первым высказался командующий ВорФ генерал Николай Ватутин, но Генеральный штаб придерживался иного мнения, руководствуясь следующими доводами. Прежде всего, силы противника здесь были очень велики: 4-я немецкая танковая армия и так называемая оперативная группа «Кемпф», насчитывавшие в общей сложности восемнадцать дивизий, в том числе четыре танковые. Следовало также учитывать мощную двухполосную оборонительную систему германских войск, создание которой началось еще в марте. Прорыв обороны белгородско-харьковской группировки, ее окружение и последующая ликвидация представляли собой сложную задачу, решение которой надолго приковало бы к себе большое количество советских войск, отвлекая их от наступления на Днепр, что позволяло противнику создать новую сильную оборону по правому берегу Днепра.

В связи с этим в Генеральном штабе прорабатывался план окружить и уничтожить белгородско-харьковскую группировку по частям, начиная с ее основных сил к северу от Харькова, путем нанесения сходящихся ударов из района Сум на юго-восток и из района Волчанска – на запад. Однако для осуществления таких ударов требовались большие перегруппировки войск и длительное время, что предоставляло противнику возможность реорганизовать и пополнить части и соединения ГА «Юг», ослабленные после операции «Цитадель». Следовательно, данный вариант также был признан неприемлемым. В итоге в Генеральном штабе пришли к окончательному выводу: белгородско-харьковскую группировку германских войск следует изолировать от притока резервов с запада, для чего необходимо использовать имеющиеся в готовности к северу от Белгорода две танковые армии, с их помощью взломать и дезорганизовать всю неприятельскую оборону,

расчленив ее глубокими ударами и только после этого уничтожить противника по частям.

Командующий 40-й армией ВорФ генерал Кирилл Москаленко (Маршал Советского Союза с 1955 года) вспоминает [605 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 79–80.], что на совещании по поводу предстоявшего наступления он высказал соображения по плану операции, состоявшие в том, чтобы основными силами ВорФ нанести удар с рубежа Краснополье – Солдатское в общем направлении на Ахтырку, Полтаву. Это позволило бы охватить с запада всю белгородско-харьковскую группировку противника и во взаимодействии с войсками Степного и Юго-Западного фронтов окружить и уничтожить ее, повторив Сталинград в еще более крупном масштабе. Кроме того, такая идея открывала перспективу нанесения главного удара в полосе 40-й А, которой предстояло бы действовать не на вспомогательном, как намечалось, а на главном направлении. Однако предложение перенести направление главного удара несколько западнее не было принято. Маршал Советского Союза Георгий Жуков ответил Москаленко, что сейчас у ВорФ не хватит сил для предлагаемого глубокого охвата и окружения противника, поэтому Верховный главнокомандующий приказал бить врага по голове – по его главным силам, которые сосредоточены под Белгородом. Однако Жуков согласился с предложением в той части, что следует усилить удар по противнику в полосе 40-й А и с этой целью ввести в сражение свежую 27-ю А не в полосе 6-й гв. А, как намечалось ранее, а на левом фланге 40-й А. Таким образом, стало ясно, что Ставка исходила из стремления не давать противнику времени на дальнейшее усиление обороны, чего можно было достичь лишь в том случае, если планируемый удар нанести как можно быстрее.

В итоге задача уничтожения белгородско-харьковской группировки немцев должна была быть решена расчленением ее на две части в результате мощного удара группировки советских войск, сосредоточившейся в районе Обоянь – Черкасское – Гостищево (53-я и 69-я, 5-я и 6-я гвардейские общевойсковые армии, 1-я и 5-я гвардейская танковые армии). Общее направление этого удара определялось на Богодухов – Валки, за счет чего достигался охват с запада харьковской группировки неприятеля. При этом впервые за время войны предполагалось использовать две танковые армии в качестве подвижной группы фронта для развития успеха в одном направлении [606 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 280.]. Также планировалось нанесение вспомогательного удара частью сил из района Старый Салтов – Мартовая на Основу. Западную часть белгородско-харьковской группировки предполагалось разгромить глубоким ударом части сил ВорФ из района Красная Яруга – Кресанов – Солдатское на Ахтырку, с целью окружения силами 27-й и 6-й гвардейской армий томаровско-борисовской группы немцев, а также уничтожения вражеских сил, оборонявшихся в районе Большой Бобрик – Краснополье, путем флангового удара 40-й А из района Кресанов на Боромля. При этом река Псел, текущая в западной части района предстоящих боевых действий, хотя и являлась препятствием для наступления из района Мирополье – Краснополье на запад, но в то же время служила прикрытием правого фланга войск, наступающих в южном направлении на Богодухов.

Задуманная таким образом новая операция получила условное наименование «Полководец Румянцев». Замысел действий возник к концу оборонительного этапа битвы

под Курском, план наступательной операции в окончательном виде был разработан на основе указаний Ставки Верховного Главнокомандования, отданных 22 июля 1943 года, а после 23 июля началась непосредственная работа по плану – в том числе и на местности [607 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 455.]. Бои фактически не прекращались, длительной оперативной паузы на переход от обороны к наступлению Ставка не предоставила, поэтому отработка плана операции отличалась своеобразием – она осуществлялась представителями Ставки и Военными советами фронтов и протекала преимущественно в войсках. Так, 22 июля представитель Ставки маршал Жуков провел в штабе ВорФ совещание по вопросу подготовки к предстоящим наступательным действиям; 27 июля встретился с командующим 53-й армией СтепФ и в тот же день доложил, что проработал с ним решение по наступательной операции; 31 июля заслушал решения армейского и корпусного командования на операцию в штабе 5-й гв. ТА. Кроме представителей Ставки, в разработке плана операции «Полководец Румянцев» активно участвовали Военные советы Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов. 1 августа маршал Жуков прибыл в Москву, согласовал со Сталиным основные положения плана, после чего фронты сразу же поставили задачи армиям, и операция началась.

Письменного или графического документа с общим планом операции «Полководец Румянцев» не существовало, – Ставка и Генеральный штаб подразумевали под этим условным наименованием не определенный документ, а скоординированные планы действий Воронежского, Степного и части сил Юго-Западного фронтов в августе 1943 года, объединенные общей целью и единым руководством [608 - См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 231.]. В документированном виде план операции появился уже после ее начала, когда оперативная сторона наступления была изложена в докладах Военных советов Воронежского и Степного фронтов от 5 и 6 августа 1943 года соответственно и затем уточнена в соответствии с указаниями Ставки. В дальнейшем планы операции корректировались командованием фронтами и Ставкой с учетом развития оперативной обстановки.

В конце июля 1943 года к операции предполагалось привлечь силы трех фронтов – Воронежского, Степного и Юго-Западного, целью действий которых являлся разгром противника в районе Белгорода и Харькова, что открывало советским войскам путь к Днепру, давало возможность захватить переправы на этой реке и отрезать пути отхода противника из Донбасса на запад. В совокупности все это обещало большие оперативные выгоды. Выполнить план намечалось в два этапа: на первом нанести поражение немецким войскам севернее, восточнее и непосредственно к югу от Харькова, а затем, на втором этапе, освободить город Харьков. Таким образом, основными целями операции «Полководец Румянцев» стали разгром группировки немецких войск в районе Белгорода и Харькова, выход советских войск к Днепру, захват переправ и блокирование путей отхода противника из Донбасса на запад, что создавало условия для полного освобождения Левобережной Украины [609 - См.: Великая Отечественная война 1941–1945. С. 81; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 231.].

Поскольку операция «Полководец Румянцев» являлась главной на южном крыле советско-германского фронта, действия советских войск на других направлениях (в частности, в Донбассе) планировались с учетом ее интересов. Это контролировал маршал

Василевский, который в то время находился как представитель Ставки на Юго-Западном и Южном фронтах, совместно с их командованием разрабатывая планы разгрома противника в Донбассе.

1.3. Силы и средства, сосредоточенные советской стороной для проведения операции «Полководец Румянцев»

В ходе подготовки окончательно оформился состав сил, привлекаемых к операции. В результате проведенных перегруппировок в составе ВорФ оказались 38-я А, 40-я А (армии придан 2-й тк), 27-я А (армии приданы 10-й и 4-й гвардейский танковые корпуса), 6-я гв. А (армии придан 5-й гв. тк), 5-я гв. А, 1-я и 5-я гвардейская танковые армии, 2-я ВА. К исходу 23 июля войска ВорФ занимали рубеж Снагость – Успенское, Глушинский:

– 38-я А на участке Снагость – Алексеевка – Успенское (исключительно);

– 40-я А на участке Успенское – Бубны;

– 6-я гв. А на участке Герцовка – Триречное;

– 5-я гвардейская и 5-я гвардейская танковая армии на участке Триречное (исключительно) – Глушинский (танковая армия готовилась к выходу в резерв фронта).

Резерв ВорФ составляли 27-я и 1-я танковая армии, сосредоточенные в районе Белое – Боброва – Пены (27-я А) и в районе Ивня – Меловое (17 км юго-западнее Ивни) – Владимировка (1-я ТА).

В состав СтепФ были включены 69-я А, 7-я гв. А, 53-я А с 1-м мк, 5-я ВА [610 - См.: Конев И. С. Указ. соч. С. 21.]. К исходу 23 июля войска СтепФ вышли на рубеж Глушинский (исключительно) – Мелехово – Мясоедово – Разумное и далее по восточному берегу реки Северский Донец до Волчанска:

– 53-я А на участке Глушинский (исключительно) – Киселево (9 км юго-восточнее Вислое) (исключительно);

– 69-я А на участке Киселево – Мясоедово (исключительно);

– 7-я гв. А на участке Мясоедово – Разумное – Волчанск.

Южнее СтепФ (южнее Волчанска), по рубежу восточного берега реки Северский Донец, были развернуты войска ЮЗФ, в том числе правофланговая 57-я А, которую планировалось задействовать в операции «Полководец Румянцев» в составе СтепФ, занимавшая участок Волчанск (исключительно) – Малиновка.

Номинально СтепФ были подчинены также 47-я А с 3-м гв. мк и 4-я гв. А с 3-м гв. тк, сосредоточивавшиеся в районах Короча – Новая Слобода – Алексеевка (47-я А) и Чернянка – Орлик – Лозное (4-я гв. А). Однако фактически их оперативное использование не разрешалось без согласования со Ставкой Верховного Главнокомандования, где

планировалось ввести эти армии в бой для развития наступления в полосе ВорФ, так что до начала операции они обе были выведены в резерв Ставки [611 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 279.]. Поэтому 30 июля 1943 года генерал Иван Конев докладывал представителю Ставки маршалу Жукову, что Степному фронту поставлены активные задачи, но четыре лучшие армии фронта (5-я и 5-я танковая гвардейские армии, 27-я А с 4-м гв. тк, 4-я гв. А с 3-м гв. тк. – П. Б.) переданы Воронежскому фронту; включенные в состав Степного фронта 69-я и 7-я гвардейская армии Воронежского фронта в результате июльских боев имеют малочисленный состав дивизий и большие потери в материальной части артиллерии и оружия; танков во фронте мало – в 53-й А всего 60 танков, в 69-й А – 88 танков, в 7-й гв. А – 50 танков, в 1-м мехкорпусе – 200 танков [612 - См.: Конев И. С. Указ. соч. С. 22.]. В связи с этим Конев просил усилить фронт одним танковым корпусом, который полагал возможным взять у ВорФ (4-й или 3-й гвардейские танковые корпуса), а также передать СтепФ 4-ю гв. А или 52-ю А.

Кроме того, 5-й штурмовой (до 21 июля 1943 года – 8-й смешанный авиакорпус) и 10-й истребительный авиакорпуса 5-й ВА СтепФ (командующий армией генерал Сергей Горюнов, начальник штаба генерал Николай Селезнев) в середине июля еще не были готовы вести боевую работу – их доукомплектовали плохо обученным и не имевшим боевого опыта летным составом, а значительная часть техники была изношена и требовала ремонта [613 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 334–335.]. При этом в целях оптимальной организации перебазирования 2-й и 5-й воздушных армий командование военно-воздушных сил Красной армии произвело перемену их боевого состава. Два указанных выше корпуса были 18–19 июля переданы в состав 2-й ВА ВорФ, откуда под управление 5-й ВА перешли 4-й истребительный, 1-й штурмовой и 1-й бомбардировочный авиакорпуса. В результате под командованием генерала Красовского оказались недостаточно обученные и технически готовые авиационные части, а генералу Горюнову пришлось решать проблему восполнения боевых потерь, понесенных соединениями 2-й ВА в ходе Курской оборонительной операции, – для укомплектования прибывших корпусов требовалось 170 новых самолетов [614 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 336–337.]. Положение 5-й ВА осложнялось еще и тем, что ее соединения перебазировались на аэродромы, ранее занятые 2-й ВА, откуда уходящие части технического и тылового обслуживания этой армии вопреки указаниям командования ВВС вывезли весь инвентарь, все запасы, предметы снабжения и материалы, вплоть до кухонных котлов. С другой стороны, 2-я ВА имела некомплект автотранспорта – до 55 процентов от положенного количества, что вызывало задержки с доставкой боеприпасов и горюче-смазочных материалов (запас горюче-смазочных материалов составлял около 60 процентов от нормы, запас бомб и снарядов – 55–65 процентов) [615 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 339–340.].

Относительно запасов горючего, общие запасы автомобильного бензина, имевшиеся на ВорФ и в особенности на СтепФ, не обеспечивали бесперебойного снабжения войск даже ко времени начала наступательной операции [616 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 283–284.]. Причем как и 2-я ВА, ряд оперативных объединений обоих фронтов был недоукомплектован автотранспортом. Так, укомплектованность 1-й ТА по автотранспорту составляла около 55 процентов – не хватало более 3 тыс. автомашин [617 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Люки открыли в Берлине. Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1973. С. 71.].

Нехватка горючего и транспорта снижала маневренность и подвижность частей и соединений, в особенности артиллерии.

Как видно, перед началом планировавшейся операции советским войскам требовалось время на подготовку и повышение боеспособности. Маршал Жуков отмечает [618 - Жуков Г. К. Указ. соч. С. 467–468.], что войска Воронежского и Степного фронтов, выйдя 23 июля к переднему краю немецкой обороны, не могли сразу перейти в контрнаступление, хотя этого и требовал Верховный главнокомандующий. Необходимо было пополнить запасы горючего, боеприпасов и другие виды материально-технического обеспечения, организовать взаимодействие всех родов войск, тщательную разведку, произвести некоторую перегруппировку войск, особенно артиллерии и танков. Кроме этого, всем командирам и штабам, особенно руководству СтепФ, необходимо было ознакомиться с обстановкой, а войскам – выйти в назначенные им полосы и здесь по-новому наладить работу тыла. По самым жестким подсчетам, на все это требовалось минимум восемь суток, однако Сталин торопил с началом сражения. Только с большим трудом, после многократных переговоров маршалам Георгию Жукову и Александру Василевскому удалось убедить его не спешить с активными действиями и начинать операцию тогда, когда она будет всесторонне подготовлена и материально обеспечена. В связи с позицией Сталина интересно мнение А. Томзова [619 - См.: Томзов А. Потери бронетехники группы армий «Юг» в Курской битве. Немецкая бронетехника на Курской дуге. Приложение III // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 823.], что если бы советское наступление было еще отложено и началось не 3 августа, а позже, то немцы успели восстановить гораздо больше бронетехники, поврежденной в ходе операции «Цитадель», и тогда ход боевых действий мог сложиться несколько иначе, во всяком случае, Красная армия встретила бы гораздо более сильное сопротивление. С другой стороны, разница во времени проведения Орловской и Белгородско-Харьковской наступательных операций позволила Ставке Верховного Главнокомандования передать в состав Воронежского и Степного фронтов 16-ю и 17-ю артдивизии прорыва, 3-ю гв. миндивизию и управление 7-го акп РГК с Западного и Брянского фронтов после выполнения ими задач по обеспечению прорыва обороны противника.

На 1 августа 1943 года боевой состав восьми общевойсковых (27, 38, 40, 53, 69, 5, 6, 7-я гвардейские) и двух танковых (1-я и 5-я гвардейская) армий Воронежского и Степного фронтов с приданными силами и средствами усиления включал: 15 стрелковых корпусов [620 - Управления четырех корпусов в распоряжении командования фронтов. (Примеч. авт.)] (50 стрелковых дивизий); 8 танковых и 3 механизированных корпуса; арткорпус (2 артиллерийские и 1 гвардейская минометная дивизии); корпусной район противовоздушной обороны (5 зенитных артиллерийских дивизий); 3 отдельные зенитные артиллерийские дивизии; 3 истребительные бригады; 7 отдельных танковых бригад; 4 отдельные артбригады и 5 отдельных истребительно-противотанковых артиллерийских бригад; 16 отдельных танковых и 10 отдельных самоходно-артиллерийских полков; 41 отдельный артиллерийский, гвардейский минометный, истребительно-противотанковый, зенитный полк; 1 отдельный артиллерийский дивизион и 2 дивизиона бронепоездов [621 - См.: Огненная дуга... С. 590–591.]. В частях и соединениях двух фронтов насчитывалось около 1144 тыс. человек (из них 656 тыс. боевого состава), 14 376 орудий и минометов (включая реактивные установки, но без учета 50-мм минометов), 2439 танков и САУ,

развернутых на фронте протяженностью 244 км (в полосе, которую до 18 июля занимал один ВорФ) [622 - См.: Гончаров В. Статистика и комментарии. Приложение II // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 764–765; Великая Отечественная война 1941–1945. С. 81; Огненная дуга. С. 598–599; Россия и СССР в войнах XX века. С. 287.].

Здесь следует заметить, что сопоставление данных по боевому составу и численности сил и средств двух указанных фронтов позволяет предположить преуменьшение общего количества их бронетехники. К началу операции 4 танковых и 2 механизированных корпуса, 1 отдельный танковый и 6 самоходно-артиллерийских полков в составе 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, по некоторым сведениям [623 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 67; Катуков М. Е. Указ. соч. С. 573; Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 361, 364; Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. С. 206.], насчитывали до 1105 танков и САУ (1-я ТА – 562 танка и САУ, из которых 542 боеготовых; 5-я гв. ТА – 543 танка и САУ, из которых 503 боеготовых). В составе 7 отдельных танковых бригад (по 53 танка), 15 отдельных танковых и 4 отдельных самоходно-артиллерийских полков (по 39 танков и от 12 до 21 САУ в полку), приданных общевойсковым армиям двух фронтов, по штату должно было быть не менее 1 тыс. танков и САУ, а 1-й механизированный и 4-й гв. танковый корпуса насчитывали соответственно 204 и 189 танков и САУ – всего 393 боевые машины [624 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 364.]. В совокупности получается приблизительно 2,4–2,5 тыс. танков и САУ, однако при этом остаются неучтенными еще три оперативно-тактических танковых объединения – 2, 10 и 5-й гвардейский танковые корпуса, которые были задействованы в операции «Полководец Румянцев» с самого начала ее проведения. В каждом из этих корпусов к началу августа насчитывалось по 100–150 танков и САУ, в частности, когда 10-й тк был 16 июля выведен для доукомплектования, то в его частях имелось 110 боеготовых танков [625 - См.: Замулин В. Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. М.: АСТ; Гранзиткнига, 2005. С. 503–504.]. 5-й гвардейский и 2-й танковые корпуса получили на доукомплектование бронетехнику из резерва ВорФ, помимо того что оба корпуса располагали ремонтным фондом боевых машин [626 - Ивановский Е. Ф. Атаку начинали танкисты. М.: Воениздат, 1984. С. 135.]. Следовательно, общее количество бронетехники, которым располагали оба фронта, должно было быть около 2,7–2,9 тыс. боевых машин, а не 2439 танков и САУ (1972 танка и САУ на ВорФ, 467 – на Степном [627 - См.: Гончаров В. Статистика и комментарии. Приложение II // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 766; Огненная дуга. С. 764–765.]). В действительности, согласно некоторым данным, войска ВорФ имели на 199 единиц бронетехники больше – 2171 танк и САУ [628 - См.: Катуков М. Е. Указ. соч. С. 573; Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 364.]. Тогда общее количество бронетехники обоих фронтов достигает величины 2638 танков и САУ, что представляется более достоверным, учитывая вероятный некомплект в отдельных бронетанковых частях и соединениях, которые участвовали в оборонительных боях на южном фланге Курского выступа (например, в танковых бригадах 6-го тк 1-й ТА к началу операции было по 40–45 танков [629 - См.: Гетман А. Л. Танки идут на Берлин. М.: Воениздат, 1982. С. 103.]). Аналогичная величина

бронетанкового парка двух фронтов – свыше 2,6 тыс. танков и САУ – приводится и в отдельных советских военно-исторических работах, хотя при этом учитываются и две танковые бригады 57-й А ЮЗФ (109 боевых машин) [630 - См.: Советские танковые войска 1941–1945. М.: Воениздат, 1973. С. 138.].

Соединения 2-й и 5-й воздушных армий Воронежского и Степного фронтов (22 авиадивизии) на 1 августа 1943 года насчитывали 1311 боевых самолетов – 748 и 563 машины соответственно (в том числе 555 истребителей, 435 штурмовиков, 285 бомбардировщиков, 36 самолетов-разведчиков), для поддержки которых дополнительно привлекалось 200 самолетов авиации дальнего действия – всего свыше 1,5 тыс. машин (по другим данным, во 2-й ВА перед началом наступления было 753 самолета, а в 5-й А – 769, всего свыше 1500 боевых машин фронтовой авиации, причем большое количество новой и отремонтированной боевой техники поступило с заводов и из армейских мастерских непосредственно перед началом наступления, с 31 июля по 2 августа) [631 - См.: Гончаров В. Статистика и комментарии. Приложение II // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 766; Горбач В. Указ. соч. С. 338; Огненная дуга. С. 594–595.]. Кроме того, с целью воспрепятствовать противнику в маневре силами и средствами в период с 4 по 15 августа в сражении были задействованы еще и соединения 17-й ВА ЮЗФ (отдельная бомбардировочная авиадивизия и два смешанных авиационных корпуса – всего не менее 300–400 самолетов) [632 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 369–375; Огненная дуга. С. 482.], так что действительное количество используемых в операции авиационных средств составило гораздо более 1500 машин – по-видимому, в целом около 2 тыс. самолетов.

Таким образом, советские войска превосходили противника в соотношении 3,8:1 по личному составу (по боевому составу 3,3:1), 4,8:1 – по артиллерии, 6,6:1 – по танкам и самоходным орудиям, минимум 1,5:1 – по самолетам (вероятнее всего, 2:1, а в начале операции минимум 3,4:1). Средняя оперативная плотность сил и средств, сосредоточенных на Воронежском и Степном фронтах, достигала 4,7 тыс. солдат и офицеров, 59 орудий и минометов, 11 танков и САУ на километр фронта, что было в 4,7 раза выше, чем у противника, по личному составу, в 5,9 раз – по артиллерии, в 5,5 раз – по бронетехнике. Следовательно, командование Воронежского и Степного фронтов теоретически располагало возможностью равномерно распределить войска по всей занимаемой полосе и одновременно перейти ими в общее наступление – достигнутое численное и материальное превосходство в основном обеспечивало четырехкратный перевес, считавшийся по опыту вполне достаточным для достижения успеха в наступлении против заранее подготовленной обороны.

Эти данные полностью подтверждают мнение фельдмаршала Манштейна [633 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 545.], что в районе действий ГА «Юг» решающим условием для хода кампании стало превосходство в силах на советской стороне по количеству и численности соединений, а также во все увеличивающейся степени по их вооружению, бывшее колоссальным уже к окончанию операции «Цитадель». Так, по немецким данным на 17 июля 1943 года, 29 пехотных и 13 танковых и моторизованных дивизий группы армий должны были обороняться против 109 советских стрелковых дивизий, 9 стрелковых бригад, 10 танковых корпусов, 20 отдельных танковых бригад, 16 танковых полков, 8 противотанковых истребительных бригад; до 7 сентября перед фронтом группы

армий было зафиксировано еще 55 стрелковых дивизий, 2 танковых и механизированных корпуса, 8 танковых бригад и 12 танковых полков (при этом ударную силу советской стрелковой дивизии, по сравнению с немецкой пехотной, увеличивали приданные отдельные танковые бригады или полки; ударная сила одного советского танкового корпуса соответствовала приблизительно силе немецкой танковой дивизии; советский механизированный корпус превосходил немецкую моторизованную дивизию). Общее соотношение сил на фронте ГА «Юг» Манштейн оценивает в пропорции приблизительно 7:1 в пользу советской стороны (в среднем общее соотношение сил без учета авиации составляло 5:1 в пользу советской стороны. – П. Б.). Соответственно, фельдмаршал отмечает, что такое численное превосходство давало возможность русским наступать не только на одном, но часто и на многих участках одновременно, имея подавляющее превосходство в силах. Кроме того, оно позволяло противнику удивительно быстро восполнять свои потери. Так, перед фронтом группы армий «Юг» противник смог только за период с начала июля до сентября отвести с фронта на отдых один раз, а частично даже два раза 48 стрелковых дивизий, 17 танковых и механизированных корпусов и, кроме того, ежемесячно давать всем дивизиям 10 процентов пополнения. (Действительно, 1-я ТА ВорФ, понесшая большие потери в ходе Курской оборонительной операции, получила более 200 новых танков и к началу августа 1943 года была укомплектована на 82 процента по личному составу, на 81 процент по танкам, на 67 процентов по самоходным артиллерийским установкам, на 85 процентов по орудиям и минометам, хотя генерал Николай Попель и утверждает, что новые пополнения войскам ВорФ не выделили, поэтому наступательные действия они вели теми силами и средствами, которые оставались после окончания оборонительной фазы Курской битвы [634 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 63; Попель Н. К. Указ. соч. С. 181.]. – П. Б.).

1.4. Порядок проведения операции «Полководец Румянцев» и организация наступления советских войск

Советская Ставка Верховного главнокомандования планировала осуществить наступательную операцию «Полководец Румянцев» в два этапа: на первом – разбить врага севернее и западнее Харькова, на Ахтырском, Богодуховском и Белгородско-Харьковском направлениях; на втором – овладеть Харьковским укрепленным районом и самим Харьковом. Активные действия должны были развернуться в полосе шириной около 200 км (170–175 км на участке Воронежского и Степного фронтов – от Поповки, в 12 км восточнее Сум, до устья реки Нежеголь, а также 20–25 км в полосе 57-й А ЮЗФ – от Старого Салтова до Мартовой), глубина планируемой операции достигала 120 км, а предполагаемая продолжительность – 10–12 суток, при среднесуточном темпе продвижения 10–12 км [635 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 456; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 277.].

Окончательный замысел советского командования предусматривал на первом этапе нанесение главного фронтального рассекающего удара смежными крыльями Воронежского и Степного фронтов (силами 5-й и 6-й гвардейской, 53-й общевойсковых армий, 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, 5-го гвардейского танкового и 1-го механизированного корпусов) из района Яковлево – Триречное – Гостищево в общем

направлении на Золочев – Богодухов – Валки, Новая Водолага – в обход Харькова с запада. Войскам предстояло рассечь вражескую группировку на стыке 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» на две части и перерезать пути ее отхода из района Харькова на запад и юго-запад. Одновременно планировалось нанести еще один удар силами двух армий центра ВорФ (40-й и 27-й), а также тремя танковыми корпусами (2-й и 10-й, 4-й гвардейский танковые корпуса), из района Красная Яруга в общем направлении на Грайворон и Ахтырку, с задачей обеспечить свои главные силы с запада и изолировать район Харькова от подхода резервов противника. Стык Воронежского и Центрального фронтов обеспечивался силами 38-й А. 47-я А, усиленная 3-м гв. мк, располагалась во втором эшелоне ВорФ и выдвигалась за его правым флангом в направлении на Тростянец, откуда, в зависимости от обстановки, можно было действовать на Зеньков или на юг через Ахтырку. 69-я и 7-я гвардейская армии СтепФ наступали на Белгородском направлении с задачей взять Белгород и отрезать пути отхода белгородской группировке противника на юг, участвовать в ее уничтожении, а затем развивать наступление вдоль западного берега реки Северский Донец, «сматывая» немецкую оборону в южном направлении на Харьков. 57-я А ЮЗФ, передаваемая в ходе операции в состав СтепФ, наступала юго-восточнее Харькова с задачей отрезать противнику пути отхода на юг.

В итоге выполнения первого этапа создавалась новая группировка сил, обеспечивающая достижение главных целей операции – взятие Харькова и выход к Днепру.

По мнению Ставки Верховного Главнокомандования, данный вариант организации наступления предоставлял значительный выигрыш во времени, поскольку отпадала необходимость производить крупные перегруппировки. Сложившаяся в ходе боев группировка на левом крыле Воронежского и на правом крыле Степного фронтов в основном соответствовала плану наступления. Основная группировка (6-я и 5-я гвардейские армии, 53-я и 69-я армии, 1-я и 5-я гвардейская танковые армии) уже сосредоточилась в районе Беленихино – Верхопенье – Черкасское – Гостищево – Вислое – Киселево, – на направлении предполагаемого главного удара. Кроме этого, намечаемые удары были направлены вдоль рек, что в значительной степени ослабляло значение последних как сильных естественных преград. Основной удар направлялся по стыку 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф», следовательно, по тем частям и соединениям противника, которые были наиболее ослаблены в ходе неудачной для немцев операции «Цитадель».

С другой стороны, главные удары советских войск в начале операции оказались направлены не только против стыка вражеских оперативных объединений, но и против сильнейших мест обороны противника – участков севернее и западнее Белгорода, где немцы подготовили наиболее укрепленные рубежи и сосредоточили основную часть сил 4-й ТА, в том числе три танковые дивизии. В то же самое время фланги 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» на стыках с 7-м ак группы армий «Центр» и 1-й ТА остались без внимания, хотя там находились только пехотные дивизии 52-го и 42-го армейских корпусов, оборонявшиеся на чрезмерно растянутом фронте.

Как уже говорилось выше, советские источники объясняют такое противоречие между замыслом операции и основными правилами военного искусства тем, что требовалось

оперативно, без долговременных перегруппировок перейти в наступление на тех направлениях, где уже были сосредоточены войска, чтобы не дать противнику времени организовать прочную оборону и пополнить соединения, измотанные предыдущими наступательными боями [636 - См.: Великая Отечественная война 1941–1945. С. 81; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 230.]. Однако в исследовании ГШ Красной армии также подчеркивается [637 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 463.], что главный удар смежными флангами Воронежского и Степного фронтов наносился по основной и наиболее плотной группировке немцев, разгромом которой подрывалась устойчивость всей системы германской обороны на Белгородско-Харьковском плацдарме, в первые же дни операции ликвидировались основные и наиболее сильные узлы сопротивления противника (Томаровско-Борисовский и Белгородский), прикрывавшие Харьков с севера.

По мнению Д. Гланца и Дж. Хауза [638 - Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 255.], советская Ставка решила наступать на самом сильном участке обороны ГА «Юг» для того, чтобы сразу же втянуть в бои главные силы противника и избежать угрозы мощных фланговых контрударов. Однако главное операционное направление при этом проходило по линии стыка между Воронежским и Степными фронтами, что обусловило проблемы координации их действий, нараставшие по мере развития наступления.

Вместе с тем в данном случае следует признать, что замыслы и предположения советской Ставки и ГШ Красной армии, заложенные в план операции, оказались полностью оправданы практическими результатами, достигнутыми в ходе наступления, хотя и противоречили принципу сосредоточения сил против наиболее слабого места обороны противника, а также обусловили проблемы координации действий ударных группировок. С другой стороны, из-за небольшого промежутка между боями пехотные дивизии немецкой 4-й ТА практически не получили времени для отдыха, так как не могли быть заменены резервными соединениями. Причем до начала наступления советские войска не прекращали беспокоящих атак и организовали разведку боем.

По утверждению ГШ Красной армии [639 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 470.], с 24 июля по 2 августа войска ВорФ вели непрерывные бои местного значения с целью улучшения исходного положения, а войска СтепФ в этот же период ликвидировали все плацдармы противника на восточном берегу реки Северский Донец, выйдя на рубеж Хохлово – Разумное. Согласно боевому распоряжению командующего войсками ВорФ от 29 июля 1943 года [640 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 90. Л. 182.], командующему 5-й гв. А под личную ответственность была поставлена задача организовать и провести хорошо подготовленную силовую разведку, чтобы не позднее 30 июля полностью уничтожить прикрытие противника и закончить разведку его главной оборонительной полосы, подготовив схему подробного расположения войск, огневых средств, инженерных сооружений. Распоряжение аналогичного содержания было направлено и командующему 6-й гв. А. На СтепФ 7-й гв. А удалось в ночь с 1 на 2 августа захватить и удержать плацдарм на западном берегу реки Северский Донец в районе Соломино, в полосе обороны немецкой 320-й пд 11-го ак (11-й ак на тот момент именовался корпусной группой «Раус» (Raus)).

Решая частные задачи по сковыванию противника, войска Воронежского и Степного фронтов понесли большие потери – более 50 тыс. убитыми и ранеными за время с 20 по 31 июля [641 - См.: Лопуховский Л. Указ. соч. С. 457, 458.]. Тем не менее из-за таких активных действий противника командованию немецкой 4-й ТА приходилось поочередно отводить войска с передовой для кратковременного отдыха, что в конечном итоге негативно отразилось на обороноспособности – вражеское наступление началось именно в момент смены немецких частей на одном из атакованных участков. Только те пехотные дивизии оперативной группы «Кемпф», которые занимали позиции за рубежом реки Северский Донец, а также танковые соединения, выведенные после 23 июля во второй эшелон и резерв, получили некоторое время для отдыха личного состава, реорганизации имевшихся сил и подготовки к новым боевым действиям.

Кроме того, с учетом необходимости атаковать наиболее сильные участки вражеской обороны на направлении главного удара советских войск была создана сильнейшая группировка из оперативных и оперативно-тактических объединений левого крыла ВорФ и правого крыла СтепФ. Эта группировка, сосредоточенная в районе Яковлево – Черкасское – Гостищево – Вислое – Киселево, включала четыре общевойсковые армии (6-я и 5-я гвардейские, 53-я и 69-я), две танковые армии (1-я и 5-я гвардейская), а также отдельные танковый и механизированный корпуса (5-й гвардейский танковый и 1-й механизированный), наступательные действия которых обеспечивали две воздушные армии (2-я и 5-я), а также 200 самолетов авиации дальнего действия. На направлениях главных ударов, составлявших приблизительно 14 процентов общей ширины полосы каждого фронта, сосредоточивалось свыше 50 процентов стрелковых дивизий, 80–90 процентов танковых сил, около 60 процентов артиллерии и абсолютное большинство авиации [642 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 282.].

Также по указанию Ставки Верховного Главнокомандования в период с 26 июля по 6 августа на ВорФ проводился маскировочный маневр, преследующий цели, во-первых, отвлечь внимание противника от района сосредоточения основных ударных группировок Воронежского и Степного фронтов, а во-вторых, заставить его перебросить часть сил и средств на Сумское направление. Штаб ВорФ разработал подробный план маскировочной операции, на основании которого на правом крыле 38-й А в районе Суджа – Любимовка – Юнаковка имитировалось сосредоточение и развертывание общевойсковой и танковой армий в составе двух стрелковых, двух танковых и одного механизированного корпусов, готовившихся к наступлению на Сумском направлении. Общее руководство операцией осуществлял штаб 38-й А, выделивший для ее проведения армейскую стрелковую дивизию, ряд отдельных частей и подразделений – пулеметный б-н, инженерно-минометную и маскировочную роту, 7 радиостанций, 8 танков, 18 грузовых автомашин, 3 самолета-разведчика и железнодорожный эшелон в составе 20 вагонов, а также обеспечивший изготовление 450 макетов танков и 500 макетов различных артиллерийских орудий [643 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 467; История военного искусства. С. 210.].

В связи с этой маскировочной операцией 27 июля на Сумском направлении активизировалась разведывательная авиация 4-го ВФ, а с 28 июля по 6 августа немцы наносили бомбардировочные удары по предполагаемым районам сосредоточения

вражеских ударных группировок в районе Суджи, причем, по утверждению советской стороны, наиболее интенсивная бомбардировка была произведена 5 августа (всего за десять дней германская авиация совершила в этом районе 92 разведывательных и 152 бомбардировочных самолето-пролета, сбросив около 120 тонн бомб) [644 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 469.]. Оценка положения штабом ГА «Центр» показывает [645 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 9.], что германское командование предположило развертывание вражеских сил по обе стороны разграничительной линии между группами армий «Юг» и «Центр», где якобы заняла исходные позиции советская 5-я гв. ТА, передислоцировавшись на участок 40-й и 38-й армий с целью расширения фронта вражеского наступления на север, в полосу 13-го ак 2-й полевой А. Эффективность маскировочной операции подтверждается и тем, что командование ГА «Юг» сосредоточило 7-ю тд в районе Боромли и продолжало удерживать ее там даже после начала советского наступления на Белгородском и Богодуховском направлениях. Вместе с тем основные силы фельдмаршал Манштейн и начальник штаба ГА «Юг» генерал Теодор Буссе (Theodor Busse) все-таки сосредоточили именно там, где советское командование и планировало нанести главные удары.

Командующий ВорФ генерал Ватутин решил главный удар нанести между Белгородским и Томаровским узлами сопротивления противника, в направлении Яковлево – Богодухов – Валки, обеспечив условия для прорыва тактической зоны вражеской обороны за счет массирования сил и средств на данном направлении. Основная ударная группировка фронта в составе 5-й и 6-й гвардейских общевойсковых армий, 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, а также 5-го Сталинградского гвардейского танкового корпуса должна была 3 августа перейти в наступление на узком участке фронта (24 км) с рубежа Бутово – Триречное – Глушинский (исключительно), в общем направлении на Богодухов. Удар основной группировки рассекал немецкую оборону, а последующее наступление подвижной группы ВорФ (1-я и 5-я гвардейская танковые армии) в район Ольшаны – Валки – Новая Водолага позволяло разделить всю белгородско-харьковскую группировку немцев на две изолированные части. При этом выход советских войск к Ольшанам блокировал пути сообщения харьковской группировки противника, ведущие из Харькова на запад, а взятие Новой Водолаги, расположенной приблизительно в 35 км юго-западнее Харькова, позволяло перерезать коммуникации Харьков – Красноград, что серьезно затрудняло немцам отступление от Харькова в южном направлении. В то же время расширение прорыва на запад достигалось «сматыванием» неприятельского фронта в ходе наступления 6-й гв. А в юго-западном направлении, а также вспомогательными ударами 27-й и 40-й армий с фронта Высокий (исключительно) – Солдатское (исключительно).

Согласно окончательному плану [646 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 455–456.], 5-я гвардейская, 1-я и 5-я гвардейская танковые армии прорывали фронт неприятельской обороны на участке Триречное – Глушинский (исключительно), имея целью разгромить противостоящую группировку немцев и далее развивать удар силами подвижной группы в общем направлении на Золочев – Валки, обходя Харьков с запада. Основные усилия сосредоточивались в полосе 5-й гв. А, которой ставилась задача прорвать оборону противника на ограниченном участке шириной 6 км и к исходу первого дня наступления выйти на глубину 12–15 км, поэтому армия была одной

из наиболее мощных в составе Воронежского и Степного фронтов, насчитывая, по некоторым данным [647 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 364.], 80 тыс. солдат и офицеров, 2086 орудий и минометов (включая реактивные установки), 120 танков и САУ. Подвижную группу фронта в составе 1-й и 5-й гвардейской танковых армий решено было задействовать уже в первый день операции, введя в бой передовые бригады корпусов первого эшелона для завершения прорыва тактической зоны вражеской обороны на глубине 5 км в полосе 5-й гв. А. 1-й ТА планировалось к исходу первого дня операции овладеть районом Борисовки, к исходу второго дня – Байраком, третьего – Богодуховом, а к исходу четвертого дня перерезать железную дорогу Харьков – Полтава в районе населенного пункта Валки (глубина задачи – до 130 км); 5-я гв. ТА должна была к исходу третьего дня наступления выйти в район Ольшан (глубина задачи – свыше 100 км) [648 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 12; Гетман А. Л. Указ. соч. С. 103–104.]. По своей ударной силе обе танковые армии приблизительно соответствовали друг другу, в частности, к исходу 2 августа в составе 1-й ТА насчитывалось более 37 тыс. солдат и офицеров, уже 569 танков и САУ (в том числе 417 танков типа Т-34 и 27 самоходно-артиллерийских установок), 432 орудия и миномета, 55 реактивных установок, 3483 автомашины [649 - См.: Бабаджян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 71.].

6-я гв. А прорывала неприятельский фронт на 10-километровом участке Бутово – Триречное и ударом в юго-западном направлении вдоль реки Ворскла «сматывала» фронт неприятельской обороны к западу. Кроме этого, чтобы надежно обеспечить правый фланг главной ударной группировки, 6-я гв. А должна была наступать на Борисовку, а 27-я А – с участка Кресанов – Солдатское в общем направлении на Головчино, охватывая с обоих флангов томаровско-борисовскую группировку немцев.

Одновременно 40-я А, нанося удар своим левым флангом из района Высокий, должна была прорвать немецкую оборону и развивать наступление на Дорогощ, обеспечивая с запада проведение операции 6-й гвардейской и 27-й армий по уничтожению томаровско-борисовской группировки. После выполнения этой задачи для 27-й А намечалось развивать наступление на Ахтырку, а для 40-й А – на Боромлю.

Отдельные танковые и механизированные корпуса планировалось использовать в качестве подвижных групп эшелона развития успеха общевойсковых армий: 5-й Сталинградский гвардейский танковый корпус (подвижная группа 6-й гв. А) должен был наступать на Ахтырку; 10-й и 4-й гвардейский танковые корпуса (подвижная группа 27-й А) развивать наступление – первый на Тростянец, второй на Ахтырку; 2-й танковый корпус (подвижная группа 40-й А) получил задачу наступать на Боромлю.

К началу операции восемь армий ВорФ имели следующий состав (с учетом средств усиления) и непосредственные задачи [650 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 457–460, 757–760; Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2. Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3. Соотношение бронетанковых сил под Курском. Приложение 4 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 323–338, 341–344, 345–347, 348, 364, 368.]:

1. 5-я гв. А (командующий армией генерал Алексей Жадов, начальник штаба генерал Николай Лямин) в составе 7 стрелковых и воздушно-десантных стрелковых дивизий (шесть из которых под управлением 32-го и 33-го гвардейских стрелковых корпусов – по 3 дивизии в корпусе); 13-й артдивизии прорыва РГК (5 артиллерийских и 1 минометная бригады), 3-й гвардейской миндивизии (3 бригады), 29-й зенитной артдивизии (4 зенитных артполка), истребительно-противотанковой артбригады, отдельной танковой бригады, 2 отдельных танковых полков прорыва и 1 полка самоходной артиллерии, 2 пушечных, 1 гаубичного, 5 истребительно-противотанковых артполков, 1 минометного и 4 гвардейских минполков реактивной артиллерии, 1 батальона противотанковых ружей развернулась на 16-километровом фронте Триречное (исключительно) – Глушинский (исключительно). Командованию армии ставилась задача: нанести главный удар левым флангом на 6-километровом фронте Задельное – Глушинский (исключительно), прорвать неприятельскую оборону и, развивая наступление в общем направлении на Золочев, к исходу первого дня овладеть рубежом Томаровка – Раково на глубине 12–15 км, а к исходу второго дня продвинуться до 30–32 км и выйти на рубеж (исключительно) Борисовка – Бессоновка – Долбино (исключительно). Главная ближайшая задача армии состояла в том, чтобы обеспечить ввод в прорыв 1-й и 5-й гвардейской танковых армий.

Боевой порядок 5-й гв. А строился в два эшелона: в первом эшелоне 5 стрелковых дивизий со средствами усиления (6, 13, 66, 95, 97-я гвардейские дивизии), во втором эшелоне – 9-я гвардейская дивизия 33-го гв. ск и еще 42-я гв. сд в оперативном резерве в распоряжении командующего армией. Главный удар армия наносила силами 33-го гв. ск под командованием генерала Михаила Козлова, который 31 июля сменил в этой должности генерала Иосифа Попова.

2. 6-я гв. А (командующий армией генерал Иван Чистяков, начальник штаба генерал Валентин Пеньковский) в составе 6 стрелковых дивизий (под управлением 22-го и 23-го гвардейских стрелковых корпусов – по 3 дивизии в корпусе), 9-й зенитной артдивизии, 3 артбригад (тяжелые гаубичная и пушечная бригады, истребительно-противотанковая бригада), 2 отдельных танковых полков прорыва, 3 гаубичных, 1 пушечного, 7 истребительно-противотанковых артполков, 1 минометного и 2 гвардейских минполков, 7 отдельных батальонов противотанковых ружей развернулась на 11-километровом фронте Черкасское – Триречное.

Нанося главный удар левым флангом на 5-километровом участке из района Ново-Черкасское, армия должна была прорвать неприятельскую оборону на участке Бутово – Драгунское и, развивая наступление в общем направлении на Головчино, во взаимодействии с 27-й армией разгромить томаровско-борисовскую группировку немцев. По решению командующего фронтом армия к исходу первого дня наступления овладевала рубежом Ямное – Томаровка, развивая дальнейшее наступление на юго-запад вдоль реки Ворскла, так что к исходу второго дня стрелковые соединения армии должны были выйти на рубеж Трефиловка – Борисовка, а к исходу третьего дня соединиться с частями 27-й А в районе Головчино.

В распоряжение командования 6-й гв. А был передан 5-й гв. Сталинградский тк, поэтому в составе армии в целом насчитывалось 270 танков и САУ. Командующий

танковым корпусом генерал Андрей Кравченко получил задачу после ввода в прорыв к исходу четвертого дня наступления овладеть Ахтыркой.

Боевой порядок 6-й гв. А строился в два эшелона – каждый стрелковый корпус развернул в первом эшелоне две стрелковые дивизии со средствами усиления (67-я и 71-я гвардейские дивизии 22-го корпуса, 51-я и 52-я гвардейские дивизии 23-го корпуса), оставив во втором эшелоне одну дивизию (90-я гвардейская и 309-я дивизии). Поскольку главный удар армия наносила на участке 23-го гв. ск, которым с 22 июля 1943 года командовал генерал Николай Таварткиладзе, сменивший генерала Павла Вахрамеева, то 5-й гв. тк был сосредоточен именно здесь во втором эшелоне.

3. 1-я ТА (командующий армией генерал Михаил Катуков, начальник штаба генерал Михаил Шалин) в составе 3-го механизированного, 6-го и 31-го танковых корпусов, а также 8-й зенитной артдивизии (4 зенитных арtpолка), истребительно-противотанковой артбригады (3 иптап), 2 полков самоходной артиллерии, 2 зенитных полков, 2 минометных и 1 гвардейского минометного полков, 1 гвардейского минометного дивизиона, а также 2 батальонов противотанковых ружей получила задачу выдвинуться из района Красная Поляна – Сырцев – Ольховка и войти в прорыв, созданный 5-й гв. А. После этого 1-я ТА должна была развивать наступление в общем направлении Ольховка – Александровка – Богодухов – Валки и, уничтожая тактические резервы и отходящие части противника, к исходу первого дня наступления выйти в район Борисовка – Гоновка; к исходу второго дня наступления – Байрак – Лютовка; на третий день – в район Богодухова; на четвертый день наступления, прочно удерживая 6-м тк район Богодухова, 3-м мк выйти в район Ковяги – Валки, а 31-м тк в район Новая Водолага, разгромив подходящие оперативные резервы противника и тылы 4-й ТА немцев. Таким образом, общая глубина задачи для танковой армии составляла 120 км, а предполагаемый среднесуточный темп наступления – более 30 км.

Боевой порядок 1-й ТА строился в два эшелона: в первом эшелоне – 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса, во втором эшелоне за 3-м мк – 31-й тк.

4. 5-я гв. ТА (командующий армией генерал Павел Ротмистров, начальник штаба генерал Владимир Баскаков) в составе 5-го гвардейского механизированного, 18-го и 29-го танковых корпусов, 6-й зенитной артдивизии (5 зенитных арtpолков), 1 танкового полка, 1 мотоциклетного полка, 4 полков самоходной артиллерии, 1 гаубичного и 4 истребительно-противотанковых арtpолков, 3 минометных и 1 гвардейского минполков, а также 2 гвардейских минометных дивизионов получила задачу выдвинуться из района Покровка – Яковлево и войти в прорыв, созданный 5-й гв. А.

После этого 5-я гв. ТА должна была развивать наступление в общем направлении Бессоновка – Золочев – Ольшаны и, уничтожая тактические резервы и отходящие части противника, к исходу первого дня наступления выйти в район Орловка – Бессоновка – Щетиновка – Кобелевка, а на третий день выйти в район Ольшаны – Люботин, разгромив подходящие оперативные резервы противника и тылы оперативной группы «Кемпф», а также перерезав дороги, идущие из Харькова на запад. Общая глубина задачи танковой армии составляла 100 км, а среднесуточный темп наступления – свыше 33 км.

Боевой порядок 5-й гв. ТА строился в два эшелона: в первом эшелоне – 18-й и 29-й танковые корпуса, во втором эшелоне – 5-й гв. мк.

5. 27-я А (командующий армией генерал Сергей Трофименко, начальник штаба полковник Григорий Лукьянченко) в составе 6 стрелковых дивизий, 17-й артдивизии прорыва РГК (4 артиллерийские и 1 минбригада), 23-й зенитной арт-дивизии (4 зенитных артполка), 1 отдельной танковой бригады, 1 отдельного танкового полка прорыва, 2 самоходных артполков, 5 истребительно-противотанковых и 1 зенитного артполков, 1 минометного и 2 гвардейских минометных полков сосредоточивалась за центром 40-й А в районе Марьино – Красная Яруга – Борисополье. Армии были приданы 4-й гвардейский и 10-й танковые корпуса, в первом из которых насчитывалось 168 танков и 21 САУ, а во втором свыше 150 танков и САУ, так что общее количество бронетехники в армии составило около 450 боевых машин.

Согласно решению командующего фронтом, в ночь на третий день операции 27-я А должна была развернуться на 11-километровом фронте Кресанов – Солдатское (исключительно), сосредоточив ударную группу в центре, чтобы прорвать неприятельскую оборону на 6-километровом участке Касилово – Ново-Березовка и, развивая наступление в общем направлении на Казачья Лисица – Головчино, к исходу первого дня наступления стрелковыми соединениями выйти на рубеж Ивановская Лисица – Покровка, а танковыми корпусами продвинуться в район Грайворон – Головчино; к исходу второго дня наступления стрелковыми соединениями овладеть рубежом Грайворон – Березовка, 10-м тк выйти в район Александровка, 4-м гв. тк – в район Уды.

Боевой порядок 27-й А строился в два эшелона: в первом эшелоне – четыре стрелковые дивизии (147, 163, 166, 241-я), танковая бригада, танковый полк прорыва и средства усиления; во втором эшелоне – 71-я и 155-я стрелковые дивизии и два танковых корпуса. Ударная группа состояла из двух центральных дивизий первого эшелона (163-й и 241-й), обеих дивизий второго эшелона и танковых корпусов с большей частью средств усиления.

6. 40-я А (командующий армией генерал Кирилл Москаленко, начальник штаба генерал Александр Батюня) в составе 4 стрелковых дивизий (3 из которых под управлением 47-го ск), 1 истребительно-противотанковой артбригады и 4 истребительно-противотанковых артполков, 1 танкового полка прорыва, 2 пушечных и 1 гаубичного артполков, 4 минометных и 2 гвардейских минометных полков, 2 зенитных артполков, а также 3 батальонов противотанковых ружей должна была перейти к активным действиям с утра третьего дня операции. Ударная группа армии, развернутая на 8-километровом фронте Высокий (исключительно) – Кресанов (исключительно), в составе 100-й и 206-й стрелковых дивизий 47-го ск, а также приданного армии 2-го тк и всех средств усиления получила задачу прорвать неприятельскую оборону на участке Теробрено – Липовые Балки (исключительно) и наступать вдоль реки Ворсклица с целью обеспечения правого фланга 27-й А. К исходу первого дня наступления стрелковые дивизии должны были выйти на рубеж Пушкарное – Почаево, а 2-й тк в район Дорогощ – Санковка; к исходу второго дня стрелковые дивизии должны были выйти на рубеж Тарутино – Рясное – Дорогощ. Боевой порядок ударной группы строился в два эшелона: в первом эшелоне – две стрелковые дивизии, во втором – 2-й тк.

В то же время правофланговая 237-я сд армии сковывала противника на 10-километровом фронте Успенское – Высокий. На левофланговую 161-ю сд, действовавшую левее участка 27-й А на 24-километровом фронте Солдатское – Герцовка, возлагалась задача упорной обороной обеспечивать развертывание 27-й А, а к исходу второго дня ее наступления (6 августа) присоединиться к основным силам 40-й А, сосредоточившись в районе Пушкарное – Староселье.

7. 38-я А (командующий армией генерал Никандр Чибисов, начальник штаба генерал Антон Пилипенко) в составе 5 стрелковых дивизий (три под управлением 50-го ск, две в распоряжении 51-го ск), 2 истребительно-противотанковых арт полков, 2 минполков, 3 батальонов противотанковых ружей и 1 зенитного артполка, продолжая занимать прежний участок протяженностью 72 км на рубеже Снагость – Успенское (исключительно), в начале операции должна была сковывать противостоящие силы неприятеля, ведя активную боевую разведку. В период подготовки к наступлению на армию возлагалась задача осуществить маскировочный маневр, чтобы отвлечь неприятельские резервы с направления главного удара ВорФ.

8. 2-я ВА (командующий армией генерал Степан Красовский, начальник штаба генерал Феофан Качев) в составе 4 истребительных, 2 бомбардировочных, 3 штурмовых авиационных дивизий (по 2 истребительные авиадивизии под управлением 5-го и 10-го истребительных авиакорпусов, 2 штурмовые дивизии под управлением 5-го шак) получила задачу поддерживать с воздуха наступление основной ударной группировки ВорФ.

Командующий войсками СтепФ генерал Конев главный удар решил нанести на правом крыле фронта силами 53-й и 69-й армий. Основная ударная группировка в составе 53-й А с 1-м мк, а также 48-го корпуса 69-й А должна была 3 августа перейти в наступление на 11-километровом участке Глушинский – Вислое с целью прорвать оборону противника; во взаимодействии с оставшимися силами 69-й А и частью сил 7-й гв. А концентрическими ударами окружить и разгромить белгородскую группировку немцев и овладеть Белгородом; в дальнейшем развивать наступление на Харьков. 7-я гв. А при этом частью своих сил наносила вспомогательный удар в южном направлении, обеспечивая «смаывание» обороны противника вдоль западного берега реки Северский Донец. Для содействия войскам, наступавшим на Харьков с севера, предусматривалось использование 57-й А ЮЗФ (передана в состав СтепФ с 8 августа), наносившей удар из района Старый Салтов – Мартовья на запад, в общем направлении на Мерэфу, с целью выйти к югу от Харькова, охватив город с юго-востока.

Сосредоточение основных сил и средств СтепФ для наступления на его правом крыле дополнительно способствовало успеху главного удара войск ВорФ и рассеению вражеской группировки, расширение прорыва на юг достигалось наступлением 69-й и 7-й гвардейской армий вдоль западного берега реки Северский Донец, а наступление 57-й А создавало возможность окружить противника в районе Харькова.

К началу операции четыре армии СтепФ имели следующий состав (с учетом средств усиления) и непосредственные задачи [651 - См.: Битва под Курском: От обороны к

наступлению. С. 461–464, 757–760; Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2. Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3. Соотношение бронетанковых сил под Курском. Приложение 4 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 344, 347, 348–349, 364, 368.]:

1. 53-я А (командующий армией генерал Иван Манагаров, начальник штаба генерал Кузьма Деревянко) в составе 7 стрелковых дивизий, 26-й зенитной артдивизии, 3 отдельных танковых полков прорыва, 28 арtpолков и 15 артиллерийских дивизионов, 4 минометных и 3 гвардейских минометных полков, 1 зенитного артиллерийского дивизиона и 1 зенитного арtpолка развернулась на 7-километровом фронте: отметка 244 (2 км юго-западнее Глушинского) – Вислое (исключительно). В распоряжение командования 53-й А был передан 1-й мк под командованием генерала Михаила Соломатина, насчитывавший более 200 танков и САУ, и поставлена задача нанести главный удар правым флангом на 4-километровом фронте (отметка 244 – роща в 2 км восточнее Глушинского), прорвать неприятельскую оборону на участке Журавлиный – Вислое (исключительно) и, развивая наступление в общем направлении на Ново-Николаевку, к исходу первого дня операции выйти стрелковыми соединениями на рубеж Раково – Заготскот, а 1-м мк в район Ново-Николаевки. К исходу второго дня стрелковым соединениям было намечено выйти на рубеж Редилровка – Архангельское, тогда как механизированный корпус частью сил наносил удар из района Ново-Николаевка в район Репное с целью окружения белгородской группировки немцев совместно с частями 69-й и 7-й гвардейской армий. Командование фронта предполагало, что к исходу четвертого дня наступления, по завершении боев за Белгород, главные силы 53-й А достигнут рубежа Водяное – Ново-Николаевка.

Боевой порядок армии строился в два эшелона: в первом эшелоне – 28-я гвардейская, 116-я и 252-я дивизии со средствами усиления, во втором эшелоне – 84, 214, 233 и 299-я дивизии и 1-й мк.

2. 69-я А (командующий армией генерал Василий Крюченкин, начальник штаба генерал Владимир Бенский) в составе 7 стрелковых дивизий (три под управлением 35-го гв. ск, четыре под управлением 48-го ск), 1 танковой бригады, 8 арtpолков, 3 минометных и 1 гвардейского минометного полков, а также 2 гвардейских минометных дивизионов в начале операции наносила два сходящихся удара на Белгородском направлении. 48-й ск армии под командованием генерала Зиновия Рогозного развертывался со всеми средствами усиления на 8-километровом рубеже Вислое – Киселево с задачей нанести главный удар правым флангом на 4-километровом участке Вислое – Дача (исключительно), прорвать здесь неприятельскую оборону и, развивая наступление в общем направлении на Белгород, к исходу первого дня операции выйти на рубеж Заготскот – Беломестная. Одновременно частью своих сил – силами 89-й гв. сд – корпус должен был во взаимодействии с войсками 35-го гв. ск к третьему дню операции окружить и разгромить группировку противника, оборонявшуюся в районе Дачи (восточнее Вислое). К исходу четвертого дня наступления для корпуса был намечен выход на рубеж Ново-Николаевка (исключительно) – Новая Нелидовка (4 км северо-западнее Никольское). Боевой порядок корпуса имел одноэшелонное построение, главный

удар наносился силами 305-й и 375-й гвардейских и 183-й стрелковых дивизий и отдельной танковой бригады.

35-й гв. ск под командованием генерала Сергея Горячева, развернутый на 13-километровом фронте Киселево (исключительно) – Старый Город, в начале операции должен был форсировать реку Северский Донец в районе Хохлова и в первый день наступления во взаимодействии с левофланговой гвардейской стрелковой дивизией 48-го ск окружить вражеские части в районе Дачи, а к исходу второго дня выйти в район Беломестная – Петропавловка, составив второй эшелон 69-й А (93-я и 94-я гвардейские и 107-я стрелковые дивизии).

3. 7-я гв. А (командующий армией генерал Михаил Шумилов, начальник штаба генерал Георгий Лукин) в составе 8 стрелковых дивизий (три под управлением 24-го гв. ск, три под управлением 25-го гв. ск, две под управлением 49-го ск), 5-й зенитной артдивизии, 1 истребительно-противотанковой артбригады, 1 инженерно-саперной бригады, 2 отдельных танковых бригад, 2 отдельных танковых полков прорыва, 10 арт полков, а также 1 минполка развернулась на 40-километровом фронте южнее Старого Города. Сосредоточив ударную группу 49-го и 25-го гвардейского стрелковых корпусов на правом фланге и в центре занимаемого рубежа (пять дивизий – 15-я гвардейская и 111-я стрелковые дивизии, 73, 78 и 81-я гвардейские стрелковые дивизии), армия должна была в течение первого дня операции переправиться главными силами на западный берег реки Северский Донец на участке Соломино – Пуляевка, чтобы расширить уже созданные здесь плацдармы; к исходу второго дня 15-й и 73-й гвардейскими дивизиями, наступающими из района Соломино – Топлинка (исключительно), выйти на рубеж Колония Дубовое – Таврово и во взаимодействии с частями 69-й А и 1-го мк окружить белгородскую группировку немцев. Операция по окружению этой группировки обеспечивалась с юга 78-й гв. сд, которая, наступая из района Топлинка – Пуляевка в общем направлении на Бродок, должна была выйти на рубеж Бро док – Пуляевка; к исходу четвертого дня наступления для ударной группы армии намечался выход на рубеж Никольское – Пуляевка.

Боевой порядок ударной группы 7-й гв. А строился в два эшелона: в первом эшелоне – четыре стрелковые дивизии со средствами усиления, во втором – одна дивизия (81-я гвардейская сд).

Рубеж по восточному берегу Северского Донца южнее Пуляевки до района Волчанска занимали 213, 36 и 72-я гвардейские дивизии 24-го гв. ск.

4. 5-я ВА (командующий армией генерал Сергей Горюнов, начальник штаба генерал Николай Селезнев) в составе 3 истребительных, 3 бомбардировочных, 2 штурмовых авиационных дивизий (2 истребительные авиадивизии под управлением 4-го иак, 2 штурмовые дивизии под управлением 1-го шак, 2 бомбардировочные дивизии под управлением 1-го бак) получила задачу поддерживать с воздуха наступление ударной группировки 53-й и 69-й армий СтепФ.

По завершении ликвидации белгородской группировки немцев для армий СтепФ намечалось перейти к оперативному преследованию противника в направлении Харькова, в результате чего на пятый день операции они должны были выйти на рубеж Казачья Лопань – Муром; к исходу седьмого дня – на рубеж Дергачи – Циркуны – Перемога, а к исходу десятого дня планировалось овладеть Харьковом. Армии ВорФ к исходу девятого дня операции должны были выйти на рубеж Большая Чернетчина – Тростянец – Старый Мерчик – Дергачи.

Таким образом, план организации и проведения наступательной операции «Полководец Румянцев» предусматривал развертывание активных действий на широком фронте протяженностью до 200 км, с последовательным нанесением ударов на четырех направлениях; с учетом 57-й А ЮЗФ общая ширина полосы наступления возрастала до 260 км, а количество направлений главных ударов – до пяти. Советское командование рассчитывало таким образом разделить всю систему неприятельской обороны на ряд отдельных частей, что облегчало их последующее уничтожение.

Группировки, созданные на направлениях основных ударов обоих фронтов, должны были обеспечить быстрый прорыв оборонительной системы немцев, разгром их основных сил в районе Томаровка – Белгород, а также завершение маневра с целью рассечения на части всей белгородско-харьковской группировки противника. В связи с этим при средней ширине фронта дивизии 6 км (с учетом дивизий первого эшелона) на направлениях основных ударов дивизии получали для наступления участки шириной до 1,8–2,5 км, что обеспечивало глубокое эшелонирование; подвижные соединения ВорФ – 1-я и 5-я гвардейская танковые армии – были сосредоточены в полосе главного удара 5-й гв. А, что позволило создать на этом направлении плотность танкового насыщения до 70 танков на каждый километр фронта; при средней плотности насыщения артиллерией до 28 орудий на 1 км фронта, на направлении главного удара на участке Черкасское – Гостищево на 1 км фронта приходилось до 100 орудий, причем на направлениях главных ударов 5-й гвардейской и 53-й армий плотность артиллерийского насыщения достигала 230 стволов [652 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 464.].

В исследовании ГШ Красной армии отмечено [653 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 466.], что группировки войск, целесообразно созданные советским командованием для наступления на направлениях главного удара, позволили достичь такого превосходства сил над противником, которое гарантировало успешное осуществление планируемой операции. На направлении главного удара ВорФ, на 27-километровом участке Черкасское – Глушинский (исключительно) советские войска превосходили противника по живой силе в 10 раз, по артиллерии – в 6 раз, по минометам – в 6 раз, по танкам – в 6,5 раза (по другим данным [654 - См.: История военного искусства. С. 209.], в полосе наступления 5-й гв. А советские войска имели превосходство над неприятелем по личному составу в 3–4 раза, а по артиллерии – более чем в 10 раз); на направлении главного удара СтепФ, на 11-километровом участке Глушинский – Вислое, войска фронта превосходили противника по живой силе в 18 раз, по артиллерии – в 10 раз, по танкам – в 7 раз; на направлении вспомогательного удара ВорФ, на 22-километровом участке Высокий (исключительно) – Солдатское (исключительно), было достигнуто

превосходство над противником по живой силе в 3,6 раза, по артиллерии – в 4,8 раза, по танкам – в 5 раз.

Наряду с этим, согласно данным ГШ Красной армии [655 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 531; Конев И. С. Указ. соч. С. 28; Огненная дуга. С. 479.], средняя плотность танкового и артиллерийского насыщения в полосе наступления ударной группировки ВорФ достигала 40 танков, 135 орудий и минометов на 1 км фронта, однако на направлении главного удара в полосе 5-й гв. А на 1 км приходилось в среднем от 70 до 87 танков, 230 орудий и минометов, а на 6-километровом участке прорыва – 178 танков и САУ. Таким образом, по оперативной плотности средств, сосредоточенных на участке прорыва 5-й гв. А ВорФ, советское командование достигло превосходства более чем в 16 раз по артиллерии и абсолютного порядкового преимущества по бронетехнике.

Вместе с тем боевой состав и оперативные возможности ВорФ, имевшего задачу охватить харьковскую группировку врага с запада и юго-запада, вследствие чего в полосе фронта ожидалось сильные контрудары резервов противника, были значительно большими, чем у СтепФ. Поэтому в связи с отсутствием значительного усиления танковыми и механизированными соединениями в полосе наступления 53-й А СтепФ была создана более высокая оперативная плотность личного состава и артиллерии, чем на ВорФ. Здесь, на 7-километровом участке прорыва западнее Вислого, были развернуты семь стрелковых дивизий – в среднем по 6 тыс. человек на 1 км, сконцентрировано около 300 орудий и минометов и 43 танка на каждый километр фронта [656 - См.: Огненная дуга. С. 479, 591.]. Таким образом, по оперативной плотности сил и средств, сосредоточенных на участке прорыва 53-й А СтепФ, советское командование достигло превосходства в 4–5 раз по личному составу, в 20 раз – по артиллерии, приблизительно в 11–14 раз – по бронетехнике. Кроме этого, по плану генерала Конева на участке прорыва СтепФ должно было действовать свыше 400 самолетов – 181 штурмовик и 240 истребителей [657 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 341.].

При проведении всех подготовительных мероприятий особое значение приобретала скрытность подготовки наступления, поэтому вначале с замыслом операции был ознакомлен только высший командный состав. На ВорФ это было сделано 22 июля на совещании командующих армиями и членов военных советов армий в штабе фронта. Командующие корпусами были ознакомлены с боевой задачей 29 июля, командиры бригад и полков – 30 июля, командиры батальонов и рот – 1 августа, остальные офицеры, солдаты и сержанты – 2 августа, после выхода войск в исходные районы, то есть за сутки до начала наступления [658 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 64.]. По воспоминаниям маршала бронетанковых войск Советского Союза Михаила Катюкова [659 - Катюков М. Е. Указ. соч. С. 289.], окончательный план наступательной операции был доведен до командного состава ВорФ на совещании, проходившем 1 августа на командном пункте 5-й гв. А с участием командующего фронтом генерала Ватутина и представителя Ставки Верховного главнокомандования маршала Жукова. Как отмечает генерал Алексей Жадов [660 - См.: Огненная дуга. С. 513.], Ватутин указал на особую роль 5-й гв. А, которая действовала на направлении главного удара фронта, имела наибольшее количество средств усиления и была ответственна за ввод в прорыв на 6-километровом участке подвижной группы в

составе двух танковых армий. В связи с этим маршал Жуков решил в первый день операции оставаться на командном пункте 5-й гв. А для контроля за ходом наступления и оказания практической помощи армейскому и фронтовому командованию.

Глава 2. Начало операции «Полководец Румянцев» – прорыв и развитие успеха

2.1. Развитие обстановки 3 августа

В 8 часов утра 3 августа, после артиллерийской и авиационной подготовки, началось наступление Красной армии по плану операции «Полководец Румянцев». При организации наступления советское командование учло как оперативные, так и тактические особенности положения сторон, сложившиеся к тому времени на Белгородско-Харьковском направлении. Поэтому, в отличие от Орловской наступательной операции, армии Воронежского и Степного фронтов построили свои боевые порядки применительно к задаче прорыва неприятельской обороны, только что занятой отходящими вражескими войсками, которые были ослаблены в результате собственного наступления и не располагали на данном направлении крупными резервами в ближайшей оперативной глубине [661 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 532–533.].

Соответственно, боевой порядок 5-й гв. А, имевшей задачу обеспечения ввода в прорыв танковых армий, состоял из одного эшелона, в который входили два стрелковых корпуса. В качестве резерва в распоряжении командующего армией на удалении 10 км от линии фронта находилась одна стрелковая дивизия (42-я гвардейская). Правофланговый 32-й гв. ск, наступавший на фронте около 9 км, развернул все три дивизии (13, 66 и 97-я гвардейские стрелковые дивизии) в одном эшелоне, так что на каждую дивизию в среднем приходилось около 3 км. Левофланговый 33-й гв. ск, действовавший на участке около 7 км, построил боевой порядок в два эшелона, развернув в первом эшелоне две (6-я и 95-я гвардейские), а во втором оставив одну дивизию (9-я гвардейская), поэтому каждая из дивизий первого эшелона атаковала на фронте около 3,5 км.

Второй эшелон 33-го гв. ск и резервная стрелковая дивизия предназначались для усиления, при необходимости, борьбы с резервами противника в глубине его оперативной обороны, а также для смены дивизий первых корпусных эшелонов (командование 5-й гв. А задействовало два этих соединения только на девятый день наступления на удалении 70 км от исходного рубежа для отражения контрудара противника).

Боевой порядок армий СтепФ также имел одноэшелонное построение, за исключением 53-й А. В связи с тем, что на данную армию возлагалась не только основная задача по прорыву обороны противника на Белгородском направлении, но также задачи по ликвидации вражеских войск в районе Белгорода и наступлению на Харьков, ее боевой порядок строился в два эшелона: в первом эшелоне – три стрелковые дивизии со средствами усиления (28-я гвардейская, 116-я и 252-я); во втором эшелоне – четыре дивизии (84, 214, 233 и 299-я). Три стрелковые дивизии первого эшелона были развернуты на фронте около 7 км, так что на каждую дивизию в среднем приходилось немногим более 2 км. Второй эшелон предназначался для развития наступления на Харьковском

направлении, которое могло замедлиться в связи с ликвидацией белгородской группировки противника.

Все дивизии первого эшелона корпусов и полки первого эшелона этих дивизий, как правило, строили свой боевой порядок в два эшелона.

Развитие успеха в глубине вражеской обороны возлагалось на фронтовую и армейские группы развития успеха – 1-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии, а также отдельные танковые и механизированные корпуса. Артиллерийское обеспечение ввода танковых армий в сражение и поддержка боевых действий танковых войск при завершении прорыва тактической зоны обороны противника входили в задачу артиллерии 5-й гв. А [662 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 63.].

Сражение началось в ночь с 2 на 3 августа, когда 208-я ночная ближнебомбардировочная дивизия полковника Леонида Юзеева из 2-й ВА ВВФ совершила 292 самолето-вылета для ударов по главной полосе обороны противника перед фронтом 5-й и 6-й гвардейских армий [663 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 495; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 280.]. Одновременно по германским позициям на запланированных участках прорыва нанесли удары самолеты дальней авиации, которые совершили за ночь 370 самолето-вылетов [664 - См.: Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 194.]. После этого была проведена 160-минутная артиллерийско-минометная подготовка атаки советских войск, в которой участвовало около 6 тыс. артиллерийских орудий, средних и тяжелых минометов дивизионной, корпусной и армейской артиллерии, а также приданной артиллерии усиления РКК, переброшенной во второй половине июля с БрФ [665 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 67; Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 338.].

Артподготовка на Воронежском и Степном фронтах была организована командующими фронтовой артиллерией генералами Сергеем Варенцовым и Николаем Фоминым по следующей схеме [666 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 471.]. Подготовка началась по общему сигналу в 5 часов 3 августа, до рассвета, с мощного 5-минутного налета всех огневых средств по переднему краю противника. Затем в ожидании полного рассвета была сделана получасовая пауза (период паузы в графике артподготовки был обусловлен стремлением ввести неприятеля в заблуждение относительно точного времени начала атаки [667 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 282–283.]), а в 5.35 началась контрольная пристрелка и проверка прицелов, продолжавшаяся в течение одного часа. После этого, с 6.35 до 7.50, артиллерия обоих фронтов вела методический огонь по уничтожению и разрушению огневых средств и оборонительных сооружений противника, завершившийся огневым налетом всеми средствами реактивной артиллерии. С 7.55 до 8.00 реактивная артиллерия вела залповый огонь, все другие огневые средства нарастающими темпами обстреливали передний край главной полосы обороны противника, а пехота и танки ударных частей в это же время начали приближение к передовым неприятельским траншеям. В 8.00, по сигналу, переданному по радио, артиллерия перенесла свой огонь на вторые и третьи траншеи,

проходившие в 500–800 м от переднего края вражеской обороны [668 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 288.], и вела его до 8.15, а стрелковые части и танки прорыва двинулись в атаку. В дальнейшем артиллерия двух фронтов еще в течение 45 минут вела огонь на подавление наиболее важных опорных пунктов и узлов сопротивления неприятельской обороны на глубине до 2 км. Орудия прямой наводки с началом атаки перешли на непосредственное сопровождение танков и пехоты, действуя в их боевых порядках.

Одновременно с проведением артподготовки авиация 2-й и 5-й воздушных армий наносила бомбоштурмовые удары по укреплениям противника, местам расположения его резервов и позициям артиллерии, а также обстреливала вражеские боевые порядки артиллерийско-пулеметным огнем. План боевого применения авиации заключался в том, что самолеты-штурмовики должны были массированными ударами уничтожить цели, находящиеся вне сектора обстрела наземной артиллерии, а также подавить огневые точки противника в момент смены артиллерией своих позиций; бомбардировщики большими группами наносили удары по опорным пунктам, штабам, скоплениям резервов противника, а также выполняли задачу подавления вражеской артиллерии на ее огневых позициях [669 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 341.]. Предполагалось, что максимальная нагрузка на авиационные соединения будет в первый день операции, а в течение следующих трех дней она снизится, поскольку длительно поддерживать высокую интенсивность боевой работы 2-й и 5-й воздушных армий не представлялось возможным. К началу операции 2-я ВА базировалась на 39 аэродромах, из которых 15 находились приблизительно в 25 км от линии фронта, 13 на удалении до 50 км, 11 – от 75 до 150 км; в 5-й ВА аэроузел 4-го иак находился в 50–65 км от линии фронта, а места базирования 1-го штурмового и 1-го бомбардировочного авиакорпусов были удалены на 110 и 200 км соответственно [670 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 340–341.]. Поэтому только успешное продвижение наземных войск могло позволить фронтовой авиации постепенно приблизиться к району боевых действий, чтобы обеспечить постоянную высокую интенсивность и оперативность боевой работы.

В 6 часов 30 минут 3 августа авиация 2-й и 5-й воздушных армий нанесла первый удар по позициям артиллерии и опорным пунктам переднего края обороны противника: 36 самолетов-бомбардировщиков и 81 штурмовик из состава 2-й ВА, действовавшие под прикрытием 49 истребителей, бомбардировали район Березов – Гремучий и штурмовали цели на 6-километровом участке прорыва 5-й гв. А ВорФ; 50 самолетов-бомбардировщиков 1-го бак 5-й ВА бомбардировали район колхоза «Смело к труду», а также опорные пункты немцев в Терновке и Шопино, в полосе наступления 53-й А СтепФ [671 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 344–345; Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 194–195.].

После артподготовки и удара авиации в атаку на противника перешли части 5-й и 6-й гвардейских армий, 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, 5-го Сталинградского гв. тк ВорФ; 53-й А, 1-го механизированного и 48-го стрелкового корпусов 69-й А СтепФ.

На ВорФ в полосе 5-й гв. А три стрелковые дивизии 32-го гв. ск под командованием генерала Алексея Родимцева, а также две стрелковые дивизии первого эшелона 33-го гв.

ск под командованием генерала Михаила Козлова, наступавшие при поддержке 192-й тбр, двух отдельных тп и одного сап, нанесли удар на стыке 332-й и 167-й немецких пехотных дивизий, смяли опустошенные артогнем части первого эшелона этих соединений и к 11 часам прорвались в глубину вражеской обороны на 4–5 км, выйдя на рубеж Драгунское – Березов. Этот быстрый успех оказался достигнут в первую очередь за счет массированного применения артиллерии, организованного штабом 7-го акп РГК под командованием генерала Павла Королькова, который в период после 15 июля был переведен с БрФ по указанию маршала артиллерии Николая Воронова [672 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 67; Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 338.]. При подготовке наступления на направлении главного удара в полосе 33-го гв. ск 5-й гв. А были сосредоточены 13-я артдивизия прорыва под командованием полковника Даниила Краснокутского, а также 3-я гвардейская тяжелая миндивизия под командованием полковника Петра Колесникова [673 - Петр Васильевич Колесников получил в дивизии прозвище Борода, так как решил не бриться до победы над Германией. (Примеч. авт.)] (всего 9 артбригад – 3 гвардейские минометные, 3 тяжелые гаубичные, 1 минометная, 1 легкая и 1 гаубичная бригады – по штату 356 артиллерийских орудий и тяжелых минометов, в том числе 92 артиллерийских орудия калибром 152 мм и более, а также от 432 до 864 пусковых рам для реактивных снарядов М-31 или М-30 [674 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 338; Лобанов А. В. Артиллерия резерва Верховного главнокомандования в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2006. № 2. С. 13.]), переданные ВорФ к 1 августа из состава 2-го акп РГК после решения задач по прорыву обороны противника в полосе 3-й и 63-й армий БрФ.

В результате на направлении главного удара 5-й гв. А на каждые 15–18 кв. м площади обороны пришлось попадание снаряда калибра 76 мм и выше, поэтому, по воспоминаниям генерала Жадова [675 - См.: Огненная дуга. С. 514.], первые три линии траншей главной оборонительной полосы оказались заняты советскими войсками почти без сопротивления противника. По свидетельству маршала Ротмистрова [676 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 212.], такую по мощности артподготовку, как 3 августа на участке 5-й гв. А, он за всю войну видел впервые – на позициях 167-й немецкой пд (которой командовал генерал Вольф Триренберг (Wolf-Günther Trierenberg). – П. Б.) повсюду валялись трупы, траншеи и ходы сообщения были изрыты взрывами снарядов, мин и авиабомб, доты и дзоты искромсаны, орудия исковерканы и превращены в груды металла. По поводу меньшей по силе воздействия и количеству привлеченных средств артподготовки, проведенной в период Сталинградской битвы, маршал артиллерии Казаков заметил [677 - Казаков В. И. Артиллерия, огонь! М.: ДОСААФ, 1975. С. 99.], что, судя по рассказам пленных немцев, они целыми батальонами молились Богу, прося о спасении от огня русской артиллерии.

Несмотря на столь разрушительную мощь артиллерийского огня, ко времени окончания основной артподготовки командованием 2-й ВА, согласно плану, был организован второй авиаудар, произведенный в период с 8.15 до 8.36 силами 112 самолетов с целью надежного подавления огневой системы обороны противника в момент начала атаки пехоты [678 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 345.]. Полное господство в воздухе позволило

советскому командованию не только применять непрерывные эшелонированные удары мелкими группами самолетов, но и увеличить количество заходов и время воздействия на объекты – группы штурмовиков, приходя в район целей, в течение 15–20 минут бомбардировали и обстреливали пушечно-пулеметным огнем войска и технику противника, производя за это время от 5 до 8 и более заходов на цели [679 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 289.].

Поскольку германское командование не ожидало вражеского наступления, артподготовка, удары авиации и последовавшая атака застигли часть немецких пехотных соединений во время смены с позиций – в частности, так произошло в районе Бутово в полосе 332-й пд генерала Ганса Шефера (Hans Schaefer, буквально накануне – 28 июля – он был награжден Золотым Германским крестом. – П. Б.) [680 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 473.]. Генерал Попель упоминает [681 - Попель Н. К. Указ. соч. С. 185–186.], что противник совершенно не ожидал наступления войск ВорФ, штаб 4-й ТА именно в ночь на 3 августа назначил смену частей на переднем крае, поэтому в тактической зоне германской обороны возникла паника, и только в районе Томаровки 6-й тк встретил организованное сопротивление, не сумев преодолеть вражескую оборону с ходу. Кроме того, уже на завершающем этапе артподготовки перенос огня в глубину не был замечен немцами, так что появление русских на переднем крае застало их врасплох.

Как видно, все преимущества хорошо подготовленной и заранее укрепленной позиционной обороны германской армии под Белгородом оказались полностью утрачены благодаря фактору внезапности советского наступления. В итоге первые 30 минут с начала операции какое-либо организованное сопротивление со стороны германских войск полностью отсутствовало [682 - См.: Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 195.].

Введенные в бой вторые эшелоны стрелковых полков 5-й гв. А приступили к прорыву второй и третьей позиций главной оборонительной полосы немцев. Здесь противник уже начал оказывать некоторое сопротивление – так, во второй половине дня части 13-й гв. сд 32-го гв. ск, которой командовал генерал Глеб Бакланов, отразили контратаку усиленного танками пехотного батальона из урочища Сухой Верх [683 - Бакланов Г. В. Указ. соч. С. 88.]. Однако советское командование предвидело такое развитие ситуации. Для наращивания силы удара, до прорыва главной полосы вражеской обороны и последующего развития успеха командующий войсками ВорФ заблаговременно ввел в сражение танковые армии генералов Катукова и Ротмистрова. Вместе с тем маршал Ротмистров указывает [684 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 211.], что танковые армии по решению Ватутина должны были вводиться в сражение после прорыва стрелковыми соединениями главной оборонительной полосы противника и лишь в случае крайней необходимости допрорывать оборону врага. Поэтому, получив указание маршала Жукова выдвинуть танки, он приказал командирам 18-го и 29-го танковых корпусов направить в боевые порядки пехоты передовые отряды – по одной танковой бригаде от танковых корпусов. Корпуса первого эшелона обеих танковых армий заранее получили задачу создать передовые отряды в составе усиленной танковой бригады, чтобы содействовать стрелковым дивизиям в завершении прорыва главной полосы обороны противника, а

затем развить наступление, с ходу ворваться на вторую полосу обороны неприятеля и тем самым создать благоприятные условия для действий главных сил в оперативной глубине.

Как отмечает генерал Алексей Радзиевский [685 - Радзиевский А. И. Указ. соч. С. 114–115.], ввод в бой передовых танковых бригад 1-й и 5-й гвардейской танковых армий – по одной от танкового (механизированного) корпуса – определялся рядом причин и прежде всего замедлением темпа наступления стрелковых соединений перед третьей позицией, что явилось следствием недостаточной степени огневого подавления противника на этой позиции в период артподготовки; ослабления артиллерийской поддержки из-за перемещения артиллерии на новые огневые позиции; недостатка танков непосредственной поддержки пехоты (10–15 на 1 км участка прорыва, из них половина легких). Ввод в бой четырех передовых танковых бригад (всего около 200 танков и САУ на 10-километровом участке фронта) позволил быстро завершить прорыв первой полосы обороны и вместе с тем сохранить главные силы танковых армий для борьбы с ближайшими оперативными резервами противника и для действий в оперативной глубине.

Исходный рубеж выдвижения танковых армий находился на удалении 6–8 км от переднего края обороны противника, и танки вошли в прорыв на узком участке фронта Задельное – Журавлиный (исключительно), ширина которого не превышала 5 км, однако к 12 часам передовые танковые бригады уже обогнали стрелковые части 5-й гв. А, а к 14 часам вслед за ними начали проходить основные силы армий генералов Катукова и Ротмистрова.

В отчете штаба 5-й гв. ТА о боевых действиях войск армии в Белгородско-Харьковской наступательной операции указывается [686 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 13–14.], что главные силы 1-й и 5-й гвардейской танковых армий были введены в бой около 13 часов 3 августа, не ожидая полного прорыва обороны противника.

По свидетельству главного маршала бронетанковых войск Советского Союза Павла Ротмистрова [687 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 209–210.], вечером 31 июля он встречался с командующими войсками 5-й гвардейской и 1-й танковой армий генералами Жадовым и Катуквым, чтобы вместе с начальниками штабов и оперативных отделов армий согласовать вопросы взаимодействия по этапам операции, а главное – наметить маршруты движения вводимых в прорыв танковых корпусов в полосе наступления 5-й гв. А. В ходе встречи особое внимание было обращено на то, что прорыв осуществляется на очень узком участке, поэтому, как только ударные части 5-й гв. А прорвут первый оборонительный рубеж противника, за ними тотчас же двинутся войска вторых эшелонов и тылы, перекрыв и заблокировав все намеченные маршруты движения танков (именно так, как произошло в июле на Западном фронте при вводе в бой 5-го тк в полосе 11-й гв. А. – П. Б.). В относительно узкой полосе прорыва предстояло двигаться одновременно четырем танковым корпусам – первым эшелонам двух танковых армий, для которых нормально требовалось не менее восьми маршрутов, но, поскольку такой возможности не было, решили двигать танковые корпуса по четырем маршрутам. Для того чтобы эти маршруты не оказались занятыми другими войсками, колонны бригад первых эшелонов танковых корпусов необходимо было держать на удалении не более 2–3 км от атакующей пехоты. Соответственно, штабы армий условились обратить особое внимание на

организацию четкой совместной службы регулирования движения и систему опознавания при бое в глубине.

В итоге основная работа по оборудованию маршрутов движения танков от переднего края до рубежа ввода в сражение, а также организация комендантской службы была осуществлена инженерно-саперными частями ВорФ и войсками 5-й гв. А [688 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 63–64.].

Однако оперативная ситуация, складывавшаяся по ходу первого дня сражения, внесла дополнительные трудности в организацию ввода в прорыв бронетанковых объединений ВорФ. В связи с тем, что 5-й гв. А не удалось отбросить противника за реку Ворскла в полосу, намеченной для ввода в бой 1-й ТА, командующий фронтом генерал Ватугин решил ввести танковую армию на участке Задельное – Веселый, вследствие чего ее полоса оказалась сужена до 2 км. Маршал Катукоев вспоминает [689 - Катукоев М. Е. Указ. соч. С. 291–292.], что 1-я ТА вводилась в прорыв по правой стороне 5-километрового коридора двумя корпусными колоннами, а слева таким же порядком двигалась 5-я гв. ТА и никто из них за всю войну еще никогда не видел такого скопления бронетехники на узком участке фронта, причем с воздуха продвижение обеих танковых армий прикрывала только одна эскадрилья истребительной авиации. В действительности 3 и 4 августа танковые армии поочередно прикрывали разные эскадрильи из состава частей 5-го иак, однако эти эскадрильи дежурили по одной, поэтому, по воспоминаниям капитана Арсения Ворожейкина, командира эскадрильи 728-го истребительного полка майора Владимира Василяки из 256-й истребительной авиадивизии полковника Николая Герасимова, истребителей прикрытия было явно недостаточно [690 - См.: На огненной дуге. С. 208–216.]. Командование 2-й ВА ВорФ уделило особое внимание авиационной поддержке танковых армий (так, для поддержки боевых действий 1-й ТА была выделена 235-я истребительная авиадивизия генерала Ивана Лакеева), но предусмотрело в специальном порядке не столько защиту танковых частей истребительной авиацией, сколько обеспечение силами истребителей тех бомбоштурмовых ударов, которые осуществлялись в интересах танкистов. В частности, после завершения прорыва вражеской обороны войсками 5-й и 6-й гвардейских армий 5-й шак, которым командовал генерал Николай Каманин, должен был полностью перейти к содействию армиям генералов Катукоева и Ротмистрова, выделив каждой танковой армии по одной штурмовой авиадивизии (для этого командующие танковыми армиями и 2-й воздушной армией наметили объекты, по которым необходимо было нанести авиаудары при вводе танков в сражение, при прорыве второй полосы вражеской обороны и при действиях в оперативной глубине, а в штабе каждой танковой армии должен был находиться командир соответствующей штурмовой дивизии с рацией, чтобы наводить свои самолеты на цели) [691 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 342.]. В то же время управление истребительной авиацией оставалось централизованным и целиком осуществлялось командованием 2-й ВА, что и обусловило низкую оперативность действий истребителей и неадекватное ситуации распределение их сил. Даже 4 августа, когда обе танковые армии уже рассредоточили или развернули свои части в походных и боевых порядках, А. Ворожейкин отметил беспомощность и уязвимость с воздуха массы войск, вышедших из укрытий и двигавшихся на Томаровку [692 - См.: На огненной дуге. С. 209–210.]. Однако немцы упустили удобный момент для поражения советских ударных бронетанковых сил массовой атакой с воздуха. Это

объяснялось тем, что германское наземное командование совершенно не ожидало советского наступления и не подготовилось к его отражению, поэтому не договорилось о поддержке со стороны военно-воздушных сил, а командование 4-го ВФ вначале не сориентировалось в обстановке и не смогло определить направление главного удара неприятеля.

В авангарде 1-й ТА двигались передовые 200-я и 49-я танковые бригады 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов под командованием полковника Николая Моргунова и подполковника Александра Бурды, которые около 11.40 и 13.30 соответственно обогнали стрелковые части в районе Задельного и начали преследование противника. Главные силы танкового и механизированного корпусов, каждый из которых был усилен гвардейским минполком (79-м и 316-м полками соответственно), около 14 и 16 часов закончили переправу через реку Ворскла и, следуя тремя колоннами каждый (танковый корпус на правом фланге армии, механизированный – на левом), вошли в прорыв вслед за своими передовыми бригадами. 31-й тк, находившийся во втором эшелоне 1-й ТА, следовал за 3-м мк. Армейский артиллерийско-противотанковый резерв – 28-я иптабр – выдвигался за 6-м тк с целью прикрытия танковой армии от ударов противника с запада. Прикрытие с воздуха осуществляла 8-я зенитно-артиллерийская дивизия полковника Ивана Каменского: два зенитных полка находились в корпусах первого эшелона, один полк прикрывал командный пункт армии, а еще один защищал с воздуха тыловые подразделения, части и учреждения.

Несмотря на то что для организации переправы войск 1-й ТА через Ворсклу в километре от берега реки был развернут вспомогательный пункт управления, из-за задержек на переправах главные силы 6-го танкового и 3-го механизированных корпусов входили в прорыв по частям, поэтому ко второй полосе обороны противника подошли уже после 18 часов [693 - Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 74, 76.]. Основной причиной сложившейся ситуации явилась незавершенность инженерного оборудования переправ через Ворсклу – танки передовых отрядов, прошедшие через переправы, сделали подходы к мостам непроходимыми, так что следующие колонны остановились. Однако на противоположном берегу условия движения также оказались затруднены, поскольку войска вынуждены были двигаться одной дорогой, которая имела очень много спусков и подъемов, из-за чего в узких и труднопроходимых местах дороги постоянно образовывались заторы. Все это значительно отразилось на ходе последующих боевых действий, так как задержка с вводом главных сил 1-й ТА позволила немецкой 19-й тд сосредоточиться в районе Томаровки и занять там укрепленные позиции совместно с отошедшими пехотными частями.

Казалось бы, советское командование получило наглядный урок на будущее, что для ввода танковой армии в сражение следует назначать значительно более протяженную полосу местности, чем решил генерал Ватутин, и не менее четырех маршрутов. Как отмечает генерал Радзиевский [694 - Радзиевский А. И. Указ. соч. С. 124.], опыт показал, что полоса шириной 5–6 км была недостаточной для ввода в сражение танковой армии, затрудняла ее выдвижение, развертывание и нанесение массированного танкового удара. Тем не менее всего лишь через год, в ходе Львовско-Сандомирской наступательной операции (проводилась с 13 июля по 29 августа 1944 года), командующий 1-м

Украинским фронтом маршал Конев принял решение ввести в сражение 3-ю гвардейскую и 4-ю танковые армии по так называемому «колтовскому коридору», представлявшему узкую брешь в обороне противника шириной 4–6 и протяженностью около 16–18 км. В результате два танковых и один механизированный корпуса пришлось задействовать для обеспечения флангов коридора, пока обе танковые армии вводились в прорыв по одному маршруту, что затянуло их ввод на четверо суток, причем армии не могли немедленно приступить к выполнению задач, так как оказались без необходимых тылов и материальных средств.

Как свидетельствует генерал Андрей Гетман [695 - Гетман А. Л. Указ. соч. С. 104–105.], 6-й тк планировалось ввести в бой тогда, когда стрелковые части овладеют населенным пунктом Задельное на первой полосе обороны противника, с задачей стремительным ударом выбить немцев из опорных пунктов в поселках Пушкарное и Стрелецкое, расположенных на берегу Ворсклы северо-восточнее Томаровки. Корпус был развернут в два эшелона: две бригады в первом эшелоне – 22-я танковая и 6-я мотострелковая, 112-я тбр во втором эшелоне, а усиленная 200-я тбр в качестве передового отряда. Передовая 200-я тбр под командованием полковника Николая Моргунова около 7 часов форсировала реку Ворскла в районе хутора Веселый, к 12 часам обогнала в районе Задельного боевые порядки наступающей пехоты 32-го гв. ск, затем внезапным ударом с ходу овладела Стрелецким, где были расположены позиции корпусной артиллерии противника, а к 16 часам завязала бои за Пушкарное. Здесь бой оказался продолжительнее, однако вслед за передовым отрядом к Пушкарному подошел первый эшелон 6-го тк, что позволило полностью окружить и уничтожить этот опорный пункт. Не ожидая взятия Пушкарного, находившуюся на марше 112-ю тбр второго эшелона под командованием полковника Михаила Леонова (Михаил Трофимович Леонов) генерал Гетман направил на Томаровку, куда она вышла к исходу дня и вступила в бой с частями 19-й тд немцев. Таким образом, за день 6-й тк продвинулся на 20 км и передовыми отрядами перерезал рокадную грейдерную дорогу Томаровка – Белгород.

Передовая 49-я тбр 3-го мк под командованием подполковника Александра Бурды, взаимодействуя со стрелковыми частями 97-й гв. сд гвардии полковника Ивана Анциферова, выбила противника из Домнина, где оборонялся 73-й пгп 19-й тд [696 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 16.] под командованием майора Йоханнеса Хорста (Johannes Horst). К исходу 3 августа 6-й тк вел бои за северо-восточную окраину Томаровки, а 3-й механизированный – в районе Домнин – Степное. Хотя 1-й ТА не удалось в первый же день операции с ходу прорвать основными силами вторую полосу обороны противника, но ее передовые соединения в течение ночи с 3 на 4 августа продолжали активно действовать усиленными разведывательными группами.

На участке наступления 5-й гв. ТА 32-я и 110-я передовые танковые бригады из состава развернутых в первом эшелоне 29-го и 18-го танковых корпусов к 13 часам также вышли ко второй оборонительной полосе немцев. После этого по решению командования армии оба танковых корпуса были развернуты на рубеже ввода в прорыв шириной около 4 км и введены в бой – 29-й тк генерала Ивана Кириченко двинулся западнее, на Степное, а восточнее развернулись бригады 18-го тк, командование которым незадолго до наступления принял полковник Александр Егоров (Александр Васильевич Егоров в июле

сменил на этом посту генерала Бориса Бахарова). Оба корпуса прошли через коридор, образованный препятствиями на местности и минными заграждениями противника, самостоятельно завершили прорыв второй оборонительной полосы неприятеля и преодолели тактическую зону вражеской обороны, не ожидая подхода стрелковых частей. Передовая 110-я тбр 18-го тк, которой командовал полковник Иван Колесников (Иван Михайлович Колесников), перерезала рокадную железнодорожную линию Томаровка – Белгород, изолировав друг от друга Томаровский и Белгородский узлы обороны немцев; передовая 32-я тбр 29-го тк под командованием полковника Алексея Линева прорвалась в район населенного пункта Саенков; 5-й гв. мк вошел в прорыв во втором эшелоне танковой армии, а за ним следовал армейский резерв – сводный отряд под командованием генерала Кузьмы Труфанова, сформированный аналогично периоду боев под Прохоровкой [697 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 14.].

Командующий 5-го шак генерал Николай Каманин в период с 7.43 до 19.30 задействовал в бою 143 самолета-штурмовика, которые совершили 356 самолето-вылетов, в основном на поддержку 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, нанося удары по скоплениям войск противника и его подходящим резервам в районах Журавлиный, Задельное, Стрелецкое, Березов [698 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 345.]. В частности, с 14.20 до 15.30 над участком прорыва 1-й ТА в воздухе находилось 19 групп штурмовиков из состава 264-й штурмовой авиадивизии полковника Николая Оленева, по 6–8 самолетов в группе, занятые подавлением противотанковой обороны немцев [699 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 288.]. Наступление 5-й гв. ТА обеспечивала 4-я гв. штурмовая авиадивизия генерала Георгия Байдукова. Командиры обеих указанных авиадивизий находились на командно-наблюдательных пунктах танковых армий.

Войска 6-й гв. А перешли в наступление по всему фронту, но основные усилия сосредоточили на своем левом фланге, на участке 23-го гв. ск под командованием генерала Николая Таварткиладзе. Атака его частей оказалась направлена против левого фланга немецкой 332-й пд, сопротивление которой быстро ослабло благодаря мощной артиллерийской поддержке армейской и приданной артиллерии, а также успешному наступлению 5-й гв. А и двух танковых армий на смежном участке. В полосе 6-й гв. А была сосредоточена 17-я артдивизия прорыва из состава 7-го акп РГК под командованием генерала Сергея Волкенштейна, переброшенная с БрФ после овладения Болховом: легкая бригада, пушечная и гаубичная бригады, тяжелые пушечная и гаубичная бригады, минбригада [700 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 338.]. Действия 6-й гв. А поддерживала отдельная 291-я штурмовая авиадивизия под командованием полковника Андрея Витрука, экипажи которой за день совершили 137 самолето-вылетов [701 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 345.]. В результате в первой половине дня 23-му стрелковому корпусу удалось овладеть важным узлом сопротивления в системе неприятельской обороны – опорными пунктами в селах Драгунское и Казацкое.

Южнее этого рубежа продвижение 6-й гв. А было приостановлено контратаками частей 19-й тд, подошедшими во второй половине дня из района Томаровки. Для того чтобы нанести поражение выдвигающимся из глубины резервам противника, Томаровка и прилегающие районы несколько раз за день подвергались ударам бомбардировщиков 2-й

ВА из состава 202-й отдельной бомбардировочной авиадивизии полковника Степана Нечипоренко: первый удар был нанесен в период с 12.10 до 12.23 силами 43 самолетов Пе-2; второй удар последовал около 18 часов силами 63 Пе-2, которые бомбардировали район Борисовки и дорогу Томаровка – Грайворон (оба удара проходили без противодействия истребительной авиации противника, так что в целом за день потери 202-й бомбардировочной дивизии составили всего 1 самолет при 173 выполненных самолето-вылетах) [702 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 346.].

В целом активность германской авиации в полосе ВорФ в первый день сражения оказалась крайне низкой – в нескольких боях задействовались небольшие группы немецких бомбардировщиков и истребителей. По мнению В. Горбача [703 - См. там же. С. 348–350.], командование 4-го ВФ стремилось как можно эффективнее использовать свои силы, поэтому массированно применяло авиацию только после установления направления главного удара противника. Соответственно, первый бомбардировочный удар был нанесен в районе Яковлево около 9 часов утра 3 августа с участием всего 9 самолетов-бомбардировщиков типа Ju-88 из состава эскадры, базировавшейся на аэродроме Полтавы. Более крупные группы немецких пикирующих бомбардировщиков и бомбардировщиков стали появляться над полем боя во второй половине дня – в период с 14.30 до 15.30, когда 24 Ju-87 и звено He-111 бомбардировали войска 6-й гв. А в районе Черкасское и Триречное. Однако колонны танковых и механизированных частей 1-й и 5-й гвардейской танковых армий избежали бомбоштурмовых ударов. Основные усилия германских бомбардировщиков 3 августа были сосредоточены в полосе СтепФ, поскольку советское командование сконцентрировало здесь бомбардировочную и штурмовую авиацию 5-й ВА, которая своим непрерывным воздействием способствовала продвижению войск 53-й и 69-й армий фронта. Соответственно, в начале дня германское командование, по-видимому, посчитало прорыв советских войск на участке Журавлиный – Вислое главным направлением вражеского наступления. В результате с 13 до 15 часов сюда были направлены три группы Ju-87 и Ju-88 силами от 18 до 30 самолетов.

Согласно боевому донесению командующего войсками ВорФ Верховному главнокомандующему об обстановке, направленному в 24 часа 3 августа 1943 года [704 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 213–215.], в результате наступательных боев на Томаровском направлении войска 6-й гв. А прорвали тактическую глубину обороны противника и за день продвинулись до 7 км. Отрадив контратаки противника, проведенные силами до двух батальонов пехоты с 15 танками из Ямного в направлении юго-западнее Казацкого, а также до батальона пехоты с танками из Томаровки на Красный Острожек, к исходу дня войска армии вели бой на рубеже 1 км западнее Бутово – южная окраина Красного Острожка. По неполным данным, частями 23-го гв. ск уничтожено до 750 солдат и офицеров противника, 35 автомашин, 8 танков, 8 орудий, захвачено 106 пленных и трофеи: 18 орудий, 32 пулемета, 37 автомашин, 8 подбитых танков, 7 мотоциклов, 2 повозок, 2 склада с боеприпасами.

5-я гв. А, преодолевая упорное огневое сопротивление противника, за день боя продвинулась вперед до 10 км, освободила свыше 30 населенных пунктов, в том числе Триречное, Драгунское, Стрелецкое, Пушкарное, Задельное, Березов, Яхонтов, и к исходу

дня вышла на рубеж (исключительно) Красный Острожек – Степное – роши западнее Раково (северное) – Раково (северное).

1-я ТА перешла в наступление в 14.30 и к 16 часам передовыми частями овладела Домнином. Главные силы армии в 17 часов достигли рубежа Ново-Александровка – Лог Степной. По данным 5-й гв. А, к исходу дня части 1-й ТА ведут бой в районе Томаровки.

5-я гв. ТА в 14.30 сломала упорное сопротивление противника на рубеже Стрелецкое, к 16 часам передовыми частями 18-го тк перерезала железнодорожную линию Томаровка – Белгород и к исходу дня продвинулась до 24 км. По данным 6-й гв. А, части 5-й гв. ТА вели бой в районе Большого Должика.

На Томаровском направлении противник частями 332-й и 167-й пехотных дивизий, 19-й и 6-й танковых дивизий, а также пехотным полком и саперным батальоном 57-й пд оказывал сопротивление наступающим войскам фронта огнем и контратаками, организованными во второй половине дня силами до двух пехотных батальонов с 50 танками на участке Ямное – 1 км севернее Новой Глинки – Пушкарное – Домнин (в бою под селом Ямное погиб командир 213-го гв. сп 71-й гвардейской дивизии гвардии майор Александр Турпанов, а со стороны немцев 3 августа погиб командир 164-го гп 57-й пд, кавалер Рыцарского креста подполковник Герман Ленц (Hermann Lenz). – П. Б.).

Таким образом, к исходу первого дня операции части 1-й ТА вклинились в оборону противника на 20 км, вышли передовыми частями на рубеж восточная окраина Томаровки – Домнин и продолжали развивать наступление на села Калинино, Кулешовка. Части 5-й гв. ТА к исходу дня 3 августа достигли района Саенков – Добрая Воля, прорвавшись в глубину вражеской обороны на 24–26 км и перерезав основные дороги, связывающие белгородскую и томаровскую группировки немцев. В результате танковые армии ВорФ своими передовыми отрядами преодолели тактическую зону обороны противника, а немецкий 11-й ак группы «Кемпф» (белгородская группировка) оказался изолирован от основных сил 4-й ТА (томаровско-борисовская группировка). Части 5-й и 6-й гвардейских армий ВорФ в первый день наступления завершили прорыв главной оборонительной полосы немецкой 4-й ТА и продвинулись на 8–12 км, выйдя на рубежи: 6-я гв. А – Бутово – Красный Острожек, 5-я гв. А – Красный Острожек (исключительно) – северная окраина Раково. В связи с этим немецкая 255-я пд вынуждена была отвести назад свой правый фланг, заняв позиции на участке Новая Глинка – Томаровка, что значительно увеличило полосу ее обороны.

Вместе с тем, по оценке штаба 5-й гв. ТА [705 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 15.], продвижение ее войск в первый день операции в среднем составило около 20 км, что было меньше как запланированного среднего темпа – 33,3 км в сутки, так и ближайшей задачи дня, поставленной на глубину 40 км. Главной причиной отставания ударных группировок 1-й и 5-й гвардейской танковых армий по глубине продвижения от плана операции являлись недостатки инженерного обеспечения ввода в бой бронетанковых соединений по узкому коридору прорыва.

На СтепФ войска 53-й А и 48-го ск 69-й А в первый день операции продвинулись на 7–9 км, последовательно блокируя и ликвидируя узлы сопротивления и опорные пункты, занятые частями 167-й и 168-й пехотных дивизий противника. По утверждению маршала Конева [706 - Конев И. С. Указ. соч. С. 29.], перед наступлением передний край германской обороны был обработан артиллерией фронта, вся огневая система неприятеля подавлена, а затем, после выявления оставшихся неподавленными огневых точек, они были уничтожены повторным артиллерийским налетом и ударами авиации 5-й ВА, специально организованными ее командующим генералом Сергеем Горюновым. В отличие от авиации ВорФ 5-я ВА специально ориентировалась на содействие наступлению 53-й А и 1-го мк, поэтому для ударов по объектам непосредственно на поле боя было выделено до 70 процентов всех самолетовылетов штурмовых авиационных соединений, тогда как 1-му бак ставилась задача изолировать поле боя от притока резервов противника, для чего планировалось свыше 60 процентов всех самолето-вылетов [707 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 342.].

Оказывая поддержку наступлению наземных войск, в период с 8.30 до 8.45 авиация 5-й ВА нанесла второй массированный удар по обороне противника силами 100 самолетов-бомбардировщиков под прикрытием 80 истребителей, в результате которого по участку немецкой обороны площадью 7 кв. км было сброшено 110 тонн бомб с плотностью 17 тонн на 1 кв. км. В район населенного пункта Вислое, расположенный против стыка смежных флангов 53-й и 69-й армий приблизительно в 12–14 км севернее Белгорода, где противник подготовил сильный опорный пункт и оказывал упорное сопротивление, командование 5-й ВА направило около 60 самолетов-штурмовиков из состава 1-го шак под командованием генерала Василия Рязанова, которые, атакуя группами по 12–15 самолетов, нанесли тяжелые потери артиллерийским и пехотным частям 167-й пд и способствовали захвату Вислого.

В ходе этого второго удара зенитная артиллерия немцев практически перестала оказывать противодействие авиации противника (по-видимому, она была уже подавлена артогнем и бомбардировкой), тогда как усилия германской истребительной авиации оказались сосредоточены в полосе ВорФ. К началу советского наступления на угрожаемом направлении могла действовать только одна 3-я группа 52-й истребительной эскадры под командованием капитана Гюнтера Ралля (Günther Rall), переброшенная из района Карачева. Кроме этого, к борьбе против советской авиации были привлечены самолеты-штурмовики типа Fw-190 из состава 1-й штурмовой эскадры, а также 6-я группа ближней разведки (базировалась севернее Харькова), вооруженная истребителями типа Vf-109 [708 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 255, 257.]. В течение 3 августа немецкие штурмовики и разведчики смогли одержать всего по одной воздушной победе, сбив 2 вражеских штурмовика типа Ил-2, тогда как пилоты истребительной группы заявили об уничтожении около 30 советских самолетов, из которых 12 составляли Ил-2, а все остальные были идентифицированы как истребители (при этом безвозвратные потери немцев составили 3 самолета) [709 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 350.]. Среди немецких пилотов-истреби телей 52-й истребительной эскадры, отличившихся 3 августа по числу заявленных побед над самолетами противника, был и лейтенант Эрих Хартманн (Erich Hartmann), который до сих пор ничем себя не проявил, но с этого времени начал успешную карьеру одного из лучших экспертов германской истребительной авиации,

строивших свою тактику на внезапных стремительных атаках с пикирования и уклонении от затяжного маневренного боя с большими группами советских истребителей. За время до 20 августа Эрих Хартманн записал на свой счет 73 пораженных советских самолета (хотя это и не означает, что все самолеты были уничтожены).

По данным оперативных сводок Воронежского и Степного фронтов [710 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 350.], безвозвратные потери 2-й и 5-й воздушных армий составили 40 самолетов, не считая поврежденных машин, причем 28 самолетов потеряла 2-я ВА и только 12 самолетов – 5-я ВА. Как видно, в полосе СтепФ немецкие истребители и зенитная артиллерия действовали недостаточно результативно сравнительно с той активностью, которую здесь развила советская авиация – в течение 3 августа летный состав 2-й ВА совершил 1556 самолето-вылетов, из которых 292 ночью, тогда как 5-я ВА обеспечила 1115 дневных самолето-вылетов (для сравнения: немецкий 8-й авиакорпус организовал 3 августа всего 521 самолето-вылет, включая 286 самолето-вылетов двухмоторных и пикирующих бомбардировщиков) [711 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 352, 495.].

Наступление войск 53-й А и 48-го ск поддерживалось практически непрерывными действиями штурмовой авиации 5-й ВА, наносившей удары группами от 12 до 24 машин. Так, на подступах к господствующей высоте в 4 км западнее Вислого продвижение войск 53-й А было оста новлено мощным узлом сопротивления 167-й пд немцев, прикрытым минными полями и защищавшимся огнем около 15 артиллерийских и минометных батарей. Две сильные группы бомбардировщиков и штурмовиков подавили огневую систему противника, после чего удалось разминировать подходы к вражеским позициям и овладеть высотой.

Согласно воспоминаниям командующего 53-й А генерала Ивана Манагарова [712 - См.: Огненная дуга. С. 525–527.], после артиллерийской и авиационной подготовки (по свидетельству Манагарова, артподготовка началась не в 5 часов утра 3 августа, а в 5.13) в 8 часов в атаку перешли дивизии первого эшелона 53-й и 69-й армий, сопровождаемые танками непосредственной поддержки и огневым валом на рубеже второй и третьей траншей первой германской позиции. Главный удар в центре боевых порядков 53-й А наносили части 28-й гв. сд под командованием генерала Георгия Чурмаева при поддержке 148-го инженерно-танкового полка под командованием полковника Лейбы Лифица, а на флангах наступали 116-я и 252-я дивизии. Система укреплений первой позиции главной полосы немецкой обороны оказалась серьезно нарушена артогнем, поэтому войска 53-й А к 15–16 часам продвинулись на глубину до 6 км, отбросив противостоящие им части 167-й немецкой пд и выйдя на линию Гремучий – Ерик (три немецких гренадерских полка неполного состава были атакованы тремя советскими дивизиями. – П. Б.). Здесь они были задержаны тактическими резервами противника, которым удалось завязать траншейные бои, воспользовавшись рубежом маленькой речки Ерик, причем противник начал проводить контратаки с применением огнеметных танков, появившихся в районе села Гонки [713 - См.: Вязанкин И. А. За строкой боевого донесения. М.: Воениздат, 1978. С. 42.] (в ходе Курской битвы по одному или два взвода огнеметных танков имели в своем составе три танковые дивизии групп армий «Центр» и «Юг» – 2, 6, 11-я [714 - См.: Росадо Х., Бишоп К. Указ. соч. С. 25, 66–67, 108.], из которых 2-я тд 3 августа вела бои на

Орловском плацдарме, 11-я находилась во втором эшелоне немецкой 4-й ТА в районе Головчино, а 6-я действовала под Белгородом, так что, по всей вероятности, именно семь машин типа Pz Kpfw III (Fl) 5-го взвода 8-й роты 11-го тп 6-й тд контр атаковали бойцов 53-й А. – П. Б.). Контратаки были отбиты с использованием артиллерии сопровождения пехотных полков – взводов 45-мм противотанковых пушек и батарей 76-мм полковых орудий, но активное противодействие противника повлекло за собой серьезные потери в частях 28-й гв. сд, а также соседней 252-й сд, которой командовал генерал Георгий Анисимов (Георгий Иванович Анисимов. – П. Б.). По воспоминаниям начальника штаба 89-го гв. сп 28-й гв. сд Ивана Вязанкина [715 - Вязанкин И. А. Указ. соч. С. 42–43.], многие гвардейцы, вступив в единоборство со страшными огнеметными танками, не дрогнули, не отступили и теперь лежали мертвые, обратив обугленные лица только в сторону врага. Немецкая авиация силами до 30 самолетов нанесла бомбоштурмовой удар по тылам 28-й гв. сд, в результате чего 86-й гв. сп понес большие потери в конском составе [716 - Вязанкин И. А. Указ. соч. С. 43–44.]. Борьба за прорыв третьей позиции первой полосы обороны противника затянулась. Поэтому, когда 89-й гв. сп 28-й гвардейской дивизии овладел населенным пунктом Гремучий, а 92-й гвардейский полк этой дивизии – колхозом «Смело к труду», командующий 53-й армией по указанию командования фронта ввел в бой соединения 1-го мк. В первом эшелоне корпуса наступали 19-я и 37-я механизированные и 219-я танковая бригады, а во втором – 35-я мбр, которые к 17 часам вышли в район Яхонтово (Яхонтов) – Раково. Здесь 37-я мбр под командованием подполковника Павла Владимировича Цыганенко обходным маневром овладела хутором Яхонтово, а 19-я мбр подполковника Владимира Васильевича Ершова, наступавшая из Гремучего, к исходу 3 августа прорвалась южнее хутора Ерик и заняла сам хутор, завершив прорыв главной оборонительной полосы неприятеля.

Тем не менее, несмотря на всю силу удара СтепФ на Белгородском направлении, к исходу 3 августа соединения немецкого 11-го ак оперативной группы «Кемпф» продолжали удерживать вторую полосу своей обороны и, отступив с главной полосы, закреплялись на промежуточных рубежах, прикрывавших подступы к Белгороду.

На участке фронта 7-й гв. А, проходившем по реке Северский Донец южнее Белгорода, армейскими саперными подразделениями накануне наступления были построены 22 подводных (притопленных) моста, сделаны скрытые подходы к берегу реки и макеты мостов для организации ложных переправ [717 - См.: Кросс Р. Указ. соч. С. 269.]. Кроме этого, в ночь с 31 июля на 1 августа частям 78-й гв. сд генерала Александра Скворцова удалось переправить подкрепления на ранее захваченный небольшой участок западного берега Донца, который представлял собой болото в районе Соломино – Топлинка, и затем расширить этот участок до тактического плацдарма (командование немецкого 11-го ак назвало его «болотный плацдарм»). Однако вдоль всего западного берега Донца немцами была подготовлена прочная оборона, опиравшаяся на артиллерию, которая занимала хорошо укрытые и защищенные от контрбатарейного огня позиции на высотах, господствовавших над понижающейся к востоку речной долиной. Сектора обстрела перекрывали не только известные переправы, но также вероятные районы сосредоточения и маршруты передвижения на обоих берегах реки. Поэтому, по мнению командующего 11-м ак группы «Кемпф» генерала Эрхарда Рауса (Erhard Raus) [718 - Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте / Пер. с англ. А. Больных. М.: АСТ, 2005. С. 314–320.],

дневное форсирование Донца и атака с плацдарма были невозможны, но разведывательные поиски русских, участвовавшие по ночам, позволяли предположить возможность их наступления в темное время суток.

Вместе с тем, несмотря на сложные условия, советское наступление в этой полосе все-таки началось на рассвете 3 августа, с двухчасовой артподготовки по районам севернее и южнее «болотного плацдарма», под прикрытием которой соединения 7-й гв. А начали форсирование Северского Донца на двух указанных участках. Немецкая артиллерия открыла контрбатарейный огонь и стрельбу по переправам. Первый удар был отбит с помощью германской штурмовой авиации, но вечером того же дня, когда авиация была перенацелена на другой район, новая попытка переправы оказалась более успешной. Советские штурмовые отряды глубоко вклинились в позиции 320-й пд и к утру 4 августа продвинулись до второй позиции главной полосы ее обороны, использовав военную хитрость – часть атаковавших была переодета в немецкую военную форму и маскировалась под видом подразделений, прибывших из резерва [719 - Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте / Пер. с англ. А. Больных. М.: АСТ, 2005. С. 326–328.].

Согласно боевому донесению командующего войсками СтепФ Верховному главнокомандующему об обстановке, направленному в 24 часа 3 августа 1943 года [720 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 34–36.], войска фронта, начав артиллерийское наступление в 5.00 3 августа, в 7.55 атаковали противника на фронте: северная окраина леса Журавлиный – северная окраина Вислое – северная опушка леса в урочище Ямская Дача. Пехотные части 53-й А и правого фланга 69-й А прорвали оборону по фронту 12 км на глубину 6–9 км и к 20 часам вышли на рубеж высот южнее, юго-западнее и восточнее Ерика, Яр Стадника, Яр Глубокое, северная окраина Шопино, обтекая лес в урочище Ямская Дача с запада.

53-я А силами 28-й гвардейской, 116-й и 252-й стрелковых дивизий атаковала противника и, прорвав его оборону, преодолевая сопротивление и минные поля, отражая контратаки, вышла на фронт: высота 2,5 км южнее Гремучего – Ерик – 1,5 км восточнее Ерика. 1-й мк передовыми частями вышел на глубину до 16 км к северным окраинам Казацкое, Стрелецкое, сосредоточив главные силы в районе леса в 2 км южнее Ерика.

69-я А силами 89-й гвардейской, 183, 305 и 375-й стрелковых дивизий атаковала противника, прорвала его оборону и, отражая неоднократные контратаки противника из района Шопино, к исходу дня вышла на фронт: Яр Ставница – Яр Глубокое, ведя бой за Шопино.

7-й гв. А попытки противника отбросить ее части с западного берега реки Северский Донец на участке Соломино – Пуляевка были отбиты. На остальных участках фронта армии противник активности не проявлял.

Прорыв прошел организованно и был для противника, по показаниям пленных, полной внезапностью. Попытки противника на отдельных участках прорыва организовать контратаки с вводом танков были решительно отбиты. Войсками фронта заняты пункты Журавлиный, Редин, колхоз «Смело к труду», Гремучий, Гонки, Вислое, Калинино,

Терновка, Ерик. Противник оставил на поле боя большое количество убитых и материальной части. В боях взято в плен 105 солдат и офицеров, 93 из которых принадлежат к 167-й пд. 167-я пд, на которую обрушился главный удар, почти полностью разбита, а 168-я пд понесла большие потери. По предварительным данным, уничтожено 70 танков, 200 автомашин, 5 бензоцистерн, взорвано 15 складов с боеприпасами и горючим, подавлено 12 полевых и 16 зенитных батарей.

ВВС фронта за 3 августа произвели 1087 самолето-вылетов, из которых на штурмовку – 373, бомбометание – 250, сопровождение – 291, прикрытие войск – 138, разведку – 31; противником совершено до 250 самолето-пролетов. Потери 5-й ВА составили 6 самолетов, не вернулся с боевого задания 21 самолет.

В целом 3 августа 53-я А и 48-й ск 69-й А продвинулись на 7–9 км, а 1-й мк – на 15 км. Однако за первый день наступления войска СтепФ так и не завершили прорыв тактической зоны обороны оперативной группы «Кемпф», которая в районе Белгорода была максимальной глубины и достигала 18 км [721 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 343.].

В боях 3 августа войска Воронежского и Степного фронтов нанесли тяжелые потери 332-й и 167-й пехотным дивизиям (по некоторым данным [722 - См.: Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 259; ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1073сс. Д. 6. Л. 34–43.], 167-я дивизия полностью потеряла один гренадерский полк, наступающими советскими войсками была захвачена вся материальная часть дивизионных 167-го и 332-го артиллерийских полков), причинили серьезный урон 168-й и 320-й пехотным дивизиям, а также отдельным частям 19-й и 6-й танковых дивизий, которые германское командование ввело в бой для поддержки своей пехоты. К исходу первого дня сражения главная линия обороны немецкой 4-й ТА оказалась прорвана на всю глубину на 24-километровом участке Бутово – Глушинский, где в прорыв вошли многочисленные танковые и механизированные соединения противника. Восточнее, в полосе группы «Кемпф», механизированный корпус русских прорвался до Раково. Теперь фельдмаршал Манштейн, генералы Гот и Фангор должны были оперативно принять решение по поводу дальнейших оборонительных действий 4-й ТА. Вероятнее всего, к исходу 3 августа немцам еще не стал ясен истинный масштаб советского наступления, поэтому германское командование пока не освободилось от иллюзий по поводу результатов операции «Цитадель» и могло рассчитывать, что упорная оборона на втором тактическом рубеже быстро истощит силы противника. Вблизи от места прорыва находились три танковые дивизии, хотя и ослабленные, а главные узлы обороны, прикрывавшие Харьков с севера, – Томаровский и Белгородский, прочно удерживались германскими войсками. Русские уже отрезали эти узлы обороны друг от друга, но поскольку они находились на флангах участка прорыва, то, опираясь на них, командование 4-й ТА располагало возможностью сосредоточить здесь оперативные резервы и нанести контрудары по флангам участка вражеского вклинения. Контр удары должны были отрезать двигавшиеся в глубину советские танковые и механизированные соединения либо вынудить советское командование оттянуть часть сил для организации противодействия, что замедлило бы темпы наступления русских. Такой путь ведения обороны представлялся наиболее очевидным и в ходе войны на Восточном фронте был уже неоднократно с успехом апробирован обеими противоборствующими сторонами.

Следовательно, он также был ясен и для противника, поэтому германское командование не могло ожидать, что контрудары окажутся внезапными, а внезапность многое значила, учитывая незначительность тех сил, которые предполагалось использовать. Также следовало ожидать, что русские предпримут усилия для изоляции или полной ликвидации Томаровского и Белгородского узлов сопротивления, так что сосредотачиваемые здесь контрударные группировки могли быть втянуты в бои и потерять боеспособность еще до начала контрударов.

Соответственно, теоретически существовал и другой путь ведения обороны – начать отступление по всему фронту 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» к тыловой полосе оперативной зоны обороны, прикрывая отход арьегардами и отрядами прикрытия, задерживающими противника сопротивлением на промежуточных рубежах и в опорных пунктах. Танковыми дивизиями организовать параллельное преследование советских танковых и механизированных соединений, прорывающихся в глубь обороны на наиболее угрожаемом Богодуховском направлении, чтобы создать для них угрозу фланговых контрударов и прикрыть свои отходящие пехотные части от фланговых ударов вражеской бронетехники. Одновременно требовалось спешно подтягивать на тыловой оборонительный рубеж Ахтырка – Богодухов – Казачья Лопань – Журавлевка – Красный оперативные резервы, а также перебрасывать сюда войска и части усиления с других участков фронта, сосредотачивая группировку для решительного контрудара против развивающихся прорыв подвижных групп противника. Причем ГА «Юг» располагала силами, чтобы немедленно приступить к сосредоточению контрударной группировки, – в распоряжении командования группы оставались танковые дивизии СС «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг». Аналогичный путь ведения обороны был реализован генералом Моделем на Орловском плацдарме, и фельдмаршал Манштейн впоследствии действовал именно таким образом. Однако в первые дни наступления русских германское командование еще ни психологически, ни по развитию оперативной ситуации не было готово к организации общего отступления на фронте шириной около 200 км на расстояние до 100 км. Поэтому оно приняло наиболее простое решение вести упорную оборону и проводить фланговые контрудары силами трех дислоцированных вблизи от места прорыва танковых дивизий, опиравшихся на заранее подготовленные узлы сопротивления. В результате этого простого решения войска 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» понесли тяжелые потери, что в последующем отрицательно сказалось на эффективности контрударов, организованных командованием ГА «Юг» в районах Ахтырки и Богодухова, куда немцам все равно пришлось отойти.

С другой стороны, стремление командования 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» удержать Томаровский и Белгородский узлы сопротивления, группируя под их прикрытием танковые части, поставило перед командованием Воронежского и Степного фронтов неотложную задачу ликвидировать или надежно заблокировать данные узлы вражеской обороны. Вечером 3 августа командующий ВорФ приказал командующему 27-й А генералу Сергею Трофименко организовать 4 августа на всем фронте сильную боевую разведку и готовиться к переходу в наступление главными силами. Для обеспечения прорыва неприятельской обороны 4 августа в полосу 27-й А была переброшена часть артиллерии РГК, поддерживавшей наступление 5-й и 6-й гвардейских армий, в том числе 17-я артдивизия прорыва под командованием генерала Сергея Волкенштейна.

Командующему 5-й гв. ТА генералу Павлу Ротмистрову было приказано использовать 5-й гв. Зимовниковский мк для развития наступления из района Добрая Воля на Грязное – Таврово, чтобы во взаимодействии с войсками СтепФ окружить белгородскую группировку немцев.

2.2. Развитие обстановки в период 4–5 августа

С учетом успешного начала наступательной операции в ночь на 4 августа маршал Жуков передал командующим Воронежским и Степным фронтами следующие указания Ставки Верховного Главнокомандования [723 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 475–476.]:

- 1) с целью расширения фронта прорыва к западу с утра 5 августа начать наступление 27-й и 40-й армиями в общем направлении на Грайворон;
- 2) 6-й гв. А 5 августа овладеть Томаровкой и дальнейшим наступлением в юго-западном направлении решительно «сматывать» фронт неприятельской обороны с востока на запад;
- 3) 1-й и 5-й гвардейской танковым армиям быстро выдвинуться на линию Грайворон – Золочев – Казачья Лопань;
- 4) СтепФ овладеть Белгородом, после чего наступлением на юг «сматывать» немецкую оборону по западному берегу реки Северский Донец;
- 5) 53-й А и 1-му мк ускорить наступление в общем направлении на Микояновку.

В свою очередь, командующий фронтом генерал Ватутин обратил внимание Сталина, что его замысел позволяет все время последовательно наносить удары во фланг и тыл противника, расчленять его на отдельные группы, окружать, уничтожать и в итоге разрушить фронт противника на большом протяжении (при этом также достигалась рационализация использования имеющихся сил и средств, поскольку приданная артиллерия усиления и части поддержки могли перебрасываться по фронту от армии к армии, обеспечивая переход в наступление на следующем направлении. – П. Б.). Кроме того, в результате ВорФ займет выгодное исходное положение для занятия района Харькова во взаимодействии с Юго-Западным и Степным фронтами. Для наращивания удара Ватутин посчитал целесообразным также рекомендовать, чтобы 4-я гв. А – резерв Ставки – была перемещена к западу в район Суджи. 5 августа план дальнейших действий ВорФ по ликвидации белгородско-харьковской группировки немцев был утвержден Верховным главнокомандованием, став основанием проведения Белгородско-Богодуховской фронтовой наступательной операции.

В течение 4 августа упорные бои продолжались на всем левом фланге Воронежского и правом фланге Степного фронтов. Главная ударная группировка ВорФ продолжала развивать наступление в южном направлении, частью сил обходя Томаровский узел сопротивления немцев с востока. Главные силы 1-й ТА, разрушая тылы противника, прошли за день до 20 км и вышли в район Кулешовка – Клеменки, на подступах к Томаровке. По свидетельству генерала Николая Попеля [724 - Попель Н. К. Указ. соч. С.

186.], управление войсками 4-й ТА генерала Гота было полностью дезорганизовано, передовые отряды танковых бригад сталкивались на дорогах с движущимися к фронту колоннами вражеских автомашин, а немецкие саперы не успели снять указатели на границах минных полей и запоздали с уничтожением мостов (начальник транспортной службы ГА «Центр» полковник Герман Теске по поводу таких фактов поясняет [725 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 276.], что захват противником неповрежденных мостов объяснялся, во-первых, стремлением боевых частей использовать их в качестве удобного рубежа обороны, а во-вторых, подрыв каждого моста требовалось утвердить в штабе той армии, которая его контролировала).

22-я танковая и 6-я мотострелковая бригады 6-го тк 1-й танковой армии во взаимодействии с подошедшими к ним на помощь по указанию командования 6-й гв. А частями 5-го гв. тк генерала Андрея Кравченко объединенными силами при поддержке артиллерии атаковали Томаровку, однако немецкие 255-я и 332-я пехотные, 19-я танковая дивизии оказали здесь упорное сопротивление. Советские войска заняли только северные подходы к Томаровке. Для того чтобы не терять темп, командующий 6-м тк генерал Гетман принял решение силами 6-й мсбр, которой командовал полковник Иван Елин (Иван Павлович Елин), блокировать Томаровку с востока и севера, а главным силам корпуса (трем танковым бригадам) двигаться в обход Томаровки с востока – на Домнин, а затем повернуть на Богодухов, о чем было сообщено командованию 1-й ТА [726 - Гетман А. Л. Указ. соч. С. 106–107.]. Германские войска, удерживавшие Томаровский узел обороны, пытались огнем воспрепятствовать маневру подвижных соединений противника, но сила огня оказалась недостаточной, и в ночь с 4 на 5 августа три танковые бригады 6-го тк вышли в лес к западу от хутора Становой.

На левом фланге 6-го тк также успешно наступал 3-й мк генерала Семена Кривошеина. В первом эшелоне корпуса двигались 1-я механизированная и 1-я гвардейская танковые бригады под командованием полковников Федора Липатенкова и Владимира Горелова. В ночь с 3 на 4 августа разведывательная группа 1-й гв. тбр полковника Горелова, которой командовал лейтенант Георгий Бессарабов, обнаружила восточнее Домнина неприкрытый участок в обороне противника, куда к рассвету и перегруппировалась бригада. Утром 4 августа, пройдя через эту брешь, подразделения бригады двинулись в южном направлении. Командующий корпусом генерал Кривошеин немедленно использовал успех, перебросив на это направление 49-ю танковую и 1-ю механизированную бригады, которые вели бой в районе Степное. Быстро наступая на юг, танковые и механизированные соединения корпуса практически не встречали организованного сопротивления, сталкиваясь только с мелкими тактическими резервами, отдельными сводными группами и отрядами прикрытия немцев, пытавшимися занять выгодные позиции для обороны. Эти силы не могли задержать массу советских танков. Так, на подступах к речке Гостенка, в 4 км юго-восточнее Томаровки, группа лейтенанта Бессарабова встретила четыре немецких танка, атаковала их и уничтожила [727 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 77–78.] (по всей вероятности, эти машины вышли из ремонтных мастерских в Томаровке и следовали в немецкую 6-ю тд. – П. Б.). Используя благоприятную обстановку, к 12 часам 4 августа 3-й мк продвинулся еще на 20 км в южном направлении, вышел к реке Гостенка, по левому берегу которой проходил один из промежуточных рубежей обороны противника, и

форсировал ее в районе хутора Солохи. В результате войска 1-й ТА отрезали Томаровский узел обороны немцев от их опорного пункта в Бессоновке, где оборонялись части 6-й тд. После этого, опасаясь контрударов по своим оказавшимся открытыми флангам, командующий корпусом решил приостановить наступление и приказал бригадам перейти к обороне. Для прикрытия левого фланга Кривошеин выдвинул 3-ю мбр под командованием полковника Амазаспа Бабаджаняна.

В то же время 5-я гв. ТА весь день 4 августа вела упорные бои с частями немецкой 6-й тд, сосредоточенными в рощах в районе Орловка – Бессоновка – Саенков – Добрая Воля, где было сосредоточено до 40 танков на укрытых позициях [728 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 17.].

Около 3 часов ночи 5 августа 1943 года командующий войсками ВорФ генерал Ватугин направил командующим 5-й и 6-й гвардейскими, 1-й и 5-й гвардейской танковыми армиями приказ на устранение недостатков, допущенных в первые дни наступления [729 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 89. Л. 87–91.].

В приказе отмечалось, что в процессе боев 4 августа допущены следующие крупные недочеты и ошибки:

1. Недопустимо большой отрыв штабов корпусов 5-й гв. ТА, а также штаба 1-й ТА от их войск, что приводило к незнанию командирами и штабами обстановки.

2. В 6-й гв. А преобладали лобовые атаки и крайне мало применялся маневр для выхода в тыл противнику для его окружения и уничтожения. Этот крупный недочет допускался не только командирами стрелковых соединений, но даже командирами 5-го гвардейского и 6-го танковых корпусов, которые настойчиво стремились атаковать Томаровку в лоб, вместо того чтобы смело обойти узел обороны противника в Томаровке.

3. Отсутствовала настойчивость и стремительность наступления и движения вперед под различными, совершенно необоснованными предлогами, как, например: бомбежка авиацией противника; встреча на пути опорного пункта противника, который легко обойти; встреча тылового рубежа противника, который противником совсем не занят, и т. д. В особенности это относится к 5-й гв. ТА, командование которой и командование корпусов этой армии совершенно не выполнили поставленной задачи и ложно доносили о занятии ими пунктов Орловка и Бессоновка, которые к исходу дня удерживает противник. Во многих случаях имело место отставание артиллерии и отсутствовал должный порядок на дорогах, в колоннах и боевых порядках.

Командиры соединений и частей не проявили необходимой дерзости и решительности для выполнения поставленных им задач. Вследствие изложенных выше недочетов и ошибок задачи, поставленные на 4 августа 1943 года, всеми армиями полностью не выполнены.

В связи с изложенным генерал Ватугин приказал:

1. Всем командующим армиями и командирам соединений немедленно устранить отмеченные недочеты и под личную ответственность обеспечить полное выполнение задач.

2. Командующему 6-й гв. А (генералу Ивану Чистякову. – П. Б.) прекратить топтание войск перед опорными пунктами противника, обходить их главными силами, оставляя небольшие прикрытия для сковывания противника с фронта. Район Томаровки обойти и овладеть Томаровкой не позднее 10.00 5 августа 1943 года. К исходу 5 августа выйти на фронт Зыбино – Борисовка, а 5-му гв. тк – стремительно овладеть Борисовкой и выйти в район Головчино.

3. Командующему 5-й гв. А (генералу Алексею Жадову. – П. Б.) к исходу 5 августа выйти на рубеж (исключительно) Борисовка – Большая Гостенка – Дырдын – Щетиновка – Микояновка. Правифланговыми частями обойти Томаровку с востока и юга и совместно с частями 6-й гв. А окружить и уничтожить противника в этом районе.

4. Командующему 1-й ТА (генералу Михаилу Катухову. – П. Б.) к исходу 5 августа выполнить боевую задачу, поставленную боевым приказом на наступление.

5. Командующему 5-й гв. ТА (генералу Павлу Ротмистрову. – П. Б.) прекратить топтание на месте, наладить управление войсками, приблизить к войскам штабы корпусов и, перейдя в решительное наступление, во что бы то ни стало выполнить поставленную боевую задачу. Силами 5-го гв. мк нанести удар в направлении Ближний – Грязное и далее в тыл Белгорода, с задачей совместно с частями СтепФ в кратчайшее время овладеть Белгородом.

6. Командующему 2-й ВА (генералу Степану Красовскому. – П. Б.) силами 5-го истребительного и 1-го бомбардировочного авиационных корпусов поддержать наступление 27-й А. Остальными силами действовать на левом крыле фронта с задачами: надежно прикрыть с воздуха боевые порядки 1-й и 5-й гвардейской танковых армий; штурмовыми и бомбардировочными действиями поддерживать наступление танковых армий; громить подходящие резервы противника; вести непрерывную разведку противника на поле боя и в глубине.

7. Всем армиям наступление начать не позже 7 часов 5 августа 1943 года.

Советская Ставка Верховного Главнокомандования, уже наученная опытом боевых действий против немецких 2-й танковой и 9-й армий на Орловском плацдарме, предвидела, что противник станет перебрасывать на угрожаемое направление силы с других участков фронта. Поэтому заместитель командующего ВВС Красной армии генерал Федор Фалалеев получил распоряжение Сталина организовать с 4 августа воздушную операцию по нарушению автомобильных и железнодорожных перевозок резервов противника в полосе ГА «Юг». Соответственно, Фалалеев поставил командующему 17-й ВА генералу Владимиру Судцу задачу силами своей армии и при содействии 4-го и 6-го бомбардировочных авиационных корпусов дальнего действия воспретить неприятелю автомобильные и железнодорожные перевозки на участке

Краматорская – Лозовая – Харьков – Белгород. В ночь на 4 августа 66 само летов-бомбардировщиков типа А-20В американского производства из состава отдельной 244-й бомбардировочной авиадивизии 17-й ВА (командир дивизии генерал Василий Клевцов. – П. Б.) совершили 169 самолето-вылетов на бомбардировку вражеских коммуникаций в районе Славянска [730 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 369.]. Задачу по организации борьбы с перевозками противника силами штурмовой авиации решал 3-й смешанный авиакорпус 17-й А под командованием генерала Владимира Аладинского, а начиная с 7 августа в операции был задействован еще и 9-й смешанный авиакорпус генерала Олега Толстикова из той же армии. Генерал Судец особо отметил удачно произведенные штурмовые и бомбардировочные действия 9-го корпуса по срыву перевозок противника из Донбасса в район Харькова по железным дорогам на участке Константиновка – Краматорская – Славянск – Барвенково – Лозовая [731 - См.: Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 1. С. 427.]. Одновременно авиация дальнего действия наносила бомбовые удары по железнодорожным узлам Полтавы, Люботина, Красноармейска, Краснограда, Мерёфы – всего в период с 6 по 17 августа авиацией дальнего действия было совершено 2300 самолето-вылетов, направленных на борьбу с оперативными резервами противника [732 - См.: Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 196.]. По советским данным [733 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 375, 498.], в ходе воздушной операции против коммуникаций неприятеля в период с 4 по 15 августа 1943 года советские ВВС совершили 7100 боевых самолето-вылетов, в результате которых только частями 17-й ВА (совершили 4113 боевых самолето-вылетов) было уничтожено 93 немецких танка, 1846 автомашин, 17 железнодорожных эшелонов, 254 вагона, 62 повозки.

Вместе с тем к 6–7 августа основные силы немецких танковых соединений, перебрасываемых на северное крыло ГА «Юг», уже достигли Харькова и даже выдвигались севернее для развертывания на угрожаемом направлении прорыва ударной группировки ВорФ. В связи с недостаточным массированием сил штурмовой авиации в начале операции и опозданием командования 17-й ВА с решением привлечь к боевым действиям 9-й смешанный авиакорпус воспрепятствовать перегруппировке немецких танковых дивизий вдоль фронта советским ВВС в целом не удалось, так что в данном случае предпринятые Ставкой мероприятия не оказали существенного влияния на ход сражения.

С другой стороны, германская авиация в августе практически прекратила активные действия во вражеских тыловых районах – так, если в июне советская сторона зафиксировала 2124 самолето-налета противника по железнодорожным линиям, обеспечивающим Курский выступ, то в июле их было уже только 642, а в августе всего около 300 самолето-налетов [734 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 284.]. Вследствие этого советское командование получило возможность свободно маневрировать собственными оперативными и стратегическими резервами.

К исходу 4 августа основным очагом сопротивления немецкой 4-й ТА на участке прорыва ВорФ оставался Томаровско-Борисовский узел обороны, где сосредоточились довольно крупные силы – части 57, 255 и 332-й пехотных дивизий, а также 19-я тд. Томаровский узел обороны включал пять опорных пунктов, подготовленных в селах

Большая Томаровка, Старая Глинка, Новая Глинка, Мощеное, Кустовое. Эти опорные пункты, расположенные на сильно пересеченной местности по обоим берегам реки Ворскла, были объединены в единую оборонительную систему, включавшую минные поля, противотанковые и противопехотные заграждения, полевые укрепления, огневые точки. Соответственно, учитывая силу оборонительных позиций, занятых германскими войсками, 4 и 5 августа в районе Томаровки продолжались ожесточенные бои.

5 августа, действуя в соответствии с директивами, полученными из штаба 4-й ТА и штаба 48-го тк, командир 19-й тд генерал Густав Шмидт (Gustav Schmidt) все-таки предпринял попытку нанести контрудар из района Томаровки в восточном направлении, по правому флангу 1-й ТА ВорФ, чтобы отрезать двигавшиеся в прорыв танковые и механизированные соединения противника. По соотношению сил и средств сторон этот замысел практически не мог быть успешно реализован – в составе 19-й тд на 5 августа едва ли насчитывалось более 50–60 боеготовых танков и САУ. Однако контрудар должен был замедлить продвижение советских войск в глубину германской обороны, вынудив их направить часть сил для его отражения.

С 5.30 утра 5 августа германская авиация группами от 6 до 15 самолетов бомбардировала боевые порядки советских войск под Томаровкой, в районах Ямное, Высокое, Казацкое, Красный Острожек [735 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 360.]. Маршал Катуков вспоминает [736 - См.: Катуков М. Е. Указ. соч. С. 292–293.], что 5 августа штаб 1-й ТА двигался вслед за соединениями ее первого эшелона, когда из Томаровки и примыкающих к ней рощ стали выходить немецкие танки и строиться в боевой порядок для удара во фланг второму эшелону и выхода в тыл армии. Тогда 6-я мсбр 6-го тк, блокирующая Томаровку, была развернута для удара по правому флангу противника, а двигавшийся во втором эшелоне 31-й тк главными силами с ходу атаковал его левый фланг. Завязался крупный танковый бой, исход которого решил удар с тыла частей 5-го гв. тк. Корпус, первоначально находившийся в распоряжении командования 6-й гв. А, двигался западнее Томаровки по маршруту, параллельному направлению движения 1-й ТА, и командование фронта решило временно передать его в подчинение командующего 1-й танковой армией. По указанию Катукова командующий 5-го гв. тк генерал Кравченко приказал развернуть 21-ю гв. тбр для удара в тыл неприятеля, атакующего из района Томаровки. Одновременно на поддержку 1-й ТА штабом ВорФ была направлена штурмовая авиация. В результате концентрических ударов советских танковых и мотострелковых частей немцы отступили обратно к Томаровке, потеряв подбитыми и уничтоженными более 50 танков.

Однако бой на этом не закончился. Благодаря разгрому 19-й тд, неосмотрительно атаковавшей намного превосходящего противника, сила обороны германской группировки оказалась ослаблена, чем воспользовались стрелковые соединения, наступавшие на Томаровку с фронта. С севера (по западному берегу реки Ворскла) и северо-востока (вдоль дороги Томаровка – Борисовка) Томаровский укрепленный узел атаковали 52-я и 66-я гвардейские стрелковые дивизии 23-го и 32-го гвардейских корпусов 6-й и 5-й гвардейских армий под командованием гвардии полковника Ивана Некрасова и генерала Акима Якшина, а с востока – 6-я мсбр 6-го тк 1-й ТА под командованием полковника Ивана Елина. Советским войскам удалось прорваться внутрь

узла вражеской обороны и обойти его с востока и запада. Опасаясь полного окружения, немецкие войска к исходу 5 августа оставили большую часть Томаровки и под прикрытием темноты стали отходить на юго-запад по единственной свободной дороге на Борисовку, намереваясь закрепиться в Борисовке и Головчино. Для прикрытия отхода в Томаровке оставались аррьергардные группы и отряды, продолжавшие сопротивление всю ночь с 5 на 6 августа, так что Томаровский узел обороны был полностью взят только к утру 6 августа.

Преследуя отходящего противника, 6-я гв. А к исходу 5 августа вышла на рубеж Зыбино – Мощеное – Томаровка, а 5-я гв. А – на рубеж Стригуны – Гомзино – Степь.

1-я ТА, стремительно развивая наступление и уничтожая отходившие части и тылы немцев, за 5 августа прошла еще 30 км и передовыми частями вышла на линию Березовка – Александровка – Городок, прикрыв свой правый фланг и тыл со стороны томаровско-борисовской группировки немцев 31-м тк (силами 100-й тбр под командованием майора Василия Михайловича Потапова, который сменил полковника Николая Михайловича Иванова). Левый фланг армии прикрывала 3-я мбр полковника Амазаспа Бабаджаняна из состава 3-го мк.

5-я гв. ТА в первой половине дня 5 августа вела бои на прежнем рубеже. Штаб армии, объясняя приостановку наступления, отметил, что уже к исходу первого дня операции из-за трудностей с продвижением бронетанковых соединений по узкому коридору прорыва было расстроено управление частями и израсходованы горюче-смазочные материалы; в дальнейшем развитие прорыва оказалось затруднено в связи с тем, что командование фронта развернуло 5-й гв. мк, предназначенный армией в качестве эшелона развития успеха, для решения задачи совместно с войсками СтепФ в районе Белгорода [737 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 16–17.].

В поисках выхода из кризиса, сложившегося в наступлении 18-го и 29-го танковых корпусов, командование танковой армии ввело в бой находившийся в резерве сводный отряд генерала Труфанова, поставив ему ту же задачу, что должен был выполнить 5-й гв. мк, тогда как танковым корпусам было приказано: 18-му – обойти Орловку с северо-запада на Гомзино; 29-му – во взаимодействии с войсками 5-й гв. А уничтожить противника в районе Орловка – Бессоновка [738 - См.: Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 213–214.]. Однако, пока части и соединения производили этот маневр, во второй половине дня поступило сообщение, что 3-й мк 1-й ТА форсировал реку Гостенка в 10 км юго-западнее Орловки и продолжает развивать наступление на юг и юго-запад. Генерал Ротмистров сразу же решил воспользоваться успехом соседа и приказал отряду генерала Труфанова немедленно выдвигаться на правый фланг армии. Используя успех 1-й ТА, войска 5-й гв. ТА обошли с запада опорный пункт, удерживавшийся частями немецкой 6-й тд в Бессоновке, и к исходу 5 августа продвинулись на расстояние до 15 км, выйдя передовыми отрядами в район Ворожбиты – Верзунки [739 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 18–19.].

Штаб 5-й гв. ТА направил начальнику штаба ВорФ генералу Семену Иванову следующее донесение о результатах боев за 5 августа [740 - См.: Ротмистров П. А. Указ.

соч. С. 214.]: 1) 18-й тк, обходя Орловку с запада, к 17 часам 110-й танковой и 32-й мотострелковой бригадами вышел на рубеж Гомзино и продолжает наступление на Щетиновку, в дальнейшем эти бригады обеспечивают действия корпуса слева на Золочев; 2) 29-й тк к 16 часам главными силами овладел Орловкой (22 км юго-западнее Белгорода. – П. Б.), развивает успех на юго-запад; 3) 5-й гв. мк атакует на Грязное (8 км юго-западнее Белгорода), вошел в соприкосновение с частями 1-го мк.

Как видно, 5-я гв. ТА не выдерживала того темпа наступления, который требовало от нее командование ВорФ. По причине существенного отставания от 1-й ТА и невыполнения поставленной Ставкой задачи по выходу на рубеж Золочев – Казачья Лопань Ватутин в приказе от 5 августа выразил недовольство действиями генерала Ротмистрова и указал ему под личную ответственность стремительно развивать наступление [741 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 361.]. Тогда для повышения темпов наступления командование танковой армии приняло решение продолжать боевые действия и ночью. По воспоминаниям маршала Ротмистрова [742 - См.: Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 214–215.], танковые бригады, наступавшие во втором эшелоне корпусов и, следовательно, имевшие меньший дневной расход боеприпасов и горючего, к ночи выдвигались в первый эшелон. В это время подтягивались тылы, транспорт армии подвозил для выведенных из первого эшелона частей снаряды, патроны, горючее и восстановленную ремонтниками боевую технику. Таким образом, до минимума сокращался расход времени на дозаправку танков горючим и пополнение их боеприпасами.

Вместе с тем в связи с нарастанием сопротивления противника выдвижение стрелковых частей 6-й и 5-й гвардейских армий ВорФ вслед за танковыми армиями задерживалось, тогда как авангарды 1-й ТА к исходу 5 августа прошли уже до 50 км от исходного рубежа, достигнув Александровки, Городка и Климова.

С другой стороны, утром 5 августа в центре ВорФ перешли в наступление 27-я А и ударная группа 40-й А. За первый день наступления 27-я и 40-я армии прорвали оборону 57-й и 255-й пехотных дивизий 52-го ак противника на 26-километровом участке Высокий – Солдатское, нанесли этим соединениям тяжелые потери в материальной части и к исходу дня с боями продвинулись от 8 до 16 км, выйдя на рубеж Староселье – Касилово – Ивановская Лисица – Никитское. В результате наступления 27-й и 40-й армий были созданы условия для проведения фронтовой операции по окружению томаровско-борисовской группировки немцев.

Вместе с тем командование немецкого 52-го ак (командующий генерал Ойген Отт (Eugen Ott), осведомленное о развитии обстановки на смежном участке справа, где танковые соединения русских уже продвинулись в глубокий тыл 4-й ТА, стремилось прежде всего вывести свои части из-под удара 27-й и 40-й армий ВорФ. Оставив на главной линии обороны только группы прикрытия, основные силы 57-й и 255-й дивизий отступили на вторую линию тактической зоны обороны на рубеже Славгородок – Дорогощ – Хотмыжск – Борисовка, сдерживая противника местными контратаками. С 5 августа из района Боромли к Дорогощу начали перебрасываться части 7-й тд, которая в этот день передовыми группами уже участвовала в контратаках с целью выбить советские

войска из опорного пункта в селе Ивановская Лисица, где русские вклинились во вторую полосу обороны.

На Белгородском направлении командующий СтепФ генерал Конев на основе указаний Ставки 4 августа потребовал от 53-й А с 1-м мк разгромить части 6-й тд врага и развивать наступление на Микояновку, тогда как 69-я А должна была штурмовать Белгород, а 7-я гв. А – прорвать неприятельскую оборону и выйти на рубеж Колония Дубовое – Таврово – Бродок, чтобы во взаимодействии с 69-й и 53-й армиями полностью окружить белгородскую группировку.

Город Белгород и прилегающие к нему районы были превращены в единый мощный узел сопротивления – с севера (в районе совхоза «ТТП») и юга (от Пушкарного до Архангельского) город прикрывали противотанковые рвы протяженностью около 1250 и 6 тыс. м, усиленные противотанковыми позициями [743 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 70–71.]. Северную и восточную окраины города дополнительно защищали большие полосы минных полей (в период боев советские саперы сняли в районе Белгорода более 16 тыс. вражеских мин [744 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 479.]). С востока город прикрывался широким водным рубежом – рекой Северский Донец. К началу августа немцы значительно усилили городской обвод – по окраинам города проходила сеть бронированных и дерево-земляных огневых точек, а внутренние кварталы подготовили для ведения уличных боев – капитальные каменные постройки были превращены в укрепленные пункты. Вместе с тем силы и средства, привлеченные для защиты Белгородского укрепленного района, оказались явно недостаточны по сравнению с группировкой СтепФ – это были только части 198-й пд 11-го ак, усиленные незначительным количеством артиллерии и отдельными штурмовыми орудиями.

Для штурма Белгорода была сосредоточена мощная группировка войск СтепФ: 89-я гвардейская, 305-я и 375-я стрелковые дивизии 48-го ск под командованием генерала Зиновия Рогозного, а также 93-я и 94-я гвардейские стрелковые дивизии 35-го гв. ск под командованием генерала Сергея Горячева, усиленные 26-й зенитной артдивизией, 10-й и 31-й иптабр и 96-й тбр, наступали на город с севера и северо-востока; 111-я сд 49-го гв. ск 7-й гв. А, которым командовал генерал Гурий Терентьев, содействовала им наступлением на город с востока; с воздуха действия наземных войск поддерживали соединения 1-го бомбардировочного, 4-го истребительного и 1-го штурмового авиакорпусов 5-й ВА [745 - См.: Огненная дуга. С. 616.].

Действуя по плану, в 6 часов утра 5 августа войска 69-й А атаковали промежуточный рубеж обороны, занятый частями 198-й немецкой пд на подступах к Белгороду, который опирался на опорные пункты и узлы сопротивления в районах поселков Оскочное, Ячнев Колодезь, Гриневка, Покровка. В центре участка прорыва действовала 375-я сд полковника Петра Говоруненко, на правом фланге – 305-я сд полковника Александра Васильева, а на левом – 89-я гв. сд полковника Михаила Серюгина.

По свидетельству начальника политического отдела 375-й сд полковника Сергея Айнутдинова [746 - Айнутдинов С. Х. В памяти и в сердце. Екатеринбург: Уральский

рабочий, 2000. С. 183–184.], узел сопротивления врага Ячнев Колодезь, прикрывавший Белгород с севера, был сильно укреплен развитой системой траншей полного профиля. Подступы к деревне были оплетены колючей проволокой в три кола и заминированы. Огневая система была построена на фланкирующем и перекрестном огне орудий и пулеметов. Только на направлении удара 375-й дивизии было обнаружено до 20 дзотов. Южнее деревни находился резерв врага. На рассвете 5 августа 1241-й сп майора Александра Николаевича Парамошкина и 1245-й полк подполковника Арсения Николаевича Калинина атаковали вражеские позиции. После упорного боя советские воины ворвались в траншеи. Во многих местах завязалась рукопашная схватка. Гитлеровцы оказывали отчаянное сопротивление, дважды контратаковали, поэтому темп наступления замедлился, хотя полки 375-й дивизии шаг за шагом все же двигались вперед. Поскольку малейшая заминка дает возможность врагу перегруппировать свои силы, подбросить свежие подкрепления, занять более выгодные оборонительные рубежи, командир дивизии полковник Говоруненко ввел в бой свежий 1243-й полк майора Федора Степановича Дзгоева (Федор Дзгоев был смертельно ранен 10 августа 1943 года, и командование полком принял майор Митрофан Александрович Нефедов. – П. Б.). Полк, обойдя Ячнев Колодезь справа, при поддержке танков 96-й тбр стремительной атакой вышел на шоссе Белгород – Обоянь южнее Ячнева Колодезя. Смелый маневр 1243-го сп обеспечил успех 1241-му сп – на левом фланге дивизии полк майора Парамошкина, преодолев проволочное ограждение, атаковал и захватил Ячнев Колодезь. Пал крупный узел сопротивления, прикрывавший Белгород с севера. Захват Ячнева Колодезя значительно облегчил освобождение Оскочного 305-й сд. Также получили возможность быстрого продвижения вперед части 89-й гв. сд, наступающие вдоль железной дороги восточнее Ячнева Колодезя.

Вместе с тем достижение этих успехов оказалось связано с большими потерями для советских войск – по немецким данным [747 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 380.], за 5 августа частям 198-й пд генерала Ганса Горна (Hans Horn) удалось уничтожить 32 танка и САУ противника. Поэтому с целью подавления мощной огневой системы, заранее подготовленной немцами вокруг Белгорода, генерал Конев приказал генералу Горюнову нанести массированные авиаудары по оборонительным позициям неприятеля, прикрывавшим северные подходы к городу. Для подавления противника были задействованы группы 1-го бомбардировочного и 1-го штурмового корпусов, получившие задачу «смешать с землей» большую часть долговременных укреплений врага и тем самым расчистить путь для продвижения вперед стрелковым войскам, артиллерии и танкам [748 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 362.]. Последовательными ударами эшелонированных групп Пе-2 и Ил-2 огневая система обороны города оказалась подавлена, что позволило 375-й и 89-й гвардейской стрелковым дивизиям 48-го ск прорваться к северным окраинам Белгорода, а 305-я сд начала обходить его с запада. При этом германской авиации не удалось оказать существенного влияния на развитие ситуации на Белгородском направлении, поскольку главной целью немецких летчиков-истребителей 5 августа оказались вражеские истребители – из 28 заявленных сбитыми советских самолетов всего шесть приходилось на штурмовики и бомбардировщики [749 - См. там же. С. 366.].

В полосе 53-й А в результате ночного боя частям 28-й гв. сд удалось при поддержке бронетехники выбить противника из опорного пункта в Стрелецком и двумя батальонами форсировать реку Везелка, захватив и разминировав два моста. По этим мостам были немедленно двинуты передовой отряд и главные силы 1-го мк, а также части 84-й сд полковника Павла Ивановича Бунышина. Однако стрелковые части, танковые и механизированные подразделения скопились у мостов, образовав здесь заторы, по которым противник немедленно нанес авиаудар, задействовав до 50 пикирующих бомбардировщиков [750 - См.: Вязанкин И. А. Указ. соч. С. 58–61.].

Только к 9 часам передовой отряд 1-го мк генерала Соломатина форсировал реку Везелка в районе Болховца и с боем стал развивать наступление на Грязное, обходя Белгород с запада. Используя продвижение мехкорпуса, командующий 48-го ск генерал Рогозный направил 305-ю сд также в обход Белгорода с запада на Архангельское с целью выйти в район Красного на шоссейную и железную дороги, ведущие на Харьков. В то же время 375-я сд, наступая вдоль шоссе Обоянь – Белгород, вышла на окраину города и завязала бой западнее шоссе. Командир дивизии полковник Говоруненко решил блокировать шоссе одним батальоном 1241-го сп, а с 1243-м и 1245-м полками во взаимодействии с 96-й тбр и 89-й гв. сд штурмом овладеть западной частью Белгорода. В результате две стрелковые дивизии 69-й А почти одновременно ворвались в город и начали его штурм, завязались ожесточенные уличные бои (официально считается, что первыми в Белгород вошли подразделения 270-го гв. сп под командованием гвардии подполковника Николая Эммануиловича Прошунина из состава 89-й гв. сд).

С выходом частей 1-го мк на Грязное, 305-й дивизии – западнее деревни Красное, а соединений 7-й гв. А – к реке Северский Донец, южнее Белгорода, немецкий гарнизон в городе оказался охваченным с флангов. Под угрозой окружения командир 198-й пд генерал Горн и командование группы «Кемпф» решили спешно отводить свои основные силы из центра города за реку Везелка. Для обеспечения этого отход в разных районах города оставались сильные отряды прикрытия, чтобы в уличных боях задержать советские части.

В итоге к 18 часам 5 августа соединения 69-й А при содействии частей 111-й сд 7-й гв. А (командир дивизии полковник Михаил Алексеевич Бушин) уже вели бои в центре Белгорода, хотя ожесточенное сопротивление отдельных немецких боевых групп продолжалось до позднего вечера на окраинах города – у церкви в западной части Белгорода, в районе пивного завода и районного Совета местных депутатов исполнительной власти. 1-й шак генерала Рязанова продолжал оказывать поддержку наземным войскам даже в ходе уличных боев. К часу ночи с 5 на 6 августа части 375-й Уральской и 89-й гвардейской стрелковых дивизий и 96-й тбр, очистив Белгород, вышли к реке Везелка, а наступающая в обход города с запада 305-я сд к тому времени вела бой за деревню Красное. Таким образом, успешный штурм Белгорода был произведен в тот же день, когда был взят Орел, что отметили в Москве первым за время войны артиллерийским салютом – двенадцатью артиллерийскими залпами из 120 орудий.

К исходу 5 августа 69-я А и правифланговые части 7-й гв. А достигли рубежа Красное – Супруновка. В то же время войска 53-й А, выбив немцев из опорных пунктов Стрелецкое

и Болховец, с боями вышли на линию Водяное – Красное, а 1-му мк удалось из-за правого фланга 53-й А продвинуться в район Грязное – Репное, ликвидировать узлы сопротивления противника в населенных пунктах Стрелецкое, Болховец и отрезать белгородской группировке немцев пути отхода на юго-запад и юг, хотя задача корпуса выйти в район Микояновки осталась нерешенной. К исходу дня войска 53-й А и части 1-го мк продвинулись на 10 км и перерезали железную и шоссейную дороги Белгород – Харьков. В связи с этим немцам пришлось отходить от Белгорода по долине Северского Донца под воздействием авиации и артиллерии противника. Тем не менее форсировать реку Везелка с ходу по всему фронту прорыва советские войска не смогли, так как ее болотистые берега исключали возможность переправы вброд тяжелой техники, а мосты были большей частью взорваны. Используя эту водную преграду, которая исполнила большую роль в организации обороны, германское командование отвело свои силы за реку на рубеж Супруновка – Красное – Пушкарное, где стремилось закрепиться, выиграть время и дать возможность войскам подготовиться к отступлению на заранее подготовленные рубежи в направлении Харькова.

Согласно боевому донесению командующего войсками СтепФ Верховному главнокомандующему об обстановке к 24 часам 5 августа 1943 года [751 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 41–43.], войска фронта с утра 5 августа продолжали наступление и вели штурм города Белгорода. В результате ожесточенных боев и решительным штурмом к 18.00 Белгород взят, идет бой за уничтожение оставшихся групп противника в западной части города. Противник в боях за Белгород потерял только убитыми до 3200 человек, в городе захвачены склады боеприпасов и инженерного имущества.

В итоге боевых действий 4 и 5 августа войска Воронежского и Степного фронтов ликвидировали Томаровский и Белгородский узлы сопротивления германской обороны, общая ширина фронта прорыва достигла 90 км, а подвижные соединения ударной группировки ВорФ вклинились в расположение ГА «Юг» на 40 км. 1-я и 5-я гвардейская танковые армии, выйдя в район Березовка – Александровка – Гомзино, создали непосредственную угрозу разделения на две изолированные части всей группировки немцев, оборонявшей Белгородско-Харьковский плацдарм.

В результате успешного продвижения 1-й ТА и выхода частей 27-й А в район Ивановская Лисица группировка немцев, сосредоточившаяся в Борисовском узле обороны, включая 19-ю тд, оказалась в полуокружении. Вместе с тем противник уже стянул на это направление все свои ближайшие оперативные резервы – развернул 11-ю и спешно перебрасывал 7-ю танковые дивизии.

Советские войска нанесли тяжелые потери 332, 167, 168, 198-й пехотным, а также 6-й и 19-й танковым дивизиям противника. Поэтому, несмотря на критическую оперативную ситуацию, складывавшуюся на фронте ГА «Центр» под Орлом, Гитлер и руководство ГШ сухопутных войск вынуждены были удовлетворить просьбу командования ГА «Юг» о возвращении частей и соединений, переданных группе армий «Центр» по окончании проведения операции «Цитадель». С 5 августа началась переброска на Харьковское направление из района северо-западнее Карачева через Брянский железнодорожный узел мд «Великая Германия» и 51-го отдельного танкового б-на. В то же время к исходу 5

августа в район Харькова стали прибывать передовые части 3-й тд и танковых дивизий СС «Рейх» и «Мертвая голова», возвращавшихся обратно из Донбасса.

2.3. Развитие обстановки 6 и 7 августа

В эти дни германское командование стремилось как можно дольше задержать советские войска и снизить темп их наступления, организовав упорное сопротивление на промежуточных рубежах и в опорных пунктах силами частей, отходивших из тактической зоны обороны.

Одновременно немцы спешно занимали тыловой оборонительный рубеж Ахтырка – Богодухов – Золочев – Казачья Лопань – Журавлевка – Красный – Веселое, куда направлялись отдельные части, специальные подразделения и команды, в том числе сформированные из состава различных тыловых служб. По данным ГШ Красной армии [752 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 466.], командование ГА «Юг» перебросило в полосу 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» свыше 10 различных отдельных резервных, учебных, строительных, ремонтных и других специальных частей и подразделений, в том числе авторемонтный полк, 3 отдельных пехотных батальона, 2 саперных батальона РГК, учебный моторизованный батальон, отдельный строительный батальон, автомобильный батальон, зенитный батальон без материальной части, учебный полк тяжелых метательных аппаратов и харьковские курсы танковых техников с учебной материальной частью – танками и самоходными орудиями. По свидетельству маршала Ротмистрова [753 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 217.], немцы бросали в бой всех, включая саперов, техников и даже санитаров.

К тыловому рубежу также подтягивались танковые соединения с других участков фронта, которые можно было использовать как для укрепления обороны, так и для организации контрударов: к исходу 6 августа в районе южнее Золочева сосредоточилась 3-я тд; 7 августа в район Ольшан прибыли авангарды танковой дивизии СС «Рейх», сразу же вступившие в бой с частями 1-й ТА ВорФ восточнее Богодухова. С целью дополнительного усиления сосредотачиваемой танковой группировки германское командование решило перебросить к Харькову танковую дивизию СС «Викинг», которая до этого находилась в распоряжении 1-й ТА и участвовала в отражении наступления советского ЮЗФ в нижнем течении Северского Донца.

Кроме того, чтобы укрепить оборону на Ахтырском направлении, где пока находилась только 7-я тд, 6 августа в районе Дорогощ в бой против советской 40-й А была введена дивизионная боевая группа 323-й пд из состава 7-го ак, передислоцированная из района населенного пункта Большая Чернетчина, северо-восточнее города Сумы (штаб 7-го ак с 68, 75 и 88-й пехотной дивизиями, боевой группой 323-й пд и приданными частями 4 августа 1943 года выбыл из подчинения 2-й полевой армии группы армий «Центр» и поступил в распоряжение командования 4-й ТА группы армий «Юг» [754 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 795. Л. 25 об.]).

С другой стороны, в результате боев 4 и 5 августа войска 27-й А вышли в район Ивановская Лисица – Казачья Лисица – Никитское; 6-я гв. А овладела Зыбино, Мощеное и

вела бои за Томаровку; 1-я и 5-я гвардейская танковые армии прорвались в район Березовка – Александровка – Гомзино; 5-я гв. А правофланговыми части заняла рубеж южная окраина Стригунов – Кулешовка – Гомзино – Степь (5 км северо-восточнее Бессоновки). Вследствие этого в районе Головчино – Борисовка – Томаровка оказалась полуокружена крупная немецкая группировка, состоявшая из частей 57, 255 и 332-й пехотных дивизий, отброшенных с главной полосы обороны, а также 19-й тд и средств усиления. Эта группировка вклинивалась между основной и вспомогательной ударными группировками ВорФ, угрожая их флангам, причем наибольшая опасность возникла для 40-й и 27-й армий фронта. Германское командование развернуло в районе Грайворона 11-ю тд, а в район Дорогоща спешно перебрасывало 7-ю тд, что позволяло в ближайшее же время нанести здесь скоординированные концентрические удары против частей 27-й А, прорвавшихся в район Касилово – Ивановская Лисица – Никитское. Для дальнейшего развития успеха и выхода на тылы 40-й А немцы могли использовать части мд «Великая Германия» и 51-й отдельный танковый б-н, прибывающие из-под Карачева с Орловского плацдарма. Как видно, немцы стремились применить типовой оперативно-тактический метод удержания ключевого опорного пункта, обеспечивающего контроль за важнейшей транспортной магистралью на участке вражеского вклинения. Это позволяло ограничить ширину прорыва с одного из флангов, задержать продвижение противника и подготовить фланговый контрудар, быстро перебросив в район опорного пункта оперативные резервы и развернув их под прикрытием заранее занятых оборонительных позиций.

В связи с этим в час ночи 6 августа 1943 года Ватутин отдал командующим 40, 27, 5 и 6-й гвардейских, 1-й и 5-й гвардейской танковых армий приказ на проведение фронтальной операции по ликвидации томаровско-борисовской группировки противника. В приказе констатировалось [755 - См.: Огненная дуга. С. 549–551.], что в результате успешных боев войска ВорФ к исходу 5 августа вышли на фронт Пушкарное (20 км юго-западнее Красной Яруги) – Староселье – Почаево – лес 3 км южнее Ивановской Лисицы – Покровка – Никитское – Ново-Березовка – Неведомый Колодезь – Мощеное – Томаровка – Высокий (8 км южнее Борисовки) – станция Хотмыжская – Одноробовка – Орловка – Угрим. Томаровско-борисовская группировка противника оказалась под угрозой полного окружения и уничтожения. Поэтому на 6 августа ставится задача не позже 7 часов утра начать наступление и полностью окружить и уничтожить эту группировку, не допустив ее отхода, разбить подходящие резервы противника, а затем, стремительно развивая наступление, к исходу дня выйти на фронт: 1) стрелковыми соединениями – Новодмитриевка – Рясное – Пороз – Сподарюшино – Максимовка – Малахи – Александровка – Казачья Лопань; 2) танковыми соединениями – Поповка (12 км южнее Краснополя) – Бранцевка – Поляное – Ямное – Степок (15 км северо-восточнее Богодухова) – Золочев – Казачья Лопань. На указанном фронте построить наиболее плотные боевые порядки, подтянуть артиллерию и быть готовыми к дальнейшему стремительному наступлению, а также к отражению возможных атак противника.

Для решения поставленной задачи войскам 40-й А генерала Кирилла Москаленко к исходу 6 августа требовалось выйти стрелковыми соединениями на фронт Новодмитриевка – Рясное – Пороз – Сподарюшино; 2-м тк генерала Алексея Попова – в район Поповка – Бранцевка – Мезеневка; 10-м тк генерала Василия Алексея (Василий Михайлович Алексеев в июле сменил на этом посту генерала Василия Буркова. – П. Б.), с

6 августа переданным в оперативное распоряжение 40-й А, – в район Брянцевка – Поляное – Первомайское – Славгородок; артиллерию сконцентрировать на фронте Новая Дмитриевка – Рясное; частью сил наступать в направлении Красного Кутка. Для усиления 40-й армии ей была возвращена 309-я сд полковника Дмитрия Дремина, которая в ходе Курской оборонительной операции была отдана в состав 23-го гв. ск 6-й гв. А.

Командующему 27-й А генералу Сергею Трофименко было приказано в первую очередь передовыми отрядами перерезать все пути отхода томаровско-борисовской группировке противника, основными силами овладеть Хотмыжском и Акулиновкой, развивая наступление в направлении Грайворон – Большая Писаревка, а силами одной стрелковой дивизии содействовать 6-й гв. А в уничтожении вражеской группировки; к исходу 6 августа стрелковыми соединениями выйти на фронт Сподарюшино – Александровка – Максимовка – Малахи, а 4-й гв. тк генерала Павла Полубоярова выдвинуть в район Вольное – Ямное – Большая Писаревка.

Командующему 6-й гв. А генералу Ивану Чистякову было приказано к исходу 6 августа полностью овладеть районом Октябрьская – Готня – Красный Куток – Борисовка – Томаровка – Чуланово, а командующему 5-й гв. А генералу Алексею Жадову – немедленно в нескольких пунктах перерезать дорогу Томаровка – Грайворон на участке Томаровка – Головчино, воспретив отход томаровско-борисовской группировки противника.

Остальные силы фронта должны были продолжать наступление и к исходу 6 августа выйти на фронт Новостроевка – Александровка – Казачья Лопань, обратив внимание на обеспечение своего левого фланга, имея резерв за левым флангом. Для этого командующему 1-й ТА генералу Михаилу Катукову к исходу 6 августа переданным в распоряжение армии 5-м гв. тк выйти в район Грайворон – Козинка – Максимовка, а главными силами армии – в район Александровка – Безымянный – Поличиновка – Братеница – Степок – Малая Цаповка – хутор Чернешкин. Командующему 5-й гв. ТА генералу Павлу Ротмистрову было приказано продолжать двигаться вперед и к исходу 6 августа выйти в район Золочев – Казачья Лопань – Уды, имея ближайшей задачей овладеть районом Микояновки, увязав свои действия с правофланговыми частями СтепФ и обратив особое внимание на обеспечение своего левого фланга.

Командующий 2-й ВА генерал Степан Красовский был обязан силами 291-й штурмовой и 202-й бомбардировочной авиадивизий содействовать наступлению 40-й и 27-й армий; силами 5-го шак обеспечить поддержку 1-й и 5-й гвардейской танковых армий; немедленно организовать подготовку аэродромов и не допустить отставания истребительной авиации от линии стрелковых войск на расстояние далее 25 км.

Непосредственно для ликвидации томаровско-борисовской группировки противника командование ВорФ решило использовать 23-й гв. ск 6-й гв. А; 32-й гв. ск 5-й гв. А, усиленный 100-й тбр 31-го тк 1-й ТА; части 5-го гв. Сталинградского тк, находившегося в распоряжении командования 1-й ТА; 163-ю сд 27-й А – с задачей организовать наступление на Хотмыжск и содействовать 23-му гв. ск 6-й гв. А в уничтожении окруженного противника.

Соответственно, сразу после получения приказа в ночь с 5 на 6 августа генерал Жадов приказал командующему 32-го гв. ск генералу Родимцеву форсированным маршем направить в район Головчино 13-ю гв. сд (дивизия в этот момент выдвигалась из района Гомзино в западном направлении), усиленную танковым батальоном, чтобы не допустить прорыва противника на юго-запад в полосе железной дороги и шоссе Борисовка – Грайворон [756 - См.: Бакланов Г. В. Указ. соч. С. 92.]. Получив новый приказ, командир 13-й гв. сд генерал Глеб Бакланов выслал вперед сводный отряд в составе стрелкового батальона, усиленного ротой танков (11 боевых машин), артиллерийским дивизионом, истребительно-противотанковой батареей и саперной ротой, во главе с командиром стрелкового батальона капитаном Петром Мощенко (Петр Георгиевич Мощенко погиб в январе 1944 года в боях под Кировоградом). Отряд скрытно подошел к станции Хотмыжск и к 18 часам 6 августа овладел станцией атакой с ходу, причем в этом бою был разгромлен пехотный батальон 255-й дивизии противника, подбито более 10 танков, захвачено 5 железнодорожных эшелонов с военным имуществом (315 вагонов) и несколько крупных складов с боеприпасами и продовольствием [757 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 75.]. Под прикрытием передового отряда части 13-й гв. сд к исходу 6 августа вышли на рубеж Березовка – южная и западная окраины Головчино, блокировав железную дорогу и шоссе Борисовка – Грайворон. Командующий 1-й ТА генерал Катуков выдвинул на помощь войскам 5-й гв. А части 5-го Сталинградского гв. тк – по приказу генерала Кравченко 21-я гв. тбр под командованием гвардии полковника Кузьмы Овчаренко заняла позиции в районе Головчино.

В то же время левофланговая 163-я сд 27-й А, переданная в распоряжение 23-го гв. ск генерала Таварткиладзе, наступала в юго-восточном направлении, овладела поселком Хотмыжск (10 км севернее Головчино) и вышла на подступы к Головчино с северо-запада, а две правофланговые стрелковые дивизии 32-го гв. ск 5-й гв. А – 66-я и 97-я гвардейские дивизии – продвинулись к восточной и южной окраинам Борисовки. При этом части 97-й гв. сд под командованием гвардии полковника Ивана Анциферова блокировали дорогу Борисовка – Головчино в районе Новоборисовки (Ново-Борисовка). Основные силы 22-го гв. ск 6-й гв. А, наступавшие с рубежа Зыбино – Томаровка – 67-я и 71-я гвардейские стрелковые дивизии, – к исходу дня вышли на рубеж Крюково – северо-восточная опушка лесного массива Заповедник, а части 51-й и 52-й гвардейских стрелковых дивизий 23-го гв. ск армии, наступающие вдоль реки Ворскла, заняли Березовку и подошли к северо-восточной окраине Борисовки.

Учитывая сложившуюся ситуацию, командующий 27-й армией генерал Трофименко решил, что в создавшейся обстановке следует ввести в сражение главные силы 4-го гв. Кантемировского тк и завершить прорыв второй полосы обороны противника на участке западнее Ивановской Лисицы. С выходом в оперативную глубину танковый корпус должен был овладеть Грайвороном, чтобы полностью блокировать томаровско-борисовскую группировку и обеспечить ее уничтожение. В свою очередь, командующий танковым корпусом генерал Полубояров принял решение силами передовой 14-й гв. тбр сковать противника на занимаемом рубеже, а главными силами — 12-я танковая и 3-я мотострелковая гвардейские бригады – в тесном взаимодействии со стрелковыми соединениями 27-й А прорвать оборону противника, ввести в прорыв резерв корпуса и развивать стремительное наступление на Грайворон.

Соответственно, наступление основных сил 27-й А возобновилось ранним утром 6 августа, и к исходу дня 12-я танковая и 3-я мотострелковая гвардейские бригады 4-го гв. Кантемировского тк, которыми командовали гвардии полковники Николай Душак и Михаил Леонов (Михаил Павлович Леонов), завершили прорыв тактической зоны обороны противника. Для развития наступления в образовавшийся прорыв была введена 13-я гв. тбр под командованием гвардии полковника Леонида Баукова, за которой последовали и главные силы корпуса. Продвигаясь по проселочным дорогам в тылу вражеских войск, передовой отряд бригады Баукова поздним вечером 6 августа достиг села Замостье, где встретил сопротивление отряда прикрытия из состава 11-й немецкой тд, который должен был задержать советские войска на подступах к Грайворону – важному узлу дорог северо-восточнее Ахтырки. В сложившейся обстановке полковник Бауков решил под прикрытием головной походной заставы развернуть бригаду, с ходу овладеть Замостьем и, захватив в этом районе единственную переправу через Ворсклу, под покровом темноты переправить танки по мосту и разгромить противника в Грайвороне. Боевые задачи были поставлены по радиосвязи, и вскоре подразделения бригады перешли в атаку. На направлении главного удара действовал танковый батальон, усиленный подразделениями автоматчиков и противотанковой артиллерией, причем отряд автоматчиков был направлен к мосту в обход, по лесной дороге. Внезапной атакой танков и автоматчиков мост был захвачен, и по нему незамедлительно переправился передовой танковый батальон, а за ним и главные силы бригады. Пройдя Замостье, советские танки вышли на северо-западную окраину Грайворона и завязали уличные бои.

С выходом советских войск к Хотмыжску, Березовке, Головчино и Грайворону группировка войск немецкой 4-й ТА, включавшая части трех пехотных (57, 255, 332-я) и одной танковой (19-я) дивизий со средствами усиления, которая, по некоторым данным [758 - См.: Огненная дуга. С. 518.], насчитывала около 20 тыс. человек личного состава и до 100 боеготовых танков и САУ, оказалась в окружении в районе Томаровка – Борисовка – Головчино.

По утверждению генерала Эрхарда Рауса [759 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 325.], 5 августа 19-я и 6-я танковые дивизии 48-го тк предприняли попытку скоординированного встречного удара по флангам 1-й и 5-й гвардейской танковых армий ВорФ с целью закрыть прорыв на участке от Томаровки до Белгорода и блокировать продвигавшиеся в тыл 4-й ТА подвижные соединения противника. Однако к началу атаки в составе двух этих дивизий оставалось всего 12 боеготовых танков, поэтому 19-я тд в результате попала в окружение, а 6-я тд была отброшена в полосу 11-го ак оперативной группы «Кемпф».

В связи с этим генерал Густав Шмидт, осуществлявший оперативное руководство действиями томаровско-борисовской группировки немецких войск, утром 6 августа получил от командования 48-го тк задачу как можно быстрее отвести все свои силы на юго-запад, заняв промежуточный оборонительный рубеж в районе Грайворона и обеспечив развертывание прибывающей мд «Великая Германия» на линии Грайворон – Ахтырка [760 - См.: Карель П. Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943–1944. М.: Изографус; Эксмо, 2003. С. 227–228.]. Однако организовать отступление в течение 6 августа генералу Шмидту так и не удалось.

В 2 часа ночи 7 августа части 66-й и 97-й гвардейских стрелковых дивизий 32-го гв. ск 5-й гв. А атаковали Борисовку с востока, юго-востока и юга и выбили немцев из этого опорного пункта. Ошеломленные внезапной ночной атакой, немцы частью сил отошли в лесной массив Заповедник и урочище Куроедское, где они были атакованы и уничтожены войсками 6-й гвардейской и 27-й армий, а главными силами прорвались через заслоны 97-й гв. сд 5-й гв. А и сосредоточились в районе Зозули – Никольский – Головчино. В сложившейся обстановке генерал Шмидт принял решение всеми силами немедленно пробиваться на юг, используя промежутки в кольце окружения, еще не занятые советскими войсками, а сам со своим штабом направился в совхоз «Березовский» (в районе Березовки), куда уже выдвинулся штаб 13-й гв. сд генерала Бакланова, так что в совхозе произошел ночной бой между советскими и немецкими штабными подразделениями [761 - См.: Бакланов Г. В. Указ. соч. С. 95–96.].

Основная германская группировка разделилась на несколько боевых групп численностью от 300 до 1200 человек пехоты с минометами, каждая группа в сопровождении 5—20 танков и штурмовых орудий, которые в период с 3 до 13 часов 7 августа предприняли на разных участках от шести до двенадцати атак в южном направлении [762 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 485; Бакланов Г. В. Указ. соч. С. 94—102.]. Основной удар пришелся на участке в районе Березовки, занятом 21-й гв. тбр 5-го гв. тк полковника Овчаренко и частями 13-й гв. сд генерала Бакланова. При отражении атаки на северо-западные окраины Березовки погиб командир артдивизиона 13-й дивизии Герой Советского Союза майор Иван Михайлович Быков. Вместе с тем, по свидетельству самого генерала Бакланова [763 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 485; Бакланов Г. В. Указ. соч. С. 96–97.]: «...большую часть немцев охватила паника, и они прорывались на широком фронте без какой-либо организации, бежали по всем проселочным дорогам, прямо по полям, вдоль глубоких оврагов, бежали, охваченные страхом смерти, и в этом неудержимом и безоглядном бегстве таилась некая грозная сила – сила отчаяния». Страх перед окружением у немцев был так велик, что в некоторых местах им удалось мелкими группами пробиться на юг.

По советским данным [764 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 76; Горбач В. Указ. соч. С. 378; Катукон М. Е. Указ. соч. С. 293–294; Огненная дуга. С. 517.], в целом прорыв не удался, и к исходу 7 августа томаровско-борисовская группировка была полностью ликвидирована, а потери немецких войск составили свыше 5 тыс. солдат и офицеров убитыми, от 450 до 2 тыс. пленными, приблизительно 100 танков (из них около 50 уничтожено, от 20 до 45 захвачены исправными в ремонтных мастерских, хотя часть из них была заминирована), от 100 до 500 автомашин. В то же время генерал Жадов указывает [765 - См.: Огненная дуга. С. 519.], что остатки разгромленных немецких дивизий в беспорядке отступили на Грайворон и Ахтырку. Информация ГШ Красной армии свидетельствует, что все соединения, входившие в томаровско-борисовскую группировку, в дальнейшем принимали участие в боевых действиях на Богодуховском и Ахтырском направлениях, причем, по некоторым сведениям, к 31 августа в частях 19-й тд еще насчитывалось 39 танков, из которых 9 боеготовых [766 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 490–511, 825.]. Учитывая общую численность окруженной томаровско-борисовской группировки – до 20 тыс. солдат и офицеров, из окружения, по-видимому,

вышло около 10 тыс. военнослужащих. Однако при этом немцами была потеряна вся артиллерия и транспорт.

По утверждению Вернера Хаупта [767 - Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 310.], разбитые в боях 19-я танковая, 57, 255 и 332-я пехотные дивизии вынуждены были пробиваться на запад сквозь боевые порядки противника, однако им удалось прорваться благодаря поддержке, оказанной со стороны 11-й тд под командованием генерала Йоханна Микля (Johann Mickl), и затем соединиться с частями мд «Великая Германия».

Выход 13-й гв. тбр 4-го гв. тк на Грайворон крайне осложнил положение группы генерала Шмидта, поскольку теперь русские надежно заблокировали основные коммуникации, идущие в юго-западном направлении, образуя внешнюю линию окружения группы. Стремясь помочь своим войскам, командование 48-го тк к утру 7 августа подтянуло в район Грайворона боевую группу 11-й тд – до полка панцер-гренадер с танками и штурмовыми орудиями. Этими силами немцы с ходу атаковали 13-ю гв. тбр полковника Баукова, которая удерживала позиции на восточной окраине Грайворона, и связали боем 12-ю танковую и 3-ю мотострелковую гвардейские бригады 4-го гв. тк, а также части 163-й сд 27-й А, которые 7 августа подошли к Грайворону с северо-запада. Для преодоления вражеского сопротивления штаб 4-го гв. тк запросил помощи авиации, поэтому 202-я и 293-я бомбардировочные дивизии полковников Степана Нечипоренко и Гурия Грибакина из состава 1-го бак полковника Ивана Полбина направили на бомбардировку противника в районе Грайворона пять групп самолетов общим количеством 39 машин [768 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 379.]. После авиационного удара, обстрела артиллерии 27-й А и атаки танков 4-го гв. тк, поддержанных стрелковыми частями, немцы отступили от Грайворона, причем в этих боях погиб подполковник Георг Вильгельм (Georg Wilhelm), командир 911-го батальона штурмовых орудий, по-прежнему действовавшего совместно с 11-й тд [769 - См.: Куровски Ф. Указ. соч. С. 338.]. Вместе с тем, хотя 11-й тд не удалось освободить дорогу через Грайворон на юг – на Большую Писаревку, ее атаки не позволили русским нанести удар по частям томаровско-борисовской группировки, отступающим от Борисовки.

По информации свидетеля, находившегося во время войны в среде германского военно-политического руководства, – немецкого историка и журналиста Пауля Кареля (Карелл, Paul Karell, настоящее имя Пауль Карл Шмидт (Paul-Karl Schmidt) [770 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Т. 3. С. 289–290; Карель П. Указ. соч. С. 228.], в целом подтверждаемой советскими источниками, отход томаровско-борисовской группировки немецких войск осуществлялся по единственной остававшейся свободной грунтовой дороге, вдоль которой на несколько километров растянулась колонна автомашин, танков и артиллерии четырех немецких дивизий, причем германская авиация пыталась замаскировать их отступление и пикировала на колонну, чтобы создать видимость движения частей Красной армии. Однако колонна все-таки была обнаружена и оказалась под огнем артиллерии 27-й А ВорФ. При этом генерал Шмидт или застрелился, чтобы избежать плена, или был убит осколком авиационной бомбы [771 - См.: Бакланов Г. В. Указ. соч. С. 99—100; Катукон М. Е. Указ. соч. С. 293.], так что общее командование отходящими германскими частями принял командир 255-й пд

генерал Вальтер Поппе (Walter Poppe), а командование 19-й тд – в период до 17 августа командир дивизионного 27-го тп полковник Оскар Соргель (Oskar Soergel), а затем полковник Ганс Келлнер (Кэллнер, Hans Köllner).

По свидетельству командующего артиллерией 27-й А генерала Федора Васильевича Рыжкова (Рышкова) [772 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 306.], 7 августа поступили сведения, что из района Головчино в тыл советских войск, занявших Грайворон, движется большая колонна немецких войск. Немедленно выехав на окраину Грайворона, генерал Рыжков убедился в достоверности информации и отдал приказ на уничтожение противника, после чего по вражеской колонне открыли огонь в общей сложности около 60 орудий армейской артиллерии и приданных частей 17-й артдивизии 7-го акп РК, включая тяжелые 152-мм гаубицы и реактивные установки. Командир батареи пушечного артполка 17-й артдивизии старший лейтенант Александр Барданов отличился в этом бою тем, что развернул пушки батареи на прямую наводку и уничтожил 15 немецких танков и 10 бронемашин, за что впоследствии ему было присвоено звание Героя Советского Союза. С воздуха колонну отступающих немцев атаковала четверка самолетов-штурмовиков из состава 5-го шак генерала Каманина [773 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 378.]. В результате артобстрела и авиаударов колонна оказалась разгромлена, было убито и ранено более 500 солдат и офицеров противника, уничтожено до 50 танков и штурмовых орудий, около 30 орудий и минометов, а также множество автомашин, повозок, полевых кухонь.

Хотя значительным силам германской группировки удалось прорваться восточнее Грайворона, все поля и проселочные дороги в районе от Борисовки до Грайворона представляли кладбище сгоревших и подбитых немецких танков, орудий, автомашин и другой техники и вооружения. Немецкая 4-я ТА потерпела крупную неудачу, которую после гибели генерала Шмидта германское командование, по-видимому, предпочло связать с действиями 11-й тд. Генерал Микль 10 августа был смещен с должности и переведен в резерв (с 18 августа стал командиром 392-й хорватской пд, формировавшейся в Деллерсхейме, Германия), а на его место 12 августа назначен полковник Венд Витерсгейм (Витерсхейм, Wend Wietersheim).

По мнению Д. Гланца и Дж. Хауза [774 - Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 287.], упорная оборона наполовину окруженных немецких войск на флангах участка прорыва ВорФ подорвала мощь наступления 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, задержав развитие ими успеха в юго-западном направлении, что позволило подойти и вступить во встречный бой подвижным резервам немцев, которые окончательно остановили советский натиск.

В действительности ударная группировка ВорФ продолжала развивать наступление в глубину неприятельской обороны одновременно с проведением операции по ликвидации войск противника в районе Томаровки, Борисовки и Головчино. В особенности быстрыми темпами 6 и 7 августа наступали 1-я и 5-я гвардейская танковые армии, которые легко преодолевали сопротивление вражеских арьергардов.

Соединения 1-й ТА, пройдя с боями за пять дней операции свыше 100 км, к исходу 6 августа вышли на рубеж Братеница – Малая Писаревка, а 7 августа овладели одним из важнейших узлов обороны немцев в оперативной глубине и крупным транспортным центром – городом Богодуховом, перерезав в районе Богодухова шоссе и железную дорогу Харьков – Сумы.

К утру 7 августа 6-й тк 1-й ТА в полном составе (6-я мсбр, блокировавшая Томаровку, присоединилась к корпусу в ночь с 5 на 6 августа) достиг окраин Богодухова – ближайшей оперативной цели наступления, выполнив таким образом поставленную перед 1-й ТА задачу. Согласно приказу командующего 1-й ТА, к 15 часам 7 августа генерал Гетман организовал штурм Богодухова, задействовав для этого 22-ю и 200-ю танковые бригады полковников Нила Веденичева и Николая Моргунова, а также 1461-й сап под командованием подполковника Григория Никулина (Григорий Елисеевич Никулин). Город, являвшийся важнейшей тыловой базой 4-й ТА вермахта, где находились армейские учреждения, склады, ремонтные мастерские, запасы горючего, боеприпасов и различных предметов снабжения, защищали только строительные, охранные и саперные подразделения немецких войск, а также тыловые службы. Штаб 4-й ТА накануне покинул Богодухов – всего через четверо суток после начала сражения, так что, по-видимому, генералам Готу и Фангору вновь, как и под Сталинградом, пришлось поторопиться с отъездом, чтобы уйти от русских танков. После двухчасового боя остатки германского гарнизона, опасаясь окружения, отступили из города на юг, и к 18 часам 7 августа советские войска полностью овладели Богодуховом [775 - См.: Гетман А. Л. Указ. соч. С. 108–109; Попель Н. К. Указ. соч. С. 187–189.]. Однако воспользоваться основными захваченными в городе предметами снабжения – это были несколько эшелонов с продовольствием и 700 тонн горючего – практически не удалось (хотя, по сведениям генерала Гетмана, части 6-го тк успели заправить свои боевые машины), поскольку германская авиация оперативно нанесла по собственным складам и эшелонам ряд массированных бомбовых ударов [776 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 74; Гетман А. Л. Указ. соч. С. 110; Катукоев М. Е. Указ. соч. С. 294.].

Корпуса 5-й гв. ТА, ликвидировав опорные пункты немцев в Щетиновке и Уды, к исходу 7 августа продвинулись в целом на 90 км, овладев населенными пунктами Казачья Лопань и Золочев.

Поскольку сплошного фронта перед наступающими советскими войсками уже не было, 181-я тбр под командованием подполковника Вячеслава Пузырева, действуя в качестве передового отряда 18-го тк, в ночь с 6 на 7 августа по проселочной дороге вышла в тыл противника и к 4 часам утра скрытно достигла окраин Золочева – железнодорожной станции и важного узла грунтовых дорог. После короткого совещания с командным составом бригады подполковник Вячеслав Алексеевич Пузырев решил немедленно атаковать с ходу, ворваться в этот небольшой городок и овладеть им за счет внезапности и быстроты действий. Танковые роты вошли в город, двигаясь параллельно по всем основным улицам, однако полностью парализовать сопротивление противника и захватить населенный пункт за оставшееся ночное время им не удалось, а с рассветом немецкий гарнизон начал организовываться и постепенно усиливал противодействие.

Пузырев по радио получил приказ командующего корпусом полковника Егорова удержаться в городе, поэтому танковая бригада ввязалась в ожесточенные уличные бои. Немцы воспользовались возможностью и по железной дороге быстро перебросили к Золочеву подкрепления, выделенные немецкой 3-й тд, основными силами выдвигавшейся в этот район от Харькова через Люботин [777 - См.: Карель П. Указ. соч. С. 231.]. Высадка подкреплений началась прямо на железнодорожной станции, поэтому для захвата станции был срочно направлен отряд под командованием заместителя начальника штаба бригады капитана Якова Вергуна. По советским данным [778 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 310.], капитан Вергун со своим экипажем уничтожил в Золочеве более 200 немецких солдат и офицеров, колонну в 170 автомашин, 8 цистерн с горючим, 16 тягачей, 3 самоходные и 2 тяжелые пушки, 3 миномета, до 70 подвод с военным имуществом, подбил 4 и захватил исправными 2 танка, раздавил своим танком 5 станковых пулеметов и разгромил штаб противника, где уничтожил 1 генерала и 8 офицеров (за удачные действия в этом и предыдущих боях капитану Вергуну впоследствии было присвоено звание Героя Советского Союза). По-видимому, это в целом все безвозвратные потери, понесенные немцами в боях за Золочев, величина которых показывает те силы, которые участвовали в боевых действиях с германской стороны. Стремясь удержать город, являвшийся выгодным пунктом для развертывания 3-й тд, ее командир генерал Франц Вестховен (Franz Westhoven) в течение первой половины дня 7 августа стал подтягивать к Золочеву передовые отряды, включавшие небольшие группы танков и самоходных установок, а в район станции германское командование направило бронепоезд. Бригада Пузырева оказалась в критическом положении и была бы отрезана и окружена в городе, но ей на помощь успели подойти другие части 18-го тк, которые выбили гарнизоны противника из опорных пунктов в Щетиновке и Уды и вышли на командующие высоты севернее Золочева. Обнаружив подход главных сил 18-го тк, немцы отступили к югу, прикрыв отход арьергардами.

Тем не менее, по информации штаба 5-й гв. ТА [779 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 20–21.], бои с частями 3-й тд немцев, которая подошла к Золочеву 6 августа, продолжались здесь вплоть до вечера 9 августа, когда противник окончательно оставил город.

В это же время 29-й тк 5-й гв. ТА развивал наступление в направлении крупного села Казачья Лопань, расположенного на шоссе Белгород – Харьков, которое обороняли отдельные части немецкой 6-й тд. В результате ночного боя к утру 7 августа частям 29-го тк удалось занять западную и северо-западную окраины села, однако в связи с понесенными большими потерями генерал Ротмистров приказал генералу Кириченко передать свои позиции 6-й гв. воздушно-десантной сд 33-го гв. ск 5-й гв. А, которой командовал полковник Михаил Смирнов (Михаил Николаевич Смирнов), а танковому корпусу нанести удар на село Должик. Одновременно с разрешения командующего ВорФ к развитию успеха 5-й гв. ТА был привлечен 5-й гв. мк, переброшенный из-под Грязного с задачей выдвинуться на стыке 18-го и 29-го танковых корпусов через Гомзино и Щетиновку в обход Золочева с востока на Дергачи [780 - См.: Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 215.]. К утру 8 августа части 29-го тк, действуя при поддержке авиации 5-го шак, овладели Должином.

Как видно, в связи с быстрым темпом продвижения советских танковых армий немцы опаздывали с перегруппировкой своих сил и практически без сопротивления потеряли три важных опорных пункта тыловой оборонительной полосы (Богодухов – Золочев – Казачья Лопань), прикрывавшие Харьковское направление с севера и северо-запада. Войска ВорФ упредили противника в его маневре оперативными резервами из района Донбасса и преодолели все подготовленные полосы вражеской обороны на Богодуховском направлении. Выход 1-й и 5-й гвардейской танковых армий в район Богодухов – Золочев – Должик – Казачья Лопань не позволил германскому командованию восстановить сплошную линию обороны на последнем, заранее подготовленном оборонительном рубеже, так что немецкая 4-я ТА оставалась изолированной от оперативной группы «Кемпф». Кроме этого, овладение поселком Казачья Лопань позволило советским войскам перерезать здесь шоссе Белгород – Харьков и создать плацдарм на восточном берегу реки Лопань, что серьезно затруднило отступление к Харькову частей 11-го ак группы «Кемпф».

5-я гв. А во взаимодействии с 5-й гв. ТА к исходу 7 августа частью сил вышла в район Наумовка – Ольховатка, обеспечивая левый фланг ВорФ со стороны Харькова.

На правом крыле ВорФ войска 40-й и 27-й армий продолжали наступление в юго-западном направлении с задачей к 7 августа достигнуть рубежа Краснополье – Поповка – Большая Писаревка. В полосе их наступления оборонялись основные силы немецких 7-й танковой и 57-й пехотной дивизий, боевая группа 323-й пд, 52-й отдельный танковый батальон «Пантер» и отдельные сводные отряды, которых, в общем, было явно недостаточно даже для задержки двух армий противника. Тем не менее командир 7-й тд генерал Ханс Функ (Hans Funck) все-таки предпринял попытку внезапной контратакой разгромить передовые части 40-й А.

По свидетельству генерала Москаленко [781 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 83–84, 87.], 40-я А уже 6 августа почувствовала усилившееся сопротивление врага – действовавшие против нее части 7-й танковой, 57-й и 323-й немецких пехотных дивизий в течение всего дня предпринимали яростные контратаки, поддержанные 30–50 танками. В особенности тяжело пришлось 100-й сд под командованием полковника Петра Цыганкова (Петр Трофимович Цыганков) при овладении деревней Почаево. Вскоре после полудня противник нанес сильный артиллерийский и авиаудар по наступающим соединениям армии. В течение получаса вражеские самолеты сбросили на боевые порядки двух стрелковых дивизий 47-го ск более 1,5 тыс. бомб разных калибров. Сразу же после этого немцы силами до двух пехотных полков с 50 танками контратаковали передовой 472-й сп 100-й дивизии под командованием подполковника Михаила Васильевича Луговцева (в послевоенные годы стал командующим войсками Одесского военного округа) и, прорвавшись на его тылы, отрезали полк от основных сил. При этом возникла угроза выхода противника в тыл наступавшей главной группировки 40-й А. Тогда генерал Москаленко ввел в бой армейский противотанковый резерв – 32-ю иптабр полковника Ивана Купина, которая с ходу развернулась и в самый тяжелый момент приняла на себя всю силу удара вражеских танков (заместителем командира бригады в этот момент служил подполковник Александр Васильевич Чапаев, сын легендарного героя Гражданской войны в России Василия Ивановича Чапаева, а заместителем командира

1850-го артополка бригады являлся майор Василий Степанович Петров, в будущем генерал и дважды Герой Советского Союза, который был ранен при форсировании Днепра, перенес ампутацию обеих рук, но по личному приказу Сталина остался в артиллерии действующей армии. – П. Б.). Благодаря поддержке противотанковой артиллерии 472-й полк в течение пяти часов продолжал вести бой в окружении, а к 18 часам части второго эшелона 100-й дивизии (454-й и 460-й стрелковые полки под командованием Ивана Григорьевича Семижона и Иосифа Степановича Смоляка. – П. Б.), а также отдельный стрелковый полк из резерва армии прорвали кольцо окружения и, нанеся удар по противнику, отбросили его к югу от Почаево. В этом бою немцы потеряли около 800 солдат и офицеров, 12 танков и 15 автомашин, однако, по признанию Москаленко, им удалось несколько затормозить продвижение 40-й А.

В связи с поставленными перед 27-й А задачами по ликвидации томаровско-борисовской группировки немцев для развития наступления 40-й А командующий ВорФ 6 августа передал в ее распоряжение 10-й тк генерала Василия Алексеева, приданный 27-й А. В ночь с 6 на 7 августа войска 40-й А произвели частичную перегруппировку, и утром ударная группа армии возобновила наступление в направлении на Тростянец. К исходу дня войска 40-й А находилась на рубеже Краснополье – Мезеновка – Славгородок – Мощеное, постепенно «смаывая» немецкую оборону к западу. Перед правым флангом армии противник начал отвод своих войск на Боромлю.

27-я А к исходу 7 августа продвинулась на юго-запад вдоль реки Ворскла и силами 4-го гв. тк овладела вражеским опорным пунктом в Большой Писаревке – центром шоссеинных дорог, а также прилегающим районом.

Войска СтепФ 6 и 7 августа продолжали наступление в условиях более упорного сопротивления противника, чем это было в полосе ВорФ. После потери Белгородского укрепленного района немцы перешли к подвижной обороне, прикрывая отступление к Харькову контратаками небольших групп пехоты силами от роты до батальона. Тыл 11-го ак группы «Кемпф» не был дезорганизован глубоким прорывом больших масс вражеской бронетехники – советских танковых армий, поэтому корпус сохранил возможность при отходе занимать эшелонированные в глубину оборонительные рубежи и многочисленные опорные пункты, опираясь на которые успешно задерживал вражеское продвижение.

В связи с необходимостью решения ближайшей оперативной задачи по овладению Белгородом командование СтепФ только 6 августа направило Верховному главнокомандующему следующий уточненный план дальнейшего проведения Харьковской фронтовой наступательной операции, согласованный с представителем Ставки маршалом Жуковым [782 - См.: Конев И. С. Указ. соч. С. 25–27.].

1. 53-я А с 1-м мк наступает вдоль шоссе Белгород – Харьков, нанося главный удар в направлении на Дергачи. Армия должна выйти на линию Ольшаны – Дергачи, сменив на этой линии части 5-й гв. ТА.

2. 69-я А наступает восточнее 53-й А в направлении на Черемошное. По достижении Черемошного 69-я А, передав две лучшие дивизии 53-й А, остается на доукомплектовании

во фронтовом резерве в районе Микояновка – Черемошное – Грязное (по оценке командования фронта, 69-й А необходимо было как можно быстрее дать на пополнение 20 тыс. человек).

3. 7-я гв. А наступает из района Пушкарное на Бродок и далее на Бочковку, сворачивая фронт противника с севера на юг. С рубежа Черемошное – Зиборовка армия должна нанести главный удар на Циркуны и выйти на линию Черкасское Лозовое (Черкасское-Лозовое) – Циркуны – Ключкин, а частью сил наступать от Зиборовки на Муром и далее на станицу Терновая для того, чтобы содействовать 57-й А в форсировании реки Северский Донец в районе Рубежное – Старый Салтов.

4. 57-ю армию ЮЗФ целесообразно передать в подчинение СтепФ для подготовки ее удара с линии Рубежное – Старый Салтов в общем направлении на станицу Непокрытая и далее на совхоз имени Фрунзе. 57-я А должна выйти на линию совхоз «Кутузовка» – совхоз имени Фрунзе – Рогань (северная). Если 57-я А будет оставлена в подчинении ЮЗФ, то командование этого фронта следует обязать перейти в наступление в указанном направлении с подходом 7-й гв. А в район Муром.

5. Для проведения операции по овладению Харьковом в состав СтепФ необходимо передать 5-ю гв. ТА, сосредоточив ее в районе Ольшаны – Старый Мерчик – Огульцы.

Второй этап Харьковской фронтовой операции, целью которого было взятие города Харькова и окружение харьковской группировки противника, командование СтепФ предлагало проводить по следующему ориентировочному плану:

- 1) 53-я А во взаимодействии с 5-й гв. ТА охватывает Харьков с запада и юго-запада;
- 2) 7-я гв. А наступает с севера на юг с линии Циркуны – Дергачи;
- 3) 57-я А наступает с востока с линии совхоз имени Фрунзе – Рогань, охватывая Харьков с юга;
- 4) 69-я А, если она будет к этому времени пополнена, развертывается на стыке 5-й гвардейской танковой и 53-й армий в районе Ольшаны, чтобы наступать на юг для обеспечения Харьковской операции с юга и выхода на линию Снежков Кут – Минковка – Просяное – Новоселовка;
- 5) левый фланг ВорФ выходит на линию Отрада – Коломак – Снежков Кут, – эту задачу должны выполнить 5-я гв. А и левый фланг 27-й А;
- 6) войска ЮЗФ наносят удар из района Замостья в общем направлении на Мерэфу, наступая по обоим берегам реки Мжа, частью сил наступают через Чугуев на Основу, а частью сил очищают от противника лес южнее Замостья и выходят к Новоселовке.

Для проведения наступательной операции по данному плану командование СтепФ запросило у Ставки Верховного главнокомандования следующие дополнительные силы и средства: 1) направить 20 тыс. личного состава на восполнение 69-й А и еще 15 тыс. для

пополнения дивизий 53-й и 7-й гвардейской армий; 2) выделить 200 танков типа Т-34, 100 – типа Т-70, 35 – типа КВ на доукомплектование танковых частей фронта; 3) передать фронту четыре полка самоходной артиллерии и две инженерные бригады; 4) довооружить авиацию фронта самолетами-штурмовиками, истребителями и бомбардировщиками в количестве: истребителей – 90 машин, бомбардировщиков – 40 машин, штурмовиков – 60 машин.

Данный план Харьковской операции был утвержден Ставкой в ночь на 6 августа. Соответственно, на СтепФ были направлены требуемые пополнения, с 24 часов 8 августа в подчинение его командования должна была быть передана 57-я А ЮЗФ, а с 9 августа – 5-я гв. ТА ВорФ.

В течение 6 августа соединения 53-й и правого фланга 69-й армий СтепФ очистили от противника Белгородский район и, развивая наступление на юг, к исходу дня овладели опорными пунктами Репное и Колония Дубовое, подойдя к промежуточной оборонительной позиции немцев на рубеже Долбино – Новая Деревня – Шагаровка – Таврово, где встретили сильное сопротивление.

Войска ударной группировки 69-й А в ночь с 5 на 6 августа готовились к форсированию реки Везелка и штурму опорного пункта врага в Супруновке, строили переправы и вели артобстрел позиций противника. На рассвете после короткой артподготовки штурмовые отряды 375-й сд под прикрытием артиллерийского и минометного огня начали форсировать реку Везелка. Германское командование попыталось воспрепятствовать этому с помощью авиации – до 50 самолетов стали бомбить боевые порядки дивизии, но к 6 часам 6 августа стрелковые подразделения 1243-го сп форсировали реку и, отбив две контратаки врага, ворвались в Супруновку [783 - См.: Айнутдинов С. Х. Указ. соч. С. 187–188.]. Используя успех полка, форсировали Везелку и остальные части дивизии. Левее в бой за Супруновку вступила 89-я гв. сд, и к 8 часам Супруновка была взята. После этого части 375-й Уральской и 89-й гвардейской стрелковых дивизий, отразив несколько контратак противника, овладели населенным пунктом Колония Дубовое.

Согласно боевому донесению командующего войсками СтепФ Верховному главнокомандующему об обстановке к 24 часам 6 августа 1943 года [784 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 44–45.], войска фронта в течение ночи с 5 на 6 августа полностью очистили город Белгород и с утра продолжали наступление. В ходе боев с прикрывающими частями 168, 198, 106-й пехотных и 6-й танковой дивизий противника, пытающимися удержаться на отдельных промежуточных опорных пунктах, войска к исходу дня продвинулись на 6–8 км и овладели пунктами Грязное, Репное, Красное, Супруновка, Пушкарное, Колония Дубовое. Авиационной разведкой установлено наличие окопов, занятых пехотой, на фронте Долбино – Новая Деревня – Таврово. Попытка в течение дня четырех разведчиков проникнуть в район Харькова не удалась. Район Харьков – Липцы прикрывается истребительной авиацией.

53-я А, преодолев отдельные опорные пункты противника по линии железной дороги, медленно продвигалась вперед и к исходу дня вела бой на линии урочище Пристенки – Новая Деревня – Шагаровка. 1-й мк, прорвав оборону противника, ворвался танковым

полком 35-й мбр в Долбино (немцам накануне пришлось эвакуировать оттуда штаб оперативной группы «Кемпф». – П. Б.), частями 37-й мбр – в Новую Деревню, а 219-й тбр – в Шагаровку, но, будучи неоднократно контратакован противником, корпус вынужден был отойти и к исходу дня продолжал вести бой за Долбино, Новую Деревню (в бою в районе южнее Стрелецкого 6 августа погиб командир 37-й мбр подполковник Павел Цыганенко, после чего на должность командира бригады был назначен подполковник Сергей Николаевич Горбунов, который также погиб уже 24 сентября 1943 года. – П. Б.). Авиация противника в течение дня группами 15–20 самолетов непрерывно бомбила боевые порядки армии и 1-го мк.

69-я А в ночь на 6 августа, закончив ликвидацию отдельных очагов сопротивления в городе Белгороде и пре одолев оборону противника на рубеже Красное – Супруновка, медленно с боями продвигалась вперед, овладев Колонией Дубовое, так что к исходу дня бой шел в лесу южнее Колонии Дубовое.

7-я гв. А в течение дня во взаимодействии с 375-й сд 69-й А овладела восточной частью Колонии Дубовое, на остальном участке фронта занимала прежнее положение.

ВВС фронта за 6 августа произвели 450 самолето-вылетов на штурмовку, бомбометание и разведку противника, при этом авиация противника совершила свыше 400 самолето-пролетов.

Как видно, 6 августа 5-я ВА оказала войскам СтепФ незначительную поддержку, поскольку в распоряжении генерала Горюнова оставалось только одно ударное объединение – 1-й шак генерала Рязанова, две штурмовые дивизии которого произвели за день всего 129 самолето-вылетов (1-й бак полковника Полбина в течение 5 и 6 августа привлекался к нанесению ударов в полосе ВорФ, оказывая содействие наступлению 27-й и 40-й армий). С другой стороны, командование немецкого 8-го авиакорпуса усилило прикрытие своих войск в районе Белгорода, направив для этого уже две группы истребителей, хотя они вновь действовали недостаточно результативно – общие потери корпуса генерала Рязанова за первые четыре дня боев составили 37 штурмовиков, причем половину из них удалось впоследствии эвакуировать с мест вынужденных посадок и отремонтировать [785 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 425–426.].

Утром 7 августа 53-я и 69-я армии СтепФ возобновили наступление, прорвали позиции немецкого 11-го ак на рубеже Долбино (северное) – Новая Деревня и к исходу дня вышли на линию Микояновка – Никольское, заняв эти опорные пункты. При этом части 375-й Уральской сд овладели населенными пунктами Таврово и Новая Нелидовка, наступающая правее 305-я сд овладела Старой Нелидовкой, а левее 89-я гв. сд – Бродоком. Части 28-й гв. сд 53-й А при поддержке 148-го тп взяли Новую Деревню и вышли на подступы к Головино.

Используя успех 69-й А, 7-я гв. А своим правым флангом прорвала позиции немцев на участке, обороняемом частями 106-й и 320-й пехотных дивизий, завязала бои по захвату неприятельских опорных пунктов в Таврово, Соломино, Топлинке и овладела ими к исходу дня 7 августа, завершив таким образом форсирование Донца. Преследуя

отступающую 106-ю пд противника, которой командовал генерал Вернер Форст (Werner Forst), 7-я гв. А частью сил вышла в район Никольское – Волково.

При этом 1-й бак полковника Полбина, вновь действовавший в интересах СтепФ, в первой половине дня нанес два массированных удара силами 54 самолетов по позициям противника в районах Таврово, Нечаево, Муром, Липцы, что, по отзывам командования 7-й гв. А, и позволило занять Таврово (согласно показаниям пленных, в результате бомбардировки 107-й артполк 106-й пд потерял до 75 процентов личного состава и материальной части) [786 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 428.]. Благодаря возвращению бомбардировочного корпуса интенсивность боевой работы 5-й ВА возросла до 757 дневных самолетовылетов за 7 августа.

В связи с тем, что советская 5-я гв. ТА глубоко продвинулась в полосе между реками Уды и Лопань, соединения 11-го ак оперативной группы «Кемпф» (168, 198, 106, 320-я пехотные дивизии, а также боевые группы 167-й пехотной и 6-й танковой дивизий, перешедшие под управление 11-го ак из состава 48-го тк 4-й ТА), которые после потери Белгорода удерживали фронт на Харьковском направлении между реками Северский Донец и Лопань, оказались глубоко охвачены с левого фланга. 6–7 августа 11-й корпус был атакован частями 5-го гв. мк 5-й гв. ТА из района Грязное (на глубине до 30 км от первоначальной линии фронта) и оказался в критическом положении, под угрозой немедленного окружения и полного разгрома. Командующий корпусом генерал Эрхард Раус приказал 168-й и 198-й пехотным дивизиям удерживать фронт на севере, со стороны Белгорода, тогда как фронт по реке Северский Донец продолжали оборонять 106-я и 320-я дивизии, а с тыла – по восточному берегу реки Лопань – корпус прикрыли остатки разгромленных и отрезанных от 4-й ТА 167-й пехотной и 6-й танковой дивизий (по утверждению генерала Рауса, от дивизий сохранились только разрозненные боевые группы, в которых насчитывалось всего 10 танков и около 500 солдат, без артиллерии и тяжелого оружия; по оценке генерала Мангарова, 167-я пд генерала Вольфа Триренберга, которая приняла главный удар 5-й гвардейской и 53-й армий Воронежского и Степного фронтов, за первые два дня боев потеряла почти все тяжелое оружие и транспорт, в ротах осталось по 15–20 человек боевого состава) [787 - См.: Огненная дуга. С. 531; Раус Э. Указ. соч. С. 312–313.].

В центре фронта 11-го ак германское командование старалось силами арьергардных боевых групп завязать бои вокруг крупных населенных пунктов и узлов сопротивления, блокирующих основные транспортные магистрали, чтобы приостановить или хотя бы задержать наступление соединений 53-й и 69-й армий и 1-го мк на Харьков. При этом они использовали тактику «отрыва», когда арьергарды до вечера сдерживали вражеские атаки, а с наступлением сумерек под прикрытием артиллерийского огня отводились на поспешно подготовленный в течение дня следующий рубеж обороны, оставив для маскировки незначительные подвижные отряды прикрытия. Эти отряды ретировались перед наступлением рассвета, предварительно обстреляв для вида передний край советских войск. Так, с утра 6 августа проходили упорные бои на рубеже Грязное – Репное, который советские войска преодолели только к 17 часам этого дня и вышли к поселку и станции Долбино. Однако в ночь на 7 августа немцы оторвались от преследования противника и

заняли новый рубеж обороны на линии Отрадное – Варваровка – Салтыково. После боев на этом рубеже к исходу 7 августа немцы отступили на линию Микояновка – Волково.

Со своей стороны командование немецкого 8-го авиакорпуса задействовало для поддержки 11-го ак две авиационные группы – 2-ю группу штурмовиков из состава эскадры SchG-1 под командованием капитана Франка Нойберта (Frank Neubert) и 3-ю группу бомбардировщиков эскадры KG-27 капитана Карла Майера (Karl Mayer), которые нанесли удары по колоннам советских войск южнее Белгорода и по боевым порядкам 1-го мк в районе села Веселая Лопань [788 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 430.].

Вместе с тем, как отмечает генерал Манагаров [789 - См.: Огненная дуга. С. 533–534.], тактика «отрыва» приносила немцам успех до 8 августа, пока перед ними были одни и те же уставшие в непрерывных боях части и подразделения, но затем советское командование перешло к непрерывному преследованию, перестроив боевые порядки передовых соединений в три эшелона, сменяющие друг друга для поддержания непрерывного контакта с противником. После этого немцам приходилось отступать, жертвуя отрядами прикрытия, которые практически полностью уничтожались в ходе ночных боев.

В то же время попытка глубоко охватить 11-й ак оперативной группы «Кемпф» с запада, предпринятая командованием 5-й гв. ТА, чтобы нанести эффективный фланговый удар, не удалась, хотя танковая армия уже действовала в глубоком оперативном тылу противника. Направленный для флангового удара 5-й гв. мк генерала Бориса Скворцова столкнулся с успешными занять оборону танками, штурмовыми орудиями и артиллерийскими частями противника. Для усиления обороны западного фланга генерал Раус направил танковую роту «Тигров» и роту штурмовых орудий (всего 25 боевых машин), два зенитных полка, сборные отряды из тыловых служб 11-го корпуса и наземных частей ВВС, которые сумели отразить атаки 150 советских танков, а 8 августа контратакой ликвидировали плацдарм противника, захваченный им на восточном берегу реки Лопань [790 - Раус Э. Указ. соч. С. 313.].

Это произошло потому, что командующий ВорФ генерал Ватутин согласился с предложением генерала Ротмистрова 7 августа вывести 5-й гв. мк из-под Грязного для развития прорыва 5-й гв. ТА на Дергачи. После этого командование ВорФ привлекло к действиям против немецкого 11-го ак войска 5-й гв. А – левофланговые стрелковые части 33-го гв. ск генерала Козлова, но их сил оказалось недостаточно для успешного удара через Лопань. Как видно, для генерала Ватутина гораздо более значимым представлялось достигнуть крупного успеха на своем фронте, чем организовать эффективное взаимодействие с соседом – войсками фронта генерала Конева. Вместе с тем атаки 5-го гв. мк все-таки оказали существенное влияние на развитие оперативной обстановки, поскольку были скоординированы с ударами СтепФ по правому флангу 11-го ак на Северском Донце. Пока все подвижные корпусные резервы немцев были заняты на западном фланге, командование советской 7-й гв. А начало массированное наступление через лесной массив севернее «болотного плацдарма», и к исходу 6 августа русские полностью овладели этим лесом. В течение ночи здесь были подготовлены укрепленные позиции и создан исходный район для развертывания ударной группировки. Попытки

немецкой 320-й пд в ночь с 6 на 7 августа выбить русских с плацдарма оказались безрезультатными.

Таким образом, к исходу 7 августа войска Воронежского и Степного фронтов расширили прорыв до 120 км и продвинулись в расположение противника в среднем на 60–65 км. При этом войска 1-й и 5-й гвардейской танковых армий к исходу 7 августа достигли тыловой полосы обороны ГА «Юг» на участке Богодухов – Золочев – Казачья Лопань, преодолев в ходе пяти дней наступления более 100 км, подошли к тыловому оперативному рубежу немцев и прорвали его соединениями 1-й ТА, овладевшими городом Богодуховом. С выходом 1-й ТА в район Богодухова была блокирована одна из основных коммуникаций харьковской группировки немцев – железная дорога и шоссе Харьков – Сумы, и одновременно занят крупный узел грунтовых дорог.

По оценке Манштейна [791 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 554.], после первых пяти суток сражения белгородско-харьковская группировка германских войск оказалась разделена на две части, разрыв между которыми к 8 августа достигал 55–60 км по фронту, что открывало перед противником путь на Полтаву и далее к Днепру. При этом фельдмаршал отмечает, что потери соединений достигли очень тревожных размеров; вследствие длительного перенапряжения две дивизии не смогли продолжать бой (по-видимому, 332-я и 167-я пехотные дивизии. – П. Б.); из-за быстрого продвижения противника было потеряно также большое количество танков, находившихся в ремонтных мастерских за линией фронта. Действительно, по воспоминаниям командующего 3-м гв. тк генерала Ивана Вовченко [792 - Вовченко И. А. Танкисты. М.: ДОСААФ, 1976. С. 175, 181.], на одном из сборных пунктов аварийных машин, куда противник доставил танки и САУ, подбитые в ходе его наступления на Курск, было захвачено около 200 поврежденных боевых машин. В ремонтных мастерских в районе Борисовки немцам пришлось самим уничтожить 35 танков типа «Пантера» [793 - См.: Лопуховский Л. Указ. соч. С. 498.].

8 августа 1943 года в ГА «Юг» прибыл начальник Генерального штаба сухопутных войск генерал Курт Цейтцлер, чтобы на месте выяснить обстановку. По воспоминаниям Манштейна [794 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 554–555.], он заявил Цейтцлеру, что теперь следует немедленно отдать Донбасс, чтобы высвободить силы для северного фланга группы и на юге удерживать по крайней мере Днепр. В противном случае необходимо, чтобы Генеральный штаб подтянул как можно быстрее к Днепру с других участков фронта не менее десяти дивизий на участок 4-й ТА и севернее – на участок соседней 2-й А группы «Центр» – и еще десять дивизий по направлению к Днепру. Однако и на этот раз не было принято кардинальных мер, хотя командование группы настойчиво и неоднократно просило принять решение по этому вопросу.

На самом деле в результате встречи Манштейна и Цейтцлера были приняты весьма важные решения, касающиеся организации обороны войсками ГА «Юг» и передачи для этого группе армий дополнительных сил с других участков Восточного фронта и из резерва Генерального штаба. По признанию Манштейна [795 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 556.], за август ГА «Юг» получила от Верховного главнокомандования вермахта дополнительно пять пехотных и одну танковую дивизии, не считая того, что в ее состав были переданы четыре пехотные дивизии 7-го ак, хотя присоединение этого корпуса

увеличило протяженность фронта 4-й ТА на 120 км. В распоряжении группы армий были оставлены три танковые дивизии СС: «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг», а также возвращена элитная мд «Великая Германия».

С учетом развития оперативной обстановки командование ГА «Юг» решило сосредоточить в районе Харькова контрударную группировку в составе танковых дивизий СС «Рейх» и «Мертвая голова», которые Гитлер теперь окончательно оставил группе армий «Юг», а также дивизии «Викинг», передав их все под управление 3-го тк генерала Германа Брейта (штаб 2-го тк СС после боев по ликвидации плацдарма противника на реке Миус был переведен в Европу, в Верхнюю Италию [796 - См.: Хауссер П. Войска СС в бою. М.: Издатель Быстров, 2006. С. 115.]). Эти силы должны были быть использованы оперативной группой «Кемпф» для контрудара по восточному флангу клина прорыва противника. Одновременно по его западному флангу планировалось нанести удар силами 4-й ТА, задействовав 7-ю и 11-ю танковые дивизии, а также мд «Великая Германия», возвращенную из ГА «Центр». Для укрепления обороны Харьковского направления выдвигалась 3-я тд.

В то же время благодаря противодействию томаровско-борисовской группировки немецкой 4-й ТА продвижение 5-й и 6-й гвардейских общевойсковых армий ВорФ было замедлено, их стрелковые части стали существенно отставать от быстро двигавшихся вперед танковых и механизированных соединений, так что основная группировка фронта на направлении главного удара оказалась сильно растянута. По свидетельству генерала Штеменко [797 - Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 233.], в ходе доклада обстановки Верховному главнокомандующему в ночь с 6 на 7 августа Сталин обратил внимание на разделение ударных сил ВорФ, часть из которых оказалась задействована для блокирования возможной угрозы со стороны войск противника в районе Томаровки и Борисовки. Соответственно, генералу Ватутину было немедленно направлено указание, где рекомендовалось вести 1-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии компактно, не допуская распыления их усилий в нескольких направлениях. Однако наступление 1-й ТА в этот период сражения происходило в темпе до 25 км в сутки, что привело к отрыву ее главных сил от общевойскового эшелона на расстоянии от 25 до 40 км (причем мотострелковые части и подразделения 1-й ТА также не успевали занимать указанные им районы, поскольку совершали марш пешим порядком из-за нехватки автотранспорта), а части 5-й гв. ТА к исходу 7 августа действовали на удалении 40–50 км [798 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 79; Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 482, 539; Огненная дуга. С. 519.]. Генерал Гетман отмечает [799 - Гетман А. Л. Указ. соч. С. 120.], что по характеру боевых действий наступление советских войск превратилось в танковый рейд с преследованием противника в отрыве от своих общевойсковых частей и соединений. В тылу танковых армий оставались отдельные части и боевые группы немцев, продолжавшие удерживать ряд опорных пунктов, дополнительно задерживая продвижение общевойскового эшелона. Все это создало определенные предпосылки для успеха контрудара, намечавшегося командованием ГА «Юг» против флангов вражеского вклинения.

Однако в данном случае остается открытым вопрос о целесообразности и оптимальности решений командования 4-й ТА использовать свои не полностью укомплектованные боевой техникой танковые соединения – 6, 11 и 19-ю танковые дивизии для проведения фланговых контрударов против явно превосходящих сил противника в самом начале сражения, а также для обороны Томаровско-Борисовского укрепленного узла обороны. При сложившемся на тот момент соотношении сил и средств боевой мощи этих дивизий было явно недостаточно для реализации неоднократно апробированного метода блокирования вражеских прорывов концентрическими ударами по флангам участка вклинения. Оборона Томаровско-Борисовского узла, оказавшегося в полуокружении на третий день наступления советских войск, также представлялась явно бесперспективной. В соответствии с принципами маневренной войны, которые декларировал фельдмаршал Манштейн, требовалось немедленно отвести подвижные соединения в заранее избранный район сосредоточения резервов, предназначенных для проведения мощного контрудара, – например, западнее и юго-западнее Ахтырки, где остатки 19-й дивизии в результате и оказались, только уже в ограниченно боеспособном состоянии.

Напротив, решения, принятые командованием 4-й ТА, показывают, что генералы Гот и Фангор пытались шаблонно применять хорошо знакомый метод фланговых ударов, игнорируя при этом реальное развитие оперативной обстановки. С другой стороны, возможно, они выполняли негласные указания штаба ГА «Юг», поскольку самоубийственные контратаки недостаточными силами и упорная оборона укрепленных пунктов оставались единственным средством хотя бы ненадолго замедлить вражеское продвижение, чтобы группа армий успела собрать в тылу какие-то резервы для восстановления рухнувшей обороны с помощью все тех же контрударов. Кроме того, в ситуации стремительного советского наступления командование 4-й ТА и 48-го тк, по всей вероятности, не располагало ни временем, ни управленческими возможностями организовать планомерный отход войск и своевременно вывести танковые дивизии из-под удара противника на тыловые рубежи. Выше было отмечено, что в 1943 году германская армия на Восточном фронте уже не превосходила противника по маневренности, поэтому немецкое командование вынуждено было прибегать к жесткой пассивной обороне в сочетании с плохо подготовленными и необеспеченными контрударами.

Также следует учесть, что штаб немецкого 52-го ак был разгромлен в самом начале советского наступления [800 - См.: Меллентин Ф. В. Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. СПб.: Полигон, 1998. С. 292.]; штаб 4-й ТА вынужден был эвакуироваться на четвертый день боевых действий; из четырех танковых соединений, подчиненных штабу 48-го тк, одно к исходу второго дня сражения оказалось в полуокружении, а второе было отброшено и изолировано в полосе соседнего оперативного объединения. Следовательно, возможность армейского и корпусного командования 4-й ТА влиять на ситуацию, вероятнее всего, была сильно ограничена, а в некоторые моменты управление войсками вообще отсутствовало, и тогда инициатива принадлежала дивизионным и полковым командирам. Косвенным подтверждением этому служат, во-первых, воспоминания начальника штаба 48-го тк генерала Меллентина, который почти не касается оборонительных боев в августе 1943 года, важнейших для его корпуса, 4-й ТА и всего Восточного фронта в целом [801 - Меллентин Ф. В. Указ. соч. С.

292–293.]. Во-вторых, по некоторым данным [802 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 308.], командованию 4-й ТА даже к 7 августа еще не удалось установить точный состав вражеской группировки, наступающей на Богодуховском направлении.

2.4. Развитие обстановки 8, 9 и 10 августа

В этот промежуток времени германское командование в первую очередь принимало все меры для скорейшей переброски и развертывания западнее Харькова танковых и моторизованных соединений с целью осуществления контрударов по флангам ударной группировки ВорФ. В район южнее и юго-восточнее Богодухова 8–9 августа прибыли танковые дивизии СС «Рейх» и «Мертвая голова», и уже к 10 августа их основные силы были развернуты здесь и задействованы в боях против советской 1-й ТА; 10 августа в район юго-западнее Богодухова начала прибывать и сосредотачиваться вблизи населенного пункта Старый Мерчик танковая дивизия СС «Викинг», в состав которой были включены части и подразделения, сформированные из добровольцев стран Западной Европы, Прибалтики и Скандинавии – добровольческая штурмовая бригада «Валлония» (SS-Freiwilligen-Sturmbrigade «Wallonien») под командованием штурмбаннфюрера СС Люсьена Липперта (Lucien Lippert, погиб 13 февраля 1944 года в котле под Корсунь-Шевченковским), панцер-гренадерский полк «Германия» (SS-Panzergrenadier-Regiment «Germania») оберфюрера СС Юргена Вагнера (Jürgen Wagner), панцер-гренадерский полк «Вестланд» (SS-Panzergrenadier-Regiment «Westland») обер-штурмбаннфюрера СС Августа Дикманна (August Dieckmann, погиб 10 октября 1943 года в ходе битвы за Днепр), эстонский добровольческий панцер-гренадерский батальон «Нарва» (Estonien SS-Freiwilligen-Panzergrenadier-Batallion «Narwa») [803 - См.: Ньютон С. «Пожарник» Гитлера – фельдмаршал Модель. С. 490–491.]. Для усиления ГА «Юг» германский ГШ сухопутных войск принял решение передать ей из группы армий «А»

355-ю пд, которая начала передислоцироваться из Крыма в район Полтавы.

Одновременно благодаря широкому применению инженерных заграждений местности, установке противотанковых и противопехотных мин, массовому разрушению мостов, железных и грунтовых дорог немцам удалось создать большие трудности для наступающих советских войск, замедлить их продвижение и понизить боеспособность красноармейцев, измотанных преодолением препятствий.

С другой стороны, войска ВорФ продолжали стремиться к развитию наступления в юго-западном и западном направлениях с целью блокировать основные транспортные пути, идущие из района Харькова на запад, а также расширить прорыв на запад. Достижение этих целей подготавливало окружение харьковской группировки германских войск, затрудняло ее усиление резервами, а также позволяло прикрыть правый фланг ударной группировки СтепФ, наступавшей на Харьков.

Советская 1-я ТА после овладения 7 августа районом города Богодухова продолжала развивать наступление на юг в общем направлении на Ковяги, выполняя задачу в кратчайшие сроки перерезать пути сообщения Харьков – Полтава (в 30 км южнее Богодухова). В соответствии с приказом командующего ВорФ, полученным вечером 7

августа, 1-я ТА должна была главными силами овладеть рубежом Алексеевка – Высокополье – Левандаловка – Ковяги, а передовыми отрядами взять Коломак и Валки, а также перерезать железную дорогу Харьков – Полтава [804 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 83.]. Для решения поставленной задачи генерал Катукон решил ввести в сражение на левом фланге армии 31-й тк, сосредоточивавшийся во втором эшелоне в районе Малой Писаревки (после боев по ликвидации томаровско-борисовской группировки в корпусе генерала Дмитрия Черниенко насчитывалось 50 боеготовых танков), чтобы занять рубеж Сквородиновка – Большая (Великая) Рогозянка и прикрыть главные силы армии с востока, тогда как 6-й тк получил распоряжение наступать на Александровку, Высокополье, Коломак, а 3-й мк – на Максимовку, Ковяги.

Во второй половине дня 7 августа 112-я и 200-я танковые бригады 6-го тк под командованием полковников Михаила Леонова и Николая Моргунова действовали в направлении на Александровку и Мурафу. Их западный фланг обеспечивал 5-й гв. тк генерала Кравченко, имевший задачу выйти в район Купьевахи, а восточнее, в направлении Кленовое – станция Максимовка, наступал 3-й мк генерала Кривошеина. Одновременно частью сил – 22-я тбр полковника Нила Веденичева из второго эшелона 6-го тк – 1-я ТА вела бои в районе севернее Богодухова с отдельными группами противника, отступающими от Борисовки и Головчино, стремясь прорваться в южном направлении. Так, по советским данным [805 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 487.], в районе села Ново-Софиевка танковыми частями была уничтожена немецкая колонна в составе 35 танков и 200 автомашин с пехотой, которые пытались прорваться на Купьеваху.

По свидетельству генерала Гетмана [806 - Гетман А. Л. Указ. соч. С. 111.], после взятия Богодухова оперативная обстановка в полосе наступления 1-й ТА стала постепенно осложняться: восточнее Богодухова противник прочно удерживал позиции в районе населенных пунктов Рогозянка, Сквородиновка, Бабовка, где появились новые танковые и моторизованные части, что позволяло предположить подготовку отсюда контрудара на Братеницу; кроме того, вражеские резервы стали подходить на рубеж реки Мерчик, где до этого оборонялись только отдельные части немецкой 332-й (в районе Мурафы) и 255-й (в районе Хрущевой Никитовки) пехотных дивизий. В связи со сложившейся ситуацией 6-я мсбр 6-го тк была оставлена в резерве в Богодухове. Вечером 7 августа передовые отряды 3-го мк, продвигавшиеся в направлении на Старый Мерчик, встретились с авангардами танковой дивизии СС «Рейх», которая прибывала в район Ольшаны, чтобы вместе с дивизиями «Мертвая голова» и «Викинг» прикрыть разрыв фронта немецких войск южнее и юго-восточнее Богодухова. В результате сопротивления противника перед фронтом и в тылу 1-й ТА задача по выходу на рубеж Высокополье – Ковяги оставалась нерешенной.

В штабе ВорФ также обратили внимание на изменение оперативной ситуации, но, учитывая волю Ставки, командование фронта по-прежнему требовало наступать, хотя для перестраховки одновременно приказывало закрепляться на достигнутых рубежах и создавать оборону. Так, 8 августа генерал Ватутин приказал командованию 1-й ТА организовать прочную противотанковую оборону с использованием танков, артиллерии, противотанковых ружей и мин, а 9 августа направил распоряжение, в котором расценивал

переход армии к обороне как абсолютно неправильное решение, поскольку перед ней находится только ослабленная боями дивизия СС «Рейх» [807 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 383–384.]. По-видимому, мнение Ватутина изменилось после получения информации об успешном боевом столкновении с эсэсовцами южнее Богодухова.

Около 17 часов 7 августа передовые отряды 3-го мк 1-й ТА встретились юго-восточнее Богодухова с авангардами спешно выдвигавшейся в этот район танковой дивизии СС «Рейх» под командованием группенфюрера СС Вальтера Крюгера (Walter Krüger). Присутствие советских войск южнее Богодухова стало для эсэсовцев совершенно неожиданным – во второй половине дня 7 августа на аэродром Богодухова приземлились четыре немецких самолета, в том числе самолет связи с оперативными документами, поскольку германское командование еще не получило сведений о взятии города русскими [808 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 82.] (как видно, штаб генерала Гота покидал Богодухов в очень большой спешке). Передовой отряд 1-й гв. тбр полковника Горелова завязал бой с авангардом правой колонны противника в районе совхоза «Рогозянка», разведывательный отряд корпуса столкнулся с танками противника 3 км юго-западнее, а передовые части левой колонны эсэсовской дивизии были обнаружены разведкой 10-й мбр полковника Ивана Яковлева (Иван Иванович Яковлев). Командующий 3-м мк генерал Кривошеин быстро оценил обстановку и решил на следующий день с обоих флангов охватить части танковой дивизии СС «Рейх», успевшие выйти на рубеж хутор Зиньковский – Балановка, и во встречном бою разгромить их. Для того чтобы выиграть время и упредить вражескую танковую дивизию в развертывании, 8 августа бригады корпуса вступали в бой последовательно. Вначале нанесли удар 1-я гвардейская танковая и 10-я механизированная бригады, а затем из-за правого фланга 10-й мбр была введена в бой 3-я мбр полковника Амазаспа Бабаджаняна, находившаяся во втором эшелоне. Противник не успел произвести сосредоточение, и его передовые части, не получив помощи от главных сил, понесли большие потери и вынуждены были отойти за реку Мерчик в 16–18 км южнее Богодухова, уступив русским выгодный район для развертывания танковой дивизии в непосредственной близости от города.

В соответствии с поставленной командованием задачей основные силы 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов в течение 8 и 9 августа форсировали реку Мерла, продвинулись на 15 км и заняли села Мурафа, Хрущевая Никитовка, Александровка, Кияны, но затем были временно задержаны на рубеже реки Мерчик, поскольку немцы разрушили мосты и активно препятствовали наведению переправ артогнем с южного берега.

Используя рубеж реки Мерчик и прибывающие танковые части СС, немцы сумели вновь организовать здесь оборону и приостановить дальнейшее продвижение 1-й ТА.

Войска 27-й А с утра 8 августа продолжали наступление по обеим берегам реки Ворскла, преследуя отступающие перед ними разрозненные части из состава 332-й и 255-й пехотных и 19-й танковой дивизий, а также основные силы 11-й тд, и к исходу 9 августа вышли на рубеж Кириковка – северная и восточная окраины Старой Рябины – Купьеваха. В авангарде армии действовали 4-й и 5-й гвардейские танковые корпуса генералов Павла

Полубоярова и Андрея Кравченко, которые к 10 августа обошли с северо-запада и юга опорные пункты противника в селах Старая Рябина и Яблочное, после чего их гарнизоны поспешно отступили, открыв 27-й А путь для развития наступления на Ахтырку и Котельву. Танковый корпус генерала Полубоярова завязал бои на ближних подступах к Ахтырке, а корпус генерала Кравченко овладел Каплуновкой и вел бой за Пархомовку. Для организации обороны на Ахтырском направлении командование немецкой 4-й ТА сформировало сводную боевую группу из танковых и моторизованных частей 11-й и 19-й танковых дивизий, спешно перебрасывало сюда части мд «Великая Германия» (выгружавшаяся с 8 августа в Ромнах дивизия ускоренными маршами выдвигала свои части на Лебедин, Тростянец и Ахтырку), а также привлекло к поддержке 48-го тк значительные силы авиации (10 и 11 августа командование 8-го авиакорпуса сосредоточило основные усилия на фронте 4-й ТА в районе Ахтырки [809 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 384.]).

Советские 5-я гвардейская и 5-я гвардейская танковая армии, овладев 6 и 7 августа районами Золочева и Казачьей Лопани, продолжали наступать в южном направлении. 8 августа арьергарды 3-й тд противника упорной обороной сдерживали их южнее Золочева. Продвинувшись главными силами за день на 6—12 км, к исходу 8 августа обе армии достигли рубежа Большая Рогозянка – Мироновка, где дальнейшее продвижение было приостановлено на позициях перед сильными опорными пунктами, подготовленными противником в селах Ольшаны, Полевое, Дергачи, Пересечная. В этом районе сосредоточились основные силы немецкой 3-й тд, командир которой генерал Вестховен организовал ведение сдерживающих боев, используя систему узлов сопротивления и опорных пунктов в Полевом, Ольшанах, Пересечной с целью задержать наступление русских северо-западнее Харькова.

32-й гв. ск 5-й гв. А после выполнения задачи под Головчино и Борисовкой был развернут на юг и форсированными маршами к 10 августа вышел южнее Золочева, опередив 33-й гв. ск. Используя успех 1-й ТА, к 11 августа правофланговые части 32-го корпуса генерала Александра Родимцева вышли в район Крысино (Крысино, 10 км юго-восточнее Богодухова) – Кадница – Гуриновка.

В соответствии с планом проведения Харьковской фронтовой операции по указанию Ставки Верховного Главнокомандования вечером 9 августа 5-я гв. ТА была выведена в резерв в район Сенное и передана в подчинение командующего СтепФ.

6-я гв. А, выведенная по завершении ликвидации борисовской группировки немцев в резерв ВорФ, сосредоточивалась в районе Золочева, частью своих сил выполняя задачу по ликвидации остатков вражеских частей в районе Казачья Лопань – Золочев – Богодухов.

На правом крыле ВорФ войска 40-й А 8 августа продолжили наступление с рубежа Краснополье – Поповка – Славгородок и к исходу дня овладели районом Жигайловка – Печины – Ницаха, продвинувшись на 8—15 км. Для прикрытия этого направления командование немецкой 4-й ТА по-прежнему задействовало части 323-й и 57-й пехотных дивизий, 7-й тд и мд «Великая Германия», которые пытались навязать русским арьергардные бои, используя отдельные населенные пункты, лесные массивы и

встречающиеся на местности водные преграды. 9 августа правофланговые соединения 40-й А продвинулись на 4–5 км и овладели важным узлом сопротивления противника Чернетчина, а на левом фланге 10-й тк генерала Алексеева глубоко вклинился в оборону противника, пройдя за день до 20 км. К исходу 9 августа передовые части 10-го тк завязали бои за крупный транспортный узел Тростянец, перерезав рокадную шоссею и железную дороги Сумы – Боромля – Ахтырка. 10 августа, отбросив на запад немецкие пехотные части и 7-ю тд, 40-я А продвинулась на правом фланге и в центре еще на 10–12 км, овладев селом Гребенниковка (Гребениковка) и станцией Боромля. На рубеже Боромля – Тростянец наступление 40-й А было приостановлено контратаками главных сил мд «Великая Германия».

По свидетельству маршала Москаленко [810 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 87–88.], германское командование, видя угрозу, нависавшую над левым крылом войск его 4-й ТА, стремилось любой ценой остановить дальнейшее продвижение правого крыла ВорФ. С этой целью оно решило ввести в сражение мд «Великая Германия» и часть сил 57-й пд, используя их для частных контратак против 40-й А. Однако командование 40-й А заблаговременно получило данные о переброске этой мд в район Боромли от сдавшегося в плен немецкого офицера из штаба 7-й тд, сообщение которого вскоре подтвердил захваченный командир танковой роты 51-го отдельного танкового б-на, показавший, кстати, что его батальон имеет до 80 танков. Таким образом, ввод в сражение дивизии, на которую командование противника возлагало большие надежды, не стал неожиданным для советских войск.

С целью обеспечения правого фланга 40-й А 8 августа в наступление против 7-го ак группы армий «Центр» (командующий корпусом генерал артиллерии Эрнст Хелл, Ernst-Eberhard Hell) перешли соединения 38-й А ВорФ под командованием генерала Никандра Чибисова (бывшего штабс-капитана царской армии и георгиевского кавалера). Войска левого фланга и центра 38-й А – 38, 167 и 340-я дивизии – получили приказ наступать из района северо-западнее Краснополя в общем направлении на Верхнюю Сыроватку, однако их попытки прорвать фронт противника 8 августа не имели успеха, на отдельных участках продвижение составило от 2 до 5 км [811 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 311.]. В ходе Курской оборонительной операции у 38-й А были изъяты 204-я сд и две танковые бригады (180-я и 192-я бригады, насчитывавшие 106 танков), то есть значительная часть личного состава – приблизительно 30 тыс. солдат и офицеров, а также много артиллерии – 148 орудий и 166 минометов, так что к 20 июля 1943 года в этой армии насчитывалось около 47 тыс. человек списочного состава, 450 орудий и 829 минометов [812 - См.: Лопуховский Л. Указ. соч. С. 32, 597; Огненная дуга. С. 346.]. При подготовке к операции «Полководец Румянцев» армия значительного усиления не получила – только две артбригады (88-я и 101-я артбригады [813 - ЦАМО РФ. Ф. 393. Оп. 9005. Д. 67. Л. 12.]), а в распоряжение 50-го ск, которым командовал генерал Саркис Мартиросян, перед самым началом наступления была передана 38-я сд из оперативного резерва ВорФ (дивизия была сформирована в мае 1943 года на базе дислоцированной под Россошью стрелковой бригады, командир дивизии полковник Сергей Скляр). Однако это все равно не позволило создать на левом фланге 38-й А такое же подавляющее преимущество в силах и средствах над оборонявшейся на этом участке немецкой 68-й пд,

которое было у советских войск на направлениях главного и вспомогательного ударов ВорФ.

Как отмечает ветеран 38-й сд полковник Александр Лебединцев (который прошел боевой путь от командира взвода пешей разведки до начальника штаба стрелкового полка, находясь более двух лет и двух месяцев непосредственно на переднем крае советско-германского фронта, и участвовал в боях в районе Сум в звании старшего лейтенанта в качестве помощника начальника штаба 48-го сп по разведке. – П. Б.) [814 - Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. М.: Яуза; Эксмо, 2004. С. 158, 375–380.], атака позиций противника в районе села Зацарное была назначена на 7.30 утра, после получасовой артподготовки штатными артиллерийскими средствами дивизии. В результате плотность артиллерии составила всего около 30 орудий и минометов на 1 км фронта прорыва, чего не хватило для подавления огневой системы противника. Пехота перешла в атаку после залпа реактивных минометов вместе с полковыми орудиями сопровождения на конной тяге и немедленно оказалась накрыта методическим заградительным огнем полевой артиллерии противника, который велся по заранее пристрелянным рубежам. Пулеметные огневые точки немцев блокировали какой-либо маневр силами и средствами на поле боя, а резервов не было. В сложившейся ситуации пехота залегла и начала окапываться, а орудия пришлось буксировать вручную в связи с потерей лошадей. Тогда командир дивизии полковник Склярков решил провести повторную артподготовку новой атаки, назначив ее на 16 часов, но она также успеха не имела. На следующий день – 9 августа – характер боевых действий не изменился, только местами на некоторых участках удалось ворваться в первую траншею противника. При этом за два дня боев два полка дивизии, задействованные в операции, потеряли около 2 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными.

Аналогичные потери понесли и другие соединения – по данным штаба 38-й А [815 - ЦАМО РФ. Ф. 393. Оп. 9005. Д. 67. Л. 12.], каждая из трех дивизий, которые участвовали в боях с 8 по 12 августа 1943 года – 38, 232 и 340-я дивизии, – имела потери от 2 до 6 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными. Соответственно, 10 августа полковник Склярков был отстранен от должности командира дивизии, а командование соединением принял подполковник Филипп Есипов (с 26 августа 1943 года Сергей Федорович Склярков стал командиром 218-й сд 47-й А, в октябре был произведен в генералы и погиб 12 ноября этого же года, а Филипп Степанович Есипов погиб в бою под Сумами 8 сентября 1943 года, после чего командование 38-й сд принял полковник Александр Владимирович Богданов. – П. Б.).

С другой стороны, 26-я пд немецкого 7-го ак, которая в начале Курской битвы занимала участок на левом фланге обороны – против стыка Воронежского и Центрального фронтов, к 20 июля 1943 года была переброшена под Болхов и передана 2-й ГА группы армий «Центр», а находившаяся в корпусном резерве дивизионная боевая группа 323-й пд поступила в распоряжение командования ГА «Юг» и с 6 августа была задействована в боях против 40-й А ВорФ. Все это существенно ослабило оборону корпуса генерала Хелла, поскольку он лишился оперативного резерва, а оставшиеся три пехотные дивизии (68, 75, 88-я) вынуждены были растянуть участки своей обороны, чтобы прикрыть фронт протяженностью более 60 км. Соответственно, используя постепенное ослабление

противника и продолжая наступление на широком фронте, чтобы лишить немцев возможности маневрировать тактическими резервами, а также наращивая усилия на главных направлениях за счет общего численного и материального превосходства, войска 38-й А к 9 августа вклинились в немецкую оборону на 3–5 км. На следующий день советские части прорвали главную оборонительную полосу на всю глубину на участке протяженностью до 20 км и к исходу 10 августа с боями вышли на рубеж Железняк – Большой Бобрик, завязав бои за важный опорный пункт Верхняя Сыроватка.

Таким образом, к 10 августа четыре армии левого крыла ВорФ (5-я и 6-я гвардейские, 1-я и 5-я гвардейская танковые армии) на всю глубину прорвали оборону ГА «Юг», вышли в тыл противника на фронте протяженностью 50–60 км и в дальнейшем могли быть использованы для выполнения оперативных задач по решительному разгрому и уничтожению отдельных группировок германских войск. После овладения районом Богодухова пути, ведущие из Харькова на северо-запад, оказались перерезаны. Кроме того, возникла серьезная угроза основным коммуникациям харьковской группировки противника, идущим на Полтаву. В центре и на правом крыле ВорФ 27-я и 40-я армии достигли рубежа Боромля – Ахтырка – Котельва, создав выгодные предпосылки для дальнейшего развития наступления на Полтавском и Гадячском направлениях. Особую угрозу для противника представляла группировка войск 27-й и 1-й танковой армий, которая глубоко вклинилась в расположение ГА «Юг» на стыке 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф», надвое разрезав германскую оборону.

В боях с 3 по 10 августа войска ВорФ фактически полностью разгромили 19-ю танковую, 255-ю и 332-ю пехотные дивизии, которые теперь необходимо было реорганизовывать и восстанавливать за счет пополнений (255-я пехотная и 19-я танковая дивизии были временно выведены на пополнение в Лебедин, поэтому сохранили ограниченную боеспособность, и к 31 августа 1943 года 19-я тд все еще насчитывала 39 танков, из которых 9 боеготовых, а вот 332-я пд была 3 сентября полностью расформирована [816 - См.: Залесский К. Вермахт. С. 581; Томзов А. Потери бронетехники группы армий «Юг» в Курской битве. Немецкая бронетехника на Курской дуге. Приложение III // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 825; ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 228. Л. 4.]), а также нанесли тяжелые потери 7-й и 11-й танковым и 57-й пехотной дивизиям. По советским данным [817 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 492.], к 11 августа противник потерял около 50 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными и 3742 пленными, 320 танков, 524 орудия, 850 пулеметов, 6 тыс. винтовок, 1830 автомобилей и 40 самолетов.

На Харьковском направлении 8 августа продолжались ожесточенные бои: 53-я А с 1-м мк к исходу дня вышла на рубеж южнее Казачьей Лопани – северные окраины Журавлевки (на границу Белгородской и Харьковской областей); 69-я А достигла рубежа высота 219 – Ревенек; 7-я гв. А овладела сильным опорным пунктом в селе Зиборовка, продвинулась к северной окраине Ревенек и Коровино. 9 августа войска 53, 69 и 7-й гвардейской армий стремительно преследовали отходящие немецкие части и прошли от 14 до 20 км, выйдя к предполью Харьковского укрепленного района, однако задача, поставленная командованием СтепФ перед 1-м мк, – овладеть Дергачами (в 8–10 км к северо-западу от Харькова) – пока осталась невыполненной. В этот же день 1-й бак

полковника Полбина нанес удары по центру Харькова, а также аэродромам противника вблизи города, в районах Померки и Сокольники (поскольку уже с 6 августа на эти аэродромы каждую ночь совершали налеты части 6-го бак дальнего действия под командованием генерала Георгия Тупикова, командование немецкого 8-го авиакорпуса вынуждено было начать перебазирование своих частей на аэродромы Полтавы, Миргорода и Конотопа, завершив его к 11 августа) [818 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 433–434.].

По воспоминаниям генерала Рауса [819 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 328, 356–361; Раус Э. Указ. соч. С. 313–314, 341–347.], утром 8 августа советские войска прорвали оборону 168-й пд и перерезали шоссейную дорогу Белгород – Харьков, а также продолжали попытки осуществить глубокий обход 11-го ак с юга, продвинувшись вниз по течению реки Лопань и форсировав реку, однако прорыв был ликвидирован контратакой частей 6-й тд, а продвижение с плацдарма на Лопани приостановлено ударом 228-го батальона штурмовых орудий, выдвинувшегося из Харькова (42 боевые машины). Этот батальон должен был стать подвижным резервом 11-го корпуса. Вместе с тем глубокий обход вынудил Рауса оставить позиции на западном берегу Северского Донца и в ночь с 8 на 9 августа ускорить отвод дивизий 11-го корпуса на юг, в район Харькова. Советские войска организовали преследование отступающих, атаковав их арьергарды с запада и севера стрелковыми частями 5-й гв. А, форсировавшими реку Лопань в районе поселка Казачья Лопань, а также танками 1-го мк, двигавшимися вдоль шоссе Белгород – Харьков. Походные колонны 11-го ак бомбардировала и штурмовала советская авиация (9 и 10 августа 1-й шак 5-й ВА СтепФ совершал ежедневно более 200 самолето-вылетов, нанося удары по опорным пунктам на пути продвижения войск фронта, тогда как 1-й бак сосредоточил усилия на поражении колонн противника, отступавших в направлении тыловой полосы обороны – на Циркуны, Померки, Русское Лозовое, Черкасское Лозовое, а также отходивших в район Харькова [820 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 432–433.]), поэтому ночной переход задержался, и немцы не успели к рассвету выйти на новый промежуточный рубеж обороны. Танки противника прорвались вдоль шоссе, и командир 168-й пд генерал Вальтер д'Болье без приказа отвел свои части в тыл, так что связь с его штабом и основными силами дивизии была восстановлена только к 11 августа. По признанию генерала Рауса, 11-й корпус оказался накануне полного разгрома, солдат охватила паника, поэтому он был вынужден лично сформировать и возглавить сборную боевую группу из подразделений зенитной артиллерии, штурмовых орудий и пехоты, которые заняли позиции вдоль шоссе Белгород – Харьков, где отступала основная масса войск корпуса. Наладив взаимодействие с истребительной и штурмовой авиацией, этой боевой группе в течение 9 августа удалось сдерживать наступление советских танков с севера, от Белгорода. На западном фланге корпуса атаки противника с трудом отражала 6-я тд, также при поддержке штурмовой авиации, но для ее усиления был направлен батальон штурмовых орудий, организовавший несколько удачных контратак, после которых советские войска вновь отошли к реке Лопань. Генерал Раус утверждает [821 - Раус Э. Указ. соч. С. 346.], что за 9 августа в полосе действий 11-го ак было подбито и уничтожено до 60 советских танков.

С другой стороны, поспешное «отступление» (бегство) немецкой 168-й пд позволило частям 28-й гв. сд 53-й А, усиленной 219-й тбр 1-го мк, почти не встречая сопротивления,

с ходу занять танковыми десантами совхоз «Тракторист», село Головино и к утру 8 августа выйти на подступы к Микояновке и Варваровке [822 - Вязанкин И. А. Указ. соч. С. 64–66.]. При этом внезапными атаками было уничтожено несколько пеших и обозных колонн 168-й пд.

В ночь с 9 на 10 августа 11-й ак продолжил отход к Харькову, удерживая фронт протяженностью от 35 до 40 км. В авангарде отходила артиллерия, в арьергарде саперные подразделения и штурмовые орудия. Советские войска наступали, подтягивая основные силы стрелковых соединений и артиллерии, а также проводя разведывательные поиски, чтобы не потерять контакта с отступающими немцами. Так, командир 92-го гв. сп 28-й гвардейской дивизии гвардии подполковник Филипп Петрович Сухан сформировал небольшой моторизованный отряд из противотанковой артиллерии и пехоты, посаженной на артиллерийские тягачи, и за счет этого организовал непрерывное преследование противника, обеспечивая быстрое развертывание ударной группы полка для атаки вражеских арьергардов [823 - См.: Огненная дуга. С. 534.]. За 8 и 9 августа соединения 53, 69 и 7-й гвардейских армий продвинулись на 30 км и подошли к оборонительному рубежу, который входил в систему укрепленного предполья, прикрывавшего внешний харьковский обвод на фронте Долбино – Слати но – Липцы – северная окраина Веселое – Перемога (исключительно).

1-й мк к 5 часам утра 10 августа сосредоточился в районе Михайловки и Шаповаловки для наступления в направлении поселка Полевое (14 км северо-западнее Харькова) и населенного пункта Коротич (8 км юго-западнее Харькова). Корпус получил задачу отрезать харьковской группировке пути отхода на запад, однако, продвинувшись вперед на 5 км, был остановлен упорным сопротивлением противника.

В соответствии с планом с целью ускорения окружения и разгрома харьковской группировки немецких войск путем объединения руководства всеми войсками, наступавшими на Харьков, в руках одного фронтового командования решением Ставки Верховного Главнокомандования в распоряжение СтепФ с 24 часов 8 августа была передана правофланговая 57-я А ЮЗФ.

57-я А (командующий армией генерал Николай Гаген, начальник штаба генерал Василий Карпухин) в составе 9 стрелковых дивизий (3 под управлением 27-го гв. ск, три – под управлением 64-го ск), 1 отдельной истребительной бригады, 2 отдельных танковых бригад, 1 легкой и 1 гвардейской пушечной артбригад, 1 гвардейского пушечного и 2 истребительно-противотанковых артполков, 1 минометного и 2 гвардейских минометных полков, 1 зенитного артполка насчитывала около 65 тыс. солдат и офицеров и от 80 до 109 танков [824 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 339; Советские танковые войска 1941–1945. С. 138.]. Армия занимала полосу протяженностью приблизительно 65 км от Волчанска до Малиновки. Здесь в первом эшелоне на рубеже восточного берега Донца были развернуты 19, 52, 303, 24, 113 и 41-я гвардейская стрелковые дивизии. Во втором эшелоне в районе Белый Колодезь – Васильевка – Красноармейское были сосредоточены 14, 48 и 58-я гвардейские стрелковые дивизии 27-

го гв. ск под командованием генерала Федора Швердина, а также обе танковые и истребительная бригады.

Командующий СтепФ генерал Конев поставил 57-й А следующую задачу – передовыми частями 9 августа форсировать реку Северский Донец, обеспечить плацдармы и быть в готовности перейти в решительное наступление главными силами в общем направлении на Рогань – Основа, охватывая Харьков с юга.

7-я гв. А к 9 августа продвинулась к югу вдоль западного берега Северского Донца до рубежа Веселое – Перемога, вынудив командование оперативной группы «Кемпф» отвести 282-ю пд 42-го ак, которой командовал генерал Вильгельм Колер (Wilhelm Kohler), и открыть фронт обороны на Донце вплоть до самого правого фланга 57-й А – до Рубежного. Это облегчило задачу 57-й А генерала Гагена по форсированию Северского Донца, которое было успешно проведено 9 августа правофланговыми 19-й и 52-й стрелковыми дивизиями армии в районе Рубежное. Прорвав первую линию обороны немецкого 42-го ак на участке 282-й пд, войска 57-й А к исходу этого же дня вышли на фронт Перемога – Старый Салтов. Командование группы «Кемпф», опасаясь окружения частей 39-й пд генерала Максимилиана Хюнтена (Maximilian Hüntten), удерживавших чрезмерно протяженный участок обороны, санкционировало и ее отход. Поэтому за 10 августа соединения 57-й А преодолели Северский Донец на широком фронте от Старого Салтова до Мартовой. В центре силами 24-й и 303-й Кузбасской стрелковых дивизий под командованием генерала Федора Александровича Прохорова и полковника Константина Степановича Федоровского армия вышла в район населенного пункта Большая Бабка, а на левом фланге части 113-й дивизии генерала Евгения Степановича Алехина овладели крупным узлом сопротивления Печенеги и очистили от противника большой лесной массив севернее.

С учетом открывавшихся возможностей и, следуя первоначальному замыслу операции, Ставкой Верховного Главнокомандования планировалось нанести по Харьковскому району концентрический удар с нескольких направлений при одновременном глубоком охвате города. На Харьков должны были наступать 5-я гвардейская танковая, 53, 69, 7-я гвардейская и 57-я армии.

ВорФ силами трех армий должен был наступать на Ахтырку, а частью сил – на Мерефу, в обход Харькова с северо-запада. Одновременно в распоряжение командующего фронтом для выполнения задач второго этапа операции «Полководец Румянцев» поступали из резерва Ставки 47-я А под командованием генерала Павла Корзуна и 4-я гв. А генерала Григория Кулика.

В то же время маршал Василевский, на которого возлагалась координация действий Юго-Западного и Южного фронтов, должен был 10 августа передать Ставке на утверждение план операции этих фронтов по освобождению Донбасса [825 - Василевский А. М. Указ. соч. С. 285.]. Согласно плану, ЮЗФ наносил главный удар от Северского Донца на юг, в направлении Горловки и Сталино, а частью сил наступал на Мерефу с целью содействия СтепФ в изоляции Харькова (то есть фронт действовал по расходящимся направлениям). ЮФ получил задачу наступать из района южнее

Ворошиловграда и с рубежа реки Миус на запад, на Сталино, навстречу главному удару ЮЗФ. Готовность этих двух фронтов к выполнению задачи устанавливалась на 13–14 августа.

В ночь на 10 августа Ставка Верховного Главнокомандования указала маршалу Жукову изолировать Харьков путем скорейшего перехвата основных железнодорожных и шоссейных сообщений в направлениях на Полтаву, Красноград, Лозовую, используя для этой цели 1-ю ТА, которая должна наступать на Ковяги, Валки, а также 5-ю гв. ТА – для удара на Мереху, в обход Харькова с юго-запада [826 - См.: Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 233–234.]. В 13.30 10 августа в штаб ВорФ поступила соответствующая директива Ставки Верховного Главнокомандования. На основе указаний, полученных от маршала Жукова и Ставки, командующий ВорФ поставил 1-й танковой и 5-й гвардейской армиям новые задачи [827 - См.: Бабаджян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 84; Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 488.]: 1-й ТА, повернув на южное направление, к исходу 10 августа овладеть районом Мурафа – Алексеевка – Ковяги и передовым отрядом захватить Валки, перерезав железную дорогу Харьков – Полтава, в дальнейшем прочно закрепиться в этом районе, а передовыми отрядами продвигаться на юго-запад через Карловку и к 12 августа достигнуть рубежа Кочубеевка – Чутово в районе Полтавы, то есть преодолеть еще 70–80 км; 5-й гв. А к исходу 11 августа выйти на фронт Красный Яр – Алексеевка – Высокополье – Ковяги – станция Огульцы – село Огульцы (исключительно).

1-я ТА, выполняя ранее поставленную перед ней задачу, с утра 10 августа возобновила наступление и в течение всего дня вела ожесточенные бои на рубеже реки Мерчик, в которых со стороны противника были задействованы в основном передовые части танковых дивизий СС «Рейх» и «Мертвая голова», прикрывавшие развертывание германской ударной группировки на этом направлении. В связи с поступившими новыми указаниями вечером 10 августа командование танковой армии уточнило задачи войскам – 31-й тк был выведен из боя (его должна была сменить 13-я гв. сд 5-й гв. А) и сосредоточен юго-восточнее Богодухова, чтобы нанести удар на направлении действий 3-го мк, а 3-й механизированный и 6-й танковый корпуса в ночь на 11 августа возобновили наступление, нанося главный удар смежными флангами через реку Мерчик.

Войска 53, 69 и 7-й гвардейской армий СтепФ 10 августа вели бои в предполье Харьковского укрепленного района, продвинулись от 2 до 5 км и вышли к внешнему оборонительного обвода, проходившему по линии Дергачи – Черкасское Лозовое – Циркуны – южный берег озера восточнее Циркунов – Прелестный – Лосево – Васищево – Яковлевка – Южный – Коротич – Курьяжанка [828 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 514.]. В этот же день 57-я А главными силами форсировала реку Северский Донец, преодолела оборону противника перед всем фронтом и к исходу дня вышла на рубеж Непокрытая – Большая Бабка – Кицевка. С учетом развития обстановки 10 августа командующий СтепФ генерал Конев подготовил директиву о прорыве внешнего оборонительного обвода и дальнейшем развитии наступления с целью овладения Харьковом.

Основной смысл директивы состоял в том, чтобы охватить город с северо-запада и юго-востока, разгромить группировку противника в полевых условиях, расколоть и разбить ее по частям на подступах к Харькову, не допустить взаимодействия с германскими войсками в районе Богодухова, изолировать город от притока резервов с запада. Советское командование стремилось избежать борьбы в укрепленном городе, которая могла принять затяжной характер, требовала от войск очень больших усилий, влекла за собой потери личного состава и техники. Кроме того, бои в городе могли привести к большим жертвам среди гражданского населения, а также ненужным разрушениям жилых зданий и уцелевших промышленных предприятий.

Соответственно, по сравнению с первоначальным замыслом операции план взятия города был уточнен и заключался в следующем [829 - См.: Конев И. С. Указ. соч. С. 34.]: 5-я гв. ТА под командованием генерала Ротмистрова наносила удар западнее Харькова – на Коротич и Люботин, с целью отрезать противнику путь отхода на Полтаву и изолировать Харьков от притока резервов противника со стороны Богодухова; 53-я А генерала Манагарова и 1-й мк под командованием генерала Соломатина наносили удар по западным и северо-западным окраинам Харькова; 69-я А генерала Крюченкина наступала на Харьков с севера вдоль Московского шоссе; 7-я гв. А генерала Шумилова наступала на северо-восточные окраины города; 57-я А генерала Гагена охватывала его с востока и юго-востока.

Особое внимание было уделено артиллерийской подготовке наступления. Для обеспечения прорыва внешнего оборонительного обвода Харьковского района войска СтепФ были усилены 4234 орудиями и минометами (в том числе за счет передачи фронту частей и соединений из состава 7-го акп РКК. – П. Б.), что позволило достичь общего соотношения в силах артиллерии 6,5:1 в пользу советской стороны [830 - См.: Конев И. С. Указ. соч. С. 34.].

Согласно директиве, в ночь с 10 на 11 августа войска фронта получили приказы на наступление [831 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 514.]:

1. 5-й гв. ТА – выйти в район Буды – Коротич – Огульцы с целью перерезать железную дорогу Харьков – Полтава.

2. 53-й А – к исходу 11 августа выйти на фронт Пересечная (15 км северо-западнее Харькова) – западная окраина Харькова; 1-й мк, действовавший совместно с 53-й армией, должен был выйти в район Гавриловки.

3. 57, 69 и 7-й гвардейской армиям – к исходу 11 августа вплотную окружить Харьков, для чего 69-й А выйти к его северной окраине, 7-й гв. А – к восточной и юго-восточной окраинам города, 57-й А – на южную окраину.

Как видно, фронтовое командование запланировало уже к 12 августа блокировать Харьков, чтобы затем организовать штурм города.

Вместе с тем в ту же ночь с 10 на 11 августа в телефонном разговоре с маршалом Василевским Сталин указал, что основной задачей ЮЗФ является как можно быстрее поддержать наступление 57-й А активными действиями своего правого крыла [832 - Василевский А. М. Указ. соч. С. 288–289.]. Ставка получила сведения о сосредоточении резервов противника – трех танковых дивизий – на Харьковском направлении, южнее Богодухова, поэтому Сталин придавал особое значение скорейшей ликвидации харьковской группировки немцев.

Общий порядок дальнейшего развития наступательной операции был определен директивой Ставки Верховного главнокомандования от 12 августа 1943 года, которая предписывала маршалам Жукову и Василевскому довести до командующих Воронежским, Степным и Юго-Западным фронтами следующий план наступательных действий [833 - См. там же. С. 289–290; Огненная дуга. С. 545–546.].

В связи с успешным развитием наступления на Харьковском направлении Ставка приказывала ВорФ ударом 1-й ТА в общем направлении на Валки – Новая Водолага совместно с 5-й гв. ТА отрезать пути отхода харьковской группировке противника на юг и юго-запад. После разгрома харьковской группировки противника и овладения городом Харьковом продолжать наступление в общем направлении Полтава – Кременчуг и к 23–24 августа выйти главными силами на линию Полтава – Карловка. В дальнейшем наступать к реке Днепр и выйти на фронт Кременчуг – Орлик, предусмотрев захват переправ через Днепр подвижными частями. Для обеспечения операции ударной группировки фронта правым крылом фронта к 23–24 августа выйти на реку Псел, где прочно закрепиться. Разграничительная линия слева со СтепФ – Валки – Карловка – река Орчик – река Орель (все пункты, кроме Карловки, для ВорФ включительно).

СтепФ после овладения городом Харьковом продолжать наступление в общем направлении на Красноград – Верхнеднепровск и к 24–25 августа выйти главными силами на линию Карловка – Красноград. В дальнейшем развивать наступление к реке Днепр, предусмотрев захват переправ через Днепр подвижными частями.

Одновременно ЮЗФ главными силами нанести удар с фронта Изюм – Богородичное – в общем направлении Барвенково – Павлоград. Правым крылом фронта приступить к форсированию реки Северский Донец южнее Чугуева и ударом на Замостье, Тарановку и далее на юг во взаимодействии с 57-й армией СтепФ свернуть оборону противника по западному берегу реки Северский Донец. К 24–25 августа выйти главными силами фронта на линию Лозовая – Барвенково. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Павлоград с целью выйти на фронт Запорожье – Пологи и отрезать пути отхода на запад донбасской группировке противника.

Как видно, впечатляющие результаты первых дней наступления побудили советское военное руководство вновь обратиться к замыслу нанести поражение основным силам ГА «Юг», для чего отрезать их от Днепра ударом в юго-западном направлении. Однако в эти замыслы опять вмешался противник – фельдмаршал Эрих Манштейн также решил нанести контрудар, который по замыслу и составу привлекаемых к его осуществлению

сил фактически повторял тот вариант противодействия наступлению Красной армии, что командование ГА «Юг» уже реализовало полгода назад, в феврале – марте 1943 года.

Командование ГА «Юг» адекватно оценило складывавшуюся ситуацию уже через день после начала советского наступления на Белгородско-Харьковском направлении. В связи с этим по просьбе фельдмаршала Манштейна под его управление из ГА «Центр» была возвращена мд «Великая Германия», части которой с 4 августа начали грузиться в эшелоны на станции Карачев и отправляться по рокадной железнодорожной линии через Брянск в район боевых действий в полосе 4-й ТА генерала Германа Гота. Одновременно 4 августа началось выдвижение к Харькову дивизий СС «Мертвая голова» и «Рейх» и 3-й тд, передислоцировавшихся с фронта 6-й А генерала Карла Холлидта (Karl-Adolf Hollidt) на реке Миус, а затем и дивизии СС «Викинг» из района Барвенково – Краматорская с фронта 1-й ТА генерала Эберхарда Макензена (Eberhard Mackensen).

С учетом развития обстановки предварительный замысел Манштейна состоял в использовании этих сил для нанесения сходящихся контрударов в общем направлении на Богодухов. В случае успеха предполагалось отсечь продвинувшиеся южнее танковые, механизированные и моторизованные соединения 1-й танковой и 27-й армий ВорФ, действия которых представляли наибольшую опасность для северного крыла ГА «Юг», угрожая расчленением обороны, блокированием и окружением харьковской группировки немецких войск. Кроме того, осуществление данного замысла создавало предпосылки для следующего удара по правому флангу основной группировки советского СтепФ, наступавшей на Харьков. По-видимому, Манштейн предполагал, что если намечаемые контрудары и не предоставят германским войскам возможность перейти в контрнаступление, как это было в феврале, то благодаря им все-таки удастся отбросить противника от Харькова или надолго задержать Красную армию на подступах к городу.

Однако советская Ставка Верховного Главнокомандования и ГШ Красной армии учли имевшийся негативный опыт и, во-первых, обеспечили проведение операции «Полководец Румянцев» значительными резервами. В ближнем тылу ВорФ находились 47-я А с 3-м гв. мк и 4-я гв. А с 3-м гв. тк, которые были введены в бой при отражении контрударов противника. Кроме того, благодаря значительному общему превосходству в силах и средствах советское командование заранее планировало по ходу операции вывести во фронтовой резерв 6-ю и 5-ю танковую гвардейские армии, что позволило своевременно усилить угрожаемые направления.

Во-вторых, как только Ставка получила информацию, что вражеский контрудар создал реальную угрозу для советских войск западнее Харькова, по ее приказам были начаты или активизированы крупномасштабные наступательные операции на других участках советско-германского фронта, ограничив возможности германского командования перебросить на северное крыло ГА «Юг» дополнительные силы.

Так, войска Юго-Западного (командующий генерал Родион Малиновский) и Южного (командующий генерал Федор Толбухин) фронтов провели Донецкую стратегическую наступательную операцию по освобождению Донецкого экономического района. По некоторым данным [834 - См.: Дюпюи Р. Д., Дюпюи Т. Н. Харперская энциклопедия

военной истории. Всемирная история войн. Книга четвертая. М.: Полигон, 1997. С. 251.], для этой операции было сосредоточено десять армий (6-я и 12-я, а также 1, 3 и 8-я гвардейские общевойсковые армии ЮЗФ; 28, 44 и 51-я, 5-я ударная и 2-я гвардейская армии ЮФ), а также семь танковых, механизированных и кавалерийских корпусов, всего насчитывавших 1053 тыс. военнослужащих, около 21 тыс. орудий и минометов, 1257 танков и САУ, при поддержке около 1400 боевых самолетов, которым противостояли соединения 1-й танковой и 6-й армий группы армий «Юг» под командованием генералов Эберхарда Макензена и Карла Холлидта – всего 18 пехотных, 3 танковых и 1 авиаполевая дивизии, имевшие в своем составе 540 тыс. солдат и офицеров, 5400 орудий и минометов, 900 танков и САУ, при поддержке около 1100 боевых самолетов (следует заметить, что, по другой информации, во всей ГА «Юг» к 24 августа 1943 года имелось всего 477 боеготовых танков и САУ [835 - Залесский К. Вермахт. С. 286.]). Германские войска располагались на укрепленных позициях по рекам Северский Донец и Миус, а в глубине их обороны были подготовлены промежуточные рубежи по рекам Крынка, Кальмиус и Самара. Города и поселки были превращены в узлы обороны и опорные пункты.

Наступление началось 13 августа 1943 года действиями 6-й и 12-й армий ЮЗФ с захваченного в июле и удержанного за собой плацдарма на реке Северский Донец (во втором эшелоне для развития успеха были сосредоточены 1-й гвардейский механизированный, 1-й гвардейский кавалерийский, 23-й танковый корпуса), а 16 августа было продолжено введением в бой сил 8-й гв. А. Однако эти удары успешного развития не получили, встретив упорное сопротивление противника.

17 августа перешли в наступление войска ЮФ – 5-я ударная, 28-я и 2-я гвардейская армии, для развития успеха которых были задействованы 2-й и 4-й гвардейские механизированные, 11-й танковый, 4-й гвардейский кавалерийский корпуса (по немецким данным, в составе войск ЮФ насчитывалось около 800 танков [836 - См.: Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. С. 311.]). 18 августа наступающим удалось создать плацдарм на западном берегу реки в районе Куйбышево. Затем с последовательным введением в бой обоих механизированных корпусов к 27 августа главная линия обороны 6-й А вермахта на реке Миус была прорвана на всю глубину. В ночь с 27 на 28 августа в прорыв вошли 11-й танковый и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса, которые повернули в направлении на Мариуполь и к 29 августа достигли побережья Азовского моря, окружив в районе Таганрога 29-й ак 6-й немецкой армии (три пехотные дивизии). Хотя отдельные части корпуса 30 августа прорвались из окружения, на фронте 6-й А образовался разрыв шириной около 50 км.

Одновременно, стремясь полностью связать неприятеля, советская Ставка Верховного главнокомандования расширяла наступление Красной армии на центральном участке советско-германского фронта, где войсками Западного и левого крыла Калининского фронтов проводилась Смоленская наступательная операция, получившая условное наименование «Суворов» [837 - См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Т. 3. С. 362–367.]. Командующие генералы Алексей Еременко (Калининский фронт) и Василий Соколовский (ЗапФ) получили задачу разгромить левое крыло немецкой ГА «Центр», возглавляемой фельдмаршалом Гансом Клюге, чтобы не допустить переброски ее сил на помощь группе армий «Юг», а также освободить

Смоленск. Войска ЗапФ начали наступление 7 августа 1943 года и, прорвав позиции противника в районе Спас-Деменска, продвинулись на глубину до 30–40 км, где после ожесточенных боев были остановлены. 13 августа на Духовщинском направлении началось наступление войск Калининского фронта, однако прорвать оборону противника на значительную глубину они также не смогли. В дальнейшем, вплоть до 2 октября 1943 года, наступление Западного и Калининского фронтов развивалось отдельными местными операциями по вытеснению противника на запад, в ходе которых удалось выбить немцев из Ельни, Дорогобужа, Духовщины, Смоленска и Рославля. Продуманные и заранее подготовленные оборонительные мероприятия ГА «Центр», в особенности своевременный вывод резервов на промежуточные позиции, не позволили советским войскам добиться решающего успеха. Вместе с тем операция «Суворов» проходила на фронте протяженностью около 400 км, поэтому для усиления обороны на Смоленском и Рославльском направлениях командование ГА «Центр» использовало значительную часть войск, выводившихся с Орловского плацдарма. Всего в течение августа фельдмаршал Клюге перебросил сюда 15 дивизий, хотя в конце этого месяца в ГА «Центр» насчитывалось 75 дивизий, тогда как в ГА «Юг» – только 49 [838 - См.: Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Наука, 1978. С. 356.]

Таким образом, последовательно наступая на Орловском и Смоленском направлениях, советское Верховное главнокомандование вынудило противника сохранить самую сильную группировку на центральном участке фронта, тогда как на Украине, где наносился главный удар Красной армии, по-прежнему оставались значительно меньшие силы, вынужденные обороняться сразу на нескольких направлениях. С одной стороны, из этого следует, что германское Верховное главнокомандование – Гитлер и ГШ сухопутных войск – оказалось неспособным верно оценить сравнительное стратегическое значение и масштаб наступательных действий противника на направлениях его главных ударов, поэтому допустило решающие ошибки в использовании сил, освобождавшихся за счет сокращения линии фронта.

С другой стороны, согласно докладной записке германского Генерального штаба вооруженных сил, подготовленной 21 августа 1943 года [839 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 351–352.], отступление немецких армий на юге, связанное с оставлением Донбасса и Центральной Украины, приведет к потерям важнейших аэродромов и районов, поставляющих продовольствие, уголь, энергию и запасы сырья, а также окажет неблагоприятное политическое влияние на прибрежные государства Черного моря. Это потребует увеличения сил для Крыма, которые, по сообщению Главнокомандования военно-морского флота, могут снабжаться только по морю, и притом с большими трудностями. Перемещение аэродромов в тыл скажется на действиях ВВС, для которых станет недостижимой не только промышленность Урала, но и такие цели, как Грозный, Саратов, Горький, тогда как большинство русских авиационных соединений смогут совершать боевые вылеты до Берлина и Верхней Силезии. Отступление на северном участке фронта окажет неблагоприятное политическое и военное влияние на Финляндию и Швецию, угрожает подготовке подводных лодок, транспортному сообщению на Балтийском море и эксплуатации сланцево-нефтяного района Эстонии. В то же время отступление на центральном участке фронта не будет иметь серьезных последствий.

Гитлер не мог не знать об этом выводе, из которого четко следовало, что в обстановке, сложившейся на Восточном фронте в августе 1943 года, южное направление является более значимым, чем центральное. Однако соответствующего сосредоточения усилий в полосе ГА «Юг» сделано не было, что, по-видимому, следует объяснить влиянием конкуренции между группами армий, командование каждой из которых не желало отдавать свои силы другому и под любыми предлогами препятствовало переброске войск. Причем, давая оценку предполагаемым оперативным планам противника в сражении под Орлом, командование ГА «Центр» 22 августа 1943 года утверждало, что оно всегда придерживалось позиции, что летом 1943 года главные оперативные цели противника будут сосредоточены в районе действий ГА «Юг», где противник сумел бы достигнуть быстрых оперативных успехов с целью отсечения групп армий «А» и «Юг», возвращения очень важного для обеих сторон района реки Северский Донец, а также областей Украины, имевших большое значение для продовольственного обеспечения русских, и, наконец, нанесения важного в политическом отношении удара по Балканам [840 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 796. Л. 5.]. Тем не менее, когда 27 августа 1943 года на совещании в Виннице Гитлером было принято решение передать в распоряжение ГА «Юг» все дивизии, какие только можно будет изъять из состава групп армий «Центр» и «Север», то уже 28 августа фельдмаршал Клюге срочно встретился с Гитлером и лично доложил, что с участка фронта его группы армий нельзя снять ни одно соединение [841 - См.: Манштейн Э. Указ. соч. С. 558.]. Относительно ГА «Север» это было очевидно и без специального доклада – к июлю 1943 года группа имела в своем составе 36 пехотных и горно-егерских дивизий, 6 авиаполевых дивизий, 2 моторизованные и 4 охранные дивизии, а также 1 бригаду СС – 48,5 расчетных соединения из 196, находившихся в это время на Восточном фронте (около 25 процентов), причем ни одной танковой дивизии; к октябрю 1943 года ГА насчитывала всего около 600 тыс. солдат и офицеров, 2,4 тыс. орудий, 146 танков, а 1-й ВФ, поддерживавший группу, имел в своем распоряжении 267 машин, из которых всего 63 истребителя и ни одного бомбардировщика [842 - См.: Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1998. С. 362; Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 693; Хаупт В. Сражения группы армий «Север». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза; Эксмо, 2006. С. 224–225, 330.]. Как видно, независимо от собственной оценки общей обстановки на Восточном фронте Клюге не хотел сделать ни малейшей уступки Манштейну в вопросе о распределении высвобождающихся сил, и поскольку они принадлежали его ГА, то Клюге добился решения в свою пользу.

Вместе с тем, хотя два советских фронта вели активные наступательные действия на центральном направлении вплоть до октября, в дальнейшем выяснилось, что ГА «Центр» все-таки может отдать некоторые из своих соединений, так как по прошествии месяца германское Верховное главнокомандование попыталось исправить допущенные ошибки. В августе ГА «Центр» передала ГА «Юг» одну моторизованную и две пехотные дивизии (не учитывая три пехотные дивизии и дивизионную боевую группу 7-го ак, переданные вместе с занимаемой корпусом полосой обороны), а 17 сентября 1943 года ГШ сухопутных войск отдал приказ одновременно перебросить из ГА «Центр» на южное направление еще четыре дивизии [843 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 556, 565.]. Однако, хотя такое решение по-прежнему отвечало складывающейся обстановке, поскольку ГА «Юг» оказалась в критическом положении, но его принятие существенно опоздало. Семь

дополнительных дивизий, прибывшие в августе, могли значительно повлиять на ход боевых действий на Белгородско-Харьковском направлении, в особенности при их использовании для усиления и поддержки контрударов германских войск западнее Харькова, предотвратив последующее крайне негативное для немцев развитие оперативной обстановки на южном крыле Восточного фронта. Манштейн отмечает [844 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 549.], что в ходе кампании 1943–1944 годов немецкое Верховное главнокомандование опаздывало в сравнении с противником с сосредоточением достаточных сил на решающих участках Восточного фронта, и это не давало возможности командованию ГА «Юг» предотвратить успехи превосходящих сил противника, ему удавалось только ограничить их оперативные последствия.

Учитывая изложенное, можно сделать вывод, что для достижения значимого успеха при нанесении контрударов немцам обязательно требовалось наращивать усилия по мере того, как противник задействовал для их отражения свои оперативные резервы. Однако в результате активных действий Красной армии на разных участках ГА «Юг» и Восточного фронта одновременно образовался ряд кризисных ситуаций, поэтому германское командование должно было решить дилемму: либо перераспределить ограниченные силы так, чтобы стабилизировать оборону в местах кризисов, либо сосредоточить их для решительного наступления хотя бы на одном направлении, с риском ничего не добиться, но при этом потерпеть крупное поражение из-за крушения обороны на других участках. Манштейн достаточно верно оценивал соотношение сил сторон и располагал информацией о советских резервах и приготовлениях противника к наступлению на южном крыле ГА «Юг», поэтому сделал выбор в пользу решительных наступательных действий, сосредоточив основную часть танковых и моторизованных соединений западнее Харькова, а на южном фланге требовал от Верховного главнокомандования свободу маневра для отступления [845 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 553–557.]. В сложившейся ситуации пассивно оборонять весь фронт ГА «Юг» не представлялось возможным. С другой стороны, Гитлер и ГШ сухопутных войск в 1943 году еще не готовы были рисковать и предпочитали перераспределять и дробить силы, направляя их для исправления критических ситуаций в разных местах, а не для организации мощных контрударов на одном направлении (в частности, вопреки намерению командования ГА «Юг» две переданные в группу армий дивизии – танковая и пехотная – были в конце августа направлены в Донбасс, что в итоге все равно не позволило восстановить там положение [846 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 559.]). Вести оборонительную войну методом частных наступательных операций на отдельных направлениях, организуемых даже в условиях критического развития обстановки на других участках фронта, германское Верховное главнокомандование решилось только в конце 1944 года.

Таким образом, в отличие от периода февраля – марта 1943 года, в августе того же года из-за стратегических просчетов Верховного главнокомандования группа армий «Юг» не получила тех дополнительных сил, которые требовались для успеха намечавшихся контрударов. В связи с отсутствием своевременной поддержки резервами командование группы армий не успевало сосредоточить силы, чтобы организовать одновременное наступление против обоих флангов глубоко вклинившейся на Богодуховском и Ахтырском направлениях группировки ВорФ. К 11 августа была создана только одна контрударная группировка под управлением штаба 3-го тк генерала Брейта, где главной

силой являлись эсэсовские танковые соединения, переброшенные с южного крыла ГА «Юг», которые должны были атаковать на Богодуховском направлении. Другая контрударная группировка создавалась для действий на Ахтырском направлении под управлением 48-го тк и прибывшего из Донбасса штаба 24-го тк генерала Вальтера Неринга (Walther Nehring, начальник штаба полковник Йоахим Гессе (Хессе, Joachim Hesse)). Однако благодаря активным наступательным действиям 27-й и 40-й армий ВорФ, все танковые и моторизованные соединения, которые могли быть включены в эту группировку, оказались заняты в обороне: 7-я тд – в районе Боромли; мд «Великая Германия» – на рубеже Боромля – Тростянец – Ахтырка; сводная боевая группа 11-й и 19-й танковой дивизий – в районе восточнее Ахтырки. Отступление ГА «Центр» с Орловского плацдарма позволило в середине августа перебросить на этот участок дополнительно 34-ю и 112-ю пехотные и 10-ю моторизованную дивизии. В то же время в район Полтавы передислоцировались 355-я и 223-я пехотные дивизии из состава групп армий «А» и «Север» соответственно. Кроме того, вследствие наступления 38-й А ВорФ на Сумском направлении германский ГШ сухопутных войск решил передать в распоряжение ГА «Юг» и 7-й ак из состава 2-й А группы армий «Центр», часть сил которого также можно было использовать для укрепления обороны на северном крыле группы армий, высвободив за счет этого танковые и моторизованные части. Тем не менее на 11 августа все эти решения и мероприятия еще находились в стадии выполнения или планирования и первоначальной подготовки.

Как видно, оперативная ситуация в августе 1943 года разительно отличалась от февраля, когда командованию ГА «Юг» удалось сосредоточить для контрудара семь танковых и моторизованных (6, 11 и 17-я танковые дивизии, танково-гренадерские дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер», «Рейх», «Мертвая голова», мд «Великая Германия») и две пехотные дивизии (167-я и 320-я). Причем пять танковых соединений (дивизии СС «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» и «Рейх», 6, 11, 17-я танковые дивизии) перешли в наступление одновременно – 22 февраля, нанося сходящиеся удары на одном направлении, по мере развития которых пехотные дивизии вводились в бой для прикрытия флангов ударной группировки. Оставшиеся два бронетанковых соединения связывали противостоящего противника частными контратаками на своих участках, а 6 марта были введены в операцию для решительного развития успеха, что позволило от контрудара перейти к контрнаступлению.

Напротив, в августе 1943 года командование ГА «Юг» оказалось вынуждено осуществлять контрудары последовательно, используя свои силы по частям, сначала на Богодуховском, а затем на Ахтырском направлениях. С целью предотвратить глубокий охват харьковской группировки с юго-запада, а также вернуть магистральную железнодорожную линию, Манштейн решил немедленно ввести в бой против войск ВорФ три танковые дивизии, переброшенные из Донбасса. К 11 августа немецкое командование сосредоточило в районе Высокополье – Валки – Ольшаны три дивизии СС («Рейх», «Мертвая голова», «Викинг»), танковую боевую группу 3-й тд, 4-й пгп 6-й тд, 503-й отдельный батальон тяжелых танков «Тигр» (по некоторым данным [847 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 487.], к тому времени в батальоне оставалось 30 боеготовых танков), 1-й учебный и 55-й минометные полки, а также ряд других вспомогательных подразделений. В ходе развернувшихся боев на этот же участок

прибыли части 223-й пд, переброшенной с фронта ГА «Север», где дивизия находилась в резерве ГШ сухопутных войск. По советским данным [848 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 318; Огненная дуга. С. 520.], в районе южнее Богодухова на фронте Большая Рублевка – Ольшаны противнику удалось несколько изменить соотношение сил и добиться превосходства в бронетехнике – всего у немцев здесь насчитывалось до 500 танков и САУ против 370–380 боевых машин советской стороны (соотношение 1,3:1), однако преимущество в живой силе и артиллерии оставалось за войсками ВорФ.

Вместе с тем более вероятным представляется, что три указанные танково-гренадерские дивизии СС на тот момент располагали бронетехникой в количестве не более чем от 200 до 250 боеготовых боевых машин [849 - См.: Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 365.]. По оценке маршала Кирилла Москаленко [850 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 89.], в составе семи танковых и моторизованных дивизий (7, 11, 19-я, «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг», «Великая Германия». – П. Б.), которые германскому командованию удалось сосредоточить к 11 августа западнее Ахтырки и южнее Богодухова для действий против главной группировки войск ВорФ на его левом крыле и в центре, насчитывалось всего до 600 танков и САУ. По данным авиационной разведки ВорФ [851 - ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1073сс. Д. 6. Л. 96–97, 106–107.], в течение 10 августа 1943 года отмечено движение до 2400 автомашин и до 320 танков по дорогам от городов Лебедин, Зеньков и Полтава к рубежу Боромля – Богодухов и от города Лебедин на юго-запад прошло до 100 танков и до 300 автомашин; 11 августа установлено движение к линии фронта к рубежу Боромля – Ахтырка – Опошня до 1600 автомашин и 160 танков и до 350 автомашин выдвинулось с юга к рубежу Коломак – Валки.

При этом в составе частей и соединений 1-й ТА ВорФ в данный период времени насчитывалось от 200 до 260 боеготовых танков и САУ, так что, учитывая войска 5-й гв. ТА СтепФ, находившейся в районе Сенное и задействованной при отражении контрудара противника (к 12 августа 5-я гв. ТА имела от 106 до 115 боеготовых танков), некоторое преимущество в бронетехнике, по-видимому, все-таки оставалось за советской стороной [852 - См.: Бабаджанян А. Х. Указ. соч. С. 122; Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 84; Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 496; Горбач В. Указ. соч. С. 445; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 320; Огненная дуга. С. 483.].

Таким образом, из-за недостатка сил и средств расчеты на успех контрударов германское командование могло связывать только с использованием фактора внезапности. На основе имеющегося опыта немцы вправе были ожидать, что благодаря внезапности им удастся создать локальное превосходство на отдельных участках, тогда как наступающие советские войска, растянутые в глубину и вдоль фронта вклинения, будут захвачены врасплох и окажутся в невыгодном положении. В результате контрударным группировкам удастся отбросить противника и стабилизировать фронт к северу от Харькова.

В части действий и решений советского фронтового и армейского командования эти ожидания полностью оправдались. По оценке генерала Штеменко [853 - Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 234.], командование

ВорФ проглядело создавшуюся угрозу – не приняло никаких мер по закреплению на достигнутых рубежах и усилению разведки на флангах, причем войска правого крыла фронта были очень растянуты и наступали как бы «веером» (это вообще было характерно для наступлений, которые организовывали советские военачальники, в особенности генерал Ватутин. – П. Б.). По свидетельству маршала Ротмистрова [854 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 220–221.], штабы 1-й танковой и 5-й гвардейской армий сообщали тогда командованию 5-й гв. ТА, что, по их данным, противник в полосе предстоящих действий как будто не имел крупных сил, поэтому обстановка благоприятствует дальнейшему наступлению.

Вместе с тем на третьем году войны танковые контратаки и контрудары немцев давно уже не были чем-то экстраординарным для советских полевых командиров в звене полк – батальон, которые освоили на практике эффективные способы противодействия и соответствующим образом готовили своих солдат.

Глава 3. Завершение операции «Полководец Румянцев» – отражение контрударов противника и освобождение Харькова

3.1. Развитие обстановки 11–16 августа

На правом крыле ВорФ части и соединения 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов 1-й ТА в ночь с 10 на 11 августа с боем овладели несколькими переправами на реке Мерчик, форсировали реку и захватили небольшие плацдармы в районах населенных пунктов 10-я Сотня, 11-я Сотня, Шаровка и Александровка. 112-я тбр 6-го тк под командованием полковника Михаила Леонова форсировала реку Мерчик в районе Александровки, овладела Шаровкой и под прикрытием темноты возобновила наступление в направлении станции Высокополье, чтобы перерезать железнодорожную линию Харьков – Полтава. На пути ее продвижения командование немецкого 3-го тк уже заняло часть сил оборону на рубеже Червонный Прапор (Червонный Прапар) – Марьино–Дергачи, чтобы прикрыть район сосредоточения и развертывания своей контрударной группировки, а также линии коммуникаций. В связи с этим на подходе к опорному пункту немцев в районе Марьино – Дергачи бригада была остановлена небольшой группой немецких танков (8 боевых машин) – по информации генерала Гетмана, танки были из состава немецкой 3-й тд, хотя основные силы этого соединения в то время занимали оборону в районе села Полевое, в 25 км северо-западнее Харькова [855 - См.: Гетман А. Л. Указ. соч. С. 114; Карель П. Указ. соч. С. 231–234.].

В сложившейся ситуации полковник Леонов справедливо предположил, что немцы по-прежнему не располагают силами для организации сплошной обороны, поэтому передовой отряд бригады – усиленный танковый батальон под командованием майора Петра Орехова – получил приказ обойти позиции противника с востока, тогда как танковый батальон майора Федора Боридько связал противника боем. Батальон Орехова обошел опорный пункт немцев в селе Дергачи, отбросил их слабые заслоны и сторожевые посты и около 9 часов ворвался в Высокополье, разгромил несколько немецких подразделений и уничтожил около 50 автомашин, а затем вышел на станцию, где немедленно повредил участок железнодорожной линии Харьков – Полтава, перерезав,

таким образом, важнейшую тыловую магистраль харьковской группировки германских войск (в ночь с 10 на 11 августа из Александровки была направлена еще и специальная саперная группа, которая разрушила железную дорогу западнее станции Ковяги) [856 - См.: Бабаджян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 84; Гетман А. Л. Указ. соч. С. 114.]. Вслед за танками полковник Леонов направил к Высокополью мотострелковый батальон своей бригады, чтобы закрепиться в селе и на станции.

Восточнее также успешно наступали правофланговые 1-я гвардейская и 49-я танковые бригады 3-го мк, которыми командовали полковник Горелов и подполковник Бурда. По советским данным [857 - См.: Бабаджян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 84–85.], два их передовых отряда (20 танков с десантом) форсировали Мерчик у Александровки, не встречая сопротивления, стремительно продвинулись до станции Ковяги, ворвались на станцию и здесь разгромили батальон пехоты и уничтожили 10 немецких танков. Вслед за передовыми отрядами около 6 часов утра 11 августа в Ковяги вошла 1-я гв. тбр полковника Горелова, усиленная 17-м тп 10-й мбр под командованием подполковника Ивана Бойко, и перешла к обороне до подхода главных сил корпуса. Передовой отряд 49-й тбр подполковника Бурды продолжал наступать на юго-запад и около 9 часов занял Левандаловку.

С овладением Высокопольем, Левандаловкой и Ковягами к утру 11 августа 1-я ТА выполнила поставленную перед ней задачу, вышла к железной и шоссейной дорогам Харьков – Полтава, надежно блокировала основную линию коммуникаций харьковской группировки противника и заняла охватывающее положение по отношению к германским войскам, удерживавшим район Харькова, угрожая им полной изоляцией и окружением.

Однако к этому времени противник не только подтянул на Богодуховское направление резервы, но уже развернул здесь контрударную группировку, силами которой остановил дальнейшее продвижение 1-й ТА ВорФ. По свидетельству генерала Пополя [858 - Попель Н. К. Указ. соч. С. 199.], эсэсовские части успели не только выдвинуть передовые отряды, но и заняли оборудованные рубежи. Вследствие этого попытка авангардов танковой армии продвинуться от Высокополья на Коломак успеха не имела, а со второй половины дня 11 августа на рубеже Высокополье – Ковяги завязались ожесточенные бои с противником, наносившим контрудар в направлении на Богодухов.

По плану генерала Германа Брейта (Hermann Breith) и начальника штаба 3-го тк полковника Эрнста Мерка (Ernst Merk) первые удары немцев, организованные во второй половине дня 11 августа одновременно по двум сходящимся направлениям силами танковых дивизий «Мертвая голова» и «Рейх», были нацелены на то, чтобы отрезать части 1-й ТА, прорвавшиеся в район Высокополье – Ковяги. Панцер-гренадерский полк СС «Теодор Эйке» (SS-Panzergranadier-Regiment «Theodor Eicke») под командованием штандартенфюрера СС Гельмута Беккера (Hellmuth Becker) из состава танковой дивизии СС «Мертвая голова», усиленный 30 танками, перешел в наступление из района Константиновки в общем направлении на Мурафу, а панцер-гренадерский полк СС «Германия» (SS-Panzergranadier-Regiment «Deutschland») под командованием штандартенфюрера СС Гейнца Хармеля (Heinz Harmel) с 50 танками из состава танковой

дивизии СС «Рейх» атаковал из района Старого Мерчика на Шаровку [859 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 493.]. В ходе завязавшихся боев эсэсовцы прорвались к реке Мерчик в район Шаровка – 11-я Сотня, выйдя, таким образом, на тылы частей 1-й ТА, занявших район Высокополье – Ковяги.

К исходу 11 августа эсэсовцам удалось на 10–15 км вклиниться в боевые порядки советской 1-й ТА и, дойдя до реки Мерчик, отрезать часть сил 112-й тбр 6-го тк, а также 1-ю гвардейскую танковую и часть сил 49-й танковой бригад 3-го мк [860 - См.: Катукон М. Е. Указ. соч. С. 295.]. В районе станции Высокополье были окружены танковый и мотострелковый батальоны бригады полковника Леонова [861 - См.: Гетман А. Л. Указ. соч. С. 115.] (следует отметить, что командир танкового батальона майор Петр Орехов уже через три месяца вновь побывал в аналогичной ситуации, участвуя в наступлении на Бердичевском направлении – преследуя отступающего противника, батальон Орехова 24 декабря 1943 года ворвался в город Бердичев, где был отрезан от своих частей и трое суток вел борьбу с превосходящими силами противника в окружении, за что Орехову впоследствии было присвоено звание Героя Советского Союза). В районе станции Ковяги оказалась отрезана 1-я гв. тбр полковника Горелова, усиленная танковым полком, а юго-западнее в Левандаловке – части 49-й тбр подполковника Бурды. В результате одного дня боев 1-я ТА понесла тяжелые потери – к 12 августа в строю осталось только 134 боеготовых танка [862 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 86; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 320.].

Вместе с тем немцы не могли закрепить свой первый успех и создать сплошное кольцо окружения вокруг отрезанных советских соединений, поскольку их контрударная группировка действовала компактными танковыми и моторизованными боевыми группами, за которыми должна была следовать пехота, удерживая захваченную территорию, плотно блокируя и уничтожая окруженного противника. Однако именно пехоты в распоряжении 3-го тк в ходе боев 11 и 12 августа практически не было. Поэтому, стремясь как можно быстрее освободить от противника железнодорожную линию Харьков – Полтава и разгромить передовые вражеские отряды, пока они не успели занять прочную оборону или отойти, генерал Брейт распорядился с самого начала направить часть сил дивизии «Мертвая голова» для атаки на Высокополье и Ковяги. Это решение привело к дроблению ударных сил корпуса, причем атаки дивизии «Мертвая голова», предпринятые 11 августа командиром дивизии бригадефюрером СС Германом Приссом (Hermann Prie) из района Валки – Левандаловка на Ковяги и Высокополье, успеха все равно не принесли, хотя для их поддержки из Харькова подошел бронепоезд. Эсэсовцы только плотно окружили советские части в Левандаловке.

С другой стороны, в сложившейся ситуации советское командование само оказало некоторую помощь противнику. В связи с обстановкой перед фронтом 1-й ТА представители Ставки маршал Жуков и генерал Ватутин решили немедленно нанести удар из района Александровки силами самой танковой армии и 22-го гв. ск 6-й гв. А. Для прикрытия восточного фланга 1-й ТА в ее оперативное подчинение была передана 163-я сд из состава 27-й А, части которой выдвигались в полосу 6-го тк. В то же время передовые отряды 1-й ТА должны были перейти к круговой обороне и удерживать

Высокополье и Ковяги, не позволяя противнику восстановить сообщение по железнодорожной линии Харьков – Полтава.

В 4.20 утра 12 августа командующему 6-й гв. А генералу Чистякову было направлено боевое распоряжение командующего войсками ВорФ на уничтожение вклинившегося противника [863 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 301. Л. 264.]. Генерал Ватутин указывал в нем, что противник силами до двух пехотных полков с 30 танками прорвался и переправляется у Мурафы и Александровки, отрезав части 1-й ТА, ведущие бои в Высокополье, Ковягах. В связи с создавшейся обстановкой на основании личного приказа маршала Жукова 6-й гв. А следует не позднее 10.00 12 августа 1943 года одним корпусом (22-м гв. ск. – П. Б.) нанести удар в направлении Мурафа – Китчинковка – Константиновка с задачей во взаимодействии с частями 1-й ТА уничтожить прорвавшегося противника и выйти на рубеж Слободка – Константиновка – Шелестово, обеспечив действия 1-й танковой и 5-й гвардейской армий фронта с запада.

В действительности к исходу 11 августа 6-я гв. А только еще заканчивала сосредоточение в районе Полковая Никитовка – Губаровка – Павловка, так что выполнить распоряжение командующего фронтом об организации наступления главных сил армии с утра 12 августа не представлялось возможным. Например, части 71-й гв. сд 22-го ск, которая по распоряжению штаба 6-й гв. А с 8 августа участвовала в преследовании противника, отходившего на Богодухов, к 13 часам 11 августа были сосредоточены в районе Зарябинка – Богодухов – Губаревка – Гуты. Поэтому, получив ориентировку и задачу на наступление, командир дивизии гвардии полковник Иван Сиваков вывел свое соединение в район боевых действий только к вечеру 13 августа. Соответственно, хотя командование 6-й гв. А передало 67-ю и 71-ю гвардейские стрелковые дивизии на усиление 1-й ТА в ночь с 12 на 13 августа [864 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 496, 497.], но приступить к решению боевых задач эти соединения могли не ранее ночи с 13 на 14 августа. По новому распоряжению командующего ВорФ, отданному в 14.45 13 августа, указанным дивизиям была поставлена только оборонительная задача – прикрыть рубеж Хрущевая Никитовка – высоты в 4–5 км юго-восточнее Богодухова.

Как видно, стремясь не допустить возвращения противником контроля над железнодорожной линией Харьков – Полтава, что вызвало бы неудовольствие Ставки, командование ВорФ в очередной раз демонстративно планировало явно неосуществимые мероприятия, а в реальности основная тяжесть нанесения удара оказалась возложена на ослабленную боями 1-ю ТА.

С целью ликвидации группировки немцев, прорвавшейся в район населенных пунктов 11-я Сотня и Шаровка, командующий 1-й ТА генерал Катников решил с утра 12 августа силами 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов уничтожить эту группировку и восстановить связь с передовыми частями армии, оборонявшимися в районе Высокополье – Ковяги. В то же время, учитывая происходившее 11 августа сосредоточение танковых частей противника в районе Старый Мерчик – Петропавловка и их вероятный контрудар отсюда на Богодухов по левому флангу танковой армии, командующий армией приказал

частям 31-го тк в ночь на 12 августа выдвинуться из второго эшелона и занять рубеж Александровка – Сухины, чтобы надежно прикрыть это направление.

На правом фланге 1-й ТА войска 27-й А значительно расширили прорыв в юго-западном направлении, продвинувшись к Ахтырке и Котельве. Соединения 4-го гв. тк, действовавшего с 27-й А, 11 августа завязали бои на восточных окраинах Ахтырки, а 5-й гв. тк, также действовавший совместно с 27-й А, дошел до Котельвы и 12 августа выбил оттуда гарнизон противника. Стрелковые части 27-й А к исходу 11 августа вышли на рубеж Петровский – Высокое – Пархомовка – Краснокутск, преодолев с 8 августа свыше 50 км. В связи с этим обострилась угроза глубокого прорыва обороны немецкой 4-й ТА на Полтавском направлении.

5-я гв. ТА, переданная еще 9 августа в оперативное подчинение СтепФ, к исходу 11 августа сосредоточилась в районе Сенное. В соответствии с указаниями Ставки Верховного Главнокомандования, поскольку основные силы 1-й ТА должны были развернуться для развития наступления на Полтавском направлении, 5-я и 5-я танковая гвардейские армии получили задачу наступать в направлении Ковяги – Валки – Новая Водолага, обеспечивая совместные действия Воронежского и Степного фронтов с целью перекрытия железнодорожных линий Харьков – Полтава, Харьков – Красноград и блокирования путей отхода немецкой группировки из района Харькова на запад и юго-запад.

Соответственно, к утру 12 августа 5-я гв. ТА заняла исходное положение для наступления на Ковяги – Валки в следующих районах: 18-й тк – Хрущевая Никитовка; 29-й тк – совхоз «Гавриши»; 5-й гв. Зимовниковский мк – Сенное, во втором эшелоне армии [865 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 495.]. Таким образом, 5-я гв. ТА расположилась непосредственно за боевыми порядками 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов 1-й ТА, глубоко эшелонировав оборону ВорФ на угрожаемом направлении.

По данным штаба 5-й гв. ТА [866 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 23–24, 29.], в ходе боевых действий с 3 по 10 августа потери армии составили: общие потери личного состава – 2575 солдат и офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести; общие потери бронетехники – 254 танка и 6 САУ, из которых 111 танков уничтожено (в том числе 97 танков типа Т-34), а также 2 бронетранспортера; безвозвратные потери артиллерии – 46 орудий, 15 минометов, 2 реактивные установки. При этом в строю армии на 11 августа оставалось 106 танков (из которых 88 типа Т-34), в том числе в 29-м тк – 39 танков (31 Т-34), 18-м тк – 24 танка (20 Т-34), 5-м гв. мк – 29 танков (25 Т-34), передовом отряде армии – 14 танков (12 Т-34).

Согласно позднему свидетельству маршала Ротмистрова [867 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 218–220.], вечером 9 августа он прибыл на командный пункт маршала Жукова, который сообщил, что, по его мнению, противник попытается повторить свой предпринятый в марте маневр и будет использовать заново пополненный личным составом и материальной частью 2-й тк СС с целью отсечь и расчлнить группировку советских войск, охватывающую Харьков с запада. В связи с этим ставится задача

сосредоточить 5-ю гв. ТА под прикрытием 32-го гв. ск 5-й гв. А в таком построении, чтобы нанести мощный танковый удар на узком участке в обход харьковской группировки немцев с юга. На выполнение этой задачи командованию 5-й гв. ТА было выделено трое суток, что позволило передислоцировать войска по ночам и скрытно, без особых помех, сосредоточить их в лесах, рядом с избранными исходными районами для наступления. Командованием армии было принято решение поставить оба танковых корпуса (18-й и 29-й) за боевыми порядками двух стрелковых дивизий корпуса генерала Родимцева, развернув их на фронте до 8 км в двухэшелонном построении, тогда как 5-й гвардейский Зимовниковский механизированный корпус составил второй эшелон армейского построения, где должен был занять выгодный рубеж на случай перехода к обороне.

Как видно, маршал Ротмистров решил еще раз показать прозорливость советского командования и лично маршала Жукова, поскольку 5-я гв. ТА действительно была очень своевременно и удачно перегруппирована именно на то направление, где противник собирался нанести контрудар и прорваться в тыл ВорФ. С другой стороны, необходимо отметить, что в ходе боевых действий с 3 по 10 августа 1943 года 5-я гв. ТА понесла очень большие потери и оказалась существенно ослаблена: 111 танков и 6 САУ было уничтожено, а еще 143 машины подбиты артиллерией и авиацией противника или получили повреждения на минах [868 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 23–24, 36.], так что для обороны на 15-километровом фронте Александровка – Павлово – станция Максимовка имелось всего 106 боеготовых машин. Соответственно, в данном случае исход борьбы не был заранее предрешен в пользу советской стороны за счет ее обычного многократного материального превосходства.

5-я гв. А 11 августа в наступление не переходила, а с 12 августа вынуждена была вести упорные бои, отражая атаки противника на рубеже Крысино – Гуриновка. По воспоминаниям генерала Жадова [869 - См.: Огненная дуга. С. 520.], утром 12 августа командно-штабной состав 5-й и 5-й танковой гвардейских армий проводил совместную рекогносцировку для подготовки предстоящего наступления. Однако по окончании рекогносцировки в воздухе была замечена германская авиация, которая группами от 20 до 50 самолетов направлялась к Богодухову и Крысино для нанесения бомбоштурмовых ударов. Через два часа после авиационных ударов началась атака немецких танков, которые стремились прорваться к Богодухову на стыке 1-й танковой и 5-й гвардейской армий в районе Крысино.

Маршал Ротмистров вспоминает [870 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 221.], что командование 5-й гв. ТА договорилось с командиром 32-го гв. ск генералом Родимцевым двинуть танковые соединения следом за его корпусом, который начнет наступление в 6 часов утра 12 августа после 45-минутной артподготовки. В 4 часа утра танковые корпуса стали выходить в исходные районы, но около 6 часов вдруг выяснилось, что генерала Родимцева нет на его наблюдательном пункте, а вместо канонады советской артиллерии, которая еще так и не подошла (32-й гв. ск на три часа опоздал с выдвигением основных сил на рубеж Крысино – станция Максимовка, поскольку, по воспоминаниям генерала Бакланова [871 - Бакланов Г. В. Указ. соч. С. 101–108.], немецкая разведка перехватила в районе села Кленовое офицера связи, доставлявшего соответствующий приказ генерала

Жадова в штаб 32-го корпуса), слышался рокот моторов немецких самолетов. Всего через несколько минут германская авиация обрушила бомбовый удар на Богодухов и поселок Заброды, в котором размещался штаб 32-го гв. ск.

По воспоминаниям генерала Попеля [872 - Попель Н. К. Указ. соч. С. 190.], в воздухе господствовала германская авиация. По свидетельству маршала Ротмистрова [873 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 222.], вражеская авиация группами по 30–40 самолетов непрерывно бомбила боевые порядки 5-й гв. ТА и части корпуса генерала Родимцева, тогда как советской авиации не было видно, поскольку, вероятно, все ее усилия сосредоточивались на ударах по ближним подступам к Харькову.

По информации В. Горбача [874 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 384, 386–390.], 9 и 10 августа 4-й ВФ немцев получил значительное усиление из состава 6-го ВФ (3 группы истребителей, 4 группы бомбардировщиков, 3 группы пикирующих бомбардировщиков), но 10 и 11 августа большая часть самолето-вылетов, произведенных 8-м авиакорпусом (всего за два дня был произведен 2141 самолето-вылет), оказалась направлена на Изюм-Барвенковское направление, с целью сорвать или ослабить наступление войск ЮЗФ против 1-й ТА генерала Эберхарда Макензена, готовившееся с плацдарма на Донце. Только 12 августа генерал Ханс Зейдеман (Hans Seidemann) сосредоточил усилия бомбардировочной авиации 8-го авиакорпуса для ударов по боевым порядкам противника и его подходящим резервам в районе Богодухов – Крысино, хотя значительная часть из 1209 самолето-вылетов (из которых 1039 произвели самолеты-штурмовики и бомбардировщики) по-прежнему была выполнена для решения задач в полосе немецкой 1-й ТА.

По-видимому, воспоминания советских военачальников об активности вражеской авиации объясняются контрастной ситуацией в воздухе, так как советская авиация на Богодуховском направлении практически бездействовала – основные усилия 2-й ВА были направлены на поддержку наступления 27-й А на Ахтырском направлении. Причем 10 августа воздушная армия генерала Красовского обеспечила всего 604 дневных самолето-вылета, 11 августа – 380, а 12 августа – 580 [875 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 495–496.]. Соответственно, активные действия штурмовой авиации командование 2-й ВА так и не организовало, – 5-й шак генерала Каманина совершил за 12 августа всего 115 самолето-вылетов, часть из которых вновь на поддержку войск 27-й А [876 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 389.]. Для отражения массированных ударов больших групп германских бомбардировщиков в районе Богодухова задействовались истребители 10-го Сталинградского иак, которым командовал генерал Михаил Головня. Этот корпус к 12 августа понес существенные потери – 30–35 процентов материальной части, так что из 110 имевшихся самолетов-истребителей часть была небоеспособна и находилась в ремонте, но объединению пришлось решать задачи как по прикрытию своих войск, так и по борьбе с истребителями противника. В итоге многочисленных воздушных боев 12 августа немецкие эксперты заявили о 20 сбитых советских истребителях и 6 штурмовиках (по сводкам 2-й ВА, было потеряно 13 истребителей и 5 штурмовиков) [877 - См. Горбач В. Указ. соч. С. 391.].

Однако 12 августа именно на Богодуховском направлении развернулись самые ожесточенные бои в полосе ВорФ. Для нанесения деблокирующего удара и восстановления связи с частями 1-й ТА, отрезанными под Высокополем, в районе Мурафы сосредоточились 200-я танковая и срочно подошедшая от Богодухова 6-я мотострелковая бригады 6-го тк, усиленные минполком, а также стрелковые части 163-й сд под командованием полковника Федора Карлова.

Перейдя с утра 12 августа в наступление, эта группировка к 13 часам отбросила передовые вражеские отряды из района 11-я Сотня – Шаровка, сорвав переправу немецких частей через Мерчик для развития наступления на Богодухов с юга. Вместе с тем, как отмечает Михаил Катуков [878 - Катуков М. Е. Указ. соч. С. 295.], мощного удара у войск ВорФ не получилось, поскольку они были разбросаны на широком фронте, однако части танковой и мотострелковой бригады 6-го тк «просочились» к войскам, окруженным в районе Высокополя. По свидетельству генерала Гетмана [879 - Гетман А. Л. Указ. соч. С. 116–117.], попытка пробиться к окруженным, предпринятая утром 12 августа силами двух бригад 6-го тк, а также приданного им стрелкового полка из состава 163-й сд, оказалась малоуспешной и только привела к большим потерям – так, в прорвавшемся к станции Высокополье танковом батальоне из 200-й тбр полковника Моргунова осталось четыре танка из двенадцати. По данным В. Горбача [880 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 390.], бригада полковника Моргунова подверглась удару противотанковых пикирующих бомбардировщиков типа Ju-87G, которые за короткое время подбили 8 танков Т-34.

112-я тбр полковника Леонова, оборонявшаяся в районе Высокополя, в это время продолжала вести бои с частями дивизии СС «Мертвая голова», предпринимавшими попытки охватить бригаду атаками с флангов. Эсэсовским танкистам удалось уничтожить батарею противотанковой артиллерии, прикрывавшую командный пункт бригады, поэтому полковник Леонов вынужден был подняться в командирский танк и принять непосредственное участие в бою, в ходе которого он получил ранение. Командование бригадой принял ее начальник штаба подполковник Иосиф Гусаковский, однако генерал Гетман уже прислал сюда своего заместителя по политической работе полковника Михаила Серенко, а затем, сопровождая прорывавшиеся с севера части, в район боя прибыл член Военного совета 1-й ТА генерал Попель, направленный по личному указанию маршала Жукова [881 - Попель Н. К. Указ. соч. С. 194–201.]. Под их общим руководством, следуя приказу генерала Катукова, во второй половине дня 12 августа бригада начала с боем отходить на север к реке Мерчик. При этом к ее основным силам присоединились прорывавшиеся из Высокополя танковый и мотострелковый батальоны. Поскольку немцам пока так и не удалось создать плотное кольцо окружения, после наступления темноты основным силам бригады удалось выйти к рубежам обороны 6-го тк в районе Шаровки, столкнувшись всего лишь с немецким разведывательным отрядом. Таким образом, к исходу 12 августа в окружении под Высокополем остались только вновь подошедшие сюда части – один танковый и два мотострелковых батальона 6-го тк, усиленные корпусной противотанковой артиллерией, которые получили задачу удерживать ранее занятый участок железной дороги [882 - См.: Гетман А. Л. Указ. соч. С. 115–116; Катуков М. Е. Указ. соч. С. 295.].

1-я гв. тбр полковника Горелова из состава 3-го мк, занимавшая район станции Ковяги, с утра 12 августа также отбивала непрерывные атаки частей танковой дивизии СС «Мертвая голова» и с боями отошла в район совхоза имени Коминтерна, где перешла к круговой обороне. В ночь на 13 августа основные силы бригады прорвались обратно через реку Мерчик и сосредоточились в районе Александровки.

49-я тбр 3-го мк под командованием подполковника Александра Бурды отошла в район Павлово – Кияны, но ее подразделения, окруженные в Левандаловке, прорваться не смогли [883 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 86.]. Они три дня отражали атаки противника, а после того как были израсходованы боеприпасы, оставили Левандаловку и выходили в расположение своих войск мелкими разрозненными группами.

В результате боев 11 и 12 августа ударной группировке немецкого 3-го тк не удалось прочно закрепиться на рубеже по южному берегу реки Мерчик, вследствие чего отрезанные южнее реки передовые соединения 1-й ТА вышли из готовившегося противником окружения. Германское командование упустило возможность уничтожить практически целый танковый корпус русских – три танковые бригады. Напротив, командование советской 1-й ТА оперативно отвело свои силы, оставив в окружении только небольшой сводный отряд, выполнявший указание командования фронтом об удержании захваченного участка железнодорожной линии.

Вместе с тем, стремясь к большему – разгромить основные силы 1-й ТА, находившиеся в междуречье Мерлы и Мерчика, – с утра 12 августа генерал Брейт и полковник Мерк ввели в бой танковую дивизию СС «Викинг» под командованием группенфюрера СС Герберта Гилле (Herbert Otto Gille), чтобы силами до 200 танков из состава дивизий «Викинг» и «Рейх» (по советским данным [884 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 495; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 319.]) нанести главный удар из района Старый Мерчик – Петропавловка в общем направлении на Кияны – Богодухов. Около 100 танков с мотопехотой атаковали левый фланг 31-го тк и части 3-го мк в районе Павлово, а другая группа развивала наступление севернее Сухины – на хутор Бабынки (Бабаки), в стык между 1-й танковой и 5-й гвардейской армиями.

В сложившейся обстановке войскам 1-й ТА пришлось срочно переходить к обороне в одноэшелонном построении на рубеже Мурафа – Александровка – Сухины – Крысино, отражая на этом фронте ожесточенные танковые атаки противника. Оборона армии строилась на системе опорных пунктов, противотанковых районов и подвижных танковых засад (по 3–5 танков и САУ), располагавшихся в шахматном порядке. К ведению обороны была привлечена артиллерия 5-й гв. А, а также основные силы 2-й ВА ВорФ. Вместе с тем войска 1-й ТА были уже существенно ослаблены, в частности, пять танковых бригад 3-го механизированного и 31-го танкового корпусов, оборонявшиеся на рубеже Александровка – Крысино, насчитывали всего 40 боеготовых танков [885 - См.: Катуков М. Е. Указ. соч. С. 296.]. Это говорит об уровне общих и безвозвратных потерь советских войск, понесенных при отражении контрудара противника.

К исходу дня 12 августа немцам удалось вновь потеснить части 1-й ТА и захватить Павлово, Кияны, Сухины. На правом фланге 5-й гв. А в корпусе генерала Родимцева части 13-й гв. сд генерала Бакланова, действовавшие совместно с 1-й ТА, под натиском противника оставили Крысино и перешли к обороне за его северной окраиной. Части 97-й гв. сд генерала Анциферова в беспорядке отошли в район южнее Богодухова.

По свидетельству генерала Юрия Науменко [886 - Науменко Ю. А. Шагай, пехота! М.: Воениздат, 1989. С. 107–109.], бывшего в то время начальником штаба 289-го гв. сп 97-й гв. сд, 12 августа две боевые группы противника – всего до 25 танков с батальоном пехоты и ротой автоматчиков – прорвались на участке обороны полка в районе хутора Голованова, расчленили и окружили его батальоны, так что командир части гвардии подполковник Петр Панский оказался отрезан от своего штаба (Петр Романович Панский погиб в октябре 1943 года, а 24-летний гвардии капитан Юрий Андреевич Науменко стал тогда командиром 289-го гв. сп. – П. Б.). Связь между батальонами была прервана, связь со штабом дивизии по радио также прекратилась. Полк оказался в тяжелом положении еще и потому, что не все бойцы прибывшего накануне через полевые военкоматы пополнения получили вооружение. В складе боепитания было достаточно стрелкового оружия, но начальник вооружения полка проявил преступную беспечность и нерасторопность. Поэтому впоследствии он был отстранен от должности, предан суду военного трибунала, разжалован в рядовые и отправлен в штрафной батальон (за проявленную там храбрость восстановлен в звании и возвращен на командную должность). С наступлением темноты было принято решение ночью прорываться из окружения самостоятельными группами. Группам удалось пройти через вражеские позиции почти без потерь (генерал Науменко объясняет это тем, что немцы утратили бдительность, хотя, вероятно, они не имели ни сил, ни времени для создания прочного внутреннего фронта окружения. – П. Б.) и к 11 часам утра 13 августа основные силы полка сосредоточились в балке, по которой протекает река Мерла, в 2 км юго-западнее города Богодухова.

Представитель Ставки Верховного Главнокомандования маршал Жуков 12 августа выехал в штаб 6-го тк генерала Гетмана и на месте установил, что сил 1-й ТА для удержания района Богодухова недостаточно. По его указанию для локализации контрудара противника были задействованы силы 5-й гв. ТА. После того как левофланговые части 1-й ТА под натиском противника отошли на северо-запад, 18-й и 29-й танковые корпуса 5-й гв. ТА вступили в бой с наступающим противником и к исходу дня задержали немцев на рубеже Александровка – западная окраина Кияны – станция Гавриши (2 км юго-восточнее совхоза «Гавриши») – северо-западная окраина Крысино. Совместными усилиями 1-й и 5-й гвардейской танковых армий наступление 3-го немецкого тк на Богодухов с юго-востока было приостановлено.

По свидетельству маршала Ротмистрова [887 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 221–223.], по дороге на свой основной наблюдательный пункт утром 12 августа он наблюдал безрадостную картину: немецкие танки наступают широкой лавой, германская авиация бомбит нещадно, а советская пехота поспешно отходит и даже кое-где бежит, и только противотанковая артиллерия ведет отчаянный, неравный бой. Прибыв на место, он тут же открытым текстом по радио отдал приказ командирам 18-го и 29-го танковых корпусов

развернуть боевые машины и артиллерию для отражения атаки танков и мотопехоты противника, что позволило двум стрелковым дивизиям корпуса генерала Родимцева укрыться за танки 5-й гв. ТА (по данным штаба 5-й гв. ТА [888 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 33–34.], части 13-й и 97-й гвардейских стрелковых дивизий в беспорядке отошли в район Щегловки и южнее Богодухова. – П. Б.). Однако частям 29-го тк, который принял на себя главный удар противника, пришлось вести встречный бой, поскольку корпус не готовился к обороне, а был развернут для наступления (как и под Прохоровкой. – П. Б.). В результате 25-я и 32-я корпусные танковые бригады полковников Николая Константиновича Володина и Алексея Алексеевича Линева, в первой из которых осталось 4 боеготовых танка, вынуждены были оставить Кияны и отойти за железнодорожную линию на рубеже Гавриши – Крысино, где они перешли к действиям из засад. Благодаря этой тактике танковому взводу лейтенанта Виктора Паршина из 2-го танкового батальона 32-й бригады, которым командовал капитан Андрей Вакуленко, удалось подбить 5 танков и воспрепятствовать попытке немцев овладеть железнодорожным переездом в районе станции Гавриши (за мужество и воинское мастерство Виктору Степановичу Паршину 15 января 1944 года было присвоено звание Героя Советского Союза).

На участок 18-го тк командование 5-й гв. ТА еще в середине дня перебросило из состава 5-го гв. мк две гвардейские мехбригады – 10-ю и 11-ю бригады под командованием гвардии полковников Ивана Борисовича Михайлова и Николая Васильевича Грищенко (остальные бригады мех-корпуса составляли резерв командующего армией) [889 - Егоров П. Я., Кривоборский И. В., Ивлев И. К., Рогалевич А. И. Дорогами побед (Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии). М.: Воениздат, 1969. С. 76.]. Благодаря своевременному подкреплению к исходу дня 18-й тк, установивший взаимодействие с частями 97-й гв. сд, продолжал удерживать оборону в районе Хрущевая Никитовка фронтом на восток.

Согласно боевому донесению командующего войсками СтепФ Верховному главнокомандующему о ходе наступательной операции за 12 августа 1943 года [890 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 56–58.], 5-я гв. ТА с 12.30 12 августа вела бой с мотопехотой и танками противника (до 70 танков), наступавшего при массированной поддержке авиации (группы 30–60 самолетов), прорвавшего фронт 13-й гв. сд 5-й гв. А и захватившего Крысино, Сухины, Кияны. Задержав дальнейшее продвижение противника и уничтожив 16 танков, части танковой армии к исходу дня вели бой на рубеже: 18-й тк – Козлинки – перекресток дорог, что северо-западнее Кияны; 29-й тк – станция Гавриши – высота 195,5; 5-й гв. мк – высоты южнее хутора Семенов и далее по дороге Лозовая – Крысино, 12-я механизированная и 24-я танковая гвардейские бригады корпуса сосредоточены в резерве командующего армией в лесу в районе хутора Слеты, севернее Богодухова.

6-я гв. А с наступлением темноты вышла на рубеж Любовка – Карайкозовка – северная окраина Качаловки, южная опушка леса севернее Мурафы, в готовности с утра 13 августа перейти в наступление в общем направлении на Красный Яр.

В итоге двух дней боев, в полной мере используя фактор внезапности и создав локальное превосходство в силах и средствах, немецкий 3-й тк фланговыми контрударами отбросил рассредоточенные на широком фронте части и соединения советской 1-й ТА,

которые под угрозой окружения и давлением противника отошли из района Высокополье – Ковяги на рубеж реки Мерчик. При этом, однако, германскому командованию не удалось вернуть себе контроль над железнодорожной линией Харьков – Полтава, поскольку отдельные подразделения 1-й ТА продолжали в окружении удерживать район Высокополья, а также не удалось решить главную задачу – прорвать фронт 1-й ТА на всю глубину и установить контроль над районом Богодухова.

Соответственно, 13 августа ударная группировка 3-го тк продолжила наступление южнее и юго-восточнее Богодухова, стремясь основными силами прорваться к Богодухову на стыке участков 1-й танковой и 5-й гвардейской армий ВорФ. С этой целью дивизии СС «Викинг» и «Рейх» с утра возобновили атаки на прежнем направлении, задействовав до 150 танков (по советским данным [891 - См.: История военного искусства. С. 212.]), поддерживаемых моторизованной пехотой. Эсэсовцы на 1,5–2 км оттеснили части 29-го тк 5-й гв. ТА и соединения 32-го гв. ск 5-й гв. А – 13-ю гв. сд полковника Глеба Бакланова и 9-ю гв. воздушно-десантную сд под командованием полковника Александра Сазонова, в результате чего овладели станцией Гавриши.

На участке 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов 1-й ТА и 18-го тк 5-й гв. ТА эсэсовцам удалось прорваться через Александровку к Хрущевой Никитовке и выбить оттуда части 97-й гв. сд полковника Ивана Анциферова. Тем не менее положение войск ВорФ под Богодуховом вновь стабилизировали резервы – в полосе обороны 6-го танкового и 3-го механизированного корпусов в лесу западнее Хрущевой Никитовки уже развертывались стрелковые и артиллерийские части 22-го гв. ск 6-й гв. А, а дорогу на Богодухов от Крысино прикрыл 5-й гв. мк 5-й гв. ТА.

При этом активность германской авиации 13 августа снизилась, составив 975 самолетов-вылетов, 829 из которых выполнили бомбардировщики и штурмовики 8-го авиакорпуса, продолжавшие группами до 40 самолетов наносить удары в районе Крысино – Кияны [892 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 392.].

Согласно боевому донесению штаба СтепФ Верховному главнокомандующему о ходе наступательной операции за 13 августа 1943 года [893 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 59–61.], к 18 часам 13 августа противник отбросил 13-ю и 9-ю гвардейские стрелковые дивизии 5-й гв. А. В сложившейся обстановке 5-я гв. ТА приняла на себя удар танковых частей противника и ведет бой за удержание Богодухова: 18-й тк – занимает оборону на рубеже высота 197,1 – северная окраина Хрущевой Никитовки (исключительно) – совхоз «Гавриши»; 29-й тк – на рубеже 3 км южнее Семенов Яр – северная окраина Крысино; 5-й гв. мк – двумя бригадами занимает вторую линию обороны, две бригады в резерве армии в лесу севернее Богодухова.

В то же время подразделения 6-й мотострелковой и 200-й танковой бригад 1-й ТА продолжали вести бой в окружении в полосе наступления дивизии СС «Мертвая голова», удерживая район Высокополья (1-й и 3-й батальоны мотострелковой бригады и 1-й батальон танковой бригады [894 - См.: Гетман А. Л. Указ. соч. С. 116–117.]). Отбивая атаки превосходящих сил противника, они были вынуждены отойти на северную окраину Высокополья, где создали несколько узлов сопротивления, используя кирпичные дома,

железнодорожную насыпь и другие сооружения. На наиболее опасных направлениях заняли огневые позиции противотанковые орудия, а четыре танка составляли тактический резерв. Боеприпасы, продовольствие и медикаменты для окруженных подавались самолетами авиаполка связи 1-й ТА в ночное время, а обратными рейсами эвакуировались раненые и больные.

13 августа немецкое командование дополнительно ввело здесь в бой части 223-й пд генерала Кристиана Узингера (Christian Usinger), которая была переброшена из полосы ГА «Север», из резерва ГШ сухопутных войск, и поступила в оперативное подчинение 3-го тк [895 - См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 790; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 369.]. Командование танкового корпуса использовало пехотные части для упрочения фронта на своем левом фланге, в полосе от Березовки до района севернее Высокополья.

В итоге боевых действий 13 августа немцам по-прежнему не удалось прорвать оборону 1-й и 5-й гвардейской танковых армий, однако их вклинение на стыке участков 1-й танковой и 5-й гвардейской армий с выходом в район Кияны и Крысино создало реальную угрозу тылу 1-й ТА и всему левому флангу ударной группировки ВорФ. В период с 11 по 13 августа 1-я ТА была отеснена на 18–20 км, и дальнейший отход советских войск мог привести к потере Богодухова – важнейшего коммуникационного узла, связывавшего теперь центр и левый фланг ВорФ.

Учитывая обстановку, сложившуюся к середине дня 13 августа, командующий фронтом генерал Ватугин принял решение укрепить положение в районе Богодухова путем сосредоточения на этом направлении стрелковых частей 6-й и 5-й гвардейских армий, а также основной массы их артиллерии усиления.

В своем боевом распоряжении, направленном в 14.45 13 августа командующим 5-й и 6-й гвардейскими и 1-й танковой армиями [896 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 497–498, 664.], Ватугин поставил войскам левого крыла фронта задачу общими усилиями уничтожить группировку противника, стремящуюся прорваться с фронта Александровка – хутор Бабаки в направлении на Богодухов и восстановить утраченное положение, для чего:

1) командующему 6-й гв. А, стремительно развивая наступление своим правым флангом для выхода на рубеж Березовка – Коломак, силами 67-й и 71-й гвардейских стрелковых дивизий 22-го гв. ск прочно прикрыть рубеж от восточной опушки леса западнее Хрущевой Никитовки до высот в 4,5 км юго-восточнее Богодухова, не допуская прорыва противника на этом участке;

2) командующему 5-й гв. А немедленно подтянуть к Богодуховскому направлению всю артиллерию усиления, всю истребительную противотанковую артиллерию и батальоны противотанковых ружей, потребовав от командира 32-го гв. ск генерала Родимцева самой упорной обороны, а силами 66-й гв. сд корпуса организовать и нанести контрудар с севера во фланг атакующему противнику с задачей восстановления положения и дальнейшего наступления;

3) командующему 1-й ТА во что бы то ни стало удерживать захваченные районы на железной дороге Харьков – Полтава и частью сил своего левого фланга уничтожить прорвавшегося противника.

ВВС фронта была поставлена задача всеми силами работать по группировке противника, наступающего с фронта Александровка – хутор Бабаки. Соответственно, основные усилия ударной авиации командование 2-й ВА решило сконцентрировать на левом фланге фронта, задействовав 291-ю отдельную штурмовую авиадивизию полковника Витрука для содействия наземным войскам в отражении атак дивизий СС «Рейх» и «Викинг», а 5-й шак генерала Каманина направив на поддержку наступления 6-й гв. А. Однако из-за неблагоприятных погодных условий 13 августа летным составом 2-й ВА было произведено всего 359 самолето-вылетов, в том числе 84 самолето-вылета выполнили штурмовики, 61 – бомбардировщики, а непосредственно в район южнее Богодухова было совершено 193 самолето-вылета силами 5-го штурмового и 10-го истребительного авиационных корпусов, так что в этот день советские войска вновь действовали под Богодуховом без существенной авиационной поддержки [897 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 392; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 321.].

Выполняя распоряжение командования фронтом, 6-я гв. А передала две стрелковые дивизии 22-го гв. ск на укрепление обороны 1-й ТА – 67-я и 71-я гвардейские стрелковые дивизии гвардии полковников Алексея Баксова и Ивана Сивакова выдвигались в район Хрущевой Никитовки, а своими главными силами армия во второй половине дня 13 августа отбросила неприятельские заслоны и отряды прикрытия и к исходу дня вышла на рубеж Ковалевка – Благодатная – 11-я Сотня, охватывая левый фланг 3-го тк противника. Немцы не успевали усилить это направление за счет прибывающих частей 223-й пд.

В то же время 5-я гв. ТА, которая 12 и 13 августа оставалась главной силой советской обороны на Богодуховском направлении, получила прямо противоположные приказы [898 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 34–35.]. По свидетельству маршала Ротмистрова [899 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 223–227.], 12 августа он направил два донесения командующим Воронежским и Степным фронтами, где сообщил про внезапное изменение оперативной обстановки и указал, что 5-я гв. ТА ведет ожесточенный бой с танковым корпусом СС. В ответ к исходу дня поступили два приказа, ни один из которых совершенно не отвечал сложившейся обстановке: генерал Ватутин требовал развернуть армию вправо и оказать помощь 1-й ТА в разгроме наступавшего на нее противника; по приказу генерала Конева армия должна была уклониться влево и выйти в полосу действий 53-й А СтепФ для совместного наступления в целях разгрома харьковской группировки немецких войск. Выполнение любого из двух приказов требовало снять танковую армию с Богодуховского направления, вследствие чего танковая группировка противника получила бы возможность захватить Богодухов и нанести удар в тыл 1-й танковой, 5-й и 6-й гвардейских армий левого крыла ВорФ. Поэтому Ротмистров решил ждать до выяснения обстановки и поставил командирам танковых корпусов задачу организовать жесткую оборону на занимаемом ими 15-километровом фронте, где командующий артиллерией армии генерал Иван Владимиров должен был разработать систему артиллерийского огня, выдвинув как можно больше орудий на стрельбу прямой наводкой. Однако вечером 12 августа начальник штаба 5-й гв. ТА генерал Владимир Баскаков и член Военного совета

генерал Петр Гришин доложили, что в разговоре по прямому проводу начальник штаба СтепФ генерал Матвей Захаров подтвердил приказ командующего фронтом и категорически потребовал выводить танковую армию в полосу действий 53-й А, откуда нанести стремительный удар на Новую Водолагу с целью отрезать противнику пути отхода из Харькова в юго-западном направлении. При этом Баскаков высказал мнение, что «сверху» виднее, а командующий СтепФ требует выполнения задачи, аналогичной той, которую поставил перед армией маршал Жуков, то есть нанести удар в обход харьковской группировки противника с юго-запада; генерал Гришин заметил Ротмистрову, что за несвоевременное выполнение приказов их могут отдать под суд военного трибунала и расстрелять. Выслушав такие аргументы, Ротмистров все-таки принял решение отправить шифрованное сообщение маршалу Жукову, где доложил обстановку в районе действий армии, информировал о получении противоречивых приказов командующих войсками двух фронтов и поставил в известность, что если от Жукова до утра не последует новых распоряжений, то в 6.00 13 августа второй эшелон армии (5-й гв. мк) начнет движение по приказу Ватутина, а в 8.00 в том же направлении двинутся оба танковых корпуса, после чего командование 5-й гв. ТА снимает с себя ответственность за Богодуховское направление. Генералы Гришин и Баскаков подписывать это сообщение отказались, сославшись на то, что оно противоречит их мнению. В соответствии с принятым решением командир 5-го гв. Зимовниковского мехкорпуса генерал Борис Скворцов получил приказ до 6 часов утра 13 августа начать движение по двум маршрутам с предупреждением, что корпус может быть возвращен в исходное положение или ему придется наносить фланговый удар по танковой группировке противника, если она возобновит наступление на Богодухов. Однако утром на командный пункт прибыл маршал Жуков, который приказал вернуть мехкорпус генерала Скворцова в исходное положение, отправил донесение о развитии обстановки Сталину, позавтракал и уехал, обещав связаться с генералом Коневым и уточнить дальнейшую задачу 5-й гв. ТА.

Маршал Ротмистров сообщает [900 - Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 226.], что уже во время завтрака с Жуковым было получено шифрованное сообщение от командования СтепФ, санкционирующее дальнейшие действия 5-й гв. ТА на Богодуховском направлении. Однако, согласно другим источникам [901 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 439.], невзирая на неблагоприятное развитие оперативной обстановки и необходимость взаимодействия Воронежского и Степного фронтов, 13 августа генерал Конев по-прежнему требовал перегруппировки танковой армии генерала Ротмистрова в полосу 53-й А генерала Манагарова. В распоряжении Конева, направленном Ротмистрову, отмечалось, что в то время, когда войска СтепФ ведут бой за Харьков, 5-я гв. ТА преступно остается на месте. Представителю Ставки маршалу Жукову, координирующему операции Воронежского и Степного фронтов, пришлось специально указать генералу Ротмистрову, что его танковая армия также отвечает за недопущение продвижения противника на Богодухов, а распоряжением, переданным в 12 часов 14 августа, отход 5-й гв. ТА был категорически запрещен [902 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 498.]. Только после этого 14 августа Конев своим приказом подтвердил переход гвардейской танковой армии к обороне на Богодуховском направлении. Так что проблемы взаимодействия на уровне командования группировками оперативных объединений были не только у немцев, но советская сторона преодолевала их более своевременно и в

соответствии со складывающейся обстановкой, поскольку ответственные решения мог принимать не только Верховный главнокомандующий, но и представители Ставки на местах.

Согласно боевому распоряжению командующего войсками ВорФ, командующим 27, 5 и 6-й гвардейскими, 1-й танковой и 2-й воздушной армиями на уничтожение противника в районе Ахтырки, направленному в 23.30 13 августа 1943 года [903 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 92. Л. 202–205.], противник усилил сопротивление на Ахтырском и Богодуховском направлениях, поэтому задачи армий ВорФ к исходу 13 августа выполнены не полностью. Ближайшими задачами армий ВорФ является уничтожить противника в районе Ахтырки и овладеть надежным плацдармом на западном берегу реки Ворскла, уничтожить противника на Богодуховском направлении, отрезать пути отхода харьковской группировки противника на запад и юго-запад и уничтожить ее во взаимодействии со СтепФ.

Для этого 27-я А должна уничтожить противника в районе Ахтырки и к исходу 15 августа овладеть плацдармом на западном берегу реки Ворскла в районах Доброслововки, Ясеневого, Груня, Буд и Опошни, а 5-й гв. тк – надежно занять Большую Рублевку. Разграничительная линия 27-й А слева прежняя: до Богодухова и далее по реке Лужа.

Ближайшая задача 6-й гв. А со 163-й сд 27-й А – совместно с 5-й гв. А разбить группировку противника на Богодуховском направлении, выйти на фронт Березовка – Отрада – Коломак – Высокополье – Шаровка – Хрущевая Никитовка, своим резервом и противотанковой артиллерией обеспечить Богодухов с юга и юго-востока. Обеспечить пропуск через свой фронт частей 1-й и 5-й гвардейской танковой армий. К исходу 15 августа выйти на фронт Большая Рублевка – Артемовка – Кочубеевка (исключительно) – Чутово. По особому указанию командования ВорФ вернуть 163-ю сд 27-й армии. Разграничительная линия 6-й гв. А слева: Богодухов – Хрущевая Никитовка – Высокополье – река Коломак.

5-й гв. А – не допустить прорыва противника на Богодуховском направлении и разбить его, нанося удар своими флангами, к исходу 15 августа выйти на фронт Коломак – Валки.

1-й ТА – используя успех 6-й гв. А, к исходу 15 августа выйти в район Коломак – Чутово – Сидоренково и сильным передовым отрядом овладеть Карловкой, перерезав коммуникацию противника Красноград – Полтава.

2-й ВА – поддержать главными силами наступление 1-й танковой, 5-й и 6-й гвардейских армий и прикрыть главные силы этих армий с воздуха.

Как следует из данного распоряжения, Ватутин, по-видимому, решил, что удачное наступление 6-й гв. А предоставляет ВорФ возможность решительным ударом разгромить противника на Богодуховском и Ахтырском направлениях и выполнить поставленную Ставкой задачу по развитию наступления на Полтавском направлении. Впрочем, вполне вероятно, что таким образом он всего лишь вновь показывал вышестоящему

командованию свою наступательность, активность и настойчивость в достижении установленных целей.

14 августа 6-я гв. А, развивая наступление совместно с частями 6-го тк 1-й ТА и 163-й сд 27-й А, вышла на рубеж Березовка – Отрада – Вязовая – Шелестово – Алексеевка, продвинувшись за день на 10–12 км, перерезав линию сообщений Харьков – Полтава и создав угрозу прорыва на стыке 3-го и 48-го танковых корпусов немцев. В то же время на левом фланге армии стрелковые части 67-й и 71-й гвардейских стрелковых дивизий безуспешно пытались вновь овладеть Хрущевой Никитовкой и совхозом «Гавриши», которые оборонял 5-й панцер-гренадерский полк СС «Туле» (SS-Pan-zergrenadier-Regiment «Thule») оберштурмбаннфюрера Отто Баума (Otto Baum) из дивизии «Мертвая голова», усиленный 30 танками и штурмовыми орудиями (в бою 14 августа под Хрущевой Никитовкой был практически уничтожен штаб 210-го гв. сп 71-й гв. сд, погиб командир полка гвардии подполковник Дмитрий Воронкин).

Штурмовые и бомбардировочные части немецкого 8-го авиакорпуса в течение 14 августа наносили практически непрерывные удары группами до 20 самолетов по боевым порядкам наступающих войск 6-й гв. А на участке Красно-кутск – Богодухов, выполнив за день 1103 самолето-вылета (командир 1-й штурмовой эскадры (SchG-1) майор Альфред Друшель (Alfred Druschel) совершил в этот день свой 900-й боевой вылет) [904 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 393.]. Противодействуя вражеской авиации, летчики-истребители 10-го иак 2-й ВА выполнили за 14 августа 139 вылетов силами 38 самолетов, в результате чего было потеряно 14 боевых машин, а поддерживавший наступление 6-й гв. А 5-й шак потерял 14 августа 16 самолетов, 12 из которых были сбиты в воздушных боях немецкими экспертами (13 и 14 августа особенно отличилась 1-я группа 54-й истребительной эскадры (JG-54) под командованием капитана Вальтера Новотны (Walter Nowotny) [905 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 393–395.]. Общие потери 2-й ВА за 14 августа составили 30 самолетов, а всего за три дня – в период с 12 по 14 августа – 65 машин [906 - Горбач В. Указ. соч. С. 395.]. Благодаря сосредоточению сил истребительной авиации германское воздушное командование добилось серьезных успехов в прикрытии своих наземных войск и борьбе за господство в воздухе – в особенности тяжелые потери понесла истребительная и штурмовая авиация советской 2-й ВА, поэтому боеспособность 5-го штурмового и 10-го истребительного корпусов резко снизилась. Командование 10-го иак отмечало, что его летчикам была поставлена непосильная задача одновременно по прикрытию боевых порядков многочисленных танковых соединений, сопровождению штурмовиков и бомбардировщиков, а также ведению борьбы за господство в воздухе, вследствие чего ослаблялось внимание за поведением бомбардировщиков противника, а его истребители во многих случаях получали возможность занять более выгодное положение для нападения [907 - Горбач В. Указ. соч. С. 395.]. Учитывая сложившуюся ситуацию, командование 2-й ВА активизировало ночные бомбардировки противника – в ночь на 14 и на 16 августа экипажи 208-й ночной бомбардировочной дивизии полковника Юзеева совершили 386 самолето-вылетов в район южнее Богодухова [908 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 323.].

По данным генерала Радзиевского [909 - См.: Радзиевский А. И. Указ. соч. С. 144.], в период с 11 по 14 августа 1943 года 2-я ВА, часть сил 17-й ВА и авиация дальнего

действия произвели всего 2280 самолето-вылетов на поддержку войск ВорФ (в среднем по 114 самолето-вылетов ежедневно).

В связи с резким изменением обстановки командование немецкого 3-го тк вынуждено было срочно перенести направление главного удара южнее реки Мерчик – на Качаловку, против левофланговых частей 6-й гв. А и правого фланга 1-й ТА. С этой целью начиная с 14 августа была произведена перегруппировка для создания ударной группы 3-го тк в районе Ковяги – Новый Мерчик, так что к утру 15 августа здесь были сосредоточены основные силы танковых дивизий СС «Рейх» и «Мертвая голова» (по некоторым данным [910 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 396.], около 120 танков и два панцер-гренадерских полка). Утром 15 августа они перешли в наступление вдоль южного берега реки Мерчик на участке Коломак – Искровка в общем направлении на Качаловку, нанесли удар по частям 6-го тк генерала Гетмана и 163-й сд генерала Карлова, обеспечивавшим восточный фланг 6-й гв. А на участке Шаровка – Червонный Прапор – Алексеевка, прорвали фронт и к исходу 15 августа вышли на тылы 6-й А. Германская авиация группами от 20 до 40 самолетов непрерывно бомбардировала боевые порядки, тылы и коммуникации объединения генерала Чистякова, выполнив за день 1177 самолетов-вылетов (большинство из них на поддержку эсэсовских дивизий), тогда как части 2-й ВА совершили 15 августа всего 270 самолето-вылетов и нанесли только один массированный удар в интересах 6-й гв. А, задействовав 31 штурмовик Ил-2 (некомплект в армии к 15 августа составлял уже 313 самолетов – не хватало 103 штурмовика и 175 истребителей) [911 - Горбач В. Указ. соч. С. 396–397.]. По донесению маршала Жукова Верховному главнокомандующему о ходе боев 15 августа [912 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 324.], две дивизии 22-го гв. ск 6-й гв. А выдержали около 600 самолето-ударов противника.

В результате войска 6-й гв. А были вынуждены с тяжелыми боями отходить к лесам южнее реки Мерла и в ночь на 16 августа заняли оборону на рубеже Березовка – Качаловка – Мирное – совхоз «Гавриши» совместно с 1-й и 5-й гвардейской танковыми армиями. Согласно оперативным сводкам ГШ Красной армии [913 - ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1073сс. Д. 6. Л. 156, 169–170.], два полка 90-й гв. сд, полк 163-й сд, два батальона 6-й мсбр и подразделения 200-й тбр 6-го тк в течение дня 15 августа вели тяжелые бои в окружении в районе Высокополье – станция Водяная – Алексеевка (18–26 км юго-восточнее города Краснокутска) и в ночь на 16 августа с большими потерями отошли в район действия своих войск. Так, 272-й гв. сп 90-й гв. сд гвардии полковника Виктора Георгиевича Чернова, которым командовал гвардии подполковник Леонтий Яковлевич Митин, был отрезан танками противника и фактически разгромлен в окружении в районе Алексеевки, на линии железной дороги Харьков – Полтава [914 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 323.] (при выходе из окружения 16 августа подполковник Митин получил множественные осколочные ранения, был доставлен в госпиталь 18 августа и умер, по имеющимся данным, в период между 22 и 26 августа 1943 года).

Основные силы 6-го тк, действовавшие в боевых порядках 6-й гв. А, также отошли на указанный выше рубеж. Отдельные батальоны 6-й мотострелковой и 200-й танковой бригад 6-го тк, которые все еще продолжали вести бои в окружении в районе Высокополья, в ночь на 16 августа мелкими группами прорвались из окружения в леса

западнее Мурафы – всего 160 солдат и офицеров [915 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 87–88.]. В итоге, действуя согласно указаниям командования ВорФ, командование 1-й ТА фактически пожертвовало одной мотострелковой бригадой со средствами усиления – танковым и двумя мотострелковыми батальонами, а также частями противотанковой артиллерии 6-го тк, которые были практически уничтожены в боях за Высокополье.

16 августа 3-й тк генерала Брейта продолжал наступление против 6-й гвардейской и 1-й танковой армий на отдельных участках, но все атаки немцев были отбиты. 17 августа, по данным ГШ Красной армии [916 - ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1073сс. Д. 6. Л. 179–180.], во второй половине дня немцы развернули на рубеже Ковалевка – Комсомолец до 75 танков и свыше двух полков пехоты, стремясь выйти к реке Мерла, и к исходу дня, после неоднократных атак, ворвались в восточную часть населенного пункта Березовка и в Зубовку (12–18 км южнее Краснокутска). К 18 августа немцы прекратили активные действия на Богодуховском направлении и перешли здесь к обороне. Положение на этом участке фронта стабилизировалось и оставалось без изменений даже после завершения Белгородско-Харьковской операции, вплоть до 26–27 августа 1943 года.

Таким образом, благодаря переходу в наступление 6-й гв. А войска левого крыла ВорФ остановили наступление немцев на Богодухов с юго-востока, из района Старый Мерчик – Ольшаны. 14 и 15 августа 1-я ТА и 32-й гв. ск 5-й гв. А совместно с частями 5-й гв. ТА прочно удерживали рубеж Шаровка – лес западнее Хрущевой Никитовки – Семенов Яр, отбив здесь все вражеские атаки, уже не имевшие прежней интенсивности. Немцам оставалось пройти до Богодухова около 6–7 км, но усиление советской обороны за счет войск 5-й гв. ТА и вступление в бой 6-й гв. А не позволили решить эту задачу. 66-я гв. сд 32-го гв. ск 5-й гв. А под командованием генерала Якшина даже контратаковала правый фланг дивизии СС «Викинг» с рубежа Крысино – Максимовка, а соединения 33-го гв. ск перешли в наступление на левом фланге армии, в направлении на Ольшаны, и к исходу дня продвинулись до рубежа Малая Рогозянка – Коробки (8 км восточнее Малой Рогозянки), на стыке дивизии «Викинг» и 3-й тд противника.

В результате контрударов, организованных 11–17 августа южнее Богодухова, германскому командованию не удалось прорваться в район Богодухова и выйти на тылы ударной группировки ВорФ с целью разгромить ее и решительно изменить всю оперативную обстановку на Белгородско-Харьковском направлении в свою пользу. Однако немцам удалось остановить наступление основной ударной группы фронта на Коломак и Валки. Введя в бой до 400 танков и штурмовых орудий (по завышенным советским данным [917 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 496.]), 3-й немецкий тк вынудил четыре советские армии (5-ю и 6-ю гвардейские, 1-ю и 5-ю гвардейскую танковые армии) перейти к обороне и нанес им значительный урон. Так, например, общие потери 5-й гв. ТА по бронетехнике в период с 11 по 20 августа составили 85 танков, вследствие чего к 18 августа в составе 18-го тк насчитывалось 50 танков, а в 29-м танковом корпусе – 80 боевых машин (в среднем армия теряла за день боев по 12–13 танков и САУ) [918 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 445; Егоров П. Я., Кривоборский И. В., Ивлев И. К., Рогалевич А. И. Указ. соч. С. 78; Радзиевский А. И.

Указ. соч. С. 189.]. В связи с отходом русских из района Высокополье – Ковяги ГА «Юг» вновь получила возможность использовать железную дорогу Харьков – Полтава.

По оценке штаба ГА «Юг» от 16 августа 1943 года [919 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 792. Л. 119–120.], контратака германских войск южнее населенного пункта Мерчик привела к окружению пяти стрелковых дивизий и частей 6-го тк противника в районе южнее Краснокутска. Эта акция отвлекла крупные силы противника, облегчив общее положение.

На правом крыле ВорФ 38-я и 40-я армии с 11 по 16 августа оставались на рубеже Верхняя Сыроватка – Тростянец и продвижения вперед не добились. Войска 38-й А были задержаны сопротивлением 75-й и 68-й пехотных дивизий 7-го немецкого ак, тогда как на участке 40-й А ее стрелковые части совместно со 2-м и 10-м танковыми корпусами вели упорные бои в центре и на левом фланге за станцию Боромля и городок Тростянец, отбивая контратаки частей мд «Великая Германия», предпринимавшиеся с целью восстановить контроль за рокадной дорогой на Ахтырку.

По информации маршала Москаленко [920 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 88, 89, 104.] с 11 августа войскам 40-й А во взаимодействии с 27-й А пришлось вести ожесточенные бои с противником, предпринимавшим контратаки крупными силами танков и мотопехоты. В начале операции 40-я А имела незначительные силы, не соответствовавшие поставленной ей задаче, которых было мало не только для того, чтобы успешно развивать наступление, но и для того, чтобы удержать захваченный рубеж в условиях усиливающихся вражеских контратак. Поэтому к 11 августа 40-я А получила на усиление 23-ю сд из состава 47-й А (под командованием полковника Александра Игнатьевича Королева. – П. Б.) и целый ряд артиллерийских частей – 50-ю пушечную и 27-ю истребительно-противотанковую бригады, 2 гаубичных, 2 гвардейских минометных и 2 истребительно-противотанковых полка. Днем 11 августа мд «Великая Германия», действуя совместно с одним гренадерским полком 57-й пд, потеснила на узком участке стрелковые части 206-й сд полковника Виктора Рутько (Виктор Иванович Рутько) из состава 47-го ск генерала Афанасия Грязнова, одновременно нанеся удар по частям 100-й сд полковника Петра Цыганкова и 10-го тк генерала Василия Алексеева, чтобы не допустить их переправы на западный берег реки Боромля и удержать в своих руках Тростянец (11 августа полковник Рутько был снят с должности командира 206-й сд, на которую 12 августа назначили генерала Серафима Меркулова). Одновременно противник заметно усилил сопротивление также в полосе 52-го ск 40-й А, наступавшего теперь силами трех дивизий – 237, 161 и 309-й. Однако благодаря своевременному усилению артиллерией отбросить войска 40-й А не удалось. К исходу 11 августа 52-й ск генерала Франца Перхоровича, взаимодействуя со 2-м тк генерала Попова, достиг линии, проходившей к западу от Гребенниковки и далее вблизи Шаблино, по северозападной окраине Боромли, а 47-й стрелковый и 10-й танковый корпуса вышли на рубеж Первомайск – восточный берег реки Боромля – северо-восточная окраина города Тростянец – Каменка.

В то же время для развития наступления на Гадячском и Зеньковском направлениях из резерва ВорФ в район Поповка – Славгородок выдвигалась 47-я А генерала Павла

Корзуна (начальник штаба полковник Евгений Васильевич Иванов) с приданным ей 3-м гв. мк под командованием генерала Виктора Обухова, которые должны были войти в сражение на стыке 40-й и 27-й армий.

47-я А с 3 апреля 1943 года находилась в резерве Ставки Верховного Главнокомандования в районе города Россошь, входя в состав Резервного фронта (с 10 апреля), Степного военного округа (с 15 апреля) и СтепФ (с 9 июля). К 8 июля 1943 года армия была перегруппирована в район Валуйки, где в ее оперативное распоряжение поступил 3-й гв. Сталинградский мк; к 17 июля оба оперативных объединения получили приказ командования СтепФ выйти в район Корочи и занять оборону за боевыми порядками 69-й А ВорФ для прикрытия Корочанского направления; с 28 июля 47-я А и 3-й гв. мк были переданы в состав ВорФ и к 3 августа сосредоточились под городом Мирополье, в тылу 38-й А [921 - ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 228. Л. 1–2.] До 10 августа 47-я А в составе 6 стрелковых дивизий (три под управлением 21-го ск, три под управлением 23-го ск), 21-й зенитной артдивизии, 2 истребительно-противотанковых артполков, 1 минометного и 1 гвардейского минометного полков, 1 отдельного инженерного батальона (по некоторым данным, всего около 65 тыс. солдат и офицеров) [922 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 343–344.] аходилась под Миропольем вместе с 3-м гв. мк, предназначаясь командованием ВорФ для быстрого наращивания сил в полосе намеченного наступления. Однако с начала Белгородско-Харьковской наступательной операции генерал Ватугин «раздергал» 47-ю А, использовав ее части и соединения для усиления других оперативных объединений. Так, 38-я сд была оставлена в оперативном резерве фронта и к 8 августа передана в распоряжение 50-го ск 38-й А, а 23-я сд с 11 августа передана в распоряжение 52-го ск 40-й А [923 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 483; Москаленко К. С. Указ. соч. С. 89.] К 11 августа 47-я А и 3-й гв. мк были сосредоточены в районе Краснополье – Бранцовка – Пожня – Славгородок – Рясное, где оставались до 15 августа в готовности наступать в направлении на Тростянец. В итоге почти за две недели наступательной операции ВорФ 47-я А так и не получила самостоятельного участка и не была введена в бой всеми силами, находясь в резерве фронта. При этом за время с 7 июля по 16 августа 47-я А 20 суток находилась на марше, преодолев расстояние около 500 км и произведя сложные и срочные перегруппировки по указаниям вышестоящего фронтового командования [924 - ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 228. Л. 3.]

В ночь с 14 на 15 августа 1943 года командующий 47-й А генерал Корзун получил приказ командования фронта о выдвижении на смену частей 40-й А для организации прорыва вражеской обороны в районе Гапоновки. К этому моменту в распоряжении 47-й А оставались четыре стрелковые дивизии (29, 30, 218 и 337-я дивизии), в каждой из которых в среднем насчитывалось по 8 тыс. человек личного состава, а на вооружении войск армии имелось 527 орудий и 702 миномета калибра 120 и 82 мм [925 - ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 228. Л. 3.] Приданный армии 3-й гв. Сталинградский мк представлял элитное объединение бронетанковых и механизированных войск Красной армии, где частями в этот период командовали офицеры, уже награжденные или впоследствии удостоенные звания Героя Советского Союза: 35-я гв. танковая бригада – гвардии полковник (впоследствии гвардии генерал-майор танковых войск) Ази Агадович Асланов;

7-я гв. мбр – гвардии полковник (впоследствии гвардии генерал-майор танковых войск) Михаил Иосифович Родионов; 8-я гв. мбр – гвардии полковник (впоследствии гвардии генерал-майор танковых войск) Даниил Никитович Белый; 9-я гв. мбр – гвардии полковник Павел Иванович Горячев.

В это же время с учетом сложившейся ситуации для обеспечения дополнительных возможностей наращивания усилий в ходе наступательной операции ВорФ распоряжением Ставки Верховного Главнокомандования с 12 августа в его состав была передана 4-я гв. А с 3-м гв. тк, выдвигавшиеся на Ахтырское направление.

Поставленная перед 40-й А задача требовала не обороняться, а продолжать наступление, поэтому, принимая во внимание имевшиеся силы и средства, генерал Москаленко принял решение произвести перегруппировку войск к правому флангу, 13 августа нанести там удар, разгромить противостоящие части 7-й танковой, 88-й и 57-й пехотных дивизий, овладеть городом Лебедин и к исходу дня выйти на реку Псел [926 - См.: Москаленко К. С. Указ. соч. С. 89–90.] При этом 52-й ск в составе четырех стрелковых дивизий (23, 161, 237 и 309-я дивизии. – П. Б.) предназначался для прорыва фронта обороны немцев, 10-й тк – для развития наступления, а 47-му ск предстояло силами 100-й и 206-й стрелковых дивизий прочно удерживать занимаемый рубеж. Командующий ВорФ утвердил это решение, однако 10-й тк по распоряжению штаба фронта убыл в распоряжение 47-й А. Когда правофланговые соединения 40-й А с утра 13 августа после артиллерийской и авиационной подготовки перешли в наступление в общем направлении на Великий Истороп (Выстороп), они встретили исключительно сильное огневое сопротивление, в особенности в районе опорных пунктов, подготовленных немцами в селах Градское и Лесное. В результате бои на этом направлении приняли затяжной характер, и в течение трех дней войскам 40-й А удалось продвинуться только на 4–5 км.

С другой стороны, 27-я А, выполняя задачу по выходу на рубеж Шиловка – Опошня – Артемовка (11 км юго-восточнее Большой Рублевки), с 12 по 17 августа вела упорные бои на рубеже реки Ворскла, которые приняли особенно напряженный характер на правом фланге армии – в районе Ахтырки.

Не добившись полного успеха при попытке прорваться к Богодухову с юго-востока – из района Старый Мерчик – Ольшаны, так как на этом направлении советским войскам удалось стабилизировать положение и занять прочную оборону, командование ГА «Юг» в середине августа стало подготавливать контрудар на Богодухов с северо-запада – из района Ахтырки. Для этого командование 4-й ТА немцев провело перегруппировку – 88-я пд 7-го ак, которой командовал генерал Генрих Рот (Heinrich Roth), была переброшена южнее 68-й пд и развернулась на участке против правого фланга и центра советской 40-й А. Кроме того, с 15 августа германское командование ввело в бой против 40-й А части 112-й пд генерала Рудольфа Вутманна (Rudolf Wuthmann), прибывавшей для усиления ГА «Юг» из-под Брянска, после боев на Орловском плацдарме. Переброска 88-й пд и прибытие частей 112-й пд позволили командованию 4-й ТА генерала Гота высвободить танковые и моторизованные части и соединения, которые стали сосредотачиваться под Ахтыркой. К 17 августа в районе Ахтырки и западнее удалось сосредоточить группу, включавшую основные силы 7-й тд и мд «Великая Германия», 51-й и 52-й отдельные

батальоны танков «Пантера», четыре артополка. Сюда же направлялись новые подкрепления из состава ГА «Центр» – 10-я мд, перебрасываемая из-под Карачева. Эта группировка, находившаяся под управлением 24-го тк генерала Вальтера Неринга и 48-го тк генерала Отто Кнобельсдорфа (Otto Knobelsdorff), должна была нанести контрудар во фланг 27-й и тыл 6-й гвардейской армий ВорФ, в общем направлении Богодухов – Мурафа.

Кроме того, воспользовавшись ситуацией, сложившейся на Богодуховском направлении, к 18 августа немцы сосредоточили на участке 48-го тк, в районе восточнее Большой Рублевки, основные силы тд СС «Мертвая голова» для встречного удара с юга, рассекающего фронт неприятеля на стыке его 27-й и 6-й гвардейской армий. Благодаря перегруппировке дивизии «Мертвая голова» сводная боевая группа 11-й и 19-й танковых дивизий, оборонявшаяся в районе Котельвы под управлением 48-го тк, была в последующем также использована в боях под Ахтыркой в составе 24-го тк.

В соответствии с этими намерениями командование 4-й ТА немцев прилагало все усилия к тому, чтобы удержать район Ахтырки, представлявший удобный плацдарм для сосредоточения и развертывания контрударной группировки на восточном берегу реки Ворскла.

Как следствие, с 12 по 14 августа правифланговые части 27-й А продолжали вести упорные уличные бои на окраинах Ахтырки, так и не сумев овладеть этим опорным пунктом противника. В центре и на левом фланге армии ее стрелковые соединения совместно с частями 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов отбросили боевые группы немецких 11-й и 19-й танковых дивизий, заняли междуречье Ворсклы и Мерлы на участке Хухря – Котельва – Колонтаев, а передовыми отрядами форсировали реку Ворскла в районе Котельвы и овладели Бельском (6 км западнее населенного пункта Котельва). Во второй половине дня 14 августа генерал Ватутин вновь поставил командующему 27-й А генералу Трофименко прежнюю ближайшую задачу: основным силам армии, действуя совместно с 4-м гв. тк, уничтожить ахтырскую группировку немцев, овладеть плацдармом на западном берегу реки Ворскла и выйти на рубеж Доброслововка (5 км западнее Ахтырки) – Грунь – Опошня; 5-му гв. тк, находившемуся в оперативном подчинении 27-й А, форсировать реку Мерла и захватить Большую Рублевку на южном берегу реки [927 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 500.] Как видно, командование ВорФ продолжало ставить задачи, ориентируясь прежде всего на планы и ожидания Ставки Верховного Главнокомандования и не учитывая при этом ни фактически сложившейся обстановки, ни реальных возможностей войск фронта.

Вместе с тем маршал Жуков 15 августа требовал от командующего фронтом генерала Ватутина изменить методы ведения наступления. Жуков указывал, что при прорыве обороны противника 3 августа 1943 года артиллерийские дивизии прорыва, переданные фронту Ставкой, использовали правильно и, как результат, задача оказалась блестяще выполнена. В ходе преследования неприятеля артиллерийские дивизии также были правильно использованы, усиливая своими легкими бригадами стрелковые дивизии. Однако теперь войска фронта уже третий день ведут наступление против организованной обороны противника, следовательно, в сложившейся обстановке нужно использовать

артиллерийские дивизии для прорыва на главном, решающем направлении, хотя на деле получается, что они розданы стрелковым дивизиям и занимаются проталкиванием дивизий, а не прорывом. В связи с этим при организации наступления необходимо артиллерийские дивизии прорыва собрать на главном направлении и организовать артиллерийский прорыв, создав плотность 150–170 стволов на 1 км фронта; на избранном направлении собрать основную массу танков и орудий самоходной артиллерии; прорыв осуществить на направлениях, позволяющих производить захваты противника, обходы его группировки с флангов и тыла, чтобы не допускать лобовые атаки, приводящие к тягучим, кровопролитным боям.

Выполняя поставленную командованием задачу, 71-я сд под командованием генерала Никифора Замировского и 4-й гв. Кантемировский тк генерала Полубоярова утром 15 августа перешли в наступление, отбросили заслоны противника, продвинулись в западном направлении и к середине дня достигли восточной окраины населенного пункта Грунь, захватили Буды, Батьки и завязали бои за Опошню. На левом фланге армии 5-й гв. тк овладел Большой Рублевкой. Во второй половине дня противник организовал ряд контратак на рубеже Грунь – Бельск, подтянув на этот участок дополнительные резервы (в том числе учебный танковый и запасный батальоны мд «Великая Германия», отдельный саперный батальон 48-го тк), и приостановил дальнейшее наступление 27-й А, хотя чем дальше теперь продвигались ее войска на юг и юго-запад, тем больше они углублялись в готовившийся для них мешок. Тем не менее 16 августа части 4-го гв. тк при поддержке 71-й сд выбили немцев из Опошни и овладели этим опорным пунктом.

Во второй половине дня 15 августа в связи с осложнившейся обстановкой на фронте 6-й гв. А, которая была вынуждена отойти с рубежа Березовка – Шелестово – Алексеевка на север, 27-й А было приказано в целях обеспечения своего левого фланга занять частью сил переправы через реку Мерла на участке Большая Рублевка – Краснокутск – Козьевка. Это было выполнено частями 5-го гв. тк генерала Кравченко и 241-й сд.

На Харьковском направлении войска СтепФ продолжали активные боевые действия. К 11 августа фронт 11-го ак оперативной группы «Кемпф» проходил в 20–25 км к северу от Харькова. На участке протяженностью 30–35 км к востоку от реки Лопань оборону занимали 168, 106, 198, 320-я пехотные и 6-я тд, выведенная в оперативный резерв. На правом фланге 11-го ак развернулась 282-я пд 42-го ак, на левом – 3-я тд, которая с 11 августа была передана в распоряжение командования корпуса и усилена дивизионной боевой группой 167-й пд. Таким образом, на Харьковском направлении германскому командованию удалось восстановить подобие сплошной линии обороны. Однако группировка немецких войск, оборонявшая подступы к Харькову с севера, значительно уступала ударной группировке СтепФ по тяжелой боевой технике, поскольку количество артиллерии в германских войсках составляло всего около 600 орудий и тяжелых минометов, а боеготовые танки и САУ исчислялись несколькими десятками (к 24 августа в составе 3-й и 6-й танковых дивизий и трех отдельных батальонов штурмовых и противотанковых орудий, находившихся в распоряжении командования группы «Кемпф» – 905, 228, 560-й б-ны, оставалось 36 боеготовых танков и 19 САУ) [928 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 513; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 373–376.]

Вместе с тем, по свидетельству маршала Конева [929 - Конев И. С. Указ. соч. С. 34.] обход такого крупного центра, как Харьков, и полное его окружение при создавшемся расположении советских войск и непрерывном маневрировании крупных танковых сил противника стали трудной задачей. Тем более что основные силы соседнего ВорФ оказались связаны танковыми боями у Богодухова, а наступление войск ЮЗФ, который располагал возможностями осуществить глубокий обход Харькова с юга, еще не получило развития.

Директивой командования СтепФ 53-й А была поставлена задача перейти в наступление в 9 часов утра 11 августа и к исходу дня выйти на рубеж Гавриловка – западные пригороды Харькова, перерезав шоссейную и железную дороги Харьков – Полтава. В действительности эта задача дня была выполнена только к 20 августа, так что советские войска преодолели около 30 км за 10 дней с теми же темпами продвижения, как и германские ударные группировки в ходе операции «Цитадель». Столкнувшись с хорошо организованной обороной, войска фронта не смогли выполнить задачу, поставленную директивой командующего фронтом генерала Конева от 10 августа. Инженерное усиление обороны противника на Харьковском направлении, сочетавшееся с уплотнением боевых порядков немецких частей, происходившим за счет сокращения полосы 11-го ак группы «Кемпф» при его отступлении к Харькову, – эти факторы существенно задержали дальнейшее развитие наступательной операции СтепФ. С 11 по 21 августа войска фронта вели ожесточенные бои на ближних подступах к Харькову, действуя в условиях развитой системы вражеских оборонительных сооружений.

11 августа бои развернулись на линии опорных пунктов, расположенных в 8—14 км севернее внутреннего Харьковского оборонительного обвода и прикрывавших подступы к нему: Дергачи – Черкасское Лозовое – Циркуны – Прелестный. Промежутки между этими опорными пунктами оборонялись отдельными узлами сопротивления, которые были подготовлены для круговой противотанковой обороны и образовывали единую взаимосвязанную огневую систему. Подходы к узлам сопротивления и опорным пунктам прикрывались проволочными заграждениями, противотанковыми рвами и минными полями, где немцы широко использовали в качестве подрывных боеприпасов 50– и 100-килограммовые авиационные бомбы [930 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 516.] Полоса местности между внешним и внутренним оборонительными обводами была перекрыта многочисленными промежуточными и отсечными позициями, запиравшими подступы к городу, часть которых строилась еще советскими войсками в 1941 году. При отступлении германские войска разрушили все мосты и переправы по дорогам на Харьков, а полотно дорог на ряде участков, а также места возможных объездов и переправ заминировали.

Кроме того, с севера и запада город прикрывался лесными массивами, которые были превращены в полосы заграждений с широким применением завалов, засек, минных полей, обороняемых отрядами пехоты. По мнению генерала Манагарова [931 - См.: Огненная дуга. С. 537.] немецкое командование наивыгоднейшим образом использовало для подготовки сопротивления местность к западу и северо-западу от города, закрытую лесными массивами и пересеченную балками и широкой заболоченной поймой реки Уды. В лесах были устроены полосы заграждений, засеки, завалы, засады, минные ловушки.

Маршал Конев свидетельствует [932 - Конев И. С. Указ. соч. С. 30–31.] что оборона Харькова представляла собой систему дерево-земляных огневых точек с перекрытием в два-три наката и частично железобетонных сооружений. Широко применялся фланкирующий и косоприцельный огонь, все узлы сопротивления имели огневую связь, огневые точки были соединены ходами сообщений, передний край усилен инженерными сооружениями, проволочными и противотанковыми заграждениями, минными полями.

Городской оборонительный обвод базировался на системе своеобразных долговременных огневых точек, оборудованных в каменных строениях на окраинах города, где нижние и подвальные этажи использовались в качестве огневых позиций артиллерии средних калибров, а на верхних этажах устраивались позиции для минометов и пулеметов. Въезды в город и улицы на окраинах были заминированы и перекрыты баррикадами. Внутренние кварталы города также были подготовлены к уличным боям и противотанковой обороне.

Соответственно, в создавшихся условиях советским войскам пришлось решать задачу методического прорыва ряда эшелонированных в глубину позиций, а также ликвидации отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления противника в межрубежном пространстве. Основное значение при этом имела организация взаимодействия стрелковых соединений с артиллерией и авиацией, а танковые части действовали в основном в боевых порядках пехоты. Стремясь избежать уличных боев и разрушения Харькова, командование СтепФ решило по-прежнему сосредоточить основные усилия восточнее и западнее города с целью его охвата, однако и германское командование, в свою очередь, укрепило оборону именно на данных направлениях.

При этом 11–12 августа объединения 5-й ВА произвели перебазирование на новые аэродромы: 1-й бак – в район пункта Боровки (140 км от линии фронта), 1-й шак – в район Великого Бурлука (50–60 км), 4-й иак – в район Терновой (30–45 км), вследствие чего аэродромное обеспечение работы авиационных частей ухудшилось, затруднив им оказание поддержки наземным войскам [933 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 434, 438.] Как отмечают Г. Колтунов и Б. Соловьев [934 - Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 314.] перебазирование на новые аэродромы отставало от темпов продвижения наземных войск, более сложной стала организация взаимодействия с ними, что привело к определенному снижению активности советской авиации на Харьковском направлении.

В течение 11 августа войска 53, 69 и 7-й гвардейской армий вели бои за овладение опорными пунктами и узлами сопротивления, прикрывавшими подступы к внешнему оборонительному обводу Харькова.

53-я А, наступая на 3-километровом участке силами 28-й гвардейской, а также 84-й и 299-й стрелковых дивизий, которые были введены в сражение из второго эшелона вместо 116-й и 252-й дивизий, к исходу дня вышла на рубеж Мищенков – северная окраина Алексеевки – северная окраина села Циркуны.

69-я А силами 93-й гвардейской, 183, 305 и 375-й стрелковых дивизий выбила противника из опорных пунктов, подготовленных немцами в селах Русские Тишки,

Черкасские Тишки и Русское Лозовое, где в особенности упорное сопротивление оказал гарнизон из состава 240-го гп 106-й пд генерала Вернера Форста. Части 375-й и 305-й стрелковых дивизий – усиленные танками из состава 96-й отдельной тбр «Челябинский комсомолец» полковника Андрея Михайловича Попова – вышли непосредственно к северной окраине Русского Лозового. Однако неоднократные попытки частей 305-й сд полковника Александра Васильева захватить этот пункт фронтальной атакой не давали успеха – гарнизон опорного пункта отбивал атаки минометным и пулеметным огнем, а мелкими боевыми группами неоднократно переходил в контратаки. Только после того, как 375-я сд под командованием полковника Петра Говоруненко, наступавшая восточнее 305-й сд, с боем прошла через преграждавший ей путь лесной массив и заняла высоты, господствующие над позициями противника, сопротивление немецкого гарнизона ослабло. К исходу дня 305-я и 75-я стрелковые дивизии совместными атаками с севера и востока захватили Русское Лозовое.

7-я гв. А частью сил – 111-я и 15-я гвардейская стрелковая дивизии – продвинулась на своем правом фланге западнее озера в районе поселка Циркуны – на участке обороны немецкой 320-й пд генерала Постеля, вышла к северо-восточной окраине поселка и завязала здесь бой. В то же время на левом фланге армии 78-я и 81-я гвардейские стрелковые дивизии прорвались к населенному пункту Ключкин и совхозу «Кутузовка» в полосе 282-й пд 42-го ак группы «Кемпф».

По данным немецких источников [935 - См.: Раус Э. Указ. соч. С. 347–348.] 11 августа командование 7-й гв. А нанесло удар в стык 11-го и 42-го армейских корпусов оперативной группы «Кемпф», в результате чего был осуществлен прорыв на участке левофлангового гренадерского полка 282-й пд (в состав дивизии входили 848, 849 и 850-й гренадерские полки. – П. Б.), которой тогда командовал генерал Вильгельм Колер. Как указывает П. Карель [936 - Карель П. Указ. соч. С. 233–234.] 282-я пд была сформирована в 1942 году во Франции и не имела опыта боевых действий (по другим данным [937 - См.: Залесский К. Вермахт. С. 577.] сформирована в марте 1943 года из частей резервных пехотных дивизий, находящихся во Франции, а в мае направлена на Восточный фронт. – П. Б.), поэтому после прорыва противника части дивизии охватила паника и фактически началось их бегство с позиций по всему фронту, так что 12 августа штаб ГА «Юг» даже обсуждал вопрос о расстреле каждого десятого солдата этого соединения (15 августа генерал Колер был снят с должности и заменен полковником Германом Френкингом (Hermann Frenking). – П. Б.). В образовавшийся прорыв вошли советские танки и быстро двинулись в немецкий тыл, отбрасывая к Харькову отряды прикрытия и стремясь глубоко обойти город с востока. Отдельные танки прошли до восточных окраин Харькова и завязали бои на территории Харьковского тракторного завода, где ремонтировалась немецкая бронетехника. Для того чтобы удержать оборону, генерал Кемпф задействовал последний резерв и выдвинул к северо-востоку от Харькова 6-ю тд под командованием полковника Вильгельма Крисолли (Wilhelm Crisolli, исполнял обязанности командира дивизии с 25 июля по 21 августа 1943 года, убит итальянскими партизанами в сентябре 1944 года). Крисолли организовал несколько контратак по флангам танковых частей противника, приостановил их дальнейшее продвижение, а затем выбил с восточных окраин города. Хотя 7-я гв. А СтепФ не располагала к тому времени значительным количеством танков в приданных танковых частях, но ослабленной 6-й тд немцев удалось

отбросить немногочисленные советские танки с северо-восточных окраин Харькова, только задействовав для этого все имеющиеся резервы. Ремонтируемые немецкие танки и штурмовые орудия шли в бой прямо из цехов Харьковского тракторного завода, так же как советские танки выходили с заводов в Ленинграде и Сталинграде. Как советские рабочие становились экипажами боевых машин, так и в Харькове немцы действовали в качестве экипажей учащих курсов танковых техников. Тактическому успеху полковника Крисолли способствовало и то, что в районе завода характер местности ограничивал маневр танковых частей и благоприятствовал ведению противотанковой обороны из засад.

Тем не менее к исходу 11 августа войска 53, 69 и 7-й гвардейской армий вплотную подошли к внешнему оборонительному обводу Харькова на фронте Мищенков – северная окраина Алексеевки – северная окраина Циркунов – Ключкин – северные подступы к совхозу «Кутузовка».

Одновременно войска 57-й А продолжали успешное наступление и преодолели второй рубеж тактической зоны обороны 42-го ак противника, овладев опорными пунктами 39-й немецкой пд в поселках Непокрытая, Большая Бабка, Тетлега, Каменная Яруга. Правым флангом и центром армия подошла к промежуточному рубежу, прикрывавшему Харьков с востока: 52-я и 113-я стрелковые дивизии вышли на рубеж Каменная Яруга – Зарожное – Большая Бабка – Непокрытое, 19-я сд и 173-я отдельная тбр заняли совхоз имени Фрунзе, 303-я сд вышла на шоссе Рогань – Чугуев, а три соединения 27-го гв. ск – 14, 48 и 58-я гвардейские стрелковые дивизии – выдвигались в первый эшелон армии через боевые порядки 19-й и 52-й стрелковых дивизий [938 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 101. Л. 20.] На крайнем левом фланге 41-я гв. сд под командованием гвардии полковника Константина Николаевича Цветкова, которую передали под управление 64-го ск генерала Михаила Борисовича Анашкина, 11 августа выбила части немецкой 161-й пд генерала Карла Гроддека из города Чугуева, в 40 км юго-восточнее Харькова (Karl-Albrecht Groddeck, был тяжело ранен 28 августа 1943 года и умер в госпитале в Берлине). К исходу 11 августа войска 57-й А вышли на линию Червона Роганка – Каменная Яруга – Чугуев. Дальнейшее продвижение 57-й А планировалось поддержать силами 46-й и 1-й гвардейской армий ЮЗФ, нанеся удар на Змиев (юго-восточнее Меревы), чтобы обеспечить с юга и юго-запада маневр 57-й А по обходу Харькова.

12 августа после мощной артиллерийской и авиационной подготовки начался штурм внешнего оборонительного обвода Харькова. Три стрелковые дивизии 53-й А (28-я гвардейская, 84-я и 299-я дивизии) совместно с частями 1-го мк атаковали на участке шириной около 3 км в полосе 3-й тд противника, усиленной боевыми группами 167-й пд, прорвали фронт обороны, захватили Шептушин (по советским данным [939 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 517.] в районе Шептушина было уничтожено и взято в плен свыше 1 тыс. немецких солдат и офицеров и 2 тяжелых танка) и вышли на северные подступы к населенному пункту Дергачи. Здесь их продвижение было остановлено сильным артиллерийско-минометным огнем и контратаками мелких боевых групп пехоты противника, действовавших при поддержке двух-трех единиц бронетехники. В течение 12 августа 28-я гв. сд дважды пыталась прорвать вражескую оборону в районе Дергачей, но оба раза безуспешно, причем в поддерживавшем дивизию

148-м тп к исходу дня осталось 3 боеготовых танка [940 - См.: Вязанкин И. А. Указ. соч. С. 75–76.]

В то же время наступление 7-й гв. А 12 августа успеха не имело, а 69-я А, отбивая контратаки вражеских частей, продолжала вести бой в районе поселка Циркуны.

57-я А, завершив прорыв второго оборонительного рубежа 42-го ак группы «Кемпф» и ликвидировав опорный пункт немецкой 39-й пд в Каменной Яруге, продолжала развивать наступление и к исходу дня подошла к промежуточному оборонительному рубежу противника на западном берегу реки Роганка.

Согласно боевому донесению командующего войсками СтепФ Верховному главнокомандующему о ходе наступательной операции, направленному к 24 часам 12 августа 1943 года [941 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 56–58.] войска фронта с утра 12 августа продолжали наступление и на отдельных участках за день продвинулись на 3–6 км, заняв 16 населенных пунктов. Противник, пополнив свои разбитые части маршевым пополнением, усилив воздействие авиацией и контратаками, упорно сдерживал продвижение фронта.

53-я А с 1-м мк в течение дня продвинулась на правом фланге на 2–3 км и вела бой в северной части Дергачей и центре Алексеевки; 69-я А с утра отражала контратаки противника на Циркуны, к исходу дня вела бой на подступах к Большой Даниловке, на остальном фронте занимала прежнее положение; 7-я гв. А к исходу дня вела бой за Бобров, Байрак, Прелестный; 57-я А, преодолев противотанковый район Приволье – Сороковка, овладела хутором Усы, совхозом «Степанки» и вела бой на подступах к селу Рогань и за Ново-Покровское.

Военно-воздушные силы фронта произвели 356 самолето-вылетов, тогда как авиация противника совершила за день до 750 самолето-пролетов.

В боях 12 августа взято в плен 259 солдат и офицеров, принадлежащих к 3-й танковой, а также 198, 168, 320, 282, 39-й пехотным дивизиям, захвачено 35 орудий, 44 ручных и станковых пулемета, 10 минометов, в том числе 3 шестиствольных, 119 велосипедов, 40 лошадей, 13 складов с боеприпасами, продовольствием и инженерным имуществом. Кроме этого, 11 августа при взятии города Чугуева захвачено 2 паровоза, 20 вагонов, 4 склада с боеприпасами.

По воспоминаниям Манштейна [942 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 555.] обстановка все больше обострялась, противник еще больше теснил на запад 4-ю ТА и намеревался одновременно обойти с запада группу «Кемпф» в проделанной им брешии, чтобы окружить ее в Харькове. 12 августа советские войска предприняли атаки восточнее и юго-восточнее Харькова, и германские дивизии, расположенные там на очень широком фронте, не выдержали натиска противника, надвигалась опасность окружения группы «Кемпф» в районе Харькова.

В связи с наметившимся к 11–12 августа кризисом обороны Харькова, одновременным развитием наступления Красной армии против Орловского плацдарма немцев и на Смоленском направлении, а также явной подготовкой русских к наступательной операции на южном крыле ГА «Юг» с целью прорыва в Донбасс начальник ГШ сухопутных войск генерал Цейтцлер 12 августа передал командованиям четырех групп армий на Восточном фронте приказ фюрера № 10 от 11 августа о немедленном сооружении Восточного вала [943 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 328–329.] Этот оборонительный рубеж стратегического значения должен был протянуться с севера на юг от Балтийского до Азовского моря по линии река Нарва – Чудское озеро – район восточнее Витебска – реки Сож, Днепр и Молочная [944 - См.: Василевский А. М. Указ. соч. С. 285; История военного искусства. С. 215; Москаленко К. С. Указ. соч. С. 99.] Однако издание приказа серьезно опоздало – в полосе ГА «Юг» советские армии всего лишь через полтора месяца уже начали выходить к Днепру и готовить форсирование реки.

Используя отдельные тактические успехи, достигнутые в ходе боевых действий 12 августа, войска 53, 69 и 7-й гвардейской армий СтепФ на следующий день продолжили вести наступление и на всем фронте завершили прорыв внешнего оборонительного обвода Харьковского укрепленного района.

В 7 часов утра 13 августа, после получасовой артподготовки, соединения первого эшелона 53-й А перешли в наступление и полностью ликвидировали опорный пункт 168-й немецкой пд в районе Дергачей, части 28-й гвардейской и 84-й стрелковых дивизий овладели районным центром и железнодорожной станцией Дергачи (поселок Дергачи протянулся на 6 км вдоль дороги Харьков – Золочев, располагаясь по обоим берегам речки Лопань, причем его южная окраина находилась всего в нескольких километрах от Харькова), а также близлежащими населенными пунктами Замирцы, Лозовенька. Отразив несколько контратак 3-й танковой и 168-й пехотной дивизий, к 21 часу стрелковые части 299-й сд при поддержке бронетехники 1-го мк продвинулись до рубежа Полевое – Северный Пост, где встретили упорное сопротивление боевых групп 167, 168 и 106-й немецких пехотных дивизий, укрепившихся на северной окраине протяженного лесного массива. Вся северная опушка этого леса, а также населенные пункты Семеновка и Зайчик, расположенные на главных дорогах, ведущих через лесной массив, были подготовлены противником к обороне.

Войска 69-й А ликвидировали крупные опорные пункты и узлы сопротивления немецких 198-й и 320-й пехотных дивизий в районах Черкасское Лозовое, Большая Даниловка и, уничтожив здесь до 1 тыс. немецких солдат и офицеров, 12 орудий, 7 минометов, а также захватив 13 орудий и 37 пулеметов (по советским данным [945 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 518.] вплотную подошли к внутреннему городскому обводу на северной окраине Харькова. В центре своей полосы наступления 69-я А вклинилась в глубину внутреннего обвода, захватив один из опорных пунктов в системе обороны – поселок Сокольники, и завязала бои в городском районе Журавлевка, откуда оставалось около 2 км до центральной площади Харькова (советские власти называли ее площадью имени Феликса Эдмундовича Дзержинского, а германские – имени панцер-гренадерской дивизии «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер»). С другой стороны, по немецким данным [946 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С.

380.] в период с 11 по 14 августа частям 198-й пд генерала Хорна удалось уничтожить 36 советских танков и САУ.

7-я гв. А завершила прорыв внешнего обвода на участке Циркуны – Ключкин, на стыке 320-й и 282-й немецких пехотных дивизий, и развивала наступление в общем направлении на Лосево. Ударами по левому флангу немецкой 282-й пд, удерживавшей восточный фас внешнего оборонительного обвода, войска 7-й гв. А отбросили вражеские части и вышли на рубеж Ключкин – Заики, способствуя продвижению правого фланга 57-й А. К исходу 13 августа 7-я гв. А своим правым флангом вышла к северо-восточной окраине Харькова в район Шевченки, а на левом фланге ее войска завязали бои за Лосево.

Одновременно 57-я А основными силами форсировала реку Роганка, а на правом фланге, используя успех 7-й гв. А, прорвала промежуточный оборонительный рубеж противника по западному берегу этой реки и внешний обвод Харьковского укрепленного района на стыке участков обороны 282-й и 39-й немецких пехотных дивизий. К исходу дня части 57-й А вышли на рубеж Горбачев – Федорцы – Лялюки – Введенское.

Авиация 5-й ВА 13 августа совершила 452 самолето-вылета, основная часть из которых была выполнена для ударов по колоннам войск и техники противника вдоль дорог Харьков – Люботин, Харьков – Мерефа; на бомбардировку и штурмовку целей на западной и южной окраинах Харькова и в районе Мерефы; для поддержки наступления в полосе 53-й, 7-й гвардейской и 57-й армий [947 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 438–439.]

Согласно боевому донесению штаба СтепФ Верховному главнокомандующему о ходе наступательной операции, подготовленному к 24.00 13 августа 1943 года [948 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 59–61.] войска фронта ночными боями и с рассвета 13 августа продолжали наступление, прорвали оборону противника и к исходу дня продвинулись на правом фланге до 4–5 км, в центре – до 9 км, на левом фланге – до 12–15 км. В центре войска ворвались на окраину северной части города Харькова, в парк имени Горького, в район Журавлевка, на кирпичный завод, а южнее Харькова танковой бригадой вели бой за Жихорь. В результате дневного боя занято 43 населенных пункта, в том числе железнодорожная станция Дергачи и крупные населенные пункты Черкасское-Лозовое, Большая Даниловка, Ново-Покровское, взято в плен 63 солдата и офицера противника.

53-я А с 1-м мк прорвала оборону противника, овладела Семеновкой, Зайчиком, Малой Даниловкой, к исходу дня вела бой за Полевое и передовыми частями – за Северный Пост.

69-я А, прорвав оборону противника, овладела Алексеевкой, Померками, Медучилищем, Сокольниками, ипподромом и тринадцатью северными кварталами города Харькова, к исходу дня вела бой на улицах Ростовская и Бондаренковская.

7-я гв. А после упорного боя овладела Большой Даниловкой, Прелестным, хутором Бражниги, хутором Заикин (7 км восточнее Харькова), к исходу дня вела бой на рубеже северо-восточная окраина Шевченки – хутор Кулинички – тракторный завод.

57-я А, преодолевая сопротивление противника, с боями продвинулась на 12–15 км, к исходу дня вела бой на рубеже Горбачев – хутор Федорцы – Лялюки, заняла разъезд Васищево (14 км южнее Харькова), северо-восточную окраину Терновое; 173-й и 179-й танковыми бригадами продолжает бой в районах Основа, Жихорь.

Военно-воздушные силы фронта за 13 августа произвели 424 самолето-вылета по штурмовке, бомбометанию и разведке противника, уничтожив 16 танков, 50 автомашин, склад с боеприпасами; на аэродроме Основа уничтожено 6 самолетов, на станции Песочень – эшелон противника. При этом авиация противника совершила до 550 самолето-пролетов.

Таким образом, в результате боев 12 и 13 августа войска СтепФ в основном завершили прорыв внешнего рубежа обороны Харьковского укрепленного района, подошли к внутреннему городскому обводу, а на ряде участков даже завязали бои на городских окраинах. Операция по овладению Харьковом развивалась в соответствии с планами командования фронта, однако затем, благодаря контрударам ГА «Юг» на Богодуховском направлении и уплотнению обороны частей и соединений оперативной группы «Кемпф» вокруг Харькова, наступление советских войск было задержано до 17 августа.

В связи с контрударом немецкого 3-го тк на Богодухов, 5-я гв. ГА генерала Ротмистрова временно не могла быть задействована для наступления в обход Харькова с запада, как это задумывал командующий СтепФ генерал Конев.

К северо-западу от Харькова продвижение 53-й А фронта было остановлено 14 августа рядом решительных контратак немецких войск, успешно проведенных в условиях лесистой местности, куда передвинулась линия германской обороны. Генерал Манагаров отмечает [949 - См.: Огненная дуга. С. 538.] что советские части, хорошо зарекомендовавшие себя в обороне и наступлении на равнинной местности, не проявляли должной маневренности в условиях ведения боя в лесу, подразделения действовали изолированно друг от друга и теряли связь между собой. В связи с этим Манагаров внес командованию СтепФ предложение навязать немцам бой в лесу в ночное время. Так войска 53-й А ничего не проигрывали, поскольку все равно действовали разрозненно и без поддержки друг друга, а вот у противника слаженность и взаимодействие должны были ухудшиться. Соответственно, соединения армии с 15 августа начали перегруппировку, готовясь к ночным боям за лесной массив северо-западнее Харькова.

С другой стороны, П. Карель приводит интересные сведения [950 - Карель П. Указ. соч. С. 232.] что именно в полосе 53-й А советские войска в середине августа задержали наступление на два-три дня из-за того, что немцы при отступлении оставили на складах в районе Полевое большое количество водки. Бойцы Красной армии обнаружили эти запасы и около трех дней пьянствовали, а германское командование в это время подтянуло на угрожаемый участок к западному флангу 11-го ак части 3-й тд и дивизии СС «Викинг», задействовавшиеся в контрударе под Богодуховом. В своих воспоминаниях участник войны Александр Лебединцев отмечает [951 - Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Указ. соч. С. 163.] что оставление запасов алкоголя с целью задержать продвижение советских войск было довольно распространенным тактическим приемом германского командования.

В полосе наступления 69-й А крупного успеха в обороне вновь достигла немецкая 198-я пд.

К юго-западу от Харькова, где наступала советская 57-я А, оборонялись только 39-я и 161-я пехотные дивизии 42-го немецкого ак, так что командование СтепФ рассчитывало здесь на дальнейшее успешное продвижение, поставив генералу Гагену задачу 14 августа форсировать реку Уды в районе Безлюдовки и выйти к Мерефе. Генерал Конев придавал большое значение этой части Харьковской операции, поэтому привлек к обеспечению действий 57-й А артиллерию РКК (всего на участке прорыва 57-й А шириной около 25 км было сосредоточено 819 полевых и противотанковых орудий и 592 миномета калибра 120 и 82 мм [952 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 101. Л. 122.] и 1-й бак, который в течение 14 августа выполнил 110 боевых вылетов, бомбардируя позиции немецких войск в районе Безлюдовки и на юго-восточной окраине Харькова [953 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 440.]

Одновременно в соответствии с планом Ставки Верховного главнокомандования 14 августа перешли в наступление войска 46-й и 1-й гвардейской армий ЮЗФ, которые форсировали Северский Донец и завязали бои за город Змиев, установив соприкосновение с левым флангом 57-й А СтепФ. В течение последующих трех дней здесь велась ожесточенная борьба, усложнявшаяся пересеченной местностью – высотами и лесными массивами, которые были освоены противником во время обороны и представляли собой цепь узлов сопротивления, насыщенных дерево-земляными и бронированными огневыми точками. Тем не менее продвижение советских войск к западу от Чугуева и в район Змиева вынудили германское командование оставить правый берег Северского Донца.

15 августа атаки войск 57-й А в районе Безлюдовки продолжились. Командующий 27-го гв. ск генерал Шевердин решил организовать наступление в направлении Безлюдовка – Константиновка, для чего прорвать оборону противника на участке Чунихин – Лялюки силами 48-й и 14-й гвардейских стрелковых дивизий, при поддержке 173-й и 179-й отдельных танковых бригад, 90-й тяжелой гаубичной артбригады и 110-го пушечного артполка, оставив 58-ю гв. сд во втором эшелоне для развития успеха [954 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 101. Л. 131.]

При этом 5-я ВА СтепФ увеличила свою активность в полосе 57-й А, выполнив за день 659 самолето-вылетов, в основном за счет повышения интенсивности боевой работы ударной авиации – экипажи 1-го бак совершили 206 самолето-вылетов, а штурмовики 1-го шак – 162, нанеся два массированных удара четырьмя группами по 9—12 самолетов вдоль всего берега реки Уды от Безлюдовки до Красной Поляны [955 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 440–441.] Потери в этих налетах были минимальны, поскольку в связи с начавшимся наступлением войск ЮЗФ немецкие истребители теперь оказались вынуждены действовать не только над Харьковом, но также и против 17-й ВА этого фронта. В частности, Эриху Хартманну удалось 15 августа сбить один Пе-2 из состава 1-го бомбардировочного корпуса, но такие одиночные успехи немецких экспертов не могли повлиять на ход наземных боев.

Хорошо понимая значимость обороны южнее Харькова, германское командование перегруппировало в район Безлюдовки отдельные части 6-й тд и 228-й батальон штурмовых орудий, а также приняло решение развернуть здесь две новые дивизии – кавалерийскую дивизию СС и 355-ю пд. 355-я пд генерала Дитриха Крайсса (Dietrich Kraiss) прибывала из Крыма и к 14 августа полностью сосредоточилась в районе Полтавы, а кд СС под командованием бригадефюрера СС Германа Фегеляйна (Hermann Fegelein) была переброшена из резерва ГА «Центр» из района Речица – Мозырь, где использовалась для борьбы с партизанами [956 - См.: Хауссер П. Указ. соч. С. 117.] Соответственно, для ввода в бой этих дивизий на угрожаемом направлении сначала потребовалось восстановить контроль над железнодорожной линией Харьков – Полтава, блокированной противником на участке Высокополье – Ковяги.

В связи с общим развитием обстановки около часа ночи 16 августа 1943 года генерал Конев направил командующим 53, 57, 69, 7-й гвардейской и 5-й воздушной армиям директиву с уточнением задач на окружение и уничтожение противника в Харькове [957 - См.: Огненная дуга. С. 560–562.] В качестве главной задачи на 17 августа генерал Конев указал ударом на флангах прорвать оборону противника, окружить и уничтожить харьковскую группировку противника, занять город. Для этого командующему 53-й А генералу Манагарову было приказано с утра 17 августа силами трех стрелковых дивизий (84, 116 и 299-я дивизии. – П. Б.) совместно с 1-м мк прорвать оборону противника в районе просеки в 16 км восточнее Полевого и к исходу дня выйти на фронт Старый Люботин – Гавриловка. При этом 1-й мк следовало использовать для развития успеха и к исходу 17 августа выйти механизированными соединениями в район Коротич – Высокий Поселок, захватить переправы на реке Мерефа и отрезать пути отхода противника на юго-запад. Приданные 53-й А отдельные танковые полки и полк самоходной артиллерии, а также 16-ю артдивизию прорыва из состава 7-го акп РКК (под командованием полковника Прохора Степановича Иванова, который 24 июля 1943 года был представлен к ордену Красного Знамени за артиллерийское обеспечение прорыва обороны противника в полосе 61-й А БрФ на Болховском направлении, а 4 августа – к ордену Ленина за обеспечение прорыва войск 53-й А СтепФ на Белгородском направлении, в итоге оба раза был награжден орденом Отечественной войны 1-й степени и погиб 29 августа 1943 года под Харьковом. – П. Б.) было решено использовать на главном участке, создав здесь плотность артиллерийского огня не менее 150–170 стволов на 1 км фронта прорыва.

Командующему 69-й А генералу Крюченкину с утра 17 августа требовалось силами двух стрелковых дивизий (305-я и 375-я дивизии. – П. Б.) прорвать оборону противника и нанести удар в южном направлении, на совхоз «Октябрь», артиллерийскую плотность огня создать не менее 150 стволов на 1 км фронта прорыва.

Командующему 7-й гв. А генералу Шумилу было приказано с утра 17 августа силами трех стрелковых дивизий (15, 78 и 81-я гвардейские дивизии. – П. Б.) прорвать оборону противника в районе Основа, к исходу дня выйти на фронт Филиппово – Карачевка, перерезать пути отхода противника на юг в районе Филиппово, артиллерийскую плотность огня на 1 км фронта создать не менее 140–150 стволов.

Командующему 57-й А генералу Гагену – с утра 17 августа силами трех стрелковых дивизий 27-го гв. ск (14, 48 и 58-я гвардейские дивизии. – П. Б.) прорвать оборону противника на фронте Чунихин – Лялюки и нанести удар в направлении Безлюдовка – Ржавец, к исходу дня выйти на рубеж Бабай (7 км южнее Харькова) – Хорошево; на левом фланге армии силами двух стрелковых дивизий (41-я гвардейская и 113-я дивизии. – П. Б.) продолжать развивать наступление в направлении Борового и к исходу дня выйти на участок Гусиная Поляна – Боровое – Водяное, обеспечивая левый фланг ударной группировки; артиллерийскую плотность огня на 1 км фронта главного удара создать не менее 150–170 стволов, танки использовать только на участке прорыва.

Командующему 5-й ВА генералу Горюнову следовало прикрыть главные группировки 53-й и 57-й армий, содействовать их наступлению штурмовиками и бомбардировщиками; не допустить подхода резервов противника на рубеж Люботин – Безлюдовка.

При этом Конев детально регламентировал артиллерийское наступление на направлениях главных ударов, выстроенное по следующему плану:

1) 6.00—6.05 – огневой налет по переднему краю, батареям и всей глубине тактической зоны обороны огнем всех средств пехоты, артиллерии и реактивных установок;

2) 6.05—7.00 – контроль и пристрелка, проверка прицела;

3) 7.00—8.10 – методическое подавление и уничтожение целей на переднем крае и в ближайшей тактической глубине обороны, уничтожение артиллерийских и минометных батарей противника;

4) 8.10—8.20 – огневой налет по артиллерийско-минометным позициям и по переднему краю противника минометами всех калибров и орудиями прямой наводки;

5) 8.20—8.40 – атака, нарастающий до предельного режима огонь артиллерии впереди атакующей пехоты;

6) 8.40—9.20 – заранее спланированный огонь артиллерии по узлам сопротивления в глубине обороны противника.

Как видно, командование СтепФ решило нанести новый удар на Харьков именно тогда, когда немецкий 3-й тк уже утратил благоприятные возможности для дальнейшего успешного развития наступления на Богодуховском направлении, вследствие чего германское командование могло свободно перебросить часть его сил для обороны Харькова. Именно так немцы и поступили.

В ночь с 15 на 16 августа и днем 16 августа войска СтепФ продолжали боевые действия отдельными отрядами с целью изматывания противника и раскрытия системы его обороны. В ходе подготовки к наступлению, ведя позиционные бои, войска 53-й А к 17 августа полностью овладели поселком Полевое и вышли на окраины Семеновки. В то же время перегруппировка войск армии перед наступлением проходила неудачно – части 116-й сд генерала Ивана Матвеевича Макарова не успели в ночное время сменить 28-ю гв.

сд, их перемещения в светлое время суток были обнаружены противником, и оба соединения подверглись ударам немецкой авиации.

На фронте 69-й и 7-й гвардейской армий в период с 14 по 17 августа шли упорные бои на достигнутых рубежах. Войска 57-й А к 17 августа основными силами заняли рубеж на линии Горбачев – Федорцы – Лялюки – Васищево – Введенское, выйдя на северный берег реки Уды, однако захватить Васищево и Безлюдовку и форсировать Уды им не удалось. Командование немецкого 8-го авиакорпуса вновь своевременно поддержало свою оборону, перенацелив во второй половине дня 16 августа значительные силы бомбардировщиков и пикирующих бомбардировщиков в полосу 42-го ак, однако без необходимого прикрытия истребителями. В результате немецкие ударные самолеты подверглись атакам истребительной авиации 4-го иак 5-й ВА, которым командовал генерал Иван Подгорный. В этих боях летчик-истребитель 240-го истребительного авиаполка 302-й истребительной дивизии полковника Бориса Ивановича Литвинова из состава 4-го иак – младший лейтенант Иван Кожедуб, в будущем прославленный советский ас, – записал на свой боевой счет сбитый пикирующий бомбардировщик врага.

Как отмечает Манштейн [958 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 555.] Гитлер потребовал из политических соображений при всех обстоятельствах удержать Харьков, поскольку падение этого города, заявлял он, могло неблагоприятно сказаться на позиции Турции и Болгарии. По его распоряжению 15 августа 1943 года генерал Вернер Кемпф был отстранен от должности в связи с упразднением возглавляемого им оперативного объединения – оперативной группы «Кемпф» (фактически Кемпф был отстранен за свое требование немедленно оставить Харьков). Оперативная группа преобразовывалась в 8-ю полевую армию вермахта (формально – с 22 августа) [959 - См.: Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. С. 309.] Командующим 8-й А 16 августа назначили генерала Отто Велера (Otto Wöller), ранее служившего начальником штаба 11-й полевой А под командованием фельдмаршала Манштейна, а затем бывшего начальником штаба ГА «Центр». Соответственно, Манштейн свидетельствует [960 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 555.] что хотя он хорошо сработался с генералом Кемпфом, но против данной замены, сделанной по указанию Гитлера, не возражал, поскольку в сложившейся ситуации особенно ценны были спокойствие и осмотрительность Велера, проявленные им не раз в Крыму в периоды тяжелых кризисов.

Командование ГА «Юг» включило в состав 8-й А следующие силы [961 - См.: Германское боевое расписание, 1 июля 1943 г. Приложение 1 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 302–303; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 369–376.] 11-й ак генерала Эрхарда Рауса – 3-я танковая, 167, 168, 198, 106, 320-я пехотные дивизии (к 20 августа также танковая дивизия СС «Рейх»); 42-й ак генерала Франца Маттенклотта (Franz Mattenklott) – 6-я танковая, 39, 282, 161-я пехотные дивизии (к 19–20 августа также 355-я пд и кд СС); два отдельных батальона штурмовых орудий (228-й и 905-й батальоны); ряд отдельных частей и подразделений армейского подчинения (артиллерийские, саперные, строительные, ремонтно-восстановительные), в том числе 560-й тяжелый истребительно-противотанковый батальон, укомплектованный самоходными орудиями типа «Насхорн».

Кроме этого, в оперативное распоряжение генерала Велера поступили два танковых корпуса, действовавшие западнее Харькова на фронте от Люботина до Ахтырки: 3-й тк под командованием генерала Германа Брейта – 223-я пд, тд СС «Викинг», управление 10-й тбр (артиллерийский дивизион, саперные части, 503-й тяжелотанковый батальон); 48-й тк генерала Отто Кнобельсдорфа – 7-я тд, мд «Великая Германия», тд СС «Мертвая голова» (к 20 августа). Как видно, на северном крыле группы армий Манштейн решил передать основные силы Велеру, так что к 20-му числу августа штаб 8-й А фактически объединил управление основной частью танковых и моторизованных соединений, задействованных в проведении контрударов против ВорФ.

В то же время под командованием генерала Гота и штаба 4-й ТА остались только ослабленные боями соединения, обороняющиеся на рубеже реки Псел и западнее Ахтырки под управлением 24-го танкового и 52-го армейского корпусов – 11-я и 19-я танковые дивизии, 57, 112, 255-я пехотные дивизии, сводные боевые группы 323-й и 332-й пехотных дивизий, а также переданные из состава группы армий «Центр» 10-я мд и три пехотные дивизии 7-го ак (68, 75, 88-я дивизии), усиленные 202-м батальоном штурмовых орудий и двумя танкоистребительными дивизионами.

Вместе с тем, хотя в распоряжении 8-й А оказались 6 танковых, 1 моторизованная, 1 кавалерийская и 10 пехотных дивизий, 1 тяжелотанковый батальон, 2 батальона штурмовых орудий и 1 тяжелый истребительно-противотанковый батальон, все эти части и соединения понесли в предыдущих боях серьезные потери, так что некоторые из дивизий фактически представляли собой сводные дивизионные группы. Реальную боевую мощь 8-й А характеризуют данные по ее боевой численности и оснащенности тяжелым вооружением на 24–25 августа 1943 года (без учета мд «Великая Германия») [962 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 376.] личный состав – немногим более 61 тыс. солдат и офицеров (около 38 процентов от штатной численности); бронетехника – 158 боеготовых танков и 51 штурмовое орудие (в ремонте 449 танков и 82 штурмовых орудия); артиллерия – 570 полевых орудий, 10 тяжелых реактивных минометов, 545 противотанковых орудий, 293 зенитных орудия. Как видно, по своей боевой мощи 8-я А полностью соответствовала одной штатно укомплектованной советской общевойсковой армии, усиленной танковым корпусом, хотя должна была бороться против четырех общевойсковых и одной танковой армий противника, а также отдельного механизированного корпуса (общее соотношение сил в среднем не менее 4:1 в пользу советской стороны).

Непосредственно для обороны Харькова и ближних подступов к городу германское командование сосредоточило сильную группировку в составе шести пехотных (168, 106, 198, 320, 282, 39-я), а также двух танковых (3-я и 6-я) дивизий 11-го и 42-го армейских корпусов, боевой группы 167-й пд, самоходно-артиллерийских частей, отдельной группы бронепоездов и других подразделений. Эти силы были сосредоточены в основном на северо-западном и восточном участках обороны Харьковского укрепленного района, при значительном эшелонировании войск в глубину. Для защиты самого города и ведения уличных боев привлекались различные охранные части и отряды полиции. Предвидя, что советское командование попытается полностью окружить укрепленный район, чтобы избежать втягивания своих войск, в особенности бронетехники, в уличные бои,

командование 8-й А и 11-го ак специально укрепило оборону к востоку и западу от Харькова частями противотанковой и зенитной артиллерии.

С целью усиления угрожаемых направлений немцы использовали части выдвинувшейся к 19 августа в район Харькова дивизии СС «Рейх», в составе которой насчитывалось 25 штурмовых орудий и 131 танк (в том числе 35 танков «Тигр») [963 - См.: Раус Э. Указ. соч. С. 349.] Дивизия «Рейх» заняла оборону севернее железнодорожной линии из Харькова на Полтаву. Кроме того, 355-я пд, вошедшая в состав 42-го ак, сосредоточилась к 19 августа южнее Харькова в районе Константиновки, на участке фронта против 57-й советской армии. Сюда же направлялась кавалерийская дивизия СС.

3.2. Развитие обстановки 17–23 августа и освобождение Харькова

Как свидетельствуют распоряжения генерала Ватутина и воспоминания маршала Москаленко [964 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 90.], к 16 августа командованию ВорФ стало ясно, что противник стремится контрударами сорвать общее наступление войск фронта и получить время для организации обороны на рубеже рек Боромля, Ворскла и Мерла. Восточная контрударная группировка немцев уже перешла 11 августа к активным действиям против 1-й ТА. Теперь, чтобы предотвратить новый контрудар, подготавливаемый германским командованием из района Ахтырки, Ватутин решил предупредить неприятеля, ввести в сражение оперативные резервы – 47-ю А, отбросить противника, действующего восточнее Сум и в районе Боромли, а затем ударами во фланг и тыл окружить и уничтожить его западную группировку в районе Тростянец – Олешня – Зеньков – Ахтырка. Как видно, при наличии больших резервов, периодически передаваемых Ставкой, советское фронтовое командование предпочитало придерживаться наступательного образа действий, так что даже перед реальной угрозой вражеского контрудара оно не отводило войска, а планировало новые операции на уничтожение противника.

Маршал Москаленко указывает [965 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 103–104.], что в то время, как армии центра и левого крыла ВорФ перемалывали брошенные против них вражеские резервы, генерал Ватутин начал усиливать правое крыло – прежде всего 40-ю А, с тем чтобы воздействовать на противника угрозой его флангу и тылу. Вместе с тем, по мнению Г. Колтунова и Б. Соловьева [966 - Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 334.], командование ВорФ, имея некоторые данные о сосредоточении сильной группировки противника, все же сделало неправильный вывод о времени ее готовности к переходу в наступление, в связи с чем проводившиеся мероприятия отставали от развивающихся событий.

В своей оперативной директиве от 16 августа командующий ВорФ поставил войскам следующие задачи [967 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 506.]:

1. 47-й А с 3-м гв. мк, вводимой на участке 40-й А, нанести главный удар своим правым флангом вместе с 10-м тк и с утра 17 августа наступать с рубежа Гребенниковка – Боромля (исключительно) в общем направлении Великий Истороп – Лебедин – Большая Павловка – Борки – Шишаки – Батрак с целью прорвать вражескую оборону, выйти во

фланг и тыл противнику, обороняющемуся южнее Боромли, и свернуть его фронт на юг, уничтожая его силы и не допуская их отхода на запад; к исходу 19 августа выйти в район Зеньков.

2. 40-й А с 2-м тк перейти в наступление одновременно с 47-й А и к исходу 19 августа выйти на реку Псел на участке Ворожба – Свиарная (14 км юго-западнее Веприка).

3. 27-й А до начала операции обеспечить захват и удержание плацдарма на западном берегу реки Ворскла в районе Буды – Бельск – Лазьки, с утра 17 августа перейти в наступление в общем направлении Котельва – Зеньков, чтобы во взаимодействии с 47-й А окружить ахтырскую группировку немцев в районе Тростянец – Ахтырка.

4. 38-й А продолжать выполнение ранее поставленной задачи – выйти к реке Псел на участке Большая Чернетчина – Низы.

5. 2-й ВА главные усилия направить на поддержку наступления 47-й А, а частью сил на поддержку 27-й А.

Для ввода в бой войск 47-й А к 23 часам 16 августа была произведена соответствующая перегруппировка: 47-я А, сменив части 52-го ск 40-й А, заняла исходное положение на участке Гапоновка, Бацаивщина; 237-я и 309-я стрелковые дивизии 40-й А, переданные под управление 52-го ск, вместе со 2-м тк заняли рубеж совхоз «Каменное» (западнее Большого Бобрика) – Братский; 100, 161, и 206-я стрелковые дивизии 47-го ск 40-й А заняли исходное положение на рубеже Бацаивщина (исключительно) – Боромля – Каменка. В результате после перегруппировки 40-я А оказалась разделенной на две изолированные друг от друга группы на флангах 47-й А. Перед операцией командование ВорФ усилило обе армии артиллерией, помимо того что их действия должна была поддержать еще и 38-я А, которая одновременно переходила к активным действиям на Сумском направлении своим левым флангом, смежным с 40-й А.

По свидетельству маршала Москаленко [1968 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 90–92.], 40-й А была поставлена задача разгромить противостоявшие на Лебединском направлении вражеские войска, обойдя их в районе Ахтырки с запада, и овладеть рубежом реки Псел, создав угрозу тылам группировки противника, сосредоточенной для контрудара из района Ахтырки на Богодухов. Анализ обстановки показывал, что в течение всех предшествующих дней немцы предпринимали сильные контратаки против соединений 47-го ск на левом фланге армии, стремясь не допустить продвижения ее войск на юго-запад, в обход Ахтырки по кратчайшему направлению. В связи с этим не вызывало сомнений, что сильнейшая группировка противостоявших 40-й А германских войск была сосредоточена против ее левого фланга. Исходя из таких соображений при определении направления главного удара командование 40-й А остановило свой выбор на правобанковом участке. Данное решение, утвержденное командующим фронтом, предусматривало как раз то, чего опасался противник, – сильный удар в юго-западном направлении, но не там, где его ожидало германское командование, а несколько севернее. В соответствии с приказом командования фронта командование и штаб армии разработали оперативный план, где учитывалось, что 47-я А, с которой предстояло

взаимодействовать, самостоятельной полосы не получала, но ей отводился 9-километровый участок на левом фланге. Поэтому намечалось, что правее 47-й А главный удар нанесут 237-я и 309-я усиленные стрелковые дивизии 52-го ск и соединения 2-го тк с задачей прорвать оборону противника на участке от Холодово до роши в 400 м западнее Гапоновки. Слева от 47-й А было приказано действовать 47-му ск, также двумя усиленными дивизиями (100-я и 206-я дивизии), которые должны были прорваться на участке севернее населенного пункта Белка (30 км восточнее города Лебедина). Одну из дивизий 47-го ск (161-я дивизия) предполагалось использовать для развития успеха. Обеим ударным группам 40-й А предстояло тесно взаимодействовать с 47-й А в течение первого и второго дней наступления. По достижении рубежа Боровенька – Должик 47-я А выходила из полосы 40-й А, нанося удар в юго-западном направлении, в обход Ахтырки, тогда как войска 40-й А продолжали наступление к реке Псел, чтобы очистить левый берег реки от противника и занять прочную оборону: правофланговой группой на участке Пашков – Бишкинь – Селище, а левофланговой – от Боброво до Сосновки. Всю операцию глубиной 40–70 км предполагалось провести в течение трех суток, но подготовка к ней, включая разработку оперативного плана и постановку задач соединениям, была осуществлена менее чем за сутки – необходимая перегруппировка войск прошла в ночь с 16 на 17 августа.

Против войск правого крыла ВорФ на участке Битица – Тростянец оборонялись немецкие 75, 68, 88, 112-я пехотные дивизии (с севера на юг), а также отдельные части и боевые группы 57-й и 255-й пехотных дивизий, объединенные под управлением 7-го ак генерала Эрнста Хелла и 52-го ак генерала Ойгена Отта. По информации маршала Москаленко [969 - См.: Гончаров В. Статистика и комментарии. Приложение II // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 769; Москаленко К. С. Указ. соч. С. 92.], части немецких 68, 88 и 57-й пехотных дивизий, которые оборонялись на рубеже Верхняя Сыроватка – Холодово – Новгородское – Малый Истороп, имели по 40–50 танков каждая, хотя в действительности этим дивизиям, по-видимому, были приданы три отдельных подразделения САУ, которые находились в оперативном распоряжении 7-го ак и к началу августа насчитывали всего около 100 машин (202-й батальон штурмовых орудий, 559-й и 615-й дивизионы истребителей танков). По данным оперативного отдела штаба 38-й А [970 - ЦАМО РФ. Ф. 393. Оп. 9005. Д. 67. Л. 12.], к 12 августа на участке Снагость – Хотень позиции занимали в основном части немецкой 88-й пд, южнее на участке Хотень – Битица – Малая Чернетчина оборонялась 75-я пд, а еще южнее, на рубеже Малая Чернетчина – Холодово, располагалась 68-я пд, усиленные полком артиллерии РКК, двумя бронепоездами и 20–30 единицами бронетехники.

С другой стороны, благодаря сосредоточению на сравнительно узком участке основных сил 47-й А, введенной из фронтового резерва, а также двух танковых и механизированного корпусов созданная таким образом на правом крыле ВорФ ударная группа насчитывала около 80 тыс. солдат и офицеров, 503 танка и САУ [971 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2. Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 343–344, 348, 364.], в том числе в 3-м гвардейском механизированном и 10-м танковом корпусах, действовавших в полосе 47-й А, – 302 танка и САУ [972 - ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 228. Л. 3.].

По информации оперативного отдела штаба 47-й А [973 - ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 228. Л. 3–4, 6–9, 10–11, 20, 31 об.], для проведения наступательной операции армия получила на усиление 27-ю и 29-ю истребительно-противотанковые артбригады, 33, 47 и 123-ю гаубичные артбригады, 17-ю минбригаду; при этом перед фронтом армии, против пяти ее стрелковых дивизий (23-я дивизия была возвращена из распоряжения 40-й А. – П. Б.) оборонялись три немецких полка: 196-й гп 68-й пд, 202-й гп 75-й пд и 217-й гп 57-й пд, а еще два гренадерских полка – 245-й полк 88-й дивизии и 195-й полк 57-й дивизии – находились в резерве в районе Великий Истороп. Командование 47-й А решило организовать прорыв вражеской обороны на участке Гапоновка – отметка 189,0, где была создана артиллерийская плотность 140 стволов на километр. Боевой порядок 47-й А строился в два эшелона – в первом 29, 218 и 337-я стрелковые дивизии, а во втором – 23-я и 30-я дивизии; 3-й гвардейский механизированный и 10-й танковый корпуса находились в исходных районах Хмелевое, Малый Бобрик и Шаблиное, составляя эшелон развития успеха.

В свою очередь, командование 38-й А к 15 августа подготовило план наступательной операции по овладению городом Сумы [974 - ЦАМО РФ. Ф. 393. Оп. 9005. Д. 67. Л. 12–14.]. В плане указывалось, что противник занимает оборону перед фронтом армии на рубеже Степковка – Парное – Тополи, имея развитую в инженерном отношении оборону только вокруг города Сумы, где внешний оборонительный обвод представляет собой систему земляных укреплений. Поэтому замысел операции основывается на прорыве обороны противника на рубеже Степковка – Песчаная силами 38, 167 и 240-й стрелковых дивизий, объединенных под управлением 51-го ск генерала Петра Петровича Авдеенко с целью двустороннего обхода города Сумы с северо-востока и юго-запада. Для реализации этого замысла командование 38-й А посчитало необходимым получить на усиление 3 стрелковые дивизии, гвардейскую минометную и артиллерийскую дивизии, отдельную танковую бригаду и тяжелый танковый полк прорыва, 2 истребительно-противотанковых артиллерийских полка и 2 минометных полка реактивных установок.

Наступление 38, 40 и 47-й армий ВорФ началось в 7 часов утра 17 августа после часовой артиллерийской и авиационной подготовки. Начиная с этого дня, основные усилия 2-й ВА фронта были перенесены с Богодуховского на Ахтырское и Боромлянское направления, где в течение 17 августа было выполнено 590 самолето-вылетов в районы Гребенниковка, Боромля, Ревки с привлечением сил всех штурмовых и бомбардировочных соединений [975 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 398.].

38-я А, прорвав оборону противника и ликвидировав сильные опорные пункты, подготовленные немецкой 68-й пд (под командованием генерала Ганса Шмидта, Hans Schmidt) в Верхней Сыроватке и Нижней Сыроватке, к исходу дня вышла на рубеж Бездрик – Нижняя Сыроватка, продвинувшись на 12–15 км в глубину расположения немецкого 7-го ак. Правофланговый 52-й ск 40-й А и основные силы 47-й А, действующие при поддержке 2-го и 10-го танковых и 3-го гвардейского механизированного корпусов, к 10 часам 17 августа прорвали оборону немецких 68, 88 и 57-й пехотных дивизий и, также продвинувшись на 12 км, к исходу дня вышли на рубеж Нижняя Сыроватка (южная окраина) – Супронов – восточная окраина села Малый Истороп.

В целом, несмотря на сопротивление противника, в течение 17 августа группировка армий правого крыла ВорФ успешно прорвала оборону немцев на участке Верхняя Сыроватка – Петровский, вклинилась в неприятельское расположение на всю тактическую глубину на фронте протяженностью более 30 км (Бездрик – Нижняя Сыроватка – Великий Истороп) и отбросила противника к реке Псел. Советские войска в первый же день наступления взяли целый ряд населенных пунктов, включая сильные опорные пункты Низы, Великий Истороп, Нижняя Сыроватка.

Вместе с тем левofланговый 47-й ск 40-й А, не получивший танкового усиления, перешел в наступление в 10 часов, но встретился с упорной обороной немецкой 112-й пд генерала Вутманна, так что весь день вел бой практически на исходном рубеже. К исходу 17 августа 100-й и 206-й стрелковым дивизиям корпуса удалось продвинуться только до линии Грузское – Зубовка – Тучное – Становая.

Объективно оценив обстановку, командование немецкой 4-й ТА в ночь на 18 августа отдало своим левofланговым войскам приказ об отходе на правый берег Псела, где им предписывалось закрепиться и воспрепятствовать форсированию реки противником.

Командующий ВорФ, стремясь использовать достигнутый успех и как можно скорее выйти на коммуникации ахтырской группировки немцев, уже вечером 17 августа потребовал от командующего 40-й А генерала Москаленко незамедлительного овладения городом Лебедином. Для этой цели он приказал использовать одну бригаду 2-го тк с десантом автоматчиков, двумя истребительными артиллерийскими полками, одним минполком и одним гвардейским минометным дивизионом. Для закрепления успеха за этим отрядом должна была двигаться 309-я сд 52-го ск под командованием полковника Дмитрия Дремина.

Одновременно командующему 38-й А генералу Чибисову было приказано максимально ускорить темпы наступления и к исходу 18 августа выйти на всем фронте к реке Псел, уничтожив противника, оборонявшегося на восточном берегу реки. При этом армия не получила от фронта ничего из тех сил и средств усиления, на которые рассчитывало армейское командование при планировании операции по овладению городом Сумы.

В сложившихся условиях генерал Москаленко решил полностью отказаться от фронтального наступления на левом фланге, но вместо этого усилить правый фланг, чтобы оттуда нанести удар вдоль реки Псел в направлении Сосновки, во фланг и тыл войскам, оборонявшимся перед 47-й А и 47-м ск, выходя в глубокий тыл вражеской группировки, сосредоточенной в районе Ахтырки и Лебедина [976 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 94–95.]. В ночь на 18 августа 52-му ск была передана 161-я сд под командованием генерала Петра Тertyшного из состава 47-го ск, которая получила задачу выдвигаться вслед за дивизией полковника Дремина и быть готовой развить наступление на Лебедин.

18 августа группировка армий правого крыла ВорФ продолжила наступление, несмотря на ожесточенное сопротивление немцев, в особенности на рубеже Белка – Тростянец.

38-я А, поддержанная частью сил 2-го тк, с упорными боями к исходу дня вышла к реке Псел на участке Битица (12 км северо-восточнее города Сумы) – Низы, завязав бои на восточной окраине города Сумы, обороняемого немецкой 75-й пд под командованием генерала Гельмута Бюкеманна (Бэкеманн, Helmuth Veukemann). Генерал Бюкеманн уже отличился в боевых действиях против войск 38-й А в конце января 1943 года, когда он руководил успешным выходом из окружения оперативной группы в составе трех пехотных дивизий 7-го и 13-го армейских корпусов 2-й немецкой армии и двух венгерских дивизий. Теперь Бюкеманн организовал оборону на рубеже Псела, создав на восточном берегу реки ряд предмостных плацдармов – опорных пунктов в селах Васильевка, Замостье, Пришиб, Жовтневый, Басы, занятых мелкими пехотными подразделениями – ротами велосипедистов-самокатчиков гренадерских полков [977 - См.: Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Указ. соч. С. 342–351.]. Действия по овладению этими опорными пунктами должны были показать направление главного удара русских и расположение их артиллерии. В результате умелого маневрирования тактическими резервами частям 75-й пд удалось задержать основные силы 38-й А на восточном берегу Псела, не позволяя им форсировать реку и овладеть Сумами.

В то же время на правом фланге 40-й А 237-я и 309-я стрелковые дивизии под командованием генерала Петра Дьяконова и полковника Дмитрия Дремина с боями выдвинулись к реке Псел на участке Пашков – Бишкинь (9 км северо-восточнее города Лебедина). Ударная группа 47-й А – 29-я и 30, 218 и 337-я стрелковые дивизии, объединенные под управлением 23-го и 21-го стрелковых корпусов генералов Никиты Чувакова и Василия Абрамова, продвинувшись с боями на 20 км, к исходу дня вышли на рубеж Новоселовка – Федоровка – Костев – северная окраина села Белка. Оборонявшиеся в полосе 47-й А части немецкой 57-й пд за 17 и 18 августа понесли такие потери в офицерах, что 18 августа они потеряли управление и солдаты начали разбегаться [978 - См.: Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 263.], хотя 57-й дивизией командовал испытанный в боях генерал Максимилиан Фреттер-Пико (Maximilian Fretter-Pico [979 - Некоторым жителям СССР, включая автора, фамилия Фреттер-Пико достаточно хорошо знакома, потому что после войны немецкая фирма «Фреттер-Пико» выпускала, в числе прочей продукции, игрушечные железные дороги и сопутствующие товары, которые поставлялись в том числе и в СССР. (Примеч. авт.)]), уже повоевавший вместе с Манштейном в Крыму и на Среднем Дону. На левом фланге 40-й А стрелковые соединения 47-го ск – 206-я и 100-я дивизии генерала Меркулова и полковника Цыганкова – с трудом преодолевали упорное сопротивление 112-й пд противника, опиравшегося на выгодный оборонительный рубеж по реке Боромля, а также сильные опорные пункты Белка и Тростянец, поэтому в течение дня продвижения вновь не имели и вели бои за овладение этими узлами сопротивления.

Таким образом, 18 августа войска правого крыла ВорФ создали угрозу с севера и северо-запада флангу и тылу ахтырской группировки противника, сосредоточившейся для наступления в юго-восточном направлении. Однако это не остановило командование ГА «Юг», по-прежнему рассчитывавшее контрударами теперь уже по правому флангу советской 27-й А отрезать ее передовые соединения вместе с основными силами 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов южнее Ахтырки (хотя, как указывает маршал Москаленко [980 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 95.], уже 17 августа немцам пришлось

использовать часть своей группировки, предназначавшейся для контрудара, чтобы укрепить оборону в полосе наступления советских 40-й и 47-й армий).

Немцам благоприятствовало то, что с 12 августа войска 27-й А вели тяжелые бои в районе самой Ахтырки и ниже по течению реки Ворскла, решая поставленные командованием фронта наступательные задачи по расширению прорыва в южном направлении и захвату плацдармов на правом берегу реки. К 17 августа основные силы армии оказались сосредоточены более чем на 70-километровом фронте, так что ни на одном из участков значительных успехов добиться уже не могли. При этом линия фронта 27-й А представляла собой выступ (мешок), проходящий по течению Ворсклы с севера на юг и делающий резкий поворот на восток в районе населенных пунктов Котельва и Колонтаев. В центре и на растянутом правом фланге армии сплошной линии войск не было.

Подготавливая нанесение контрудара по правому флангу 27-й А, 17 августа германское командование активизировало боевые действия против ее центра, чтобы связать противника. Широко используя поддержку авиации, боевые группы мд «Великая Германия», 11-й и 19-й танковых дивизий неоднократно контратаковали советские части, так что населенные пункты Грунь, Бельск, Буды по нескольку раз переходили из рук в руки. Силами 11-й тд немецкий 24-й тк продолжал удерживать Ахтырку [981 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 1.], причем после переброски 241-й сд 27-й А на левый фланг – на реку Мерла – под Ахтыркой осталась одна только 166-я сд, растянутая на 25-километровом участке фронта [982 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 501.].

В итоге вследствие расширения полосы 27-й А, глубоко вклинившейся в оборону немецкой 4-й ТА на Ахтырском направлении, а также благодаря перегруппировке собственных сил, германскому командованию удалось добиться локального превосходства в силах и средствах на участке Ахтырка – Опошня – Краснокутск.

По данным штаба 27-й А [983 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 1–2.], на 10-километровом рубеже Ахтырка – Мошенки было сосредоточено до 400 танков, свыше 16 тыс. солдат и офицеров пехоты, 263 орудия и миномета из состава 332-й и 255-й пехотных дивизий, 7-й и 11-й танковых дивизий, а также мд «Великая Германия». С другой стороны, на этом же фронте позиции занимали следующие части и соединения 27-й А:

1) 155-я сд с 1070-м иптап и минполком 12-й минбр (бригада из состава 17-й артдивизии 7-го акп. – П. Б.) – в районе Пологи (Пологий);

2) 166-я сд с 408-м тяжелым иптап, минполком 12-й минбр, частью сил 93-й отдельной тбр, 30-м штурмовым инженерно-саперным батальоном и 57-м армейским заградительным отрядом – в районе Мошенки;

3) 93-я тбр – в районе Хухри;

4) 147-я сд с минполком 12-й минбр – в районе Высокого;

5) 71-я сд с 680-м иптап – в районе Бельска;

б) 241-я сд с 1075-м иптап и минполком 12-й минбр – в районе Колонтаев – Любовка – Краснокутск.

Всего здесь было сосредоточено около 15 тыс. солдат и офицеров 27-й А (из них до 8,5 тыс. боевого состава), 30 боеготовых танков, 717 орудий и минометов. Кроме этого, с соседних участков могло быть привлечено до 100 танков из состава 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов. 4-й гв. тк после неудачных боев севернее Бельска отошел в район Котельвы, оставив 3-ю гв. мсбр оборонять Бельск совместно со 131-м сп 71-й сд. 5-й гв. тк, усиленный 37-й легкой артбригадой 17-й артдивизии прорыва перешел к обороне на рубеже Большая Рублевка – Колонтаев – Любовка – Краснокутск, оставив 21-ю гв. тбр в резерве в районе Пархомовки.

Как видно, даже учитывая завышение количества бронетехники (приблизительно на 100 единиц, причем, по оценке Д. Гланца и Дж. Хауза [984 - Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 262–263.], ко времени нанесения контрудара 7-я и 19-я танковые дивизии и мд «Великая Германия» вместе насчитывали в своем составе всего около 100 боеготовых танков и штурмовых орудий), немцы все же добились под Ахтыркой почти такой же плотности ударных сил, как и в ходе проведения операции «Цитадель», тогда как войска ВорФ, действовавшие на направлении контрудара противника, были распылены, и советское командование не имело группировки войск, способной в самом начале оказать сильное сопротивление. С другой стороны, германское командование вновь не располагало оперативными резервами для развития успеха, а стягивание танковых и моторизованных соединений в район Ахтырки привело к серьезному ослаблению левого фланга немецкой 4-й ТА и успешному развитию здесь наступления трех армий правого крыла ВорФ, угрожающих флангу и тылу ахтырской группировки.

Кроме того, к исходу 17 августа в ближнем тылу советской 27-й А – в районе Ямное – Новая Рябина – Яблочное – уже сосредоточилась 4-я гв. А под командованием генерала Григория Кулика в составе 6 гвардейских стрелковых и воздушно-десантных стрелковых дивизий (3 воздушно-десантные дивизии под управлением 20-го гв. ск, 3 стрелковые дивизии под управлением 21-го гв. ск), 27-й зенитной артдивизии, 2 истребительно-противотанковых артполков, 1 минометного и 1 гвардейского минометного полков, 1 отдельного инженерного батальона, которая вместе с 3-м гв. тк была передана Ставкой Верховного Главнокомандования в распоряжение командующего ВорФ для развития наступления на Зеньков (по некоторым данным, всего около 70 тыс. солдат и офицеров, 178 танков и САУ) [985 - См.: Боевое расписание Красной армии, 1 июля 1943 г. Приложение 2 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 341.]. Следовательно, советское командование располагало значительными дополнительными силами для укрепления фронта 27-й А, причем германская разведка, вероятнее всего, заблаговременно обнаружила подход новых крупных резервов противника.

В связи с этим, учитывая неблагоприятные перспективы успешного развития контрудара на Богодухов, что стало очевидно в связи с общей динамикой оперативной ситуации и сложившимся соотношением сил, германское командование ограничило оперативную задачу достижением частного успеха за счет локального превосходства, созданного на узком участке фронта. Направление наносимого контрудара было смещено южнее Богодухова – на Краснокутск, с целью окружить и уничтожить стрелковые соединения советской 27-й А и основные силы приданных ей двух танковых корпусов, находившиеся в сравнительно небольшом районе Ахтырка – Опошня – Краснокутск.

В 8.30 18 августа, после сильной артподготовки и массированных ударов авиации по боевым порядкам 155-й и 166-й правофланговых стрелковых дивизий 27-й А, командование 24-го немецкого тк ввело в бой части мд «Великая Германия», действовавшие при поддержке 51-го и 52-го отдельных танковых батальонов. По информации ГШ Красной армии [986 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 84.], ахтырская группировка противника силами до 200 танков перешла в наступление с рубежа Хухря – Мошенки – Пологий и прорвала фронт 166-й сд на 12-километровом участке Мошенки – Пологий. Ударной группе немцев утром 18 августа с советской стороны противостояли два полка 155-й сд полковника Ильи Васильевича Капрова, 166-я сд полковника Бронислава Иосифовича Полторжицкого и 93-я отдельная тбр под командованием подполковника Сергея Клементьевича Доропея.

Около 9 часов панцер-гренадерский полк дивизии «Великая Германия» под командованием подполковника Карла Лоренца, наступавший при поддержке танкового батальона (50–60 танков), атаковал на стыке 517-го и 735-го стрелковых полков 166-й сд, прорвал их оборону и вышел к населенному пункту Велико-Озерский (потеряв в ходе атаки до 20 танков). Поэтому для развития успеха в 10 часов командование дивизии «Великая Германия» решило задействовать на этом же направлении панцер-фузилерный полк полковника Германа Шульте-Хойтхауса (Hermann Schulte-Neuthaus) и второй танковый батальон дивизионного танкового полка. Всего, по оценкам штаба 27-й А [987 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 2.], в наступлении было использовано до 130 танков и штурмовых орудий и два мотопехотных полка. В то же время командир 166-й сд полковник Полторжицкий перебросил к участку прорыва 423-й сп, находившийся во втором эшелоне, а также дивизионный противотанковый резерв. Ведущая роль в борьбе с немецкими танками вновь принадлежала артиллерии – по некоторым данным [988 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 502.], в ходе боя за передний край обороны части 166-й сд огнем своей артиллерии вывели из строя свыше 30 немецких танков. Однако бомбоштурмовые удары германской авиации, проводившиеся при отсутствии в воздухе советских истребителей, привели к тому, что на участке 517-го и 423-го стрелковых полков почти все орудия полковой, дивизионной и приданной артиллерии были разбиты и уничтожены, тягачи сожжены, а командный пункт дивизии, находившийся в районе совхоза «Ударник», в течение почти двух часов подвергся непрерывной бомбардировке с воздуха [989 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 2 об.]. Командование немецкого 8-го авиакорпуса направило на поддержку контрудара своих наземных войск под Ахтыркой пять авиационных групп – одну группу истребителей, две бомбардировщиков и две пикирующих бомбардировщиков, а всего за 18 августа экипажи корпуса совершили 785 самолето-вылетов, из которых 510 выполнили

бомбардировщики [990 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 404.]. Авиация советской 2-й ВА в первой половине этого дня действовала по ранее намеченным планам – наносила удары по железнодорожным станциям Ковяги, Лебедин, Водяная с целью срыва вражеских перевозок. Только после 12 часов командование армии начало ставить соединениям задачи по воздействию на войска противника в районе Ахтырки и на переправах через Ворсклу, однако за день удалось организовать всего 476 самолето-вылетов, из которых 257 выполнили ударные самолеты, в том числе 5-й шак обеспечил 70 самолето-вылетов, 202-я бомбардировочная дивизия – 56 и только 291-я штурмовая дивизия – 131 самолето-вылет (на каждый исправный штурмовик в дивизии полковника Витрука пришлось пять вылетов) [991 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 404–405, 410.].

Стремясь быстрее прорвать оборону советских войск на всю тактическую глубину и выйти на оперативный простор, генерал Вальтер*~~censored~~*нлейн решил наращивать силу удара, поэтому в 11.30 18 августа направил в наступление сводную танковую боевую группу под управлением капитана Вальтера Витерсгейма (Walter Wietersheim), что позволило немцам к 13 часам прорваться через позиции 735-го сп подполковника Николая Забродина в район совхоза «Ударник», к месту расположения командного пункта 166-й сд. 15 немецких танков начали обстрел командного пункта, вследствие чего он был сменен [992 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 336.], так что части дивизии на некоторое время остались без управления.

Потеряв около 40 танков подбитыми и уничтоженными [993 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 2 об.], к 14 часам немецкие моторизованные части продвинулись вдоль шоссе Харьков – Ахтырка до совхоза «Ильичевка», а к 15 часам группа из 25–30 танков при поддержке панцер-гренадеров взяла Каплуновку, в 20 км юго-восточнее Ахтырки, от которой оставалось всего около 8 км до Краснокутска (из Каплуновки немцы немедленно выслали на юг, юго-восток и восток три разведывательные группы на бронетранспортерах, которые обнаружили прибытие новых сил противника – это были подходящие к фронту войска советской 4-й гв. А [994 - См.: Попов И. Г. Батальоны идут на запад. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. С. 77–78.]).

Развивая прорыв, немцы вышли на позиции вражеской армейской артиллерии, – так, младший лейтенант Александр Гайдаш, командир огневого взвода 92-й тяжелой гаубичной бригады 17-й артдивизии 7-го акп (по штату такая бригада состояла из четырех дивизионов 152-мм гаубиц по две 4-орудийные батареи в каждом, или четырех дивизионов более мощных 152-мм гаубиц-пушек, по четыре 2-орудийные батареи в дивизионе [995 - См.: Лобанов А. В. Указ. соч. С. 13.]), приданной 27-й А, 18 августа 1943 года оказался со своим взводом в окружении под Ахтыркой, но организовал бой подразделения и подбил 7 танков, 2 бронемшины, 7 мотоциклов, за что ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Заместитель командира дивизиона этой же тяжелой гаубичной артбригады старший лейтенант Григорий Головин в бою под городом Ахтыркой 18 августа принял командование частью на себя, когда тяжело ранило командира дивизиона, и, умело организовав круговую оборону, отбил несколько танковых атак противника, в результате чего орудиями дивизиона было подбито 9 танков, 3 бронетранспортера, САУ и бронемшина, уничтожено и рассеяно свыше батальона автоматчиков, за что Головину также было присвоено звание Героя Советского Союза.

Тем не менее, воспользовавшись внезапностью и локальным превосходством в силах, к исходу дня немцам удалось продвинуться на глубину до 24 км, создав узкую полосу вклинения шириной до 7 км, ограниченную линией Ахтырка – Вербовый – Высокое – Кудрявый – Запорожец – Новая Одесса – Каплуновка – Ивановка – Мошенки. В ходе боевых действий командир 166-й сд полковник Полторжицкий был ранен, и с 20 августа командование соединением принял полковник Анисим Илларионович Светляков.

Во второй половине дня 18 августа навстречу ударной группировке 24-го тк перешел в наступление 48-й тк – дивизия СС «Мертвая голова», наносившая удар из района Ковалевка – Константиновка в направлении на Колонтаев и Любовку. Однако эти атаки немцев были отбиты оборонявшимися здесь частями 241-й сд 27-й А, которой командовал полковник Павел Арабей, и 5-го гв. Сталинградского тк генерала Кравченко.

По оценке штаба 27-й А, подготовившего оперативно-тактическое описание действий войск армии по отражению контрудара противника с 18 по 20 августа 1943 года, глубокое вклинение танков противника в боевые порядки 27-й А в первый день наступления было обусловлено рядом причин, важнейшими из которых являлись следующие [996 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 4 об.—6.]:

1. Командование 27-й А не приняло необходимых мер для закрепления захваченных рубежей и расплыло силы на широком фронте.

2. Штаб 27-й А, зная о готовящемся контрударе врага, до перехода немецких войск в наступление все же не располагал необходимыми данными о группировке и планах противника, штабы стрелковых дивизий и полков слабо занимались ведением войсковой разведки (начальник штаба 27-й А полковник Григорий Сергеевич Лукьянченко всего через месяц, 15 сентября 1943 года, был произведен в звание генерал-майора. – П. Б.).

3. Широкий фронт, занимавшийся войсками 27-й А, не позволил создать необходимые плотности в живой силе и технике на Ахтырском направлении.

4. В ночь на 18 августа проводилась частичная перегруппировка войск 27-й А с целью дальнейшего наступления из района западнее Котельвы, которая к началу контрудара противника не была закончена, поэтому в нужный момент достаточных сил или какой-либо компактной группировки для парирования удара врага не было.

5. Значительная часть артиллерийских средств усиления находилась в районе Колонтаев – Краснокутск и не могла принять участия в отражении контрудара противника, причем артиллерия в районе Ахтырки не была в достаточной степени обеспечена артиллерийскими выстрелами, так что в отдельных частях обеспеченность ими доходила всего до 0,5 боекомплекта.

6. Усилия 2-й ВА были в большей мере сосредоточены на поддержке наступления войск 47-й и 40-й армий, поэтому войска в районе Ахтырки в первый день операции были слабо прикрыты истребительной авиацией и зенитными средствами.

В результате боевых действий 18 августа с выходом противника в район Каплуновки резко осложнилось положение на левом фланге 27-й А и создавалась угроза окружения для 71, 166 и 241-й стрелковых дивизий, 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов, действовавших в районе Мошенки – Хухря – Буды – Опошня – Котельва – Колонтаев (517-й и 735-й стрелковые полки 166-й сд оказались окружены уже в первый день боев, и их разрозненные подразделения прорвались к главным силам только 21 августа [997 - См.: Бирюков Н. И. Трудная наука побеждать / Лит. редакция Н. С. Винокурова. М.: Воениздат, 1968. С. 14.]), а также угроза тылу 1-й танковой и 6-й гвардейской армий. Командующий 27-й А генерал Трофименко немедленно поставил задачу 147-й сд генерала Михаила Якимова (Михаил Петрович Якимов), находящейся во втором эшелоне армии, во взаимодействии с частями 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов нанести удар с юга, во фланг и тыл прорвавшемуся противнику. Однако сил одной только 27-й А для исправления положения было явно недостаточно – около 17.30 18 августа 12-я и 13-я гвардейские танковые бригады 4-го гв. тк атаковали из района Хухря в направлении на Высокое, но успеха не добились, тогда как 5-й гв. тк продолжал главными силами оставаться в обороне, сдерживая наступление противника на рубеже Каплуновка – Мошенки – Михайловка [998 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 3.]. Поэтому Верховный главнокомандующий лично указал представителю Ставки маршалу Жукову, находившемуся в штабе ВорФ, на необходимость в кратчайший срок ликвидировать ахтырскую группировку немцев, а также принять срочные меры против возможной изоляции левофланговых соединений 27-й А.

Соответственно, во второй половине дня 18 августа командующий ВорФ генерал Ватутин поставил новую задачу 27, 6 и 4-й гвардейским и 1-й танковой армиям – совместными ударами разгромить прорвавшуюся немецкую группировку и восстановить положение в районе Ахтырки.

Согласно боевому распоряжению командующего войсками ВорФ, переданному в 16.50 18 августа [999 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 89. Л. 215–217.], около 100 танков противника с мотопехотой прорвали фронт обороны 166-й сд 27-й А и из района Ахтырки распространились в направлении совхоза «Ударник». Командование фронта приказывает 27, 6 и 4-й гвардейским, 1-й танковой армиям окружить и уничтожить прорвавшуюся группу, для чего следует:

1. Командующему 27-й А – сосредоточить на направлении движения пехоты и танков противника противотанковую артиллерию и организовать плотную противотанковую оборону с задачей не допустить их дальнейшего продвижения. Силами 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов, 93-й отдельной тбр и 39-го отдельного тп (командир полка подполковник Сергей Филиппович Пушкарев, в дальнейшем Герой Советского Союза, командующий 6-го гв. мк 4-й гв. ТА. – П. Б.) при поддержке одного иптап 37-й легкой артбригады нанести удар с юга во фланг и тыл наступающего противника. Силами 147-й сд с противотанковой артиллерией нанести удар с севера на юг во фланг и тыл наступающего противника.

Цели действий армии: отсечь от линии фронта прорвавшуюся группу противника, окружить ее и уничтожить, чтобы к исходу 19 августа полностью восстановить положение.

2. Командующему 6-й гв. А – прочно удерживать занимаемый рубеж обороны, силами не менее трех иптап и резервов с 241-й сд 27-й А прочно прикрыть район Пархомовка – Каплуновка, ни в коем случае не допустить прорыва противника через этот район на юг, юго-восток и восток.

3. Командующему 1-й ТА – по тревоге выбросить в район Каплуновки одну танковую бригаду с одним истребительно-противотанковым артполком и одним дивизионом реактивных установок с задачей прочно прикрыть направление через Каплуновку на Козьевку и отдельными засадами в районе Купьевахи прикрыть направление на Богодухов.

4. Командующему 4-й гв. А организовать противотанковую оборону рубежа Веселое – Запорожец – Прокопенки (исключительно) – Козьевка; 3-му гв. тк скрытно к утру 20 августа сосредоточиться в районе Старая Рябина – Яблочное – Спорное.

Как видно, замысел командования ВорФ состоял в нанесении сходящихся ударов с севера и юга с целью перерезать узкий коридор, образованный вклиниванием вражеской группировки. Однако генералы Ватутин и Иванов, как обычно, планировали операцию и ставили боевые задачи без учета реальной боеспособности задействованных в ней войск и времени, необходимого им для производства перегруппировок и маневра.

В соответствии с поступившим распоряжением к вечеру 18 августа в бой с прорвавшимися частями противника вступила 4-я гв. А – 8-я и 7-я гвардейские воздушно-десантные стрелковые дивизии 20-го гв. ск, которым командовал генерал Николай Бирюков, развернулись и заняли оборону на 20-километровом рубеже Высокое – Новая Одесса, а 5-я гв. воздушно-десантная сд корпуса находилась на подходе.

По воспоминаниям генерала Бирюкова [1000 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 9, 12–15, 17, 30.], соединения его корпуса, усиленного двумя истребительно-противотанковыми артиллерийскими полками (452-й и 1317-й полки. – П. Б.), были полностью укомплектованы личным составом, насчитывая до 9 тыс. солдат и офицеров в каждом, поэтому командующий 27-й А генерал Трофименко очень обрадовался, узнав об их прибытии. Однако командующий 4-й А генерал Кулик вначале распорядился выдвинуть вперед на широком фронте только одну 8-ю гв. воздушно-десантную сд под командованием генерала Владимира Стенина, создать в ее полосе устойчивую противотанковую оборону, а затем уже подготовиться к переходу в наступление основными силами 20-го гв. ск. Только поздним вечером 18 августа, после того как Бирюков переговорил с заместителем командующего армией генералом Германом Тарасовым (бывший командующий 70-й А ЦФ, снятый с должности в марте 1943 года за неудачно организованное наступление. – П. Б.), поступили новые указания штаба армии, согласно которым уже весь корпус, развернув в первом эшелоне две дивизии, а во втором одну, должен был занять указанный рубеж обороны. К левому флангу корпуса выдвигался

21-й гв. ск под командованием генерала Петра Фоменко, а командир 3-го гв. Котельниковского тк генерал Иван Вовченко получил приказ сосредоточиться за позициями 20-го гв. ск к 15 часам 19 августа. Таким образом, вся 4-я гв. А как будто бы вступала в дело. Вместе с тем из-за противоречивых приказов командир дивизии генерал Стенин потерял управление войсками при выполнении простой задачи организации ночного марша в назначенный район. Подразделения выступили с опозданием, без предварительной разведки пути, в темноте некоторые командиры приняли за дорогу следы, оставленные случайным транспортом, и проблуждали до рассвета, так что оборонительный рубеж не был своевременно подготовлен. Положение исправили только утром с помощью офицеров корпусного управления. Кроме того, генерал Кулик указал, чтобы артиллерийские противотанковые полки оставались в занимаемых ими районах противотанковой обороны и не выходили в боевые порядки пехоты, вследствие чего 20-й корпус фактически лишился артиллерийских средств усиления.

Как видно, если бы германское командование решилось развивать успех в северо-восточном направлении – на Богодухов, навстречу выдвигающимся советским резервам, первоначально немцы могли достичь крупного успеха.

В то же время на северный берег реки Мерла к рубежу Козьевка – Полковая Никитовка – Купьеваха начали перебрасываться войска 1-й ТА – вначале 1-я гв. тбр 3-го мк со средствами усиления (в район Каплуновки), а затем основные силы 3-го механизированного и 6-го танковых корпусов (всего около 120 танков), которые к 5 часам 19 августа форсированным маршем выдвинулись в район завязавшихся боев, передав свои участки обороны южнее Богодухова частям 31-го тк и стрелковым соединениям 6-й гв. А [1001 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 88.]. При смене позиций и занятии нового участка обороны 18 августа погиб командующий 31-го тк генерал Дмитрий Хрисанфович Черниенко, который, по воспоминаниям маршала Катюкова, неосторожно покинул окоп на своем командном пункте и был поражен осколком мины при внезапном залпе немецкого шестиствольного реактивного миномета [1002 - Катюков М. Е. Указ. соч. С. 297.]. На следующий же день в районе деревни Щербаки был убит и командир 237-й тбр 31-го тк майор Николай Петрович Проценко.

Одновременно 4-й гв. Кантемировский тк сосредотачивался в районе Михайлово (Михайловка, северо-восточнее Котельвы), чтобы совместно с частями 166-й сд, 5-го гв. Сталинградского тк, 93-й отдельной тбр 27-й А и артиллерией усиления из состава 17-й артдивизии уничтожить прорвавшуюся вражескую группировку ударом с юга. Для прикрытия фланга танкового корпуса и направления на Котельву командующий корпусом генерал Полубояров оставил на участке Лутище – Заречье 3-ю гв. мсбр полковника Михаила Леонова.

5-й гв. Сталинградский тк получил от командования 27-й А задачу оставить часть сил для усиления 241-й сд 27-й А, перешедшей в оперативное подчинение 6-й гв. А и оборонявшейся на реке Мерчик, а главными силами сосредоточиться в районе Пархомовки для совместных действий с 4-м гв. тк.

Кроме этого, по указанию Ставки Верховного Главнокомандования в ночь с 18 на 19 августа был отдан приказ об отводе с западного берега реки Ворскла в район Пархомовки основных сил 71-й сд 27-й А под командованием генерала Никифора Замировского, оставлявшей один стрелковый полк для прикрытия района Котельва – Лихачевка.

Для отражения контрудара противника были также задействованы две штурмовые инженерно-саперные бригады РГК, производившие минирование танкоопасных направлений (по советским данным [1003 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 340.], на вероятных направлениях танковых ударов немцев было установлено около 36 тыс. мин, из-за которых к 20 августа получили повреждения 75 вражеских танков и бронепоезд).

Действуя по плану командования ВорФ, 19 августа войска 27-й А совместно с частями 1-й танковой и 4-й гвардейской армий контратаковали противника на северном и восточном участках вклинения неприятельской группировки.

В 8.30 19 августа 1943 года командующий войсками ВорФ доложил Верховному главнокомандующему, что для ликвидации противника, прорвавшегося из района Ахтырки в район Каплуновки, с 6.30 19 августа организовано наступление следующими силами [1004 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2777. Д. 89. Л. 221–222.]:

1. 1-я ТА заняла исходное положение на рубеже Купьеваха – Новая Одесса с тремя иптап, двумя сап, одним полком реактивных минометов и в 6.30 начала наступление на Ахтырку.

2. 6-я гв. А с 5-м гв. тк, 71-й сд и тремя иптап наносит удар с юга в направлении Чемодановки.

3. 4-й гв. тк с двумя полками 166-й сд наступает из района Мошенки в направлении на Каплуновку.

4. 27-я А силами правофланговых 147-й и 155-й стрелковых дивизий удерживает рубеж обороны Пологий – Вербовый – Кудрявый, совхоз «Комсомолец»; по мере продвижения 1-й ТА части 27-й А переходят в наступление.

5. 4-я гв. А двумя стрелковыми дивизиями со средствами усиления на рубеже Кириковка – Прокоповка – Новая Одесса; 3-й гв. тк к утру 19 августа сосредоточился в районе Правда – Яблочное – Новая Рябина в готовности для наступления совместно с 10-м тк 47-й А через Олешню на Ахтырку с запада.

6. Вся авиация 2-й ВА направлена на помощь 1-й ТА для ударов по прорвавшемуся противнику.

Следовательно, несмотря на то что части 1-й ТА были серьезно ослаблены, командование ВорФ планировало использовать 3-й гв. тк генерала Вовченко не для удара по ахтырской группировке противника, а для обходного маневра. По мнению генерала

Бирюкова [1005 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 19.], в данном случае командование недооценило силы противника и переоценило свои.

С другой стороны, в ходе боев на правом крыле ВорФ к 19 августа здесь складывалась сложная обстановка для всей немецкой 4-й ТА. Быстрое продвижение на юг советских 47-й и правого фланга 40-й армий, с выходом их войск в район Новоселовка – Костев (15 км юго-восточнее города Лебедина), создало выгодные условия для развития наступления в направлении Чупаховка – Грунь с целью блокирования коммуникаций ахтырской группировки неприятеля и ее глубокого охвата. Для достижения этой цели командующий ВорФ уже в 15 часов 18 августа потребовал от командующего 47-й А генерала Павла Корзуна ускорить наступление приданного армии 3-го гв. мк генерала Обухова.

Вечером 18 августа, ставя задачи на следующий день, генерал Ватутин приказал [1006 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 508–509.]:

– командующему 40-й А генералу Москаленко силами дивизий правого фланга к исходу 19 августа ликвидировать узел сопротивления немцев в городе Лебедине и овладеть городом, после чего организовать прочную оборону по восточному берегу реки Псел на участке Пашков – Лебедин;

– 47-й А, развивая достигнутый накануне успех, во взаимодействии с левифланговыми дивизиями 40-й А к исходу дня перерезать одну из важнейших коммуникаций ахтырской группировки немцев – дорогу Лебедин – Ахтырка;

– 10-му тк генерала Василия Алексея, наступавшему на стыке 47-й и 40 армий, ударом через Олешню овладеть Ахтыркой;

– 3-му гв. мк генерала Виктора Обухова наступлением на Чупаховку и выходом в район Ясенево обеспечить действия 10-го тк с запада и юго-запада и также быть готовым к наступлению на Ахтырку;

– командующему 38-й А генералу Чибисову перейти к жесткой обороне по восточному берегу реки Псел на участке Большая Чернетчина – Низы, обеспечивая правый фланг 40-й и 47-й армий.

В этот оперативный замысел входило и задействование 3-го гв. тк для усиления удара на Олешню.

19 августа 20-й гв. ск 4-й гв. А перешел в наступление на Ахтырку с северо-востока, действуя силами 8-й гв. воздушно-десантной сд совместно с 6-м танковым и 3-м механизированным корпусами 1-й ТА и частями 147-й сд 27-й А. Против них оборонялись части немецкой 7-й тд, а также сводная боевая группа 11-й и 19-й танковых дивизий, выдвинутая генералом Нерингом для прикрытия левого фланга и тыла дивизии «Великая Германия». В результате ожесточенных боев к исходу дня советским войскам удалось продвинуться до 5 км к западу от рубежа Полковая Никитовка – Купьеваха и занять Вербовый (5 км восточнее города Ахтырки), Высокое, Веселый Гай, Кудрявый, совхоз «Комсомолец» (15 км юго-восточнее Ахтырки), Запорожец, овладев выгодными

опорными пунктами, прикрывавшими ахтырскую группировку немцев с севера и северо-востока.

По свидетельству генерала Бирюкова [1007 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 15, 18–19, 21.], днем 19 августа он получил приказ командования 4-й гв. А – силами 8-й гв. воздушно-десантной сд генерала Стенина не позднее 17.30 начать наступление в направлении совхоза «Ударник» и одновременно очистить от противника северо-восточную окраину Каплуновки. Следуя этому приказу, дивизии предстояло за короткое время подготовиться к наступлению на участке шириной 6 км на местности, удобной для действий танковых частей противника, и затем навязать им встречный бой, не получив никакого усиления противотанковыми средствами. Однако в назначенное время дивизия атаковала противника по всему фронту, завязав бои за опорные пункты, спешно подготовленные немцами в Каплуновке, Чемодановке (севернее Каплуновки) и совхозе «Комсомолец». Благодаря сосредоточению артиллерийского и минометного огня бойцам правофлангового 27-го гв. воздушно-десантного сп удалось овладеть совхозом «Комсомолец» и грядой высот к западу. Продолжая атаку, подразделения 27-го полка ворвались в Чемодановку. На левом фланге десантники 25-го гв. воздушно-десантного сп захватили и удержали северо-восточную окраину села Каплуновка (около 20 км юго-восточнее Ахтырки. – П. Б.), которое являлось важным опорным пунктом противника, поскольку тактически выгодно располагалось на господствующих высотах и было окружено оврагами. Однако общий итог боев оказался слишком скромным по сравнению с затраченными усилиями, поэтому ночью при докладе обстановки генерал Кулик сообщил Бирюкову, что на следующий день в полосе 20-го гв. ск будет введен в бой 3-й гв. тк.

Вместе с тем в результате произведенной советским командованием быстрой переброски сил и ввода в бой соединений 1-й танковой и 4-й гвардейской армий германское командование вынуждено было отказаться от того, чтобы углубить прорыв в направлении Купьевахи и занять Новую Одессу и Козьевку с целью обеспечить свой открытый с востока фланг и создать условия для последующего развития успеха вдоль реки Мерла на Богодухов. Важнейшей задачей для генералов Неринга и Кнобельсдорфа стало теперь как можно быстрее завершить окружение советских войск и не допустить их прорыва из образовавшегося мешка, частью сил сдерживая контратаки противника на рубеже Ахтырка – Каплуновка – на северном фланге участка вклинения.

Утром 19 августа основные силы мд «Великая Германия» (по оценке штаба 27-й А, до 150 танков с артиллерией и двумя полками мотопехоты при поддержке большого количества бомбардировочной и истребительной авиации [1008 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 3.]) перешли в наступление из района южнее Велико-Озерский на Колонтаев, на соединение с дивизией «Мертвая голова», овладели населенными пунктами Мошенки (3 км южнее Ахтырки), Михайлово и к исходу дня вышли на рубеж Михайлово – Сидорячье – Пархомовка. Здесь их дальнейшее продвижение было приостановлено частями 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов и 71-й сд генерала Замировского, отошедшей с реки Ворскла.

В то же время 241-я сд полковника Арабея, усиленная танками 5-го гв. тк, 19 августа вновь успешно отбила все атаки частей дивизии СС «Мертвая голова» и удержала занимаемый рубеж на реке Мерла.

5-й гв. тк генерала Кравченко, оставив часть сил для поддержки 241-й сд, около 8.30 утра 19 августа контратаковал совместно с 39-м тп в направлении на Веселый Гай, но, встретив сопротивление танков и штурмовых орудий противника, успеха не имел и к 21 часу закрепился на рубеже Каплуновка – Пархомовка. По данным разных источников [1009 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 410; ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 3.], части и соединения корпуса в течение дня вели бои с вражеской группировкой, насчитывавшей до 80 бронеединиц, из которых удалось подбить и уничтожить около 40 машин, тогда как потери корпуса за день боев составили 63 танка, и к вечеру в его составе оставалось всего 44 боеготовые машины – 34 танка типа Т-34 и 10 Т-70. Как видно, потери корпуса оказались соизмеримы с их величиной 6 июля 1943 года, когда две корпусные танковые бригады и танковый полк были окружены частями дивизии СС «Рейх» в ходе проведения операции «Цитадель» на южном фланге Курского выступа.

С другой стороны, по советским данным [1010 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 504.], в ходе боев 19 августа было уничтожено до 40 немецких танков, в том числе несколько тяжелых типа «Тигр». Согласно показаниям пленных, к 20 августа в танковом полку дивизии «Мертвая голова» насчитывалось примерно столько же боеготовой техники – всего лишь около 40 танков [1011 - См.: Вовченко И. А. Указ. соч. С. 187.].

Германская авиация 19 августа вновь почти беспрепятственно наносила бомбоштурмовые удары по району Любовка – Краснокутск – Новая Одесса – Козьевка – Качаловка, задействовав для поддержки продвижения наземной группировки до 60 самолетов-бомбардировщиков, тогда как части советского 10-го иак не смогли обеспечить воздушное прикрытие своих войск [1012 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 412.]. В связи с низкой активностью истребительной авиации 2-й ВА и незначительным числом выделяемых для сопровождения самолетов-истребителей в бой с истребителями противника приходилось вступать штурмовикам. Днем 19 августа практически вся ударная авиация ВорФ была направлена на отражение немецкого наступления. Однако активность 2-й ВА фронта ненамного превысила показатели предыдущего дня, составив 510 дневных самолето-вылетов, причем интенсивность работы штурмовой авиации практически не изменилась – 5-й шак совершил 58 самолето-вылетов, а экипажи 291-й штурмовой дивизии выполнили 133 самолето-вылета, нанеся три массированных удара по скоплениям танков противника восточнее и юго-восточнее Ахтырки, в районе Вербовый – Велико-Озерский – совхоз «Ударник» [1013 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 410–411.].

В то же время, как и намечалось советским командованием, действия 40-й и 47-й армий на правом крыле ВорФ создали прямую угрозу тылам германской группировки, наносившей контрудар из района Ахтырки. Соединения 52-го ск генерала Перхоровича, наступавшие при поддержке частей 2-го тк генерала Попова (26-я тбр полковника Петра Пискарева, 99-я тбр подполковника Григория Пузанкова, 58-я мсбр подполковника Евгения Болдырева и 15-й отдельный гв. тп прорыва подполковника Афанасия

Туренкова), в боях 19 августа отбросили сводные боевые группы 57-й и 255-й пехотных дивизий немецкого 52-го ак из района города Лебедина. По свидетельству маршала Москаленко [1014 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 95–96.], 19 августа войска 52-го ск под командованием генерала Франца Перхоровича добились новых успехов: 237-я сд, которой командовал генерал Дьяконов, очистила от противника лес западнее Великого Истороба, вышла к реке Псел и закрепились на рубеже Пашкино – Бишкинь; 309-я сд полковника Дремина, взаимодействовавшая с частями 2-го тк, завязала бои за город Лебедин; 161-я сд генерала Тертышного, успевшая выдвинуться в полосу 52-го ск, овладела юго-западной окраиной Лебедина, а также населенными пунктами Гарбари и Чернецкое.

К исходу 19 августа Лебедин был полностью занят войсками 40-й А, что вынудило германское командование еще поспешнее отводить свои войска на западный берег Псела. Руководство Генерального штаба вооруженных сил Германии отметило, что 19 августа в результате сильных ударов противника на участке фронта немецкого 52-го ак создалось критическое положение [1015 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 340.]. Согласно оперативной сводке штаба ГА «Центр» [1016 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 792. Л. 17.], 48-й тк 4-й ТА группы армий «Юг» отступил на линию Ахтырка – Олешня – Буровка (15 км западнее населенного пункта Олешня), однако в линии фронта на участке 52-го ак остается брешь от Буровки до реки Псел, где противник продвигается через город Лебедин вдоль реки Псел в сторону населенного пункта Веприк (12 км восточнее населенного пункта Гадяч), так что его передовые танковые подразделения уже достигли Веприка.

На левом фланге 40-й А соединения 47-го ск под командованием генерала Афанасия Грязнова, взаимодействуя с частями 10-го тк генерала Алексева (178-я тбр полковника Матвея Шапошникова, 183-я тбр подполковника Матвея Акопова, 186-я тбр подполковника Александра Овсянникова и 11-я мсбр полковника Порфирия Бородкина), прорвали оборону 112-й немецкой пд на реке Боромля, выбили ее части из опорных пунктов в селе Белка и на станции Тростянец и вышли на рубежи: 206-я сд генерала Меркулова – Зубовка – Станова; 100-я сд полковника Цыганкова – Станова – Сосонка. При этом немецкая 112-я дивизия генерала Вутманна, уже ослабленная в боях на Орловском плацдарме, понесла тяжелые потери – в 258-м гп полковника Ганса Вибига (Hans Viebig) осталось 45 солдат и 1 офицер [1017 - См.: Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 264.].

47-я А с 3-м гв. мк, наступая на стыке двух войсковых групп 40-й А и практически не встречая сопротивления, продвинулись до рубежа Тимофеевка – Зубовка, заблокировав дорогу Ахтырка – Лебедин.

Таким образом, к исходу 19 августа войска 40-й и 47-й армий вышли на тылы ахтырской группировки немцев, непосредственно угрожая ее окружением.

Соответственно, планируя свои действия на 20 августа, командование немецкой 4-й ТА уже не могло больше игнорировать угрозу на Гадячском направлении, а также левому флангу и тылу ахтырской группировки, поэтому было вынуждено перебросить 24-й тк из района Ахтырки против советских 40-й и 47-й армий. В распоряжении генерала Неринга

оставались 11-я и 19-я танковые дивизии (фактически дивизионные боевые группы), артиллерийские средства усиления, а также 10-я моторизованная (панцер-гренадерская) дивизия генерала Августа Шмидта (August Schmidt). По некоторым данным [1018 - См.: Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 27, 33; Огненная дуга. С. 554; ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 792. Л. 17.], эта дивизия, понесшая большие потери в боях на Орловском выступе, была пополнена и перебрасывалась из тыла ГА «Центр» на Ахтырское направление собственным автотранспортом, поэтому ее основные силы вступили в бой в районе Котельвы и Пархомовки только 20–21 августа. С другой стороны, штаб 27-й А указывает [1019 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 2.], что части 10-й мд начали прибывать под Ахтырку начиная с 14 августа.

Передислокация частей немецкого 24-го тк была обнаружена уже вечером 19 августа, после чего командование ВорФ поставило командующему 2-й ВА задачу немедленно нанести массированные удары по переправам через Ворсклу в районе Чернетчины, однако из-за наступления темноты в воздух удалось поднять только две группы штурмовиков дивизии полковника Витрука [1020 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 413, 415.].

Естественно, вывод 24-го тк привел к ослаблению контрударной группировки немцев, так что ее возможности успешно продолжать начатое наступление были существенно ограничены, и это немедленно сказалось на развитии ситуации на Ахтырском направлении. В связи со сложившейся оперативной обстановкой, организация боевых действий немецких войск под Ахтыркой с 20 августа оказалась возложена почти исключительно на 48-й тк 8-й А, в состав которого вошли 7-я тд, мд «Великая Германия» с 51-м и 52-м танковыми б-нами, а также дивизия СС «Мертвая голова». Германское командование, видевшее угрозу сходящихся ударов на Ахтырку двух группировок противника: одной – из района Новоселовка – Федоровка – Костев, а другой – с рубежа Новая Одесса – Каплуновка – совхоз «Комсомолец», направило основные усилия на скорейшую ликвидацию выступа, образовавшегося в районе Котельвы, намереваясь 20 августа полностью окружить и уничтожить оборонявшиеся здесь советские войска (71-я и 166-я стрелковые дивизии 27-й А, 4-й и 5-й гвардейские танковые корпуса). Для этого командование 48-го тк подготовило два концентрических удара: один из района Пархомовки на Краснокутск – силами мд «Великая Германия», 51-го и 52-го танковых б-нов; второй из района Константиновки на Любовку, Краснокутск, силами дивизии СС «Мертвая голова». Одновременно 7-я тд продолжала обороняться против советских 1-й танковой и 4-й гвардейской армий, а части прибывающей к фронту 10-й мд должны были наступать на Котельву, которую прикрывал 126-й сп 71-й дивизии 27-й А, оставленный удерживать 16-километровый рубеж Котельва – Лихачевка.

Выполнение этого плана привело к тому, что 20 августа советской стороне пришлось вести тяжелые оборонительные бои в районе Пархомовка – Михайлово – Хухря – Колонтаев – Любовка, тогда как немцы должны были удержать за собой рубеж Ахтырка – Каплуновка, на который наступали 3-й гв. тк, 5, 7 и 8-я гвардейские воздушно-десантные стрелковые дивизии 4-й гв. А, а также 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса и 237-я тбр 31-го тк 1-й ТА. На данном рубеже основная борьба продолжалась вокруг ключевых опорных пунктов немцев в совхозе «Ударник» и селе Каплуновка.

Общую организацию наступления на Ахтырку с северо-востока командование ВорФ возложило на командующего 4-й гв. А генерала Григория Кулика (Григорий Иванович Кулик, Маршал Советского Союза с мая 1940 до февраля 1942 года, когда он был необоснованно разжалован и понижен в звании до генерал-майора в связи с самовольной организацией эвакуации Керчи и Керченского района обороны, после войны осужден по ложному обвинению и расстрелян в августе 1950 года). В первой половине дня 20 августа, когда на всем фронте уже возобновился огневой бой, генерал Кулик выехал на командный пункт 20-го гв. ск и сообщил его командованию, что 1-я танковая и 4-я гвардейская армии получили приказ ликвидировать ахтырскую группировку противника. В связи с этим Кулик поставил генералу Бирюкову задачу в 17 часов перейти в наступление через совхоз «Ударник» (10 км юго-восточнее Ахтырки), организовав взаимодействие с танковыми частями.

Однако, выяснив большие потери корпусов 1-й ТА, переданных в оперативное подчинение 4-й гв. А, генерал Кулик решил разделить их побригадно, чтобы бригады, в свою очередь, частями действовали на разных направлениях совместно со стрелковыми дивизиями в качестве средств усиления пехоты. В результате танковые и механизированные соединения 1-й ТА должны были вести несвойственный им бой мелкими группами, поддерживая на отдельных участках атаки 20-го гв. ск. С другой стороны, противник вел активную оборону аналогичным образом. Согласно донесению маршала Жукова Верховному главнокомандующему о боевых действиях 20 августа на Ахтырском направлении [1021 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 341.], в районе Ахтырка – Каплуновка противник применил следующую тактику оборонительных действий: рассредоточил свои танки за пехотой и противотанковой артиллерией, укрыв их в необстреливаемых местах, и действовал против наступающих частей 4-й гв. А артиллерийско-минометным огнем, авиацией и контратаками пехоты с группами танков от 20 до 30 машин. По свидетельству генерала Гетмана [1022 - Гетман А. Л. Указ. соч. С. 119.], обстановка 20 августа была особенно напряженной – в результате огневого налета противника в районе совхоза «Комсомолец», в 5 км западнее Купьевахи, был смертельно ранен командир 112-й тбр корпуса полковник Михаил Леонов, который перенес свой наблюдательный пункт слишком близко к переднему краю. В боях под Ахтыркой в августе 1943 года обе стороны маневрировали и проводили атаки и контратаки, выходя друг к другу в тыл и на фланги, так что начертание переднего края постоянно менялось, вынуждая полевых командиров перемещать свои наблюдательные пункты.

По воспоминаниям генерала Бирюкова [1023 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 20–21.], после посещения Куликом его командного пункта и дивизии генерала Стенина на подготовку наступления, в котором на направлении главного удара предполагалось задействовать две воздушно-десантные стрелковые дивизии 20-го корпуса и две танковые бригады из состава 3-го гв. тк, осталось всего четыре часа. Командование 4-й гв. А отложило начало атаки до 18 часов, но основные подготовительные мероприятия все равно были осуществлены в спешке – сотрудникам штаба корпуса пришлось сразу же выехать в дивизии и там наносить оперативную обстановку прямо на карты и тем же порядком ставить задачи. В результате штабам не хватило времени на серьезную разведку и на увязку действий с поддерживающими танками, вследствие чего, например, 3-я гв. тбр

гвардии полковника Георгия Антоновича Походзева вступила в бой, не зная обстановки, без артиллерийской и авиационной поддержки, не установив связь с соседом слева.

По информации генерала Вовченко [1024 - Вовченко И. А. Указ. соч. С. 188.], 3-й гв. Котельниковский тк получил задание овладеть совхозами «Ударник» и «Комсомолец», очень важными пунктами на подступах к Ахтырке. Боевой порядок корпуса перед наступлением был выстроен в два эшелона: в первом эшелоне 19-я и 3-я гвардейские танковые бригады полковников Тимофея Позолотина (Герой Советского Союза, погиб через три недели, 9 сентября 1943 года. – П. Б.) и Георгия Походзева (погиб примерно через год, 27 июля 1944 года. – П. Б.), во втором – гвардейские 18-я тбр полковника Даниила Гуменюка и 2-я мсбр майора Ефима Дьячука. После 10-минутной артподготовки, проведенной артиллерийскими средствами танкового корпуса, танки перешли в атаку и, несмотря на бомбоштурмовые удары большой группы немецких пикирующих бомбардировщиков (около 40 машин), разгромили первую линию обороны противника и ворвались в совхоз «Ударник».

В действительности полностью овладеть совхозом 20–21 августа так и не удалось. Генерал Меллентин вспоминает [1025 - Меллентин Ф. В. Указ. соч. С. 292–293.], что 20 августа советский танковый корпус и стрелковая дивизия совершили прорыв немецкой обороны в полосе 48-го тк правее участка, занимаемого мд «Великая Германия». Советское командование предполагало, что основные силы этой дивизии связаны боями в районе Ахтырки, однако генерал*~~sensored~~*нлейн быстро сформировал боевую группу для проведения флангового контрудара. Эта группа в составе танкового и панцер-гренадерского батальонов (всего 20 танков), батареи САУ и разведывательной роты, под общим командованием начальника штаба дивизии подполковника Ольдвиг Натцмера (Oldwig Natzmer), за 12 часов выполнила поставленную задачу – нанесла удар по флангу прорвавшегося противника, причинила ему большие потери и приостановила дальнейшее продвижение русских.

По свидетельству генерала Бирюкова [1026 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 23–25.], главные события вечером 20 августа произошли на правом фланге 20-го гв. ск, где наступала 7-я гв. воздушно-десантная сд под командованием генерала Михаила Микеладзе. Воздушно-десантный гвардейский стрелковый полк дивизии, который вместе с танками атаковал совхоз «Ударник», к ночи ворвался на территорию совхоза, но не успел здесь закрепиться и на рассвете был контратакован противником силами до полка мотопехоты при поддержке 40 единиц бронетехники, включая огнеметные танки (наличие огнеметных танков свидетельствует, что в контратаке принимал участие огнеметный танковый взвод из состава 15-го тп 11-й тд, полком командовал майор Теодор Шиммельманн (Theodor Schimmelmann), так что часть сил 24-го тк генерала Неринга, по-видимому, еще оставалась на левом берегу Ворсклы, принимая участие в оборонительных боях в районе Ахтырки. – П. Б.). Немцам удалось окружить полк десантников в совхозе и рассеять его боевые порядки, командир полка погиб, а бойцы стали мелкими группами прорываться к главным силам дивизии. Бесперебойная связь с полком была прервана, но генерал Микеладзе срочно принял меры по освобождению еще удерживавшихся в совхозе частей из вражеского окружения, для чего установил взаимодействие с командованием 3-го гв. тк и направил к совхозу свой резерв – две батареи противотанковых орудий и

стрелковые подразделения. Потери немцев в боях 20–21 августа за совхоз «Ударник» составили до 300 солдат убитыми, 8 сгоревших танков и самоходное орудие, десятки мотоциклов.

Согласно некоторым данным [1027 - См.: Кузьмичев А. П. Советская гвардия. М.: Воениздат, 1969. С. 130–132.], овладеть совхозом «Ударник» было приказано 29-му гв. воздушно-десантному сп 7-й гв. воздушно-десантной сд, которым командовал гвардии майор Григорий Васильевич Кочетков. Усадьба бывшего совхоза включала три кирпичных здания и до десятка деревянных строений, расположенных у так называемого Каплуновского тракта, в районе группы курганов, именованных «казацки могилы». В ходе ночной атаки подразделения 29-го полка около 2.30 21 августа овладели частью совхоза, однако на рассвете с северо-запада и северо-востока полк атаковали две группы вражеских танков и САУ – 27 и 12 боевых машин, а с востока и юга в совхоз проникли мелкие группы немецкой пехоты. Артиллерийско-минометным огнем и огнем танковых пушек все постройки совхоза, которые служили укрытием, были уничтожены. Собственными полковыми противотанковыми средствами бойцы 29-го гвардейского полка уничтожили и повредили 9 танков и самоходное орудие, но, когда в итоге многочасового боя все противотанковые средства были утрачены, вражеские танки стали безнаказанно «утюжить» позиции разрозненных подразделений полка, расстреливая личный состав из пулеметов. В это же время вражеская пехота стала приближаться к командному пункту полка, расположенному в траншеях на восточной окраине совхоза, и здесь завязалась ожесточенная рукопашная схватка. Траншеи командного пункта продолжали находиться под сильным минометным огнем. Тогда командир полка гвардии майор Кочетков принял решение на вывод полка из окружения, но при попытке организовать прорыв был убит пулеметной очередью, а его тело раздавлено гусеницами немецкого танка. Большинство оставшихся в живых офицеров полка были ранены, а остатки штаба полка оказались в полной изоляции, без связи с батальонами. Полковое знамя на своем теле вынесла из боя старший врач полка, старший лейтенант медицинской службы Марина Ивановна Медведева, которая ползком преодолела 3 км и вышла в расположение советских войск. Только вечером 22 августа, после двухдневного боя, общими усилиями части 7-й и 8-й воздушно-десантных гвардейских стрелковых дивизий прорвали кольцо окружения, и подразделения полка – 723 солдата и офицера – присоединились к своей дивизии.

Одновременно на крайнем левом фланге 20-го гв. ск подразделения 8-й гв. воздушно-десантной сд генерала Стенина продолжали борьбу за село Каплуновка, удерживавшееся частями 7-й тд немцев, командование которой с 20 августа принял генерал Хассо Мантейфель (Hasso-Eckhardt Manteuffel), известный своей приверженностью к ведению маневренных действий бронетанковыми силами.

Генерал Бирюков вспоминает [1028 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 21–23.], что, когда после нескольких часов боя два батальона десантников из состава 25-го гвардейского полка гвардии майора Д. В. Белорусова ворвались в центр села, противник предпринял сильную контратаку – 15 танков и бронетранспортеры с пехотой устремились в обход Каплуновки с юго-запада. Полковая противотанковая батарея 45-мм орудий с расстояния 150–200 м фланговым огнем расстреляла два танка и заставила немцев отступить, но с

приходом темноты они подготовили в районе села танковую засаду. Общая картина боя на фронте дивизии генерала Стенина не радовала, поскольку части дивизии атаквали вяло, а противник упорно держался как в Каплуновке, так и дальше к северу, в районе Чемодановки, где продвижение оставалось незначительным. В сложившейся ситуации командование 20-го корпуса решило ввести в бой второй эшелон – 5-ю гв. воздушно-десантную сд под командованием полковника Василия Ивановича Калинина, два полка которой были направлены в обход Каплуновки с юга. Воздушно-десантный 1-й гв. сп под командованием гвардии подполковника Иллариона Григорьевича Попова к исходу 20 августа прорвался на южные окраины села и перерезал дорогу Каплуновка – Котельва, практически окружив немецкие части, удерживавшиеся в Каплуновке. Другой полк – 16-й – в ночь с 20 на 21 августа произвел маневр по глубокому обходу опорного пункта противника, но встретил упорное сопротивление и был связан боем. Тогда командир полка гвардии майор Федор Михайлович Орехов (погиб в сентябре 1943 года в боях на рубеже Днепра) выдвинул вперед, в направлении совхоза «Пионер», разведывательный отряд численностью до 50 автоматчиков. Пользуясь темнотой, отряд углубился в тыл неприятеля на 6 км, перерезал дорогу, ведущую из совхоза «Пионер» на запад, и уничтожил проходившие по дороге бронетранспортер, автомашину с боеприпасами и мотоцикл. После этого движение по дороге прекратилось, а командование 7-й тд, по видимому, посчитало, что в тыл прорвались значительные силы, поскольку местами немцы стали спешно отходить с переднего края, обтекая стороной совхоз «Пионер» и оставляя группы прикрытия. Инициативные действия маленькой группы переросли в крупный тактический успех на левом фланге 20-го гв. ск – к утру 21 августа противник прекратил борьбу за Каплуновку и очистил этот район.

В связи с информацией о продвижении частей 4-й гв. А в направлении совхоза «Пионер» командующий 27-й А генерал Трофименко немедленно передал указание окруженным частям 166-й сд полковника Светлякова и 93-й тбр подполковника Доропея отходить из района села Хухря к этому совхозу.

Действия 2-й ВА ВорФ 20 августа были подчинены выполнению многочисленных задач командования, поэтому отличались рассредоточением сил в обширном районе от Лебедина до Ахтырки и Котельвы, хотя за день армией было организовано всего 379 боевых вылетов [1029 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 414–415.]. Основные усилия ударных авиационных соединений были сосредоточены на поражении войск противника, большими массами выдвигающихся из района Ахтырки по переправам через Ворсклу к западу, на левый фланг немецкой 4-й ТА. Соответственно, командование немецкого 8-го авиакорпуса направило на прикрытие своих войск большую группу из 18–20 истребителей, которым удалось связать боем несколько советских истребителей прикрытия, прорваться к нарушившим порядок строя при атаке штурмовикам и сбить 11 машин (общие потери 2-й ВА в период с 18 по 20 августа составили 55 самолетов, так что в связи с накоплением потерь и неисправной боевой техники в последующее время с 21 по 23 августа армией выполнялось всего лишь от 220 до 320 дневных самолето-вылетов, хотя за счет активных ночных бомбардировок противника, согласно донесениям командования ВорФ [1030 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 362, 390.], 20 августа экипажи 2-й ВА произвели всего 638 самолето-вылетов, а 23 августа – 433 самолето-вылета) [1031 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 411, 417, 419, 496.].

Вместе с тем, по данным генерала Радзиевского [1032 - См.: Радзиевский А. И. Указ. соч. С. 144.], в период с 18 по 20 августа 1943 года 2-я ВА обеспечивала в среднем по 850 самолето-вылетов ежедневно.

По утверждению советской стороны [1033 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 504.], к исходу дня 20 августа наступление немцев было остановлено на рубеже Каплуновка – восточная окраина Пархомовки – Любовка, так что между частями дивизий «Великая Германия» и «Мертвая голова» по-прежнему оставалось еще около 8 км. При этом в ходе трехдневных ожесточенных боев с 18 по 20 августа противник понес крупные потери – в частности, только войска 27-й А уничтожили 180 танков, 50 орудий, 4 батареи шестиствольных минометов, почти полностью уничтожили до двух полков мотопехоты, а в воздушных боях и зенитной артиллерией было сбито 30 самолетов. Соответственно, 20 августа ахтырская группировка немцев была окончательно обескровлена и потеряла все свои наступательные возможности.

20 августа представитель Ставки маршал Жуков доложил Сталину, что под Ахтыркой противник хотел прорвать фронт, срезать Котельвский выступ и ударить в тыл харьковской группировки, а возможно, одновременно ударом на Тростянец с юго-востока ударить в тыл 40-й и 47-й армий, но до сегодняшнего дня противнику фронт прорвать не удалось, и в районе Ахтырки он перешел к активной обороне; также не удалось немцам срезать Котельвский выступ, так как после предупреждения, поступившего от Верховного главнокомандующего, 71-я сд и части 5-го гв. тк уже отведены в район Пархомовки, а сейчас отводятся один полк 71-й и два полка 166-й стрелковых дивизий с частью сил 4-го гв. тк [1034 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 504–505.].

Согласно боевому донесению командующего войсками ВорФ Верховному главнокомандующему об обстановке к 24 часам 20 августа 1943 года [1035 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 359–362.], с утра 20 августа противник силами танковой дивизии СС «Мертвая голова» перешел в наступление из района северо-восточнее Малой Рублевки и одновременно частями дивизии «Великая Германия» стремился развить успех в южном направлении. В течение дня противник овладел Михайловкой, Котелевкой, Марьинским, Котельвой, Колонтаевом, в районе Пархомовки его атаки успеха не имели.

27-я А на своем правом фланге в течение дня вела бои силами 155-й и 147-й стрелковых дивизий против ахтырской группировки противника в районе Климентова, а также в 3–4 км южнее Вербового, Высокого; части 166-й сд и 93-й отдельной тбр отводятся в район совхоза «Пионер», где переходят к обороне (выходят из окружения. – П. Б.).

4-я гв. А, также ведя бой с ахтырской группировкой противника, двумя стрелковыми дивизиями к исходу дня достигла Опытной Станции, рощи восточнее Мойки, окружив гарнизон противника в Каплуновке (12 танков и до двух рот автоматчиков); 3-й гв. тк около 18.30 перешел в атаку в направлении совхоза «Ударник» и к исходу дня вел бой совместно с пехотой 4-й гв. А за господствующие высоты.

1-я ТА частями 6-го танкового, 3-го механизированного корпусов и одной танковой бригадой 31-го тк к исходу дня вела бой совместно со стрелковыми частями 4-й гв. А за совхоз «Ударник». Армия понесла большие потери в технике.

6-я гв. А частями правого фланга вела напряженные бои с наступающим противником. К исходу 20 августа 4-й гв. тк и 51-я гв. сд 23-го гв. ск 6-й гв. А сдерживали противника на южных окраинах Любовки и восточнее. Части 241-й сд отразили атаку противника силой до роты пехоты, переправившейся на северный берег реки Мерла в районе Олейниково. 5-й гв. тк совместно со стрелковым полком 241-й сд вел бой с противником на рубеже Горковец – роща северо-восточнее Пархомовки – юго-восточная и юго-западная окраины Пархомовки.

Авиационной разведкой в течение дня отмечено движение к рубежу Сумы – Лебедин свыше 1 тыс. машин, в том числе от Конотопа на Ромны – 270, от Ромн на Сумы – 350 и от Галича на Межеричи – 240 автомашин. К рубежу Ахтырка – Опошня за день из глубины подошло до 300 автомашин и 40 танков, и в обратном направлении – до 700 автомашин. Из этого командование фронта сделало вывод, что противник усиливает свою ахтырскую группировку, стягивая в этот район войска с других участков. Активными действиями в районе юго-восточнее Ахтырки противник стремится развить успех вдоль реки Мерла в направлении на Богодухов.

В действительности германское командование спешно усиливало оборону против правого крыла ВорФ, постепенно перебрасывая туда как части 24-го тк, так и различные тыловые и вспомогательные формирования, а также временные боевые группы, составленные из выздоравливающих раненых и солдат, направленных в отпуска или возвращающихся оттуда. Вместе с тем, по утверждению германской стороны, в результате боев 19–20 августа немецким войскам удалось окружить и уничтожить в мешке северо-восточнее Котельвы основные силы 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов, а также ряд стрелковых частей 27-й А. Согласно сводке штаба ГА «Центр» [1036 - ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12462. Д. 796. Л. 3–4.], 4-й гв. тк, а также части 5-го гв. тк, отрезанные в результате атаки дивизии СС «Мертвая голова» и дивизии «Великая Германия», попытались 20 августа прорваться в восточном направлении, но были отброшены на юг, вследствие чего западный берег реки Ворскла не занят противником, 10-я мд в ходе атаки в западном направлении захватила населенный пункт Хухря, а дивизия «Великая Германия» подбила на участке юго-восточнее города Ахтырка 100 танков противника.

Действительно, по некоторым данным [1037 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 418.], 19–20 августа части и соединения 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов понесли тяжелые потери. Так, 4-й гв. тк получил приказ командования фронтом в течение 20 августа сосредоточить основные силы в районе Пархомовки и поступить в оперативное распоряжение 6-й гв. А [1038 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 4.]. Однако, например, 13-я гв. тбр полковника Баукова, две недели назад выбившая немцев из Грайворона, была окружена в Колонтаеве, так что ей требовалось прорываться к Пархомовке. На помощь полковнику Баукову был направлен гвардейский зенитно-артиллерийский полк 4-го гв. тк, который огнем малой зенитной артиллерии помог колонне бригады прорваться через заслоны противника, но сам понес большие потери.

При этом после выхода из окружения 13-я гв. тбр насчитывала 9 танков и 7 САУ. Другой пример – командир 14-й гв. тбр гвардии майор Валентин Печковский, сменивший 16 августа полковника Исаю Михайлова, руководил действиями группы из 6 оставшихся боеготовыми танков, чтобы вывести из окружения остатки одной из колонн корпуса, и потерял в бою все машины (Валентин Миронович Печковский погиб в бою 9 декабря 1943 года в районе города Малина). По-видимому, именно об этих событиях говорит в своих воспоминаниях генерал Вовченко, когда указывает, что в числе операций 3-го гв. тк в районе Ахтырки следует особо выделить ночной удар, благодаря которому бригады корпуса прорвали кольцо окружения и выручили танкистов генерала Полубоярова [1039 - Вовченко И. А. Указ. соч. С. 186.].

Согласно документам 5-го гв. тк, в результате ожесточенных боев советскими войсками к 18 часам 20 августа был оставлен Колонтаев, и противник, наступавший с юга, соединился в районе совхоза «Пионер» со своей северной группировкой, однако части корпуса, насчитывавшие в своем составе 50 танков, прорвались в расположение 6-й гв. А, заняв оборону фронтом на запад.

Д. Гланц и Дж. Хауз также отмечают [1040 - Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 263.], что немецкой группировке, наносившей удар на юго-запад от Ахтырки, удалось установить ненадежный контакт с частями дивизии «Мертвая голова» и 223-й пд 3-го тк, создав неплотное окружение 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов, а также отдельных частей 27-й и 6-й гвардейской армий ВорФ.

Успехи, достигнутые немцами 20 августа, подтверждаются и самим Верховным главнокомандующим Красной армии. Докладывая в ночь на 22 августа обстановку Верховному главнокомандующему, заместитель начальника Генерального штаба генерал Антонов сделал вывод о том, что возможности выйти в тыл харьковской группировки противника ухудшились, потому что командование ВорФ недооценило угрозу контрудара и продвижение наступающих войск фронта продолжалось без достаточного закрепления отвоеванных рубежей и обеспечения флангов. После этого в 3 часа ночи 22 августа 1943 года Сталин направил специальную директиву Ставки командующему ВорФ генералу Ватутину (копия – маршалу Жукову), где указал, что Ватутин не учел опыта прошлого и продолжает повторять старые ошибки как при планировании, так и при ведении операций, стремясь к огульному наступлению всюду и овладению как можно большей территорией, пренебрегая прочным обеспечением флангов ударных группировок, что приводит к распылению сил и средств и дает возможность противнику наносить удары во фланг и тыл советским войскам и громить их по частям [1041 - См.: Документы. Приложение I // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 671–672; Василевский А. М. Указ. соч. С. 292; Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 234–236.]. Сталин отметил, что при таких обстоятельствах противнику удалось выйти на тылы 1-й ТА, находившейся в районе Алексеевка – Ковяги, затем он ударил по открытому флангу соединений 6-й гв. А, вышедших на рубеж Отрада – Вязовая – Панасовка, и, наконец, 20 августа нанес удар из района Ахтырки на юго-восток, по тылам 27-й А, 4-го и 5-го гвардейских танковых корпусов. В результате неоднократно повторяемых недопустимых ошибок советские войска понесли значительные и ничем не оправданные потери, а также было утрачено выгодное положение для разгрома харьковской

группировки противника. В связи со сложившейся обстановкой командованию ВорФ следует не увлекаться задачей охвата Харьковского плацдарма со стороны Полтавы, но сосредоточить все внимание на реальной и конкретной задаче, которой в ближайшее время является ликвидация ахтырской группировки противника.

В 19 часов 22 августа, не получив удовлетворительного ответа от командования ВорФ, другую директиву Сталин направил непосредственно Жукову, указав, что план наступления ВорФ с целью к 20 августа овладеть Ахтыркой явным образом не удался; операция по разгрому харьковской группировки противника также затянулась; Ставке Верховного Главнокомандования неизвестно, по какому плану действуют сейчас Воронежский и Степной фронты [1042 - См.: Документы. Приложение I // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 672–673; Василевский А. М. Указ. соч. С. 292–293.]. Соответственно, Сталин потребовал, чтобы Жуков к исходу 22 августа представил план операции по ликвидации ахтырской группировки противника и овладению плацдармом Ахтырка – Котельва – Колонтаев – Пархомовка, организовав для этого прорыв фронта противника с привлечением основных сил артиллерии и авиации, подобно тому как это было организовано севернее Белгорода. Проведение операции следовало согласовать с прорывом германской обороны на стыке Степного и Юго-Западного фронтов.

Как видно, генерал Ватутин оказался не способен изменить свой оперативный почерк организации наступления – развитие операции путем «веерообразного» нанесения серии необеспеченных ударов по расходящимся направлениям, что предоставляло противнику выгодные возможности для контрударов. В данном случае контрудары германских войск произвели на Сталина такое впечатление, что он потребовал подготовки специальной межфронтной операции. Однако недостаток сил и средств и отсутствие резервов уже не позволяли германскому командованию так же «наказать» Ватутина, как в феврале – марте 1943 года. К 22 августа 1943 года обстановка под Ахтыркой уже существенно изменилась в связи с тем, что 20 августа 40-я и 47-я армии продолжали развивать наступление, а 38-я А закреплялась на реке Псел и отдельными отрядами форсировала реку.

Правофланговые соединения 40-й А перешли к преследованию частей 57-й и 255-й немецких пехотных дивизий, преодолели слабое сопротивление арьергардов противника и в течение дня узким клином продвинулись в юго-западном направлении вдоль реки Псел на 35 км, захватив Веприк силами 99-й танковой и 58-й мотострелковой бригад 2-го тк. С наступлением темноты 161, 237 и 309-я стрелковые дивизии 52-го ск 40-й А приступили к организации обороны по восточному берегу реки Псел на участке Бишкинь – Веприк. Овладев Веприком, советские войска перерезали последнюю дорогу из района Ахтырки на запад, так что для связи с тылом в распоряжении немецкого 24-го тк осталась единственная дорога Ахтырка – Зеньков, ведущая в юго-западном направлении, но Зеньков также находился под прямым ударом группировки 40-й А.

47-я А и две левофланговые дивизии 40-й А весь день 20 августа вели ожесточенные бои с противником, усилившим сопротивление за счет войск, переброшенных из района Ахтырки. К исходу дня 47-я А, продвинувшись на 5—10 км, вышла на рубеж Березовый –

Рассоховатый – Олешня – Сосонка. Войска 47-й А и левофланговые соединения 40-й А почти вплотную подошли к Ахтырке с севера и северо-запада.

По воспоминаниям маршала Москаленко [1043 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 96–97.], в первой половине дня 20 августа наиболее ожесточенное сопротивление было оказано немцами на левом фланге 40-й А, куда они перенацелили также и авиацию. Группами от 20 до 60 самолетов противник несколько часов непрерывно бомбил боевые порядки 100-й и 206-й стрелковых дивизий 47-го корпуса. В полдень 20 августа бомбовый удар был нанесен по штабу 52-го ск, в результате чего оказался выведен из строя узел связи, а через два часа бомбардировке подвергся штаб 206-й сд, из-за чего командир дивизии генерал Меркулов получил контузию, а начальник штаба полковник Николай Ткаченко погиб. Однако все это не улучшило положения немцев. К исходу 20 августа войска 40-й и 47-й армий подошли к Ахтырке с севера и северо-запада, глубоко охватив левый фланг контрударной группировки противника. Одновременно главные силы 40-й А в составе усиленного 52-го стрелкового и 2-го танкового корпусов продолжали успешно наступать вдоль реки Псел все дальше на юго-запад. Все это, вместе взятое, вынудило фашистское командование отказаться от дальнейших наступательных действий в районе Ахтырки и отдать приказ о переходе своей ударной группировки к обороне.

По данным штаба 47-й А [1044 - ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 228. Л. 23–23 об.], спасаясь от окружения своей ахтырской группировки, противник упорно удерживал Чупаховку (22 км юго-восточнее города Лебедина), создавая угрозу левому флангу и тылу 47-й А, что серьезно препятствовало ее дальнейшему продвижению.

Согласно донесению генерала Ватутина [1045 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 359–362.], 20 августа в районах севернее Ахтырки противник с боями отходил за реку Псел и на левом фланге фронта его действия носили характер боевой разведки. Захватом пленных подтверждаются действия 88-й и 75-й пехотных дивизий против 38-й А и остатков 255-й пд против 40-й А.

38-я А частями левого фланга 20 августа вела бои за полное очищение восточного берега реки Псел, заняв Васильевку, Замостье, Пришиб, Жовтневый, Басы, а 38-я сд вышла на окраины города Сумы.

40-я А за день боя частями правого фланга (237, 309, 161-я стрелковые дивизии) продвинулась на 25 км и вышла к реке Псел на участке Пашков – Селище; 2-й тк силами 99-й танковой и 58-й мотострелковой бригад овладел Веприком, где перешел к обороне, а его 26-я тбр овладела Московским Бобриком; на левом фланге части 40-й А овладели населенными пунктами Олешня, Поповка.

47-я А за день боя продвинулась на 12 км и, отразив неоднократные контратаки противника силой до 10–15 танков из района Рассоховатый (Разсоховатый) – Мартыновка, к исходу дня вышла на рубеж Боровенька – Семеновка – Березовый – Рассоховатый – Мартыновка. 3-й гв. мк сосредоточился в районе Рассоховатого, 10-й тк к исходу дня вышел к Олешне.

Стремясь добиться разгрома ахтырской группировки немцев, 20 августа командующий ВорФ поставил войскам фронта следующие задачи на 21 августа [1046 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 510–511.]:

1. 40-й А – прочно закрепиться на рубеже реки Псел на участке Пашков – Веприк, в готовности к дальнейшему наступлению, а 2-му тк перерезать дорогу Ахтырка – Зеньков, для чего выйти в район Камыши и выслать передовые отряды в Зеньков и Веприк для удержания переправ через реки Грунь и Псел.

2. 47-й А – возобновить наступление с утра 21 августа и к исходу дня выйти на рубеж Пашкино – Аленина – Шевченки – Биданы с целью охватить район Ахтырки с запада и юго-запада; 3-му механизированному и 10-му танковому корпусам выйти в район Шевченки – Ясеновое – Чернетчина для нанесения удара по Ахтырке с запада.

3. 27-й А – наступать на Ахтырку с востока и выйти на рубеж Ясеновое – Хухря, завершив во взаимодействии с 47-й армией разгром ахтырской группировки немцев.

4. 4-й гв. А – перейти в наступление с рубежа Веселый Гай – Каплуновка на Котельву и к исходу первого дня, разбив противостоящего противника, выйти на рубеж Хухря – Котельва.

5. 6-й гв. А – прочно удерживать занимаемый рубеж Пархомовка – Любовка – Хрущевая Никитовка – совхоз «Гавриши».

6. 1-й ТА – перейти в наступление и овладеть районом Сидорячье – совхоз «Пионер» – Пархомовка.

С целью упростить управление 40-й армией правифланговая 29-я сд 47-й А передавалась в 40-ю А, а 100-я и 206-я левифланговые стрелковые дивизии 40-й А переходили в подчинение 47-й А. В результате этого обмена 40-я А была целиком сгруппирована правее 47-й А. Для усиления группировки 1-й ТА на Ахтырском направлении 31-й тк был выведен из-под Богодухова, где его позиции заняли стрелковые дивизии 6-й гв. А, и 21 августа сосредоточился в районе Пархомовки.

Под угрозой окружения своих наиболее боеспособных танковых и моторизованных соединений с 21 августа командование немецких 4-й танковой и 8-й полевой армий основные усилия направило на организацию отвода войск, сосредоточенных в междуречье Ворсклы и Мерлы, за Ворсклу. Поэтому ближайшей целью боевых действий 24-го и 48-го танковых корпусов в районе Ахтырки стало связать противника и обеспечить себе отступление.

На фронте советской 4-й гв. А немцы в течение 21–23 августа отступили от Каплуновки, Чемодановки, совхозов «Пионер» и «Ударник», что позволило войскам 20-го гв. ск продвинуться на 6–10 км. По воспоминаниям генерала Бирюкова [1047 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 27, 30.], генерал Микеладзе доложил ему, что с помощью 3-го гв. тк противник отброшен от совхоза «Ударник», а находившийся в окружении 29-й гв. воздушно-десантный сп вышел к главным силам соединения, насчитывая в составе 723

бойца. После этого воздушно-десантные стрелковые дивизии генералов Микеладзе и Стенина получили возможность развить наступление в направлении Хухря – Михайлово, тогда как дивизия генерала Калинина, первоначально продвинувшаяся своим левым флангом значительно западнее Каплуновки, теперь вынуждена была вести встречные бои с частями немецкой 10-й мд на рубеже Сидорячье – Пархомовка. В то же время немецкая 7-я тд отошла и заняла укрепленный район, быстро подготовленный на господствующем над местностью плато в районе Котельвы, а мд «Великая Германия» стала постепенно выводиться в тыл для перегруппировки на наиболее угрожаемое Зеньковское направление (по некоторым данным [1048 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 33.], в частях дивизии к 22 августа еще насчитывалось 80 боеготовых танков).

По оценке генерала Бирюкова [1049 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 30.], в результате четырех дней боев под Ахтыркой 4-й гв. А не удалось добиться разгрома противостоящих вражеских сил, но потери армии при всем желании не назовешь небольшими, особенно в дивизиях генералов Микеладзе и Стенина. Вместе с тем войска 4-й гв. А совместно с 3-м гв. тк уничтожили около 100 вражеских танков и САУ.

Как только в боевых действиях на Ахтырском направлении наступила оперативная пауза, командующий 4-й гв. А генерал Григорий Кулик снял генерала Владимира Стенина с должности командира 8-й гв. воздушно-десантной стрелковой дивизии за то, что тот в течение короткого времени дважды терял управление соединением, один раз – в бою [1050 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 28.] (командование дивизией принял генерал Михаил Андреевич Богданов, а генерал Владимир Филиппович Стенин был назначен командиром 2-й гв. мсбр 3-го гв. тк – вместо полковника Дьячука, затем командовал 68-й гвардейской, 4-й и 134-й стрелковыми дивизиями, а в апреле 1945 года ему было присвоено звание Героя Советского Союза). Однако сам генерал Кулик также недолго оставался на посту командующего армией. По отзывам маршала Жукова [1051 - Жуков Г. К. Указ. соч. С. 477.], в боях в районе Ахтырки особо отличился 20-й гв. ск 4-й гв. А под командованием генерала Николая Бирюкова, а также 7-я гв. воздушно-десантная сд этого корпуса во главе с генералом Михаилом Микеладзе. Напротив, командующий 4-й гв. А генерал Григорий Кулик после боев под Ахтыркой получил строгое предупреждение (от маршала Жукова. – П. Б.), а в сентябре 1943 года был снят с должности и отправлен в распоряжение Главного управления кадров Красной армии за неправильное использование войск армии при ведении боевых действий [1052 - См.: Великая Отечественная: Командармы. Военный биографический словарь. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. С. 119–121.]. Согласно оценке ГШ Красной армии [1053 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 540.], в боях на Ахтырском направлении командующий 4-й гв. А генерал Кулик допустил «раздергивание» переданных в его оперативное подчинение корпусов 1-й ТА, которые были разделены побригадно, а бригады получили задачу действовать совместно со стрелковыми дивизиями на разных направлениях в качестве танкового усиления. По свидетельству генерала Попеля [1054 - Попель Н. К. Указ. соч. С. 215.], генерал Кулик не смог своевременно ввести в бой основные силы 4-й гв. А, причем все вопросы организации взаимодействия 4-й гвардейской и 1-й танковой армий решал его начальник штаба генерал Кузьма Деревянко (в действительности генерал Деревянко в это время являлся начальником штаба 53-й А СтепФ, а штаб 4-й гв. А вплоть до марта 1944 года возглавлял генерал Павел Верхович. – П. Б.). Однако, как следует из воспоминаний

генерала Бирюкова [1055 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 14–31.], главная вина генерала Кулика скорее заключалась в его самостоятельных и нестандартных решениях, что противоречило принятой в Красной армии схеме управления, по которой основной функцией командующего армией являлась организация неукоснительного исполнения распоряжений вышестоящего командования, следуя имеющимся наставлениям, приказам и инструкциям. Вероятнее всего, маршал Жуков сместил бывшего маршала Кулика, разжалованного в 1942 году в генералы, потому что не потерпел самостоятельности подчиненного, который раньше превосходил его по статусу.

Примечательно, что новый командующий 4-й гв. А генерал Алексей Зыгин также пробыл на этом посту очень недолго – он погиб 27 сентября, когда его бронетранспортер съехал с проверенного маршрута и подорвался на очень мощной двухъярусной mine [1056 - Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 53.]. За 11 дней до этого – 16 сентября – также при взрыве мины погиб и командующий 47-й А генерал Павел Корзун.

Согласно боевому донесению командующего войсками ВорФ Верховному главнокомандующему об обстановке к 24 часам 23 августа 1943 года [1057 - ЦАМО РФ. Ф. 203. Оп. 2843. Д. 431. Л. 388–390.], в течение этого дня противник на Зеньковском направлении контратаками пехоты и танков сдерживал наступление частей центра и левого фланга 47-й А; на других участках мелкими подразделениями пехоты вел боевую разведку. Захватом пленных в районе Ивановка – Пархомовка установлен выход в первую линию частей 10-й мд. Авиационной разведкой в течение дня отмечено выдвижение из районов Ромн, Белополья, Гадяча к рубежу Сумы – Межеричи (севернее Лебедина) свыше 250 автомашин и 20 танков; из районов Лохвицы, Миргорода, Кременчуга, Полтавы к рубежу Гадяч – Ахтырка – Опошня – до 1 тыс. автомашин, 125 танков и 35 орудий, в том числе от Лохвицы на Гадяч – 200 автомашин и 90 танков; из Полтавы на Опошню – двумя колоннами 70 автомашин, 20 танков и 35 орудий. Из районов Полтавы, Краснограда к рубежу Колонтаев – Ковяги проследовало свыше 500 автомашин и до 100 танков, из них от Полтавы на Колонтаев – до 25 танков и на Валки – до 200 автомашин с 50 танками. От линии фронта в глубину отмечено движение по всем дорогам мелких колонн автотранспорта.

На основе этих наблюдений советское командование сделало вывод, что противник усиливает свою группировку новыми дивизиями, переброшенными с других участков фронта и из тыла, одновременно продолжая пополнять действующие части, причем основную массу пополнения направляет к рубежу Гадяч – Ахтырка – Опошня.

По донесению Ватутина, войска правого крыла фронта (38-я и 40-я армии) обороняли прежние рубежи по восточному берегу реки Псел, создав плацдарм в районе Жовтневого и Дзержинского. Армии вели разведку противника, на отдельных участках огневой бой и производили инженерные работы. Противник активных действий не предпринимал, ограничиваясь короткими огневыми налетами. 99-я танковая и 58-я мотострелковая бригады 2-го тк отражали контратаки противника в районе Тарасовки, а 169-я и 26-я танковые бригады – в районах Камыши, Гусаровщина, Багуны.

47-я А в центре и на левом фланге вела напряженные бои с контратакующими частями противника. За день боя было отражено до восьми контратак силой до батальона пехоты с танками. К исходу дня армия вела бои на рубеже Морозовщина – Гусаровщина – Карпиловка – Софиевка – Перепуг – Аленина.

Войска 27-й А обороняли прежние рубежи, совершенствуя их в инженерном отношении. 93-я отдельная тбр армии вышла из окружения противника и, насчитывая в своем составе 10 танков Т-34 и 3 танка Т-70, сосредоточилась в районе Старая Рябина.

В положении боевых порядков войск 4-й гв. А за истекший день изменений не произошло, 3-й гв. тк находился в прежних районах, его 2-я гв. мсбр около 18 часов внезапной для противника атакой овладела совхозом «Ударник».

1-я ТА вышла из боевых порядков.

На левом фланге 6-я и 5-я гвардейские армии обороняли прежние рубежи. С рассветом 23 августа противник силами до батальона пехоты с 20 танками и 7 бронемашинами атакой из района юго-западнее Любовки овладел северной окраиной этого населенного пункта, однако последующей контратакой стрелковых частей 51-й гв. сд 23-го гв. ск был отброшен.

В результате осуществления завершающего этапа наступательной операции ВорФ 25 августа советские войска заняли Ахтырку (немецкие войска оставили город в ночь с 24 на 2 августа [1058 - ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 228. Л. 23–24 об.]), а передовые части 40-й А – 29-я сд под командованием полковника Николая Ивановича Иванковского (Николай Михайлович Ивановский) – и 2-й тк 23–25 августа вышли в район Лютеняка – Зенков и к городу Гадяч (юго-западнее Веприка), захватив плацдарм на западном берегу реки Псел.

Войска 4-й гв. А совместно с 3-м гв. Котельниковским тк, усиленные 22-й и 237-й танковыми бригадами 6-го и 31-го танкового корпусов 1-й ТА, четырем иптап, 22-й минбр РГК и штурмовым инженерным батальоном, передовыми отрядами к 26–27 августа вышли на реку Ворскла и завязали бои за овладение узлом сопротивления немцев в районе села Котельва (в это время в Котельве скрывалась жена Сидора Ковпака, одного из главных руководителей партизан, действовавших на территории Украины) [1059 - См.: Бабаджаниян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 89; Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 32, 34–39; Гетман А. Л. Указ. соч. С. 119; Катуков М. Е. Указ. соч. С. 299.]. В связи с отсутствием взаимодействия между стрелковыми и танковыми частями Котельву не получилось взять неожиданным ударом с ходу, вследствие чего бои за опорный пункт в селе и окружающие его узлы сопротивления продолжались 14 суток – до середины сентября. Немецкой 7-й тд и выдвинувшимся к ней на помощь частям дивизии СС «Мертвая голова», использовавшим для обороны рубеж реки Котелевка, временно удалось отрезать в так называемой Котельвинской подкове две воздушно-десантные стрелковые дивизии 20-го гв. ск – 7-ю и 8-ю гв. сд, однако недостаток сил вновь не позволил уничтожить блокированные советские войска (к 25 августа в дивизии СС «Мертвая голова» оставалось от 46 до 55 боеготовых танков и штурмовых орудий, а в 7-й

тд – 17 танков [1060 - См.: Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 264; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 371–372.]).

Стык между внутренними флангами 4-й танковой и 8-й полевой армий германское командование прикрыло сводной боевой группой 11-й и 19-й танковых дивизий 24-го тк, занявшими оборону в районе Бельска (5 сентября советское командование организовало здесь наступление силами трех дивизий 20-го гв. ск, усиленных тринадцатью гаубичными, пушечными, минометными и реактивно-минометными полками, но это не оказалось для немцев неожиданным, и русские встретились с организованным артогнем, контратаками и бомбовыми ударами авиации [1061 - См.: Бирюков Н. И. Указ. соч. С. 39–40.]).

На Зеньковском направлении благодаря контратакам частей 10-й мд и дивизии «Великая Германия», предпринятым 26 и 27 августа, немцам удалось отбросить войска 47-й А назад от Зенькова и сохранить контроль над одной из важных рокадных дорог.

На левом фланге немецкой 4-й ТА части ее 7-го и 52-го армейских корпусов отошли за реку Псел, прикрывая отход арьергардами – мелкими группами пехоты, поддерживаемой отдельными штурмовыми орудиями. Только 75-й пд генерала Бюкеманна удалось контратаками оттеснить войска советской 38-й А и удержать Сумы, но германское командование уже подготавливало эвакуацию этого города. С другой стороны, командование ВорФ приняло решение перебросить 38-ю сд из-под Сум обратно в состав 47-й А, на Гадячское направление, куда это соединение и вышло к 25 августа.

К исходу 27 августа фронт на левом крыле ГА «Юг» стабилизировался и проходил по реке Псел от Бездрика до Веприка и далее по рубежу Мартыновка – Камыши – Грунь – Куземин – Котельва – Колонтаев. Однако итоги контрударов германских войск под Богодуховом и Ахтыркой каждая из противоборствующих сторон оценила по-своему.

Согласно немецким данным [1062 - См.: Лопуховский Л. Указ. соч. С. 562.], в районе южнее Ахтырки была уничтожена часть окруженной группировки советских войск, при этом захвачены 299 танков, 188 орудий, взято около 1800 пленных. С помощью контрударов 4-й ТА и оперативной группе «Кемпф» удалось стабилизировать линию фронта и восстановить непрерывную линию обороны. Вместе с тем общий оперативный замысел командования ГА «Юг» нанести советским войскам крупное поражение, позволяющее коренным образом изменить в свою пользу обстановку в районе Харькова, остался нереализованным. Германскому командованию не удалось организовать одновременное нанесение контрударов по флангам основной группировки войск ВорФ: с севера – через Ахтырку на Краснокутск и Котельву, с юга – на Богодухов.

По оценке ГШ Красной армии [1063 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 85.], незначительные тактические успехи, достигнутые немцами в районе южнее Богодухова и под Ахтыркой, не смогли существенно повлиять на общую обстановку, сложившуюся к 20 августа на Белгородско-Харьковском плацдарме, поэтому все попытки немецкого командования контрударами сорвать наступление советских войск в юго-западном направлении и сохранить в своих руках Харьков провалились. При этом в бесплодных попытках остановить наступление ВорФ

противник понес большие потери: с 11 по 20 августа войска фронта уничтожили 34 600 немецких солдат и офицеров, 521 танк, 530 орудий, 140 минометов, 2327 автомашин, 140 самолетов; за этот же период захватили 1736 пленных, 132 танка, 485 орудий, 60 минометов и много другого военного имущества. Безвозвратные потери в материальной части войск, действовавших в составе 27-й А в период с 18 по 20 августа, оказались следующими: полевых орудий – 31, противотанковых орудий калибра 45 мм – 21, минометов – 74, танков – 67 [1064 - ЦАМО РФ. Ф. 382. Оп. 8378. Д. 253. Л. 4 об.]. Принимая во внимание потери 1-й танковой и 4-й гвардейской армий, это близко к утверждениям германской стороны. Тем не менее, по оценке Г. Колтунова и Б. Соловьева [1065 - Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 341.], предпринятые немцами контрудары на Богодуховском и Ахтырском направлениях не привели к разгрому ударной группировки ВорФ, не оказали существенного влияния на развитие наступления советских войск на Харьковском направлении, не дали и значительного выигрыша времени.

На наш взгляд, исход контрударов обнаружил впервые наметившуюся тогда тенденцию, заключающуюся в том, что при неизбежной на войне необходимости решать сразу несколько оперативных и оперативно-тактических задач, германским танковым и моторизованным соединениям уже не хватало маневренности и боевой мощи для достижения решительного результата. Германское командование не ошиблось со временем и местом нанесения контрударов, тогда как советские военачальники совершили типичные ошибки, характерные при осуществлении глубокого прорыва: рассредоточили ударные силы по фронту наступления, чтобы добиться как можно больших результатов до усиления сопротивления противника; стремясь не потерять темп, допустили действие подвижных танковых и механизированных соединений в отрыве от общевойсковых армий – стрелковых и артиллерийских частей и соединений; не обеспечили закрепление войск на достигнутых рубежах и прикрытие угрожаемых направлений, хотя заблаговременно получили информацию о подготовке контрударов противника.

Однако немцы все-таки не добились крупного успеха, потому что, во-первых, не успевали сосредоточить контрударные группировки в намеченных районах – маневренность германской армии на Восточном фронте оказалась недостаточной для того, чтобы имевшимися подвижными резервами оперативно реагировать на активные действия противника, проводившиеся на широком фронте. Во-вторых, избранная германским командованием оперативная схема проведения контрударов, нацеленная на окружение крупных оперативных групп противника, не предусматривала того, что контрударным группировкам придется самостоятельно решать целый ряд предварительных оперативно-тактических задач: возвращение контроля над коммуникациями; блокирование дальнейшего продвижения советских войск, угрожающего коммуникациям; удержание районов сосредоточения; прикрытие флангов. В-третьих, в составе ударных группировок практически отсутствовали пехотные части, необходимые для закрепления достигнутых успехов и уничтожения окруженных групп противника.

По утверждению участника Курской битвы генерала западногерманской армии Эйке Миддельдорфа (Eike Middeldorf) [1066 - Миддельдорф Э. Указ. соч. С. 52.], распыление

бронетанковых сил недопустимо, поэтому если перед ними ставится ряд боевых задач, то решение их должно осуществляться последовательно, причем очередность выполнения задач в этом случае определяется старшим начальником. Тем не менее прорыв передовых танковых частей русских южнее Богодухова – к линии коммуникаций Харьков – Полтава – спровоцировал командование ГА «Юг» на немедленное введение в бой еще только прибывающих в этот район танковых соединений СС, не ожидая их окончательного сосредоточения. Поэтому немцам с самого начала не удалось сконцентрировать все силы на тех направлениях, которые были решающими для достижения главной цели контрудара – окружения крупных вражеских группировок.

В связи с неполнотой информации теперь вряд ли удастся однозначно решить вопрос, мог ли Манштейн, самый старший начальник, в течение хотя бы нескольких дней игнорировать блокирование коммуникаций харьковской группировки, чтобы все силы создаваемой юго-восточнее Богодухова контрударной группы – три танковые дивизии СС – сосредоточить против фланга противника. В феврале 1943 года он выжидал даже тогда, когда советские войска подошли к Запорожью, угрожая заблокировать основные пути снабжения всей ГА «Юг» (благодаря этому в марте был окружен и полностью разгромлен вышедший к Днепру южнее Запорожья 25-й тк 6-й А ЮЗФ, а командующий корпусом генерал Петр Павлов взят в плен). Возможно, теперь Манштейн учитывал, что русские быстро создают прочную оборону на захваченной территории, и предполагал использовать скорость и внезапность, вводя в бой части по мере прибытия, чтобы противник не успел закрепиться.

С другой стороны, Эйке Миддельдорф отмечает [1067 - Миддельдорф Э. Указ. соч. С. 206, 208.], что во время минувшей войны немецкие войска часто проводили наступление с ходу (встречный бой, прорыв в глубину обороны, преследование, внезапное нападение) и этот вид наступления всегда был характерен для немецкой армии и являлся ее сильной стороной, но способность русских в короткие сроки создавать сильные оборонительные позиции, неоднократно проявлявшаяся во время войны на Востоке, вынуждала отдавать предпочтение наступлению после планомерной подготовки, когда наступлению предшествовало занятие исходного положения и развертывание войск в соответствии с группировкой, определенной планом боя. Поэтому, вероятно, в условиях быстрого и непредсказуемого развития оперативной ситуации, когда у фельдмаршала Манштейна отсутствовала достаточная для принятия обоснованного решения информация о противнике, у него просто не выдержали нервы, уже основательно потрепанные в противостоянии с Красной армией. В своих воспоминаниях, касающихся этих событий, Манштейн не обсуждает каких-либо альтернативных вариантов действий. В любом случае он не решился взять на себя ответственность и несколько дней выжидать с контрударом на Богодуховском направлении, чтобы, по крайней мере, приблизить его по срокам к началу контрудара под Ахтыркой. Тогда 6-я гвардейская и 1-я танковая армии ВорФ уже не смогли бы оказать поддержку войскам 27-й А, а также 4-му и 5-му гвардейским танковым корпусам.

Соответственно, в силу развития обстановки на Богодуховском и Ахтырском направлениях германское армейское и корпусное командование вынуждено было ослаблять ударные силы, разделяя их и выделяя части для решения дополнительных

боевых задач. При этом танковые и моторизованные дивизии, предназначенные для нанесения контрударов, уже были ослаблены предыдущими боями и недоукомплектованы личным составом и техникой, так что выполнить сразу ряд задач оказались не в состоянии.

Отмеченная тенденция проявлялась и в дальнейшем, вплоть до 1945 года. Причем из-за быстрого истощения германской армии в непрерывных боях на Восточном фронте эффект от контрударов неуклонно снижался. Если под Ахтыркой и Богодуховом они еще повлияли на реализацию стратегических наступательных планов советского командования, то в дальнейшем приводили в основном лишь к снижению темпов и увеличению сроков проведения операций Красной армии. В январе 1945 года для достижения оперативных результатов на Будапештском направлении немцы сосредоточили две моторизованные и семь танковых дивизий, сведя пять танковых дивизий в одну ударную группу, но поставленную им задачу деблокировать Будапешт решить опять не удалось, а предпринятые контрудары только ненадолго отсрочили дальнейшее наступление противника [1068 - См.: Баронов О. М. Балатонская оборонительная операция. М.: ООО Изд. центр «Экспринт», 2001. С. 24.]

Таким образом, в августе 1943 года советское командование получило очень опасный для немцев сигнал, что теперь оно может допускать ошибки и неоправданно рисковать, поскольку противник уже не располагает силами и средствами, чтобы серьезно наказать за эти ошибки. Негативные последствия ошибочных действий советских военачальников стали ограничиваться тактическим или оперативно-тактическим уровнем – возрастанием потерь и неудачами при решении частных оперативных задач, но больше не приводили к поражениям крупного оперативного и стратегического масштаба. Русские, в отличие от немцев, очень быстро восприняли этот сигнал, тогда как некоторые германские военачальники до конца войны не хотели признавать реальность и продолжали организовывать неэффективные контрудары недостаточными силами или хотя бы предлагать их в контексте необходимости ведения маневренной войны на Восточном фронте.

Кроме этого, в августе 1943 года советское командование извлекло еще один важный урок – немецкое военное руководство психологически не выдерживает давления на широком фронте и начинает перераспределять силы, чтобы стабилизировать обстановку на наиболее угрожаемых участках и направлениях. Следовательно, наступление, своевременно предпринятое на соседнем участке фронта, с большой вероятностью вынудит германское командование рассредоточить уже собранную для контрудара группировку.

По свидетельству маршала Москаленко [1069 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 102–103, 110.], к 6 сентября передовые отряды соединений 40-й А форсировали реку Грунь и овладели плацдармом до 15 км по фронту и до 15–40 км в глубину к западу от Псела, а 38-я А продвинулась более чем на 20 км и взяла Сумы, но в районе Гадяча и к югу от него немцам удалось остановить наступление 47-й и 52-й армий ВорФ, которым не удалось нанести запланированный удар в направлении на Ромодан – Хорол. На Гадячском направлении в начале сентября продолжались упорные бои за овладение районами

населенных пунктов Московский Бобрик, Веприк, Педоричков. Германское командование все еще рассчитывало удержать часть Левобережной Украины и стремилось для этого разгромить главную группировку ВорФ, по этому вновь, как и в августе, спешно подтянуло крупные силы моторизованной пехоты и танков, на этот раз в район Гадяча, создав угрозу флангового удара по войскам 47-й и 52-й армий, чтобы в дальнейшем, в случае удачи, угрожать также тылам 40-й и 27-й армий. В сложившейся ситуации, по замыслу командования ВорФ, 40-й А опять предстояло нанести удар в юго-западном направлении, во фланг и тыл противника, сорвав планы вражеского командования, направленные против главной группировки войск фронта. Следствием этого должен был стать вынужденный отвод вражеской мотопехоты и танков из района Гадяча и южнее, что, в свою очередь, позволяло ускорить наступление 47-й и 52-й армий. Так оно и произошло в действительности – 13 сентября, после взятия 40-й А города Лохвицы, германское командование, обеспокоенное глубоким проникновением 40-й А в юго-западном направлении, выдвинуло против ее правого фланга 11-ю тд и мд «Великая Германия», ранее предназначавшиеся для нанесения флангового удара из района города Гадяча по войскам 47-й и 52-й армий. Таким образом, немцы были вынуждены отказаться от осуществления намеченного контрудара, чего и добивались русские. Соответственно, в ночь с 11 на 12 сентября, сразу же после ухода германских танковых и моторизованных частей, войска советской 47-й А ворвались в Гадяч и завязали бои за город (тем не менее полностью овладеть городом и железнодорожной станцией Гадяч войскам ВорФ удалось только 25 сентября 1943 года, после ввода здесь в бой 9-й гв. мбр 3-го гв. мк под командованием полковника Павла Горячева. – П. Б.).

В общем, следует признать, что контрудары германских войск под Ахтыркой и Богодуховом не имели того оперативного значения, на которое рассчитывало германское командование, но при этом стоили немцам большого урона, так что их позитивные цели остались неисполненными. Видимо, по этой причине о них практически не упоминает в своих воспоминаниях и фельдмаршал Манштейн. Вместе с тем контрудары достигли важнейшей негативной цели – они лишили советское командование реальной возможности нанести ГА «Юг» решительное поражение и окружить харьковскую группировку немцев.

По мнению Д. Гланца и Дж. Хауза [1070 - Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 261–262.], в результате серии запутанных, яростных и изматывающих боев с ходу, произошедших вокруг Богодухова, фронт немецкой обороны был стабилизирован, а наступательная мощь советских 1-й танковой и 6-й гвардейской армий подорвана. Генерал Сергей Штеменко отмечает [1071 - Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. С. 234.], что в итоге ожесточенных боев 17–20 августа войска ВорФ понесли большие потери, возможности их выхода в тыл харьковской группировки противника уменьшились. Маршал Конев также констатирует [1072 - Конев И. С. Указ. соч. С. 36–37.], что хотя на ВорФ контрудары противника в районе Богодухова и Ахтырки не принесли немцам существенных успехов, однако войска этого фронта в ожесточенных боях 17–20 августа понесли чувствительные потери.

Даже маршал Катукон, который в своих мемуарах старался ничего не говорить о неудачах 1-й ТА, был вынужден упомянуть [1073 - Катукон М. Е. Указ. соч. С. 298.], что под Ахтыркой танкисты вместе с частями 27-й и 4-й гвардейской армий успешно парировали контрудар гитлеровцев, но 1-я ТА понесла такой урон в личном составе и технике, что к 22 августа пришлось вывести в тыл шесть танковых бригад, а 23 августа 6-й танковый и 3-й механизированный корпуса армии были выведены из боевых порядков и сосредоточились в районе Каплуновка – Горковец. Наиболее ослабленные боями части и соединения должны были пройти доукомплектование, хотя 22-я и 237-я танковые бригады 6-го и 31-го танковых корпусов до 28 августа участвовали в наступлении 4-й гв. А на Котельвском направлении.

Вечером 30 августа 6-й тк, передав материальную часть 3-му мк, перешел в оперативное подчинение командования 40-й А и к 5 сентября перегруппировался на 80 км к северозападу – в район Лебедина, для действий на правом крыле ВорФ [1074 - См.: Гетман А. Л. Указ. соч. С. 119.]. 3-й мк, усиленный 237-й и 242-й танковыми бригадами 31-го тк, выведенного из боя, поступил в оперативное распоряжение 6-й гв. А и передислоцировался в район юго-восточнее Краснокутска, где 5 сентября участвовал в наступлении вместе со стрелковыми частями и, продвинувшись на 10–12 км, овладел Слободкой, после чего вновь вышел в резерв [1075 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 89.].

Как видно, после боев под Богодуховом и Ахтыркой 1-я ТА понесла такие потери, что использовать ее в качестве единого оперативного объединения представлялось нецелесообразным, поэтому командование ВорФ поступило точно так же, как и генерал Кулик, только на армейском уровне, – «раздергало» танковую армию по корпусам для непосредственной поддержки наступления стрелковых соединений. Однако ни маршал Жуков, ни ГШ Красной армии не обратили на это никакого внимания, поскольку в данный момент никому из военно-политического руководства не требовалось повода для того, чтобы снять с должности генерала Ватутина (по-видимому, в отличие от Кулика, Ватутин был надежно защищен поддержкой «сверху», со стороны маршала Василевского).

К началу сентября войска ВорФ создали выгодные условия по развертыванию нового наступления как на запад – на Гадяч, так и на юг – на Полтаву, однако сил и средств для этого уже не доставало. Помимо потерь, понесенных войсками ВорФ под Богодуховом и Ахтыркой, серьезный урон потерпели и три армии правого крыла фронта, которые действовали при поддержке двух танковых и механизированного корпусов против пехотных соединений противника. Так, например, средние ежедневные потери войск 47-й А в период с 17 августа по 25 сентября 1943 года, включая приданные ей танковые и механизированные части и соединения, составляли свыше 420 солдат и офицеров убитыми, ранеными и пропавшими без вести, 5 орудий и 3 миномета, 6 танков и САУ, 4 автомашины и 13 лошадей [1076 - ЦАМО РФ. Ф. 402. Оп. 9575. Д. 228. Л. 31–31 об.]. Поэтому, поставив 40-й и 47-й армиям задачу нанести удар в юго-западном направлении (40-й А – с плацдарма на западном берегу Псела, во фланг противнику, обороняющемуся перед 47-й А), генерал Ватутин вынужден был предоставить генералу Москаленко время до 8 сентября для подготовки ударной группы армии в составе 52-го стрелкового и 2-го танкового корпусов, усиленных 6-м тк 1-й ТА (причем, несмотря на подготовку, к 5

сентября материальная часть 6-го тк состояла из 20 танков Т-34 и 32 танков Т-70, так что к началу нового наступления в составе 2-го и 6-го танковых корпусов в целом насчитывалось менее 100 танков [1077 - См.: Гетман А. Л. Указ. соч. С. 121; Москаленко К. С. Указ. соч. С. 108.]

5-я гв. ТА, которая по планам советского командования должна была послужить основной ударной силой для наступления в обход Харькова с запада, то есть непосредственно для окружения харьковской группировки германских войск, также понесла значительные потери в оборонительных боях под Богодуховом. В период с 11 по 20 августа потери танковой армии по личному составу превысили 650 солдат и офицеров, по бронетехнике – 63 танка типа Т-34 и 22 Т-70, по артиллерии – 27 орудий и 5 минометов калибра 120 мм, а также было утрачено 49 автомашин [1078 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 42–43.]

Таким образом, контрудары ГА «Юг» все-таки приостановили наступление советского ВорФ и несколько облегчили немецкой 8-й А решение оперативной задачи по обороне Харькова, позволив сосредоточить основные силы против войск СтепФ.

23 августа в 12.30 командующий войсками СтепФ направил Верховному главнокомандующему телеграмму об освобождении Харькова [1079 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 83–84.]. В результате прорыва 53-й и 5-й гвардейской танковой армиями фронта противника (двух заранее подготовленных оборонительных полос с развитой системой траншей, колючей проволокой, противотанковыми рвами и эскарпами на линии Пересечная – Синелицевка и на линии Старый Люботин – Коротич), а также удара 57-й А на Хорошевском направлении к исходу дня 22 августа правое крыло фронта вышло в тыл города Харькова. В связи с этим успехом 69-й и 7-й гвардейской армиям было приказано с 22.00 22 августа перейти в решительный ночной штурм города Харькова. В результате ночных боев войска СтепФ к 12.00 часам 23 августа полностью овладели городом Харьковом.

По утверждению советских источников [1080 - См.: Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. С. 90; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 349; Конев И. С. Указ. соч. С. 37.], большая часть немецкой группировки, оборонявшей город, была уничтожена, а ее остатки, преследуемые танками и авиацией СтепФ, в панике бежали на юго-запад за реки Мерефа и Мжа, бросив массу боевой техники.

Согласно боевому донесению генерала Конева Верховному главнокомандующему об обстановке к 24 часам 23 августа 1943 года [1081 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 290. Л. 85–86.], войска СтепФ после решительного ночного штурма к 12 часам этого дня полностью овладели городом Харьковом, отбросив противника на южный берег реки Уды. На правом и левом флангах продолжались наступательные бои, в ходе которых были взяты Райеленовка, Песочин (до центра) и Безлюдовка. За 23 августа войска фронта продвинулись на 5—17 км, заняв, кроме города Харькова, еще 59 населенных пунктов, в том числе 14 железнодорожных станций и разъездов.

Соединения 53-й А и 1-го мк во взаимодействии с 5-й гв. ТА, прорвав оборону противника у Старого Люботина, Коротича, вели напряженные наступательные бои, отразив в течение дня неоднократные контратаки пехоты силой до батальона с 15–20 танками каждая с направлений Люботина и лесов юго-западнее Коротича. В районе Старого Люботина установлено присутствие тд СС «Рейх» и 3-й тд.

5-я гв. ТА (18-й танковый и 5-й гв. механизированный корпуса) в течение дня, отразив три контратаки пехоты и танков противника на Коротич, продолжала вести бои южнее и юго-восточнее Коротича. Передовыми частями танковая армия перерезала дорогу Харьков – Мерефа у Покотиловки.

69-я и 7-я гвардейская армии в результате ночного штурма и упорных боев в предместьях города к 12 часам полностью овладели Харьковом и к исходу дня вышли на восточный берег реки Уды на участке Песочин – Елизаровка – Жихорь, далее изгиб реки 1–1,5 км южнее Жихоря.

57-я А на правом фланге овладела Безлюдовкой, в центре и на левом фланге отражала атаки противника силой до двух полков пехоты с 20–40 танками.

ВВС фронта за 23 августа произвели 550 самолето-вылетов на штурмовку, бомбометание и разведку войск противника. Германская авиация за день совершила до 250 самолето-пролетов.

С другой стороны, Эрхард Раус отмечает [1082 - Раус Э. Указ. соч. С. 355.], что 11-й ак в ночь с 23 на 24 августа без всяких проблем отступил от Харькова и занял позиции на высотах западнее города на рубеже реки Мерефа, которые были прикрыты заболоченной низиной, пересекающей все подходы к новой линии обороны.

Для прикрытия отхода войск харьковской группировки командование немецкого 8-го авиакорпуса сосредоточило в районе Харькова три группы истребительной авиации, поэтому во второй половине дня 22 августа действия немецких истребителей здесь значительно активизировались, в результате чего 1-й бак 5-й ВА СтепФ потерял за короткое время 7 самолетов-бомбардировщиков Пе-2, а 1-й шак – 11 самолетов Ил-2 [1083 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 444.].

Манштейн указывает [1084 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 555.], что в то время, как 8-я А эвакуировала Харьков без потерь, 4-я ТА, которая вела тяжелые бои на своем южном фланге, достигла успеха в обороне, вследствие чего был вновь восстановлен, хотя еще и слабый и со многими разрывами, фронт в полосе 8-й полевой и 4-й танковой армий от пункта непосредственно южнее Харькова до района юго-западнее Ахтырки, а широкую брешь на фронте 4-й ТА юго-западнее Ахтырки удалось ликвидировать в конце августа в результате наступления и одновременного выравнивания линии фронта.

Таким образом, с решением судьбы Харькова и Харьковского промышленно-транспортного района формально завершилась наступательная операция Красной армии «Полководец Румянцев», а вместе с ней и Курская битва.

Глава 4. Итоги операции «Полководец Румянцев»

По оценке советской и российской историографии [1085 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 521–522; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 3. С. 293; Россия и СССР в войнах XX века. С. 287.], с падением Харькова германская армия лишилась самого важного устоя своей обороны на советско-германском фронте; советские войска разгромили белгородско-харьковскую группировку немцев, которую германское командование готовило для решительного сражения на южном фланге Курского выступа; в результате ожесточенных наступательных боев войска Воронежского и Степного фронтов принудили к отступлению две мощные немецкие армии, сосредоточенные германским командованием в районе Белгорода и Харькова, и полностью ликвидировали Белгородско-Харьковский стратегический плацдарм противника; ликвидация этого плацдарма позволила армиям Воронежского и Степного фронтов создать угрозу всему южному крылу фронта противника, заняв выгодное положение для освобождения Левобережной Украины и важнейшего промышленного центра – Донбасса. В течение 21 дня Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции (с 3 по 23 августа 1943 года), развивавшейся на фронте протяженностью до 300–400 км, советские войска продвинулись в южном и юго-западном направлении на глубину до 140 км и с боем взяли более 1300 населенных пунктов, в том числе такие города, как Харьков, Белгород, Чугуев, Богодухов, Лебедин. К 23 августа коренным образом изменилась вся обстановка на южном крыле советско-германского фронта, открыв перед Красной армией широкие возможности для развития наступления на запад и лишения противника такой важнейшей базы снабжения, какой являлась Украина для Германии.

Знаменательно, что германская сторона, по существу, не опровергает данные оценки и не приводит доводов, свидетельствующих об ином взгляде на стратегическое и оперативное значение сражения за Белгород и Харьков. Германские военачальники и военные историки в основном обращают внимание на отдельные оперативные и оперативно-тактические аспекты боев на Белгородско-Харьковском плацдарме, отражающие успехи германских войск при ведении обороны и нанесении контрударов, а также промахи в действиях противника, что якобы позволило причинить русским большие потери. Однако даже такое мнение приходится высказывать с теми или иными оговорками, поскольку потери не помешали Красной армии почти немедленно продолжить наступление на широком фронте с целью выхода к Днепру.

Фельдмаршал Манштейн в своих воспоминаниях отмечает [1086 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 555, 556, 558.], что в результате активного использования танковых соединений, переброшенных из Донбасса, к 23 августа удалось временно остановить прорыв противника к Полтаве; был восстановлен фронт в полосе 4-й танковой и 8-й армий; поддерживалась связь между 4-й танковой армией и правым флангом группы армий «Центр». При этом противник понес большие потери, однако уменьшение его боеспособности было примерно таким же, как и у германских войск, – основная масса стрелковых и танковых соединений русских имела 30–50 процентов штатного состава, а небольшое число вновь прибывших дивизий и некоторые танковые и механизированные корпуса – 70–80 процентов штатного состава. Исходя из обстановки следовало сделать

вывод, что при отсутствии подкреплений (не менее двенадцати дивизий) 4-я танковая и 8-я армии не в состоянии долго сдерживать продолжающийся натиск противника в направлении к Днепру, поэтому необходимо немедленно отступить из Донбасса, чтобы высвободить дополнительные силы на фронте группы армий «Юг».

Генерал Меллентин констатирует [1087 - Меллентин Ф. В. Указ. соч. С. 293.], что единственным успехом немецких войск на 160-километровом фронте от Сум до Северского Донца в августе были действия мд «Великая Германия» в районе Ахтырки.

Генерал Раус объясняет отступление из Харькова тем, что, несмотря на блестящие победы в оборонительных боях, дальше на юге события приняли крайне неблагоприятный оборот [1088 - Раус Э. Указ. соч. С. 355.].

Подводя итоги изложенному, в целом следует признать, что, в отличие от Орловской операции Красной армии, Белгородско-Харьковская наступательная операция «Полководец Румянцев» объективно имела крайне важное стратегическое значение. Прежде всего, в результате ее проведения германская армия утратила платформу снабжения и важнейший узел связности своей обороны на южном крыле Восточного фронта – город Харьков. Ведь Харьков являлся не только производственной, ремонтно-технической и снабженческой базой, но также центром рокадных и радиальных шоссе и железнодорожных коммуникаций, в том числе магистральных, предоставляя контроль над сообщениями с Донбассом, Крымом, Кавказом, Поволжьем и Центральной Россией. Поэтому, как отметил Иван Конев [1089 - Конев И. С. Указ. соч. С. 28, 31.] (вслед за Адольфом Гитлером и германской пропагандой), этот город служил воротами, запирающими советским войскам путь на Украину. После его потери германские войска оказались ограничены в свободе маневра силами и средствами по рокадным коммуникациям вдоль линии фронта, а штаб ГА «Юг» должен был перестраивать всю систему оперативных и войсковых транспортных перевозок и снабжения, используя слабо развитую сеть второстепенных коммуникаций низкого качества и малой пропускной способности. В то же время три советских фронта – Воронежский, Степной и Юго-Западный – получили преимущество в подвижности и базу для бесперебойного обеспечения предметами снабжения при ведении боевых действий на территории Левобережной Украины.

Кроме этого, в ходе операции «Полководец Румянцев» советские войска продвинулись в южном и юго-западном направлении до 140 км, расширив фронт наступления до 300 км, и глубоко охватили северный фланг ГА «Юг», создав прямую и непосредственную угрозу окружения ее донбасской группировки. Такой замысел вполне мог быть реализован в связи с результатами Донецкой наступательной операции Юго-Западного и Южного фронтов. В сложившейся ситуации, опасаясь крупного окружения войск южного крыла ГА «Юг», 3 сентября фельдмаршал Манштейн начал санкционированный Гитлером отвод соединений 1-й танковой и 6-й армий примерно на 65 км на запад, на так называемую оборонительную линию «Черепаша» (нем. Schildkröte). Однако 6 сентября оборона 4-й ТА вновь была прорвана силами советского ВорФ, армия оказалась расчленена на три группы, а штаб генерала Гота утратил управление войсками, начавшими стремительно отступать к Днепру, вследствие чего образовался разрыв на стыке групп армий «Центр» и

«Юг» [1090 - См.: Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. С. 318.].

По свидетельству маршала Москаленко [1091 - Москаленко К. С. Указ. соч. С. 109–110.], в начале сентября 1943 года удар 40-й А ВФ разорвал фронт немецкой 4-й ТА в междуречье Псела и Хорола, причем германским войскам, рассеченным здесь на две изолированные группы, так и не удалось вновь соединиться в ходе их дальнейшего отступления вплоть до Днепра, где остатки этих групп переправились на западный берег, но оказались настолько оторванными друг от друга, что фельдмаршалу Манштейну пришлось передать 24-й тк из 4-й ТА в состав действовавшей южнее 8-й А. В условиях возрастающего давления противника на всем фронте ГА «Юг» линия «Черепеха» также была прорвана, и Манштейн добился разрешения Гитлера на общее отступление. С 15 сентября немецкие войска начали отход к новому оборонительному рубежу по линии рек Днепр и Молочная – на участок Восточного вала, проходивший от Утлюкского лимана Азовского моря через горько-соленое Молочное озеро и далее по реке Молочная и среднему течению Днепра. При этом немцам, как и на Орловском плацдарме, пришлось широко использовать тактику «выжженной земли». Такая тактика способствовала успеху отступательного маневра, хотя немецким войскам и не удалось добиться полного уничтожения материальных ресурсов и депортации большей части трудоспособного и пригодного к воинской службе населения Левобережной Украины, что требовал специальный приказ рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера (Heinrich Himmler), согласно которому противник должен был найти действительно тотально сожженную и разрушенную страну. Для решения столь обширной задачи германские войска не располагали ни достаточным количеством личного состава и техники, ни средствами транспорта, ни временем.

Сам Иосиф Сталин в своем радиообращении к советскому народу 3 июля 1941 года, через 10 дней после начала войны Германии против СССР, призвал организовать беспощадную борьбу, чтобы враг не получил ни одной машины, ни одного литра бензина, ни одного куса хлеба [1092 - Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. С. 9—17.]. Сталин требовал уводить скот и увозить зерно, причем то, что нельзя эвакуировать, следовало уничтожить, взорвать мосты и дороги, сжечь леса и склады, создав врагу невыносимые условия. Это была даже не тактика, а настоящая стратегия «выжженной земли», при осуществлении которой советское военно-политическое руководство намного превзошло Гиммлера и Манштейна как в области замысла, так и в плане его практической реализации, тем более что германские войска за недостатком времени и средств не смогли применить тактику «выжженной земли» в полном объеме. Отступая, ГА «Юг» оставила Красной армии 1,6 млн тонн зерна, 2,9 млн голов скота и лошадей (по утверждению П. Кареля [1093 - Карель П. Указ. соч. С. 252.], германские войска оставляли украинским крестьянам зерно и скот, чтобы обеспечить их жизнь до следующего урожая, хотя эти запасы немедленно реквизировались наступающей Красной армией), а также людские резервы – в советские войска было немедленно призвано около 80 тыс. жителей восточных областей Украины [1094 - См.: Кросс Р. Указ. соч. С. 282.]. Манштейн указывает [1095 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 574.], что на реокупированной территории Украины мобилизации в Красную армию подвергались все годные к службе лица

мужского пола в возрасте до 60 лет, а местное население без исключения использовалось на работах военного характера.

С другой стороны, отступление ГА «Юг» на рубеж Днепра было успешно осуществлено не столько благодаря тактике «выжженной земли», сколько из-за ошибок советского командования. Несмотря на все достигнутые результаты, операция «Полководец Румянцев» по плану должна была привести к разгрому северного крыла ГА «Юг», окружению ее харьковской группировки и выходу в тыл германским армиям, удерживавшим Донецкий и Донбасский плацдармы. В итоге уже в августе ГА «Юг» могла понести катастрофическое поражение, что не позволило бы германскому командованию не только завязать борьбу на рубеже Днепра, но, видимо, даже удержать в своих руках до наступления зимы территорию Правобережной Украины. По ряду причин такого развития событий не произошло. Как заметил генерал Попель [1096 - Попель Н. К. Указ. соч. С. 174.], только на картах встретились могучие стрелы германского наступления, вылетевшие из Орла и Белгорода по плану операции «Цитадель». Точно так же лишь на картах Генерального штаба Красной армии сомкнулись вокруг Харькова могучие стрелы наступления советских войск, запланированного в рамках проведения операции «Полководец Румянцев». Одиннадцати общевойсковым и двум танковым армиям Воронежского и Степного фронтов не удалось окружить белгородско-харьковскую группировку противника, которая, по существу, оказалась вытеснена с занимаемых позиций аналогично Орловской группировке немцев. Нереализованным остался план советской Ставки Верховного Главнокомандования перерезать коммуникации северного крыла ГА «Юг» за счет глубокого прорыва танковых объединений в направлении Полтавы. Также не осуществился замысел командования Воронежского и Степного фронтов уничтожить 11-й ак оперативной группы «Кемпф» концентрическими ударами с флангов и фронта, а впоследствии не получилось окружить и ахтырскую группировку противника. Таким образом, обе стороны допустили в этом сражении серьезные оперативные просчеты и ошибки.

Крайне неудачное для немцев начало сражения явно связано с ошибочными решениями фельдмаршала Манштейна, который совершил серьезный просчет при организации обороны северного крыла ГА «Юг», ослабив находящиеся там силы с целью проведения частной наступательной операции на южном крыле, не являвшейся необходимой по условиям обстановки. Это позволило советским войскам в кратчайшие сроки осуществить стремительный и глубокий прорыв в тыл 4-й ТА генерала Гота силами более 1 тыс. танков в составе двух танковых армий и гвардейского танкового корпуса. В результате были ликвидированы все положительные для немцев результаты операции «Цитадель» и уничтожены длительные усилия по подготовке оборонительных рубежей на северном крыле ГА «Юг».

В отличие от Орловской операции, где советские танковые объединения наносили неглубокие удары, в наступлении на Белгородско-Харьковском направлении их удары отличались большой глубиной.

По мнению маршала бронетанковых войск Советского Союза Амазаспа Бабаджаняна [1097 - Бабаджанян А. Х. Указ. соч. С. 127–128.], поскольку 1-я и 5-я гвардейская

танковые армии наступали в одном направлении, этот бронированный меч нанес глубокий рассекающий удар по вражеской противоборствующей группировке, развалил ее на части и дал возможность общевойсковым армиям довершить разгром врага. При этом решение задачи развития успеха наступления зависело от стремительности вклинения танковых масс в глубину обороны противника, что позволяло наносить удары по флангам и тылам вражеских войск, ограничивало маневренные возможности последних, приводило к нарушению устойчивости всей обороны неприятеля, резко изменяя общую обстановку в пользу советских войск.

Как отмечает генерал Радзиевский [1098 - Радзиевский А. И. Указ. соч. С. 114–115.], в Белгородско-Харьковской операции обе танковые армии ВорФ (1-я и 5-я гвардейская) частью сил вступили в сражение в первый день наступления 3 августа на глубине 3–5 км для завершения прорыва главной полосы обороны. Ввод в бой четырех передовых танковых бригад позволил быстро завершить прорыв первой полосы обороны и сохранить главные силы танковых армий для борьбы с ближайшими оперативными резервами противника и для действий в оперативной глубине, поэтому уже к исходу 7 августа танковые армии продвинулись на глубину свыше 100 км и оторвались от стрелковых соединений на 25–40 км.

Вместе с тем на Орловском плацдарме советскому командованию не удалось осуществить глубокий прорыв бронетанковыми силами, главным образом в связи с быстрой переброской на угрожаемые направления танковых соединений противника и условиями местности, хорошо приспособленной немцами к противотанковой обороне. Напротив, на Белгородско-Харьковском направлении войска ВорФ добились глубокого продвижения двух танковых армий по причине отсутствия у германского командования поблизости значительных танковых резервов, а также пользуясь более благоприятной для наступления танков местностью, характер которой не позволял обороняющемуся незначительными силами задержать массу танков с помощью естественных препятствий – условий рельефа, сети тактических водотоков и водоемов, труднопреодолимых лесных массивов. Однако в критический период развития сражения фельдмаршал Манштейн принял верное решение, направленное на кардинальное изменение обстановки и в действительности предопределившее окончательный исход борьбы, хотя это решение не содержало элементов новизны в области оперативного искусства и даже не являлось чем-то новым в сложившихся условиях. Манштейн предпочел действовать по аналогии с собственным замыслом, принесшим германским войскам успех в феврале – марте 1943 года, хотя трудно было рассчитывать, что такой замысел вновь станет неожиданным для противника. По-видимому, фельдмаршал считал, что русские плохо обучаемы и склонны повторять одни и те же ошибки, поэтому в кратчайшие сроки добился передачи в распоряжение ГА «Юг» резервов и немедленно направил на угрожаемое направление уже имевшиеся танковые и моторизованные соединения, которые сосредотачивались к флангам вражеского вклинения.

С другой стороны, отсутствие у германского командования крупных резервов на Белгородско-Харьковском плацдарме, запаздывающее по сравнению с темпом наступления советских войск выдвижение танковых дивизий из Донбасса и с Изюм-Барвенковского направления, а также потери, понесенные в ходе операции «Цитадель», –

все это предопределило стремительное продвижение 1-й и 5-й гвардейской танковых армий ВорФ в глубину обороны противника, быстрое взятие Белгорода, охват томаровско-борисовской группировки немцев, а также успешные наступательные действия 27-й и 40-й армий фронта на Ахтырском и Тростянецко-Боромлянском направлениях. В результате проведения Белгородско-Харьковской наступательной операции Красной армии существенно отличалось от хода Орловской операции. К исходу третьего дня Белгородско-Харьковской операции темп наступления советских войск здесь был уже значительно выше, чем под Орлом. Советским войскам удалось не только прорвать тактическую зону обороны противника, но и быстро продвинуться на большую глубину, упредив подход ближайших оперативных резервов немцев. Мощная подвижная группа ВорФ получила возможность несколько дней действовать в оперативной глубине вражеской обороны, практически не встречая сопротивления.

Неудачу немцев усугубил самообман командования ГА «Юг», которое было уверено, что на фронте 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» противник сможет нанести мощный удар только в конце лета или начале осени, так что его действия вскоре будут ограничены распутицей. Соответственно, сразу же после окончания операции «Цитадель» в танковых соединениях 4-й ТА (6, 7, 11, 19-я танковые дивизии) была проведена строгая инспекция материальной части, а все неисправные боевые машины отправлены в ремонтные мастерские Томаровки, Борисовки, Богодухова, Харькова и других городов и населенных пунктов тыловой зоны. На ремонтных базах в Харькове и Богодухове скопилось такое количество поврежденной бронетехники, что там стало трудно осуществить даже текущее техническое обслуживание и мелкий ремонт боевых машин [1099 - См.: Кросс Р. Указ. соч. С. 265.]. В результате в ходе стремительного продвижения советских войск большая часть этих ремонтных баз и мастерских оказалась потеряна, а находившаяся там техника или уничтожена, или досталась русским. Так бесполезно была утрачена значительная часть ремонтного фонда бронетехники 4-й ТА.

Как видно, начало сражения на Белгородско-Харьковском направлении оказалось для немцев почти катастрофическим и сопровождалось неоправданно большими потерями личного состава и боевой техники. Во многом из-за этого Манштейн впоследствии вынужден был признать [1100 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 546.], что перенапряжение войск нарастало, их силы расходовались все быстрее, причем в особенности это касалось опытных фронтовых солдат и офицеров – к концу августа ГА «Юг» потеряла 7 командиров дивизий, 38 командиров полков и 252 командира батальонов. С ликвидацией Белгородского и Томаровско-Борисовского узлов сопротивления оборона северного крыла ГА «Юг» была полностью разрушена на 80-километровом фронте, что позволило советским войскам развивать операцию как в направлении на юг – на Харьков и Богодухов, так и в западном и юго-западном направлениях – на Боромлю, Тростянец и Ахтырку.

Вместе с тем, пожертвовав частью своих сил – соединениями томаровско-борисовской группировки, которые под угрозой окружения пять дней продолжали удерживать занимаемый район, в свою очередь угрожая тылу советских танковых объединений, немцам удалось замедлить продвижение противника. Благодаря этой задержке через неделю после начала сражения появилась возможность воспрепятствовать успешному

развитию вражеского наступления за счет прибытия танковых и моторизованных дивизий, переброшенных с других участков фронта и группировавшихся для нанесения фланговых контрударов по сходящимся направлениям.

В связи с этим, по мнению маршала Бабаджаняна [1101 - Бабаджанян А. Х. Указ. соч. С. 116.], в первый же день наступления следовало сосредоточить главные силы 1-й и 5-й гвардейской танковых армий на одном направлении и, стремительно развивая успех, выйти навстречу подходящим резервам противника, которые он спешно подтягивал из Донбасса, не дать возможность этим резервам изготовиться для нанесения контрудара и разгромить их по частям. Танковые армии ВорФ и отдельные танковые корпуса должны были не задерживаться у каждого узла сопротивления, но совершить смелый маневр и осуществить решительное проникновение через оперативную зону в глубокий тыл противника. Тогда даже Полтава и другие важные объекты оказались бы в руках советских войск еще в начале августа.

По нашему мнению, данное предложение представляется трудновыполнимым на практике в связи с приведенными выше свидетельствами очевидцев по поводу отсутствия дорожной сети, позволяющей вести две танковые армии вместе в узкой полосе наступления. Даже при организации наступления на соседних участках состояние дорожной сети не позволило обеспечить своевременное выдвижение основных сил 1-й ТА вслед за ее передовым отрядом.

Получив подкрепления и достигнув оперативной внезапности, командование оперативной группы «Кемпф» ввело в бой 3-й тк генерала Брейта с тремя танковыми дивизиями СС, остановив продвижение ударной группы ВорФ – 5-й гвардейской и 1-й танковой армий – и удержав контроль над важнейшей магистральной линией сообщений Харьков – Полтава. При этом наступление дивизий СС «Рейх» и «Викинг» в полосе сосредоточения советской 5-й гв. А генерала Жадова привело к тому, что 5-я гв. ТА генерала Ротмистрова, готовившаяся к боям за Харьков, с 12 до 17 августа вынужденно использовалась в обороне, отражая атаки противника и неся большие потери. Кроме этого, благодаря контрудару дивизий СС «Рейх» и «Мертвая голова» по левому флангу 6-й гв. А генерала Чистякова, организованному 15 августа, данное оперативное объединение Красной армии временно лишилось возможности продолжать успешно начатое наступление в стык 4-й ТА генерала Гота и оперативной группы «Кемпф» (8-й полевой А).

Вынужденная задержка 5-й гв. ТА для ведения обороны в немалой степени повлияла на развитие боевых действий в районе Харькова, нарушив планы командующего СтепФ генерала Конева. Вместе с тем взаимодействие Степного и Воронежского фронтов, наметившееся было в начале операции при выделении сил 5-й гв. ТА для удара по западному флангу 11-го ак противника, оказалось разорвано, поскольку командующий ВорФ генерал Ватутин отказался от решения этой задачи в интересах развития наступления в своей полосе. Согласованная межфронтная операция, по существу, распалась на самостоятельную операцию СтепФ по овладению Харьковом и ряд более или менее связанных между собой операций ВорФ на Богодуховском, Ахтырском и Боромлянском направлениях. Соответственно, в момент кризиса на ВорФ, когда

немедленная передача 5-й гв. ТА СтепФ, что требовал генерал Конев, угрожала исходу межфронтной операции, для урегулирования вопроса между командованием обоих фронтов возникла необходимость личного вмешательства представителя Ставки Верховного Главнокомандования маршала Жукова.

В связи с привлечением к отражению контрудара немецкого 3-го тк дополнительно двух советских оперативных объединений – 5-й танковой и 6-й общевойсковой гвардейских армий – генералам Кемпфу и Брейту так и не удалось решить стратегическую задачу по глубокому прорыву к Богодухову с выходом в тыл Воронежского и на фланг Степного фронтов с целью защитить район Харькова. Несмотря на достигнутые оперативные и тактические успехи, силы немцев, сосредоточенные южнее и юго-восточнее Богодухова, были недостаточны для решения всех поставленных перед 3-м тк задач. Так, из-за необходимости удержать линию коммуникаций Харьков – Полтава контрударная группировка 3-го тк генерала Брейта была по частям втянута в бои на разных участках, не завершив сосредоточения. Причиной такого положения стали ошибки германского Верховного главнокомандования, которому не удалось адекватно сложившейся обстановке перераспределить силы между главными направлениями приложения усилий в полосе групп армий «Центр» и «Юг». В результате ГА «Юг» слишком поздно получила те дивизии из состава ГА «Центр», высвободившиеся после отступления с Орловского плацдарма, которые могли бы в середине августа кардинальным образом повлиять на развитие оперативной ситуации при нанесении контрудара под Богодуховом.

В итоге, несмотря на результативность контрудара, добиться решающего успеха на Богодуховском направлении не получилось, поэтому, чтобы изменить в свою пользу ситуацию к западу от Харькова, командование ГА «Юг» подготовило еще один контрудар под Ахтыркой. Важнейшая задача контрудара под Ахтыркой – разгромить и окружить советскую 27-ю общевойсковую армию и два гвардейских танковых корпуса, чтобы стабилизировать ситуацию к западу от Харькова и воспрепятствовать окружению харьковской группировки немецких войск, – оказалась в целом решена благодаря удачным оперативно-тактическим решениям командиров 24-го и 48-го танковых корпусов и мд «Великая Германия» – генералов Неринга, Кнобельсдорфа и *censored*нлейна. Контрудар вынудил командование ВорФ развернуть на северо-западное направление основные силы 1-й ТА генерала Каткуова, а также ввести в бой из резерва 4-ю гв. А генерала Кулика. В связи с перегруппировками и временным переходом к обороне темпы продвижения Воронежского и Степного фронтов резко снизились, облегчив ГА «Юг» организацию обороны и отступления. По причине понесенных потерь и проигрыша темпа 1-я и 5-я гвардейская танковые армии не смогли воспрепятствовать отходу германских войск от Харькова, что стало одним из важных этапов в организации удачного отступления северного крыла ГА «Юг» за Днепр.

Вместе с тем командование ВорФ, допустившее распыление ударных сил на Ахтырском и Богодуховском направлениях, что позволило противнику нанести войскам фронта значительные потери, упрямо продолжало вести упорную борьбу за инициативу и развернуло наступление армий правого крыла фронта, направленное во фланг ахтырской группировки немцев. В отличие от действий командования ЗапФ в ходе Орловской наступательной операции командование ВорФ своевременно подтянуло свои оперативные

резервы к линии фронта, поэтому перед вводом в сражение 4-я гв. А находилась на удалении 20–25 км в районе Ямное – Яблочное, а 47-я А – в 40–45 км в районе Пушкарное [1102 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 536–537.]. Это позволило использовать части 4-й А для усиления обороны в районе Ахтырки в тот же день, когда противник начал наносить здесь контрудар, тогда как 47-я А без какого-либо промедления утром 17 августа перегруппировалась для наступления совместно с частями 40-й А в юго-западном направлении на Лебедин с целью выйти на тылы ахтырской группировки противника. В результате успешного маневра 40-й и 47-й армий ВорФ и их выхода в район Веприка и Зенькова ахтырская группировка немцев оказалась в полуокружении, так что с 19 августа германское командование вынуждено было постепенно переходить в районе Ахтырки к обороне.

В целом, в отличие от сражения за Орловский выступ, в ходе оборонительных боев на Белгородско-Харьковском направлении командованию ГА «Юг» не удалось вывести из-под удара и сохранить основные силы 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» (8-й А). Германскому командованию также не удалось растянуть по времени отход войск, как это получилось сделать на Орловском плацдарме. Маневр 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» (8-й А) при отходе от Белгорода и Харькова был хуже организован, а на некоторых участках временами представлял просто хаотическое и беспорядочное отступление, сопровождающееся чрезмерными потерями и утратой тяжелого оружия.

В то же время при ведении наступления в оперативной глубине обороны противника войскам ВорФ пришлось последовательно форсировать несколько тактических водных рубежей, заранее подготовленных немцами к обороне, что потребовало использования специальных переправочных средств и привело к снижению темпов наступления. Реки Белка, Мерла и Мерчик могли оказать еще более существенное влияние на развитие сражения и сократить потери германских войск в том случае, если бы командование ГА «Юг» заранее запланировало в качестве одного из вариантов обороны отступление на данные рубежи, как это сделал генерал Модель на Орловском плацдарме, и с этой целью заблаговременно еще более их укрепило.

С другой стороны, харьковская группировка немецких войск – 11-й и 42-й армейские корпуса генералов Рауса и Маттенклотта – все-таки избежала окружения, так что ей удалось отойти в юго-западном направлении, удержав под своим контролем дорогу на Красноград. Несмотря на выход советских войск к западным и южным окраинам Харькова, переброшенные командованием ГА «Юг» резервы смогли приостановить их продвижение, обеспечив относительно организованную эвакуацию Харьковского района. В боях на подступах к Харькову и к западу от него командование ГА «Юг» успешно провело отступление с Белгородско-Харьковского плацдарма, позволившее стабилизировать фронт на возможно более короткой линии и предотвратить удар советских войск во фланг и тыл далеко выдвинутой на восток донбасской группировки.

Кроме этого, контрудары большими силами, организованные объединенным командованием 9-й и 2-й танковой армий группы «Центр» на Хотынецком направлении, не принесли тех результатов, как контрудары ГА «Юг» под Богодуховом и Ахтыркой. Здесь вновь сказался более высокий уровень оперативно-тактического мастерства

корпусных, дивизионных и полковых командиров 4-й танковой и 8-й армий, проявленный ими при решении наступательных задач, а также характерные особенности управления войсками, присущие командованию ВорФ, – наступление «веером» без учета изменения оперативной обстановки и действий противника. Вместе с тем советская Ставка также неадекватно оценивала возможности противника по ходу сражения, поэтому Сталин вначале требовал от ВорФ не распылять сил перед угрозой фланговых контрударов и стремительно двигать танковые армии в прорыв, а затем упрекал в «огульном» наступлении, проводимом без учета угрозы флангам.

В связи с изложенными неоднозначными качественными оценками результатов операции «Полководец Румянцев» особое значение для сравнительного анализа действий сторон в операции имеет соотношение потерь, позволяющее оценить соответствие между затратами и достигнутым результатом.

По данным, которые приводит фельдмаршал Манштейн [1103 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 535, 558.], к 27 августа общие потери ГА «Юг» по личному составу достигли 133 тыс. человек, из которых приблизительно 21 тыс. приходится на операцию «Цитадель». В то же время, по другим сведениям [1104 - См.: Лопуховский Л. Указ. соч. С. 533; Карель П. Указ. соч. С. 238.], с 17 июля по 21 августа 1943 года 1-я ТА группы армий «Юг» потеряла свыше 27 тыс. человек, 6-я полевая А – около 24 тыс., а 4-я ТА и оперативная группа «Кемпф» с 21 по 31 июля понесли потери в количестве около 13 тыс. солдат и офицеров. Отсюда общие потери 4-й ТА и группы «Кемпф» в ходе Белгородско-Харьковской операции Красной армии составляют около 48 тыс. солдат и офицеров.

С другой стороны, потери германских войск в ходе обороны Орловского плацдарма достигли около 14 процентов от общего количества сил, задействованных в сражении (табл. 3, 4). Исходя из этого соотношения потери немцев на Белгородско-Харьковском направлении должны равняться примерно 50 тыс. военнослужащих (табл. 5, 6). Отсюда, учитывая погрешность при определении количества сил, дополнительно привлеченных к боевым действиям уже в ходе сражения, данные о потерях в размере 48–50 тыс. представляются достаточно достоверными.

Тогда общие потери групп армий «Центр» и «Юг» за все время Курской битвы составляют 194 тыс. человек. Это в целом согласуется с данными военного архива Германии и сведениями медицинской службы германских сухопутных войск, по которым людские потери немецких войск, принимавших участие в Курской битве в июле – августе 1943 года, составили от 178 до 184 тыс. человек, а также с информацией, что в результате наступательных операций Красной армии в Курской битве общие потери частей и соединений групп армий «Центр» и «Юг», действовавших на Орловском и Белгородско-Харьковском направлениях, достигли около 114 тыс. солдат и офицеров [1105 - См.: Лопуховский Л. Указ. соч. С. 534; Огненная дуга. С. 252.].

Вместе с тем здесь следует заметить, что общие потери германской стороны в Курской битве в действительности, по-видимому, превышают указанную величину. В частности, принимая во внимание приведенные выше потери войск 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» с 21 по 31 июля, они достигают 207 тыс. человек. Кроме того, все указанные

выше данные о потерях могут быть занижены, поскольку, например, согласно другим источникам информации, потери 6-й полевой армии вермахта в период с 17 июля по 3 августа составили свыше 21 тыс. солдат и офицеров [1106 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 432–433.], а с 13 августа войска этой армии вновь приняли участие в активных боевых действиях, отражая наступление советского ЮФ, так что ее потери до 24 августа, вероятнее всего, превысили указанные выше 24 тыс. человек. Соответственно, по данным В. Золотарева [1107 - См.: Золотарев В. А. Курская битва: взгляд через полвека // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 279–281.], в результате Курской битвы общие потери германской армии по личному составу достигли около 245 тыс. человек, из которых 57,7 тыс. выбыли из строя безвозвратно.

Наряду с этим следует обратить внимание на следующие данные: безвозвратные потери германских сухопутных войск убитыми и пропавшими без вести за июль и август 1943 года на всех фронтах насчитывают 160,5 тыс. солдат и офицеров (115,8 тыс. человек убитыми и 44,7 тыс. пропавшими без вести), тогда как общие потери на Восточном фронте – 474,7 тыс. [1108 - См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 716–717; Огненная дуга. С. 485.] Причем указанную величину общих потерь немцев на Востоке можно получить и расчетным путем, если исходить из того, что, во-первых, основная часть приведенных безвозвратных потерь приходится на советско-германский фронт (предположительно 90 процентов, то есть свыше 144 тыс. военнослужащих, учитывая ограниченный характер боевых действий на юге Европы в данный период), а во-вторых, принимая для немецких войск такое же среднее соотношение числа безвозвратных и санитарных потерь ранеными, как и для советских войск в Курской битве (то есть приблизительно 1:2,3 [1109 - См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 285–287.]). В том случае, если все это соответствует действительности, то приводимые выше потери немцев в Курской битве очень существенно занижены.

В августе 1943 года на центральном направлении советско-германского фронта войсками Западного и левого крыла Калининского фронтов проводилась Смоленская наступательная операция (с 7 августа по 2 октября), а на южном направлении войска Центрального, Воронежского, Степного, Юго-Западного и Южного фронтов решали задачи по овладению Донбассом (Донбасская наступательная операция с 13 августа по 22 сентября) и Левобережной Украиной (Черниговско-Полтавская наступательная операция с 26 августа по 30 сентября) [1110 - См.: История военного искусства. С. 179, 180.]. Следовательно, часть потерь немецких войск приходится на действия в ходе этих операций. Однако вряд ли допустимо, что в августе потери в связи с боями на других участках фронта оказались больше, чем в 50-дневной битве за Курск, Орел, Белгород и Харьков.

Принимая во внимание другие данные германской стороны, согласно которым с июля по октябрь 1943 года убыль личного состава в действующей армии на Восточном фронте составила 911 тыс. военнослужащих [1111 - См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 410.], итоговую величину общих потерь немецких войск в Курской битве можно ориентировочно оценить в размере 350–360 тыс. человек (по мнению Б. Соколова – 360 тыс. [1112 - Соколов Б. В. Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2000. С. 186.]), из которых

безвозвратные потери составляют около одной трети, то есть 100–120 тыс. солдат и офицеров.

С другой стороны, занижение потерь немцами в некоторой степени компенсируется их аналогичным занижением с советской стороны, которая также учитывает свой урон в людях и технике исключительно формально, в рамках тех или иных операций, поэтому не указывает потери, понесенные соответствующими фронтовыми и армейскими частями, соединениями и объединениями вне Курской оборонительной (в период с 5 по 23 июля), а также Орловской (в период с 12 июля по 18 августа) и Белгородско-Харьковской (в период с 3 по 23 августа) операций [1113 - См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 285–287, 485.]. Вследствие этого соотношение потерь сторон в Курской битве можно более или менее точно определить только за периоды времени, наиболее близкие к времени проведения данных операций.

Потери артиллерии, понесенные 4-й ТА и оперативной группой «Кемпф» (8-й полевой А) за время с 3 по 23 августа, можно установить только по косвенным расчетам. Так, в начале сражения группировка германских войск, задействованная в боевых действиях против войск Воронежского и Степного фронтов, проводивших операцию «Полководец Румянцев», имела на вооружении около 3 тыс. орудий и минометов и состояла из 15 пехотных и 4 танковых дивизий (см. выше). Соответственно, на каждую дивизию приходилось в среднем 158 орудий и минометов. По окончании сражения, к 24–25 августа 1943 года, количество артиллерии в некоторых из пехотных и танковых дивизий, которые входили в эту группировку, – 39, 106, 161, 167, 168, 198, 282, 320-я пехотные дивизии, 6-я и 7-я танковые дивизии – составляло в среднем уже по 52,5 орудия в пехотных дивизиях и по 88 орудий – в танковых дивизиях [1114 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 369–376.]. Учитывая, что штатное число орудий и минометов в немецких пехотных соединениях в 1943 году было практически равным друг другу (137 орудий и 138 минометов), а в танковых дивизиях в 1943–1944 годах число минометов составляло примерно одну четвертую часть всей артиллерии (от 54 до 70 минометов и от 222 до 205 орудий) [1115 - См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 426, 427.], в каждом из указанных выше соединений, по-видимому, в среднем должно было оставаться приблизительно 106 стволов: по 105 орудий и минометов в пехотных дивизиях, по 110 – в танковых дивизиях. Таким образом, потери артиллерии в каждом соединении составили около 33 процентов. Поскольку другие соединения из состава указанной группировки также вынесли основную тяжесть оборонительных боев на протяжении всего сражения за Белгородско-Харьковский плацдарм, в том числе вели боевые действия в условиях отступления, можно приближенно считать, что их потери были аналогичными. Следовательно, принимая во внимание корпусную и армейскую артиллерию, безвозвратные потери группировки в артиллерии ориентировочно составили до 35 процентов от первоначального количества в 3 тыс. орудий и минометов, или 1050 стволов.

Вместе с тем по ходу сражения германское командование дополнительно перебросило на Белгородско-Харьковское направление 3 пехотные (112, 223, 355-я), 4 танковые (3-я, «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг»), 2 моторизованные (10-я, «Великая Германия») и 1 кавалерийскую дивизии, а также ряд отдельных танковых, артиллерийских и пехотных частей и подразделений. В танковых дивизиях к 24–25 августа 1943 года в среднем

насчитывалось по 138 орудий [1116 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 372–374.], следовательно, свыше 170 орудий и минометов (около 62 процентов от штатного количества артиллерии). Как видно, прибывавшие на Белгородско-Харьковский плацдарм танковые и моторизованные соединения даже по завершении сражения имели в среднем больше артиллерии, чем соединения 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» в начале наступления советских войск. Танковые и моторизованные дивизии задействовались в боевых действиях на протяжении меньшего времени, не принимали участия в длительном отступлении в условиях преследования со стороны противника, поэтому их потери, в том числе в орудиях и минометах, вероятнее всего, были гораздо меньше 35 процентов. Эти дивизии использовались в основном для ведения активных наступательных действий при нанесении контрударов на Богодуховском и Ахтырском направлениях, так что их безвозвратные потери в артиллерии можно ориентировочно принять равными тем потерям в артиллерии, которые германские войска понесли в ходе операции «Цитадель», – около 8 процентов от первоначального количества (840 из 10,8 тыс. орудий и минометов).

В то же время вновь прибывшие с других участков фронта пехотные и кавалерийская дивизии располагали к моменту завершения сражения несколько меньшей артиллерией, чем та, которая находилась в распоряжении соединений 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» к началу августа. Так, к 24–25 августа 1943 года в составе 223-й и 355-й пехотных дивизий и кавалерийской дивизии СС, переданных 8-й полевой армии, насчитывалось в среднем по 70 орудий [1117 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 372, 375.], следовательно, около 140 орудий и минометов (51 процент от штатной численности артиллерии). Предполагая, что ко времени прибытия на Белгородско-Харьковский плацдарм среднее количество артиллерии в 112-й и 223-й пехотных дивизиях и кавалерийской дивизии СС, уже участвовавших в боях в составе ГА «Центр», было примерно таким же, как и в дивизиях 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» до начала сражения, – приблизительно по 160 орудий и минометов, их безвозвратные потери артиллерии составили около 12–13 процентов. В действительности потери 112-й пд, вероятно, были значительно больше, поскольку она вела тяжелые оборонительные бои на Тростянецком направлении и отступила с занимаемых позиций. Однако потери других соединений могли быть и меньше расчетных. 355-я пд и кавалерийская дивизия СС задействовались в сражении в течение всего четырех-пяти дней с 19–20 по 23 августа 1943 года, а 223-я пд принимала участие в наступлении на Богодуховском направлении вместе с танковыми соединениями.

В связи с изложенным безвозвратные потери артиллерии, находившейся в распоряжении десяти пехотных, танковых, моторизованных и кавалерийской дивизий, переброшенных на Белгородско-Харьковский плацдарм с других участков фронта в период с 3 по 23 августа 1943 года, в среднем должны были составить около 10 процентов от первоначального количества имевшихся в соединениях орудий и минометов. Учитывая, что к 24–25 августа количество артиллерии данных соединений составляло от 51 до 62 процентов штатной положенности, первоначально они располагали артиллерийским парком в размере около 1900 орудий и минометов [1118 - См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 426, 427.], следовательно, безвозвратные потери составили около 190–200 стволов.

Таким образом, в целом безвозвратные потери в артиллерии, понесенные 4-й ТА и оперативной группой «Кемпф» (8-й полевой А) за 21 день, с 3 по 23 августа, ориентировочно достигают 1250 орудий и минометов, или 25–26 процентов от общей величины артиллерийской группировки, задействованной в сражении. Это примерно в 1,5 раза ниже относительного уровня безвозвратных потерь артиллерийских средств, понесенных двумя германскими армиями за 38 дней боев на Орловском плацдарме, – 35 процентов от общего количества орудий и минометов. Вместе с тем, в абсолютных значениях, на Орловском плацдарме германские войска теряли ежедневно 58 орудий и минометов, а на Белгородско-Харьковском плацдарме немногим более – 60 стволов.

Отсюда совокупные безвозвратные потери германской армии по артиллерии, понесенные в ходе Курской битвы, составляют приблизительно $1000 + 2200 + 1250 = 4450$ орудий и минометов (данные о потерях в ходе операции «Цитадель» см. в книге П. Букейханова «Курская битва. Перелом», часть вторая, глава 3). Причем, по данным советской стороны [1119 - См.: Великая Отечественная война 1941–1945. С. 394; История военного искусства. С. 212–213; Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 371; Огненная дуга. С. 485; Русская артиллерия. От Московской Руси до наших дней / Сост. С. Н. Ионин. М.: Вече, 2006. С. 321.], под Курском было уничтожено и захвачено около 3 тыс. самоходных и буксируемых орудий противника, поэтому можно установить, что безвозвратные потери минометного вооружения достигают примерно 1,7 тыс. стволов (около 40 процентов).

Для оценки безвозвратных потерь бронетехники, понесенных частями и соединениями, входившими в состав 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» (8-й полевой А) в период с 3 по 23 августа, можно сопоставить количество танков и САУ, находившихся в их распоряжении до и после участия в боевых действиях на Белгородско-Харьковском плацдарме. К началу сражения группировка германских войск, оборонявшаяся против войск Воронежского и Степного фронтов, насчитывала 400 танков и САУ в распоряжении 6, 7, 11 и 19-й танковых дивизий, двух отдельных танковых батальонов и семи дивизионов/батальонов истребительно-противотанковых и штурмовых орудий, а также еще около 300 боевых машин, находившихся в ремонте (см. выше). Учитывать неисправную технику в данном случае необходимо, поскольку, в отличие от Орловской наступательной операции, в операции на Белгородско-Харьковском направлении советским войскам удалось вначале захватить значительное количество ремонтируемой вражеской бронетехники, что существенно увеличило безвозвратные потери ГА «Юг» в танках и САУ. В ходе сражения германская сторона дополнительно перебросила на Белгородско-Харьковское направление четыре танковые (3-я, «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг») и две моторизованные (10-я, «Великая Германия») дивизии – всего около 700 танков и САУ (с учетом реальной и штатной укомплектованности и пополнения некоторых соединений в августе 1943 года) [1120 - См.: Томзов А. Потери бронетехники группы армий «Юг» в Курской битве. Немецкая бронетехника на Курской дуге. Приложение III // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 824; Москаленко К. С. Указ. соч. С. 87–88, 89; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 371–376.]. При этом ни одна танковая или моторизованная дивизия до окончания сражения не была перебросена отсюда на другой участок фронта. Следовательно, учитывая пополнение бронетехникой, поступившее для 4-й танковой и 8-й полевой армий в августе 1943 года –

102 танка [1121 - См.: Томзов А. Потери бронетехники группы армий «Юг» в Курской битве. Немецкая бронетехника на Курской дуге. Приложение III // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 824.], всего в боевых действиях могло быть использовано приблизительно 1500 германских танков и САУ, хотя к началу сражения примерно 300 из них находились в неисправном состоянии. К 30–31 августа в составе 4-й танковой и 8-й полевой армий оставалось 1058 танков и САУ, в том числе 310 боеготовых [1122 - См.: Томзов А. Потери бронетехники группы армий «Юг» в Курской битве. Немецкая бронетехника на Курской дуге. Приложение III // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 824–825.]. Следовательно, общие потери бронетехники, понесенные 4-й ТА и оперативной группой «Кемпф» (8-й полевой А) с 3 по 23 августа, составляют менее 900 танков и САУ, а безвозвратные – менее 442 танков и САУ. Причем какая-то часть из безвозвратно утраченных немецких танков и САУ была захвачена советскими войсками в ремонтпригодном состоянии на сборных пунктах аварийных машин в Томаровке и Борисовке – по-видимому, от 100 до 200 единиц. По оценке А. Томзова [1123 - См.: Томзов А. Потери бронетехники группы армий «Юг» в Курской битве. Немецкая бронетехника на Курской дуге. Приложение III // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 825.], исходя из убыли материальной части между 1 и 31 августа, безвозвратные потери бронетехники в частях и соединениях ГА «Юг» в ходе августовских боев на Белгородско-Харьковском направлении составили более 390 танков и штурмовых орудий. Учитывая потери 9-й и 2-й танковой армий в результате сражения за Орловский плацдарм – 370 танков и САУ (табл. 3, 4), безвозвратные потери 4-й танковой и 8-й полевой армий в размере 390–400 боевых машин согласуются с данными генерала Мюллер-Гиллебранда, согласно которым за август 1943 года на всех фронтах германскими войсками было утрачено 809 танков и САУ [1124 - См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 728–729.].

Отсюда совокупные безвозвратные потери германской армии по бронетехнике, понесенные в ходе Курской битвы, составляют приблизительно $500 + 370 + 400 = 1270$ танков и САУ (данные о потерях в ходе операции «Цитадель» см. в книге П. Букейханова «Курская битва. Перелом», часть вторая, глава 3), что хорошо согласуется с данными В. Золотарева [1125 - См.: Золотарев В. А. Курская битва: взгляд через полвека... С. 279–281.], согласно которым безвозвратные потери германской армии по бронетехнике в Курской битве составили до 1300 танков и САУ.

Относительно урона, понесенного 4-м ВФ немцев, В. Горбач приводит в своей работе ориентировочную оценку [1126 - Горбач В. Указ. соч. С. 448.], согласно которой в период с 3 по 23 августа безвозвратные потери 8-го авиакорпуса в полосе Воронежского и Степного фронтов составили около 120–140 самолетов, а примерно еще 70 машин получили повреждения. Однако, по нашему мнению, данная оценка несколько занижена. Учитывая общую величину авиационной группировки, задействованной немцами для поддержки войск 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» (8-й полевой А) в августе 1943 года (около 1 тыс. самолетов), а также характерное в то время для германской авиации соотношение между размером авиационной группировки и количеством уничтоженных из ее состава самолетов – примерно 1:4 (см. главу 1.8), можно предположить, что потери 8-го авиакорпуса достигли свыше 200 машин. Поскольку самолеты, вначале отнесенные в сводках о потерях к поврежденным, впоследствии зачастую списывались, то, вероятнее

всего, близкой к реальным безвозвратным потерям 8-го авиакорпуса будет суммарное количество уничтоженных и тяжело поврежденных машин, равное в среднем 200 самолетов.

Тогда совокупные безвозвратные потери германской армии по авиации, понесенные в ходе Курской битвы, составляют приблизительно $450 + 310 + 200 = 960$ боевых самолетов (данные о потерях в ходе операции «Цитадель» см. в книге П. Букейханова «Курская битва. Перелом», часть вторая, глава 3). Это согласуется с приводимыми Б. Соколовым данными Германского военного архива во Фрайбурге (Bundes Archiv-Militar Archiv, Freiburg (ВА-МА), согласно которым в июле и августе 1943 года безвозвратные потери германской авиации на Восточном фронте составили 1030 боевых самолетов, а также с информацией штаба ВВС Великобритании по разведке, определившего общие потери немецких военно-воздушных сил на Востоке за этот же период по данным министерства авиации Германии в размере 1696 самолетов [1127 - См.: Подлинная история люфтваффе. Взлет и падение детища Геринга / Пер. с англ. П. Смирнова. М.: Язуза; Эксмо, 2006. С. 329; Соколов Б. В. Тайны Второй мировой. С. 186.].

Соответственно, потери германских войск в сражении за Белгородско-Харьковский плацдарм (в ходе Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции Красной армии) составляют: общие потери личного состава – 48 тыс. солдат и офицеров, безвозвратные потери боевой техники – 1250 орудий и минометов, 400 танков и САУ, 200 боевых самолетов.

Для сравнения, по советским данным [1128 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 90; Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 492, 505, 521; Ротмистров П. А. Указ. соч. С. 231; Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 197.], в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции 1-я ТА ВорФ уничтожила 26 760 солдат и офицеров противника, уничтожила и подбила 509 вражеских танков, бронемашин и бронетранспортеров, 590 орудий и минометов, 92 самолета и бронепоезд, ее части взяли в плен 1200 солдат и офицеров, захватили 62 танка и бронемашин, 64 орудия и миномета, 191 пулемет, 5 самолетов и 44 различных склада; 5-я гв. ТА за время наступательной операции на Белгородско-Харьковском направлении нанесла противнику примерно такой же урон в боевой технике, уничтожив 413 танков, 37 самоходных орудий, 70 бронемашин, 245 орудий разного калибра, 200 минометов, 695 автомашин, а также причинила значительные потери в живой силе – только убитыми 6870 солдат и офицеров; 69-я А СтепФ в период боев под Харьковом, с 11 по 23 августа, уничтожила и взяла в плен около 22 тыс. немецких солдат и офицеров, уничтожила и захватила 249 орудий, 900 пулеметов, 78 танков, 340 автомашин; в боях с 3 по 20 августа против войск ВорФ противник потерял более 84 тыс. солдат и офицеров убитыми и ранеными, более 5,4 тыс. пленными, было уничтожено 530 немецких орудий и 140 минометов, 521 танк, 2327 автомашин, 140 самолетов, захвачено 452 танка, 1009 орудий, 60 минометов, 850 пулеметов, 1830 автомашин, 40 самолетов; за время Белгородско-Харьковской операции в воздушных боях и на аэродромах было уничтожено 800 вражеских самолетов.

Согласно официальной российской военной историографии [1129 - См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 287, 485.], потери советских войск в Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции «Полководец Румянцев» составляют: общие потери личного состава – свыше 255,5 тыс. солдат и офицеров (из них около 71,6 тыс. – безвозвратные, а немногим менее 184 тыс. – санитарные); безвозвратные потери боевой техники – 423 орудия и миномета, 1864 танка и САУ, 153 боевых самолета; наибольшие людские потери понесли войска ВорФ (всего более 157 тыс. человек). Соглашаясь с этими данными в целом, следует обратить внимание, что потери авиации все-таки явно занижены, причем даже не учитывая потери 17-й ВА ЮЗФ, привлекавшейся к поддержке наступления Воронежского и Степного фронтов на Белгородско-Харьковском направлении. По данным В. Горбача [1130 - Горбач В. Указ. соч. С. 447.], за 21 день проведения операции «Полководец Румянцев» безвозвратные потери 2-й и 5-й воздушных армий составили 343 и 230 самолетов соответственно – всего 573 машины, хотя их общие потери были гораздо больше, в частности, во 2-й ВА еще около 107 самолетов числились как сданные в ремонт. Достоверность такой оценки подтверждается тем, что при ней соблюдается характерное в то время для советской авиации соотношение между количеством потерянных самолетов и общей величиной авиационной группировки, задействованной в операции (573 против 1,5–1,7 тыс. самолетов (без учета 17-й ВА), соотношение от 1:2,6 до 1:3), которое оказывается практически тем же и для Курской оборонительной и Орловской наступательной операций (см. выше часть первая, глава 5, а также см. в книге П. Букейханова «Курская битва. Перелом», часть вторая, глава 3).

Таким образом, совокупные потери Красной армии в людях и боевой технике, понесенные в ходе Курской битвы, составляют: общие потери по личному составу – $224 + 430 + 255,5 = 909,5$ тыс. солдат и офицеров (из них 269,2 тыс. безвозвратные, а 640,3 тыс. – санитарные), безвозвратные потери боевой техники – $3930 + 892 + 423 = 5245$ орудий и минометов, $2100 + 2586 + 1864 = 6550$ танков и САУ, $1000 + 1014 + 573 = 2587$ боевых самолетов (данные о потерях в ходе операции «Цитадель» см. в книге П. Букейханова «Курская битва. Перелом», часть вторая, глава 3).

Исходя из этого соотношение потерь германской и советской сторон, понесенных ими в ходе борьбы за Белгородско-Харьковский плацдарм в августе 1943 года, составляет: 1:5,3 по личному составу, 3:1 по артиллерии, 1:4,7 по бронетехнике, 1:2,9 по самолетам – все, за исключением артиллерии, в пользу германской стороны.

Как следует из приведенных данных, по абсолютному и относительному уровню понесенных затрат операция Красной армии «Полководец Румянцев» оказалась гораздо успешнее операции «Кутузов». Следовательно, стратегические результаты были достигнуты ценой меньших потерь людей и боевой техники.

В свою очередь, соотношение потерь показывает, что на Белгородско-Харьковском направлении имела место та же ситуация, что и при сражении за Орловский плацдарм. Немцы понесли большие потери в артиллерии, а русские пожертвовали личным составом и бронетехникой. Генерал Меллентин замечает [1131 - Меллентин Ф. В. Указ. соч. С. 305.], что с германской стороны основную тяжесть боя выносили на своих плечах артиллерия и танки. Вместе с тем соотношение потерь советской и германской авиации не

отражает отношения сил в воздухе, поскольку число уничтоженных советских самолетов, приходящихся на один потерянный немцами, приблизительно в два раза больше, чем преимущество советской стороны в боевых машинах. Поскольку соотношение по величине авиационных группировок, задействованных в сражении за Белгород и Харьков, было наименее выгодным для советской стороны, если рассматривать все три операции Курской битвы, то следует сделать вывод, что чем большие силы авиации сосредотачивало германское командование на определенном направлении и, соответственно, чем меньше было здесь превосходство советских военно-воздушных сил, тем большие потери несли советские пилоты и экипажи от воздействия противника.

Более обоснованный сравнительный анализ возможен на основе расчета критериев результативности оборонительных и наступательных действий германских и советских войск в сражении за Белгородско-Харьковский плацдарм в ходе проведения Красной армией операции «Полководец Румянцев» / Белгородско-Харьковской стратегической наступательной операции (табл. 5, 6). При этом для того, чтобы относительно объективно оценить боевое мастерство сторон, проявленное ими в сражении, необходимо вначале установить основные изменения боевого и численного состава войск, вовлеченных в бои на плацдарме.

С советской стороны в ходе наступления по плану операции «Полководец Румянцев» на ВорФ были дополнительно введены в сражение 4-я гв. А с 3-м гв. тк, 47-я А с 3-м гв. мк, а на СтепФ – 57-я А: всего около 263 тыс. солдат и офицеров, 8,9 тыс. орудий и минометов, свыше 400 танков и САУ [1132 - См.: Огненная дуга. С. 597; Россия и СССР в войнах XX века. С. 287.].

С германской стороны на Белгородско-Харьковское направление за время сражения дополнительно прибыло 10 дивизий [1133 - К 20–22 августа 1943 года в полосу группы армий «Юг» была также переброшена 34-я пд из состава 9-й А группы «Центр», однако в боевых действиях на Белгородско-Харьковском направлении это соединение участия не принимало, поскольку части дивизии только к 26–27 августа сосредоточились в районе севернее Зенькова, на участке обороны 4-й ТА. (Примеч. авт.)]: с 3 по 23 августа в полосу 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» (8-й полевой А) были переброшены 3 пехотные (112, 223 и 355-я – прибыли из групп армий «Центр», «Север» и «А» соответственно), 4 танковые (3-я, «Рейх», «Мертвая голова», «Викинг» – прибыли с южного крыла ГА «Юг»), 2 моторизованные (10-я, «Великая Германия» – прибыли из ГА «Центр») и 1 кавалерийская (кавалерийская дивизия СС – прибыла из ГА «Центр») дивизии, а также ряд отдельных танковых, артиллерийских и пехотных частей и подразделений – всего около 60 тыс. солдат и офицеров, до 1,9 тыс. орудий и минометов, приблизительно 700 танков и САУ (с учетом реальной и штатной укомплектованности) [1134 - См.: Томзов А. Потери бронетехники группы армий «Юг» в Курской битве. Немецкая бронетехника на Курской дуге. Приложение III // Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 824; Катуков М. Е. Указ. соч. С. 289–290; Москаленко К. С. Указ. соч. С. 87–88, 89; Мюллер-Гиллебранд Б. Указ. соч. С. 788, 790; Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 371–376.].

Принимая во внимание имеющиеся сведения о восполнении сил и средств, изложенное выше позволяет произвести следующие расчеты (табл. 5, 6) [1135 - С учетом сил и средств, дополнительно привлеченных в ходе операции, а также восполнения войск личным составом и боевой техникой (см.: Огненная дуга. С. 596–597)]. При расчетах предполагалось равномерное распределение восполнения сил и средств между группами армий «Центр» и «Юг», а также между советскими фронтами, участвовавшими в проведении Орловской и Белгородско-Харьковской стратегических наступательных операций Курской битвы. (Примеч. авт.).

ОПЕРАЦИЯ	Параметры и коэффициенты	Оборона			
		Германия и союзники			
Операция «Полководец Румянцеv» / Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция	Геометрия операции, Км	глубина обороны, L _o		протяженность фронта обороны,	
		90		300	
		средняя глубина тактической зоны обороны L _{то}			
		18			
	Кнфо				
	Кнго				
	Кпто				
	Кго				
	Период времени, суток	время преодоления обороны, T _o			
		5*			
	Кв				
	Привлечено сил и средств, тыс.	ЛСо	ОМо	ТСо	Со
		360	4,9	1,5	2,0*
	Ксс				
	Потери сил и средств, тыс.	ПЛСо	ПОМо	ПТСо	ПСо
48		1,25	0,4	0,2	
Кпсс					
КРД(Н)					

ОПЕРАЦИЯ	Параметры и коэффициенты	Оборона			
		Германия и союзники			
Операция «Полководец Румянец» / Белгородско-Харьковская стратегическая наступательная операция	Геометрия операции, км	глубина обороны, L_o		протяженность фронта обороны, S_o	
		90		300	
		средняя глубина тактической зоны обороны $L_{то}$			
		18			
	Кнфо				
	Кнго				
	Кпто				
	Кго				
	Период времени, суток	время преодоления обороны, T_o			
		5*			
	Кв				
	Привлечено сил и средств, тыс.	ЛСо	ОМо	ТСо	Со
		360	4,9	1,5	2,0*
	Ксс				
	Потери сил и средств, тыс.	ПЛСо	ПОМо	ПТСо	ПСо
48		1,25	0,4	0,2	
Кпсс					
КРД(О)					

Как показывает соответствующий индикатор, результативность наступательных действий советских войск в ходе операции «Полководец Румянцев» в целом оказалась немногим ниже (в 1,4 раза), чем у германских войск в ходе операции «Цитадель», в сравнении с ударными группировками 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» группы армий «Юг» вермахта, наиболее удачно действовавшими на южном фланге Курского выступа (9,13 против 12,43, данные по результатам операции «Цитадель» см. в книге П. Букейханова «Курская битва. Перелом», часть вторая, глава 3). По-видимому, это прежде всего связано с подавляющим превосходством в силах и неблагоприятным соотношением потерь, хотя среднесуточный темп наступления войск ударной группировки ВорФ составил около 7 км, что в 1,8 раза больше темпа наступления немцев на южном фланге выступа в ходе операции «Цитадель» – около 4 км. По результативности своего наступления на Белгородско-Харьковском направлении Воронежский и Степной фронты почти в 6 раз превосходили войска Западного, Брянского и Центрального фронтов в их действиях на Орловском направлении (9,13 против 1,54).

Достигнутые успехи прежде всего объясняются фактором внезапности действий советского командования, которому удалось застигнуть противника врасплох и воспользоваться ослаблением германской обороны на Белгородско-Харьковском направлении, а также отсутствием здесь оперативных резервов неприятеля в начале сражения. Кроме того, при подготовке операции «Полководец Румянцев» командование советских Воронежского и Степного фронтов повысило оперативную плотность сосредоточения ударных сил и средств. В сравнении с оперативной плотностью ударных группировок двух армейских объединений ГА «Юг», достигнутой немцами в операции «Цитадель» (3–4 тыс. солдат и офицеров, 50–60 орудий и минометов, 40 танков и САУ на километр фронта, см. в книге П. Букейханова «Курская битва. Перелом», часть первая, глава 1), на участке прорыва 5-й гв. А ВорФ была создана примерно такая же плотность сил личного состава, но вчетверо большая плотность артиллерийских средств и в 2 раза большая плотность бронетехники. На участке прорыва 53-й А СтепФ плотность бронетехники оказалась такой же, как у немцев, но плотность личного состава была выше в 1,5 раза, а плотность артиллерии – в 5–6 раз.

Сравнительно с оперативной плотностью ударной группировки 11-й гв. А ЗапФ (10 тыс. солдат и офицеров, 220 орудий и минометов, 40 танков и САУ на километр фронта – см. часть первая, глава 2), 5-я гвардейская и 53-я армии создали на своих участках прорыва в

1,5–2 раза меньшую плотность сил личного состава, но 53-я А достигла на треть большей плотности по артиллерии, а 5-я гв. А – в 2 раза большей плотности по бронетехнике.

Таким образом, оперативная плотность сил и средств Воронежского и Степного фронтов, достигнутая на главных участках прорыва в операции «Полководец Румянцев», по основным параметрам превышала оперативную плотность немецких ударных группировок ГА «Юг» в операции «Цитадель», а также превосходила плотность артиллерии и бронетехники, созданную на участке прорыва 11-й гв. А ЗапФ в операции «Кутузов».

Благодаря созданию многократного превосходства над противником в силах и средствах в начале сражения советская сторона в течение первой недели боевых действий добилась основных успехов, которые и определили окончательный благоприятный исход операции «Полководец Румянцев». Подавляющее преимущество русских в боевой технике ограничило для немцев возможности эффективно противодействовать вражескому наступлению за счет более высокого уровня своего боевого мастерства. Однако по мере развития сражения ударные силы Воронежского и Степного фронтов рассредотачивались на все более широком фронте, тогда как германская сторона получала подкрепления. Вместе с изменением соотношения оперативной плотности сил и средств на главных направлениях изменился и характер боевых действий. Продвижение советских войск сначала замедлилось, а затем они сами вынуждены были перейти к маневренной и позиционной обороне. При этом в полной мере сказалось превосходство немцев в тактическом боевом мастерстве, что отразилось в потерях – среднесуточные потери Воронежского и Степного фронтов в операции «Полководец Румянцев» незначительно превышают аналогичные потери Западного, Брянского и Центрального фронтов в операции «Кутузов» по личному составу и самолетам, так же незначительно уступают им по артиллерии, но довольно существенно выше по бронетехнике – в 1,3 раза (89 против 68 танков и САУ). Это объясняется спецификой оперативной ситуации – на Воронежском и Степном фронтах войска были вынуждены с ходу отражать контрудары элитных танковых и моторизованных соединений противника. В случае возникновения аналогичной ситуации в сражении на Орловском плацдарме потери бронетанковых и механизированных войск Западного, Брянского и Центрального фронтов оказались бы существенно выше.

В итоге в связи с выравниванием крайне неблагоприятного для германских войск исходного соотношения сил и средств сторон сопротивление немцев резко усилилось, после чего все большее влияние на ход и результаты боевых действий в сражении стали оказывать уже отмечавшиеся типичные ошибки и недостатки, характерные для определенных сторон боевой работы советских войск.

Учитывая изложенное, если характеризовать положительные и отрицательные стороны применения родов войск Красной армии в наступлении на Белгородско-Харьковском направлении, то следует отметить использование артиллерии, поскольку в операции «Полководец Румянцев» она явилась основным средством прорыва обороны противника. Причем последовательное начало наступления войск ВорФ на разных участках позволило по очереди перебрасывать туда артиллерию усиления и в то же время затруднило

противнику маневр силами для отражения главного удара. Так, после успешного осуществления 3 августа прорыва на фронте 6-й и 5-й гвардейских армий командование ВорФ произвело маневр артиллерийскими средствами, перебросив значительную часть артиллерии усиления на участок 27-й А, и 5 августа она была задействована в подготовке успешного наступления армейской ударной группы.

Тем не менее быстрое развитие наступления и недостаток транспортных средств привели к тому, что основная масса армейской и приданной артиллерии усиления отстала не только от танковых и механизированных соединений танковых армий и корпусов, но и от войск первого эшелона общевойсковых оперативных объединений. В результате, когда СтепФ оказался перед необходимостью прорывать заранее подготовленную позиционную оборону противника на подступах к Харькову, армиям фронта потребовалась оперативная пауза для подтягивания артиллерии. Допущенная задержка благоприятствовала немцам, использовавшим это время с целью организации обороны, перегруппировки сил, переброски резервов и подкреплений.

В полосе ВорФ отставание артиллерии не менее негативно сказалось на развитии операции, поскольку вырвавшиеся вперед войска 1-й танковой и 5-й гвардейской армий должны были отражать контрудар немецких танковых дивизий на Богодуховском направлении без достаточной поддержки со стороны противотанковых артиллерийских частей и артиллерии усиления. 13 августа командование ВорФ приняло меры для подтягивания к месту вражеского прорыва резервов 6-й и 5-й гвардейских армий, а также основной части их армейской и дивизионной артиллерии. Однако, по мнению Г. Колтунова и Б. Соловьева [136 - Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 324–325.], затяжной, упорный характер борьбы по отражению контрудара танковых дивизий противника на Богодуховском направлении был в значительной степени обусловлен именно тем, что с выдвижением танковых армий ВорФ в глубину вражеской обороны взаимодействие между ними и артиллерией общевойсковых армий нарушилось, так как вместе с пехотой общевойсковых армий отставала и их артиллерия. Вследствие этого танковые армии вынуждены были в течение нескольких дней действовать самостоятельно и понесли излишние потери в танках, противотанковой артиллерии, в личном составе. При отражении контрудара противника в боевых порядках 1-й и 5-й гвардейской танковых армий было мало артиллерии крупного калибра, способной своим огнем поражать танки противника на дальнем расстоянии. Это привело к тому, что в первые дни тяжелые немецкие танки имели возможность, подойдя к переднему краю обороны на 2,5–3 км, вести огонь прямой наводкой по танкам и противотанковым орудиям, оставаясь недосягаемыми для их пушек, имевших меньшую дальность прямого выстрела. В связи с этим большую роль в отражении ударов танковых дивизий врага сыграла полевая реактивная артиллерия, накрывавшая своими залпами районы сосредоточения немецких танков.

С другой стороны, в Белгородско-Харьковской наступательной операции обращает на себя внимание крайне низкий в целом уровень безвозвратных потерь советской стороны по артиллерии, относительно общей величины задействованной в сражении артиллерийской группировки, – около 1,8 процента (423 из 23,3 тыс. орудий и минометов). В Курской оборонительной операции данная величина составляла свыше 14,5

процента (3,93 из 27 тыс. орудий и минометов), а в Орловской наступательной операции – приблизительно 3 процента (892 из 29,9 тыс. орудий и минометов). При этом потери артиллерии советских войск за весь 1943 год составили 10,6 процента от общего количества орудий и минометов, находившихся в течение года на вооружении действующей армии (с учетом реактивной артиллерии) [1137 - См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 474.]. По-видимому, благодаря отставанию артиллерийских частей снижались и потери артиллерийских средств.

Относительно действий авиации советские ВВС добились основных результатов своей боевой работы в начале операции, то есть тогда, когда им практически не препятствовал противник. Так, за время с 3 по 8 августа советские 2, 5 и 17-я воздушные армии произвели свыше 13 тыс. самолето-вылетов (в среднем более 2 тыс. самолето-вылетов в день), из которых до 8 тыс. самолето-вылетов было осуществлено с целью уничтожения живой силы и техники противника на поле боя в интересах наземных войск [1138 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 311–312.]. При этом 5-я ВА совершила 4924 самолето-вылета в первые четыре дня сражения, что составило около 33,6 процента от общего количества вылетов за 21 день операции [1139 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 362.].

При этом, по мнению В. Горбача [1140 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 399–400, 449.], несмотря на опыт, полученный в ходе Орловской наступательной операции, командованию советских ВВС не удалось решить задачу по изоляции района наступления 1-й и 5-й гвардейской танковых армий от притока вражеских резервов и подкреплений. Удары по вражеским коммуникациям, организованные с 4 августа частями и соединениями 17-й ВА, чтобы воспрепятствовать переброске войск противника из состава немецких 1-й танковой и 6-й армий, оказались малоэффективными вследствие недостаточности задействованных сил. Действия советской авиации по коммуникациям ГА «Юг» стали более или менее планомерными только в тот момент, когда немецкие танковые дивизии уже вышли из Донбасса и с Изюм-Барвенковского направления в район северо-западнее Харькова, образовав там новую линию обороны. После этого дальнейшее развитие боевых действий на Богодуховском направлении было отмечено активизацией боевой работы германской авиации, обеспечивавшей ежедневно в среднем около 1 тыс. самолето-вылетов. Одновременно германское командование усилило истребительную авиацию в районе Богодухова, что позволило немцам завладеть здесь инициативой в воздухе и усилиями летчиков-экспертов практически лишить боеспособности советский 10-й иак. Со своей стороны в период кризиса под Богодуховом командование ВорФ и 2-й ВА расплыло свои силы, стремясь обеспечить развитие наступления по разным направлениям, хотя имеющихся возможностей для этого явно не хватало в связи с относительно небольшим боевым составом 2-й ВА. В течение семи суток, когда происходило отражение контрудара немцев на Богодухов, 2-я ВА произвела 3722 самолето-вылета, из которых в районе вражеского контрудара всего 1340, поскольку значительная часть усилий воздушной армии была направлена на выполнение другой задачи – поддержку наступления 40-й и 27-й армий и срыв сосредоточения группировки противника на Ахтырском направлении [1141 - См.: Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Указ. соч. С. 325.].

Всего с 3 по 25 августа 2-я ВА обеспечила 15 027 самолето-вылетов (в том числе более половины – 8744 – было выполнено по боевым порядкам войск противника, а 3156 и 2570 соответственно – на прикрытие наземных войск и ударной авиации); 5-я ВА с 3 по 23 августа организовала 12 172 самолето-вылета [1142 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 447, 496.]. Таким образом, в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции советская фронтовая авиация совершила около 27 тыс. самолето-вылетов. В этот же период германская авиация 4-го ВФ совершила примерно 20 тыс. самолето-вылетов в полосе боевых действий немецкой 4-й ТА и оперативной группы «Кемпф» (8-й полевой А). Однако, несмотря на превосходство по числу самолето-вылетов за счет большего количества машин, эффективность боевой работы советской авиации оставалась на низком уровне.

С точки зрения В. Горбача [1143 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 449–450.], в операции «Полководец Румянцев» ситуация для советской авиации постепенно изменялась к худшему аналогично развитию обстановки в ходе сражений на других фронтах – 4-й ВФ немцев получил значительное усиление группами истребителей и бомбардировщиков, что позволило германскому командованию активно вести борьбу в воздухе и наносить сосредоточенные удары по войскам Степного и Воронежского фронтов. Согласно отчету, подготовленному командованием 1-й ТА ВорФ [1144 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 449.], на всем протяжении операции исключительно плохо работала авиация взаимодействия: истребительная авиация, как правило, по вызову являлась с большим опозданием, а если появлялась на поле боя в период нахождения там авиации противника, то в большинстве случаев от боя уклонялась; прикрытие осуществлялось главным образом не частей переднего края, а глубины, тогда как противник основной удар бомбардировщиками наносил по передовым частям; прибытие штурмовиков по времени совершенно не соответствовало темпам наступления подвижных соединений – возможность появления штурмовиков над полем боя как минимум через полтора часа после подачи заявки часто заставляла отказаться от нее, так как за это время обстановка могла резко измениться и тогда штурмовики могли бить по своим войскам, что они на протяжении операции неоднократно и делали. Кроме того, начиная с 12 августа, когда ГА «Юг» перешла к активным действиям в районе Богодухова, значительно активизировались действия немецкой истребительной авиации, нанесшей в ходе боев 12–16 августа тяжелые потери истребителям 2-й ВА. Организация и тактика боевых действий истребительных частей советских ВВС требовали улучшения, а практика воздушных боев показала, что летная и огневая подготовка большей части советских пилотов недостаточны для успешного противоборства с немцами.

В отношении использования пехоты и бронетанковых сил в наступательных операциях Курской битвы в исследовании ГШ Красной армии было отмечено [1145 - См.: Битва под Курском: От обороны к наступлению. С. 539–540.], что в ходе Орловской операции общевойсковым соединениям зачастую не удавалось прорвать неприятельскую оборону или пехота не всегда могла самостоятельно довести прорыв до полного завершения. Тогда танковые войска при вводе их в прорыв получали задачу действовать совместно с общевойсковыми соединениями – «допрорывать» вражескую оборонительную полосу либо должны были самостоятельно совершить прорыв сильных неприятельских оборонительных рубежей. В большинстве случаев такое использование танковых

соединений не давало ожидаемого эффекта и лишь приводило к большим и неоправданным потерям, лишая советские войска мощного средства для развития успеха в оперативной глубине вражеской обороны. Вместе с тем в ходе Белгородско-Харьковской операции, когда танковые соединения, действуя в отрыве от главных сил, встречали оборонительные рубежи, которые в силу тех или иных обстоятельств не могли быть обойдены, но и не представляли собой заблаговременно подготовленной и занятой войсками полосы, решение задачи прорыва их собственными силами себя оправдывало.

Иначе говоря, если сформулировать более определенно, в ходе операции «Полководец Румянцев» советские бронетанковые объединения сравнительно легко самостоятельно прорывали рубежи в глубине обороны противника, поскольку они практически не были заняты немецкими войсками. Это стало возможным благодаря быстрому прорыву тактической зоны обороны немцев, отсутствию развитой системы заблаговременно подготовленных промежуточных и отсечных рубежей в глубине, а также отсутствию оперативных резервов в распоряжении германского командования в начале сражения. При таких благоприятных условиях советские танки добились столь высоких темпов продвижения, что опередили отступление немецких войск с главной полосы обороны, не позволив им занять даже имевшиеся промежуточные и тыловой рубежи.

Однако при столкновении с выдвинувшимися на Богодуховское направление эсэсовскими танковыми дивизиями, советские танковые и механизированные корпуса вновь, как и в ходе Курской оборонительной операции, потерпели поражение во встречном бою, вследствие чего были вынуждены переходить к позиционной обороне, окапывая боевую технику и действуя из засад. На Ахтырском направлении танковые соединения стали выполнять функцию непосредственной поддержки пехоты, так что основную тяжесть боев выдержали стрелковые соединения, хотя здесь были введены в бой основные силы 1-й ТА и 3-й гв. тк. На обоих направлениях немцы не имели существенного превосходства над противником по количеству и качеству бронетехники.

По мнению маршала Бабаджаняна [1146 - Бабаджанян А. Х. Указ. соч. С. 128.], во время встречного сражения 11–21 августа в районе Богодухова и Ахтырки маневр советских подвижных войск резко ограничивался – при слабом авиационном обеспечении, когда пехота и артиллерия общевойсковых армий несвоевременно выдвигались в районы встречных сражений танковых войск, танковые армии вынуждены были нести основное бремя борьбы с крупными силами врага и оказывались скованными, не могли в должной мере использовать свои маневренные возможности.

Как видно, взаимодействие между родами войск Красной армии было так же плохо организовано советским командованием в Белгородско-Харьковской наступательной операции, как и в ходе сражения на Орловском плацдарме. В связи с этим генерал Раус отмечает, что наступление 5-й гв. ТА на Харьков было очень слабо поддержано действиями стрелковых соединений и артиллерии, а советская авиация вообще не участвовала в этих боях, поэтому данное наступление можно расценивать как неподготовленную операцию [1147 - Раус Э. Указ. соч. С. 354–355.]. В свою очередь, штаб 5-й гв. ТА объясняет высокие потери войск армии, а также сравнительно низкий темп их продвижения в ходе операции – 9,4 км в сутки, прежде всего решениями фронтового

командования, которое ставило перед соединениями противоречащие друг другу задачи и резко меняло направление действий в зависимости от положения на соседних участках фронта [1148 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 25–26.].

В качестве общих недостатков использования бронетанковых объединений при проведении Белгородско-Харьковской наступательной операции штаб 5-й гв. ТА указывает следующее [1149 - ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 62–66.]:

- 1) нереальность оперативных задач по темпам и глубине;
- 2) недостаточная подготовка к возобновлению наступления по ходу операции;
- 3) неудовлетворительная организация взаимодействия между бронетанковыми и общевойсковыми оперативными объединениями;
- 4) распыление сил бронетанковых объединений для решения задач на разных участках и направлениях.

Отсюда неудивительно, что безвозвратные потери бронетехники в операции «Полководец Румянцев» оказались очень велики – среднесуточные потери боевых машин (89 танков и САУ) сравнимы только с потерями в некоторых операциях первого периода войны с 22 июня 1941 года по 18 ноября 1942 года (от 90 до 292 танков и САУ), а также с уроном, понесенным в Курской оборонительной (85 танков и САУ) и Берлинской наступательной (87 танков и САУ) операциях [1150 - См.: Россия и СССР в войнах XX века. С. 484–487.].

По свидетельству Амазаспа Бабаджаняна [1151 - Бабаджанян А. Х. Указ. соч. С. 122–123.], к окончанию операции 1-я ТА исчерпала свои возможности, и в ней осталось столь незначительное количество танков, что далее оставлять ее в боях не имело смысла, поэтому в конце августа она была выведена в резерв, хотя механизированные бригады еще некоторое время продолжали действовать в составе 4-й гвардейской общевойсковой армии. 5-я гв. ТА находилась в аналогичном состоянии, поэтому командование армии было вынуждено свести все оставшиеся боеготовыми танки в механизированный корпус, выделенный для продолжения боевых действий.

Согласно различным источникам [1152 - См.: Горбач В. Указ. соч. С. 445; Катуков М. Е. Указ. соч. С. 574; Соотношение сил и потерь в Курской битве. Приложение 3 // Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 361; Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. С. 419; ЦАМО РФ. Ф. 332. Оп. 4948. Д. 34. Л. 61–62, 72.], за время с 3 по 31 августа 1943 года общие потери 5-й гв. ТА составили от 434 до 445 танков и САУ (в том числе 361 танк типа Т-34), из которых 324–345 машин было уничтожено, а 100–110 – подбито; общие потери 1-й ТА – 1409 танков и САУ (в том числе 889 танков типа Т-34), из которых 288 машин было уничтожено, а 417 – подбито (соответственно, утверждается, что только 705 или 706 машин было потеряно из-за боевых повреждений, в том числе 646 танков типа Т-34, тогда как остальные вышли из строя в результате технических неполадок или застревания, хотя в реальности

большинство застрявших машин в условиях боя повреждались или уничтожались огнем противника).

Рассматривая действия отдельных бронетанковых и механизированных объединений Красной армии в ходе Белгородско-Харьковской наступательной операции, в качестве примера можно привести 1-й мк, находившийся в распоряжении 53-й А СтепФ с начала операции. Согласно отчету штаба 1-го мк [1153 - ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 100. Л. 74, 83.], в период с 3 по 23 августа 1943 года корпус потерял 6648 солдат и офицеров убитыми и ранеными, 122 танка было уничтожено (из них 97 типа Т-34), 294 боевые машины подбито (из них 248 танков Т-34, при этом 199 танков эвакуировано с поля боя, в том числе 165 танков типа Т-34), безвозвратно утрачено 44 орудия и 82 миномета, 12 бронемашин и 5 бронетранспортеров, 99 автомашин.

С другой стороны, благодаря тому, что немцы отступали, поле боя оставалось за советской стороной, что предоставляло возможность ремонтировать подбитые, но не уничтоженные боевые машины. В связи с этим за время проведения Белгородско-Харьковской наступательной операции средствами 1-й ТА и ее соединений было отремонтировано 657 танков (в среднем по 20–25 машин ежедневно), что и позволяло поддерживать боеспособность танковой армии в условиях высоких потерь (около 50 боевых машин ежедневно) [1154 - См.: Бабаджанян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Указ. соч. С. 92.]. Как показывают эти данные, по-видимому, большая часть указанных выше небоевых потерь 1-й ТА в действительности представляет собой подбитые, но отремонтированные машины. Например, личный состав подвижных ремонтных мастерских 6-го тк 1-й ТА восстановил 134 танка, что составляло значительно более половины первоначальной численности боевых машин в корпусе [1155 - См.: Гетман А. Л. Указ. соч. С. 121.].

В результате германским солдатам приходилось повторно бороться с теми же танками и САУ, которые они уже однажды вывели из строя, рискуя своей жизнью. При такой ситуации вследствие сопряженных с отступлением потерь материальной части артиллерии неминуемо возрастали и потери личного состава германских войск. Неэквивалентный размен советских танков на немецких солдат неуклонно вел германскую армию к поражению на Восточном фронте и военной катастрофе.

Заключение

Подведение итогов наступательных операций Красной армии в Курской битве позволяет сопоставить не только эффективность действий советских фронтов, но также 2-й танковой и 9-й полевой армий группы армий «Центр» и 4-й танковой и 8-й полевой армий группы армий «Юг» при обороне Орловского и Белгородско-Харьковского плацдармов. В абсолютном измерении потери советских войск Западного, Брянского и Центрального фронтов по личному составу, артиллерии, бронетехнике и авиации в 1,4–2,1 раза превосходят аналогичные потери Воронежского и Степного фронтов. С другой стороны, потери двух немецких армий группы армий «Юг» по личному составу, артиллерии и авиации, понесенные в течение 21 дня боев за Белгородско-Харьковский плацдарм, оказались в 1,5–1,8 раза меньше, чем потери двух армий группы армий «Центр» за 38 дней

сражения на Орловском выступе. Причем группировка войск 2-й танковой и 9-й немецких армий на Орловском плацдарме примерно во столько же превосходила по численности и вооруженности группировку 4-й танковой и 8-й армий, а советское наступление на Белгородско-Харьковском направлении осуществлялось в 1,3–1,9 раза меньшими средствами артиллерии, бронетехники и авиации, чем на Орловском направлении.

Таким образом, причиненные противнику и собственные потери в обоих случаях фактически пропорциональны продолжительности сражения и количеству вовлеченных в него сил и средств. Это показывает, что ход и исход сражений в основном определяли самые простые количественные закономерности соотношения сил противоборствующих сторон, но отнюдь не качество методов и приемов военного искусства противников.

Вместе с тем число утраченной ГА «Юг» бронетехники почти в 2 раза превосходит потери в группе армий «Центр» – в среднем около 19 танков и САУ в день против 10 боевых машин. Это свидетельствует, что если на Орловском плацдарме немцы оборонялись за счет активного использования пехоты и артиллерии, то на Белгородско-Харьковском направлении германское командование опиралось на широкое применение бронетанковых частей и соединений.

В то же время, учитывая переброску войск и прибытие резервов, потери в боях на Орловском плацдарме понесли 45 соединений, которые принимали основное участие в сражении, – 33 пехотные, 8 танковых и 4 моторизованные дивизии. В боях на Белгородско-Харьковском плацдарме основные потери пришлось на 29 соединений – 18 пехотных, 8 танковых, 2 моторизованные и 1 кавалерийскую дивизии. Следовательно, средние безвозвратные и санитарные потери в дивизиях ГА «Юг» составили приблизительно по 1650 солдат и офицеров, тогда как группы армий «Центр» – около 2000 военнослужащих. Соответственно, в среднем соединения ГА «Центр» вышли из сражения более ослабленными, чем дивизии группы армий «Юг». Причем следует учитывать, что большая часть из этих потерь приходится на боевой состав германских войск. Принимая во внимание укомплектованность соединений, относительный уровень потерь достигает более 30 процентов боевого состава, или столько же, сколько ударные немецкие дивизии потеряли в ходе проведения операции «Цитадель».

В действительности потери распределялись между немецкими дивизиями неравномерно – в 4-й танковой и 8-й полевой армиях основной урон понесли соединения, задействованные в боях с самого начала сражения за Белгород и Харьков и с начала Курской битвы в целом. Так, например, в соединениях 4-й ТА генерала Гота к 23 августа насчитывалось: в 255-й пд генерала Поппе – 3336 военнослужащих боевого состава; в 57-й пд генерала Фреттер-Пико – 1791; в 332-й пд генерала Шефера – 342; в 11-й тд генерала Витерсгейма – 820 солдат и офицеров и 19 боеготовых танков и САУ; в 19-й тд генерала Келлнера – 720 солдат и офицеров и 7 боеготовых танков [1156 - См.: Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны. С. 264.].

В соединениях 8-й полевой армии генерала Велера к 25 августа насчитывалось: в 106-й пд генерала Форста – 2572 военнослужащих боевого состава; в 167-й пд генерала Триренберга – 476; в 168-й пд генерала д'Болье – 569; в 198-й пд генерала Хорна – 1591; в

320-й пд генерала Постеля – 1515; в 3-й тд генерала Вестховена – 2135 солдат и офицеров боевого состава и 30 боеготовых танков [1157 - См.: Ньютон С. Курская битва: немецкий взгляд. С. 373–374, 377.]. Все указанные дивизии участвовали в Курской битве практически с начала проведения операции «Цитадель», так что их общие потери за время с 4 июля по 25 августа, когда они постоянно или временно входили в состав 11-го ак генерала Рауса, составили более 35 тыс. солдат и офицеров – в среднем немногим менее 6 тыс. для каждой из дивизий, тогда как на пополнение всех соединений корпуса за этот же период поступило всего около 7,7 тыс. человек [1158 - См. там же. С. 377.].

Подводя итоги боевых действий в августе – сентябре 1943 года, Манштейн называет отступление ГА «Юг» за Днепр исключительным достижением германской стороны, тогда как командование противника не сумело использовать свое численное превосходство и благоприятную обстановку, которую создавало стягивание немецких войск к переправам, чтобы быстро форсировать Днепр крупными силами в стороне от переправ и тем самым не допустить организации обороны на западном берегу реки [1159 - Манштейн Э. Указ. соч. С. 573, 574.]. С одной стороны, это действительно так, однако вытеснение немцев с территории Левобережной Украины заняло у Красной армии всего два с половиной месяца, что не позволило германскому командованию создать сильные оборонительные позиции по берегу Днепра. Соответственно, советское командование воспользовалось выгодной возможностью быстро захватить ряд плацдармов на правом берегу реки и немедленно начать подготовку к форсированию Днепра на широком фронте. Отсюда говорить об организации обороны ГА «Юг» на линии Днепра можно только весьма условно и с большими оговорками. В итоге поражения в боях за Харьков немцам не удалось замедлить развитие операций Красной армии и успеть подготовить действительно сильную оборону с использованием такой значительной водной преграды, которая предоставляла все возможности сдерживать противника до наступления зимы. Поэтому ГА «Юг» не получила никакой, даже самой кратковременной, оперативной паузы, за счет которой возможно было реорганизовать войска и пополнить их личным составом и боевой техникой, поскольку пополнение являлось совершенно необходимым условием дальнейшего противоборства с русскими. К 30 сентября 1943 года боевой состав пехотных дивизий первого эшелона группы армий «Юг», сосредоточенных для обороны Днепроовского рубежа, насчитывал в среднем около 1 тыс. солдат и офицеров в каждом соединении [1160 - См.: Манштейн Э. Указ. соч. С. 574, 576.], что и предопределило успехи Красной армии при форсировании Днепра и последующем наступлении в Правобережной Украине.

В связи с этим гораздо более значимым для военной истории является вопрос не столько о количественной и качественной оценке результатов самой Курской битвы, сколько анализ влияния этой битвы и ее итогов на развитие военных действий осенью, зимой и весной 1943–1944 годов, накануне решительного поражения германской армии на Востоке. Рассмотрение данного вопроса требует отдельного военно-аналитического исследования и отдельной работы.

Сокращенные наименования и обозначения

А – армия ак – армейский корпус (нем.)

Акп – артиллерийский корпус прорыва авиа – авиационный(ая) авиадивизия – авиационная дивизия авиакорпус – авиационный корпус авиаполк – авиационный полк арт – артиллерийский(ая) артбригада – артиллерийская бригада артдивизия – артиллерийская дивизия арткорпус – артиллерийский корпус артполк – артиллерийский полк бак – бомбардировочный авиационный корпус б-н – батальон.

БрФ – Брянский фронт

ВА – воздушная армия

ВВС – военно-воздушные силы

ВФ – воздушный флот (нем.)

ВорФ – Воронежский фронт

ГА – группа армий (нем.)

гв. – гвардейские части, соединения и объединения советских войск гп – гренадерский полк (нем.)

ГШ – Генеральный штаб

ЗапФ – Западный фронт иак – истребительный авиационный корпус иптабр – истребительно-противотанковая артиллерийская бригада иптап – истребительно-противотанковый артиллерийский полк кав – кавалерийский(ая) кд – кавалерийская дивизия кк – кавалерийский корпус мд, мотодивизия – моторизованная дивизия (нем.)

мбр, мехбригада – механизированная бригада мк, мехкорпус – механизированный корпус минбр, минбригада – минометная бригада миндивизия – минометная дивизия минполк – минометный полк мсбр – мотострелковая бригада

ПВО – противовоздушная оборона пгп – панцер-гренадерский полк (нем.)

пд – пехотная дивизия (нем.)

РГК – резерв Главного командования сап – самоходно-артиллерийский полк

СУ, САУ – самоходная установка, самоходная артиллерийская установка сд – стрелковая дивизия ск – стрелковый корпус

СтепФ – Степной фронт сп – стрелковый полк

ТА – танковая армия тбр – танковая бригада тд – танковая дивизия (нем.)

тк – танковый корпус тпп – танковый полк прорыва тп – танковый полк

ЦФ – Центральный фронт шак – штурмовой авиационный корпус

ЮЗФ – Юго-Западный фронт

ЮФ – Южный фронт

Список литературы

Айнутдинов С. Х. В памяти и в сердце. Екатеринбург: ГИПП «Уральский рабочий», 2000. 432 с.

Бабаджян А. Х. Дороги победы. 2-е изд. М.: Молодая гвардия, 1975. 288 с.

Бабаджян А. Х., Попель Н. К., Шалин М. А., Кравченко И. М. Люки открыли в Берлине. Боевой путь 1-й гвардейской танковой армии. М.: Воениздат, 1973. 358 с.

Баграмян И. Х. Так шли мы к победе. М.: Воениздат, 1977. 608 с.

Бакланов Г. В. Ветер военных лет. М.: Воениздат, 1977. 288 с.

Баронов О. М. Балатонская оборонительная операция. М.: ООО Издательский центр «Экспринт», 2001. 112 с.

Батов П. И. В походах и боях. 3-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1974. 527, [1] с.

Беккер К. Военные дневники люфтваффе. Хроника боевых действий германских ВВС во Второй мировой войне / Пер. с англ. А. С. Цыпленкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2004. 540 с.

Бирюков Н. И. Трудная наука побеждать / Лит. редакция Н. С. Винокурова. М.: Воениздат, 1968. 272 с.

Битва под Курском. Краткий очерк. Из опыта боев Отечественной войны. Военно-исторический отдел Генерального штаба Красной армии. М.: Военное издательство Народного комиссариата обороны, 1945. 96 с.

Битва под Курском: От обороны к наступлению. М.: АСТ: Хранитель, 2006. 826, [6] с.

Брусиллов А. А. Мои воспоминания: Воспоминания. Мемуары. Мн.: Харвест, 2002. 432 с.

Бухнер А. 1944. Крах на Восточном фронте / Пер. с нем. С. Липатова. М.: Эксмо, 2006. 416 с.

Василевский А. М. Дело всей жизни. 5-е изд. М.: Воениздат, 1984. 496 с.

Варлимонт В. В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала / Пер. с англ. И. А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 575 с.

Великая Отечественная война 1941–1945: Энциклопедия / Гл. ред. М. М. Козлов. Редколлегия: Ю. Я. Барабаш, П. А. Жилин (зам. гл. ред.), В. И. Канатов (отв. секретарь) и др. М.: Советская энциклопедия, 1985. 832 с.

Великая Отечественная: Командармы. Военный биографический словарь. М.; Жуковский: Кучково поле, 2005. 408 с.

Великая Отечественная: Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 1. М.; Жуковский: Кучково поле, 2006. 672 с.

Веревкин С. Вторая мировая война: вырванные страницы. М.: Яуза, 2006. 416 с.

Вовченко И. А. Танкисты. М.: ДОСААФ, 1976. 254 с.

Вязанкин И. А. За строкой боевого донесения. М.: Воениздат, 1978. 256 с.

Гетман А. Л. Танки идут на Берлин. 2-е изд., испр. и доп. М.: Воениздат, 1982. 336 с.

Горбатов А. В. Годы и войны / Послесл. А. М. Василевского. 2-е изд. М.: Воениздат, 1989. 366 с.

Горбач В. Над огненной дугой. Советская авиация в Курской битве. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 512 с.

Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с нем. Ростов н/Д.: Феникс, 1998. 544 с.

Добровольцы Урала: очерки, воспоминания. 2-е изд. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1980. 240 с.

Дробязко С. И. Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М.: Эксмо, 2004. 608 с.

Дроговоз И. Г. Танковый меч Страны Советов / Под ред. А. Е. Тараса. М.: АСТ; Мн.: Харвест, 2003. 480 с.

Дююи Р. Д., Дююи Т. Н. Харперская энциклопедия военной истории. Всемирная история войн. Книга четвертая. М.: Полигон, 1997. 1120 с.

Егоров П. Я., Кривоборский И. В., Ивлев И. К., Рогалевич А. И. Дорогами побед (Боевой путь 5-й гвардейской танковой армии). М.: Воениздат, 1969. 352 с.

Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: Издательство Агентство печати Новости, 1971. 704 с.

Зайцев В. И. Гвардейская танковая. Свердловск: Средне-Уральское кн. изд-во, 1989. 192 с.

Залесский К. Вермахт. М.: Эксмо; Яуза, 2005. 656 с.

Залесский К. Железный крест. Самая известная военная награда Второй мировой войны. М.: Яуза-пресс, 2007. 784 с.

Замулин В. Н. Прохоровка – неизвестное сражение великой войны. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 734, [2] с.

Зефилов М. В. Штурмовая авиация люфтваффе. М.: АСТ, 2001. 480 с.

Золотарев В. А. Курская битва: взгляд через полвека // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 279–281.

Ивановский Е. Ф. Атаку начинали танкисты. М.: Воениздат, 1984. 254 с.

Исаев А. Антисуворов. Десять мифов Второй мировой. М.: Эксмо; Яуза, 2006. 416 с.

Исаев А. Георгий Жуков. Последний довод короля. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 480 с.

История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.: Т. 3. Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны (ноябрь 1942 г. – декабрь 1943 г.). М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1961. 664 с.

История военного искусства: Учебник для военных академий Советских Вооруженных сил / Б. В. Панов, В. Н. Киселев, И. И. Картавцев и др. М.: Воениздат, 1984. 535 с.

Кавалерия вермахта. 1939–1945 // Новый солдат. № 120.

Казаков В. И. Артиллерия, огонь! 2-е изд. М.: ДОСААФ, 1975. 239 с.

Казаков П. Д. Глубокий след. М.: Воениздат, 1982. 160 с.

Карель П. Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943–1944. М.: Изографус; Эксмо, 2003. 432 с.

Катуков М. Е. На острие главного удара. М.: АСТ; 2003. 592 с.

Кириченко П. Танковый авангард. На Т-34 от Сталинграда до Кенигсберга. М.: Яуза; Эксмо, 2009. 480 с.

Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. М.: Воениздат, 1970. 400 с.

Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943–1945. 2-е изд. М.: Воениздат, 1981. 559 с.

Кросс Р. Операция «Цитадель» / Пер. с англ. А. Марченко. Смоленск: Русич, 2006. 352 с.

Кузьмичев А. П. Советская гвардия. М.: Воениздат, 1969. 352 с.

Куровски Ф. «Штурмгешютце» в бою. Штурмовые орудия Третьего рейха / Пер. с англ. А. Шипилова. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 384 с.

Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны / Дэвид Гланц, Джонатан Хауз; пер. с англ. Н. П. Григорьева. М.: Астрель; АСТ, 2007. 508, [4] с.

Курская битва. Хроника, факты, люди: В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Кн. 1. 415 с.

Курская битва. Хроника, факты, люди: В 2 кн. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. Кн. 2. 383 с.

Лебединцев А. З., Мухин Ю. И. Отцы-командиры. М.: Яуза; Эксмо, 2004. 608 с.

Лелюшенко Д. Д. Москва – Сталинград – Берлин – Прага (записки командарма). 3-е изд. М.: Наука, 1975. 440 с.

Лобанов А. В. Артиллерия резерва Верховного главнокомандования в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2006. № 2.

Лопуховский Л. Прохоровка. Без грифа секретности. М.: Эксмо; Яуза, 2005. 624 с.

Манштейн Э. Утерянные победы / Сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999. 896 с.

Маркин И. И. Курская битва. Оперативно-тактический очерк. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1958. 296 с.

Меллентин Ф. В. Танковые сражения. Боевое применение танков во Второй мировой войне. СПб.: Полигон, 1998. 448 с.

Миддельдорф Э. Русская кампания: тактика и вооружение. СПб.: Полигон; М.: АСТ, 2000. 448 с.

Митчем С. Фельдмаршалы Гитлера и их битвы. Смоленск: Русич, 1998. 576 с.

Москаленко К. С. На Юго-Западном направлении. 1943–1945. Воспоминания командарма. Книга II. 2-е изд. М.: Наука, 1973. 656 с.

Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945 гг. М.: Изографус; Эксмо, 2002. 800 с.

На огненной дуге. М.: Воениздат, 1963. 376 с.

Науменко Ю. А. Шагай, пехота! М.: Воениздат, 1989. 270 с.

Ньютон Стивен Х. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 576 с.

Ньютон С. «Пожарник» Гитлера – фельдмаршал Модель / Пер. с англ. М.: АСТ; Хранитель, 2007. 507, [5] с.

Огненная дуга. М.: Звонница-МГ, 2003. 672 с.

Панков Ф. Д. Огненные рубежи: боевой путь 50-й армии в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1984. 248 с.

Подлинная история люфтваффе. Взлет и падение детища Геринга / Пер. с англ. П. Смирнова. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 608 с.

Попель Н. К. Танки повернули на запад. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2001. 480 с.

Попов И. Г. Батальоны идут на запад. 2-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та, 1985. 288 с.

Прорыв подготовленной обороны стрелковыми соединениями (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.): Сборник статей. М.: Воениздат, 1957. 376 с.

Радзиевский А. И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977. 272 с.

Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте / Пер. с англ. А. Больных. М.: АСТ, 2005. 523, [5] с.

Рендулич Л. Управление войсками / Сокращенный пер. с нем. Л. П. Артемова и Ю. А. Сазонова. Предисл. доктора исторических наук профессора И. И. Семиряги. М.: Воениздат, 1974. 200 с.

Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1968. 384 с.

Росадо Х., Бишоп К. Танковые дивизии вермахта 1939–1945: Краткий справочник-определитель бронетехники / Пер. С. Дробязко. М.: Эксмо, 2006. 184 с.

Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. 608 с.: ил. (Архив).

Ротмистров П. А. Стальная гвардия. М.: Воениздат, 1984. 272 с.

Русская артиллерия. От Московской Руси до наших дней / Сост. С. Н. Ионин. М.: Вече, 2006. 416 с.

Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999. 368 с.

Сеveryгов С. Н. Так это было... Записки кавалериста (1941–1945). М.: Воениздат, 1957. 352 с.

Смирнов А. Боевая работа советской и немецкой авиации в Великой Отечественной войне. М.: АСТ; Транзиткнига, 2006. 574, [2] с.

- Советские военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1968. 452 с.
- Советский Союз в годы Великой Отечественной войны 1941–1945. М.: Наука, 1978. 728 с.
- Советские танковые войска 1941–1945. М.: Воениздат, 1973. 334 с.
- Соколов Б. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Мн.: Родіола-плюс, 2000. 608 с.
- Соколов Б. В. Тайны Второй мировой. М.: Вече, 2000. 480 с.
- Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 5-е изд. М.: Государственное издательство политической литературы, 1950. 208 с.
- Тактика в боевых примерах (дивизия) / И. С. Лютов, Е. З. Матий, В. С. Прохоров. Под ред. А. И. Радзиевского. М.: Воениздат, 1976. 295 с.
- Теремов П. А. Плавающие берега. М.: Воениздат, 1965. 360 с.
- Типпельскирх К. фон. История Второй мировой войны: 1939–1945 / Пер. с нем. М.: Полигон, 2001. 795 с.
- Тыл Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / Под ред. С. К. Куркоткина. М.: Воениздат, 1977. 559 с.
- Федюнинский И. И. Поднятые по тревоге. М.: Воениздат, 1961. 248 с.
- Хауссер П. Войска СС в бою. М.: Издатель Быстров, 2006. 320 с.
- Хаупт В. Сражения группы армий «Север». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 448 с.
- Хаупт В. Сражения группы армий «Центр». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 352 с.
- Хаупт В. Сражения группы армий «Юг». Взгляд офицера вермахта. М.: Яуза; Эксмо, 2006. 488 с.
- Шейн Д. В. Танки ведет Рыбалко. Боевой путь 3-й гвардейской танковой армии. М.: Яуза; Эксмо, 2007. 320 с.
- Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: Освобождение Европы: [сб.] М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 638, [2] с.
- Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 746, [6] с.

Якубовский И. И. Земля в огне. М.: Воениздат, 1975. 567 с.